Обзор русских сект и их толков протоиерей Тимофей Буткевич

Ваше Высокопреосвященство. Высокопреосвященнейший Владыко. Милостивейший Архипастырь и Отец!

Не я, а будущий историк Русской Церкви сделает правдивую оценку Ваших Архипастырских трудов и Ваших заслуг. Моя нравственная обязанность – на первой странице этой книги кратко отметить лишь то, что Вами сделано для православной миссии в ее борьбе с сектантскими лжеучениями.

Еще в молодых летах, вскоре после окончания курса в Киевской Духовной Академии и непродолжительного служения в самом Киеве, Вы были назначены на должность ректора новооткрытой Таврической духовной семинарии. Таврическая епархия издавна была гнездилищем всякого рода сектантов – хлыстов, скопцов, духоборов, молокан, менонитов, баптистов, штундистов и шалопутов. Вы справедливо усмотрели в миссионерской деятельности духовенства единственное средство для спасения чад Православной Церкви от совращения в омут сектантства. Ввиду этого, Вы первый ввели в своей семинарии образцовые практически-миссионерские собеседования и, таким образом, из своих питомцев подготовляли для епархии опытных тружеников-миссионеров.

В 1882 году Вы были возведены на высокий и ответственный пост ректора нашей духовной академии. То было тяжелое время, которое суждено было пережить нашему отечеству. Страшное событие 1-го марта не положило предела распространению безумных теорий запада, легкомысленному вольнодумству, неверию, явной враждебности Церкви Христовой. Яд религиозно-нравственного растления проник и в низшие слои общества. Здесь не место говорить о Ваших ректорских и епископских трудах вообще. Но я не могу не отметить того, что и в Петербурге дело православной миссии было для Вас столь же близким, как и в Симферополе. Среди студентов академии Вы возбудили дух церковности, и под Вашим влиянием многие из них, ради служения Православной

Церкви, отказывались от мирской свободной жизни, и уже в юношеских летах давали обет монашества. Мало этого. Вы ревностно внушали своим питомцам и любовь к непосредственной миссионерской деятельности. Как в Таврической семинарии, так и в стенах Петербургской духовной академии. Вы выясняли в своих речах и беседах высокое значение миссионерского служения Церкви Христовой; Вы устраивали для студентов образцовые миссионерские собеседования и принимали в них живое участие, лично и непосредственно руководя ими, а для ознакомления с практическими приемами и миссионерской методикой часто приглашали опытного и даровитого миссионера[1]... Добрые семена, посеянные Вами, не заглохли; они взошли и приносят плоды: и в настоящее время студенты С.-Петербургской духовной академии энергично борются с неверием, являются ревностными проповедниками веры и нравственности христианской в С.-Петербургских заводах, фабриках и мастерских

Первое самостоятельное епископское служение Ваше в Риге было миссионерским, по-преимуществу. Большинство населения рижской епархии – протестантское. Со стороны православного духовенства, Вы противопоставили ему благоговейное, уставное богослужение и усердное проповедание слова Божия. Но в Риге свел себе гнездо и другой враг Церкви Православной – фанатический раскол старообрядства. Сказалась нужда в миссионерской борьбе с ним. Но, не довольствуясь деятельностью миссии епархиальной, Вы вызывали в свою епархию издалека опытных и энергичных миссионеров[2], в самом кафедральном соборе устраивали публичные собеседования с раскольниками, сами открывали их, своими одушевленными речами принимали в них личное участие, выясняли наиболее трудные вопросы и непосредственно руководили всем делом миссионерской борьбы

Казань, по самому географическому положению своему, есть истинный центр нашей внешней и внутренней миссионерской деятельности. Населенная и язычниками, и

татарами-магометанами, и раскольниками, и разного рода сектантами, Казанская епархия всегда нуждалась в опытных и искусных руководителях миссии. Не трудно, поэтому, разгадать пути Божественного Промышления и ответить на вопрос: почему после смерти архиепископа Владимира, на кафедру славных святителей казанских Гурия, Варсонофия и Германа, этих приснопамятных проповедников веры Христовой среди мусульманских татар, были назначены именно Вы, как опытный и испытанный руководитель православного миссионерства?

С большим прискорбием я должен сказать, что не для отдыха и покоя взошли Вы и на харьковскую кафедру. Она потребовала от Вас трудов тяжелых и постоянных. Харьковская епархия справедливо называлась долгое время «Украиною». Как на окраине России, в ней легко зарождались и распространялись самые разнообразные и самые враждебные Православию лжеучения. И язычество печенегов, и магометанство татар, и католичество поляков, воодушевленных иезуитами, и протестантство немецких колонистов, и раскол великороссийского старообрядства и полуязыческое-полухристианское сектантство, – все здесь находило для себя приют и свободу. Правда, казаки любили православную веру, были преданы ей и нередко проливали за нее свою кровь. Но их потомки, вследствие неблагоприятных исторических и бытовых условий жизни, не были достаточно утверждены ни в догматах православной веры, ни в обрядах православной церкви, а потому и легко были увлекаемы всякими сектантскими лжеучениями. Я затруднился бы сказать, какого, враждебного вере Христовой, лжеучения нет в Харьковской епархии. Здесь есть и раскольники разных толков, и хлысты, и скопцы, и духоборы, и молокане, и адвентисты, и жидовствующие субботники, и ииеговисты…

При этом, нужно принять еще во внимание отличительный характер населения: малоросс в своих религиозных заблуждениях так же прямолинеен и упрям, как и в своей жизни: а потому, бороться с ним миссионеру чрезвычайно трудно. Такое безотрадное религиозно-нравственное состояние народа не могло не привлечь к себе Вашего особенного внимания и

Ваших Архипастырских попечений. Вы направили свои заботы на надлежащую постановку в семинарии преподавания науки, служащей к обличению лжи расколо-сектантства, реформировали деятельность Совета по миссионерским делам епархии, кроме епархиального миссионера, учредили должности районных и уездных миссионеров, улучшили их материальное содержание и приняли на себя непосредственное руководительство их деятельностью. Этого мало. По Вашему справедливому утверждению, деятельность православной миссии не может быть ограничиваема только некоторыми лицами (миссионерами); «каждый священник, – говорили Вы,– должен быть миссионером в своем приходе». С этой целью, Вы неоднократно лично устраивали миссионерские собеседования с епархиальным духовенством или таковые были ведены в Вашем присутствии и под Вашим непосредственным руководством епархиальным миссионером. Такую же цель преследуют и назначаемые Вами ежегодно миссионерские съезды духовенства в благочиннических округах. Вы настойчиво убеждаете духовенство самообразованием достигать того, чего не дала ему школа. С этой целью, Вами рекомендуются ему различные противосектантские руководства и периодические издания.

Вам, Высокопреосвященнейший Владыко, обязана своим появлением в свет и настоящая книга. Она написана не только по особому Вашему желанию, но и по указанному Вами плану. Я рад, если мне удалось, хотя в незначительной степени, исполнить то, чего Вы были вправе от меня требовать. Недостающее, да восполнит сила Божия. Цель моего труда – слава Божия в обращении заблудших. Прошу для него Вашего Архипастырского благословения.

С беспредельным почтением и совершенной преданностью, честь имею быть,

Вашего Высокопреосвященства Милостивейшего моего Архипастыря и Отца нижайший послушник, Протоиерей Тимофей Буткевич.

1-го октября 1909 г. Харьков.

Обзор русских сект и их толков

Введение[3]

1. Понятие о секте. Для обозначения лиц, по той или другой причине, отделившихся от единения и союза с Православной Кафолической Церковью, и их лжеучения в православной богословской науке, существует три термина: *ересь, раскол и секта.*

Ересью называется, осужденное Церковью лжеучение, искажающее те или другие основные христианские догматы; таковы ереси: Ария, Македония, Нестория, Евтихия, жидовствующих и др.

Расколом называется, так же осужденное Церковью, самочинное отделение от нее не из-за догматов, а по каким-либо внешним побуждениям, вследствие, напр., сознательного извращения церковных обрядов или упорного отрицания церковной дисциплины; таковы расколы: Таковы расколы: донатистов, стригольников или мнимого старообрядчества.

Труднее определить: что такое *секта*? Ни в книгах Св. Писания, ни в святоотеческих творениях, как первых трех веков, так и в период вселенских соборов, слово «секта» не встречается. Св. Василий Великий (пр. 1-е) знает три вида отпадений от союза с Православной Церковью, но называет их ересью, расколом и самочинным сборищем. Под последним он разумеет, однако же, не секту, а самовольные собрания, которые могут быть устрояемы непокорными пресвитерами, без разрешения их епархиального епископа, или епископами – без согласия от митрополита, или же «ненаученным народом». В Пространном Катехизисе Православной Восточной Кафолической Церкви говорится только о ереси и расколе; о секте же не упоминается.

«*Секта*» (Secta) – слово латинское, и у древних римских писателей (Цицерона, Плиния, Тацита и др.) оно было употребляемо для обозначения философского метода, правила, школы, учения, отделившихся от общепринятого мировоззрения, приемов, правил и господствовавшего философского учения. Кто не мыслил так, как мыслили все, того

и называли сектантом. В этом смысле и Плиний Младший говорит о «секте христиан», появившейся в его время среди иудеев. В средние века, в римско-католической богословской литературе слово это стала употреблять, как термин, для обозначения общин, отделившихся от союза с католической Церковью, вследствие искажения ее вероучения, т. е., для обозначения общин, несомненно, еретических, но которых учение еще формально не осуждено Церковью на соборе. В этом смысле, слово «секта» перенесено и к нам нашими южно-русскими богословами, получившими свое научное образование в католических школах.

2. Сущность и причины сектантства. Враждебные Православной Церкви писатели, как и неверующие интеллигенты, вообще, относясь с симпатиями к сектантству, смотрят на него, как на явление отрадное и прогрессивное, как на свободный порыв к свету, как на идеальное стремление к разумной христианской добродетели и устроению по ее началам частной, семейной и общественной жизни; а причины его происхождения полагают в том, что в наше культурное и просвещенное время уже нельзя, будто бы, находить удовлетворения возвышенным запросам духа и религиозного самосознания в Церкви, – учреждении средневекового византизма, застывшем уже давно в своем движении – отсталом, безжизненном, мертвом. Сектанты, по их мнению, люди передовые, мыслящие, бескорыстно ищущие правды жизни и желающие уяснить себе истинный смысл своего бытия, цель своего существования. Их религия есть, вместе с тем, и их философия, их народная поэзия. К удивлению, нужно сказать, что в последнее время встречаются даже церковные писатели, представители богословской науки в духовных академиях, которые признают русское сектантство «самородным, самобытным, самостоятельным выражением духовной жизни русского народа»[4], проявлением «живого, неподдельного, искреннего, переходящего в страстность чувства», «исканием формы для обнаружения порывов религиозного чувства», а причинами его происхождения называют «печально сложившиеся исторические обстоятельства»[5], «тяжелое

общественное положение нашего простолюдина», даже «недостаток свободы в жизни гражданской»[6], и, наконец, «неудовлетворительность форм которые предлагаются Православной Церковью»[7].

То, что наше сектантство не есть явление самобытное, самородное или самостоятельное в смысле произведения русского национального творческого гения, даже в смысле раскрытия русского народного самосознания, нет нужды доказывать. Штунда и баптизм, как свидетельствуют сами их названия, порождены немецким протестантством, пашковщина насаждена английским лордом Редстоком, адвентизм – американцем Вильямом Миллером, молоканство – квакерами, а толстовщина есть результат влияния пантеистической и материалистической западноевропейской философии. Но то же самое пантеистическое влияние язычествующей в христианстве мысли сказалось и в других видах русского сектантства: хлыстовстве, скопчестве, духоборчестве, иеговизме и др. В русском сектантстве все – чужое.

Но этого мало. Сектантское лжеучение вообще не может похвалиться богатством своего содержания. Видное место в нем занимают только отрицательные черты: нападки на учение и обряды Православной Церкви, отрицание св. предания, как источника богопознания, Церкви, как Божественного учреждения, священной иерархии, таинств, внешнего богопочитания, почитания Богоматери, ангелов и св. угодников Божиих, почитания св. мощей, молитв за умерших, значения добрых дел и христианских подвигов, постов, почитания честного креста, икон и т. п. Но и эта отрицательная сторона в сектантстве ничуть не оригинальна и не самостоятельна: она целиком заимствована из протестантства. Что протестанты, со времен Лютера, возражали католичеству, то теперь наши сектанты повторяют в отношении к Православной Церкви: перевод с немецкого сделан без всяких исправлений и дополнений. Что же касается положительного учения наших сектантов всех видов и наименований, то оно чрезвычайно скудно, неоригинально и настолько поверхностно, что сами сектанты не дерзают раскрывать его и опираться на него с

своих собеседованиях с православными миссионерами, благоразумно стараясь скрывать его от посторонней критики и предпочитая ограничиваться своими отрицаниями и нападками на учение и обряды Православной Церкви. После этого, говорить о сектантстве как о «самородном, самобытном и самостоятельном выражении духовной жизни русского народа» значит – не только не понимать или умалять, но и оскорблять творческий гений великого народа.

Несправедливо называть русское сектантство и «явлением прогрессивным», «свободным порывом к свету и добродетели», ибо, заимствуя свое содержание от, утративших уже всякое значение, западно-европейских религиозно-философских мировоззрений и исповеданий, и на них устрояя свою жизнь, сектанство русское, очевидно, идет не вперед, а назад. Что признано негодным на западе, то не может быть животворным на востоке. Протестантство, как отрицание папства и его злоупотреблений, без сомнения, имело свое историческое значение; но в России папства не было и нет; Православная Церковь, по требованию своих канонов, отрицает его, как отрицает она и все католические заблуждения, а потому, насаждения протестантских лжеучений в нашем отечестве могло быть вызвано только искусственно, из пустого подражания западу. Что же касается сектантского «света» и «добродетелей», то одно хлыстовство с его многочисленными разновидностями или толками, ясно покажет нам, каким «светом» оно озаряет своих исповедников и какими добродетелями оно их украсило!..

Скудость положительного учения в русском сектантстве, отсутствие в нем оригинального творчества и перенесение на русскую почву протестантских идей и религиозно-философских мировоззрений запада с их отрицательными и положительными составными частями, – все это говорит только о величии, целесообразности, полноте и всеобъемлемости тех форм для выражении религиозного самосознания и чувства, которые установлены Православной Церковью. Оставив родную церковь и намереваясь устроить отдельную от нее общину, русские сектанты были не в силах создать что-либо самостоятельное,

ибо все лучшее, что может служить к выражению религиозного самосознания на всех ступенях его развития, уже было достоянием отвергнутой ими Православной Церкви. Поэтому, им не оставалось ничего другого, как обратиться к различным фракциям протестантства и воспользоваться, хотя тем, что осталось в них после разгрома папства и католичества.

Некоторые сектанты в последнее время стали называть себя «евангельскими христианами» или «евангеликами», уверяя, что их вероучение основывается только на одном Св. Писании, ибо Предания они не признают. Интеллигентные покровители сектантства поверили этому и начали восхвалять всех сектантов, как единственно истинных христиан, во всей чистоте и неповрежденности исповедующих учение Христа. Места переменены: на место Церкви Православной поставлено сектантство, а на место сектантства – Церковь. Защитники сектантства не проверили слов своих друзей. Правда, в начале появления секты, ее исповедники, большей частью, стараются изучать Библию, но не с тем, чтобы усвоить, содержащееся в ней, Богооткровенное учение, а с тем, чтобы найти в ней опору и подтверждение своего ложно-метафизического мировоззрения, которое, при помощи своих «просветителей», они усвоили гораздо раньше, чем взялись за изучение Библии. Изучение Библии не предшествует появлению сектантства, а лишь следует за ним. Но, так как в Библии, как Божественном Откровении, сектанты никогда не могут найти оправдания своего человеческого лжеучения, то они с нею не церемонятся: или треплют ее, по примеру западно-европейских рационалистов, вроде Баура, Штрауса или Ренана (так поступают толстовцы, пашковцы, духоборы, штундисты) или же искажают ее смысл своими иносказательными и аллегорическими толкованиями; по которым даже имя «Иисус» превращается в слово «изуст», «ослица» – в «девицу», а Иуда объявляется «последовательнейшим» учеником Христа! Если же и с таким толкованием сектанты оказываются не в состоянии найти в Библии оправдание для своего лжеучения, то они прямо отбрасывают ее от себя, как вещь для них совершенно ненужную…

Основатель хлыстовщины все книги Св. Писания сложил в куль и бросил в Волгу; основатель секты духоборов (Побирихин) обозвал Библию «хлопотницей». И теперь духоборы говорят: «в Писании иное – тому, иное – другому пригодно, а мы принимаем только то, что нам следует». Штундисты и толстовцы объявляют подложными или искаженными все те места, а, иногда, даже целые книги Св. Писания, которые противоречат их лжеучению. О хлыстах и скопцах и говорить нечего. Вот их характеристические афоризмы: «Евангелие – книга бела, да всех от Бога отвела»; «Кто библию прочтет, тот с ума сойдет». И эти афоризмы находятся в «божьих словах» сектантов, т. е., в их гимнах, которые только и содержат их вероучение. Там же все книги Св. Писания Ветхого и Нового Заветов названы прямо – «тенетами, которыми опутывается народ». Православному миссионеру, желающему сослаться на Евангелие, сектанты часто говорят: «ты эту книгу сложь, да под себя положь!» Кто знаком с сектантскими лжеучениями, тот знает, как в них искажено (в некоторых – до неузнаваемости) учение Христа. После этого, можно только удивляться, что есть люди, которые сущность сектантства полагают в исповедании чистого и неповрежденного христианского учения, непосредственно заимствованного из книг Св. Писания.

Но, в чем же, однако, нужно полагать сущность сектантства и где находятся причины его появления и существования?

Сущность и причины сектантства самым точным образом определяются учением Божественного Откровения. Причинами сектантства являются: 1) неблагоразумная ревность человека о своем спасении (Рим. 10:2–3); 2) гордость и высокомерие, иногда повергающие даже аскетов в, так называемую, «духовную прелесть» (1Тим. 6:3–5; 1Кор. 8:2; Рим. 12:3); 3) увлечение ложной наукой и лжефилософией (Кол. 2:4, 8; 1Тим. 1:6–7; 4:1–5; 1Ин. 3:7; 2Кор. 4:3–4; Евр. 13:9;); 4) плотские похотения или страсти, нравственная разнузданность и ложно понятая свобода, доводящая иногда людей до самобоготворения (Иак. 1:3–19; 2Тим. 3:1–13). Но главным виновником сектантства слово Божие называет дьявола, как исконного врага человеческого спасения, отторгающего людей

от Бога и старающегося разрушить их союз (Быт. 3:4–5; Ин. 8:43–45)[8]. Итак, по учению слова Божия, сущность сектантства и причины его происхождения коренятся не в каких-либо внешних – исторических, культурных, социальных или бытовых – условиях жизни, не вне человека, а именно в самом человеке, в области нашей религиозно-нравственной психологии, а все виды сектантства суть не что иное, как патологические, ненормальные, греховные проявления ложно направленного религиозно-нравственного самосознания человека.

К таким выводам нас должно привести и объективно-научное исследование или анализ появления всякого сектантского вероучения. Мы увидим, что лжеучение сектантов не есть ошибочное только понимание Божественного Откровения, а есть греховное насилие над ним, сознательное искажение его под давлением той страсти, которая и ангела света обратила в диавола, оторвав его от Бога.

Религия охватывает все главные силы духа человеческого: ум, сердце и волю, просвещая первый, облагораживая второе и направляя к добру третью, но – при условии, если эти силы, в свою очередь, способны в соответствующей мере стать под благотворное влияние религии; при нарушении гармонии, самосознание человека теряет равновесие и становится на тот ложный путь, который ведет к сектантству и ересям. Кроме того, ум человеческий ограничен в своих способностях и помрачен грехом; он не может во всей полноте, одними своими силами, усвоять истины ума Божественного и всесовершенного, содержащиеся в слове Божием, т. е., в книгах Св. Писания. Ограниченность его может быть причиною ошибочного понимания не только Божественного Откровения, но и естественных явлений, при некоторых же условиях, она может быть и одною из причин происхождения сектантства.

Католические богословы, ныне весьма внимательно изучающие религиозную жизнь русского народа, обвиняют нашу Православную Церковь, утверждая, будто бы она сама содействовала появлению и распространению в России разного рода сектантств. Они ставят ей в вину ее заботы о переводе Библии на русский язык и о ее распространении среди простого

невежественного народа, и не находят слов для восхваления мудрости своей церкви, которая вообще запретила мирянам читать Библию, чем, будто, и спасает их от увлечения сектантством и еретичеством. По их мнению, ошибочное понимание Библии есть единственная причина всякого рода сект. С таким взглядом согласиться нельзя. Его никогда не разделяла и не будет разделять Православная Церковь. Слова Спасителя: «исследуйте Писания» (Ин. 5:39), сказанные не апостолам только, а даже неверовавшим иудеям, навсегда останутся для нее священным заветом. Библия не плодит сект и ересей, как думают католики; она спасает, а не губит. Как сказано, русские сектанты от того и упорны в своих заблуждениях, что не хотят знать Библии: они ее под себя положили. Только благодаря Библии, неисчислимые сонмы угодников Божиих, как звезды на небе, сияли во мраке греховного мира своей чистой верой и добродетельной жизнью. Но этого они достигли, покорив свой ум уму Божественному и восприняв, под руководством св. Церкви и ее богоглаголивых отцов и учителей, то, что, по своей возвышенности, не доступно для ограниченного человеческого разума.

Иначе поступают люди, угнетенные своими похотями и страстями, в особенности же – гордостью и высокомерием. В деле усвоения Божественного Откровения, они отвергают руководительство Церкви и ее богопоставленных пастырей. Они надеются только на свои собственные силы и *своим разумом* думают постигнуть то, что может быть доступно лишь чистому сердцу и вере, укрепленной церковным изъяснением. «Мы, – говорят сектанты[9], – принимаем из Писания то, что нам нравится, а что не нравится, то отвергаем и работаем собственным умом». Итак, вот где – в гордости человеческой, в высокомерии и самомнении – первая и главная причина всех сект и ересей! Объясним это несколькими примерами.

В слове Божием предлагается учение о Боге и Его свойствах, столь духовное и возвышенное, что усвоить его одним ограниченным человеческим рассудком, без руководства Церкви, невозможно, ибо на человеческом языке нет слов, вполне соответствующих ему, а в окружающем нас мире мы не

находим ничего, аналогичного со свойствами Божиими: вечностью, бесконечностью, всемогуществом, везде присутствием и т. п. Что же делает гордец? Он не хочет смириться перед тем, что непостижимо; он не внимает голосу Церкви, он не воспринимает верой того, что не вкладывается в формы его мышления. Он идет далее. Он хочет низвести Божественное Откровение с его небесной высоты на степень своего земного понимания, он силится божеское превратить в человеческое, – и, естественно, извращает его. Но в этом сознаться ему не дозволит гордость, и он будет доказывать всем, что только его понимание истинно. В этом случае, он не пощадит даже и верования всей Церкви: назовет его ложным. Так произошла ересь антропоморфистов, а у нас – сектантство, известное под именем иеговистов, отождествляющих Бога с человеком и верующих, что Бог имеет тело, подобное нашему, ест телятину и масло, пьет воду, причиняет своими руками ушибы людям и т. п. Таким же путем появилась ересь трибожников н антитринитариев, или монархистов. Учение Божественного Откровения о Боге, Троичном в Лицах, без руководства Церкви, а лишь при помощи одного своего ума, первые поняли в смысле существования трех отдельных богов, последние – в смысле лишь одного Бога, но с двумя силами.

Второю причиною появления сект и ересей должна быть признана греховная воля гордых и высокомерных людей. Вот пример. Великое дело искупления рода человеческого крестными заслугами нашего Спасителя может быть усвоено нами только верой, под руководительством св. Церкви, при непременном условии побеждения нами своей гордости и приобретения такого глубокого смирения, которое доставляется человеку сознанием своего бессилия, беспомощности, ничтождества, греховности и невозможности самому достигнуть примирения с Богом. Греховной гордости противно такое смирение и самоуничижение. Гордец не нуждается ни в чьей помощи. У него есть собственные средства спасения. Свою плоть он может обуздать оскоплением, радениями, постом или веригами. Он сам может быть таким, каким был Христос. Он сам может быть богоносцем и сыном Божиим. Бак богоносец, он

может быть даже Саваофом, и может, поэтому, сказать своим последователям, как и сказал основатель хлыстовства: «да не будет у вас других богов, кроме меня!» Нужно заметить, что горделивое приписывание своим аскетическим подвигам излишнего значения, часто порождает то патологическое состояние человека, которое принято называть «духовной прелестью»: оно начинается увереностью человека в своей святости, богодухновенности, даре пророческого ведения, а оканчивается самообоготворением, в собственном смысле этого слова. Так произошли секты хлыстов, скопцов, духоборов, шалопутов, с их многочисленными разновидностями.

Третья причина появления сектантства – патологическое состояние сердца человека, как источника чувствований. На этой почве развились, напр., секты воздыханцев, плакальщиков, трясунов.

Наконец, гордость не терпит ни власти, ни авторитета; а потому, каждая секта непременно начинается отрицанием Церкви, иерархии и дисциплины.

Таким образом, рассматривая происхождение сектантства с психологической точки зрения, мы, также, должны прийти к заключению, что секты появляются и развиваются только на почве патологического состояния человеческого духа, подавленного похотями и страстями, а, прежде всего, гордостью. Обзор сект, каждой в частности, доставит нам наглядные доказательства того, что мы не ошибаемся в понимании сущности сектантства и причин его происхождения.

3. Разделение русских сект. Весьма затруднительно точно установить определенный критерий для разделения сект по группам, главным образом, потому, что все русские секты, даже старейшие из них, существующие уже от 100 до 250 лет (напр., хлысты), еще не заключили своих лжеучений в точно определенные формы и даже в настоящее время находятся в состоянии брожения. В нашей миссионерской литературе можно встретить много попыток выработать такой критерий, но все они оказываются неудовлетворительными. Так, некоторые сектоведы делят все русские секты на две группы: 1) секты простонародные, к которым относят хлыстовщину, скопчество,

молоканство, штунду и им подобные; 2) секты интеллигентные: толстовщина, редстоковщина, пашковщина. Но такого деления нельзя признать удачным, потому что к хлыстовщине и скопчеству, напр., принадлежали многие интеллигентные лица, а толстовщина и пашковщина легко усвояются простонародием. Другие делят все русские секты на евангелические и духовные, потому что одни сектанты заимствуют свое вероучение (будто бы) из Евангелия, а другие – из своих непосредственных откровений; но мы видели уже, как сектанты пользуются Евангелием, а каковы их откровения, увидим в свое время. Третьи рекомендуют признать критерием разделения сект самые причины, их вызвавшие; но трудно указать такие секты, которые своим происхождением были бы обязаны только одной или некоторым причинам, а не всем им, взятым вместе. Четвертые хотели бы видеть изложение сект в их хронологическом порядке; но здесь представляется три затруднения: во-первых, не всегда точно известно время происхождения того или другого сектантского толка, во-вторых, некоторые секты явились почти одновременно, а, в-третьих, при таком изложении неизбежно было бы разрывать органическую связь между основными сектами и их позднейшими разветвлениями. Наконец, почти общепринятым обычаем установлено делить все русский секты на мистические и рационалистические; к первым относят хлыстов, скопцов, шалопутов и им сродных сектантов; ко вторым – духоборцев, молокан, штундистов, баптистов и т. д. Это деление русских сект так же не без недостатков. Все секты, по самой природе своей, более или менее, не чужды мистицизма и ни одна из них не может быть названа в точном смысле рационалистической; можно утверждать только, что в некоторых сектах заключается больше мистического или рационалистического элемента, чем в других. Кроме того, находясь еще в процессе брожения, сектанты одной категории часто делают заимствования у сектантов других категорий и через это меняют свой характер в течение самого непродолжительного времени. Новохлыстов Кубанской области уже почти нельзя назвать хлыстами: из мистиков они перешли в грубых рационалистов. Значительное

изменение в своем учении допустила и штунда. Отказавшись от многих собственных мнений и сделав заимствования в толстовщине, штундисты ныне сливаются с баптизмом, от которого, в свою очередь, отделились «евангелики». Пашковщина среди простого народа выродилась в штунду; от хлыстов отделилась секта Нового Израиля. Молокане принимают баптистическое крещение и иерархию, усвояя, в то же время, и элементы хлыстовства (кавказские прыгуны и самарские мормоны). Баптисты начинают допускать крещение младенцев. Штундо-баптисты составляют свой катехизис, представляющий немало уклонений от гамбургского исповедания, и т. д. Наконец, есть секты, которые совершенно не подходят под рассматриваемое деление. Таковы все секты, развывшиеся под влиянием еврейского мировоззрения (адвентисты, жидовствующие, субботники) или, взросшие на почве мнимого старообрядчества (немоляки, дырновцы, аристовцы, белоризцы, неплательщики, душители и др.).

Впрочем, деление русских сект на мистические и рационалистические представляет все-таки некоторые преимущества перед другими делениями. Во-первых, оно имеет уже свою давность и в настоящее время может быть названо почти общепринятым, а во-вторых, оно указывает сравнительно лучший критерий делимости, если не для всех, то для очень многих русских сект. Поэтому, и мы в своем «Обзоре русских сект и их толков» будем следовать, за невозможностью установить ничего лучшего, этому делению.

А. Секты мистические

1. Хлыстовство[10]

История секты

Уже в древнеязыческом мире встречаются те основные начала, которые составляют существенное содержание хлыстовского вероучения и культа. Не только в Египте, Индии и Ассирии, но и в древней Греции существовало общераспространенное верование, подобное хлыстовскому, что душа бессмертна, но, что после разлучения со своим телом, подвергшимся нетлению, она может существовать не иначе, как поселившись в какое-либо новое тело, как свое жилище, – верование, известное под именем метапсихоза, т, е., переселения душ или перевоплощения их в какие-либо живые существа. Такое верование разделяли многие из иудеев (напр., фарисеи) даже в начале христианской эпохи (Ин. 9:2). Понятие о Боге у древних язычников, как и у нынешних хлыстов, было не чуждо, в большей или меньшей степени, пантеистического характера: вся природа признавалась божественной, хотя носителями Божества были объявляемы только некоторые из людей, животных и сил природы. В древнеязыческом мире, как и у хлыстов, было распространено убеждение, что Божеству можно угодить неистовыми плясками и гнусным развратом. У финикиян, напр., празднества в честь Молоха и Астарты сопровождались самоистязанием и кровопролитием верующих, а в честь Адона и Ашеры – оргиями, т. е. грубым, чувственным весельем, плясками и пиршествами. От финикиян этот культ перешел и к халдеям. У греков первая половина элевсинских мистерий состояла в посте и пении грустных гимнов, а вторая сопровождалась оргиями и половым развратом в честь Диониса или Вакха. В плясках и разврате состоял культ Венеры и Бахуса в древнеримском мире. Здесь девицы приносили в жертву богине свое целомудрие, участвуя в так называемых «вакханалиях». Некоторые язычники не отказались от этого верования, даже приняв христианство. По крайней мере, николаиты думали угодить Богу, «умерщвляя» свою плоть развратом и языческими оргиями. По свидетельству св. Иринея, епископа Лионского, Симон волхв, подобно нашим хлыстам,

учил, что он есть истинный Сын Божий, Бог Слово, Дух Святый, а свою спутницу Елену называл своею матерью, то есть «богородицей».

Нет нужды прибегать к натяжкам и ставить происхождение хлыстовской секты в непосредственную генетическую зависимость от этих языческих верований и лжеучения древних христианских еретиков. Но нельзя отрицать того, что древнерусским начетчикам, любившим заниматься изучением греческой истории и литературы, эти верования древнеязыческих народов и лжеучения христианских еретиков были известны. Могли их знать и виновники хлыстовства. Поэтому неудивительно, что некоторые западноевропейские ученые происхождение хлыстовства относят к самому началу христианства в России (напр., Порицмайер), а другие (проф. Геринг) ставят его даже в связь с гностическими и манихейскими сектами древней вселенской Церкви. Наши ученые (Барсов, а за ним и Высоцкий) выводят его из нашего собственного до христианского язычества.

В первый раз хлыстовские верования появились на Руси в правление великого князя Дмитрия Иоанновича Донского. Их распространял некто Аверьянов. Но его пропаганда, по-видимому, особого успеха не имела. В царствование Иоанна Грозного стал пропагандировать хлыстовство другой лжеучитель – Иван Емельянов и, как кажется, совратил в свою секту немалое число православных. Так, по крайней мере, свидетельствуют об этом некоторые хлыстовские песни, хотя точных исторических сведений об этих лжеучителях до нас не дошло.

Действительным основателем хлыстовской секты в том виде, как она существует в настоящее время, был крестьянин нынешнего Юрьевского уезда, Владимирской губернии, беглый солдат Данила Филиппович. Бежав от военной службы и скрываясь от розысков, он сначала поселился в доме брата своего, Феодора, в 30 верстах от Костромы, в деревне Старой. Но, вскоре, он оставил свое убежище и стал бродить по разным глухим селениям теперешних губерний – Владимирской, Костромской и Нижегородской, выдавая себя то за странника-

богомольца, то за юродивого, то за отшельника, и встречая повсюду радушный прием и расположение. В это то время ему пришла в голову безумная мысль – основать новую секту, в которой главным догматом было бы обоготворение человека. Трудно объяснить себе самое появление такого намерения. Некоторые думают, что на этого безумца имели влияние древнеязыческие верования, учение николаитов, или манихейские и гностические воззрения, другие утверждают, что в таком грубом смысле он понял слова Господа: «вселюсь в них и буду ходить в них» (3 Кор. 6:16) Но это – догадки, ни на чем не основанные. Сами хлысты объясняют столь непонятное явление весьма просто.

«Послушайте, верные мои! – был голос из-за облака, –
Сойду я к вам бог с неба на землю;
Изберу я плоть пречистую и облекусь в нее;
Буду я по плоти человек, а по духу бог»[11]

И вот, в 1645 году Данила Филиппович объявил себя «Саваофом», так как в него, будто бы, самым существом Своим Бог вселился навсегда. Произошло это небывалое событие, по верованию хлыстов, на горе Городине, близ реки Вязьмы, в Егорьевском приходе, Стародубской волости, в нынешнем Ковровском уезде Владимирской губернии. Там «государь-саваоф», во всей славе своей, окруженный ангелами и архангелами, херувимами и серафимами, в огненных облаках и на огненной колеснице сошел (будто бы) с неба для того, чтобы вселиться навсегда в пречистое тело Данилы Филипповича.

Так как пред судом Божественного Откровения учение Данилы Филипповича было только безумным кощунством и не находило для себя оправдания в нем, то Библия скоро была объявлена ненужною для спасения людей. Сам «Саваоф» был налицо и телесно жил среди людей; все нужное для спасения он лично объявлял своим последователям; зачем же держать Библию? Мало того – она оказалась книгою даже очень вредною, так как в ней содержится учение, несогласное с новыми откровениями самого «бога саваофа». Вот почему, недолго думая, Данила Филиппович собрал все книги Св. Писания, бывшие у него и его последователей, и бросил их в

Волгу. Вместо них он дал своим «верным детушкам» только 12 следующих заповедей:

1) Аз Данила – есмь бог, пророками предсказанный; сошел на землю для спасения душ человеческих. Несть другого бога, кроме меня.

2) Нет другого учения. Не ищите его.

3) На чем поставлены, на том и стойте (по другому варианту: Оставайтесь, где вы есть).

4) Храните божьи заповеди и будете вселенные ловцы.

5) Хмельного не пейте и плотского греха не творите.

6) Не женитесь, а кто женат, живи с женою, как с сестрою. Неженатые – не женитесь, женимые – разженитесь.

7) Скверных слов и сквернословия не говорите (по другому варианту: слова «черт» не произносите и не поминайте его).

8) На свадьбы и крестины не ходите, на хмельных беседах не бывайте.

9) Не воруйте. Кто единую копейку украдет, тому копейку положат на том свете на темя, и когда от адского огня она растопится, тогда только тот человек прощение приимет.

10) Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнем жечь, – терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость.

11) Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, заповеди мои храните, бога молите.

12) Святому Духу верьте.

Эти заповеди во всей точности сохраняются хлыстами и в настоящее время. Их знает на память каждый хлыст. Эмбах записал их (в переводе на немецкий язык) в 1888 году со слов какого-то русского крестьянина.

Четыре года спустя после появления на земле «саваофа» в лице крестьянина Данилы Филипповича (т. е. в 1649 г.) нашелся и ревностный сотрудник его по распространению нового сектантского лжеучения – крестьянин деревни Максаковой Стародубской волости, Муромской округи – Иван Тимофеевич Суслов, которого «саваоф» торжественно наименовал своим «сыночком», «сыном возлюбленным», «сыном божиим». По

весьма распространенной хлыстовской легенде, Суслов родился сверхъестественным образом от столетней старухи – Ирины Несторовны Сусловой. Приходский священник долго не хотел крестить его; а когда начал крестить его, с ним случилось что-то необыкновенное: он потерял сознание и очутился под лавкой на церковной паперти, а ребенка окрестил уже восприемник. Почти одновременно с «сыном божиим», у хлыстов появилась и «богородица», какая-то «красноличная» девица из села Лендука, Нижегородской области. «Саваоф», по верованию хлыстов, 1-го января 1700 года вознесся с плотью на небо (по другому сказанию, тело его погребено в селе Криушине), а Суслов еще целых шестнадцать лет после него распространял его лжеучение в пределах нынешних губерний – Владимирской, Костромской и Нижегородской, избрав себе в помощь 12 «апостолов» и не разрывая наружно своей связи с Православной Церковью. В это время, по свидетельству св. Димитрия Ростовского («Розыск» XVIII), уважение к нему со стороны хлыстов было настолько велико, что ему в храме были торжественно воздаваемы божеские почести, как «Христу», как это было, напр., в с. Работках Нижегородской области[12]. Из Нижнего Новгорода Иван Тимофеевич переселился в Москву. Здесь, на 3-ей Мещанской улице, он приобрел себе дом, который хлысты наименовали «домом божиим», «новым Иерусалимом», «домом сионским». В нем они собирались для своих «радений». Только в 1658 году правительство обратило внимание на быстрое распространение хлыстовщины в самой Москве. Суслов был арестован и подвергнут допросу. По сказанию хлыстов, Суслова распяли на кремлевской стене, у самых Спасских ворот (в Москве), где он и умер; но на третий день воскрес и явился своим ученикам в подмосковном селе Похре. После этого, его вторично арестовали и, содрав с него живого кожу, опять распяли его на том же самом месте, у Спасских ворот. Ночью девушки-хлыстовки, сняв с себя белые рубахи, обвили ими тело его; полотно мгновенно вросло в него и стало его кожею (в память этого, хлысты ввели обычай – надевать на себя длинные белые рубахи на своих «радениях»). Суслов умер и в этот раз, но на третий день воскрес снова. Так

– в хлыстовской легенде. В действительности же, Суслов умер на сотом году своей жизни совершенно естественною смертью в 1716 году и был торжественно погребен православным духовенством при церкви Николы в Грачах, откуда, впрочем, его тело скоро было перенесено в Ивановский монастырь. На его могиле был устроен памятник с надписью, гласившей, что под ним «погребен святой угодник Божий». Могилу Суслова хлысты чтили как великую святыню, к ней стекались поклонники с отдаленнейших мест России, – и это было причиною того, что чрез 23 года после смерти Суслова (в 1739 году), но именному повелению императрицы Анны Иоанновны, труп его был вынут из могилы «чрез палачей, вывезен в поле, сожжен и развеян по воздуху»[13].

После смерти Суслова, «Христом» объявил себя бывший стрелец Прокопий Лупкин, о котором известно, что он участвовал в Азовском походе, но после Стрелецкого бунта был выслан в Нижегородскую область, где и совращен в хлыстовство. Жена его Акулина Ивановна стала хлыстовскою «богородицей». По примеру своего предшественника Лупкин избрал Москву центром своей сектантской деятельности. Хлыстовство при нем распространялось чрезвычайно быстро не только среди простого народа и купечества, но и среди духовенства: оно проникло даже в московские монастыри – Никитский, Ивановский, Варсонофьевский, Симонов, Высокопетровский, Новодевичий, Чудов, Богословский и др. – и увлекло многих монахов, а еще более – монахинь, из которых Анастасия Карпова, монахиня Ивановского женского монастыря, была признана даже «богородицей», несмотря на то, что изобличена была в прижитии «иисусика». Но еще большее обаяние имела старица Вера: московские хлысты, объявив ее своею «богородицей», крестились перед нею, как перед иконой, и с благоговением кланялись ей в ноги. Лупкин, по легендарному сказанию хлыстов, во время одного радения слетевшимися с небесных кругов бесплотными духами – ангелами, архангелами, херувимами, серафимами – и всеми небесными силами был взят и вознесен живым на небо при множестве свидетелей. В действительности же, он

скоропостижно умер 9 ноября 1732 года во время неистовых кружений на «радении»; 12 ноября он был торжественно погребен, по православному чину, в Ивановском девичьем монастыре рядом с могилою Суслова. Впрочем, семь лет спустя с его трупом было поступлено так же, как и с трупом Суслова.

Несмотря на меры, принятые правительством в борьбе с хлыстовством, последнее распространялось и после смерти Лупкина с удивительной быстротой, так, что охватило не только Москву с ее окрестностями, но и все области русского царства, не исключая и Сибири. Вследствие этого, у хлыстов одновременно стало появляться уже множество и «христов», и «богородиц»: каждая хлыстовская община (по хлыстовской терминологии – «корабль»), представляя собою совершенно самостоятельную единицу и находясь под управлением особого лица, именуемого «кормщиком», обязательно имела своего «христа», свою «богородицу» и своих «пророков»; число последних – неограниченно. Одновременное существование многих «христов» сектанты объясняли, и ныне объясняют, тем, что

Бог тогда Христа рождает,
Когда все умирает.

По их верованию, «*Христос Спаситель причистой своей плоти подвиг земной кончил, а в других плотях избранных Он еще кончает, и в иных плотях избранных Он еще начинает*».

Из множества лжехристов 18-го и 19-го веков здесь достаточно упомянуть только о тамбовском крестьянине, из с. Перевоза, Кирсановского уезда, *Аввакуме Ивановиче* Копылове, который имел в истории не только хлыстовства, но и шалопутства чрезвычайно важное значение. Его личность в хлыстовских легендах превращена почти в мифическое существо. В действительности, это был большой книжный начетчик, любивший проводить время за чтением «божественных» книг, а по настроению своему, он был склонен к аскетическому мистицизму. Рано овдовев, он уже не захотел вступать во второй брак, объясняя смерть своей жены тем, что Бог не благословляет его вообще на супружескую жизнь. Если бы он тогда пошел в монастырь, он, по всей вероятности, был

бы хорошим монахом. Семейные обстоятельства помешали ему стать на этот путь. Он остался в мире, но замкнулся в себя, все время проводил в уединении, вел суровый образ жизни и считался большим постником и подвижником; он носил даже на себе тяжелые вериги. Нервозный по природе, он имел пылкую и до болезненности живую фантазию, и часто страдал галлюцинациями: ему было много, разного рода, видений; не раз являлся ему даже сам Бог, а ангелов он встречал чуть ли не на каждом шагу в своем доме. При таком настроении, ему по душе пришлась проповедь хлыстовства об умерщвлении плоти, аскетизме, постах, веригах, непосредственных откровениях, богодухновенности, дарах пророчества, боговоплощении и т. п. Отпав от Православной церкви, он сразу стал во главе хлыстовства и даже сообщил ему толчок к новому направлению, почва для которого, впрочем, была уже подготовлена до него. В его время хлысты уже сами ясно увидели, что, отвергнув руководительство слова Божия и следуя лишь откровениям лжехристов и лжепророков, в своем учении они зашли слишком далеко, и в действительности перестали быть христианами. Сказалась нужда возвратиться к библейскому учению. И вот, явилась легенда, что Копылов, после сорокадневного поста, был вознесен двумя ангелами на седьмое небо, где, беседуя с Богом «*усты ко устом*», получил от Него повеление – доходить по книгам о том, как спасать души и избавляться от грехов, т. е., он получил повеление – не отвергать Библии, как источника вероучения и нравоучения. После этого, он, будто бы, достал из глубины Волги книги Св. Писания, заброшенные туда, некогда, основателем хлыстовства – Данилой Филипповичем. Но, достав Библию из Волги, он ее – так же, можно сказать, – «*сложил, да под себя положил*»: он не отказался от хлыстовского лжеучения, непримиримого с Библией и лишь старался найти в ней опору для него. Но, так как такая цель недостижима, то, со времен Копылова, Библия в руках хлыстов стала лишь «игрушкой страстей»: они понимают все содержащееся в ней только в переносном смысле и толкуют ее иносказательно или, как они выражаются, духовно. Уже для Копылова евангельские рассказы о чудесах Иисуса Христа, о

Его крестной смерти и воскресении были лишь аллегориями. Даже чудесное воскрешение Лазаря хлысты и ныне понимают только в смысле своего учения о таинственном воскресении каждого покаявшегося грешника, т. е., в смысле нравственного исправления человека. Такой же аллегорический смысл приписывают они евангельским рассказам о крещении, преображении и воскресении из мертвых Иисуса Христа, об исцелении больных – прокаженных, бесноватых, расслабленных, слепых и хромых и т. п. Ослица, на которой Спаситель совершил Свой торжественный вход во Иерусалим, по объяснению хлыстов, была не ослица, а девица, бесплодная смоковница («чмоковница» – корректируют хлысты) – тоже девица. Мнимые откровения своих лжехристов и лжепророков они и прежде ставили, и теперь ставят выше Евангелий и апостольских посланий и, не задумываясь, отбрасывают от себя Библию, если ее учение оказывается непримиримым с этими самоизмышленными откровениями. «*Апостолы,* – говорят хлысты, – *писали только для своего времени, а не для нашего; у нас есть свои богодухновенные учители – свои пророки и учители, чрез которых Бог говорит нам обо всем, что нам нужно знать. Так будет и после нас*». «*Мы и сами знаем,* – жаловался известный арзамасский лжехристос Радаев, – *что не сходны иные наши поступки с писанным законом и нам тяжело и скорбно так поступать. Но что же нам делать? Своей воли не имеем. Сила, во мне действующая, не дает мне покою ни днем, ни ночью, водит меня туда и сюда*». Ясно, что основатель хлыстовства – Данила Филиппович, – бросивший книги Св. Писания в Волгу, был логически последователен. Действительно, нужно избирать одно что-либо: или Библию, или хлыстовство.

Современное состояние хлыстовства

В настоящее время хлыстовство охватило всю русскую землю. Нет той губернии, нет того уезда, в которых бы не было хлыстовства в той или другой форме. При этом, к прискорбию, нужно отметить, что, несмотря на все принятые меры борьбы, число его последователей не только не уменьшается, а даже непрерывно увеличивается. За последнее десятилетие почти в каждом всеподданнейшем отчете обер-прокурора св. Синода о состоянии русской Церкви говорится то же, что и в отчете за 1900 год: «Хлыстовство продолжает расти и умножаться; его руководители всевозможными способами, тайно и явно, пропагандируют свое лжеучение среди православных. Правда, в некоторых местах оно, по-видимому, ослабевает, но зато в других проявляет такую энергию в пропаганде своего лжеучения, что является более опасным для православия, чем другие секты». Тем не менее, точно определить число хлыстов, проживающих на всем пространстве русского государства, невозможно, по причине их скрытности и неискренности. Хлысты не поддаются точному учету статистики, ибо и после 17-го апреля 1905 года далеко еще не все хлысты заявили открыто о своей принадлежности к сектантству. Тем не менее, нельзя сомневаться в том, что по количеству своих последователей хлыстовство должно занять первое место среди других сект. В этом отношении с ним не везде может равняться даже штундо-баптизм.

Характеристической особенностью хлыстовства нашего времени является его распадение на множество разновидностей или толков. Так как каждая хлыстовская община живет своей самостоятельной жизнью, управляется только своим кормщиком и в этом отношении ничуть не зависит от других общин, сохраняя с ними только одну «духовную» связь и, так как, по самому существу своему, вероучение и нравоучение хлыстов определяются одними откровениями их пророков, то хлысты, вообще, склонны чрезвычайно быстро менять и свои верования, и свое мировоззрение. Что

исповедовали отцы в половине прошлого века, то для их детей нередко становится предметом насмешек и издевательств. Этим и объясняется то обстоятельство, что в последнее время из хлыстовства выделилось очень много толков, которые уже почти не имеют ничего общего с первоначальным хлыстовством или, по крайней мере, значительно уклоняются от него даже в понимании своих основных положений. Так, напр., очень многие (если не все) хлысты безусловно отказались от причащения человеческим телом и кровью, что практиковалось еще у хлыстов начала 19-го века; другие не допускают у себя на радениях «свального греха»; третьи отказались от учения о перевоплощениях Христа и т. д. В настоящее время, кроме хлыстовства вообще, существуют следующие хлыстовские толки, заслуживающие изучения по своему влиянию па жизнь русского народа:

1. Беседники, 2. Новый Израиль, 3. Монтаны, 4. Прыгуны и скакуны, 5. Новохлысты, 6. Иоанниты, 7. Калиновцы, 8. Марьяновцы, 9. Голобцы, 10. Серафимовцы, 11. Паниашковцы, 12. Серые Голуби, 13. Шалопуты, 14. Подгорновцы.

С особенностями их учения мы познакомимся в свое время.

Нельзя не отметить еще следующего обстоятельства. Хотя учение хлыстов находится в непосредственной зависимости от откровений того или другого пророка, хлысты, однако же, никогда не называли своих толков по имени их основателей. «Бог, говорят они, возвещает нам свое учение, а не пророки; пророки только посредники между Богом и людьми». Поэтому они не называют себя и хлыстами; даже они возмущаются, когда другие называют их этим именем. Слово «хлыст» (от глагола – «хлыстать»), как название, они считают для себя оскорбительным и обидным. Как прежде, так и в настоящее время они усвояют себе наименования «Людей Божиих», «Христов», «Рода Израильского», «Зеленого Виноградника», «Стада Христова», «Птиц Христовых», Белых Голубей», «Соловьев Сладких», «Сизых Голубей», «Белых Лебедей», «Светлых- или Ясных Соколов», «Белых Райских Пташечек», в самое последнее время – «Постников», «Воздерженцев». Но, что касается простого русского народа, то, возмущаясь

развратным поведением хлыстов и тем вредным влиянием, которое они имеют, по-преимуществу, на молодежь и семейную жизнь, он не щадит их позорными и саркастическими кличками. Для него они – «прыгуны», «вертуны», «плясуны», скакуны», «шалопуты», «молоканы» (потому что в пост едят молоко) «богомолы», «Монтаны», «мормоны», «хвастуны», «молельщики», «кантовщики», «сладкоедцы», «купидоны», «телеши», «голыши», (потому что «радеют» нагими), «пустосвяты», «шкапцы», «аттитуи», «стригуны», «кадушники», «сухая любовь», «шаплычники» и т. п.

Вероучение хлыстов

Несмотря на то, что хлыстовская секта существует в России более 250 лет (1645–1908), ее вероучение еще не представляет собою вполне законченной и последовательно развитой системы; оно не отлилось еще в точно определенные формы, а находится в постоянном брожении и колеблется из стороны в сторону между пантеистическим миропониманием и грубым атеизмом. Отвергнув Св. Писание, как источник вероучения, и поставив на его место мнимые откровения своих лжехристов и лжепророков, хлысты сами себя лишили возможности создать устойчивую и точно определенную догматику. Откровения последующих лжехристов и лжепророков часто становятся в непримиримое противоречие с откровениями предшествующих. Даже одновременно действующие в разных местностях лжехристы и лжепророки также часто преподают противоречивые учения, вследствие чего, и самые основные положения вероучения нередко понимаются хлыстами неодинаково, если они живут не в одних и тех же местностях. Вот почему представляются серьезные затруднения при изложении хлыстовского вероучения.

Самое понятие о Боге у хлыстов не отличается надлежащей определенностью. Имея ввиду, что, по учению хлыстов, Бог проявляется во всей природе, но только в людях достигает полного самооткровения и самосознания, многие исследователи не без основания называют хлыстовское понятие о Боге пантеистическим. Но, с другой стороны, у хлыстов есть много песен (по их терминологии – «слов божиих»), в которых можно находить следы того, что их составители признавали Бога существом личным и сознательно отделяющим Себя от мира. По этим песням, Бог живет на седьмом небе, творит мир, искупляет людей Своим словом и будет судить их при кончине мира. Так пантеист веровать не может, если только он не играет словами и не приписывает им несоответствующего смысла.

Далее, – многие исследователи, опять-таки не без основания, утверждают, что хлысты имеют только

монархическое представление о Боге и не признают Его Троичным в Лицах, ибо Сын Божий для них не есть Бог, не есть даже Ипостасное Существо, а слово Божие или просвещающая сила Божия. Истинным сыном Божиим, по их учению, может быть только человек, в которого вселилось слово Божие или – что то же – человек, просвещенный Богом и знающий Его волю. Дух Святой, которого хлысты так легко «накачивают» на себя во время своих радений, по их пониманию, так же не есть Божеское Лицо, а только сила, через которую Бог воодушевляет, очищает, освящает людей и делает некоторых из них способными к непосредственному восприятию Своих откровений и к пророчеству. Но, с другой стороны, в хлыстовских кантах Бог часто называется прямо – «Пресвятой Троицей», «Богом триединым», а Сыну Божьему и Святому Духу приписываются личные свойства. Такую неясность в понятии о Боге можно объяснить только тем, что, оставив Православную Церковь, хлысты, однако же, удержали некоторые истины, исповедуемые ею, но затем смешали их с языческо-философскими или самоизмышленными представлениями.

Наконец, хлысты веруют, что Бог есть дух всеведущий, вездесущий, вечный, всемогущий и т. д. Но пантеисты такого представления о Боге иметь не могут. К сожалению, у хлыстов понятие о духе выражается в такой грубой и чувственной форме, что оно неизбежно должно было привести их к атеизму, то есть к отрицанию самого бытия Божия. Хлыстовские канты представляют много доказательств того, что их составители не могли возвыситься до понятия о чистом духе, без привнесения в него свойств материального бытия. По их понятию, дух не может существовать без «перегородок», иначе он разольется, как вода, во вселенной и исчезнет; а такие перегородки может доставить духу только тело. Отсюда-то и явилось основное и общепринятое положение всего хлыстовского миропонимания, что вне тела дух существовать не может. Бог, как дух, не представляет исключения. После этого остается сделать только один шаг, чтобы низринуться в пропасть атеизма. В самом деле, если Бог не может существовать вне человеческого тела, то Он не может иметь и самостоятельного бытия. Человек же есть не

только носитель Бога, но – и сам бог. И вот, в наше время многие из хлыстов рассуждают уже так: «Бога нет вовсе, как нет добрых и злых духов, вне тела человеческого, ибо их никто не видел. Человек может быть и богом, и ангелом, и дьяволом, смотря по степени своего нравственного совершенства»[14]. Но на этом, современные нам, хлысты не останавливаются. Представляя Бога неразрывно соединенным с существом человека, они учат так: «Бог есть слово. Когда человек произносит слово, то, значит, он и рождает Бога Слово, то есть Второе Лицо; но каждое слово произносится духом (воздухом); это есть Третье Лицо – Дух, поэтому каждый хлыст есть и саваоф, и Христос, и дух. Различия между лицами хлыстовской троицы нет никакой. Этот единый Дух – везде и во всем, он был в апостолах, он теперь в хлыстах, но может быть и в православных»[15]. Не будучи в состоянии оторваться от грубо материалистического и какого-то полупантеистического миропонимания, хлысты и для Бога требуют непременно конкретного и чувственного выражения. Все их лжехристы и лжепророки суть для них «живые боги», в собственном смысле этого слова: им они воздают божеские почести и в этом видят свое преимущество перед православными христианами, которые «поклоняются пустоте, – какому-то невидимому Богу».

Как и все, вообще, пантеисты и материалисты, отвергающие личное бытие и внемирное существование Бога, хлысты отрицают самую возможность сверхъестественного в мире, а, следовательно, и – чудес. Сами они живут в мире сверхъестественного; среди них всегда присутствуют и «саваоф», и «христы» и целая толпа «живых богов». Какие же еще могут быть чудеса? Известна фраза всех пантеистов: или в мире все чудесно и сверхъестественно, или в нем совершенно не может быть чудес! На этом основании, даже помимо атеизма, хлысты отвергают и все евангельские чудеса, а самые повествования о них, как мы видели, по примеру основателя своей секты и его ближайших сотрудников, понимают только в аллегорическом смысле. «Разве можно ходить по водам? Ну-ка, попробуй! Разве мыслимо, чтобы человека пригвоздили ко кресту, убили, а он воскрес? Дай-ка, я проколю тебя, –

воскреснешь ли ты или нет? Немыслимая вещь! Невероятное дело! Все это басни одни!» Вот как рассуждают хлысты в наше время!

Единственный основной догмат, которому остаются верными хлысты и нашего времени (за исключением новохлыстов Кубанской области) это теория перевоплощения. Саваоф, Христос, Приснодева Мария, апостолы и пророки, равно, как и все, вообще, угодники Божии, в особенности же, святые жены постоянно перевоплощаются из одних людей в других. Господь наш Иисус Христос (или, как обыкновенно называют Его хлысты, «Евангельский Христос», «Исторический Христос», «Иисус из Назарета», «Старый Христос»), как мы видели, по учению хлыстов, не был Сам по Себе Сыном Божиим и Богочеловеком. Он был простой, обыкновенный человек, имевший истинную (т. е. хлыстовскую) веру, нравственно умерший и нравственно воскресший (т. е. победил в себе все страсти и похоти, и начал вести безупречную, нравственную жизнь). Он родился таким же обыкновенным образом, как рождаются и все люди. Жил Он так же, как и другие. Но, когда Он достиг тридцатилетнего возраста, то в Него, духом Своим, вселился Бог – Слово, «ради беспорочности его жизни, чистоты сердца и святости дел». Хлысты не признают последствий первородного греха. По их верованию, Адам был изгнан из рая не за то, что нарушил заповедь Божию о не вкушении плода от древа познания добра и зла, а за то, что он не захотел жить с женою, как с сестрою. Природа его и его потомков не была извращена этим «падением» и по изгнания из рая, и теперь каждый, не желающий подражать Адаму, может достигнуть собственными силами своего спасения и даже высшего нравственного совершенства, дающего право сделаться самим «саваофом». Ввиду этого, хлысты отрицают вообще мысль о необходимости особого искупителя человечества. Таковым, по их учению, не был даже и Иисус Христос. Вся Его заслуга состояла лишь в том, что Он возвестил людям волю Божию и научил их, как нужно жить, чтобы достигнуть высшего нравственного совершенства. Но Его учение и Его заповеди имели значение только для Его современников. Поэтому

евангельская история ничуть не исключает возможности новых «христов» в другие времена, когда в них будет нуждаться человечество. Словом, по учению хлыстов, Иисус Христос был таким же точно нравственным учителем и законодателем, как и все хлыстовские лжехристы, бывшие и раньше (в Ветхом Завете), и позже Его, так как Бог-Слово пребывал в Нем точно так же, как пребывает Он и в теперешних «христах» или в ветхозаветных патриархах и пророках. Поэтому как «старый» Христос отменил ветхозаветный закон, так теперешние хлыстовские «христы», хотя и не устранили еще совсем евангельского учения, но не считают его для себя обязательным, уверяя, что любой из них может изменить и даже окончательно отвергнуть его собственным откровенным учением. Возвестив людям все, что было внушено духом Сына Божия, «старый» Христос, по наветам врагов, был распят на кресте и умер обыкновенною смертью. Тело Его истлело в земле, а душа перевоплотилась в каком-либо другом хлыстовском «христе» – Иоанне, Петре или Павле, как душа пророка Илии переселилась в Елисея.

Но, если «христом» может быть всякий хлыст, то еще легче, по учению хлыстов, стать «богородицей», ибо «богородицей» является каждая женщина, способная высказать доброе слово, т. е., предложившая полезное учение или наставление, потому что в этом случае она рождает бога-слово[16].

Что касается учения о человеке, то здесь к теории душепереселения, хлысты присоединяют еще древнеязыческое философское учение о предсуществовании душ. По верованию хлыстов, от вечности Бог создал бесчисленное количество душ, а диавол каждый раз творит тело, в которое, по избранию Божию, и вселяется та или другая душа, как в свое временное жилище[17]. Но с тех пор, как «саваоф» вселился в «пречистое тело» Данилы Филипповича, свободных душ в запасе нет. Их место ныне занимают только души умерших людей; а потому, теперь в каждом человеке живет душа, которая раньше обитала в ком-то другом, а, может быть, даже и в каком-нибудь животном.

Интересны показания одной хлыстовской «богородицы» – Силантьевой, – данные судебному следователю. На вопрос об имени и звании, она отвечала так: «*Прежде, когда еще не родилась этой тленною плотью, не знаю, какое было мое имя и в чьей плоти пребывала; об этом мне не открыто свыше, да не соблазнюсь мирскою гордостию о своем, може, именитом роде – происхождении*». На вопрос следователя о летах она ответила: «*мне 64 года с месяцами; но ведь это только по плоти; духовных же лет я не знаю, им несть числа, можа, полная тысяча, а може, и больше*». На вопрос: «какая участь человека после его смерти?», она дала такой ответ: «*После смерти человека душа его посылается Богом, смотря по добродетели умершего, в другого человека или в животное, а животное, когда оно околеет, в человека... Есть разные люди на белом свете... Есть люди, которые имеют по три, по четыре и более души... К кому благоволит Господь своей милостию, того наделяет множеством душ, до полсотне и больше*»[18].

По учению хлыстов, вообще, только их души, по смерти, становятся ангелами, и души православных превращаются в дьяволов. Что же касается обыкновенных людей, не убежденных твердо в православной вере, которые могли бы стать хлыстами, но почему- либо этого не сделали, то их души, по смерти, скитаются еще на земле, поселившись в других людей или даже в животных, соответствующих их прежнему нравственному настроению; так, напр., души людей, живших законным браком, непременно будут заключены в свиней. У хлыстов пользуется распространением интересная «повесть о жене, потаившей грех стыда ради» с соответствующею картинкой. В этой повести рассказывается следующее. Однажды девица-хлыстовка сидела в своей комнате. Вдруг открывается дверь и в комнату входит страшная свинья – «одранная, шерсти не имущая, огнь и смрад из себя испускающая». Девица испугалась и уже хотела прыгнуть в окно; как вдруг слышит за собою глас человеч: «Стой, стой, душа моя, не ужасайся: аз, преокаянная мати твоя, проклятая от Бога, гнусные грехи творила с отцом твоим». Таким образом,

счастлива только та душа, которая попадет в тело хлыста: в нем она быстро очистится и, как мы видели, наверняка станет ангелом. Непонятным у хлыстов остается душепереселение тех, которых они сами признают святыми: апостолов, пророков и, в особенности, праведниц: Варвары, Екатерины, Евдокии, Параскевы и др.

Впрочем, в последнее время у хлыстов замечается тенденция – свести свою теорию о душепереселениях к чисто пантеистическому пониманию, вследствие чего, многие из них уже склонны отрицать индивидуальность душ, утверждая, что во всех людях живет один и тот же божественный дух, только, оставив умерших, он вселяется в рождающихся[19].

Хлысты веруют в кончину мира и будущую вечную жизнь. Но раньше кончины мира будет происходить страшный суд. Его откроет по трубному гласу сам сударь-саваоф Данила Филиппович; но, собственно, производить его будет «сын божий, возлюбленный Иван Тимофеевич Суслов», который для этого сойдет тогда с «седьмого неба», где он пребывает теперь. Сначала все люди соберутся в Москве, а когда раздастся звон «царя-колокола» они отправятся для суда в Петербург. Все не-хлысты будут осуждены на вечное мучение вместе с диаволами; а хлыстам будет даровано вечное блаженство, которым они будут наслаждаться вместе со своим «саваофом», «христами», «богородицами», «апостолами», и «пророками». Для обитания их будет устроено над землею «новое небо» после того, как «дольныя небеса» распадутся. Блаженство хлыстов будет столь величественно, что его и представить невозможно. О райских радостях хлысты поют:

Когда б их ведали –
Все б женаты разженилися,
Неженаты – не женилися, –
Все б святыми здесь учинилися…

Тем не менее, в последнее время уже многие хлысты этих верований не разделяют. Среди них есть не мало таких, которые не признают ни будущего страшного суда, ни воскресения мертвых, ни загробной жизни. О загробной жизни они, обыкновенно, выражаются так: «оттуда нам ничего не

пишут, как там живут и что там делают, потому что самой жизни загробной нет: не может быть, чтобы все встали из могил, ибо, где они поместятся, когда воскреснут?»[20] Такое воззрение есть, конечно, результат атеистического мышления.

Нравственное учение хлыстов

В учении хлыстов о нравственности лежит грубый, чисто манихейский дуализм, по которому дух есть источник добра, а материя – источник зла; весь смысл жизни заключается в борьбе между духом и материей. Поэтому хлысты учат, что и тело человека («плоть»), как материя, как произведение дьявола, есть источник всех зол и бедствий человеческих, корень всех греховных страстей и похотей, причина разврата и нравственного падения, – и поэтому душа, как творение Божие, должна вести с ним борьбу в течение всей земной жизни. Когда душа побеждается телом, то есть подавляется чувственными страстями и похотями, она становится добычей дьявола и погибает; но когда она одерживает победу над телом, подавляет в нем похотливые желания и чувственные порывы, то уже здесь, на земле, она достигает того блаженного состояния, которое выражается в непосредственном общении с Богом: она воспринимает в себя духа Божия. На дальнейшей ступени своего нравственного совершенства человек, которому принадлежит такая душа, становится уже «пророком», ибо он не только воспринимает в себя Духа Божия, как все рядовые хлысты, но и получает дар пророческого ведения, прозорливости, так что от него не могут быть сокрыты даже затаенные человеческие помышления. Высшая же степень нравственного совершенства состоит не в достоинстве пророка, а в достоинстве «Христа» и «богородицы». Впрочем, для хлыстов нет преграды и к достижению этого достоинства. Ибо как «старый», евангельский Христос был сначала только простым человеком и лишь впоследствии, «ради беспорочности своей жизни, чистоты сердца и святости дел», удостоился быть носителем духа Сына Божия, так может достигнуть этого и всякий хлыст. В «христах» Бог уничтожает естественную человеческую душу и на ее место вселяет Свой Собственный Дух, вследствие чего, хлыстовские лжехристы сами уже становятся «живыми богами», которым приличествует и божеское поклонение. Но самое высшее и нравственное

состояние, труднодостижимое даже и для хлыстов, есть то, которое дает человеку право на достоинство «саваофа». Евангельский Христос, по кощунственному учению хлыстовских лжепророков, был равен только Суслову, Копылову, Радаеву, Андреяну Петрову и всем другим хлыстовским лжехристам, но Он ниже стоял Данилы Филипповича, ибо не достиг достоинства «саваофа». Впрочем, хлысты иногда впадают и в самопротиворечие: веруя в слепой рок или предопределение, они в некоторых песнях своих высказывают мысль, что, если кто предопределен быть «Христом», то он будет им, какую бы жизнь он ни вел, и что достоинство «Христа» можно принять независимо от своего поведения и нравственной жизни:

Бесконечный и грешными не гнушается,
В сердцах воплощается.

Одержать победу над греховной плотью и достигнуть высшего нравственного совершенства или – что то же – «духовно умереть» и «нравственно воскреснуть» («переродиться») – хлысты надеются посредством воздержания от чувственных удовольствий, сурового поста, соблюдения заповедей Данилы Филипповича и «радений».

Основатель хлыстовства Данила Филиппович, как мы, видели, запретил своим последователям не только блуд, но даже супружеское сожительство, освященное законным браком. «Неженатые не женитесь, а женатые разженитесь; кто женат, живи с женою, как с сестрою» (заповедь 6-я). Нужно сказать, что и в настоящее время хлысты строго соблюдают эту заповедь своего «сударя-батюшки саваофа». Брак они признают открытым блудом и называют его тяжким грехом, за который Адам был изгнан из рая, и который не может быть прощен ни в сей век, ни в будущий. Но природа предъявила свои требования и хлысты должны были сделать ей большую уступку. С конца 18-го столетия их «христы» и «пророки» стали проповедовать о дозволительности «христовой любви», а в 19-м веке уже вменили в обязанность каждому хлысту, бросив свою законную жену, иметь свою «духовницу» или «просфорку», а каждая хлыстовка – будь то женщина замужняя или девица – обязана иметь своего «духовника». При этом, вовсе не считается грехом,

когда эти «духовные» брат и сестра превращают свое «духовное» сожительство в плотское, разрушая свои семьи и делая несчастными своих детей, прижитых в законном браке. «То не есть блуд, – говорят хлысты, – когда брат с сестрой, по взаимной склонности, имеют плотскую любовь, а блуд и скверна есть брак законный, противный господу (т. е. Даниле Филипповичу). Если их (хлыста и хлыстовку) Дух Святый через пророков не обличает, то как смеем мы обличать и осуждать их во грехах? Стало быть, они во грехах своих приносят Богу тайное покаяние. Сам Дух Святый указывает соединить и составить одно»[21]. Мало того. Хлысты не считают грехом одновременное сожительство даже со многими «духовицами». У «саваофа» и лжехристов живут по 3–4 девицы, как бы, посвященные родителями на служение богу; они называются именами разных святых жен, а очень молодые и красивые – даже ангелами[22].

Арзамасский лжепророк Радаев, живший в 40-х годах прошлого века, имел целых 13 «духовниц», когда ему было 35 лет от роду, – и он говорил им: «Вы не думайте, что я блуд творю; я только вид делаю; а я плоть свою умерщвляю; гордость укрощаю. Не хочу, чтоб меня святым считали». Он же учил, что целомудрие девицы есть тяжкий грех, так как оно заставляет ее гордиться и превозноситься перед другими де вицами. Удивительно, что этот бесшабашный разгул половых страстей в хлыстовстве имеет какую-то демонически-притягательную силу, подавляющую все доводы разума. Один бывший хлыст, обратившийся потом в Православие, вот что сообщил православному миссионеру: «У меня была жена красивая, а когда я поступил в хлысты, мне дали некрасивую; свою я отпустил, позволил ей жить с другим, – и поверьте, г. миссионер, нечистая сила меня сильно тянула к незаконной, хотя и некрасивой, жене… к родственницам тоже… Я полагаю, что здесь не иначе, как бесовская сила действует. Теперь, слава Богу, все прошло»[23]. Отвергнув законный брак, хлысты допустили даже на своих «радениях» такие противонравственные и отвратительные действия, как «свальный грех», без разбора возраста и родства.

Основатель хлыстовства запретил своим последователям употребление спиртных напитков. «Ничего хмельного не пейте» (заповедь 5-я). И справедливость требует сказать, что хлысты вообще ведут жизнь трезвую и постоянно ставят в укор православным их пьянство и разгул. Позднейшие лжехристы и лжепророки пошли дальше своего первоучителя и запретили хлыстам даже пить чай и кофе, есть картофель и лук, курить и нюхать табак. Старики исполняют и это требование; о молодежи, впрочем, того же сказать нельзя. Молодые хлысты открыто в трактирах пьют чай, не отказываются от сахара, а иногда – и от вина. «Без этого нынче нельзя, – говорят они – особенно, когда дела с людьми делаешь, никак не обойдешься». Впрочем, в последнее время, но некоторым местностям, и старики-хлысты не всегда строго соблюдают заповедь Данилы Филипповича о неупотреблении хмельного. О саратовских хлыстах, напр., пишут[24], что они очень много пьянствуют, приносят водку даже на свои «раденья» и там напиваются до потери сознания. Но пусть будет это исключением!

Данила Филиппович не дал хлыстам заповеди о неядении мясной пищи. Это заповедали позднейшие лжехристы и лжепророки, измыслившие учение о перевоплощении душ. Но старые хлысты все-таки мяса не едят. В некоторых толках запрещается есть только свинину.

Заповеди о посте также не были даны основателем хлыстовства. Но в последующее время в глазах хлыстов пост получил весьма важное значение: он признается не только подвигом вообще, но и одним из главных средств достижения высшего нравственного совершенства. Так, о нем впервые стал учить тамбовский лжехристос Копылов, причем, он советовал постящимся носить на себе и вериги. Тем не менее, у хлыстов нет ни правил, ни определенных дней для поста. Ревностные хлысты сами добровольно назначают себе пост, когда пожелают и какой срок определят. И тогда они уже все время поста ничего не едят и ничего не пьют. Самый больший срок хлыстовского поста – неделя. Если до окончания этого срока хлыст ослабеет, то он ложится в постель и лежит по целым суткам, но никакой

пищи и питья не принимает, пока не окончится назначенный им срок. Иногда доходит до того, что постник не в силах бывает раскрыть рта и приходится с трудом протискивать ему чрез зубы чайную ложку теплой воды с медом, пока он получит способность правильного употребления пищи по окончании срока его поста. Ослабевающему постнику иногда за два-три дня до срока приходят на помощь «братья» (хлысты). Помощь эта довольно оригинальна и своеобразна. Она состоит в том, что несколько хлыстов решаются «потрудиться за него». Они думают, что обессиленному постнику будет легче докончить свой обет, если и они на два-три дня откажутся «для него» от пищи и питья. Недельный пост у хлыстов считается не только великим подвигом, но и признаком редкого благочестия. В честь такого подвижника община, обыкновенно, устраивает даже особое богослужебное собрание, на котором он является настоящим героем дня: ему воздаются почти божеские почести[25].

Религиозный культ хлыстов

У хлыстов бывают по ночам свои богослужебные или молитвенные собрания, которые они называют чаще всего «радениями», «духовною беседою», «святою беседою», «христовщиною», а иногда и «тайною вечерею». Собрания эти, обыкновенно, устраиваются в доме «саваофа», «христа» или «кормщика», непосредственно управляющего всеми делами хлыстовского «корабля» или общины. В некоторых местностях, где проживает много хлыстов, можно встретить и особые «молитвенные дома», специально предназначенные для этих собраний. В них непременно находится большая, поместительная комната, называемая «собором», «сионскою горницею», «домом Давидовым», «Иерусалимом», «скиниею», «храмом Божиим» и т. п. В переднем углу этой комнаты, или посередине ее, стоит стол, покрытый белой скатертью; на нем лежат Евангелие и крест. Стены «моленной» украшаются различными символическими картинами, вроде «Излияния благодати» (на мальчика нисходит голубь с облаков), «Всевидящего ока» (внизу Адам и Ева, а вверху, в трех кругах, – ангелы, посередине глаз), «Истинного покаяния» (Пастырь с овцою на руках, вокруг Него ангелы, скачущие, пляшущие, плещущие руками, играющие на гуслях, скрипке, свирелях; внизу – танцующий Давид с арфою, рукоплещущие апостолы, пророки, мученики, женщины и т. п.). В «красном» углу стоят иконы, почти все обыкновенного церковного письма; перед ними висят лампадки. Мебели в комнате, кроме двух-трех стульев, – никакой.

Молитвенные собрания хлыстов происходят, обыкновенно, под воскресные дни и праздники Православной Церкви. Своих праздников хлысты имеют немного: можно указать только на их «годовое» радение, совершаемое, большей частью, под Духов день и продолжающееся непременно 12 часов (6 часов до полуночи и 6 часов после полуночи) и на 26-е июня, когда они празднуют память какой-то «св. мироносицы Анны», – должно быть, одной из «богородиц». Кроме этих двух дней у них бывают

богомоления по частным случаям: напр., по случаю избрания Христа, богородицы, пророков, освящения моленного дома и воды, погребения умерших, приема новых членов секты, приезда важных «братьев» и т. п.

Точно определенного богослужебного ритуала у хлыстов нет, да и не может быть, как не может быть у них и общепринятого катехизиса или даже Символа веры; а потому и все попытки исследователей (Барсова, Добротворского, Кутепова и др.) классифицировать хлыстовские молитвенные собрания и точно охарактеризовать виды хлыстовских богослужений должны быть признаны неудачными. Как верования хлыстов зависят от непосредственных откровений их лжехристов и лжепророков, так и их религиозные «радения» всегда носят случайный характер, так как все относящееся к ним – место, время, продолжительность, выбор кантов, их напевы, чтение книг Св. Писания, речи и виды «кружений» или «радений» в собственном смысле – зависит каждый раз от усмотрения лжехристов или лжепророков (общее название их в «корабле» – «старцы»). Основатель хлыстовщины дал своим последователям заповедь (12-ю): «верьте духу». В религиозной жизни хлыстов эта заповедь имеет чрезвычайно важное значение. От произвола этого-то «духа» каждый раз зависят как «чин», так и порядок радений. Кроме того, хлысты по-своему понимают слова Давида: «пойте Господу новую песнь». Однообразные радения им надоедают. По их мнению, тот пророк мало облагодатствован, который не способен разнообразить их. Даже одних и тех же песен хлысты не терпят на своих радениях; «петь одно и то же, – говорят они, – дело мертвое, Богу не угодное». В крайнем случае, должны быть вводимы новые напевы кантов. Вот почему об определенном «чине» хлыстовских радений не может быть и речи. Но есть и другие причины, препятствующие точно изучить их и установить их виды. О своих радениях хлысты, в силу данной клятвы, никогда ничего не говорят посторонним лицам и даже своим «оглашаемым», еще формально не принятым в их общину: о них знают только хлыстовские «губы да зубы».

Проникнуть на их радения весьма трудно: они происходят, как сказано, по ночам и часто не в одних и тех же помещениях, которые всегда, однако же, тщательно охраняются надежными стражниками – «архангелами»[26] и злыми собаками. При появлении посторонних, хлысты тотчас же прекращают свои радения и скрывают все следы их. Поэтому о хлыстовских радениях известно лишь то, что добыто различными судебными и полицейскими расследованиями. Даже лица, оставившие хлыстовство, крайне неохотно говорят о том, что происходит у хлыстов на их радениях[27], и часто уносят с собою в могилу сокровенные тайны этой секты.

Несомненно только то, что составными частями хлыстовского богослужения являются: 1. некоторые церковные молитвословия (молитвы, акафисты, а иногда даже панихиды и молебствия), 2. чтение книг Св. Писания с толкованием, 3. пение специально хлыстовских кантов, 4. речи или проповеди, 5. пророчества и 6. радения; но радения бывают не всегда, а лишь в особых случаях. Случайно входят в состав хлыстовских богослужений: 1. ритуальный прием новых членов секты; 2. исповедь и причащение, 3. посвящение «пророков» и «коронование богородиц», 4. «духовное венчание» и 5. отпевание «живых мертвецов».

Насколько можно судить по полицейским дознаниям и некоторым рассказам очевидцев и покаявшихся хлыстов, наиболее общий порядок в хлыстовских молитвенных собраниях состоит в следующем. Часов около 5–7 вечера помещение, в котором предположено устроить «раденье» или «апостольское собрание», освещается особой люстрой, вроде паникадила (в домах богачей), и множеством свечей или ламп (у крестьян), – и в него собираются «радельщики» или хлыстовские богомольцы. «Старец» (лжехристос или лжепророк) и «богородица» садятся на свои места, у красного угла, под иконами, за столом, на котором лежат крест и евангелие и стоят два подсвечника с зажженными восковыми свечами. По правую сторону от них становятся мужчины, по левую – женщины.

При входе в моленную, каждый хлыст осеняет себя крестным знамением, кланяется на три стороны и говорит: «мир вашему дому и живущим в нем!» – на что ему отвечают: «с миром к нам». Потом он подходит к «старцу» кланяется ему трижды в ноги и целует его сначала в губы, а потом в правую руку; затем он здоровается со всеми присутствующими – мужчинами и женщинами – «по-христиански», т. е., «братским целованием», а в некоторых кораблях, вошедший кланяется в ноги и всем присутствующим, которые отвечают ему тем же. Когда все хлысты соберутся, «старец» уходит в другую комнату и облачается в радельную рубаху – белую, сшитую из холста или коленкора, с широкими рукавами, спускающуюся до самых ног, подпоясывается «золотым поясом», а на плечи кладет длинное, белое, по концам вышитое красными нитками, полотенце, делая из него нечто вроде архиерейского омофора. Когда в таком костюме «старец» возвращается в моленную, ему подают кадило с ладаном или смирною, и он кадит присутствующих. Отдав прислужнику кадило, он преподает всем общее благословение. Так начинается хлыстовское богомоление. После этого, все присутствующие поют: «Царю Небесный», а затем уже специальные хлыстовские песни: 1. «Свят, свят, свят, Творец наш! Свят, свят, свят, Искупитель наш! Свят Дух, отец наш, вся святая Троица, Тебе честь во веки, аминь»; 2. Дай нам, Господи, Иисуса Христа! Дай нам, сударь, Сына Божия» … 3. «Царство, ты царство, духовное царство»… 4. «Все упование» … Не всегда поются все эти песни; иногда ограничиваются только двумя или даже какою-либо одной. Во время пения этих кантов, «старец» стоит за столом, держа в правой руке крест, а в левой – зажженную свечу, а по окончании пения осеняет присутствующих. Затем, особый чтец, по указанию старца, читает отрывок из какой-либо книги Св. Писания – чаще всего из евангелий или апостольских посланий, а «пророк» присовокупляет истолкование прочитанного, по обычаю, иносказательное, согласное с хлыстовским вероучением. Выслушав чтение и толкование, хлысты, по указанию «старца», снова поют свои канты, число и напев которых опять-таки зависят от усмотрения «старца». По

окончании пения, «старец» поднимается с места и произносит «проповедь». Если присутствуют «оглашаемые», которых, обыкновенно, ставят на отдельном месте, то ради них эта «проповедь» всегда имеет «призывной» (апологетический или полемический) характер. «Вот, может быть, новичкам из братьев, не утвержденным еще в истине, покажется, – говорил один хлыстовский лжепророк[28], – что здесь беснуются; но это не должно отвращать их от истины: это есть наитие Духа Святого; то же самое было с апостолами, как свидетельствует о том книга Деяний Апостольских… Было время, когда вы покланялись этим деревянным богам, которые ничего вам не дали и не дадут, которым, напротив, надо нанимать сторожей и охранять их; теперь настало другое время; вы познали истину и должны поклоняться живому и истинному богу. Не должны вы, братие, в церковь ходить, а должна в вас церковь войти; не должны зажигать лампад пред иконами, а должны зажечь их в сердце своем. То не церковь, что построена, а каждый из вас составляет особую церковь, а, собравшись вместе, мы составляем соборную апостольскую церковь[29]. Есть, братие, истинные учители и пастыри у нас, в обществе духовных христиан; есть лжеучители, в овечьей шерсти волки хищные, книжники и фарисеи, это – лжеучители-попы. Не должно слушать этих лицемеров и брать у них благословение. То не благословение, что рукой машет, благословение должно быть духовным», и т. д. После произнесения «проповеди», присутствующие, по указанию «старца», поют опять кант, чаще других начинающийся словами: «Заблудшую овцу». А, так как перед радениями почти всегда бывают лица, желающие у «старца» исповедоваться, то, обыкновенно, хлысты в это время поют и предъисповедальный кант:

Плачь, душе моя,
Протекает жизнь твоя;
Ангел твой тебя хранит:
«Плакать о грехах велит…

В отдельной комнате «старец» исповедует мужчин, а потом «богородица» исповедует женщин. Если исповедь затягивается,

то оставшиеся в моленной поют и другой «исповедальный» кант:

Господь гласом говорил,
Он темницу отворил, –
Душу грешну пробудил
Встань, проснись! Он говорил...

По окончании пения этих кантов, «старец» возвращается в собрание; пред ним зажигают две больших свечи, и он произносит молитву о прощении грехов исповедавшимся и об обращении в хлыстовство всех неверующих, т. е., всех православных христиан. Присутствующие слушают эту молитву, стоя на коленях, со вздохами и слезами. Женщины даже искусственно вызывают у себя слезы, натирая глаза чесноком, луком или горчицей. В это время происходят явления чисто истерического характера: или лжехристы распинают себя на стенах[30] при общем крике, воплях и шуме, или лжепророк, спрыгнув с своего места, начинает бегать по комнате, производя те или другие странные действия и произнося бессвязные фразы, которые прыгающими и неистовствующими присутствующими принимаются за пророчество, или какая-нибудь женщина, вся в слезах и с растрепанными волосами бросается пред «старцем» на пол, громко исповедуя грехи свои, другие начинают кликушествовать, появляются бесноватые с пеной у рта и нечеловеческими криками... Но необычайный шум, крики, прыганье и скакания поднимаются тогда, когда оказывается, что все бесноватые и кликуши чудесно исцелены (до следующего, впрочем, раденья) «старцем»... Успокоившись от этого неистовства, хлысты, по указанию «старца», снова начинают петь свои монотонные канты и затем совершается «причащение»...

Есть несомненные доказательства того, что в прежнее время хлысты причащались грудью живой девицы и телом заколотого младенца. Это подтверждается и судебными следствиями, начиная с 1738 года (показание Алексея Трофимова и др.), и беспристрастными учеными: Кельсиевым[31], Гакстгаузеном[32], Мельниковым[33], Кутеповым[34], Пеликаном[35].

Но, допустим, что в настоящее время у хлыстов этого бесчеловечного обычая не существует. Теперь они причащаются, большей частью, только белым хлебом и водою, особенно, годовою, взятою из колодца, находящегося на родине Данилы Филипповича, сухариками с изображенным на них крестом, изюмом и квасом, дымом и пламенем трех или семи зажженных восковых свеч, растертыми шишечками радельной годовой вербы, московскими пряниками, а чаще всего – обряд этот ограничивается целованием колена или другой какой-либо части «пречистого и животворящего тела», сидящей в углу, «богородицы», которой «причастники» поют, предварительно, гимн, оканчивающийся стихами:

Матушка, пресвятая богородица,
От тебя Христос народится;
Дай нам пречистым телом твоим причаститься…

Впрочем, есть много фактов, свидетельствующих о том, что «старцы» причащают своих «детушек» какими-то не совсем безвредными веществами. Так, свидетель – очевидец, заслуживающий полного доверия, рассказывает, что один хлыст, приняв причащение в виде конфеты, двенадцать дней болел, лишился даже сознания, не мог двигаться и получил отвращение к пище. Другой после причащения начал ломать у себя печь, а затем с криком: «всего мира князь, всего мира князь» прибежал к одной женщине и просил ее запереть дом, приговаривая: «идут, идут». Третий – в состоянии исступления – вспорол свою лошадь и вообразил, что на двор к нему забрались волки. Все эти лица были подвергнуты судебно-медицинскому осмотру и возбудили сильное подозрение в возможности отравы. Не нужно забывать, что, понося Православную Церковь, хлыстовские «пророки» внушают мысль «радельщикам» об ощутительном действии благодати в их причащении. Вообще же, – говорит очевидец[36], – после причастия у хлыстов бывает нечто, вроде белой горячки.

Если вместо умершего «пророка» или «богородицы» община избрала новых лиц, то на радениях после «причащения» совершается их посвящение, для чего иногда из очень отдаленных мест приезжает сам «саваоф» или, за

отсутствием его, какой-либо, пользующийся известностью, лжехристос. Посвящение «богородицы» называется ее «коронованием», а посвящение лжепророка – его «венчанием». Коронование «богородицы» состоит в том, что лжехристос свивает белый платок, связывает его концы и держит его в виде венка, подняв вверх, а «богородица» подходит под него. В это время хлысты поют:

Склонили веса
Душу в небеса,
Принимал отец,
Наклонял венец…

В этот момент «христос» надевает «венец» на «богородицу». Посвящение «пророка» совершается подобным же образом. «Духовное венчание» состоит в том, что «брата» и «сестру», пожелавших жить в «христовой любви», ставят пред «старцем». «Старец» покрывает их большим белым платком и читает соответствующую случаю молитву, затем, при пении «частых» (т. е. скорых и веселых) песен, обводит их трижды вокруг чана с водою, держа в руках крест и зажженную восковую свечу. Свечи в руках все время держат и венчающиеся. Обряд заканчивается окроплением водою из радельного чана повенчанных.

Так происходит первая часть хлыстовского «богослужения». В полночь начинаются уже радения в собственном смысле слова. Но, если до полуночи еще не скоро, то в этот промежуток времени хлысты отправляют вечерню, панихиду, молебен или читают какой-либо акафист, почти без изменения, по чину Православной Церкви. Около полуночи «старец» обращается к хозяину дома приблизительно с такими словами: «Ну-кась, сударь – хозяин, позволь нам порадеть для господа, с сударем – батюшкою повеселиться, небесною пищею его насладиться, богом – светом завладать а на святом кругу его похватать» (по другим: «покатать»)[37]. После этого, все присутствующие снимают свою обувь, оставаясь в одних нитяных чулках или даже босыми, и входят в особую, более или менее, просторную комнату, без всякой мебели, с закрытыми окнами, освещенную только немногими восковыми свечами, составленными в

переднем углу перед иконами. Здесь, по приглашению своего пророка, хлысты снимают с себя обычное платье и белье, и надевают радельное: почти такую же рубаху, как и «старец», только несколько короче, подпоясываются белыми поясочками, а в левые руки берут белые платки и полотенца; последние они кладут на левые плечи, наподобие диаконского ораря, платки же, обозначающие крылья ангелов и архангелов, они держат во время радений за углышек, а во время перерывов, обыкновенно, раскладывают их на своих коленах; ими же пользуются хлысты для отирания пота во время своих кружений и беганья. Женщины одеваются в такие же белые холщовые рубахи, как и мужчины, а сверх рубах они надевают еще белый сарафан или белую юбку; головы свои покрывают белыми платочками, завязанными на затылке; шеи завязывают белыми косыночками. Белый цвет есть вообще любимый цвет хлыстов; они избрали его по трем побуждениям: 1) они уподобляют себя тому «великому множеству людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен, и колен, и народов, и языков», и которое, по свидетельству Иоанна Богослова (Откр. 7:9), «стояло пред престолом Бога и пред Агнцем в белых одеждах, и с пальмовыми ветвями в руках своих». 2) По их преданию, как мы уже упоминали, белыми рубахами хлыстовок было обвито тело Суслова. 3) Белый цвет знаменует их душевную чистоту. Свои радельные рубахи хлысты, обыкновенно, называют «белыми ризами», «мантиями» и «парусами».

Среди радельной комнаты во многих (по не всех) хлыстовских «кораблях» ставится большая кадка с водою. Этой водою во время радений хлысты часто примачивают свои головы или прихлебывают ее из рук.

Одевшись в радельный костюм, хлысты приступают к самым радениям. Нет никакой возможности в последовательном порядке изложить все то, что происходит на хлыстовских раденьях: прыганья, беганья, верченья, рукоплесканья, пение песен, крик, вопли и т. п. Впрочем, исследователи хлыстовства нашли возможным все способы хлыстовского раденья свести к следующим восьми видам:

1. Радение одиночное. Оно состоит в том, что каждый хлыст вертится, стоя только на пятке правой ноги, по солнцу, т. е., слева направо; верчение это, вначале медленное, постепенно ускоряется, однако же, до такой степени, что нельзя даже ясно увидеть лица вертящегося хлыста, который превращается, как бы, в белую колонну. И когда таких вертящихся хлыстов набирается в одной, сравнительно небольшой, комнате от 100 до 300 человек, то получается зрелище, которым нельзя не поражаться. Вся комната наполняется вихрем и шумом; свечи тухнут. Тем не менее, это радение имеет значение только подготовительного действия и потому бывает непродолжительно.

2. Раденье схваткою или в схватку. Это, нечто, вроде светского танца, называемого «галопом»: хлысты с хлыстовками, обнявшись, попарно вертятся по всей комнате.

3. Раденье стенкою или в стеночку. Хлысты становятся тесно друг с другом, образуя круг; они быстро скачут в такт, одновременно обеими ногами и, в то же время, машут руками.

4. Раденье круговое или хороводное. Хлысты составляют круг; за их кругом образуется другой круг из хлыстовок. С пением песни: «богу порадейте, плотей не жалейте, Марфу (т. е. плоть) не щадите, богу послужите» и ударяя в такт ногами, хлысты начинают кружиться с неимоверной быстротой, мужчины – по солнцу, женщины – против солнца и, бросив песню, начинают уже в такт кричать: «ой дух! ой дух! ой духи ой бог! ой бог! ой бог! царь бог! царь бог! царь бог! царь дух! царь дух! царь дух! о Ега! о Ега! о Ега!» и т. д. Радение это хлысты называют еще Иезекиилевым «коло в колеси» и потому вспоминают «Егу» (т. е. Иегову). Утомившись, «радельцы», ради отдыха, делают перерыв и выходят из круга; более ревностные, впрочем, продолжают вертеться сами по себе, в одиночку, мужчины – в правую сторону, женщины – в левую. После отдыха хлысты снова становятся в круг и начинают кружиться еще с большей ревностью, как бы, желая показать свое особое послушание «старцу», который в это время вертится в центре круга и поет:

Уж вы, детушки мои,
Порадейте для меня,

Бога ради порадейте!
Не жалейте вы плотей –
Тех нечистых свиней!
Ради Бога порадейте,
Своим потом облейте
Матушку сыру землю!..
Вы Марию позовите,
Грешну Марфу прогоните...

А «богородица» в это время кричит одно: «бейте Марфу, не жалейте плоти». Хлысты схватывают свои полотенца, делают из них жгуты и начинают ими бить друг друга и себя самих, вполне веря, что этим они изгоняют из себя бесов. Рубахи на них становятся такими мокрыми, что их выжимают несколько раз; пол смачивается потом, как бы, разлитою водою. По этой причине, «круговое» радение хлысты называют иногда «банею возрождения». Радение продолжается до тех пор, пока участники его уже не смогут двигаться. Очевидец, наблюдавший лично круговое радение, замечает: «если б можно было посторонним людям видеть сие религиозное богослужение сектантов, то каждый с удивлением и некоторым страхом сказал бы, что происходит какая-то странная и нелепая комедия диких народов, похожая, более, на бешенство, противное благочинию религии какой бы то ни было веры»[38].

5. Радение корабельное или Давидово. Оно состоит в том, что хлысты, глядя друг другу в затылок, составляют продолговатый круг и начинают чрезвычайно быстро бегать друг за другом по солнцу с пением песен и сильным топаньем ногами в такт песен, стараются, как можно сильнее дышать, произнося громко: «о дух! о дух!», затем прыгают на пальцах «ударяя в ладошки», а в заключение, жестоко избивают сами себя кулаками, пушечными ядрами, завернутыми в платки, приговаривая: «сокрушайся, моя плоть»! а некоторые даже рубят себя ножами[39].

6. Радение крестное или в расходку. Это радение называется еще Петровым крестом (?). Хлысты и хлыстовки становятся у четырех стен и перебегают одни на место других.

7. Радение – Андреев крест или *угловое.* Оно отличается от предшествующего лишь тем, что, ради большого разгона, начинается не от стен, а от углов.

8. Радение – тканье цветов и ленточек отличается от крестного тем, что хлысты становятся только у двух стен и перебегают на противоположную сторону промеж друг друга.

Какой бы из указанных здесь видов радения ни избрал «старец» (а он иногда избирает и два, и три из них), – все равно: вследствие насильственных и неестественных движений, хлысты впадают в состояние сильнейшего нервного возбуждения или исступления, и становятся способными к галлюцинациям. Они начинают болтать непонятные и бессмысленные слова, не употребляющиеся ни на каком языке. И это называется пророчеством. Чаще всего бывает, что кто-либо из присутствующих намеренно начинает болтать разный вздор, вроде: тала-бара-ката-маза-гада-дики-гики-мара-гай… Но хлысты верят, что «просвещенный духом» говорит «новыми языками». Появление нового случайного, так сказать, экспромтного пророка, обыкновенно, происходит таким образом. Во время самого сильного неистовства радеющих, вдруг где-то, среди них, раздается дикий голос: «идет! Дух Святой идет!» Услышав эти слова, «старец» кричит в ответ: «Иди, дух божий! Иди, батюшка!» Все останавливаются и ищут среди себя пророка; а пророк уже в это время «глаголет новыми языки». Хлысты приходят в неописанный восторг. Оказывается, что дух святой сошел и на весь корабль. Все вскакивают со своих мест, начинают прыгать и вертеться и, чем дольше, тем оживленнее, пока не доходят до сильнейшего исступления, и затем в бессилии падают в кучу друг на друга, мужчины на женщин, женщины на мужчин. После этого, прислужники тушат свечи, а потом происходит то, примера чему, по словам одного немецкого ученого (профессора Геринга), мы напрасно стали бы искать в язычестве древнего мира. Мужчины и женщины открыто при всех предаются ужасному проявлению половой разнузданности, которое народ обозвал «свальней» или «свальным грехом». При этом не принимается во внимание ни родство, ни возраст.

Впрочем, справедливость требует сказать, что в последнее время хлысты сами начинают несколько стыдиться своего «свального греха», как составной части «богослужения», и он встречается на их раденьях сравнительно реже, чем в прежние времена. Но разврат все-таки продолжается; только теперь, после радений, хлысты и хлыстовки, получив благословение от лжепророка, чаще всего вместе отправляются в баню, устроенную здесь же, при молельне, на чердак молельни, в сараи и амбары; в самой молельне, остаются лишь привилегированные лица: лжехристы и лжебогородицы, лжепророки и лжепророчицы[40]. Случайно рожденные от них дети считаются «зачатыми через излияние духа», называются «иисусиками» или «христосиками» и предназначаются в будущем на места лжехристов.

Лжехристы так оправдывают безобразия, происходящие на хлыстовских радениях. «Нас укоряют церковники, – говорил один лжехристос будущему лжехристу[41], – что мы на своих собраниях скачем и пляшем; но мы поступаем так, во-первых, по примеру царя Давида, который скакал пред ковчегом Господа; во-вторых, от духовной радости по случаю сошествия Св. Духа и, в-третьих, совершаем это для утомления своей плоти. Радениями мы изнуряем себя, умерщвляем свою плоть и смиряем свой дух… Говорят, что на этих собраниях у нас бывает грех с женщинами. Что же из этого? Радения наши служат, как бы, войной против исконного врага нашего – диавола, а он орудием своей защиты берет женщину. Но нужно знать, важен ли этот грех настолько, чтобы он мог омрачать наше служение Богу? Нисколько. Грех вошел в человека через женщину, а потому, в каждой из них есть семена, посеянные издревле диаволом. Победить этот грех, а через него – и диавола, нужно тем же, т. е., грехом. Побеждая грех грехом, мы этим усмиряем плоть женщины и покоряем ее под свою пяту. Чем чаще совершается эта война между мужчиной и женщиной, тем скорее изнуряется и умерщвляется плоть и похоть обоих лиц». В последнее время, половой разврат на радениях хлысты открыто называют своим «крестом».

Мы сказали, что в состав хлыстовского «богослужения» входит и ритуальный чиноприем нового члена секты. Нужно, вообще, заметить, что хлысты принимают в свою общину новичков весьма осмотрительно, после продолжительного искуса и не иначе, как за поручительством «восприемников», каковыми могут быть только «братья», то есть хлысты, пользующиеся доверием и уважением общины. Прием в секту происходит, обыкновенно, во время самых многолюдных собраний. В первое свое посещение хлыстовского собрания новичок входит в моленную последним в сопровождении своего «духовного отца» и «матери». Вошедши в комнату и осенив себя крестным знамением, он падает на землю и кланяется в ноги пророку, пророчице и всем присутствующим. На поклоны ему никто не отвечает. Затем, став посредине комнаты, он произносит клятву – навсегда оставаться хлыстом, иметь радельную рубаху и никому ничего не говорить ни о хлыстовских верованиях, ни о том, что при нем будет происходить в моленной, хотя бы ему пришлось и пострадать «за веру». В Малороссии «присяга» хлыстовского неофита совершается в чрезвычайно кощунственной и возмутительной форме, однако же требуемой хлыстами для убеждения, что их новый собрат действительно порвал всякую связь с Православной церковью: в собрание хлыстов новопринимаемый приносит две иконы – Спасителя и Божией Матери (преимущественно – данные ему умершими родителями в благословение), бросает их посреди комнаты на землю и, став на них ногами – правою на икону Спасителя, левою – на икону Богоматери, – произносит клятву на верность хлыстовству; затем он кладет их в небольшую пустую кадку, поставленную среди моленной, снимает с себя нижнее белье и открыто, при всех присутствующих, оскверняет их самым гнусным образом. После произнесения клятвы новичок подходит к «пророку», который надевает на него большой белый (серебряный), с лучами, крест, за что он кланяется ему в ноги, целует его в щеку и руку, а «пророчицу» или «богородицу» – в обнаженное колено. Чиноприем заканчивается «братским целованием» принятого со всеми присутствующими – хлыстами и хлыстовками.

В некоторых хлыстовских кораблях церемониал приема в секту (по хлыстовскому выражению – «введения во святая святых») представляется более сложным. Принимаемый должен войти в собрание непременно босым, в длинной рубахе и таких же панталонах, с иконою в одной руке и с зажженной восковой свечой – в другой. После торжественной клятвы – в точности выполнять все требования хлыстовских заповедей, – старец сначала постригает его, а потом водит его вокруг радельного чана с водою или делает с ним круг по комнате, причем, присутствующие хлысты поют: «Елицы во Христа крестистеся» или «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи». Затем, «старец» осеняет принимаемого в виде креста горящей свечой, т. о., по выражению хлыстов, крестит его Духом Святым и огнем, а потом трижды дует на него, говоря каждый раз: «печать дара Духа Святого». Впрочем, способы дарования неофиту Духа Святого у хлыстов весьма различны: одни лжепророки дуют в рот ему, другие плюют в него, третьи дают ему сосать свой язык, четвертые ударяют его рукою в ухо, а иные ограничиваются обрызгиванием водою из радельной кадки. Прием новичка в секту у хлыстов, обыкновенно, называется его «перерождением». После всеобщего целования, принятого брата иногда сажают между двух испытанных хлыстовок, которые щекочут его за ноги повыше колен[42] и из которых одну он должен избрать себе «духовницей» для «христовой любви».

Наконец, у хлыстов, как мы сказали выше, есть довольно странный обряд – «отпевание живого покойника». Оказывается, что хлыстовские лжепророки иногда «предсказывают» тому или другому брату предстоящую ему в скором времени смерть, – и предсказание их сбывается, почему хлысты и ввели в обычай заблаговременно, еще до смерти, отпевать обреченного в могилу, чтобы и он сам мог принять участие в общей молитве. По рассказам очевидцев[43], это происходит таким образом. В полунощном собрании, обставленном таинственностью, пророк возвещает намеченной жертве: «Дух открыл мне, что ты, братец (или сестрица) ходишь к верху ногами; тебя, братец, зовет к себе государь-батюшка, сам саваоф; надо тебя, братец,

приготовить»… Назначается ночь для отпевания. Корабль – в полном сборе; все хлысты в белом одеянии. Передний угол с иконами ярко освещен. Крестные, по хлыстовству, батюшка и матушка вводят обреченного на смерть в моленную и ставят его посреди нее. Царствует мертвая таинственная тишина. Все присутствующие находятся под тяжелым впечатлением предстоящей разлуки с живым мертвецом. Обреченный на смерть, в свою очередь, проливает обильные слезы. В руках у него зажженная свеча и «знамечко», т. е. свиток из холста, с которым, обыкновенно, хлысты кладут в могилу своих мертвецов. С зажженными свечами стоят и прочие члены корабля. Пророк (или «кормщик») берет свое радельное полотенце, завязывает на конце его узел и, махая им, наподобие священнического каждения около гроба, три раза обходит живого мертвеца. В это время присутствующие поют «весьма протяжным и печальным голосом»: «Дай нам, Господи, Иисуса Христа» и т. д. Затем поются, так же, протяжно и заунывно: «Святый Боже», «Со святыми упокой» и «вечная память». Пророк читает молитву, по содержанию очень близкую к заупокойной ектении. Отпевание оканчивается «последним целованием», причем, «отпетый», сделав пророку и всем присутствующим земной поклон, просит их молитв о нем по смерти. После этого, устраивается поминальная трапеза: на столе, покрытом белой скатертью, появляется канун, с зажженной перед ним свечой, и блины. Во время общей трапезы пророк ведет речь о том, что бывает с душою человека после его смерти. – Один из очевидцев уверяет, что в течение десятилетнего пребывания его в хлыстовской секте таких отпеваний ему известно пять случаев, причем, отпеваемые всегда казались ему людьми здоровыми, но затем, действительно, после отпевания, через некоторое время, умирали и – большей частью, скоропостижно. Так приобретается популярность хлыстовскими лжепророками.

Быт хлыстов и *их* внешние признаки

К какому бы гражданскому обществу хлысты ни принадлежали – к крестьянскому, мещанскому или купеческому, – к его интересам они относятся холодно и равнодушно. На сельских и волостных сходах, на мещанских и купеческих собраниях, они почти никогда не бывают и непосредственного участия в общественном управлении не принимают, хотя от несения обязанностей должностных лиц, по выбору общества, не отказываются, особенно, если при этом они надеются воспользоваться своим общественным положением, чтобы принести пользу секте и единоверцам. Но, холодно относясь к общественной жизни внешним образом, они умеют, при помощи интриг и подкупов, так поставить дело, что жизнь общества, к которому они принадлежат, находится в их руках и принимает во всех отношениях желательное им направление. Распоряжения начальства они выполняют старательно; подати платят всегда исправно; недоимок за ними никогда не бывает; в глазах властей они считаются самыми надежными и аккуратными людьми. Но такое поведение хлыстов объясняется не искренностью и сознанием долга, а интересами их секты. Гражданское общество и его жизнь для хлыстов – не цель, а средство. Хлысты живут исключительно жизнью своего «корабля», жизнью своей сектантской общины, – и нет такой жертвы, которой бы они не принесли интересам «корабля».

«Кораблем» хлысты называют свою сектантскую общину. В каждом корабле есть, своего рода, иерархия: христы, богородицы, пророки и пророчицы; в больших кораблях к ним присоединяются еще евангелисты, апостолы, ангелы, архангелы, мироносицы, мудрые девы и т. д. Евангелистами называются хлыстовские «писатели», составляющие окружные послания, тенденциозные повести и т. п.; апостолы – это хлыстовские миссионеры, диспутанты на собеседованиях; архангелы-сторожа, охраняющие радельные собрания и исполняющие другие полицейские обязанности, ангелы – молодые, красивые девицы, составляющие свиту «саваофа»,

его прислужницы в доме и т. д. Но во главе хлыстовской иерархии и всего корабля стоит кормчий или кормщик. Он носит достоинство «саваофа» или «христа». Должность эта выборная; иногда выбор кормщика производится по указанию духа, возвещенному пророком во время радений. Во всяком случае, выбор должен быть единогласным. Но, раз выбранный, кормщик уже сохраняет свою должность до самой своей кончины и получает власть над всем кораблем, неограниченную и бесконтрольную: за свои действия он отдает отчет только одному батюшке-саваофу Другие иерархические лица (пророки, пророчицы и т. п.) составляют его совет; но решающего голоса не имеют и подчиняются кормщику наравне с другими, безусловно. Воля кормщика священна для всех членов общины, каких бы она средств и жертв ни требовала. Кормщик волен не только над имуществом, но и над жизнью «корабельщиков» (т. е. членов хлыстовской общины); но и ни один корабельщик не задумается броситься и в огонь, и в воду, если того потребует кормщик.

Вот факт из недавнего времени (1898 г.). Лжехристос Лардухин издал циркулярное приказание убить хлыста Щетинина, который не был изменником секте, а только показался лжехристу лицом подозрительным, так как на одном собрании сделал против хлыстовского лжеучения невинное возражение. И что же? На другой день хлыст-фанатик, пророк корабля, сделал покушение на его жизнь: пустил в него две пули[44]. Кормщик есть главный блюститель веры и нравственности в хлыстовской общине, распорядитель на радениях, а иногда – и совершитель хлыстовских «богослужений». Он заведует общественными капиталами «корабля» и производит безапелляционный суд над корабельщиками. Материальное положение его прекрасно обеспечивается общиною. Ближайшей помощницей кормщика является кормщица, или «богородица». Должность кормщицы так же выборная и несменяемая. В кормщицы избирают всегда девушку молодую, красивую, отличающуюся умом и сметливостью. К сожалению, выбор кормщицы утверждается кормщиком гнуснейшим образом и соединяется с потерей

невинности. Избрав кормщицу, хлысты оставляют ее на ночь с кормщиком, а утром выводят ее в общую комнату в белом одеянии, где встречает ее целое общество хлыстов, поют ей песни и уже приветствуют ее, как настоящую богородицу, целуют ей руки, лицо и даже ноги[45]. Богородица часто заменяет кормщика по управлению делами корабля, но имеет особенно важное значение после его смерти; она же оказывает сильное влияние на выбор кормщика.

По внешнему своему быту, хлысты резко отличаются от православного населения своим видимым довольством и материальным благосостоянием. Их дома и усадьбы – лучшие во всей деревне. Но и на них сказывается сектантский отпечаток. Усадьбы их всегда бывают обнесены высоким плетнем или забором; ворота – глухие; калитки едва заметные. Дома свои хлысты строят подальше от улицы, в глубине двора; обсаживают их деревьями и кустарниками, в виде садов или палисадников; любят держать злых собак. В доме хлыста всегда можно найти несколько комнат; они содержатся чисто и опрятно. В чистой комнате, в переднем углу, много икон, мало чем отличающихся от церковного письма; но все-таки сектантский отпечаток заметен и на них. Хлысты любят иметь у себя изображение Христа у Каиафы в белой одежде, Спасителя и Богоматери, стоящих в кругу ангелов в таких же одеждах, архистратига Михаила на белом коне, Богородицы с открытой грудью, держащей на обеих руках обнаженного младенца Христа, иконы трех девственников – Гурия, Самона, Авивы, а также Косьмы и Дамиана[46].

Хлысты одеваются чисто, опрятно, иногда даже щеголяют своими нарядами. Одежду носят довольно однообразного покроя ради распознавания своих единоверцев. Материи белого цвета предпочитают другим. Хлыстовки, как женщины, так и девушки, настолько заботятся о своей красоте, что не стесняются румяниться и белиться: дорогое мыло, помада, сильно пахнущие духи у них в большом употреблении. Но зато, внутренняя и, в особенности, нравственная жизнь хлыстов весьма непривлекательна. Мы это видели уже. Здесь придется сказать немного.

Семья хлыста

– представляет собою явление непривлекательное и возмутительное. Связь между супругами поддерживается только внешним образом, да и не везде, и не всегда. Положение женщины у хлыстов весьма униженное, рабское. Вышеупомянутый лжехристос сказал правду, утверждая, что половым распутством своим хлысты «покорили женщин под свою пяту». Женщина, не согласившаяся бросить своих детей и своего супруга, чтобы в качестве «духовницы» вступить в незаконное сожительство с другим хлыстом, обращается в простую прислугу, в безответную рабу и безусловно подчиняется грубому деспотизму и прихотливым капризам своего мужа. Почетное положение занимают в доме его «духовницы». Христианская семья превращена в мусульманский гарем. Дети от законной жены называются не иначс, как «щенками» (у малороссов – «цуцынятами»). Отец питает к ним отвращение, видя в них свои «грешки». Но зато и дети, даже взрослые, ставшие хлыстами, умеют отплачивать своим отцам, оправдывая свое поведение теми же хлыстовскими «религиозными» мотивами. Непочтительность детей к родителям у хлыстов возмутительна. Мы уже знаем, как одна дочь представляла свою мать под образом гадкой, безобразной и смердящей свиньи. Но вот как рассуждают и хлыстовские сыновья: «Не тот отец, кто родил, а кто к делу простроил, или кто имение нажил. А это – что за отец? Он вовсе не имел ввиду лично меня, когда зачинал: он творил грех, наслаждался собственным удовольствием. За что же почитать его?»[47]. Сам основатель хлыстовства проповедовал недоверие к родителям.

Говоря вообще, нужно сказать, что хлысты отличаются чрезмерною гордостью, высокомерием и тщеславием по отношению к иноверцам и, в особенности, к православному населению. Они гордятся не только своим богатством, трезвостью и трудолюбием, но и своим мнимым превосходством религиозным. Как пользующиеся

непосредственными откровениями своих лжепророков, они, будто бы, выше стоят буквы Писания и православных обрядов и потому, называют себя не иначе, как «духовными христианами». «Вы покланяетесь мертвым, бездушным, деревянным богам. – говорят они православным, – а мы покланяемся живым богам»…

У хлыстов, обыкновенно, восхваляют их трезвость и трудолюбие, благодаря чему они и пользуются сравнительно материальным благосостоянием. Что хлысты ведут трезвую и трудолюбивую жизнь, это, как мы видели, отчасти верно. Но материальное благосостояние их нельзя объяснить только трезвостью и трудолюбием их. Хлысты представляют твердо сплоченную общину и материально поддерживают друг друга всеми дозволенными и недозволенными средствами, часто – во вред всему населению. Кроме того, они чрезвычайно скупы, жадны к наживе, корыстолюбивы и бессердечны, что совершенно понятно в людях, презирающих семейную жизнь и не имеющих детей, т. е. опоры в старости. Они не знают или, точнее, не хотят знать заповеди Христа о любви к ближним; для них «братьями» являются только их единоверцы, но они разрывают всякую связь даже со своими православными родственниками – отцом, матерью, братьями и сестрами. Особенно развито среди хлыстов ростовщичество, кулачество и мироедство. Они дают взаймы деньги только под верное обеспечение и за чрезвычайно большие проценты, закабаливая тем в свои жестокие руки иногда целое население деревни. Их любимое занятие – торговля в селениях и деревнях, подряды и маклерство. Это – деревенские конкуренты пронырливых евреев. В имениях помещиков и купцов они, обыкновенно, арендуют самые доходные статьи: сады, мельницы, огороды, заводы, постоялые дворы. Что касается хлыстов, занимающихся хлебопашеством, то не нужно забывать, что их дети, прижитые в законном браке, приняв, по принуждению отцов, хлыстовство, уже не женятся и не выходят замуж, а навсегда остаются работниками и работницами отца. Любовь хлыстов к сутяжничеству общеизвестна; а их злоба вошла даже

в пословицу: «православные злы до кабака, а хлысты по самый гроб, на вечные века».

В отношении к Православной Церкви, хлысты отличаются крайней враждебностью. В своих песнях и псалмах они называют православных не иначе, как «злым миром», «неверным народом», «свиным стадом», «татями», «злыми людьми», «злым князем мира», «царством тьмы», а православное духовенство – «черными вранами», «зверями кровожадными», «волками злыми», «безбожными иудеями», «злыми фарисеями» и т. п. Они кощунственно издеваются не только над обрядами, но и над таинствами Православной Церкви. В одном своем «божьем слове» они поют на своих радениях вот что:

Здравствовал батюшка,
Ликовался Сын Божий,
Гость богатый, царь небесный,
Судья милосердный,
В Московском царстве,
В святом своем Риме Иерусалиме,
В дому Божьем Давидовом,
С своими верными и праведными;
Изволил батюшка покатить
С верными в путь дороженьку,
И катил он батюшка
Селом мимо приходской церкви.
Сравнялся с церковью,
И шапочку не скинул,
А на церковь плюнул
И покатил дальше…

Даже в своем «слове божьем», которым хлысты, обыкновенно, начинают свои радения, они не забывают проявить свою враждебность к Православной Церкви и ее чадам, называя их «свининским стадом», «черною грязью» и «темным лесом»:

Дай нам Господа, дай Иисуса,
Сын Божий, помилуй нас.
Как бы знал я про то, ведал,–

Я про батюшкино, про успение,
Про его святое вознесение,
Я бы с батюшкой насиделся,
Я бы с батюшкой наговорился.
Я бы наплакался с ним и навопился.
А на том ему, свету, спасибо,
Что он вывел-то нас, кормилец,
Он из темного нас из леса,
Он из черной нас из грязи,
Из свининского нас из стада,
Он поставил же нас, наша надеждинька,
На дороженьку, на прямую,
На Христовую, столбовую.
Уж вы стойте, мои други,
Уж вы стойте, не шатайтесь,
В уме-разуме не мешайтесь…

Что будет дальше, – неизвестно; но до сих пор, сохраняя, по чисто практическим побуждениям, наружное общение с Православной Церковью, хлысты отличались неимоверной скрытностью, лукавством, хитростью и крайним лицемерием. По своему внешнему поведению они могут быть названы самими благочестивыми православными христианами и самыми верными чадами Православной Церкви. Хлысты, особенно неопознанные и не обнаруженные судебным следствием, почти всегда первыми являются в храм Божий на церковные богослужения и вечерние собеседования. Когда в проповеди или на собеседовании приходской священник заводит речь о мерзостях хлыстовства, то хлысты первые начинают вздыхать и возмущаться этими мерзостями. В обществе хлысты, в особенности, любят осуждать половой разврат и распутство. Будучи по внешности благочестивыми, хлысты чаще других становятся друзьями дома своих приходских священников, – и последние нередко только на судебном следствии узнают, кто были их друзья, кого они уважали за благочестие и считали лучшими христианами в приходе. Богатые хлысты часто бывают щедрыми благотворителями храмов Божиих. Иногда они занимают должности церковных попечителей, строителей,

старост, – и священники восхваляют их усердие и заботливость. Одна из пропагандисток хлыстовства в Орловской губернии, обладавшая довольно значительными средствами, для большого успеха пропаганды прибегла даже к следующему средству. На своем участке земли, находящемся в четырех верстах от приходского храма, она построила на свои средства церковь; прикрываясь благочестивым намерением открыть при ней монашескую общину, она набрала к себе детей и девушек – сирот и деятельно повела пропаганду хлыстовства[48]. Хлысты интересуются званием сотрудников Православного Миссионерского Общества; но бывали случаи, когда они принимали на себя обязанности и православных противоштундовых миссионеров; так, напр., в Оренбургской епархии противоштундовым миссионером был известный хлыстовский лжепророк Осип Дурманов, сосланный потом на поселение. Только судебное следствие, производившееся над ним в 1892 году, обнаружило этот прискорбный факт[49].

Лицемерно относятся хлысты, также, к богослужению, таинствам и обрядам Православной Церкви. Они чаще православных посещают богослужения; но в душе относятся к нему с презрением и кощунственно. Когда заблаговестят в церковные колокола, хлысты с насмешкою говорят, что медь не знает, за что ее бьют. В храме, во время богослужения, – говорят хлысты, – делают то же, что и в театре: туда ходят только на свидание или мотают головами. Хлысты, по-видимому, почитают св. иконы, имеют их в своих домах и даже во время своих радений возжигают пред ними свечи и лампадки. Но не нужно забывать, что хлысты почитают иконы по своему и держат в своих домах лишь те иконы, почитание которых они умеют примирить со своими верованиями; так, напр., под изображениями Божией Матери они разумеют не Пресв. Деву Марию, а своих лжебогородиц: казанскую икону Божией Матери они считают за изображение своей Аграфены Китаевны; смоленскую зовут Дарьей Ефремовной, тихвинскую – Устиньюшкой, грузинскую – Евфросинией Степановной. В таком же смысле почитают они иконы Божией Матери – Владимирскую, «Троеручницу» и «Взыскание погибших».

Нерукотворенный образ Спасителя, находящийся в военной часовне у ворот Казанского кремля, они считают за своего лжехриста Китая Лукьяновича. О других хлыстовских иконах нами было сказано раньше.

Хлысты принимают таинство крещения Православной Церкви, но – только ради метрической записи родившихся детей; на самом же деле, они признают лишь свое «крещение Духом Святым». Миропомазание и елеосвящение они называют «печатью антихриста»: иногда они причащаются в церкви, но, выйдя из церкви, выплевывают св. дары на землю и топчат их ногами, брак и священство отрицают совершенно; исповедуются у священника, говоря только одно: «грешен батюшка»[50]; лжепророки, впрочем, позволили им и нагло лгать на исповеди, ссылаясь на слова Христа: «лжще, Мене ради»[51].

Интересен отзыв немецкого протестантского ученого, профессора Геринга о русских хлыстах. «Хлысты, – говорит он[52], – ничуть не представляют собою той безвредной секты, какою иногда ее признавали; напротив, это – самый гибельный яд, который в конец разрушает жизнь и силы народа. Но, как ловко они умеют скрывать свои мерзости, доказывает следственная комиссия, назначенная Александром I в 1818 году, которая засвидетельствовала, что «Православная Церковь должна признать хлыстов своими вернейшими и благочестивейшими чадами, в верования которых нет ничего, заслуживающего порицания». Иначе – замечает немецкий ученый – и быть не могло. Ведь к этой секте принадлежали: и бывший с 1803 г. обер-прокурор Св. Синода Алексей Голицин и министр внутренних дел, граф Кочубей».

В заключение сказанного, мы кратко укажем здесь те внешние признаки, по которым можно опознавать хлыстов, и которые были установлены на третьем всероссийском миссионерском съезде. Вот эти признаки: 1) народная молва, обстоятельно проверенная; 2) самочинные собрания по ночам; 3) легкость половых отношений, сопровождающаяся, нередко, разрушением семейных уз и нескрываемыми прелюбодейными связями; 4) воздержание от мясной пищи и, особенно, свинины; 5) неупотребление спиртных напитков; 6) внешний облик хлыста

– истомленное, изжелта-бледное лицо, с тусклым, почти неподвижным взглядом, гладко причесанная и обильно умащенная маслом голова – у мужчин, белый платок на голове – у женщин; вкрадчивая, проникнутая притворным смирением, речь, постоянные вздохи, порывистые движения, нервные подергивания тела, своеобразная, как у солдат, походка; 7) присутствие в домах хлыстов картин мистического содержания (напр., «Укрощение бури на озере Иисусом Христом», картина страшного суда, рая с птицами и т. п.); 8) небывание на крестинах и на свадьбах, брезгливое чувство к акту рождения детей и к самым новорожденным; 9) хлысты почти повсеместно называют друг друга уменьшительными именами; 10) особенная любовь к сластям[53].

Разбор хлыстовского лжеучения

Не подлежит сомнению прискорбное свидетельство опытных миссионеров, что, кто раз попал в секту хлыстов, тот редко возвращается из нее. Это зависит, с одной стороны, от того, что хлыстовские лжеучители с чрезвычайной хитростью втягивают доверчивых людей в свою секту, подготовляя их совращение с величайшим, чисто иезуитским, искусством и с замечательной последовательностью; кроме того, по единодушному уверению лиц, бывших членами хлыстовской секты и потом оставивших ее, самые радения хлыстов отличаются какою-то особою демоническою заразительностью и соблазнительностью, а клятвы, при вступлении в секту, производят такое сильное и потрясающее впечатление, которое не изглаживается в памяти никогда[54]. С другой стороны, каждому очевидно, что вести борьбу с хлыстовством, для православного миссионера, чрезвычайно тяжело. На третьем всероссийском миссионерском съезде, происходившем в Казани в 1897 году, был поставлен даже роковой вопрос: возможно ли вообще вести борьбу с хлыстами? Выслушав, впрочем, сообщения своих членов по этому вопросу, съезд признал, что вести борьбу с хлыстами возможно, хотя и весьма затруднительно, и, что существенные вопросы, о которых следует вести беседы с хлыстами, это – вопросы: о лице Иисуса Христа, как единственного Искупителя мира, о браке, о мясной пище, о радениях и проч. Не возражая против этого постановления съезда, мы, однако же, должны заметить, что вопрос, этот требует более серьезного разрешения; чтобы уничтожить на Божьей ниве плевелы, нужно вырвать их с корнями, а не обрывать только листья; заключение в силлогизме падает само собою, когда разрушены его посылки. Учение о многократных воплощениях Христа, отрицание брака, неядение мяса и т. п., это не основные начала хлыстовского лжеучения, а только выводы из них; а опровержение чего бы ни было, в том числе, и хлыстовского лжеучения, нужно начинать не с конца, а с начала, с корня.

Не нужно забывать, что хлысты отличаются крайней скрытностью, лицемерием, двоедушием и неискренностью. Они, как мы видели уже, любят говорить библейским языком, ссылаться на учение Христа и послания апостолов, но в свои речи вкладывают совершенно иной смысл, чем какой содержит учение Божественного Откровения. Нужно помнить, что для хлыстов Библия излишня; каждый из них готов забросить ее в любую реку. Хлысты пользуются Библией только по лицемерию, чтобы совсем не быть исключенными из христианского мира, а, отчасти, для более облегченного совращения православных в их секту. Поэтому опровергнуть лжеучение хлыстов только на основании Божественного Откровения еще не значит привести их к сознанию неправоты своих верований. До словам лжехриста Радаева, хлысты сами хорошо знают, что их учение несогласно с Библией. Источник хлыстовских лжеучений – не Библия, хотя бы то и неправильно понятая, а метафизика, своего рода, ложно направленная чувственной похотливостью, для их оправдания. В сознании этого заключается весь центр тяжести миссионерской борьбы.

Хлыстовство, по своей сущности, вовсе не христианское, а чисто языческое сектантство. Отвергнув учение Божественного Откровения и обосновав свое лжеучение на философских языческих теориях, хлыстовство не оставило никаких существенных связей с Православной Церковью для возможности воздействия на него со стороны православного миссионера, и последний, если хочет вести с ним борьбу, временно должен превратиться из миссионера в метафизика. Основная ложь хлыстовства состоит в понятии о Боге, как духе, который, однако же, не может быть мыслим вне материи. Это – первый пункт, на который православные миссионеры должны обратить свое особенное внимание, вступая в борьбу с хлыстовством. Хлысты (из крестьян и мещан) – люди простые и невежественные; они не имеют ясного представления о чистом духовном бытии; духа они, как мы видели, сравнивают даже с водою, и думают, что без «перегородок» (т. е. без телесной формы) он может разлиться по вселенной. Задача миссии должна состоять в том, чтобы, при помощи наглядных бесед,

довести их до сознания противоположности между духом и материей, выяснив им все существенные признаки того и другого бытия и убедив их этим путем в том, что духовное бытие есть бытие самостоятельное. Но, так как, по своей умственной неразвитости, хлысты не способны к отвлеченному мышлению, то миссионерская беседа с ними всегда должна быть конкретною и должна отличаться ясностью и точностью. Пример. Хлысты утверждают, что Бог Саваоф вселился в тело Данилы Филипповича на горе Городине, близ реки Вязьмы, в Егорьевском приходе и т. д. – Зачем Он вселился в него? – Затем, – отвечают хлысты, – что Бог – дух, а дух без тела существовать не может. – А как же Бог существовал тогда, когда Данилы Филипповича еще не было на свете? Значит, Он не вечен? Если Бог не мог существовать без тела человеческого; значит, не человек нуждается в Боге, а Бог – в человеке? Значит, по вашему, человек важнее Бога? Как же велик ваш Данила Филиппович, но, пока на горе Городине Саваоф не вселился в него, он был ведь простым человеком; да он и умер, и погребен – говорите – в селе Криушине; а Бог, и по вашему, вечен, бессмертен, всемогущ и вездесущ; как же Он может нуждаться в человеке для Своего существования? Тело человека – говорите – создал сатана; а так как, по вашему, Бог без тела существовать не может; значит и без сатаны Бог существовать не мог бы? значит, вы уже и сатану ставите выше Бога? Вот к чему ведет ваше лжеучение и т. д.

Так как хлысты признают основателя своей секты первым воплотившимся «саваофом» и, в то же время, лицом историческим, то вопросами, подобными поставленным, легко потрясти их метафизическое положение, что Бог, как дух, вне тела существовать (будто бы) не может. Кроме того, хлысты веруют, что Бог есть Творец мира и человека. Здесь, опять уместен целый ряд неразрешимых для хлыстовства вопросов о том: как мог Бог существовать без тела, когда еще не было этого видимого, т. е. телесного или материального мира, когда еще не было никакого человека? Разве до творения мира Бог не был духом? и т. д. Самое худшее, к чему может привести разрушение первого пункта хлыстовской метафизики, при

упорном нежелании хлыстов возвратиться к чистому учению Божественного Откровения, это – отрицание самого бытия Божия, атеизм, безбожие. Этим путем, как мы видели, идут уже многие хлысты, убедившиеся в несостоятельности самого основного положения своей метафизики. В этом случае, задача миссии, естественно, сводится к тому, чтобы вступить в борьбу с безбожием. Полемика и метафизика должны уступить свое место апологетике с ее основными доводами, доказывающими человеческому разуму необходимость веры в бытие Божие, – с доводами – онтологическими, космологическими, телеологическими, моральными, историческими, антропологическими и т. п. Конечно, миссионеру предстоит труд чрезвычайно тяжелый; но что же делать? Возложивший руку свою на плуг не должен озираться назад; иначе он окажется неблагонадежным для Царствия Божия (Лк. 9:62).

Другой основной пункт хлыстовской метафизики – это вера в предсуществование душ с постепенным сначала, и непосредственным переселением их в тела (метапсихозис), или перевоплощением. Этот пункт находится в неразрывной связи с первым, то есть с общим положением, что дух или душа без тела существовать не может; с ним он стоит и падает. Виновниками этого странного учения, как известно, были египетские жрецы или мудрецы. Египтяне веровали в бессмертие души человеческой; но они не могли себе представить, чтобы душа, по разлучении с телом, могла продолжать самостоятельное существование, и потому учили, что после смерти человека его душа, нуждаясь в помещении, переселяется в другое тело или существо. Хлысты целиком приняли это древнеязыческое учение, как второй догмат своих верований. Но, так как это положение (учение о перевоплощении) находится в неразрывной связи с первым, то опровержение его не представляет никакого затруднения. Если миссионеру удастся убедить хлыста, что Бог, как дух, не нуждается для Своего существования ни в каком теле, то ему легко будет убедить своего противника и в том, что душа человека после его смерти также может продолжать свое существование самостоятельно, не нуждаясь ни в каком теле; а,

вместе с этим, падает и вся хлыстовская теория о лжехристах, лжебогородицах, лжепророках, неядении мяса и т. п.

Теория предсуществования душ, внесенная хлыстами в их догматику, находится с их общим мировоззрением только в механической связи; а потому, она и не нуждается здесь в опровержении по существу. Достаточно показать хлыстам только несоответствие ее их общему мировоззрению; а это сделать легко. Само противоречие, в котором путаются хлысты, в этом случае, очевидно. Души созданы Богом от вечности, – говорят они, – и входят в тела только по мере творения последних сатаной. А как же они существовали без тел раньше, до сотворения тел, если душа самостоятельно вообще существовать не может? этот вопрос разрушает всю антропологию хлыстовства.

Грубый первоначальный, чисто азиатский дуализм, под влиянием, несомненно, практических соображений, с течением времени, принял у хлыстов пантеистический оттенок, с которым он, естественно, стал в непримиримое противоречие. Сначала хлысты веровали, что их авторитетный учитель Иван Тимофеевич Суслов есть единый истинный сударь-христос, так как в него именно вселилась душа «исторического Иисуса Христа из Назарета». Но, впоследствии, у хлыстов одновременно стали существовать уже многие «христы», так что число их и определить невозможно. Как же так? В объяснение этого, хлысты отвечают пустым замечанием о том, что Христос в одном теле Свой подвиг окончил, в другом кончает, а в третьем лишь начинает. Но, если спросить их: как понимать одновременное существование у них многих «христов»? разделилась ли душа исторического Христа и тогда их «христы» уже не настоящие «христы», а только какие-то части Христа? и т. д., – то хлысты на эти вопросы отвечать отказываются. Но зато они идут дальше: и своих лжехристов, и своих лжепророков прямо объявляют «живыми богами» и поклоняются им, как богам. Здесь опять уместен вопрос, на который хлысты отвечать не могут: может ли Бог, будучи вечным и неизменяемым Духом разделяться на части, чтобы какими-то

частями воплощаться в людях и превращать их в «живых богов»?

Как пантеисты, хлысты отрицают возможность в мире сверхъестественных явлений, т. е., чудес. Но, в действительности, через это отрицание они только путаются в безвыходном круге противоречий. Отвергая евангельские чудеса и всю сверхъестественную сторону в жизни Спасителя, они, в то же время, ежеминутно витают в сфере чудесного: они имеют пред собою «живых богов», их лжехристы и лжепророки возносятся на седьмое небо, воскресают из мертвых по несколько раз, чудесно исцеляют бесноватых на каждом радении, предсказывают случайное будущее и т. д. «Евангельского Христа» они считают, по крайней мере, равным их теперешним юристам». Каким же образом Он может быть лишен того, чем обладают лжехристы?

Хлысты сами сознают неосновательность своих положительных верований и всячески прячутся с ними от собеседников – православных миссионеров, ловко перебегая к нападкам на верование и обряды Православной Церкви. Но миссионеры делают большую ошибку, уступая в этом хлыстам и, таким образом, из позиции нападения переходят к самообороне, т. е. к защите вероучения и обрядов Церкви. «Сие надлежит делать и того не оставлять» (Мф. 29:23). Для защиты Церкви от хлыстовских нападок можно назначить специальную беседу; здесь же задача миссии должна состоять в том, чтобы не выпускать противника из рук и одержать полную над ним победу: со всею ясностью и очевидностью обнаруживать всю несостоятельность положительного учения хлыстов. Ввиду этого, нам необходимо перейти теперь к экзегетике и посмотреть – оправдывается ли хлыстовское лжеучение теми местами Св. Писания, на которые хлысты ссылаются. Но нужно ли это? Ведь хлысты не признают книг Св. Писания источником своего вероучения! Если же они и ссылаются на них, то они и сами не знают, зачем это делают: разве только для облегчения себе труда по совращению не утвержденных в вере православных… Но это-то последнее обстоятельство побуждает и нас рассмотреть до конца все доводы хлыстовства.

1. Прежде всего, хлысты, будто бы, следуя примеру самого «саваофа» своего Данилы Филипповича, свое верование в возможность многократных перевоплощений Христа стараются оправдать ссылкой на слова, приводимые Ап. Павлом во втором послании к коринфянам (2Кор. 6:16): «вы храм Бога живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них». Но где, кому и когда это сказал Бог? Апостол приводит здесь слова Иеговы, находящиеся в книге Левит (Лев. 26:11–12), и читающиеся так: Доставлю жилище Мое (т. е. скинию свидения) среди вас, и душа Моя не возгнушается вами. И буду ходить среди вас, и буду вашим Богом, а вы будете Моим народом». Ясно, что слова Божии «вселюсь в них» и у Апостола нужно понимать только в том смысле, как они в действительности были произнесены и написаны в книге Левит, т. е. «буду ходить среди вас», в смысле духовного присутствия. Так говорит о Себе и Спаситель: «где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них (Мф. 18:20).

2. Хлысты ссылаются на слова Иисуса Христа в прощальной беседе с учениками: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14:23). Достаточно вникнуть в эти слова, и легко можно увидеть, что в них нет никакого основания для веровании хлыстов в возможность перевоплощения Христа. Христос говорит: «придем к нему (а не в него) обитель у него (а не в нем) сотворим». Кроме того, хлысты вырывают это изречение из связи речи Христа, и через это думают перетолковать его в пользу своего лжеучения. Но восстановим эту связь. Раньше приведенных слов Спаситель сказал: «Не оставлю вас сиротами: приду к вам… Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их… Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам (ст. 18–21). В этом, именно, смысле, т. е., что Господь не оставит Своих последователей сиротами, но и после Своей крестной смерти явится к ним и будет духовно пребывать с ними, Он говорит и в следующем стихе, разбираемом здесь, прибавив только, что и Бог Отец не оставит их одинокими; но никакого намека не делает Он здесь на Свое перевоплощение, в смысле хлыстовского лжеучения.

3. Хлысты ссылаются на слова Спасителя: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Что здесь идет речь о духовном, а не плотском видении Бога, это понятно само собою, так как видеть Бога чувственными очами, по учению слова Божия (Ин. 1:18; 1Ин. 4:12; 1Тим. 6:16; Исх. 33:22), невозможно.

4. В пользу своего лжеучения о многократных перевоплощениях Христа, защитники хлыстовства ссылаются па слова св. Апостола Иоанна Богослова: «Всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, во это дух антихриста (1Ин. 4:3). Какое же здесь основание для верования в перевоплощение Христа? Смысл слов Апостола совершенно понятен: кто не хочет стать в противоречие с учением Божественного Откровения, тот не должен веровать вместе с докетами, что Христос имел плоть только кажущуюся, а должен веровать, что Спаситель, действительно, воспринял плоть человеческую.

5. Апостол Павел учит: «Кто духа Христова, не имеет, тот и не Его» (Рим. 8:9). Для оправдания своего лжеучения хлысты указывают и на это изречение. Но в нем нет даже намека на возможность многократных воплощений Христа. В книгах Св. Писания под словом дух часто разумеется все то, что противоположно плоти – ум, настроение, чувство (Рим. 11:34; Ис. 40:13; Иер. 23:18; Прем. 9:13; 1Кор. 2:16; Мф. 5:3; Лк, 6:20; 10:21; Мф. 11:25; 1Кор. 1:21; 2Кор. 4:3; Ис. 32:4; Мф. 23:34; Деян. 22:3–28; Ин. 11:33; 13:21; 1Пет. 4:6; Рим. 8:14; Гал. 3:3 и мн. др.). Из разбираемого текста, хлысты выбрали только конец; весь же стих читается так: «вы не по плоти живете, а по духу, если только дух Божий живет в вас, если же кто духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8:9). Ясно, что здесь речь идет не о многократных перевоплощениях Христа, а о духовной жизни христиан: кто не живет по учению Христа, тот и не Его, т. е., тот уже и не христиан. Таким образом, хлысты, относя этот текст только к своим лжехристам, а не ко всем истинным христианам, сами отказывают себе даже в имени христианина.

29. Хлысты стараются истолковать в пользу своего лжеучения о многократных перевоплощениях Христа, Божией

Матери и святых даже слова Спасителя: «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот мне брат, и сестра, и матерь» (Мф. 12:50; Мк. 3:35; Лк. 8:21). Каким образом? По учению Христа, толкуют хлыстовские апологеты, женщина, исполняющая волю Божию, есть Его мать, т. е., богородица; а, если она богородица, то она может родить и нового Христа. Такое толкование можно было бы назвать кощунственною шуткою какого-либо легкомысленного остряка, если бы хлыстовские лжеучители не высказывали его серьезно. У Иисуса Христа действительною Матерью, Его родившею, по свидетельству всех евангелий – и канонических, и неканонических, была Пресв. Дева Мария. Уже одного этого достаточно, чтобы приведенные слова Спасителя не понимать в буквальном смысле. Интересно знать, как бы истолковали хлысты слова Иисуса Христа, приводимые св. Марком (10:29–30): «Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы братьев или сестер, отца или мать ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений во сто крат более братьев и сестер, отцов и матерей»? Неужели они стали бы утверждать, что, по слову Спасителя, всякий, претерпевший гонение за Христа, в награду получат (в буквальном смысле слова) больше ста действительных отцов и матерей? В книгах Св. Писания Нового Завета все христиане называются, обыкновенно, братьями (1Ин. 3:16; Мф. 23:8; Деян. 7:26; 1Кор. 6:5; 7:12), но, конечно, в переносном смысле. Спаситель говорит: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего»? (Мф. 7:3), Значит ли это, что Спаситель запрещает смотреть на сучок в глазе только родного брата?

6. Даже слова евангелиста Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (1:1) хлысты хотят истолковать в пользу своего лжеучения. По их пониманию этого изречения, Богом может стать каждый, имеющий слово. Такое толкование есть, очевидно, верх безумия и может быть объяснено лишь невежеством хлыстов, не понимающих, что под «Словом» евангелист разумеет не звук или несколько звуков, соединенных вместе, а Второе Лицо Пресв. Троицы – Бот Слово, как Иоанн называет Его и в другом писании (1Ин. 5:7).

Об этом Боге Слове евангелист говорит далее: «Все чрез Него начало быть, и без Него не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (ст. 3). А таково ли человеческое слово? И может ли каждый хлыст сказать, что все существующее, получило свою жизнь чрез него или чрез его слово?

7. Что Господь наш Иисус Христос не был единственным Богочеловеком в истории, не был лицом исключительным, и что многократные воплощения Христа были и в Ветхом Завете, доказательство этого верования хлысты думают видеть в евангельских родословиях Иисуса Христа (Мф. 1:1–16). «Авраам родил Исаака». «Мужчина рождать не может, говорят хлысты; а потому, слова евангелиста нужно понимать так: «Авраам воплотился в Исаака» и т. д. Чтобы решить вопрос: как Авраам мог родить Исаака? для этого нужно прочитать только из книги Бытия главу 21-ю. Авраам еще долго жил и после рождения Исаака, одновременно с ним. Как же он мог воплотиться в нем, когда, и по лжеучению хлыстов, душа человека воплощается в другое тело только после его смерти? То же самое нужно сказать и о других патриархах, упоминаемых в евангельских родословиях. Да и в наше время мужчины часто выражаются так: «у меня родился сын», хотя, в действительности, сына родила жена говорящего. Кроме того, хлысты ведь говорят, что Христос воплощается только в праведников «ради беспорочности их жизни, чистоты сердца и святости дел» и что богородицей может быть только женщина праведная, исполняющая волю Отца Небесного (см. выше). Но в евангельских родословиях указывается, что один праотец родился от блудницы (Мф. 1:5), а другой (Соломон) – через отцовский грех прелюбодеяния.

9. Нельзя понимать в желательном для хлыстов смысле и слов Спасителя: «А что мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама, и Богом Исаака, и Богом Иакова» (Мф. 22:32; Мк. 12:26; Лук. 20:37). В этом изречении говорится не о том, что Бог воплощался в Авраама, Исаака и Иакова, и что эти патриархи, будто бы, и ныне живут, перевоплощаясь в различных людях; а о том, что

Авраам, Исаак и Иаков, почитавшие истинного Бога, скончавшись в известное время телесно, душой не умерли и продолжают жить в загробной жизни. Так понимали слова Иисуса Христа и книжники засвидетельствовавшие Ему: «Учитель! Ты хорошо сказал». Хлысты извращают смысл слов Спасителя только потому, что наперед усвоили ложную языческую теорию о перевоплощениях душ. Не нужно забывать, что Спаситель говорит о воскресении мертвых; при воскресении же из мертвых воскресший восстает в нетлении (1Кор. 15:42–44); а могут ли хлысты утверждать, что их «живые боги» не подвержены тлению и не умирают? Апостол Павел ясно учит о том, в чем состоит воскресение мертвых и не дает никакого права понимать его в смысле хлыстовских перевоплощений.

10. Трудно удержаться от улыбки, когда приходится слушать хлыста, уличающего в хлыстовстве даже Православную Церковь. Да Ваша Церковь признает многократные перевоплощения Христа», – говорят защитники хлыстовства; «ведь у вас тоже поется: Христос рождается, а не родился! Где же Он рождается? У нас – в христах». Здесь, очевидно, приходится уже иметь дело не с религиозными верованиями, а с простым невежеством людей, не умеющих понять, что, ради живости представления, иногда не только прошедшее, но и будущее (как у пророков) выражается в форме настоящего.

11. Дабы оправдать свое верование, что «христами» могут быть обыкновенные, простые люди, хлысты в понимании евангельской истории с поразительной верностью следуют всем приемам и тактике грубого или вульгарного немецкого рационализма (Реймаруса, Паулюса, Бретшнейдера и др.), давным давно осужденного наукою и признанного ею несостоятельным. Всю евангельскую историю хлысты превращают только в сборник притч и аллегорий. По их утверждению, Христос был простым и обыкновенным человеком, в Котором воплотился Сын Божий, за Его благочестивую жизнь, во время крещения во Иордане, на тридцатом году Его жизни. Родился Он таким же, будто бы, обыкновенным образом, каким рождаются и все люди, жил так, как и другие, чудес никаких не творил, умер крестною смертью;

тело Его истлело в земле, а душа Его переселилась в одного из хлыстов того времени. Само собою понятно, что, так как здесь мы имеем дело с грубым рационалистическим пониманием евангельской истории, то нам необходимо обратиться к тем приемам, которые рекомендует наука для ведения борьбы с рационализмом вообще, и благодаря которым была обнаружена вся несостоятельность немецкого рационализма. Ссылки на противоречие хлыстовского понимания евангельской истории текстам книг Св. Писания Нового Завета здесь принесут мало пользы, потому что их-то именно хлысты и не хотят знать. Прежде всего, хлыстам нужно доказать, что евангельская история не есть аллегория или притча, а содержит в себе достоверные повествования о действительных, реальных, исторических событиях[55]. Кроме экзегетики, здесь опять неизбежно обратиться к помощи апологетики и даже истории. Показав, что только на одном Иисусе Христе исполнились все ветхозаветные пророчества, и что евангельские повествования находят для себя подтверждение, также, и в апостольских посланиях, и даже в писаниях мужей апостольских, нужно обратить внимание хлыстов, в особенности, на свидетельства врагов Христа и христианства, на исторические указания у писателей иудейских и языческих того времени, которых уже никто не заподозрит в пристрастии, но которые так же удостоверяют, что Иисус Христос был простым и обыкновенным человеком, и что события из Его жизни, о которых повествуют Евангелия, суть не аллегория, а исторические факты. Пользуясь этим приемом, миссионер может доказать хлыстам, что, если бы мы даже не имели Евангелий и апостольских посланий, то, на основании одних языческих и иудейских исторических сказаний, мы, в существенных чертах, составили бы себе все-таки такое же представление об Иисусе Христе, как об исключительном и единственном лице в истории человечества, какое дают нам и наши канонические Евангелия, и вынесли бы убеждение, что Иисус Христос не был простым и обыкновенным человеком, как ложно думают хлысты. Так, уже современный Иисусу Христу иудейский историк Иосиф Флавий в существенном подтверждает содержание наших евангельских

рассказов, называя Иисуса Христа необычайным чудотворцем и не решаясь причислить Его к обыкновенным людям. Еврейский талмуд хорошо знает всю евангельскую историю, хотя и объясняет ее, конечно, по-своему. Но нам нужны факты, а не объяснения их. Он знает о рождении Иисуса Христа от Пресв. Девы Марии; он знает о бегстве Его во Египет; он не скрывает, что Иисус Христос творил необычайные чудеса, что Он даже воскрешал мертвых, хотя и объясняет эти сверхъестественные действия силою какой-то магии, подобно тому, как современные Христу иудеи объясняли их силою Веельзевула, князя бесовского; талмуд, наконец, знает и то, что тела Иисуса Христа на третий день после Его казни, во гробе не оказалось и, что по этому случаю апостолы, будто бы, распустили в народе молву о воскресении Христа из мертвых. Не проходит ли здесь пред нашими глазами в своих главнейших чертах вся евангельская история? Важное значение в руках миссионера, в данном случае, могут иметь и свидетельства римских языческих писателей (Тацита, Светония, Плиния Младшего), которые также удостоверяют, что Иисус Христос не был «простым и обыкновенным человеком». Нельзя оставить без внимания и свидетельства Тертуллиана, по которому римский император Август был хорошо знаком с жизнью Иисуса Христа и даже намеревался причислить Его к сонму римских богов, что, впрочем, сделал один из последующих императоров. Наконец, при помощи апологетики, миссионер может доказать хлыстам, что никакие перевоплощения «христов» ее нужны, так как евангельский Христос, истинный Бог и Спаситель наш, уже совершил все необходимое для спасения людей, где бы и когда бы они ни жили, это, по-видимому, признают отчасти и сами хлысты, и что со всею решительностью доказал, в особенности, Ап. Павел, возвестив верующим во Христа, что «Он одним приношением (Себя в жертву Богу) навсегда сделал совершенными освящаемых» (Евр. 10:14), о чем он пишет и в других местах: 1Кор. 8:6; Рим. 5:11, 13, 17; Еф. 4:5; Евр. 9:26, 28. Хлысты, конечно, хорошо знают это, и только, подавленные чувственностью, они умышленно закрывают глаза свои, чтобы не видеть истины. Как всевидящий Бог, Господь наш Иисус

Христос наперед предупредил Своих Апостолов о том, что явятся люди наглые, которые будут отвергать Его вечные заслуги для спасения всего рода человеческого, чтобы обманом поставить себя на Его место. «Берегитесь, – говорил Он (Мф. 24:4–5, 11, 23–26), – чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я – Христос, и многих прельстят… Многие лжепророки восстанут и прельстят многих. Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос или там – не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки,… чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам: итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне, – не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, – не верьте». Удивительно, с какою точностью исполнилось это пророчество Господа на несчастных хлыстах!..

В оправдание своего верования в возможность перевоплощения пророков и пророчиц к сказанному о лжехристах хлысты почти ничего не прибавляют; а приводимые ими здесь три изречения Св. Писания к хлыстовскому лжеучению о перевоплощении пророков никакого отношения не имеют. Так, они указывают па пророка Иоиля, который говорит от имени Иеговы: «И будет после того, излию Духа Моего на всякую плоть и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего» (Иоил. 2:28–29). Что в этих словах нет никакого основания для верования хлыстов, что в их лжепророках воплощены души древних ветхозаветных пророков, это – очевидно. Господь ясно говорит, что верующие будут пророчествовать только потому, что Он излиет на них Духа Своего, а не по какой-либо другой причине. Поэтому, даже более благоразумные из хлыстов утверждают, что в изречении Иоиля нужно видеть указание не па перевоплощение пророческих душ, а на непрерывно продолжающийся в Церкви Христовой дар пророчества. Но так ли это? Ап. Петр, как известно, с полным правом отнес (Деян. 2:16–21) это пророчество к событию особому и чрезвычайному – к сошествию Св. Духа на Апостолов в праздник Пятидесятницы.

Больше такого события в истории Церкви не повторялось. С тех пор, Дух Святый непрерывно действует в Церкви, но невидимо; так же невидимо сообщает Он верующим благодатные дары Свои в таинствах и так же невидимо вселяется в них и очищает их души от всякой скверны, и спасает их. Но хлысты учат, что то чрезвычайное сошествие Св. Духа, которое было однажды только с Апостолами, повторяется у них на каждом радении и потому пророчество Иоиля прямо относится, будто бы, и к их радениям и неистовствам. Кто имеет представление о том, что происходит на хлыстовских радениях, тот возмутится самым желанием хлыстов относить к ним пророчество Иоиля и назовет их богохульниками. А мы к этому прибавим, что самый текст пророчества заставляет нас видеть в нем указание только на однократное событие и исключает всякую мысль о его повторяемости: Господь не говорит: «буду изливать Духа Моего, а говорит только: «излию» – вид совершенный, означающий действие однократное и законченное. Но, так как хлысты соглашаются с тем, что Петр имел право отнести пророчество Иоиля к сошествию Св. Духа на Апостолов в день Пятидесятницы, то этим самым они уже потеряли всякое право применять его к своим радельным неистовствам.

13. Другое основание для своего лжеучения о радениях и перевоплощении пророческих душ хлысты думают видеть в следующих словах Ап. Павла в его первом послании к коринфянам (1Кор. 14:26–31): «И так, что же братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию… Пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают; если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтоб всем поучаться и всем получать утешение». Что о перевоплощении пророческих душ здесь нет речи, об этом и говорить не нужно. Но не правы хлысты и в том отношении, что уверяют, будто бы, дар пророчества, указанный здесь Ап. Павлом, проявляется в их общине в такой же силе, как и в первенствующей Церкви. Такие чрезвычайные дары Св. Духа, как дар пророчества и дар языков, были потребны по

особым обстоятельствам, только в первенствующей Церкви, когда нельзя было без них достигнуть того, что ныне достигается естественными средствами. Конечно, особые благодатные дары могут быть необходимы и для нашего времени, но, во всяком случае, не в такой мере, как для первенствующей Церкви. Что же касается хлыстов, то они только кощунственно могут применять к своим бесчинным радениям и лжепророкам сказанные здесь Апостолом о пророческих дарованиях. Что их «пророки» суть только гнусные обманщики и лжецы, что они не имеют ничего общего с истинными пророками, это доказать весьма легко, не обнаруживая даже постыдных действий отдельных лиц. Признаки истинных пророков, Божественным Откровением установлены точно и определенно. 1. Истинные пророки суть избранники и посланники Божии (Исх. 3:10; Иер. 1:5); 2. истинные пророки отличались высоконравственной и святой жизнью (Сир. 48:12–15); 3. предсказания их, возвышенные по своему предмету и цели, всегда исполнялись во всей точности (Втор. 18:18); 4. истинным пророкам были доступны даже сокровенные помышления людей (Деян. 14:23–25; 4Цар. 5:20–27); 5. истинные пророки возвещали волю Божию в спокойном состоянии, и находясь при ясном сознании и самообладании (3Цар. 18:26–29); 6. истинное пророчество не может находиться в противоречии с раньше данным откровением (Гал. 1:8). – Ни один из этих признаков не может быть приложим к хлыстовским лжепророкам. 1. Хлыстовские лжепророки, не прибегая к наглому обману и лжи, не могут представить никаких доказательств того, что они избраны и посланы Богом; они избираются хлыстовскими общинами, как должностные лица. 2. Хлыстовские лжепророки отличаются чрезвычайной гордостью, надменностью, тщеславием, корыстолюбием, лицемерием, лживостью, трусостью, часто из-за пустяков враждуют между собою, иногда даже дерутся, развратничают открыто, имея по нескольку «духовниц», и часто меняя их. 3. Предсказания их всегда носят на себе отпечаток житейской мелочности и пустоты, а нередко находятся в связи с уголовными преступлениями, каковы, напр., предсказания о смерти тех или других лиц, действительно скоропостижно

умерших с признаками отравления или насилия. 4. Никогда не было случая, чтобы хлыстовскому лжепророку были известны сокровенные мысли людей без обнаружения грубого обмана. 5. Так называемые «пророчества», во время радений представляют собою набор бессмысленных слогов и произносятся они, как Пифией, в бессознательном или экзальтированном состоянии. Наконец, 6. хлыстовские лжепророки часто выдают за откровение такое учение, которое находится в явном противоречии не только с некоторыми пунктами раньше возвещенного Божественного Откровения, но и со всем Богооткровенным учением. Можно ли после этого утверждать, что в хлыстовских «кораблях» сохраняется во всей силе постоянное и непрерывное пророческое дарование, о котором писал Ап. Павел первенствующим христианам в современном ему Коринфе? Но лжепророками хлысты не ограничиваются: они предоставляют права учительства и пророчествования даже каждому члену своей секты, если только он пожелает им воспользоваться. В свое оправдание, они ссылаются на слова пророков (Исаии и Иеремии), приводимые Спасителем: «И будут все научены Богом» (Ин. 6:45). Но быть наученным от Бога, не значит пренебрегать заповедь Божию. Хлысты должны знать, что Иисус Христос дал право преподавать учение и проповедовать не всем верующим, а только Апостолам (Мф. 28:19; Мк. 3:14; 16:15), которые, в свою очередь, передали это право только некоторым, уполномоченным на то лицам (Деян. 14:23; 26:28; 1Тим. 4:14; 2Тим. 2:2; 4:2; 1Кор. 12:28; Еф. 4:11; 2Тим. 1:11; Евр. 6:4); обыкновенным же христианам они даже запретили учительствовать. «Братие, пишет Ап. Иаков (Иак. 3:1), – не многие делайтесь учителями». Ап. Павел спрашивает: «все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учители?». Хлысты отвечают: «все!» но согласен ли их ответ со словом Божиим? Что же касается женщин, то Ап. Павел прямо сказал: «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить» (1Кор. 14:34). У хлыстов, как мы знаем, делается иначе: у них и женщины – «богородицы» и «пророчицы» – пророчествуют и учат.

14. Хлысты не признают никакого искупительного значения за крестною смертью Спасителя. В этом случае, они становятся в противоречие не с отдельным каким-либо текстом или изречением, но со всем, вообще, учением Божественного Откровения, содержащимся в книгах св. Писания. Но, для подтверждения сказанного, нами достаточно прочитать: Ин. 3:14–15; 12:32; Мф. 20:28; Мк. 10:45; Рим. 2:7; Мф. 26:28; Ин. 11:51; 1Тим. 2:6; Гал. 4:4; Иак. 5:16; 2Пет. 1:13; 2:1; Гал. 3:13; Рим. 8:3; 1Пет. 2:24; Гал. 6:14; 1Кор. 1:18; Кол. 1:20; 1Ин. 1:7; 1Пет. 1:18; Еф. 1:7; Кол. 1:14; Рим. 3:25; Евр. 9:12. Не признавая искупительного значения крестной смерти Спасителя, хлысты не признают и испорченности человеческой природы первородным грехом. Источником зла они считают тело человеческое, которое, по их учению, создано диаволом. Но победить это зло они, подобно всем, вообще, сектантам, надеются собственными силами, и ни в какой помощи, конечно, не нуждаются. Так как источник зла есть плоть человеческая, то победить зло, по их учению, всегда возможно ее умерщвлением. Достаточно только воздержаться от супружества, мясной пищи, употребления спиртных напитков, курения и нюхания табаку, почаще заниматься радениями, – и зла в мире не будет. Но так ли это? Метафизика хлыстов не отличается основательностью и отсутствием противоречий и в данном случае. Если тело, благодаря посту, воздержанию и другим подвигам, может быть очищено от злых похотей, то, значит, оно не зло само по себе и не может быть, поэтому, источником зла; по крайней мере, таковым оно перестает быть у хлыстов; зло привнесено в него случайно, ибо, что зло по природе, то не может измениться в добро. Хлысты сами утверждают, что природа навсегда останется такою, какова она теперь. С другой стороны, хлысты в своих песнях часто называют Бога Творцом всего видимого мира, но тело человека создается диаволом. Значит, рядом с Богом у хлыстов является еще и другой творец – диавол! В таком случае, Бог уже не есть Творец всего видимого мира. А чем объяснить непонятную гармонию между двумя противоположными началами: Бог создает душу человека, а диавол уже тотчас приготовляет для нее и помещение, в виде

человеческого тела! И Свое творение Бог вселяет в творение диавола! Как примирить это? Если бы хлысты, действительно, руководствовались учением Божественного Откровения, на которое они, как мы видели, ссылаются для оправдания своего лжеучения, то они не говорили бы, что тело создано диаволом, ибо слово Божие неоднократно учит нас, что Бог из земли создал тело человека. Они тогда не признавали бы тела человеческого и источником зла, ибо и опыт, и слово Божие (напр., Иак. 3:9–10) ясно свидетельствуют нам, что члены нашего тела не всегда побуждают нас к греху, но участвуют и в делании добра, а Ап. Павел прямо говорит: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы» (1Кор. 6:15)? «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога?.. Прославляйте Бога в телах ваших» (ст. 19–20).

15. Признавая тело человеческое источником зла, хлысты отвергают супружество (брак); новорожденных детей ненавидят, считая их «грешками» и называя «щенятами». В оправдание своего осуждения брачной жизни, хлысты указывают на то, что Адам и Ева были изгнаны из рая не за нарушение заповеди Божией о невкушении плода от древа познания добра и зла, а за их плотскую супружескую жизнь, которую они устроили по наущению диавола. Эта басня впервые была измышлена еретиками – манихеями. Слово Божие нигде ничего подобного не говорит. Напротив, оно утверждает, что брак был установлен Самим Богом в раю (Быт. 1:28; 2:24). Господь наш Иисус Христос повторил это благословение в Новом Завете (Мф. 19:5; Мк. 10:16). Апостолы подробно раскрыли нравственный смысл брачной жизни (1Кор. 6:16; Еф. 5:22–33). Мало того. Апостолы даже осудили, как еретиков, тех, которые, подобно хлыстам, отрицают супружескую жизнь, как греховное сожительство. Так, Ап. Павел пишет Тимофею (1Тим. 4:1–3): «Дух ясно говорит, что отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением». Отвергнув брак,

хлысты, как мы видели, открыли у себя простор самому гнусному разврату, до свального греха и открытого прелюбодеяния включительно; а потому, к ним должно отнести и следующие слова Ап. Павла (2Тим. 3:1, 5–6): «Знай, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут... имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в домы и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями». Хлысты указывают на монашеский обет безбрачия. Но обет есть дело частных лиц, необязательное для всей Церкви, и вызывается не презрением к таинству брака, а стремлением к высшему служению делу Божию и более точному выполнению таких христианских обязанностей, которые трудно соединимы с житейскими попечениями и заботами о благоустроении семейной жизни. (Сравн. 1Кор. 7:25–38).

16. Хлысты запрещают употребление мясной пищи. В основе этого запрещения, опять-таки, лежит хлыстовская метафизика: с одной стороны, умерщвление плоти, как зла, а с другой – вера в перевоплощение ила переселение душ, соединенная с опасением съесть тело какого-либо своего родственника или другого лица и осквернить его греховной нечистотой. На этом же чисто метафизическом основании хлысты не пьют вина, кофе, чаю, не употребляют сахару и не едят некоторых овощей, как, напр., луку, чесноку и даже картофеля. Все эти продукты, по их верованию, созданы «врагом», т. е. сатаной. Впрочем, свои метафизические воззрения хлысты и в данном случае тщательно скрывают от собеседников и стараются найти для себя оправдание в книгах Св. Писания и, конечно, не забывают соответствующего монашеского обета. Но о смысле монашеских обетов мы уже говорили и повторяться нет нужды. Впрочем, заметим, что в греческой церкви монахам дозволено есть мясо[56], – и через это, греческие монахи не перестали быть православными христианами. Что же касается книг Св. Писания, то в них хлысты не могут найти для себя твердой опоры. Правда, в раю, до грехопадения, Бог разрешил людям употреблять в пищу только растения и овощи, не исключая, однако же, ни чаю, ни кофе, ни

луку, ни картофеля (Быт. 1:29–31). Но после потопа Бог позволил людям употреблять уже и мясную пищу: «все, что движется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они; все движущееся, что живет, будет вам в пищу» (Быт. 9:2–3). С этого времени Библия уже часто говорит об употреблении мясной пищи. Авраам угощал своих Трех Странников у дуба Мамврийского маслом, молоком и телятиной. «И они ели» (Быт. 18:8). Исаак любил кушанье, приготовленное из дичи (Быт. 27:4) и ели козленка (ст. 25). Архангел Рафаил, сопутствовавший Товии, ел рыбу (Тов. 6:6). Христос и Апостолы ели не только рыбу (Лук. 24:42–43; Ин. 21:13), но и пасхального агнца (Лук. 22; срав. Исх. 12; Втор. 16). На Иерусалимском соборе Апостолы запретили христианам, обратившимся из язычества, употреблять в пищу только идоложертвенное, кровь и удавлину (Деян. 15:29). Что касается Ап. Павла, то он предоставил христианам широкую свободу относительно пищи. Особенно подробно говорит он об этом в послании к римлянам (гл. 14) и в первом послании к коринфянам (гл. 8 и 10). Вообще, слово Божие смотрит на пищу и даже на пост, как на средство, содействующее нашему нравственному усовершенствованию, но не считает их чем-то самодовлеющим. Все, что продается на торгу, говорит Ап. Павел (1Кор. 10:25, 27) ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести… Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести». Апостол, очевидно, точно следует заповеди Спасителя, Который, посылая учеников Своих на проповедь, сказал им: «если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат» (Лук. 10:8).

17. Пьянство, безусловно, осуждается в слове Божием, как один из тяжких грехов, препятствующий человеку даже войти в Царствие небесное. Уже в Ветхом Завете Господь объявил пьянство среди евреев «отвратительным» для Него (Ос. 4:18). В Новом Завете Спаситель сказал: «Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством» (Лук. 21:34). Апостол Павел пишет коринфянам: «Пьяницы Царствия Божия не наследуют» (1Кор. 6:10). Он запрещает верующим

даже иметь общение с пьяницами (5:11). Римлянам он говорит (Рим. 13:13): «Будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям, ни пьянству». Ефесян (Еф. 5:18) он наставляет: «не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (срв. Ис. 5:11; Иоил. 1:5; Притч. 23:29–35 и др.). Тем не менее, умеренное употребление вина словом Божиим не только разрешается, но и одобряется: срв. Пс. 103:14–15; Сир. 31:36; Еккл. 10:19; Притч. 31:6; 1Тим. 5:23. Вино пили: Авраам (Быт. 14:18), Исаак (27:25), даже Сам Иисус Христос и Апостолы (Лук. 7:34; 22:18; Мф. 26:29; Мк. 14:35). На браке в Кане Галилейской Спаситель претворил воду в вино для вкушения присутствовавших, и вино именно Он избрал веществом для святейшего таинства Причащения. Тем не менее, известно, что и обет совершенного воздержания от вина угоден Господу (Иер. 35). Но такие обеты должны быть соединены со смирением и любовью к Богу, а не с высокомерием и гордостью, как у хлыстов, гнушающихся вина не только по тщеславию, но и по ложному верованию, будто бы, оно есть кровь сатаны.

18. Чай, кофе, сахар и табак суть продукты, потребляемые людьми лишь сравнительно в позднейшее время. В книгах Св. Писания о них ничего не говорится. Тем не менее, и они все-таки не суть произведения сатаны.

19. Для оправдания своих гнусных и отвратительных радений, хлысты, как мы видели, указывают, как на пример для себя, на царя Давида, «скакавшего из всей силы пред Господом» (2Цар. 6:14) по случаю возвращения ковчега Господня из Ваала Иудина в Иерусалим. Но факт этот представляет плохую опору для хлыстов и ничуть не оправдывает их неистовых радений. В Ветхом Завете Бог через Моисея дал потребные наставления народу израильскому, как нужно совершать богослужения и молиться, чтобы угодить Ему; но «скакания» ими не требуется. Господь наш Иисус Христос не указал нам на «скачущего» Давида, как на образец; Сам Он «молился, преклонив колена» (Лук. 22:41); нам заповедал «стоять на молитве» (Мк. 11:25); как на пример, достойный для подражания, Он указал на скромного мытаря, который, «стоя вдали (во храме), не смел даже поднять глаз на небо» (Лук.

18:13) С точки зрения ветхозаветного богослужебного устава, поведение Давида могло казаться даже странным, и жена Давида, Мелхола, несомненно была выразительницей общественного мнения своих современников, когда, «увидев царя Давида, скачущего и пляшущего пред Господом, уничижила его в сердце своем (ст. 16), а по возвращении его в дом, даже сказала ему прямо в лицо: «как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись сегодня пред глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек»! Правда, писатель книги Царств замечает в конце рассказа: «И у Мелхолы, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее» (ст. 23). Это было ее наказанием, но – за что? не за самое замечание, а за то побуждение, по которому оно было высказано. В Мелхоле заговорила женская ревность: ей было досадно, что ее муж «обнажился пред глазами рабынь рабов» и она в своей ревности дошла до того, что в глаза назвала мужа «пустым человеком» (выражение весьма оскорбительное); грубою, следовательно, была только та форма, в которой было выражено замечание. Во всяком случае, поведение Давида на этот раз было единичным, исключительным, случайным, а потому и не могло быть ни для кого обязательным примером. Давид пришел в экстаз, в необычайный восторг от радости; а когда человек находится в таком состоянии, он не всегда может удержать себя от выражения своих чувств не в объективно установленных формах. Вот почему у Давида не было подражателей среди присутствовавших на торжестве лиц, его подданных. Он остался одиноким. Даже в последующее время его примеру не следовали ни священники, ни левиты, ни пророки, ни простые евреи. Его поведение не оставило после себя никакого следа в еврейском богослужебном уставе. Тем менее хлысты имеют право ссылаться на него в оправдание своих неистовых радений. Оно находится с ними в непримиримом противоречии, и не имеет ничего общего: у Давида «скакание» было следствием уже раньше охватившего его благодатного восторга, невольным внешним обнаружением его; у хлыстов же происходит обратное: своими скаканиями и нсистовствованиями на радениях они еще только надеются

механически «накачать духа» на себя, намеренно стараются вызвать у себя экзальтацию. Таким образом, – что у Давида было следствием, то хлысты надеются сделать причиной и – наоборот. Некоторые легкомысленные писатели отождествляли скакание Давида пред ковчегом с исступленными и бесстыдными плясками языческих корибантов, которые ничем существенно не отличаются от наших хлыстов с их радельными плясками и прыганьями; но за некоторым сходством во внешних чертах, за общностью видимых форм, они не заметили специфического различия в самом религиозном содержании тех и других действий. Если бы вожаки хлыстов были откровенными, то они должны были бы прямо сказать, что образцом для их радений послужило не случайное поведение Давида, вызванное исключительным событием, а внешние механические приемы языческих жрецов, в частности, жрецов Ваала, издавна утвержденные их богослужебным идолопоклонническим ритуалом. Об этом в 3Цар. 18:26 мы читаем следующее: «И взяли они (жрецы Ваала) тельца, который дан был им, и приготовили, и призывали имя Ваала от утра до полудня, говоря: Ваале, услышь нас! Но не было ни голоса, ни ответа! И скакали они у жертвенника, который сделали... Прошел полдень, а они все еще бесновались до самого времени вечернего жертвоприношения». Итак, вот откуда хлысты позаимствовали образец для своих радений и неистовств, а не из случайного поведения Давида.

2. Шалопутство[57]

Отношение шалопутства к хлыстовству

Слово «шалопут» встречается в литературе XVIII века; им называли людей «сбившихся с прямого пути», ставших на шальной путь, не следующих общепринятым правилам жизни. Но уже в конце того же века шалопутами стали называть, всякого рода, сектантов. В архиве министерства внутренних дел, как и в архиве Св. Синода можно видеть следственные производства с надписями на обложке: «Дело о шалопутской или скопческой ереси» (1832 г.), «Дело о шалопутах, именуемых молоканами или квакерами» (1827 г.), «Дело о шалопутских раскольниках» (1840 г.). В позднейшее время, шалопутами стали называть уже сектантов с определенным вероучением, культом и правильно организованною общиною. Существует, впрочем, очень распространенное мнение, что шалопуты и хлысты составляют одну и ту же секту, и что различие между ними состоит только в названии: одних и тех же сектантов в одной местности называют хлыстами, в другой – шалопутами. В таком смысле высказался даже третий всероссийский миссионерский съезд, бывший в Казани в 1897 году. Но этому мнению противятся сами шалопуты, никак не желающие смешивать себя ни с одним хлыстовским толком. Не согласны с ним и некоторые православные миссионеры, сталкивающиеся с шалопутами, и близко их знающие[58]. И нам кажется, есть серьезное основание для того, чтобы не смешивать эти две секты. Правда, у шалопутов есть много общего с хлыстами: те и другие одинаково смотрят на книги Св. Писания Ветхого и Нового Заветов, и в одинаковом смысле изъясняют их; у тех и других есть «христы», «богородицы», «пророки», «евангелисты» и т. п.; те и другие придают важное значение «раденьям», «шалопуты» – название народное, сами же сектанты этого толка, как и хлысты, называют себя «духовными христианами» или даже «братьями духовной жизни». Тем не менее, между верованиями хлыстов и шалопутов нельзя не видеть и существенного различия. Так, напр., у хлыстов «Христом» может быть только мужчина, а у шалопутов – «Христом» может

быть и женщина: у петербургских шалопутов в настоящее время «Христом», именно, и состоит женщина Д. – жена одного дворника[59]. У хлыстов «богородицей» бывает только женщина, а у шалопутов «богородицею» может быть и мужчина и даже целая шалопутская община. У хлыстов Христос воплощается в человека, а у шалопутов – наоборот, скорее, человек вселяется в Христа. Вот, что, напр., поет шалопут, обращаясь к Христу:

Кто с любовью соединится,
Тот в Тебя вселится,
Новой жизнью народится,
Младенцем явится.
Кто младенцем явится,
Сердцем обновится,
А кто сердцем обновится,
Тот духом крестится,
А кто духом крестится,
Тот в Тебя вселится…

С дальнейшими различиями между вероучениями хлыстов и шалопутов мы познакомимся при изложении лжеучения последних. Что же касается сходства между ними, то оно естественно уже потому, что шалопутство выродилось из хлыстовства.

История происхождения секты

Местом первоначального появления и распространения шалопутства была Тамбовская губерния и потому, для шалопута Тамбов – такая же святыня, как для мусульманина – Мекка. Шалопут произносит даже не «Тамбов», а «Там бог». Там они, впрочем, долгое время назывались (да и теперь еще называются) богомолами. В настоящее время шалопуты встречаются уже по всей России; но больше всего их на северном Кавказе и в Малороссии: в губерниях – Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Херсонской, Таврической, Курской, в области Войска Донского и др.

Основателем и первоначальным распространителем шалопутства, как одной из хлыстовских разновидностей, сами шалопуты считают не Данилу Филипповича или Суслова, которых они даже не знают, а известного хлыстовского лжехриста, крестьянина села Перевоза, Кирсановского уезда Тамбовской губернии, Аввакума Ивановича Копылова, который жил в начале XIX века. Но Копылов непосредственным виновников шалопутства не был: он и начал, и кончил хлыстовством. После его смерти, преемниками его по управлению хлыстовскою общиною и по распространению хлыстовского лжеучения были: бездарный и флегматичный сын его, Филипп и пронырливый, энергичный и честолюбивый работник его, крестьянин того же села Перевоза Перфил (т. е. Порфирий) Петрович Катасанов (Котасанов или Кутасанов)[60].

Сначала эти сектантские главари жили между собою дружно, были единомысленны и энергично вели пропаганду; но потом между ними вышли нелады из-за понимания каких-то пунктов вероучения и из-за вопроса, кому быть «Христом» в общине – сыну или работнику Копылова и какому рождению, как праву на достоинство «Христа», отдать преимущество – духовному или плотскому. Дело кончилось тем, что Перфил (шалопуты зовут его, обыкновенно, «Перфиша») Катасанов отделился от Филиппа и тем положил начало новой секте – богомолов или шалопутов. Есть известие, объясняющее, откуда

Перфиша позаимствовал свое шалопутское учение. Вскоре после смерти Аввакума Копылова он не захотел оставаться работником у его сына и поступил кучером к какому-то помещику, у которого был хороший знакомый – поляк или немец. Однажды помещик вместе со своим другом долго ездил по полям, обозревая свое имение. В это время поляк захотел увлечь помещика каким-то новым вероучением. Помещик не увлекся, а кучер, внимательно слушавший беседу седоков, усвоил его и начал распространять среди своих односельчан. В этом рассказе верно указание на то, что шалопутство во многом обязано своим происхождением влиянию немецкого либерального протестантизма[61].

Вместе с Катасановым отделились от Филипповой общины и некоторые другие последователи хлыстовства, – в числе их – лжепророк Ефим Кузьмин и лжебогородица Лукерья Комбарова.

По верованию шалопутов, в жизни каждого из их «христов» должна повториться, по крайней мере, в существенных чертах жизнь «евангельского Христа». И вот, всю жизнь Перфиши они обрисовывают чисто евангельскими чертами – от рождения до воскресения из мертвых. Для этого, конечно, требуется слишком пылкое воображение и шалопутская способность к иносказательности и аллегориям. Вифлеем у шалопутов – это их община или «виноградник», «сад» (вместо хлыстовского «корабля»); волхвы, поклоняющиеся шалопутскому «христу», – это русские православные люди; звезда, указывающая путь православным ко «христу», – это народная молва, слава о Перфише; Ирод – православный архиерей, желающий уничтожения шалопутского «христа». По Евангелию, волхвы возвратились домой иным путем – по шалопутскому пониманию, это значит, что, уверовав в Перфишу и поклонившись ему, православные оставили церковь и обратились в шалопутство. Катасанов был сослан в Закавказский край за участие в убийстве одной женщины, оказавшейся опасной для его пропаганды; по шалопутскому преданию, он пролил за людей свою кровь и умер крестною смертью; поэтому в честь его шалопуты поют:

… мы беседовали

Про тебя, свет государь наш
Про твои страды – мученья,
Из очей слез теченья,
Что за нас, свет, пострадал,
На кресте плоть распинал,
Кровь пречисту проливал
И покровом покрывал.

Катасанов умер только 9-го декабря 1886 года; но легенда уже успела украсить его таким ореолом славы, что для шалопутов он стал предметом божеского почитания, как Данила Филиппович для хлыстов. Шалопуты уверены, что он воскрес из мертвых и, вознесшись на небо, ныне управляет вселенною. Еще при жизни своей он рассылал повсюду множество проповедников своего лжеучения, но особенное свое внимание обратил на южную Россию и Кавказ. После его смерти, его преемником по управлению всеми шалопутскими общинами в России стал Ейский мещанин Роман Петрович Лихачев, проживавший в станице Старощербиновке, Кубанской области. Но скоро он встретил себе сильного и властолюбивого конкурента в лице мещанина г. Георгиевска, Ставропольской губернии, Петра Лардухина (или Лардугина), который не любил выбирать средств для устранения противника, ставшего ему на дороге, хотя бы для того потребовалось и убийство. В настоящее время, среди шалопутов большое значение имеет бывший солдат Григорий Шевченко, пропагандирующий шалопутское лжеучение, преимущественно, в малороссийских губерниях – человек «продувной» и корыстолюбивый, служивший недавно в батраках, а ныне считающийся в Александрополе самым богатым человеком.

Учение шалопутов[62]

Шалопуты очень любят читать книги Св. Писания, но только, как книги поучительные и назидательные, не признавая за ними даже исторического значения. Еще более, чем хлысты, они пользуются приемами иносказательного и аллегорического толкования. В этом отношении наивность их доходит до смешного. Так, напр., Адам, по их изъяснению, не есть собственное имя, а нарицательное, обозначающее, вообще, всякого грешника, которому предстоят вечные мучения в аду. Слово Адам они разделяют на два слога: ад и ам, утверждая, что ам значит ем, пожираю, поглощаю, а потому Ад – ам, по их объяснению, обозначает того человека, которого съест или поглотит ад. Змий, соблазнивший Еву, по толкованию шалопутов, есть тело каждого человека, которого съест или проглотит ад. Змий – источник чувственных похотей и страстей, т. е. сам человек. Шалопуты произносят не «змий», а в женском роде – «змия»; затем разбивают эго слово на два слога и у них получается: змий – я, т. е., я сам змей-искуситель. И чем казуистичнее толкование, тем большим значением оно пользуется у шалопутов. Конечно, такое толкование Библии возможно только у сектантов, которые, руководствуясь, будто бы, непосредственными откровениями духа, не нуждаются в ее руководительстве. Какая горькая ирония судьбы: шалопуство началось повелением Бога его основателю – «по книгам доходить, как спасать душу», а окончилось отрицанием всякого знания этих же самых книг. Копылов, будто бы, лазил на дно Волги, чтоб найти Библию, брошенную туда Данилою Филипповичем, а его последователи снова кидают ее туда же: Танталова работа!

В сравнении с хлыстовством, у шалопутов представляется более или менее оригинальным их учение о Христе, Св. Духе, Богородице и пророках. Бога Троичного в Лицах, в смысле богооткровенного учения, шалопуты не знают, как не знают его и хлысты. Они веруют только во единого Бога. Христос не есть второе Ипостасное Лицо в Боге. Он есть лишь форма

известного обнаружения Божества или, вернее, обнаружение спасительной силы Божией. Он есть ум, премудрость, слово Божие. Сыном Божиим Христос может быть назван не в собственном, а только в иносказательном смысле, насколько можно говорить, что слово Божие или мудрость рождается от Бога. Дух Святой, по верованию шалопутов, так же не есть лицо или Ипостась; Он есть сила Божия очищающая, просвещающая и освящающая людей. О боговоплощениях и душепереселениях в хлыстовском смысле шалопуты ничего не знают. Спасение людей, по их учению, может быть совершено только при взаимном воздействии обеих сил Божества – Христа (т. е., слова) и Духа, причем, деятельность Духа должна предшествовать деятельности Христа и затем споспешествовать ей. Без предшествующего воздействия Духа на человечество немыслима и деятельность Христа, а, следовательно, невозможно и спасение человечества. Таким образом, подобно всем, вообще, мистикам, шалопуты приписывают Духу Божию гораздо больше значения в деле человеческого спасения, чем Христу. Как ум или слово Божие, Христос есть безусловная святость и совершеннейшая чистота; человек, осквернённый своими грехами, есть «срамота» и «скверна», как и весь мир, который во зле лежит. Но какое общение света со тьмою? Ни человечество в своем греховном состоянии не может воспринять в себя Божественного слова или Христа, ни Христос, как слово Божие, по своей чистоте и святости, не может снизойти с неба на землю, не может вселиться в человечество или отдельного человека, чтобы в нем находиться и через него действовать в интересах спасения людей, а, между тем, как человек говорит только тогда, когда он во плоти, так и слово Божие может существовать и действовать только во плоти человека. В чем же дело? Нужно, чтобы человечество, подобно ветхозаветным пророкам, было предочищено и подготовлено к восприятию Божественного слова или Христа. Вот почему раньше воплощения слова Божия необходима для человечества предваряющая, очистительная и подготовительная деятельность Духа Божия. Дух Божий должен сначала найти, очистить и освятить ту девственную утробу,

которая должна родить Христа. Такой утробой оказывается, прежде всего, среда или общество людей, в котором должно воплотиться слову Божию – Христу, те «белые овцы» или «истинные чада света», которые «и постятся, и молятся, и все в небушко глядят», те «сиротушки, гонимые, сердцем сокрушенные, душой умиленные», которые жаждут света, истины и добра, и не находят выхода из своей греховной жизни. Таким образом, истинною «богородицей» или, точнее, «христородицей» для шалопутов является не отдельное лицо, а целое общество избранных. «Разве мыслимо, – говорят шалопуты[63], – чтобы дева могла родить? Под девою нужно разуметь землю (т. е. среду, общество), которая при содействии Духа рождает Христа». Но, так как общество состоит из отдельных лиц, из которых наибольшее содействие появлению слова Божия может быть оказано только одним его членом, то учением шалопутов не исключается, а даже необходимо предполагается, существование и отдельных «богородиц». Общество шалопутов рождает Христа, но – только при посредстве какого-либо отдельного лица из числа своих членов.

По аллегорическому выражению шалопутов, общество должно устроить и утвердить в своей среде («винограднике» или «корабле-синоде») «златой престол для Христа», должно выделить «пречистую плоть» и «девственное тело», в которое могло бы вселиться «Божье слово – Христос». Так как Христос вселяется в человека или, что то же, воплощается, рождается не телесно, ибо слово Божие тела не имеет, а духовно, то, по верованию шалопутов, «богородицей» может быть не только женщина, но и мужчина. Кто приготовит «златой ковчег» для слова Божия, т. е., кто воспитает человека, способного воспринять в себя и возвещать другим слово Божие, тот и родил его (духовно), тот и «богородица»; а, так как пред Богом нет ни мужеского пола, ни женского, то и «златым ковчегом», воспринявшим в Себя слово Божие, или Христом может быть как мужчина, так и женщина. Но кто и как может воспитать само общество к восприятию и рождению из себя Христа? Через кого в этом направлении может действовать на общество очищающий, просвещающий и освящающий Дух Святой? Для

разрешения этого вопроса шалопутам пришлось создать в своем обществе особый институт пророков. Но пророки шалопутские не то, что пророки хлыстовские. Они – не плясуны и не организаторы только неистовых радений, а воспитатели общества, его пестуны. Приняв в себя Духа Божия, они должны руководиться только одними его внушениями и откровениями. Как сосуды и носители благодатных даров, они должны отличаться святостью жизни, безукоризненностью своего поведения и быть ревностными блюстителями веры и нравственности шалопутов. Как богодухновенные прозорливцы, они должны знать все – настоящее, прошедшее и будущее. Они должны проникать в самые сокровенные помышления всех членов своего «виноградника», знать их мысли и намерения. Не только их право, но и обязанность – обличать, запрещать, карать, без всякого страха и лицеприятия, людские пороки и недостатки добродетелей. Вот как описывается цель «пророческого служения» в одном из шалопутских кантов:

Батюшка Спас
Послал грозного пророка
Разыскать все пороки.
Он послал свою надежу
С животворною водой:
Коренушки обливать,
Златы ветки поливать

В другой песне:

А наш батюшка – пророк
Покатил, свет, на восток;
Строгий пастырь своему стаду
Загоняет овец в ограду,
Чтобы овцы не бежали.
Веру в Бога все держали,
Своего пастыря боялись,
От него бы научались.
Он хороший стаду пастырь,
У него небесный пластырь:
Всякому боль он излечает.
Кто батюшку величает;

Тем милость подает,
В ком дух чистый поет.
Он и строгим судом судит,
Кто без батюшки жить будет.
Господь ему приказал–
Все секреты рассказал:
Как со стадом поступать
Казной божьей откупать.
Все он стадечко убирает,
По закону разбирает
Веру, кротость, чистоту... и т. д.

Наконец, обязанность шалопутского пророка состоит еще в том, чтобы предсказывать об имеющем родиться Христе и удостоверять пред обществом истинность Христа, когда он уже явился на земле.

Конечно, и каждый шалопут имеет в себе духа божия, но не в такой мере, как имеют его пророки: на каждого шалопута дух изливается по мере сил его или – что то же – по степени его нравственного совершенства и святости. Христы и пророки у шалопутов встречаются реже, чем у хлыстов. У них даже может и совсем не быть их, если в обществе царит нравственная распущенность; тогда их места занимают «батюшки», «пресвитеры» и «старшие братья». «Богородица» только тогда бывает налицо, когда есть и рожденный ею «христос»; в другое же время шалопуты довольствуются простыми «матушками». «Батюшки» и «пресвитеры» носят длинные волосы и одежду, наподобие духовных лиц Православной Церкви. Само собою понятно, что «христос» может пребывать только среди шалопутов, которые именуют себя «святыми» и «чистыми»; среди не-шалопутов Христа нет.

В деле нравственного усовершенствования, шалопуты приписывают чрезвычайно важное значение посту и молитве. Бывали случаи, что от строгого поста некоторые из них даже умирали[64]. Христы и пророки должны подготовляться к своему служению непременно сорокадневным постом. Начать поститься, по терминологии шалопутов, значит «залечь на

пост», потому что во все время поста они, обыкновенно, лежат неподвижно на постели.

Раденья бывают и у шалопутов, но не такие неистовые и безобразные, как у хлыстов. Свои раденья шалопуты называют не иначе, как «пророческими или апостольскими литургиями». Сначала они поют, по церковным книгам, вечерню, а иногда и заутреню, читают акафисты, отправляют молебны и панихиды со всеми ектениями и возгласами. Около полуночи начинаются раденья в собственном смысле – «одиночные», «круговые», «крестовые» и т. п.; но мужчины радеют отдельно от женщин. Свального греха у шалопутов, кажется, не бывает; брак они отвергают, как и хлысты, допуская «христову любовь».

Разбор шалопутского учения

Нет сомнения, что лжеучение шалопутов несколько выше, чище, осмысленнее, а потому, и несколько снисходительнее к нему относятся, чем к лжеучению хлыстов. Но, тем не менее, и оно содержит в себе такие нелепости и самопротиворечия, что с ними могут мириться только люди, стоящие на низком уровне, как умственного, так и религиозно-нравственного развития.

Шалопуты отвергли всякое значение книг Св. Писания, как источника вероучения и нравоучения и даже как исторического памятника Божественного Откровения, как это сделали и родственные им хлысты. Но зато, подобно хлыстам, и они лишили себя возможности иметь правильное представление о Боге и Его свойствах, а также о человеке и его греховной природе. Мало этого. Все их верования вообще, как ни на чем необоснованные, оказываются произвольными и полными противоречий. Вот несколько примеров. «Без предварительной деятельности духа, очищающего и освящающего грешных людей, говорят шалопуты, Христос, как безусловная святость и чистота, не может снизойти на землю и вселиться в мир, который во зле лежит, т. е., в людей погрязших во грехах». А как же, спрашивается, Дух Святой может сходить на грешников? Или Он не так чист и свят, как Христос? Но ведь Он, как и Христос, по верованию шалопутов, исходит от Бога; а от Бога может ли исходить нечистое, греховное? Это противоречие у шалопутов навсегда остается неразрешимым. Далее, – в деле спасения рода человеческого (собственно, одних шалопутов), Дух Святой предваряет Христа; Он очищает и освещает людей, так как Христос может воплотиться только в обществе святых и избранных. Так учат шалопуты. Но, если Дух Святой Сам уже и очищает, и освящает людей: то зачем еще Христос должен снисходить на землю? Что Ему здесь делать? Все, что нужно шалопутам, уже ведь сделано Духом Святым: они и очищены от грехов, и освящены еще до нисхождения Христа на землю. Для искупления шалопутов? Но они и без того святы; а последствий прародительского греха они не признают. Правда, в одной

песне, как мы видели, они поют, что Катасанов был распят и пролил за них кровь. Но 1) Катасанов не был распят, а умер совершенно естественной смертью; 2) кровь он пролил не свою, а убитой им женщины; 3) смерть его не имела никакого искупительного значения ни для кого из шалопутов, ибо никого из них ни от чего она не искупила. Это – второе противоречие, из которого шалопуты никак не могут выпутаться.

Взгляд шалопутов на Христа – чисто немецкий, рационалистический. В их «Христе» Бог не воплощается. Христа шалопутского производит, или рождает, само шалопутское общество – «земля», а не небо. Прямо сказать: своими естественными силами общество воспитывает благонравного или благочестивого человека, способного возвещать слово Божие или волю Божию. Эго и есть шалопутский «Христос». Шалопуты утверждают, что такой «Христос» может явиться только среди общества чистых и праведных; у нечистых людей «христа», т. е., благонравного и благочестивого человека, не может быть. Это – правда: тысячи нечестивцев не могут воспитать из своей среды ни одного благочестивого человека. Но шалопуты не замечают нового самопротиворечия, в которое они впадают. Если общество шалопутов само из себя производит своего «христа», то как же они утверждают, что Христос исходит от Бога? С другой стороны – если общество само рождает Христа, то оно выше Его и в Нем не нуждается. В самом деле, зачем ему нужен Христос? Учить словом Божиим, как нужно жить и веровать? Но для этого у них есть пророки.

Что касается учения шалопутов о пророках, то оно так же полно противоречий. По своему рангу, пророки стоят ниже «христа» и даже подчинены ему. Но в действительности, они выше и важнее его. Без пророков не было бы никогда у шалопутов и «христа». Они ведь создают самое общество «святых»: они ведь «ведут стадо туда, где праведный Судья»; им ведь «Господь приказал и все секреты рассказал»; только благодаря им, и общество, как «собирательная богородица», оказывается способным рождать «христов». Таким образом, и здесь приходится сказать, что шалопутам «Христос» не нужен; они прекрасно могут обходиться и без него. С этим

заключением, несомненно, должны согласиться и шалопуты: сами они утверждают, что иногда можно быть и без «христа», место которого могут занимать разные «батюшки», «матушки», «пресвитера» и «старшие братья».

Пророки у шалопутов, если судить о них по шалопутским песням, должны быть личностями идеальными; образ их взят от ветхозаветных пророков. Но ветхозаветные пророки были посланники Божии, водимые Духом Святым. «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духов Святым» (2Пет. 1:21). Шалопуты уверяют, что таковы именно и их пророки. Они признают их не только богодухновенными посланниками Божиими, но и людьми высокого нравственного совершенства, безупречными по поведению, святыми по жизни. Но так ли это на самом деле? Соответствует ли в действительности то, что говорят шалопуты о своих «христах» и «пророках»? К сожалению, мы имеем в своем распоряжении много фактов, которые с несомненностью убеждают нас в том, что все шалопутские «христы» и «пророки» были самые дурные и безнравственные люди. О первом их «христе» Катасонове, которого они не перестают боготворить и ныне, мы знаем, что из мести и простого опасения, он убил женщину, за что судом был осужден в ссылку. Его преемник, Лардухин, был человек крайне корыстолюбивый и развратный, готовый на всевозможные преступления: он приказал убить одного лжехриста, в котором видел своего конкурента и которого заподозрил в измене. Он держал в своих руках всех шалопутов Терской области и Закавказья то страхом смерти, то ложью и обманом: лгал им, что к их секте принадлежит император Александр III-й и что он в Гатчине бывает у него запросто[65]. Лихачев и Шевченко, по своим нравственным качествам, не уступают Лардухину[66]. А вот, что пишет в печатном письме петербургским шалопутам об их «христе» О-ве их бывший единоверец, прося так же печатью уличить его, если он говорит неправду[67]: «Вы веруете, будто бы в О-ве Христос. Страшно даже подумать, до какого богохульства вы дошли: даже от одной мысли об этом волосы на голове дыбом становятся. Вы вдумайтесь хорошенько, может

ли что быть доброго от пьяницы и страшного блудника, как О-в, женившийся на второй жене, когда еще первая жива. Кроме того, он всех вас обобрал; вы ведь сами должны хорошо знать, что простота ваша стоила кому рубли, кому сотни, а одному последователю и тысячи рублей, а вся таблица простоты вашей, по моему подсчету, простирается до 24,000 рублей; говорю что не на ветер, а имея верные данные, могу подтвердить, назвав по имени каждого благодетеля. О-в такой человек, что не только нельзя назвать его «Христом», но и порядочным человеком. Если бы описать все его поступки и действия, то у читавших волосы бы дыбом встали и мурашки заползали; но чувство скромности не дозволяет мне распространяться обо всех подробностях». К сказанному нужно прибавить, что у петербургского шалопутского «христа», о котором идет речь, кроме двух жен, было еще до десяти «духовных сестер»[68], а за буйство и драки в пьяном виде он несколько раз был подвергаем аресту при полиции[69].

Шалопутские «христы», в минуты откровенности, сами смеются над собою, когда их величают «христами» и воздают им божеские почести. По крайней мере, это нужно сказать о петербургской «бабе-христе», жене дворника, малограмотной, самолюбивой, хитрой и своенравной женщине[70]. Когда ей объявили, что она – «христос» и стали перед ней на колена, целуя ее ноги, она в интимной беседе с «евангелистом» спрашивала его, смеясь: «А что, Коля, может ли баба «Христом» быть?»[71].

Шалопуты уверяют, что их пророки отличаются прозорливостью и знают не только все дела, но и тайные помышления людей. Но эта прозорливость шалопутских пророков, на которой они создают свою репутацию и популярность, говорит только не в пользу их нравственной безупречности. Вот, что рассказывает об этом человек, близко знающий быт шалопутов[72]. «На практике это угадывание человеческих помышлений происходит, обыкновенно, очень бесхитростно и может не вызвать снисходительной улыбки только у чересчур наивных простецов. Вот образчик такого пророческого прозрения. Приходит в собрание «сестрица»,

только что поступившая в секту. И вот, пророк, чтобы дать ей с первого же разу почувствовать, с кем она имеет дело, напускается на нее с, такого рода, обличением: «сестрица! что ты сделала с нашей братией? Ведь ты их всех потоптала ногами; зачем ты шла сюда с мирскими помышлениями? Ведь от Духа Святого ничего не скроешь». Подделка под пророческое прозрение, разумеется, грубая, но для невежественного ума может зауряд сойти за чистую монету». Гораздо худшее раскрывает, бывший у шалопутов более четырех лет евангелистом, о проделках шалопутских прозорливцев. Оказывается, что ради своей популярности они не брезгуют никакими средствами, пуская в ход и ложь, и обман, и фискальство, и шпионство[73].

Те пункты лжеучения, которые у шалопутов общи с хлыстами, здесь нет нужды подвергать особому разбору, во избежание излишнего повторения.

3. Новохлысты

Происхождение секты

Секта новохлыстов обнаружена только в конце XIX века и потому, еще мало исследована[74]. Сначала она была распространена только в Кубанской области и, главным образом, в станицах: Зассовской, Владимирской, Тульской, Кужорской и Упорной; но в последнее время новохлысты появились уже и во многих южно-русских губерниях. Основателем этой секты признается бывший хлыст, майкопский мещанин Евдоким Козин, на воззрениях которого сильно отразились пантеистические и материалистические идеи нашего времени. Его ревностным сотрудником по распространению сектантского лжеучения состоит некто Бондаренко. Секта эта, несомненно, выделилась из хлыстовства, но имеет свои резкие характеристические особенности, которые делают ее отдельной от хлыстовщины и вполне самостоятельной сектой.

Вероучение новохлыстов

Книг Св. Писания, как Ветхого, так и Нового Заветов эти сектанты, подобно хлыстам, вообще не признают источником ни вероучения, ни нравоучения. «Ми принимаем из Писания только то, – говорят новохлысты, – что нам нравится, а что не нравится, то отвергаем и работаем собственным умом». Таким образом, единственным источником вероучения и нравоучения новохлысты признают человеческий разум. Можно было бы, поэтому, подумать, что секта новохлыстов будет носить характер исключительно рационалистический, но, в действительности, в ней больше мистики, чем рационализма.

В существенных чертах вероучение новохлыстовской секты состоит в следующем. Бог есть дух вечный, всемогущий, вездесущий, внутренне пребывающий во всем движущемся. Он есть сама, движущая весь животный мир, сила. Все, что обладает, присущей от природы, способностью самостоятельного движения, имеет внутри себя Бога или, вернее, частицу Божества, так что всякое животное, даже последняя козявка имеет в себе Бога. Отдельно от мира и самобытно – Бог не существует. Он разлит неравными частями во всем животном мире; но сознает себя, как Бога, только в человеке, и то – в одних лишь новохлыстах. До творения видимого мира, Бог не имел лиц Пресвятой Троицы; Троица явилась уже перед самым сотворением мира. До того же времени, от вечности существовала какая-то неопределенная масса, в которой и пребывал Бог-дух. Желая создать мир, Бог, прежде всего, сам начинает отделяться от этой бесформенной массы, чтобы из нее уже создать вселенную. Но, так как Бог устроил мир словом, а дух без плоти говорить не может, то Бог, прежде устроения мира, стал набирать на себя плоть пречистую, подобно тому, как бабочка набирает сама на себя красивые цвета. Одевшись плотью в форме человеческого тела, Дух уже мог говорить, и тогда-то Он получил возможность из массы творить мир словом. Таким образом, в момент принятия на себя плоти Духом, появляется и Троица: первое лицо – дух,

второе – плоть и третье – слово. Проще: Бог – тот же, во плоти, человек, только бесконечно могущественнее обыкновенных людей. Одновременно с Богом из той же самой массы отделяются части, из которых впоследствии Бог сотворил солнце, луну и звезды, а Сам, оставшись на земле, создает все ныне существующее, и человека.

Адам не есть единственный родоначальник человечества; и до него было так же много людей, как и других созданных тварей. Но люди эти по своей жизни не отличались ничем от животных, потому что не знали, что они сотворены по образу Божию. Когда же Бог избрал одного из них и просветил его, или – другими словами – когда дух вошел в человека, тогда только последний узнал, что он сотворен по образу Божию, через что получил блаженство или рай – духовный и внутренний. От него произошел род людей благочестивых, т. е., новохлыстов. Но через несколько поколений один из рода благочестивых, могший уже от своих родителей получить духа и блаженствовать, был прельщен природой: жил, как ему хотелось, проливал даже кровь братьев, за что и изгнан был из рая, т. е., лишился духовного блаженства. Это и был библейский Адам, имя которого значит «изгнанник». Первый же, созданный Богом, человек, неизвестно как назывался.

Бытия духов бесплотных новохлысты не признают. Ангелы, по их учению, непременно должны иметь тела, иначе они, как духи без «перегородки», т. е., без тел, все слились бы между собою, подобно тому, как воды, если не заключены в известные сосуды или не разделены природными препятствиями, должны непременно слиться в одну массу. Ангел живет в каждой отдельной личности человеческой, т. е., проще: каждый человек есть ангел. Все такие ангелы разделяются на три группы: видимых, невидимых и злых. Видимые – это новохлысты, ибо они видят Бога; невидимые – все не-новохлысты, ибо они не видят Бога; злые – новохлысты, не живущие, однако же, по их заповедям. Зло в мире происходит не от злого духа, а от самого человека или, вернее, от природы, которою прельщается человек.

Иисус Христос, по учению новохлыстов, был совершению обыкновенным человеком. Родился Он, как и все люди; никаких чудес Он не творил, да и не мог творить, потому что их на земле никогда и не было. Но Он имел в Себе Духа Божия и посвятил всю Свою жизнь тому, чтобы свидетельствовать словом о Боге. Слово Его в некоторых вселилось, вследствие чего, они приблизились к Богу. Но многие из людей не поняли Его учения и распяли Его, почему Он назван Христом, т. е., «распятым». После смерти, Христос воскрес, но воскрес только Своим учением в душах Своих последователей, и вознесся на небо, т. е., «*на них бо*» – на главы Своих учеников духом. Он придет и вторично, но не как Бог, а как могущественный человек, который будет жить на земле несколько лет, и слава о Нем пройдет по всему миру. Придет Он для того, чтобы обличить не принявших новохлыстовского учения. Обличение Его будет так сильно, что совесть каждого человека, как бы, сожжет его, во избежание чего и нужно всем спешить вступлением в секту новохлыстов.

О загробной жизни новохлысты учат так: каждый человек, как и каждое животное, состоит из тела и души; только новохлысты вместо души имеют в себе духа Божия, который вселяется в них в виде маленького человека в невидимой бессмертной плоти. Когда умирает новохлыст, то его дух вместе с невидимой своей бессмертной плотью или тотчас же, или некоторое время спустя, вселяется в другого новохлыста. Поэтому хлысты, в действительности, не умирают никогда, а живут в сектантах и будут жить в них, пока путем переселения из одного сектанта в другого не усовершенствуются в своем развитии до того, что на земле им не будет уже места. Тогда они обратятся в звезды, которые с неба блистают светом на грешную землю. Что же касается обыкновенных людей – не-новохлыстов, то их души, по разлучении с телом, вселяются в различных животных и насекомых, и будут перевоплощаться до тех пор, пока не попадут в таких людей, которые будут способны просветиться словом, т. е., стать новохлыстами.

Эсхатологическое учение новохлыстов кратко и просто: ни рая, ни ада нет, ибо ни того, ни другого никто никогда не видел.

Существует только постоянный круговорот переселений душ из людей в животных и обратно. Земля и весь видимый мир со всеми населяющими его живыми существами навсегда останутся в том виде, в каком находятся и теперь.

Нравоучение новохлыстов

Нравоучение новохлыстов выражается приблизительно в следующих «заповедях»: не убивай делом и словом, не кради, не суди, не завидуй, оказывай помощь каждому, если только это принесет ему пользу, трудись и не гордись, просвещай других словом, т. е., пропагандируй учение своей секты. В пищу употреблять можно только все растительное и молочное; употребление же в пищу мяса строго воспрещается на том основании, что, заключающаяся в мясе, кровь затемняет ту невидимую бессмертную плоть в каждом сектанте, в которой пребывает разумный дух его. Но, что самое мерзкое, самое нечистое из употребляемого людьми в пищу, так это – яйцо, потому что в яйце заключается потенциально не только мясо будущего цыпленка, но и все насекомые, все гады, все нечистое, так как курица, кроме зерен, ест насекомых и червяков, копается в грязном навозе и т. п.

Культ новохлыстов

Секта новохлыстов пока не выработала еще своего самостоятельного религиозного культа; а, как выродившаяся из секты хлыстов, удержала и все их обряды при молениях, начиная с пения хлыстовских песен и кончая радениями. С Православной Церковью она разорвала даже и внешнее общение. Поэтому никаких обрядов при браках, рождении и погребении у новохлыстов не бывает. Взял жену, как работницу, значит – женился; родился ребенок в семье, – мать дает ему имя; умер кто, – отнесли, зарыли его в землю, – вот и все…

Краткий разбор новохлыстовского лжеучения

Секта новохлыстов, само собою понятно, уже не может быть называема христианской. В ней не осталось ничего из того, чему учит Божественное Откровение, заключающееся в книгах Св. Писания Ветхого и Нового Заветов. Поэтому и миссия в борьбе с нею не может опираться на этот важнейший источник христианского вероучения и нравоучения. Никакие доводы, созданные на этой почве, как бы они ни были убедительны сами по себе, для новохлыстов не могут иметь никакого значения, ибо они берут из Писания только то, что им нравится, а то, что не нравится, они отвергают. Ясно, что для борьбы с ними миссия должна отыскивать иные средства.

Только по недоразумению можно называть новохлыстовскую секту даже и религиозной вообще. Она вышла не из естественной религиозной потребности человеческой и никаких элементов из всех существующих религий она в себя не восприняла, ибо хлыстовские радения не могут быть названы существенной составной частью какой-либо религии. Даже у хлыстов они находятся лишь в механической связи с их общими догматическими верованиями.

Новохлысты уверяют, что над учением своей секты они работали собственным умом. И это – неправда, или же работа их была крайне ничтожной. Новохлыстовская секта есть прискорбный результат того зловредного влияния, которое в последнее время так усиленно старались производить на малоразвитых крестьян их интеллигентные просветители, сами сбившиеся с пути, по причине слепого, некритического увлечения крайними и односторонними западноевропейскими лжефилософскими учениями. Эта секта представляет собою странную, непродуманную, пеструю смесь отдельных отрывков этих учений: в ней есть и пантеизм, и материализм, и антропологизм, и дарвинизм, и даже толстовское вегетарианство. Итак, вот та почва, на которой миссионеру нужно вести борьбу с новохлыстовством.

Своей задачей православный миссионер должен поставить, прежде всего – обнаружение несостоятельности тех метафизических положений, которые услужливо навязаны новохлыстам извне. Этого он может достигнуть указанием тех многочисленных противоречий и нелепостей, в которых путается новохлыстовство. Для примера, здесь достаточно остановиться на некоторых – важнейших.

1. Бог – говорят новохлысты – пребывает во всем движущемся; в неорганическом мире Его нет. А как же они называют Его вездесущим, если Бог не имеет никакого отношения к природе неорганической; откуда же ее красота, восхищающая человека? Кто установил ее стройные законы? Кто управляет ее силами? Чем объяснить ее целесообразную и законосообразную деятельность?

2. Бог – по учению новохлыстов – вселяется в души людей, хотя бы только и в новохлыстов: души таких людей после смерти превращаются в звезды; звезды – тела неорганические: где же остается Бог, если Его нет и в звездном мире?

3. Бог – учат новохлысты, – достигает Своего самосознания только в человеке (мысль чисто гегельянская, неизбежно ведущая к атеизму и обоготворению человека!); следовательно, до сотворения мира и человека Он был в бессознательном состоянии. Каким же образом у Него, существа бессознательного, могла явиться мысль о чем бы то ни было, а, тем более – о сотворении мира?

4. Новохлысты утверждают: ангелы, как духи, нуждаются в телах или «перегородках», иначе они, подобно водам, слились бы между собою в одну массу; Богу же, как духу, даются даже две «перегородки»: тело человека и Его собственное, какое-то тело эфирное. Как же, при этих двойных «перегородках», Он может быть вездесущим? Что делается с ним в тот промежуточный момент, когда Он вынуждается быть без «перегородок», оставив тело умершего человека и не вселившись еще в какое-либо другое тело?

5. Единый от вечности, Бог становится троичным перед творением мира, думают сектанты; собственно, о троичности лиц здесь нет речи, ибо ни плоть, ни простое слово не суть

лица; но здесь ясно говорится о происшедшей в Боге перемене: бесплотный получает плоть, не говоривший, усвояет способность говорить. Но, если Бог изменяем; то как же можно признавать Его вечным?

6. В одном месте новохлысты утверждают, что Бог есть во плоти человек; в другом, – что ангел есть во плоти человек. Но уже математики выставляют, как аксиому, что две величины, равные третьей, равны между собою. Значит, Бог есть только ангел. Итак, Бога у новохлыстов не спасли даже и «перегородки»: не будучи водою, Он, и как дух, сливается у них в одну массу с ангелами!.. Но ангелов бесчисленное множество и новохлысты разделяют их на три группы: видимых, невидимых и злых; следовательно, и богов много и между ними есть даже боги злые?

7. С другой стороны, если Бог есть только во плоти человек и самобытно не существует; то ясно, что, собственно говоря, Бога вовсе нет, а есть только обоготворенные люди. Итак, перед новохлыстами разверзается страшная бездна грубого атеизма

8. Бог есть дух, учат новохлысты, и каждое движущееся существо, даже козявка, имеет в себе «частицу Божества». Но разве дух может быть делим на какие-либо части?

9 От вечности, по учению новохлыстов, существовала какая-то бесформенная масса; откуда же она взялась? Кто ее виновник? Кто ее создал?

10. Нельзя не спросить новохлыстов и о том, откуда они знают (и, притом, с подробностями), что происходило даже до сотворения мира и как был сотворен мир? Разве они получали сверхъестественные откровения? Но они решительно отвергают самую возможность чудес, а, следовательно, и возможность сверхъестественных откровений. Значит, все их учение есть плод праздной и пустой фантазии. Это, несомненно, сознают и сами сектанты, а потому, поставленный вопрос для них крайне неудобен. Православный миссионер спросил их однажды: «откуда вы узнали, что звезды – души праведников ваших и чем вы могли бы меня в этом убедить?» Пропагандист новохлыстовства ответил ему: «Ничем, потому что вы все равно не поймете, так как все это для вас закрыто, темно, а для нас

совершенно ясно; мы видим их своим духовным оком. Если бы все были просвещены словом (т. е., учением новохлыстов), то все бы и видели их, как видим их мы». В этом ответе, очевидно, уже скрывается сознание, что все новохлыстовское учение основывается только на одной пустой и бесконтрольной фантазии.

11. Новохлысты еще не выработали своего культа; на своих моленьях они довольствуются пока хлыстовскими радениями. Но, если в каждом из них находится Бог в виде маленького человека, если Бог есть во плоти человек; то кому же они молятся и зачем они вообще молятся?

12. Наконец, по учению новохлыстов, в теле каждого человека помещаются: один из падших духов, ангел видимый или невидимый, Бог в виде маленького человека и еще какая-то душа; кто же – спрашивается – сам человек после этого: Бог, ангел или диавол; и как в нем примиряются совершенно непримиримые начала: Бог и падший ангел, против Бога возмутившийся?

Разбирая таким путем все учение новохлыстов, легко показать его полную несостоятельность. О Господе нашем Иисусе Христе новохлысты рассуждают, очевидно, по Ренану, но с чужих слов. Взгляд их на Его жизнь, учение и дела – обычный, рационалистический. Ясно, что в этом случае православной миссии нужно обратиться к тем средствам разоблачения лжи, которые вообще выработала наука в борьбе с рационалистическим пониманием евангельской истории и на которые мы уже указали.

Каким, однако же, тяжелым финалом заканчивают новохлысты свое лжеучение: «умер человек, – отнесли, зарыли его в землю, – вот и все!» Страшно за человека, для которого, кроме этого, не осталось другого заключения в его огрубелом «собственном уме»!..

4. Новый Израиль или Лубковцы[75]

Происхождение секты

История «Нового Израиля» кратка. Секта эта, подобно предшествующей, есть одна из новейших разновидностей хлыстовства. Первоначально появилась она в Терской области только в 1897 году, но уже успела быстро распространиться почти по всему югу России. Основателем ее был, некто, Василий Лубков, выдававший себя за томского дворянина, но, в действительности, оказавшийся крестьянином воронежской губернии. Он служил некоторое время кондуктором на Закавказской железной дороге, а затем проживал в Ардагане Карской области. Под своими «посланиями», которые он рассылал повсюду для приобретения последователей, он, обыкновенно, подписывался так: «Святейший и великий повелитель мира, сын белого Бизона, сын великого и славного Эфира, царь царей 21-го века, Служитель и Слово, Вселенский Владыка Славы, Христос-Бог». По фамилии своего основателя, его секта часто называется «сектой лубковцев». Она выделилась из закавказской хлыстовской общины; Израилем же хлысты эти называют себя только потому, что ложно считают себя «избранным народом Божиим», каким, действительно, в Ветхом завете были, некогда, израильтяне.

Вероучение Новоизраильской секты

31-го мая 1905 года, при общем съезде представителей Новоизраильской общины в Ростове на Дону, Лубков составил, и в 1906 году издал в свет, «Краткий катехизис основных начал веры Новоизраильской общины». Катехизис этот состоит из 22-х глав: 1. предварительное понятие; 2. о первобытном (?) и предвечном Боге; 3. о воплощении Христа; 4. о пришествии Христа на землю; 5. о церкви; 6. о вере; 7. о крещении; 8. о священстве; 9. о наставниках; 10. о служении; 11. о евангелии; 12. о браке; 13. о воспитании детей; 14. о постах; 15. о праздниках; 16. как решаются спорные мнения; 17. о беседах и прениях с другими вероучениями; 18. отношение к государственному строю; 19. отношение к православию; 20. о храме; 21. о школах и молитвенных домах; 22. заключение. Катехизис этот переполнен текстами Св. Писания, истолкованными в хлыстовском смысле, и искаженными святоотеческими изречениями. По практическим соображениям, Лубков напечатал свой катехизис даже «с разрешения цензуры»; но изложение его, с одной стороны, так туманно, а с другой – настолько лживо и неискренне, что ему не верят сами новоизраильтяне, считающие его хитрой подделкой православных миссионеров.

Лубков уверяет, что источником его лжеучения служат книги Св. Писания как Ветхого, так и Нового Завета. Правда, он часто ссылается на них; но в аллегорическом понимании их он превзошел не только всех хлыстовских истолкователей, но даже и шалопутских. По его утверждению, в Библии нет ничего исторического, а лишь одна аллегория и, притом, аллегория, имеющая отношение только к верованиям и жизни новоизраильтян. Так, напр., даже все лица, которые упоминаются в истории ветхозаветных израильтян, по объяснению Лубкова, не были действительными людьми, а лишь олицетворениями веков: Мелхиседек – 18-й век, Авраам – 19-й век и т. д.

Учение Новоизраильской секты о Боге, о Христе, о перевоплощениях и т. п., в сущности, ничем не отличается от общехлыстовского вероучения. «Бог вездесущий и непосягаемый (!), – учит Лубков в катехизисе своих последователей; Он один есть Предвечный Бог и физический закон природы (!). Сын Его единородный, рожденный от Него прежде век, это отблеск вечного света, нераздельно (?) со отцом. Дух Господень (а не Святый Дух?) есть премудрость, первоисходящая (?) от отца, Господь в трех лицах, но суть (?) одно». «Образ Христа нам дала художница – премудрость (?), которому (?) мы покланяемся в духе, истине» (в духе и истине?). «Так как Бог живет в неприступном свете и непосягаемый, то Он, по великому Своему милосердию, являл Себя в пророках, через которых возвещал гнев и милость Свою». «Господь, рожденный прежде век, подчинился закону природы (?), презрел стыд (?), родился от жены, т. е., девы Марии в естестве (?), как и все человеки; девство Марии состоит в том, как (?) сохранившей ненарушимо полученную веру и чистоту духовную» (?). «Я – говорит Лубков от лица Иисуса Христа, – в утробе матери образовался в плоть, в девятимесячное время сгустившись в крови, от семени мужа, и, родившись, начал дышать общим воздухом и т. д. «О сверхъестественном зачатии Иисуса, Которого Бог сделал Господом Христом, – отвечает Лубков от имени всех своих последователей – новоизраильтян, – утверждать не станем». Веруя в перевоплощение душ, новоизраильтяне, подобно всем, вообще, хлыстам, утверждают, что Христос был, и есть, и грядет, вчера, и сегодня, и во веки будет жить телесно среди избранных своих (т. е., среди новоизраильтян). Таким «живым Христом» они считают именно бывшего кондуктора Лубкова, воздавая ему божеские почести и молясь ему, как Богу, даже в его отсутствие. Лубков не отрицает того, что он – «Христос»; даже более: он ставит себя выше «старого Христа», так как он (Лубков) «Христос» не по чину Мелхиседека, а по чину Моисея, и ему суждено возродить человечество не только в религиозно-нравственном отношении, но и в социально-политическом. Вот, что он говорит о себе:

Радуйся, Россия!
Я семя засеял,
Я и поливаю,
Я и возращаю,
Я в тебе, Россия,
Могущество открываю,
Законы уставлю,
Россию прославлю.

Строй и характер новоизраильтянской секты

«Что нужно сделать для того, чтобы превратить царство мира сего в царство Божие»? спрашивает Лубков и отвечает: «Нужно выйти из Египта». – «А что такое Египет?» – «Египет – учит Лубков, – есть язычество нашего православного мира»... И начало такому выходу уже положено. Еще в конце 1904 года, с разрешения подлежащих властей, новоизраильтяне порвали даже и внешнюю связь с Православной Церковью. Иконы они уже выбросили из своих домов; в церковь не ходят; к священникам ни за какими требами не обращаются. Но этого мало. Вопреки словам Лубкова о гуманном отношении к иноверцам (в катехизисе), новоизраильтяне питают к Православной Церкви, ее служителям и верным ее чадам крайнее нерасположение и непримиримую враждебность. Вот их любимая песня, из которой видно, как относятся новоизраильтяне к православным своим братьям:

Бог ваш древо и замазка,
Мать вам известь и кирпич,
Ваша вера есть суетна
И закон – злобный дракон.
Будем царствовать с Христом,
Богом и мамашею святой.
А вам участь всем
Проклятым гонителям за Христа –
Тьма превечная готова,
Неугасимый огнь кипит.
Лучше жить в лесу с зверями,
Чем в мире, да с попами.
Сатана уже проснулся,
Позавидовал Христу.
Посылает лжепророков (миссионеров)
Злую змею – свою мать (церковь)
От нападков защищать.
Но схватился очень поздно.
Солнце высоко взошло,

Озарило своим светом
Все вселенные концы[76].

Своим общинам новоизраильтяне дали прочную организацию и ввели в них строгую религиозно-социалистическую дисциплину. Ложно понимая Апокалипсис, Лубков разделил все новоизраильские общины на семь церквей (нечто вроде епархий), а во главе их, в качестве своих сотрудников по управлению, поставил: четырех «евангелистов», двенадцать «апостолов», двадцать четыре старца; кроме того, в каждую общину дал по «пророку», для ближайшего заведывания порядком и делами общины. Появились у новоизраильтян и «святые жены-мироносицы» и даже «мамаша богородица». Достоинство «мамаши богородицы» в общине новоизраильтян принадлежит только сожительнице Лубкова, сожительницы же «евангелистов», «апостолов», «старцев» и «пророков» именуются лишь «мудрыми девами». В настоящее время, Лубков уже имеет вторую сожительницу; но этим дело не кончится: по словам новоизраильтян, он, со временем, еще раз переменит свою «богородицу», потому что так было и при «старом Христе», говорят новоизраильтяне, кощунственно считая трех жен-мироносиц за богородиц Иисуса Христа[77].

Старые хлысты, считая брак «скверною» и требуя от своих сочленов безбрачия и девства, во исполнение заповеди лжесаваофа Данилы Филипповича, дозволяли супругам совместное жительство, настаивая лишь на том, чтобы они жили «как брат с сестрою». Лубков пошел дальше этого: от своих последователей он потребовал решительного расторжения браков, совершенных в Православной Церкви, и, таким образом, разрушил множество семейств, поставив несчастных детей в самое безвыходное положение. Вместо законных брачных уз, он предоставил новоизральтянам беспредельную свободу половых отношений и право каждому, по влечению «духа», избирать себе «духовницу» или «сестрицу». Такую же свободу он даровал своим последователям и относительно пищи: он отменил всякий пост, как подвиг, отвергнув его значение, даже как средства для

умерщвления плоти и, к ужасу старых хлыстов, дозволив употребление мяса какого бы то ни было животного.

Подвергать критическому разбору лжеучение новоизральской секты не представляется особенной нужды. Как мы видели, ею приняты, без изменения, все основные положения хлыстовства, которые в свое время были разобраны нами с достаточной полнотой и повторять здесь сказанное уже однажды – было бы излишне. Лжеучение новоизраильтян представляет отличие от общего хлыстовского лжеучения только в несущественных частностях, и эти частные положения, как они изложены в катехизисе новоизральской секты, не заслуживают особенно серьезного внимания с нашей стороны, так как они служат, скорее, во вред самому хлыстовству, чем к его утверждению; к тому же, они изложены очень безграмотно и с явными противоречиями, опровергающими себя взаимно; так, напр., Лубков говорит, что он положительного ничего не может утверждать о сверхъестественном рождении Иисуса Христа, а строкою раньше от лица Самого Иисуса Христа утверждает, будто бы Он родился «от семени мужа», причем уверяет, что оба утверждения он делает на основании одного и того же Евангелия. Наибольшее противоречие основным положениям хлыстовства, на которых зиждется вся система хлыстовского лжеучения, представляет разрешение Лубкова своим последователям употреблять мясную пищу. Старые хлысты поступают логичнее. Они веруют в предсуществование и перевоплощение душ, и потому запрещают есть мясную пищу из опасения, как бы хлыст не съел кого-либо из своих предков или не осквернил себя греховностью души, очищающейся в животном. Лубков также учит о переселении душ и, в явное противоречие этому учению, разрешает употребление мяса животных, что повергает в ужас «старых» хлыстов.

Нельзя не отметить в новоизраильском катехизисе некоторых выражений, которые не совсем ясны и определенны, так что возникает даже сомнение, как понимать их: заключают ли они в себе положительное учение новой секты или же попали в текст по невежеству и безграмотству составителя. Так, напр., в катехизисе говорится, что Бог, есть «физический закон

природы». Эту фразу трудно понять. На собеседованиях с православными миссионерами новоизраильтяне ее никогда не высказывали. Быть может, она появилась «с ветру», а, быть может, в ней в грубой форме выражается какое-либо новое представление о Божестве, не известное системе лжеучения «старых» хлыстов. Другое выражение – «Бог непосягаемый»… Что оно означает? Употребляет ли его Лубков в смысле непостижимости существа Божия или придает ему какое-либо особое значение, – трудно сказать. Таково же выражение: «Дух Господень есть премудрость, первоисходящая от Отца», или: «Образ Христа нам дала художница-премудрость… Что это за «художница-премудрость» и в каком смысле Лубков называет Духа Господня «первоисходящей» премудростью, – из новоизраильского катехизиса не видно. Такою же неясностью отличается фраза Лубкова о том, что, родившись от Девы Марии, Христос презрел какой-то «стыд». Какой это стыд? – неизвестно. То же самое нужно сказать и о многих других выражениях новоизраильского катехизиса, напр., о девстве Божией Матери, о явлении Бога в пророках и т. п. Впрочем, все это такие частности в общей системе новоизраильского лжеучения, которые не могут причинить серьезного затруднения православному миссионеру.

5. Беседники[78]

История секты

«Беседничество» есть один из толков хлыстовской секты. Тем не менее, сами «беседники» упорно не желают смешивать себя с хлыстами, к которым они относятся даже с нерасположением. И они имеют на то некоторое право. Хотя «беседничество», несомненно, выделилось из хлыстовства, и потому, в своем учении имеет много общего с ним, но в нем, а еще более, в практической жизни беседников, есть такие особенности, которые, действительно, не позволяют смешивать его с хлыстовством и представляют основания для отделения его в самостоятельную секту. Беседничество не менее хлыстовства распространено по России; но особенно много беседников встречается в заволжских местностях: в губерниях Казанской, Самарской, Оренбургской, Астраханской, а затем, на Кавказе и почти по всей Южной России. Но есть разница в учении и самых беседников. Здесь мы будем говорить только о беседниках Казанской епархии.

Когда появились хлысты в Казанской епархии, – трудно сказать, за отсутствием достоверных исторических свидетельств. Сами хлысты, на основании своих преданий, утверждают, что их секта появилась в Казани почти одновременно с ее происхождением, уверяя, что их «христы» и «богородицы» (напр., Китай Лукьянович и Аграфена Китаевна) действовали уже в качестве хлыстовских пропагандистов в конце 17-го века. Но этому преданию трудно верить. Можно, впрочем, с несомненностью утверждать, что в уездах Чистопольском, Спасском и Лакшевском хлыстовские общины существовали уже в 40-х годах прошлого столетия и были организованы хлыстовскими лжепророками Яковом Мурышевым и Игнатием Григорьевым, прибывшими туда из Воткинского завода Вятской губернии.

Нужно заметить, что в Казанской епархии хлыстовство всегда выражалось в особенно грубой, изуверской форме. Там хлысты не только веровали в «живого саваофа», наезжавшего к ним, по временам, из Москвы, не только имели во множестве

своих лжехристов, лжебогородиц, лжепророков и лжепророчиц, не только веровали в предсуществование и перевоплощение душ, – чему веруют все хлысты, – но на своих раденьях допускали всегда возмутительные и ужасные действия. О кровосмешениях и растлении малолетних нет нужды говорить. Но нельзя не отметить того, как совершается у них «причащение». Не довольствуясь огнем от семи свеч, который хлыст должен проглотить, взяв в рот горящие свечи и там их потушив, чистопольские и спасские хлысты употребляют еще особые сухарики, размоченные в воде московского «сударя-саваофа», которые, по словам достоверных лиц, причащавшихся этими сухариками, имеют красноватый цвет и очень сильно пахнут кровью. Мало этого. В с. Трех Озерах, Спасского уезда, хлыстов уличали в ритуальном убийстве восьмидневных мальчиков, для причащения их сердцем и кровью. Наконец, о казанских только хлыстах рассказывают, что они иногда приобщаются кровью девственницы a primo coitu с хлыстовским «христом»[79]. Дальше идти некуда. Поэтому неудивительно, что лучшие из хлыстов сами стали возмущаться теми мерзостями, которые были допускаемы на их собраниях, и протестовали против них. Дело кончилось тем, что некоторые хлысты, отвергнув причащение кровью младенцев и раденья, решили ограничить свои религиозные собрания исключительно молитвословиями, чтением книг Св. Писания и религиозно-нравственными собеседованиями, и, таким образом, рядом с грубым хлыстовством, образовали особое общество беседников или беседчиков. Свои собрания они стали называть уже не радениями, а «беседами» или «беседками».

Впрочем, близко стоящие к казанскому сектантству лица[80], утверждают, что беседники не устояли в своем решении и что, по слухам, и у них после бесед бывают хлыстовские радения. Конечно, слух этот нельзя назвать невероятным. Одни однообразные и скучные беседы не могут удовлетворить тех людей, которые раньше в течение многих лет с любовью предавались оживленным и разгульным оргиям на своих радениях. Но не нужно забывать того, что и настоящие хлысты, ради приобретения лучшей репутации среди народа, часто

называли, и теперь называют, себя «беседниками», а свои собрания – «беседками», вследствие чего, смешение тех и других сектантов весьма возможно.

Вероучение беседников

Особенностью беседников нужно признать их любовь к чтению книг Св. Писания на их «беседках», которые устраиваются, обыкновенно, под воскресные дни и праздники Православной Церкви. Предпочтение они отдают Евангелиям и апостольским посланиям. Тем не менее, как и все хлысты, они читают эти книги лишь с предвзятой мыслью – найти в них оправдание для своих ложных верований, а потому, и изъясняют их только аллегорически или, как говорят они, духовно. «Евангелие, – рассуждают беседники, – писано Духом и для духа, а потому-то и понимать его нужно духовно». Таким путем они пришли не только к отрицанию Богочеловеческого достоинства Господа нашего Иисуса Христа, но и к отрицанию Его действительного, исторического существования. Для них «евангельский Христос» есть только поучительная аллегория. Поэтому, даже евангельский рассказ о рождении Иисуса Христа они понимают по-своему, «духовно». «Христос, учат беседники, рождался, рождается, и всегда будет рождаться так: ты грешил прежде; значит, ты был мертв, разлагался, смердел; теперь ты перестал грешить, вот это и значит, что в тебе родился Христос. Но с отрицанием исторического существования «евангельского Христа» беседники должна были отвергнуть и искупительное значение крестной смерти Его, а, следовательно, – и все христианство: и Церковь, и ее спасительные таинства. Под Вифлеемскими младенцами они разумеют грехи человеческие, а под Иродом – раскаявшегося грешника, уничтожающего свои грехи умерщвлением плоти. Евангельский рассказ о претворении воды в вино на браке в Кане Галилейской они объясняют так: «Наш Бог – не пьяница. Вино – кровь сатаны. Наш Бог и Сам его не пил и другим пить не велел. Если же сказано, что Христос претворил воду в вино, так это значит, что Он их там обвинил: «вино», «виноват», «обвиноватил»; значит, Он доказал виновность пирующих, чего они прежде не понимали и были просты, как вода».

Подобно всем, вообще, хлыстам, беседники имеют ложное понятие о Боге. По их учению, Бог пребывает только в человеке и с человеком. Где нет человека, там нет и Бога: даже в храме нет Бога, когда в нем не бывает людей. Но и в людей Бог-дух вселяется только тогда, когда люди восходят к Нему духом. При этом, Бог вселяется в людей, так сказать, не в одинаковом количестве, а в зависимости от степени их нравственной восприемлемости и нравственного усовершенствования, насколько они «восходят от силы в силу». По этой-то причине, а не по перевоплощению душ, как у обыкновенных хлыстов, беседники и устанавливают различие между своими «живыми богами»: «пророками», «апостолами», «архангелами», «богородицами», «христами» и «саваофами». «Богом», по учению беседников, может быть всякий человек, хотя и не без большого усилия: для этого нужно 40 дней подряд ничего не есть и не пить, а это не для всякого возможно, потому-то и не все сподобляются божеского достоинства. «Христом» быть легче и каждый беседник имеет заветное желание сделаться «христом»; но сам себя никто не может назвать «Христом», как это бывает у обыкновенных хлыстов. «Нужно, чтоб другие признали тебя «Христом», говорят беседники; а сам назовешься «христом», – будешь антихристом». Здесь необходимо отметить, как особенность беседников, то, что, по их верованию, «богородицей» может быть мужчина[81]. Это верование объясняется тем, что, отвергнув учение о переселении душ, они за названиями: «пророк», «Христос», «богородица» и т. п. удержали лишь обозначение известных ступеней «святости» или нравственного усовершенствования.

Увлечение аллегориями и иносказаниями превратило беседников в пустых схоластиков, играющих только словами. Например, беседники любят поразить православных своим знанием того, что такое «небеса» (не-бесы) и что такое, «беса» (бесы). «Беса», конечно, – православные, а «небеса» – беседники. Часто они думают удивить миссионеров своим рассуждением о том, что такое «раз» и что такое «аз». «Раз», – говорят беседники, – означает путь к царю земному, а «аз» – путь к Царю Небесному. Эго выходит таким образом: раз, два,

три, четыре... так считают, а царь земной деньги делает со счетом, дает деньги со счетом, принимает деньги со счетом, без счета даже солдат в строй не ставит: вот и дорога к царю земному – деньги, богатство, мир. «Аз» же начинает буквицу: аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живете, земля… «Аз» значит – я, буки – был, веди – видел, глаголь – говорю, добро – добрая жизнь, добрый человек, Бог во плоти, есть – существует, живете – живет, земля – с вами на земле... Вот дорога к Царю Небесному – вера, слово Божие, молитва...

Нравоучение беседников, их отношение *к* Церкви, их вид

Чтобы достигнуть святости и стать достойным восприятия Бога в себя, по учению беседников, нужно выполнять следующие заповеди:

1. Верь в божественность «пророков», «апостолов», «архангелов», «богородиц», и «христов» (всех их, обобщая, беседники называют «дяденьками» и «Мариями»);

2. неопустительно посещай беседку и верь в ее необходимость и спасительность;

3. храни тайну истинной (т. е., беседнической) веры, ибо писано: «тайно образующе»;

4. беспрекословно исполняй волю своего «духовного отца»;

5. надейся на молитвы святых Божиих человеков (т. е., «дяденек») и спасешься;

6. не пей вина: оно – кровь сатаны;

7. не ешь мяса: не известно еще, где сами после смерти будем;

8. не кури табаку: он – скверна, и, покурив, грех идти на беседку;

9. не говори «я»: «я» – на дне ада, а говори «мы»: «мы» – троица;

10. не ходи на беседку – на завалинку: ты – не собака;

11. не грызи подсолнухов: это все равно еда, прихоть, лакомство, а ты учись воздержанию, чтобы быть истинным христианином и сохранить все семь печатей;

12. не говори: «Бог в помощь», «помогай Бог»: нечего заставлять Бога работать; Он за нас не работник, сам трудись;

13. при встрече со знакомым, руки не подавай ему и «здравствуй»! не говори: этим избежишь общения с жидами и язычниками. Христос руки не подавал и «здравствуй»! не говорил. Он говорил: «мир вам»! Так и ты говори. Обычай руку подавать и «здравствуй»! говорить выдумал дьявол: как только руку-то подашь, да «здравствуй»! скажешь, дьявол-то на руку сядет и будет плясать да радоваться;

14. чаще ходи в храм Божий, по не ходи на богомолье по святым местам;

15. крестись при начале и конце каждого дела;

16. не клади ногу на ногу, чтобы дьявол на нее не вскочил[82].

Есть, впрочем, беседники, отвергающие бытие диавола[83].

Внешней связи с Церковью, как и хлысты, беседники не разрывают: усердно посещают богослужения, говеют, с уважением относятся к православному духовенству и т. п. Замечают, впрочем, что, стоя в храме, беседники, большей частью, спят и громко зевают; некоторые стоят рассеянно, блуждая глазами по сторонам.

По внешнему своему виду, беседники ни чем не отличаются от хлыстов: мужчины носят белые холщевые или коленкоровые рубахи, шаровары такие же и лапти или туфли, а женщины – белые рубахи, синие сарафаны с широкими мышками, беленькие платочки и красные пояски.

Общие замечания о беседничестве

Беседничество представляет собою, как бы, несколько реформированное и упрощенное хлыстовство и в некоторых пунктах сходится с шалопутством. От хлыстовства оно существенно отличается тем, что не разделяет основного положения в хлыстовских верованиях, именно – учения о предсуществовании душ и их перевоплощении, равно, как и учения о воплощении Христа. Вследствие этого, беседники совершенно иначе смотрят на своих «дяденек», чем хлысты. По их верованиям, ни Бог, ни Христос не воплощаются Своим существом в людей, а только благочестивыми людьми духовно воспринимаются. Как мы видели, беседники не веруют в своих «дядек», как в действительных «христов» или «пророков», а только обозначают их этими названиями по степени их «святости» и нравственного совершенства; поэтому-то у них и «богородицами» могут быть мужчины. В этом отношении, отстав от хлыстов, беседники в своих верованиях сходятся с шалопутами.

Иначе, впрочем, и быть не могло. В своем учении о Боге, они сделали логически последовательный вывод из посылок хлыстовского вероучения: они пришли уже к явному атеизму или безбожию. «Вне человека Бога нет, учат беседники; Его нет даже в храме, когда там не бывает людей». Ясно, что на место Бога здесь поставляется уже человек. Бытия Бога, как существа самобытного и самостоятельного, беседники уже не признают. По этой причине, в числе их заповедей уже нет и заповеди, повелевающей веровать в Бога; такой веры беседники требуют только в своих пророков, христов, богородиц, архангелов и т. п., т. е., в тех людей, которые ими поставлены на место Бога, и которых они зовут «живыми Богами», в противоположность Богу мертвому, не существующему. Таким образом, беседникам и нельзя уже было веровать в то, что Бог существом Своим вселяется в человека.

Далее. Беседники отличаются от хлыстов тем, что, хотя и признают важное значение за девством и безбрачием, но не

отвергают и брака. У них уже нет заповеди Данилы Филипповича: «женатые разженитесь»; они не требуют, как хлысты, чтобы члены их общины бросали своих жен и расторгали браки. Это объясняется тем, что, по крайней мере, на первых порах существования беседнической секты, ее члены не допускали радений и резко осуждали разврат и «свальный грех».

С шалопутами беседники сходятся еще и в том, что придают особенное значение посту, как средству нравственного самоусовершенствования: как шалопуты, так и беседники утверждают, что для достижения божеского достоинства, т. е. наивысшего нравственного совершенства, необходимо «залечь на сорокадневный пост». В связи с этим, нельзя не отметить еще одной особенности у беседников, которой они отличаются от хлыстов, хотя она, по-видимому, и незначительна. Беседники осуждают всякого рода лакомство, не позволяя даже грызть подсолнухи; хлысты же – напротив, настолько любят сладкое, что простонародье их даже называет «сладкоядцами»; а приходские священники по продаже пряников в сельской лавке, узнают о дне хлыстовских радений.

6. Монтаны[84]

История секты

Монтанами или, вернее, монтанистами называются, собственно, еретики, появившиеся в Малой Азии (во Фригии и Мизии) во 2-м веке по Р. Х. и быстро распространившиеся оттуда во Фракии, Карфагене, Риме и даже Галлии. Их ересь была осуждена на первом вселенском соборе. Виновником ее признается бывший языческий жрец Монтан, около 156 года обратившийся в христианство. Он учил, что человек, сам по себе, может вступать в живое и непосредственное общение с Божеством и может удостаиваться восприятия особых даров Св. Духа или харизм, в том числе, и пророческого дара, помимо иерархии, таинств и церковных обрядов. Религиозный энтузиазм и экстатические припадки, которыми сопровождалось мнимое получение пророческого дара, составляли характеристическую особенность монтантских религиозных собраний. Сам Монтан был признан Параклетом, или Духом Утешителем, которого Господь обещал ниспослать Своим ученикам. Две нервозные женщины, рьяные последовательницы Монтана, Приска, или Присцилла, и Максимилла, были объявлены пророчицами общины, а все, вообще, монтанисты только себя считали «святыми» и называли себя не иначе, как «духовными христианами», в отличие от обыкновенных членов Церкви, которых они называли только «душевными христианами».

В 1835 году была обнаружена секта в селе Дубовом Умете, Самарского уезда, некоторыми пунктами своего учения напоминавшая древнее еретическое учение монтан, почему местное духовенство и наименовало ее монтанскою, а ее последователей стали звать монтанистами, или просто, монтанами. Но секта эта имела и много общего с хлыстами; поэтому простой народ обозвал их «вертунами» или «вертячими», «духовидцами»; потому что, по их учению, поступившие в секту, вместе с тем, принимают, будто бы, в себя Духа Божия и духовно видят Его; «смехо-рыдающими» – потому что в состоянии мнимого одухотворения, они впадают в истерику: смеются, восторгаются, рыдают; «духовно-

оскопившимися», потому что, не оскопляя себя, как делают это скопцы, думают силою духа удержать вожделения плоти; «керженцами» – по месту их особенного распространения; по имени самозваных учителей – секта эта называется «щегловщиной», «никифоровщиной», «кобызовщиной», «ивановщиной» и «таразановщиной»[85]; в недавнее время последователей этой секты стали называть «беседниками» и «беседчиками», за их любовь к устроению у себя религиозно-нравственных бесед, конечно, в духе своего лжеучения.

Начало этой секты в селе Дубовом Умете положил крестьянин Василий Белопортков, который переселился сюда из своей родины – села Ичексов, Алатырского уезда, Симбирской губернии[86]; из Дубового Умета он уже распространял свое учение по различным селам и деревням. Между прочим, его учением увлеклись две старые девы – помещицы села Базарного Уреня, которые устроили в своем доме даже общину из различных женщин и девиц, жаждавших благочестивых рассуждений и душеспасительного чтения Божественных книг. Отсюда сектантство стало распространяться, как среди простого народа, так и среди помещиков, а, в особенности, среди помещиц не только по всей Самарской губернии, но и далеко за ее пределами. Впрочем, монтаны скоро забыли имя основателя своей секты и стали считать своим первоучителем Василия Никифоровича Щеглова, которого чаще называли просто – Никифорычем.

Никифорыч, по происхождению, удельный крестьянин с. Прислонихи, Сызранского уезда, Симбирской губернии, одаренный от природы пытливостью и склонный к мистицизму, был человек грамотный и еще в молодости любил посещать общину Уренских помещиц и принимать участие в происходивших там религиозных беседах. Там же он выбрал себе жену из сестер общины, и имел от нее двух сыновей и двух дочерей. Хозяйство у него было хорошее и он жил с достатком, радушно принимая у себя различных странников и богомольцев. В свободное время он любил позаняться чтением книг религиозного содержания, но читал их без разбора и руководства; толковал их по своему, в духе Уренской общины,

надеясь найти в них разрешение вопросов о смысле и цели человеческой жизни. Кроме книг Св. Писания и житий святых, он особенно любил книгу св. Тихона Задонского «О должности христианина» и переводное сочинение Иоанна Бюниана – «Путешествие христианина к блаженной вечности». Дело кончилось тем, что Никифорыч, по выражению односельчан, «зачитался»: восторженный и мечтательный от природы, склонный к фантазированию, он стал страдать галлюцинациями; то целые лики ангелов он усматривал в небесах, то по целым часам он стоял, устремив глаза к небу и созерцая ведущий в него путь, то он слышал неизреченные глаголы, или явственно видел самого Бога. Но решительное влияние на повороте в его жизни имели, посетившие его, два ангела, в виде странников. С этого времени он сознал, что он «прозорливец, обладающий божественной премудростью», «пророк Божий, призванный от чрева матери быть провозвестником нового учения о правом пути к царствию небесному». Ради этого «он оставил свое хозяйство и семейные привязанности, как измышления греха на погибель людскую, отказался от всего, что прежде дорого было его сердцу, с чем из детства сроднилась его душа; дело веры и вдохновенное мечтательное желание преобразования жизни по новым религиозным началам так были в нем сильны, что заглушили все его прежние наклонности и привычки»[87].

Со старообрядческой прической волос, с вырезом в виде скобки над глазами, но без пробора, в коротком дубленом полушубке – зимою, в простенькой бекеше или одной только холщовой белой рубахе – летом, иногда в виде странника-монаха в ветхой коленкоровой ряске, в черной, с узкой опушкой, шапке и со связанными из ниток четками в руках, Никифорыч начал странствовать по всему Заволжью, проповедуя повсюду «правый путь к Царствию Небесному», при этом, он везде выдавал себя за божественного посланника, действующего по непосредственному внушению Св. Духа. Пришедши в какое-либо село, он поселялся в избе крестьянина, расположенного к религиозному мистицизму и любящего чтение книг религиозного содержания. Собрав вокруг себя слушателей, он открывал

Библию и, прочитав из нее небольшой отрывок, изъяснял его в духе своего личного понимания, но непременно указывал при этом на существующее в мире зло, на крайнюю греховность людей, на необходимость покаяния, исправления и духовного возрождения для достижения своего спасения, и вечного блаженства. Но главной задачей своей он поставлял возбуждение у слушателей недоверия к Православному духовенству и церковному учению. Церковь, по его мнению, уже бессильна совершить возрождение человечества и руководить его по пути ко спасению: она сама омирщилась и затемнена греховностью людей; ее пастыри – наемники и слепцы, не видящие пред собою ямы, в которую ведут пасомых и в которую впадут сами. «Жизнь мирская, – учил Никифорыч, греховна, пакостна; давно она требует исправы, только не по тем правилам и уставам, которые за серебро выдают церковники, потому что уставы их ни к чему негодные, только к злу; да и сами-то они не по уставам живут, и жизнь свою плохо заправляют, греху людскому много мирволят; а вся беда от того происходит, что сила крестная изнемогла, поисшаталась и уставы Спасителевы давно уже стали непригодны, а потому, незачем ходить и в храм слушать попов. Спаситель, правда, был на земле, но сила искупления Его царствовала недолго; грех опять ослабил ее. Христа нигде теперь не найдешь. Нет Его и в монастырях; там соблазн один: в келиях – чайный запах, дым табачный, скоромила, картофель даже»… Ссылаясь на св. Димитрия Ростовского, Никифорыч говорил своим слушателям: Один человек искал обиталище Иисуса Христа на земле и, пришедши в монастырь, спросил: не тут ли Он, но ему ответили: был раньше, а теперь куда-то ушел. Человек стал искать Христа среди священников, но те ему ответили: мы только слышали о Нем, а сами Его не видели; мы живем не ради Иисуса, а ради хлеба куса. Не нашел человек Христа и среди судей, не было Его и среди царей. Но как же быть без Христа? Как спастись людям? Эго устрояет Промысл Божий. Нужен только руководитель – первый человек или истинный христианин, за ним потянет второй – верный, за вторым – третий – надеющийся; только один упорный погибнет. Так

разделяются и все люди: первый человек, или истинный христианин – это сам Никпфорыч, вернее, это его преданные последователи, надеющиеся – это те люди, которые признают его божественное посольство, но еще не имеют твердости отпасть от Церкви, а упорные и погибающие – это те, которые не хотят его слушать. Не желая окончательной погибели рода человеческого, перст Божий отметил Никифорыча и воззвал его из пустыни на великий подвиг быть провозвестником правого пути. Он должен сделать то, чего не может сделать Христос, а потому, жертвы приносить и молиться нужно не Христу, а ему. Он не своей силою действует, а в нем действует Святой Дух, сошедший на него в момент его призвания на проповедь. Его силою он приводится в состояние одухотворения, провидит тайны и будущие судьбы людей, знает, какие уже уготованы места в будущей жизни для каждого человека. «Мне открыто свыше, учил он[88], больше, нежели Василию Великому. Я знаю всю подноготную; слово мое – слово Духа, и, что я ни скажу, то нерушимо сбудется!»

Тем не менее, свое новое учение Никифорыч распространял с большой осторожностью; он учил только там, где предвидел успех своей проповеди. «Не следует, говорил он, слово веры расточать вря. Сказано: «не мечите бисера пред свиньями, да не попрано ногами будет». Он строго запрещал слушателям передавать его учение церковникам и велел хранить его в тайне. По его словам[89], будто бы, и Иисус Христос, когда был на земле, поверял тайны неба только девице, бывшей Его спутницей во время путешествий по городам и селам. Передавая ей Свои сокровенные тайны, Он, будто бы, сказал: «если ты откроешь кому-нибудь тайны, вверенные Мною тебе, то Я не прощу тебе ни в сей век, ни в будущий, и душу твою занесу туда, куда ворон костей не занесет». Чтобы отклонить от себя, как сектантского пропагандиста, подозрение, Никифорыч настойчиво советовал своим последователям не разрывать внешней связи с Церковью и до времени, определенного Богом, лицемерно показывать свое особое усердие к ней и уважение к духовенству. В церковь, говорил он, ходите и молитесь, но – не

духом, а плотью; исповедовайтесь и причащайтесь, но, поевши, потому что грех морить себя голодом; делайте вклады в церковь, пусть богатеют попы себе на погибель; не враждуйте с духовенством и не раздражайте властей. Другими словами, он дозволял своим последователям лгать, лицемерить и обманывать, ради выгод сектантства. Сам он служил наилучшим образцом такого поведения. Жизнь он вел, для виду, самую воздержную. Не пил ни чаю, ни водки, мяса не ел, говорил вкрадчиво, с постоянной улыбкой на губах; неопустительно посещал все богослужения, с первым ударом колокола являлся в храм Божий, молился всегда с особенным усердием, стоя на коленях и проливая слезы, говел во все посты, целую неделю перед причащением ничего не ел и не пил. Священники считали его самым благочестивым и преданным Церкви христианином.

Нравственное учение Ниишфорыча ограничивалось простыми практическими наставлениями. Не ходи на пиры ни к чужим, ни к своим; не ходи ни на свадьбы, ни на крестины; не благословляй жениха и невесту, в кругу бушующих пьяниц; не давай никаких вещей, если знаешь, что берущий хочет устроить пиршество. Не только за участие в срамном пиру придется отдать Богу отчет в день судный, но и за всякое содействие тому, потому что каждая вещь – ложка, скамейка, данная на грех, вознесется к Богу и расскажет, как с ней поступили. Водка и чай – губители душ и разорители дома. Самовар – тот же идол, которого сделали израильтяне перед Синаем: только тот был с сережками, а этот с ручками, но вред один, потому что и перед самоваром, как перед тем идолом, творятся пиршества с плясками, развратом и объядением. Воздержный человек жив духом, и сами ангелы поддерживают его, и не дают ослабеть. Кто ест один раз в день, тот – ангел, кто два раза – человек, кто три – свинья, четыре – дьявол. Не ешь мясной пищи, которая, утучняя тело, отягощает душу страстями. Бесстрастен только тот, кто не различает золота от черепка и женщины от падали. А, так как во всем надо противиться греху, то хорошо избегать роскоши даже в малых вещах: не строить домов с резьбой и расписными карнизами, не шить платьев с кружевами и с

оборками, не печь пирогов с перегородками и т. п.[90] Всяк начинай свое дело со смирением; не размахивай руками; не говори громко; не ходи скоро; дверью не хлопай шибко; взор поникай низу (долу); завязывай рот, нос и уши, когда мирские говорят с тобою. Брак есть скверна; зачатый плод – исчадие зла, – грех самого диавола. Верные Богу не должны жениться и т. д. Но, отвергая брак, Никифорыч дозволял своим последователям вступать в «союз духовного братства»; всем велел называться «братьями» и «сестрицами». В свои общины Никифорыч принимал, преимущественно, молодых девиц и парней; пожилых людей недолюбливал[91].

Никнфорыч умер 13 мая 1855 года, оставив в наследство своим преемникам 32 правильно организованных общины в одной Самарской губернии. Отзывы о нем современников крайне противоречивы: одни считают его человеком святым и благочестивым, другие – юродивым или сумасшедшим, третьи – плутом и негодяем.

Из числа лиц, наиболее содействовавших распространению лжеучения Никифорыча после его смерти, была его ученица и почитательница – крестьянка с. Раковки, Самарского уезда, Анастасия Кузьминична Керова (Шувина – тож), в монашестве, матушка Мария – женщина чрезвычайно энергичная. Став во главе монтанской секты, она имела весьма сильное влияние на жизнь монтан и значительно увеличила число сектантов. Будучи монтанской «богородицей», она значительно изменила первоначальное учение Никифорыча, привнесением в него многих заимствований из хлыстовства, которое было занесено в Самарскую губернию переселенцами из центральной России. В 1882 году ее заключили в Спасо-Евфимиев Суздальский монастырь, но и оттуда она не перестала поддерживать своих сношений с сектантами. Ее ревностными помощниками, а потом и преемниками были, здравствующие еще и ныне, самарские крестьяне: Яков Шеин, Димитрий Бахмутов, Игнатий Фролов, Алексей Живаев и Семен Шенцов, а в пригороде Ерыклине, богатый крестьянин Григорий Кобызов. Из них особенным авторитетом пользуются два: первый и последний, несмотря на то, что первый (Шеин) отличается чрезмерным корыстолюбием

и уже дважды сидел в остроге за воровство: ему воздают божеские почести, называют его не иначе, как «спасителем», благоговейно лобызают скамейку, на которой он сидел, постель, на которой он спал и т.п.

Прием в монтанскую секту

В секту свою монтаны принимают, как и вообще хлысты, только лиц, испытанных в верности их лжеучению «после продолжительного искуса и непременно за поручительством «крестных отца и матери», то есть монтан, принявших на себя обязанность руководить жизнью и верованиями новичков. После того, как последние, войдя в собрание монтан с иконами в руках и в сопровождении восприемников, торжественно произнесут клятву под страхом смерти, хранить в тайне все, что делается в общине, а равно, и их учение, они объявляются «братцами» или «сестрицами», принятыми в секту, и на их надевается особый крест, который они обязаны постоянно носить на своей груди. Крест этот довольно большой, серебряный, с лучами в середине и надписью на обратной стороне молитвы «Царю небесный». В продаже таких крестов нет; монтаны приобретают их по особому заказу. Кроме того, вступающим в секту даются ценные (стоимостью от 3 до 5 рублей) пояса. С лиц, принявших тайны веры, говорит писатель вполне беспристрастный[92], монтаны снимают портреты и отрезают прядь волос с голов, а взамен последних, дают для ношения на шее, вместе с крестом, а женщинам – для вплетения в косы волосы с «ангельского душеньки» (главаря общины), как мощи угодника Божия. Оригинал же знает, что не избежать ему скоропостижной смерти, если он выдаст кому-нибудь тайны веры, потому что портрет и волосы его в таком случае будут по особому обряду преданы посмеянию, проклятию и уничтожению, что служит непременным предзнаменованием скорой его смерти. Предзнаменование это, по уверению сектантов, всегда исполняется поразительным образом. По этой причине, вероятно, отказываются неведением тайн веры и неохотно вступают в разговор о заблуждениях те из сектантов, которые оставляют заблуждение, отделываясь в этом случае откровенностью о каких-либо пустяках и скандальных историйках из жизни сектантства».

Вероучение монтан

Монтаны совершенно не признают Библии источником своего вероучения. Еще Никифорыч запретил им читать ее, как книгу не только не нужную, но и вредную для спасения человека, что было, конечно, естественным выводом из его положения, по которому «уставы Спасителевы» были объявлены «непригодными» для указания человеку «правого пути». Но, отвергнув Богооткровенное учение, монтаны оказались бессильными создать свою собственную систему вероучения и потому, обратились к хлыстовству. Подобно хлыстам, они не признают Бога Троичным в Лицах. Даже Духа Святого, о Котором так часто у них бывает речь, они считают только какой-то моральной силой Божией, но никак не Лицом. Об Иисусе Христе они ничего знать не хотят, а тем более, не веруют в Его богочеловеческое достоинство. «Как возможно, – говорят они, – чтобы дева, простая еврейка, родила Бога? Это – басня, выдуманная попами из корысти»! По их учению, Бог никогда не рождался ни от какой женщины, так как Он вечен. Но однажды, видя мир, погрязшим в содомском грехе, и желая спасти его, Он сошел во плоти на землю, жил и учил некоторое время среди людей, пока не приобрел значительного числа последователей, решившихся вести праведную жпзнь. Помощников Своих по распространению учения, Он назвал апостолами. Впоследствии, Он избрал из них одного, которого наименовал Своим возлюбленным сыном и которого все праведные люди стали называть «истинным сыном божиим». Возвестив свое учение людям, Бог вознесся на небо, а «сын Божий» остался на земле. Гонимый грешниками, он жил только в обществе праведников и, получая постоянно откровения от своего небесного отца, передавал их своим последователям. Он никогда не умирал и умертвить его никто не может. Он живет на земле и теперь, но является только в общество праведников во время их радений и беседует с ними «*усты ко устом*». В этой легенде глухо (без названия имен Данилы Филипповича и

Ивана Тимофеевича Суслова) передается, очевидно, краткая первоначальная история хлыстовства.

Мы не имеем основания утверждать, чтобы монтаны веровали в предсуществование душ и перевоплощение их. У них нет ни «христов», ни «пророков». Заведующие их общинами и молениями, называются только «большаками», «старшими братцами» и «ангельскими душеньками». Даже матушка Мария (Керова) была называема «богородицей» лишь по личному уважению к ней.

Подобно хлыстам, монтаны отрицают супружество, утверждая, что брак есть «скверна», «грех пакости», «установление диавола», а о деторождении они говорят так: кто родит, тот 300 лет будет мучиться». Тем не менее, каждый монтан на законном основании держит у себя в доме двух-трех девиц, а жену, в качестве прислуги, помещает в отдельную клеть.

Никакой системы нравоучения у монтан нет; но в своей жизни они в точности стараются выполнять иаставления Никифорыча.

Религиозный культ монтан

Вместе с хлыстами монтаны придают большое значение в деле спасения своим радениям, во время которых к ним является «истинный сын божий», для устных бесед и наставлений, а сами они воспринимают в себя духа божия и получают способность «видеть духовными очами». Радения монтан, в сравнении с хлыстовскими, отличаются простотою и отсутствием разнообразия. В начале радений, после нескольких церковных молитв, монтаны, обыкновенно, составляют «святый круг» и при пении особых, большей частью, позаимствованных у хлыстов песен, быстро вертятся в нем на одной ноге, пока не впадут в состояние истерики, после чего бросаются на пол или на скамьи и начинают рыдать, смеяться, плакать, выть, судорожно восторгаться и т. п., что и считается состоянием одухотворения. В это же время, некоторые из них, как и у хлыстов, произносят странные, бессвязные и непонятные речи, которые признаются пророчествами, внушенными непосредственно Духом Святым. После этого, устрояется «престол» из двух широких полотенец, растянутых во всю длину. «Престол» держат четверо мужчин, а по углам стоят монтаны с четырьмя зажженными восковыми свечами, – и перед этим «престолом» присутствующие поют, так называемые, «Божьи суды»; всех их девять, по числу девяти чинов ангельских. «По отнятии престола, – рассказывает очевидец[93], – у монтан происходит что-то, вроде битвы. Все присутствующие, выстроившись в две колонны, одна против другой, и вооружившись палками, бьют друг друга довольно сильно, так, что у них всегда остаются знаки от этого побоища. Но и это еще не конец монтанских радений. Иногда, по окончании битвы, монтаны вьют еще жгуты из полотенец, которыми и бьют себя по спине беспощадно до тех пор, пока не обессиливают себя совершенно. Такое жестокое самобичевание монтаны употребляют для прогнания из плоти беса, духа нечистого, по выходе которого, будто бы, и вселяется Дух Божий в души последователей монтанской секты и обитает в них. Кроме того,

по мнению монтан, биение жгутами имеет то значение, что спасительный знак добровольных страданий есть, как бы, перстень обручения с Богом и будущая слава их в Царстве Небесном»…

Нет достоверных известий, на основании которых можно было бы утверждать, что на радениях своих монтаны допускали когда-либо свальный грех или какие-либо иные проявления чувственных половых страстей. Сами же монтаны уверяют, что, отвергнув брак, они побеждают все вожделения своей плоти только силою своего духа. На радениях под большие праздники, монтаны устраивают и причащение. Причащаются они какими-то желтоватыми пряниками, опущенными во щи: пряники эти небольшие, величиною в четверть вершка, и доставляются из Москвы. Больным монтанам причастие посылается на дом.

Особенностью монтанских радений должна быть признана, так называемая, «радельная», или «братская трапеза»; она же и «вечеря любви». В той самой избе, где происходили раденья, в комнате, по возможности, просторной, освещенной множеством свеч, налепленных перед иконами, уставляется большой общий стол с значительным количеством приготовленных на этот случай кушаний. Все сектанты садятся за стол, «якобы на Господню трапезу в царствии небесном, ликуя все вместе, подобно ангелам и святым». Протяжным пением, на заупокойный мотив, церковной песни: «Святый Боже» начинается трапеза, на которую монтаны смотрят, как на составную часть своего религиозного культа. Во время трапезы, сектанты также поют многие песни хлыстовского происхождения. В перерывах, «истинный сын божий» дает своим единоверцам различные наставления, ведет беседы «*усты к устам*». Монтаны любят затягивать эту «трапезу Господню», так что она оканчивается, большей частью, только на рассвете. По окончании трапезы, «большак» произносит импровизированную молитву и кланяется «истинному сыну божию» в ноги. Все встают с своих мест и после «общего прощения», сделав особый поклон земной «сыну божию» и «большаку», оставляют молельню и часто идут прямо в церковь, к заутрене.

Внешний вид монтан и их *отношение* к Православной Церкви

Монтан легко узнают по их внешнему виду. Осунувшееся, желто-серого цвета лицо, вечно опущенные в землю глаза, вытянутые «по швам» руки, медленная походка, тихая слащавая речь, постоянно умащенные волосы – вот характерные особенности монтана. По заповеди Никифорыча, монтаны усвоили себе особый костюм: мужчины носят белые рубахи, непременно с гладким стоячим воротником, и штаны с шелковыми цветными поясами с большими кистями; женщины же – синего цвета сарафаны с серебряными пуговицами, с белыми пришивными рукавами, а головы повязывают белыми платками с узлом на затылке. В таком костюме женщины являются и на радения, мужчины же, как и все хлысты, на радения надевают на себя длинные белые рубахи и широкие шаровары. Все участвующие в радениях, как мужчины, так и женщины, должны быть непременно босыми.

Монтаны не разрывают внешней связи с Православной церковью и настолько усердно посещают храм Божий, что люди, незнакомые с их религиозными заблуждениями, всегда могут признавать их лучшими из православных. К богослужению они являются всегда первыми и из церкви выходят последними, в великий пост говеют, аккуратно бывают на внебогослужебных собеседованиях. В домах своих монтаны имеют иконы, особенно любимые хлыстами: всевидящее око, Косьмы и Дамиана, архангела Михаила на белом коне, а из картин – райских птиц Алконоста и Сирина. Жизнь монтаны ведут воздержную, трезвую и трудолюбивую.

Монтанские беседники, называемые еще чернецами (по-*народному – мнихи)* и черничками

Во второй половине прошлого столетия многие монтаны, недовольные главарями за их крайнее увлечение хлыстовством и желая руководствоваться только правилами Никифорыча, почитаемого ими за «первого человека», отделились от секты и образовали свое собственное общество беседников или беседчиков, подобно тому, а, может быть, и в связи с тем, что произошло и в казанском хлыстовстве. По докладу самарского миссионера о. Матюшинского, сделанному на 3-м всероссийском миссионерском съезде, бывшем в Казани в 1897 году, самарские беседники имеют в своих общинах почти монастырское устройство: носят темное платье, живут, обыкновенно, большими общинами, причем, над женщинами настоятельствует мужчина, а над мужчинами – женщина. В свои общины беседники стараются завлечь, под видом обучения грамоте или рукодельям, девочек-сироток, по преимуществу, и, притом, красивых: рябых или кривых в общины не принимают. Беседники, как и монтаны, стараются казаться усердными к церкви православной: неопустительно посещают все богослужения, являются в храм до звона, охотно жертвуют на украшение храма большие суммы, любят быть попечителями и церковными старостами, к духовенству весьма почтительны и всячески стараются расположить к себе приходских священников, наоборот, при помощи всевозможных интриг, вредят тем, которые вздумали бы уличать их в принадлежности к сектантству. Радения у них совершаются редко, с большими предосторожностями и только в небольшом кругу избранных. Обычные же моления свои они называют «беседками»; на них они поют православные церковные песнопения и читают акафисты или особые каноны. При общинном устройстве секты, рядовые члены ее работают на главаря даром – «ради спасения души». Члены секты не имеют своей воли: во всем и даже в противозаконных действиях они беспрекословно повинуются руководителю своему. Главари беседников любят

производить сборы пожертвований на Афон и другие святые места, причем, большая часть сборов утаивается ими в свою пользу. Брак беседчики отрицают, и в случае поступления в их секту женатых, последние дают клятву «жить с женами, как с сестрами».

Монтанские бсседники настолько скрытны и лицемерны, что их часто отказываются признать сектантами даже приходские священники, дающие иногда самые лучшие отзывы о них. Мало этого. Беседники обманули собою даже самарского преосвященного Гурия, который 28 февраля 1902 года писал в консисторию: «всегда, как только возбуждается у нас вопрос о беседничестве и беседниках, я чувствую глубокое смущение: мне все думается, что мы составили неправильное понятие о них, и сами отчуждаем от жизни Божией, подозревая в беседничестве сектантство»[94]. Точное исследование, однако же, не подтвердило мнения преосв. Гурия о монтанских беседниках. Оказалось, что они, действительно, сектанты, отпавшие от Церкви Православной. 1) Сами они называют себя «избранными людьми Божиими», «святыми угодникамн божиими», но православными называть себя не хотят, в общепринятом смысле; 2) Св. Писание отвергают, а «истинным евангелием» называют только наставления своих главарей; 3) Св. Церковь, таинства и иерархию порицают в самых грубых выражениях; 4) необходимость веры в искупление, совершенное Иисусом Христом, отрицают, утверждая, что спасение совершает только «первый человек», хотя он и мирянин; 5) гнушаются есть мясо и пить вино, называя последнее кровью сатаны; 6) Спасителя называют «Богом мертвым» и потому, в Страстную неделю нарочито не постятся и намеренно предаются невоздержанию; 7) ближними считают только членов своей общипы, а православных, не исключая ни родителей, ни детей, признают своими врагами и никогда не оказывают им никакой помощи: «лучше свинью накормить, говорят они, чем православного напитать».

Никифорычу считают обязанными своим происхождением очень распространенные в Заволжье две полусектантские-полумонашеские общины: богомолов и келейниц. Но они не

заслуживают серьезного внимания: первая – по неопределенности своего учения, а вторая – потому, что совершенно утратила свой религиозный характер и уже давно превратилась в «рассадник разврата»[95]. В доказательство сказанного достаточно упомянуть, например, о келейничестве в селе Большой Каменке Самарского уезда. В этом селе в настоящее время 48 келейнических общин. Но вот, что пишут о них[96], на основании документальных данных: «Помимо народной молвы о разгульной жизни келейниц и о тайных, позорных и преступных деяниях, самые неопровержимые данные подтверждают сказанное: 15 келейниц значатся по документам церковным породившими детей и не однажды, а по два, по три, и даже по четыре раза; кроме этих, восемь келейниц после первых незаконных родов вышли в замужество». К сожалению, это зло не ограничивается Заволжьем, а все более и более распространяется по России, есть даже в Петербурге.

7. Марьяновщина[97]

Секта эта появилась первоначально в селе Збурьевке Днепровского уезда Таврической губернии, в период времени между 1845–1850 годами и распространена в Таврической и Херсонской губерниях (особенно, в селах Долматовке, Малых Конопях, Костогрызовой, Алешковских хуторах и др.). По существу своего учения, она должна быть отнесена к одному из толков хлыстовщины, хотя в первое время ее считали скопчеством, в ней есть нечто, заимствованное из молоканства.

Основательницей этой секты была «матушка Марьяна», дочь Челбасского крестьянина, жившего в Збурьевке, Стефана Бабенка. Она была замужем за слесарем Павлом Тимофеевым, бывшим денщиком полковника Жерве, горьким пьяницей. Овдовев, Марьяна приобретала себе пропитание тем, что читала над покойниками псалтирь. Задумав открыть школу для девочек, она купила себе за три рубля небольшую «хатенку». Между рухлядью, оставленной прежним владельцем избы, она нашла доску, служившую покрышкою для ведра с водою. Обмыв эту доску, Марьяна заметила на ней нечто, похожее на лик Богоматери и повесила ее среди икон. Вскоре после этого, по селу распространился слух о чудесах, происходящих по молитвам Марьяны в ее доме перед новоявленной иконою. Рассказывали о том, что лик Богоматери чудесно обновился и просиял, что, мгновенно ослепшая мать Марьяны, за кощунственный отзыв об иконе, по молитвам дочери получила чудесное исцеление, что икона источает слезы и т. п. Народ стал стекаться к Марьяне толпами, чтобы помолиться перед ее чудотворною иконою, перед которою были уже поставлены большие подсвечники и зажжены во множестве «неугасимые» лампадки. Марьяна читала акафисты и пела церковные песни; но скоро стала петь и какие-то псалмы. Пошел слух о новых чудесах. Народ стал стекаться во множестве даже из отдаленных мест – из области войска Донского, из Одессы, Николаева, Киева, Полтавы. Марьяну стали называть уже «матушкой», «Божьей угодницей», целовали ей руки; притекали

и щедрые пожертвования. Купцы Махортов и Кравцовы перестроили ее избенку в большой, просторный дом с хорошо обставленной молельней. Для богомольцев при доме были выстроены флигеля. Марьяна, наконец, и сама уверовала в то, что она – избранница Божия; стала держать строгий пост; надела на себя вериги. Так прошло три года. К Марьяне прибыли из г. Николаева шалопуты. После долгих усилий, они увлекли ее в свою секту. Им интересна была ее «чудотворная» икона. Шалопуты совратили Марьяну, главным образом, при помощи какой-то книги, которую они показывали только ей одной, да и то, под большим секретом. В книге было нарисовано много кругов разной величины, один в другом, а в середине – благословляющий ангел. «Пока не обойдешь образом круга много раз, не познаешь, что есть благодать Божия», – говорили Марьяне шалопуты. По другим известиям, Марьяну совратил в скопчество, проживавший в Николаеве, скопец Сухонин. Марьяна начала устраивать у себя по ночам тайные собрания; дом охранялся особыми сторожами; оконные ставни плотно закрывались; двери были на запоре. Для участия в этих собраниях приезжали лица из многих и отдаленных мест, из Николаева, Одессы и даже некоторые монахини из московских монастырей. Что происходило на этих собраниях, посторонним узнать было трудно. «Как я ни охоча была подсмотреть, – рассказывает родная сестра Марьяны, жившая с нею в одном дворе, – никогда не удавалось; только и слышно было, как топают ногами; догадывалась я, что, либо танцуют, либо бегают, кружатся». В это время Марьяна не распространяла еще никакого сектантского лжеучения; но от сестры своей несколько раз требовала, чтобы, ради соблюдения телесной чистоты, она разлучилась со своим мужем и жила с ним, «как сестра с братом». Но скоро, по образцу собственных собраний, Марьяна стала устраивать собрания и во многих соседних и даже отдаленных селениях, часто посещала их, руководя ими и поставляя для них «старших братьев», которые, в свою очередь, приезжали к ней в Збурьевку, для советов. Однажды, она привезла с собою монахиню из московского монастыря Надежду и двух девушек, одетых в черные платья.

Затем, до 1857 года Марьяна еще несколько раз выезжала то в Киев, то в Москву, то в Одессу или Николаев и каждый раз привозила с собою несколько новых девушек, а сама начала «чудить»: ходила всегда «не в своем виде» – с распущенными волосами, полунагая – летом, зимой – босая, ела в 2–3 дня один раз. Дом свой обратила в «монастырек» с полуцерковными богослужениями днем – и хлыстовскими радениями по ночам.

В 1861 году в Далматове, Днепровского уезда, были обнаружены скопцы, заявившие, что они принадлежат к «секте Марьянинских монашествующих». Тогда народ обозвал скопцами и збурьевских сектантов, и отшатнулся от Марьяны. Только теперь полиция обратила внимание на деятельность Марьяны. Икону отобрали и отправили в херсонский собор. Марьяну и ее «учениц» подвергли медицинскому осмотру. Оскопления не было открыто; но было дознано, что все сектантки – проститутки, а Марьяна, заживо признанная ими святою, носила на теле железные вериги. Сектанток разогнали, а Марьяну отдали под надзор полиции. Ее взял на поруки протоиерей херсонского собора Максим Перепелицын. Он тогда был в большой силе в Херсоне, как рассказывает сестра Марьяны, он-то и защитил ее, поместил ее на своем хуторе, что теперь называется «Перепелицыным монастырьком». Там была церковь и богадельня, в которой призревалось несколько безродных старух; с ними-то и поселил о. Максим Марьяну. Но, что же вышло? Марьяна не только сама не покаялась, но обратила в свою секту всех обитателей хутора и даже своих надзирательниц-старушек, всю мужскую и женскую прислугу; а протоиерею сказала прямо в глаза: «Тебя самого обратить надо, и ты возлюбишь наше моление». Здесь же у Марьяны явилась мысль достигнуть славы необычайной, хотя бы то и предосудительным путем. Вот, что рассказывает об этом родная сестра Марьяны. «Задумала Марьяна вовсе непутевое дело. В великом посту (годов-то не спрашивай, ничего не помню) на страстных днях, она оповестила, чтобы старшие братья (то есть сектантские главари) съезжались к ней на прощание. Те не замедлили явиться, – и какой страх обуял всех! Пришли к

Марьяне, – видят ее мертвою на столе. Это было в Страстную пятницу. Марьяна-матушка умерла! Весть эта скоро собрала у ее смертного ложа много людей. Голосили, причитали, просили ее молитв перед Пречистою Девою, клали деньги, отдавали последнее целование. Известили о. Максима, который распорядился подождать с погребением до второго дня Пасхи; сам обещал хоронить. Когда он в полдень приехал на свой хутор, то прямо прошел к покойнице. Все было готово к погребению; оставалось отпеть ее. Вошел о. Максим, взглянул на Марьяну: лежит она осунувшаяся; смерть разлилась по ее лицу. «Успокоилась многомятежная грешница», – проговорил о. Максим: перекрестился и отошел в сторону расспросить о последних минутах жизни Марьяны. Вдруг Марьяна, к ужасу всех, открыла глаза и слабым, деланым голосом проговорила: «Где ты так долго был, пастырь?» Вздрогнул о. Максим, уставился орлиным своим взглядом на Марьяну и сначала не мог слова выговорить. Потом очнулся, побагровел; думали, Бог знает, что сделает, но он сдержался и только проговорил: «Полно тебе, Марьяна, чудородить; ты не бросаешь своих глупостей; пусть теперь тебя Господь Бог выручает». Сконфуженная Марьяна уже не могла больше оставаться на хуторе о. Максима. Она бежала в Одессу. Оттуда ездила в Почаев. Здесь ее снова арестовали и отправили в г. Алешки. Почитатели ее взяли ее на поруки и водворили в Збурьевке. Но она убежала оттуда в Николаев к своим единоверцам и там скончалась 21 декабря 1867 года. Тем не менее, марьяновцы утверждают, что она не умерла, а живет в Одессе и управляет общинами своих последователей.

Марьяна не создала никакого оригинального учения – ни догматического, ни нравственного. Верования марьяновцев, заимствованные, главным образом, у хлыстов, никем из членов секты не изложены в определенной системе. Неизвестно даже, чему, собственно, учила Марьяна и чему ныне веруют ее последователи. В марьяновских общинах есть «старшие братья», управляющие делами общин, но ни о «христах», ни о «пророках», ни о «богородицах» у них не слышно. Сама Марьяна считалась только святой, угодницей божией, матушкой;

но «богородицей» ее, кажется, не признавали. Членов секты связывало не какое-нибудь учение, а исключительно личность ее основательницы. И теперь, причислив Марьяну к лику святых, сектанты просят только ее молитв перед Богом и Пречистой Богородицей, что, по-видимому, говорит о том, что марьяновцы не разделяют хлыстовского учения о перевоплощениях. Внешней связи с Православной церковью они не разрывают, хотя сами отпевают своих покойников, сами служат панихиды по церковным книгам, читают акафисты и т. п. На что, в особенности, нужно смотреть, как на признак сектантства, так это на то, что, не довольствуясь богослужениями Православной церкви, марьяновцы, по ночам устраивают еще свои отдельные моления, заканчивающиеся часто хлыстовскими радениями. Радения у марьяновцев бывают, большей частью, «круговые» и называются «тайной апостольской работой». Чиноприем у марьяновцев такой же, как и у хлыстов вообще; он сопровождается различными обрядами: торжественным произнесением клятвы, общим целованием и «тайной апостольской работой», которая продолжается до тех пор, пока радеющие не пропоют всех установленных на сей случай кантов. Следуя хлыстам, марьяновцы так же гнушаются браком и разрывают узы родства: они считают даже грехом говорить со своими родителями. По жизни своей, марьяновцы ничем не отличаются от хлыстов вообще: не едят мяса, не пьют вина, не курят и не нюхают табаку, не играют в карты, не посещают православных в дни их семейных празднеств: крестин, свадеб, именин. Как и хлысты, они отличаются чрезвычайной гордостью, высокомерием, лицемерием и скрытностью.

8. Серафимовцы[98]

Секта эта есть не что иное, как один из видов недоразвившегося хлыстовства. Сами сектанты называют себя «Избранными братьями и сестрами». Простой же народ называет их прямо – хлыстами или шалопутами. Начало этой секты относится к концу 60-х годов XIX столетия. Место ее появления и первоначального распространения – Псковская губерния. Основателем ее был сын православного священника иеромонах Серафим, бывший сначала казначеем Торопецкого Небина монастыря, а потом ризничим Никандровой пустыни Псковской епархии. Когда обнаружено было существование этой секты, Серафим бежал, захватив с собою все, что могло послужить ему уликой в деле распространения лжеучения. Произведенное следствие доставило не много точных сведений для того, чтобы составить представление об этой секте и ее учении. Серафим был человек, от природы расположенный к мистическому настроению; но он был недостаточно подготовлен к тому, чтобы свои сектантские верования изложить в последовательной и законченной системе.

Следствием установлено, что Серафим выдавал себя за воплотившегося пророка Илию, а своего келейника, Андрея Никифорова, он называл Енохом. Его возмущали нравственная распущенность и греховность современного общества. Упадок живой веры и отсутствие любви он принял за несомненные признаки скорого наступления кончины мира. Весь мир во зле лежит, учил Серафим; нечестие людей господствует повсюду; везде – «смрад» и «духота»; исчезла любовь многих; преступления превзошли главы людей; нет творящего благостыню, нет ни одного. А это оттого, что в мире уже явился антихрист со своими слугами и царствует повсеместно; ему покорились все сановники, писатели, ученые и духовенство. Исчезло истинное христианство, и его нет нигде – ни в Греции, ни в России. Такое пессимистическое мировоззрение было причиною того, что Серафим стал страдать галлюцинациями: почти каждую ночь ему были видения. Один раз ему явился

даже сам Христос, окруженный апостолами, и сказал: «Серафим! Я создал мир страданиями; ты окончи его. Ты – Илия! иди и поражай нечестие людей. Я гряду скоро; но пощажу только избранных твоих». С этих пор Серафим стал открыто говорить о себе, как об избраннике и посланнике Божием. Возвещая о скором наступлении второго пришествия Христова и требуя от людей покаяния, он, в то же время, был твердо уверен, что ему свыше назначено составить избранное стадо христиан и приготовить их к достойному сретению Небесного Судии. О себе же и своем келейнике Никифорове, Серафим предсказывал, что слуги антихристовы предадут их страшным мучениям и жестоким пыткам, даже отрубят им головы и бросят их трупы на съедение хищным зверям, но они после смерти предстанут перед престол Божий и будут молиться за грешный мир, благодаря чему прекратятся мучения даже и грешников в аду.

Брак Серафим осуждал, как «скверну», которая хуже блуда. На супружескую жизнь смотрел, как на источник расположения грешников. Прием в секту предварялся строгим искусом и торжественными клятвами. Прежде вступления в общину, желающие быть членами «стада избранных братьев и сестер» должны были сорок дней поститься и ежедневно полагать от 300 до 3000 поклонов. Холостые давали торжественное обещание – никогда не вступать в брак, женатые – жить с женами, как с сестрами; женщины, как замужние, так и девицы, по требованию Серафима, отрезали свои косы в знак верности секте, надевали на себя черные шерстяные или коленкоровые платья, опоясывались монашескими коленкоровыми или кожаными поясами и обручались особенными кольцами: замужние женщины – в знак того, что они, как обрученные Христу, будут жить со своими мужьями, как с братьями, девицы – в знак всегдашнего девства, старухи же – в знак того, что они не будут вести знакомства и даже говорить с мужчинами, не принадлежащими к серафимовской секте. Кроме того, Серафим запрещал своим последователям есть мясо, пить вино и водку, курить табак и участвовать в каких бы то ни было светских увеселениях и семейных празднествах.

Серафим уверял своих последователей, что над ними, как чистыми от греховной скверны и святыми, антихрист, царствующий в мире, не может иметь никакой власти; тем не менее, на всякий случай, он раздавал и надежное оружие против него – разноцветные восковые свечи и сухие березовые ветки. «Как только антихрист подойдет к тебе, – говорил Серафим, – твоя свеча сама собою мгновенно воспламенится, а сухая ветка распустится; увидев это чудо, антихрист и говорить с тобою побоится».

Обзывая православных священников «еретиками» и «вратами адовыми», через которые люди идут на вечные мучения, и советуя ни в чем не верить им, Серафим, однако же, решительно запретил своим последователям разрывать внешнюю связь с Православной церковью; напротив, он даже настойчиво требовал, чтобы во все воскресные и праздничные дни они аккуратно посещали церковные богослужения; по возможности, принимали участие в пении и чтении на клиросе, а в посты исповедовались и приобщались. Что такое требование было порождено лицемерием и желанием скрыть самое существование секты, это доказывается тем, что, помимо церковных богослужений, Серафим под воскресные и праздничные дни устраивал свои тайные сектантские богомоления. Правда, нет основания думать, что у серафимовцев происходили возмутительные хлыстовские радения: на своих собраниях они читали акафисты, пели и сектантские песни, сочиненные Серафимом, играли на различных музыкальных инструментах, а главное – допускали кощунственное причащение: они ломали просфору на мелкие кусочки, вкладывали их в церковную чашу, наполненную красным вином, и этим причащались.

В конце прошлого столетия, одна из бывших последовательниц Серафима, по имени Елена, пошла дальше своего учителя и, объявив себя «пророчицей» и «прозорливицей», основала уже чисто хлыстовскую секту, названную по ее имени «Еленушкиной сектой». Она имеет своих последователей во многих местностях, даже и за пределами Псковской губернии.

9. Калиновцы[99]

Секта имеет только несколько пунктов соприкосновения с хлыстовством. Она появилась на севере России, в Демянском уезде Новгородской губернии, в первой четверти прошлого века (обнаружена в 1826 году). Название свое она получила от своего основателя и распространителя, крестьянина Новгородской губернии, Демянского уезда, Курского прихода Калины Афанасьева.

Калина, как и многие другие хлыстовские пропагандисты, имел вид святоши, странствующего богомольца; выдавал себя за строгого подвижника и постника; иногда даже юродствовал. Крестьяне звали его «божьим человеком», «блаженненьким», а его приверженцы преклонялись перед его святостью, приписывали ему божеское достоинство, признавали его братом Иисуса Христа, а к концу его жизни считали его самим Иисусом Христом. Он даже творил, будто бы, чудеса, исцеляя больных и предсказывая будущее. В истинность его проповеди и спасительность его наставлений калиновцы верили безусловно, и были убеждены, что только один Калина знает истинный путь в Царство Небесное и ведет по нему своих последователей; он же освободит их и от всех тех бедствий и скорбей, которые постигнут всех других людей. К сожалению, нет определенных сведений о том учении, которое распространял Калина; неизвестны даже в точности и верования теперешних калиновцев, так как сектанты эти упорно скрывают их от посторонних. Несомненно только, что основным положением лжеучения калиновцев служит презрение к супружеской жизни. «Брак есть скверна, – учил Калина, – кто живет в супружестве, тот – блудник; а блудники Царствия Божия не наследуют». Поэтому, от всех желающих вступить в секту, Калина требовал обета – никогда не жениться и не выходить замуж; супругам же он ставил условием расторжение брака. Калина, как и многие другие хлыстовские лжеучители, не советовал своим последователям разрывать связь с Церковью, хотя и учил, что молитвы и таинства, совершаемые женатыми священниками, не

действительны. И калиновцы ставили молитвы своего лжеучителя, в особенности, молитвы за умерших – выше молитв церковных.

Секта калиновцев в настоящее время не многочисленна. Очень многие из них слились с хлыстами; другие возвратились в лоно Православной церкви, считая Калину, однако же, и теперь, после его смерти, принадлежащим к лику святых. Калиновцы, как сектанты, существуют только еще в Новгородской епархии, преимущественно, в Демянском уезде.

10. Голубчики[100]

Секта «голубчиков», или «голубцов», принадлежит к хлыстовским толкам. Распространена она, преимущественно, в Саратовской губернии, хотя ее последователи есть и во многих других местностях Поволжья и Кавказа. Как и все, вообще, хлысты, «голубцы» чрезвычайно скрытны и необщительны; вследствие этого, их догматическое учение остается почти совершенно неизвестным. К хлыстам же их причисляют потому, что по ночам они устраивают свои собрания, оканчивающиеся раденьями с обычным противонравственным разгулом и пением хлыстовских «слов божиих» – (кантов).

Подобно хлыстам вообще, «голубцы» не едят мяса, не соблюдают постов, употребляя в пищу молоко, масло, яйца; жизнь ведут трезвую, табаку не курят и не нюхают, чаю ее пьют, сахару, луку, чесноку и картофеля не едят. Относительно картофеля у них существует даже поверье, что, если в печь поставить в горшке картофель на несколько дней, то вместо картофеля там окажутся щепки, и что картофель, вообще, так же плодовит, как и собаки, а потому, он и нечист. «Голубцы» враждебнее других хлыстов относятся к Церкви Православной, в самой резкой форме отрицая все ее богослужения, таинства, обряды, св. иконы, праздники, иерархию; но внешней связи с нею они не разрывают, упорно скрывая свою принадлежность к сектантству. Как и все другие хлысты, «голубцы» гнушаются браком и, при вступлении в секту, дают торжественную клятву – никогда не жениться и не выходить замуж.

11. Серые Голуби

Эгот толк хлыстовства распространен во многих губерниях, в особенности же – в Самарской, Симбирской, Саратовской и Астраханской. Появление его относится к первой четверти прошлого века. Простой народ называет сектантов этого толка шалопутами или прямо – хлыстами; сами же сектанты усвояют себе наименование «посланников божиих» или «серых голубей». Называют они себя серыми потому, что в некоторых пунктах своего лжеучения, они заметно уклоняются от обыкновенных хлыстов, которые любят именовать себя «белыми голубями». Но на их верованиях нельзя не заметить следов даже еврейского влияния: так, напр., раденья свои они, подобно кавказским прыгунам, устраивают, обыкновенно, по ночам с пятницы на субботу, Пасху празднуют вместе с евреями. От настоящих хлыстов они отличаются и своим внешним видом: они носят обыкновенную одежду, пошитую из материй разного цвета. Особенность этой секты состоят в том, что ее последователи не отвергают брака и не считают грехом супружеской жизни, хотя все-таки многие из них держат при себе и «сеструшек» для «христовой любви», и относятся к ним гуманнее, чем к своим законным женам. Раденья у них бывают чаще, чем у других хлыстов, и устраиваются иногда днем в праздники и воскресенья во время совершения литургии в приходских церквах.

12. Иоанниты

Секта эта появилась только в конце прошлого века и быстро распространилась по России. Но центром, связующим ее последователей, был сначала г. Кронштадт, а потом Ораниенбаум.

История хлыстовства знает два рода людей среди сектантов: эксплуататоров и эксплуатируемых, или – что то же – проходимцев с сожженной совестью, сознательно обманывающих, ради своих корыстных целей, невежественную толпу, и простых, доверчивых, мистически настроенных и невежественных людей; первые – вожаки хлыстовства, вторые – их избранное стадо. Из этих двух факторов складывается история каждого хлыстовского толка.

Доброта и кротость, бескорыстие и сострадание ко всем скорбящим, ревностное служение Церкви Христовой, щедрая благотворительность, проявление особой помощи Божией через чудесные исцеления были причиною того, что имя достойнейшего о. протоиерея кронштадтского собора Иоанна Ильича Сергиева (род. 19 октября 1829 г. – ум. 20 декабря 1908 г.) стало известно всем не только грамотным, но и неграмотпкм русским людям. Народ назвал о. Иоанна «молитвенником русской земли», всегда жаждал видеть его в лицо, получить его благословение, присутствовать при совершаемых им богослужениях. Дальность расстояния не составляла препятствия для путешествия в Кронштадт. Портреты о. Иоанна, от художественной работы и фотографий до лубочного издания коробейников, были распродаваемы не только по городам, но и по захолустным селениям, и редко можно найти дом благочестивого и верующего крестьянина, в котором бы не было портрета «кронштадтского батюшки». Многие, по неразумной ревности, но движимые благоговейным уважением к о. Иоанну, вешали его портреты рядом с иконами и возжигали пред ними лампадки. Другие думали, что О. Иоанн возносит Богу иные молитвы, чем те, которые они слышат в своих приходских церквах, и искали случая приобрести их. Третьи

желали иметь на память какую-либо вещь от о. Иоанна – просфору, свечу, ладан и т. п. Вот этой-то популярностью о. Иоанна среди простого русского народа и воспользовались, с одной стороны, развратные тунеядцы, обиравшие доверчивых людей (собирая пожертвования по всей России то «на рясу батюшке», то «на карету», то «на вселенскую свечу», на церковь, которую он строит на родине, на монастырь и т. п.), а с другой стороны – проходимцы, стоявшие во главе того или другого хлыстовского корабля, для поднятия своей сектантской общины в глазах простого народа. Последние объявили о. Иоанна своим «христом».

Еще в 1896 году странствовал по Петербургу, Кронштадту и даже по югу России какой-то проходимец, Максин, который распространял «веру» в то, что скоро наступит страшный суд, что в лице графа Л. Толстого уже явился антихрист, и что о. Иоанн Кронштадтский есть Сам Господь Иисус Христос, которому надлежало прийти вторично во славе. Результатом такого рода проповедей было то, что во многих хлыстовских кораблях, в которых не было собственных «христов» и которые управлялись только своими «пророками», о. Иоанн был признан «христом», а впоследствии, даже «богом». Ради его имени, число хлыстов увеличивалось до громадных размеров: в самом Петербурге (на Петербугской стороне) были такие хлыстовские корабли, которые насчитывали число своих членов от 500 до 700 человек. Таким образом, о. Иоанн, помимо своей воли стал предметом обожания и даже обоготворения со стороны врагов его Церкви.

Но хлысты этим не удовлетворились. Некоторые проходимцы, по корыстным побуждениям, с целью легкой наживы, через злоупотребление именем и популярностью о. Иоанна, как народного молитвенника, решились устроить свое гнездо в самом Кронштадте, куда во множестве путешествовали, для богомолья, простые русские люди. И им без особенного труда удалось осуществить свое намерение. В 1901 году в Кронштадте, на углу Медвежьей улицы, в доме Максимова, уже существовал правильно организованный хлыстовский корабль. В нем были две «богородицы». Одна

именовалась «старшей богородицей». Это была женщина уже не молодая. Звали ее Параскевой. Она присутствовала при чтении акафистов и, когда пели припев: «радуйся, Невесто неневестная», она поднимала руки и махала ими, а когда пели «Иисусе, Сыне Божий» она только поднимала руки вверх. По окончании молений, все кланялись ей в ноги и целовали ее ботинки. Другая – девица Новгородской губернии Екатерина Трушнина – называлась «скорбящей богородицей». Эю была женщина безнравственная и развратничала открыто с хлыстовским «пророком».

Большое зиачепие в кронштадтском хлыстовском корабле имеет какой-то «старец Назарий», постоянно проживавший в Новгородской губернии. Его все признавали «Иоанном Богословом» и считали «святым», а в лицо называли «отцом»[101]. Но выдающимся пропагандистом кронштадтского хлыстовства был «пророк» Прохор Скоробогатченков, из слободы Карповки, Области Войска Донского. Он разъезжал даже по всей южной России и вербовал там молодых девушек для своего кронштадтского корабля, уверяя, что их зовет к себе о. Иоанн, и, что только в Кронштадте они найдут свое счастье. Бросив жену и малолетних детей, он проводил развратную жизнь и, в то же время, выдавал себя за человека святого, прозорливого и приближенного к о. Иоанну; собирал, будто бы, для него пожертвования, от его имени служил по домам молебны и панихиды. Своим слушателям он внушал мысль, что один только о. Иоанн Кронштадтский есть истинный пастырь, а все другие православные священники – обманщики и наемники, а потому, и совершаемые ими таинства, безблагодатны. Таинство причащения в Православной Церкви он называл мякиной. По деревням и селениям Скоробогатченков разъезжал веегда со спутницами – «скорбящей богородицей» Екатериною и «мироносицей» Домной Близгаровой, которые и помогали ему обманывать доверчивых людей. Привезенных в корабль девиц он и «скорбящая богородица» убеждали, что в о. Иоанне воплотился Сам Бог и, что поэтому, в действительности, о. Иоанн есть не кто иной, как бог. «А к обыкновенным священникам грех обращаться, – говорил Скоробогатченков, – и

никогда к ним не ходите, не то пропадет ваша душа... У ваших родителей роги на голове, они – черные; только вы этого не видите, ибо вы еще грешны, а когда получите благодать, то сами увидите. Их (т. е., родителей) слушать не нужно, и никогда ничего не нужно говорит ни им, ни священникам, словом – никому, а то поселится в вас сатанище. Если же кто будет спрашивать вас о том, как вы живете в Кронштадте, говорите, что живем хорошо, кормят, поят, ничего мы не делаем, только Богу молимся». На ночных собраниях кронштадтских хлыстов (или «ивановцев», как тогда их называли), кроме чтения акафистов и пения различных сектантских кантов, Скоробогатченков совершал и «причащение». Вот, как он это делал. Он брал просфору и чашу с вином, подносил их к портрету о. Иоанна и говорил: «Ты, Господи, в о. Иоанне, ты все знаешь и видишь, претвори просфору в тело Христово, а вино в кровь Христову». После этого, он исповедовался сам, исповедовал и девиц, причащался сам и давал ложечкой причастие всем остальным.

Прошло два года. «Ивановцы» были арестованы полицией и разосланы по местам их жительства. Но на их место явились новые хлысты, с новым названием – иоаннитов, и с новой тактикой пропаганды. Нахальство их дошло до того, что с 1906 года они начали пропагандировать свое лжеучение посредством печати. Был основан даже еженедельный журнал «Кронштадтский Маяк» с многочисленными приложениями. Из последних нельзя не упомянуть о книжке, изданной в том же году под заглавием «Правда о секте иоаннитов»[102]. По этой книжке, как самосвидетельстве сектантов, уже можно составить ясное представление о том, каковы их верования и каковы их деятели, хотя и здесь они далеко не искренни и не чистосердечны. На стр. 64 читаем: «В батюшке кронштадтском явился во плоти Бог, Он оправдал себя в духе. Показал себя ангелам и в народах проповедан». В других местах о. Иоанн называется «селением Божиим, жилищем Св. Троицы – Бога Отца, Сына и Святого Духа, которые в нем почивают». Сектанты утверждают, что он есть, вместе, и Бог, и человек (стр. 21). «С неверующими слепцами, – говорят они, – батюшка обходится

как человек, по обыкновению, а с верующими слепцами, которые желают от искреннего сердца прозреть, с теми батюшка обходится, как Бог и открывает им душевные очи; а, если в батюшке Бог живет, чего же ему не возможно»? Один хлыст кронштадтский (Пустошкин) рассказывает: «Свидетельствую истинно Господом Иисусом Христом, не лгу (кощунственная пародия слов ап. Павла: 2Кор. 11:31; Рим. 9:1; Гал. 1:20!), три раза от батюшки видел сияние, наподобие молниеносной грозы. Я в это время от радости не мог стоять, должен был голову наклонить ниц!»

«Богородицей» у кронштадтских хлыстов долгое время была жительница Ораниенбаума Порфирия Ивановна Киселева, которую сектанты также именуют «храмом Бога живого», «дщерью Царя Небесного», «непоколебимым столпом Церкви», «праведницей», «непорочной» и т. п. Могилу Киселевой на городском ораниенбаумском кладбище петербургские хлысты чтут как святыню, читают над нею акафисты и поют молебны, песок от нее берут на память и хранят в своих домах, как талисман. Теперь ее место заняла некая Козельцева.

Деятельное участие в пропаганде кронштадтской хлыстовщины проявил «архангел» секты – крестьянин Ярославской губернии – Михаил Иванович Петров, о котором известно то, что он был судим за мошенничество и обман. Другие пропагандисты иоаннитского хлыстовства в нравственном отношении стоят не выше Петрова.

По словам выдающегося иоаннита Михаила (Петрова?), сектанты совращают православных таким образом: «Сперва происходит обращение телесное, а потом духовное. Прежде закаляют плоть истязанием, а потом освящают духовно сношения мужчины с женщиною. Случается, что мы обращаем в нашу веру и против желания. Ведь не всякий больной признает пользу лекарственного снадобья»[103].

В последнее время, благодаря энергичной пропаганде, секта иоаннитов так быстро стала распространяться по России, что всероссийский миссионерский съезд, бывший в Киеве в 1908 году, нашел необходимым просить высокочтимого о.

Иоанна Сергиева (Кронштадтского) произнести над ней торжественное осуждение.

По обсуждении этого постановления, Св. Синод 4 – 11 декабря 1908 года определил: 1. учение, так называемых, иоаннитов, признающих о. Иоанна Сергиева Богом, – считать учением еретическим, кощунственным и богохульным, сродным с хлыстовством; 2. ввиду неоднократного осуждения самим о. Иоанном учения «иоаннитов», предположенное киевским миссионерским съездом предложение о. Иоанну произнести слово обличения «иоаннитов» – признать излишним; 3. предостеречь православных христиан от участия в сотрудничестве в «Кронштадтском Маяке» и других подобных изданиях, а С.-Петербургскому духовному цензурному комитету следить за означенными изданиями; 4. поручить духовенству с особенной осторожностью относиться к лицам, подозреваемым в принадлежности к «иоаннитам», при совершении над ними таинств, требуя от них отречения от главных заблуждений «иоаннитов»; 5. поручить духовенству предостеречь лиц, отправляющихся в Кронштадт к о. Иоанну за благословением и религиозным утешением, от возможности различных злоупотреблений со стороны вожаков «иоаннитов»; 6. лиц, упорных в «иоаннитстве», после увещаний, подвергать отлучению от православной церкви».

13. Панияшковщина[104]

Основателем и распространителем секты паниягиков-цев или циников (как их иногда называют) был крестьянин слободы Покровской, Новоузенского уезда, Самарской губернии Алексей Гавришов (Панияшка–тож). По сведениям, собранным Самарской духовной консисторией, Алексей Гавришов, человек красивой наружности, высокого роста, крупного сложения, с громадной, ниже пояса спускающейся бородой, с умным, выразительным лицом и плавной, тихой, вкрадчивой и убедительной речью, был человек довольно начитанный в аскетических сочинениях и житиях святых.

В молодости он много странствовал по монастырям и даже хотел принять монашество. Но, по желанию родных, женился и имел детей. Овдовев в 60-х годах прошлого столетия, он отправился на Афон, с целью принять монашество. Из Афона он возвратился с удостоверением, что он принял схиму, с именем Андрей. На родине его встретили с большим почетом и уважением, как подвижника и схимника. Он избрал для своего жительства с. Квашниковку. Пожертвования стекались к нему со всех сторон и в большом количестве. Панияшка устроил общину, которую мечтал преобразовать в монастырь. В его доме стали происходить ночные собрания с чтением книг Св. Писания, житий святых, совершением вечерни, заутрени, часов, монашеского правила. Эти ночные сборища послужили причиной того, что Панияшка бил выслан из Квашниковки и водворен на родине в слоб. Покровской, где у него также был собственный дом. Сначала он очень усердно посещал церковные богослужения и на всех производил впечатление строгого подвижника. Но потом, вдруг, затворился у себя в доме и перестал не только ходить в церковь, но даже выходить на улицу. Весь свой дом он увешал иконами сверху донизу, а в углу большой комнаты поставил икону Божией Матери, пред которою зажег неугасимую лампаду. «Народная молва о благочестивом житии Панияшки стала быстро распространяться по всем окружным селам, что привлекло массу телесно и

душевно больных, каковых он не отказывался лечить своеобразными средствами, охотно принимая приносимые ему даяния. Лечение начиналось, обычно, совместной молитвой пред иконой Богоматери, после чего больному давался в рот елей, который брался ложечкой из неугасимой лампады, висевшей пред той же иконой Богоматери, которую он выдавал за чудотворную. Употребляемый елей принимался народом за причастие, и те, кому случалось выздоравливать, видели в этом чудесное проявление силы Божией, а в лице самого Паняшки – угодника Божия, целителя и чудотворца, о котором, естественно, распространялись самые выгодные для него слухи среди народа. Легковерный народ массами устремился к новоявленному чудотворцу за советами и молитвенным ходатайством, причем, иногда весьма щедро лились доброхотные приношения в пользу обожаемого молитвенника. Обаяние его личности, как схимонаха, притом, гонимого за благочестие, достигло огромных размеров»[105].

В это время у Паняшки явилась мысль создать свою секту, по образцу хлыстовщины и, отчасти, беспоповщины. Он стал учить, что тело человеческое есть источник всякого зла не только потому, что его создает диавол, но и потому, что в теле каждого человека находится бес. Не человек просит есть или пить, или обнаруживает плотские вожделения, а бес. Поэтому, когда Паняшка, напр., клал в свой рот кусок хлеба, он непременно каждый раз говорил: «на, бес, трескай!» Пил ли он воду или брал ложку щей, он опять говорил то же: «на бес, трескай!» Так же он учил и об удовлетворении половым страстям: «на, бес, трескай!» Но бороться с бесом, по учению Паняшки, можно только через умерщвление плоти. Поэтому, он требовал от своих последователей, чтобы они, как можно меньше заботились о своем теле, насколько возможно, воздерживались от пищи и питья, не ходили в баню, не умывались, не скидывали с себя грязного белья, не чесали головы, не омывали и не чистили посуды, предназначенной для пищи и питья и т. п. Целью своей паняшковцы ставили, однако же, не кормление беса, а изгнание его из своего тела. Согласно наставлению основателя своей секты, они веровали, что

громкое испускание из желудка газов есть, именно, удаление беса из человеческого тела. Поэтому, после еды каждый паниашковец непременно должен произвести нескромный звук, затем плюнуть на пол, растереть плевок ногами и сказать: «прекорил проклятого беса». То же самое они должны делать во время молитвы и после нее. Неисполнение этого требования влекло за собою бичевание. «Пророк» (т. е. сам Паниашка) бил по спине одержимого бесом до тех пор, пока не получался желаемый результат. Кто с трудом производил требуемые звуки, в том, по верованию паниашковцев, слишком крепко сидит бес, изгнать которого мог только или сам Паниашка, или «пророк», получивший от него особую благодать.

Несмотря на столь странное учение, у Паниашки скоро образовалось большое число последователей: явились «богородицы» и «пророки». В обширной зале его дома («святилище») были устраиваемы такие же циничные радения, как у хлыстов; разврат доходил до чудовищных размеров, – все убивали «проклятого» беса; но больше всех развратничал сам Паниашка. С Церковью была разорвана всякая связь. Паниашка порицал духовенство и совершаемые им таинства, а себя выставлял затворником, подобным Афонским подвижникам, которые никогда не ходят в церковь и, однако же, угодны Богу.

Сочувствие народа к Паниашке не уменьшалось, а увеличивалось. Приток всевозможных пожертвований был чрезвычайный: многие богатые люди, вступая в секту, отдавали буквально все свое состояние, а сами оставались нищими. Для наиболее преданных последователей, Паниашка устроил коммунистическую общину, где у сектантов было все общим; личной собственности никто не мог иметь. Прием в секту производился весьма осмотрительно, и после продолжительного искуса; а его заключительный акт состоял в изгнании беса. «В тебе бес сидит – его изгнать нужно», обыкновенно, говорил Паниашка желающему вступить в секту. После этого, происходило бичевание, в полном смысле этого слова. Сделав из пояса бич, Паниашка изо всей силы колотил им «одержимого бесом» до тех пор, пока последний не производил неприличного звука с иеприятным запахом.

Паняшка умер в 1895 году. Над его могилой поставлен громадный, в виде часовни, памятник, в котором развешаны иконы, теплится неугасаемая лампадка, поставлен стол, на котором лежат священные книги. Рядом с иконами висит портрет Паняшки. Его последователи сопричислили его к лику святых и веруют, что он должен скоро воскреснуть. В этом памятнике паняшковцы устраивали свои раденья, пока не закрыла его полиция.

В отношения к Церкви паняшковцы в настоящее время изменили свое поведение. Они не разрывают внешней связи с нею, как и другие хлысты. Но в действительности, они не признают ни церкви, как божественного учреждения, ни таинств, ни обрядов, ни иерархии, и, если соблюдают некоторые установления, то только для того, чтобы скрыть свою принадлежность к секте. Молятся они или в своих молитвенных домах, или у памятника Паняшки, и наравне с некоторыми молитвами Православной Церкви, распевают канты собственного сочинения. Иконы они, по-видимому, почитают. Постов не признают: едят мясо и все без разбора; «бесу, говорят, все равно, что бы ему не трескать».

Место Паняшки занял крестьянин Захарий Белобородов, которого, однако же, сектанты величают «отцом Захарием».

Секта паняшковцев есть наглядное доказательство того, до какого безумия могут дойти люди, отказавшиеся от руководительства Православной Церкви!..

14. Подгорновцы

Секта эта не отличается оригинальностью своего учения – ни догматического, ни нравственного, но имеет некоторые пункты соприкосновения с хлыстовством. Она возникла в последней четверти прошлого столетия в пределах Харьковской епархии и скоро получила довольно значительное распространение не только в некоторых уездах Харьковской губернии, но и за ее пределами (в губерниях Курской и Полтавской)[106].

Основателем этой секты был крестьянин с. Тростянца, Ахтырского уезда, Харьковской губернии, Василий Карпович Подгорный. Научившись грамоте у садовника местного помещика (Голицына), он еще в молодости сам открыл школу в своем доме, где в будни обучал крестьянских детей чтению гражданской и церковной печати, а по воскресным дням читал взрослым жития святых и другие книги религиозно-нравственного содержания. В 70-х годах прошлого века он приобрел за селом небольшой кирпичный завод и стал принимать у себя разного рода странников, проживавших у него довольно продолжительное время. Сам Подгорный несколько раз путешествовал на Афон и по другим св. местам. В 80-х годах он приобрел себе еще один участок земли близ г. Богодухова и устроил здесь женскую общину. Скоро эта община была возведена в женский монастырь; но Подгорный считал себя обиженным: настоятельницей монастыря была назначена не дочь его, как он того желал, а монахиня женского монастыря Курской епархии. Оставив семью в Тростянце, Подгорный ушел на Афон. Но там он был недолго: скоро возвратился на родину и поселился на своем заводе, где также начал устраивать нечто похожее на Богодуховскую общину. При этом, не разрывал связи с Православной церковью, даже, напротив, старался отличаться особенным благочестием: неопустительно посещать богослужения не только в приходской церкви, но и в г. Харькове. За свое благочестие он пользовался всеобщим уважением, и даже стал лично известен Харьковскому Архиепископу

Амвросию. Но скоро оказалось, что благочестие Подгорного было лицемерным. В Тростянце, Харькове, Богодухове, Ахтырке и в других местах он основал много тайных общин с несомненными признаками хлыстовства. Себя же он выдавал за иеромонаха Стефана, уверяя своих последователей, что, «пребывая на Афоне в посте и непрестанной молитве, он изнемог и ради смертного часа, принял там монашество и посвящен в иерейский сан». Он имел у себя священническое облачение, напрестольный крест и евангелие, кадило и все богослужебные книги. В свои общины Подгорный набирал, обыкновенно, только молодых девиц и вводил монастырский строй с общей молитвой, общим столом и общими занятиями – днем; а по ночам, особенно, под воскресные и праздничные дни, в каждой общине были устраиваемы собрания для чтения книг и пения хлыстовских песен, а сам Подгорный изгонял своими молитвами бесов из некоторых своих последовательниц. Главным сотрудником Подгорного по устройству женских общин был схимонах Пантелеймон, лет 30 от роду, красивый и здоровый мужчина, бывший крестьянин села Ямного, Богодуховского уезда, по ремеслу кузнец, Петр Важенко. Но, кроме него, и многие другие мужчины были постоянными посетителями ночных собраний, происходивших в общинах Подгорного. Показное благочестие и мнимые чудотворения, соединенные с благотворительностью, при энергичном содействии странствовавших повсюду с полумонашеским видом последовательниц Подгорного, создали его славу и возбудили к нему общее внимание. Всякого рода пожертвования стекались к нему с разных сторон. Но скоро стали распространяться и дурные слухи, настойчиво утверждавшие, что последователи Подгорного на ночных собраниях предаются разврату. Жалоба одной крестьянки за изнасилование ее несовершеннолетней дочери заставила епархиальное начальство обратить внимание на деятельность Подгорного. Произведенным следствием Подгорный был уличен в крайне предосудительных поступках: под личиною внешнего благочестия, он распространял в среде темных и легковерных людей лжеучение, подрывавшее основы семейной жизни,

уважение к церкви, ее священнодействиям, таинствам, духовенству; между тем, сам вел жизнь безнравственную, погрязая в необузданно-грубом разврате, ради чего собирал женщин и девиц в общежитие, пользуясь их доверием, растлевал и насиловал их, не стесняясь никаким возрастом[107]. Узнав об этом, Св. Синод признал «оставление Подгорного на свободе, в пределах Харьковской губернии, вредным и определил поместить его, в видах пресечения дальнейшего соблазна, и в ограждение добрых нравов местного населения, в арестантское отделение Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, впредь до усмотреиия его раскаяния и исправления». Это определение Св. Синода было утверждено Государем Императором 17-го октября 1892 года, а 31 октября того же года, Подгорный был отправлен в Суздаль; за ним последовали жена и две дочери (Варвара и Параскева младшая), нанявшие для себя очень просторную квартиру вблизи Покровского женского монастыря.

Заключение Подгорного в монастырь не положило предела развитию его секты. Его последователи стали питать к нему только большее уважение, почитая его невинным страдальцем и мучеником: посылали ему щедрые пожертвования; ради него предпринимали путешествия в отдаленный Суздаль, находя себе радушный прием в его семье. В свою очередь, и Подгорный не прекратил своей деятельности: он не раскаялся в своих заблуждениях, но продолжал оказывать влияние в прежнем сектантском духе, как на существовавших уже в довольно значительном количестве своих последователей, так и на православных, не имевших о нем правильного представления.

Главным средством, которым пользовался Подгорный для пропаганды своего лжеучения, была его обширная переписка: в своих последователях он поддерживал надежду на свое скорое возвращение из ссылки, обещал молиться за них, гонимых Церковью, Богу, называя их своими детьми и чадами, и поучал их, как нужно жить. Вследствие этого, последователи Подгорного, все более и более увеличиваясь числом, успели организоваться в определенную секту. Эта секта, согласно с

учением своего основателя, проповедовала презрение к супружеской жизни и на ее место ставила возмутительный культ разврата. Растление девиц и беспрекословное сношение женщин с разными мужчинами составляли основное требование этой секты, ни одна женщина, по учению подгорновцев, не должна дорожить своим целомудрием, чтобы не гордиться перед другими и не погибнуть для Царствия Божия, а должна дозволять пользоваться собою всякому мужчине, хотя бы даже калеке; в этом ее послушание, без которого ее спасение невозможно. При всем том, подгорновцы умели прикрываться почти монастырской, лицемерно-православной внешней жизнью своей. Они не без усердия посещали храм Божий, неопустительно говели в Великий Пост, приглашали священников для совершения в своих домах различных молитвословий, путешествовали по св. местам и т. п. Место Подгорного, в деле непосредственного управления сектантскими делами, занял крестьянин села Каменки, Ахтырского уезда, Евграф Федченко. В его доме собрания сектантов происходили почти каждую ночь, а не под одни только воскресные и праздничные дни, и нередко продолжались до утра. На них присутствовали, как мужчины, так и женщины. Заканчивались они общей трапезой. Сектанты держали в строгой тайне, как свое лжеучение, так и все, происходившее на их сборищах. Но разбитые супружества и брошенные на произвол судьбы дети, были их неумолимыми обвинителями.

В 1899 году жена и дочери Подгорного возвратились из Суздаля в Тростянец. Но деятельного участия в распространении сектантства, по-видимому, уже не принимали. В 1902 году умерла жена Подгорного, после напутствования св. тайнами и совершения над нею таинства елеосвящения. 17-го января 1903 года Подгорному было предоставлено право оставить Спасо-Евфимиев, монастырь и возвратиться на родину. Но к этому времени с ним произошла резкая перемена. Ничего сектантского в нем уже не усматривали. Сам Подгорный не захотел воспользоваться предоставленным ему правом. Он решил навсегда остаться в Суздальском Спасо-Евфимиеве монастыре, где и принял монашество, с именем Стефана. Секта

подгорновцев утратила сначала свой острый характер; общины их распались, многие из последователей Подгорного оставили свои заблуждения и поступили в монастыри. Тем не менее, некоторые следы сектантства у них заметны: так, они не перестают чтить Подгорного, как святого, по-прежнему; на брак смотрят неодобрительно, не подают, при встрече, знакомым руки, носят полумонашеское платье, особенно – женщины; к духовенству питают только внешнее уважение и любят отзываться о нем укоризненно.

15. Скопчество[108]

История секты

Секта эта была обнаружена в 1772 г., но кто был ее основателен, этот вопрос остается неразрешенным. Одни думают, что основателем ее был известный хлыстовский лжехристос Андреян Петров; другие называют бывшего подпоручика петербургского пехотного полка, исключенного из военной службы в 1757 году, Владимира Селиванова; третьи утверждают, что виновником скопчества был крестьянин села Столбова, Дмитровского уезда, Орловской губернии Селиванов. Но как его звали – этого, опять, никто не знает: одни говорят, что его имя было Кондратий, другие думают, что его звали Андреем; есть известия, на основании которых можно предполагать, что его именовали и Иваном, и даже Фомою... Сам же он называл себя прямо – «богом», «христом», «искупителем» и «императором Петром III Федоровичем»... Но богу неприлично носить людские имена, да и как проходимец, бродяжничавший повсюду, он сам, по всей вероятности, не раз называл себя разными именами... В миссионерской литературе принято, однако же (хотя и не без неопровержимых доказательств), виновника скопческой секты называть Кондратием Селивановым или просто Селивановым.

Невзрачный собою – «маленький, худенький», с заостренным носом, рыжими (желторусыми) волосами па голове, без усов и бороды, с бабьим несимпатичным лицом, Селиванов не отличался и нравственными свойствами: обычное хлыстовское лицемерие, безграничное тщеславие и властолюбие, хитрость и лукавство, назойливость и трусость, упорная скрытность и нетерпимость ко всем иномыслящим – вот черты, которыми характеризуется его нравственная личность. К ним нужно прибавить только: самохвальство, склонность к наглому обману и способность лгать без всякой меры. Неопровержимые факты из его жизни подтвердят эту характеристику и покажут, на какой моральной почве, обыкновенно, возрастает сектанство.

Скопчество признается сектой, родственной с хлыстовством. Это верно. Оно выделилось из хлыстовщины. Но, с другой стороны, нельзя отказать ему и в самостоятельности, доходящей до отрицания хлыстовства. Хлыстовство и скопчество имеют между собою много общего; но зато, с другой стороны, они настолько враждебны друг с другом, что их примирение невозможно. Если бы хлысты имели власть и силу, они истребили бы скопцов, в собственном смысле этого слова. Да и были попытки такого рода. «А на крест меня отдали иудеям (т. е. властям), говорил основатель скопчества, божьи люди (хлысты). И это была правда. Хлысты зверски убили его первого спутника Мартынушку, в самом начале его скопческой проповеди. Хлыстовский «пророк» Филимон и его сестра – хлыстовская «пророчица» – неоднократно покушались убить и самого Селиванова. Так же враждебно относятся хлысты к скопчеству и в настоящее время. Но и скопцы не остаются в долгу перед хлыстами…

Селиванов сначала принадлежал к хлыстовству. Но он не был заурядным членом хлыстовского «корабля»: он не был даже простым хлыстовским «пророком». По выражению лжепророчицы Анны Романовны, из корабля знаменитой орловской «богородицы» Акулины Ивановны, он был «бог над богами, царь над царями, пророк над пророками». Тем не менее, едва ли он думал об основании новой секты. Он слишком был популярен среди хлыстов и слишком тщеславен, чтобы рисковать приобретенным почетом и властью во имя него-то неизвестного. Но, не желая оставлять хлыстовства, он, несомненно, имел твердое намерение быть его реформатором. В его время хлыстовство уже утратило свою репутацию: в глазах народа оно стало настоящей клоакой разврата. Природа мстила за разрушение ее прав. Отрицание брака широко открыло дверь распутству. Прелюбодеяние, кровосмешение, растление малолетних, а рядом с ним – ревность, вражда, ссоры, даже убийства на почве ревности, свальный грех и т. п. пороки, господствовавшие в хлыстовских «кораблях», привели Селиванова к мысли о необходимости борьбы и реформы, и к убеждению, что реформатором хлыстовства должен быть

именно он, Селиванов. Недаром его друг – «прозорливец» – говорил ему в «пророческом» духе: «тебе много дел надо сделать на земле: свою чистоту утвердить и всю лепость (разврат) укротить, и грех искоренить». С чего, однако же, ему следовало начать? Конечно, с плоти: зло в ней. Но плотские страсти, – решил он, – нужно побеждать не развратом, а умерщвлением. Существование половых органов у человека – вот, по его мнению, – где корень разврата, вот – та змея, которая соблазняет человека и заставляет его развратничать и грешить; ее и нужно уничтожить: «уж змею бить (говорил Селиванов), так и бей поскорее до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила!» Так он пришел к мысли о необходимости оскопления, для того, чтобы положить конец разврату в хлыстовских общинах и ввести в них «чистоту» (нравственную). Цель хороша; но средства негодны: хлысты ценили добрые намерения своего «бога», но содрогались перед тяжестью жертвы, которую он от них требовал, а в душе скорбели и о предстоявшем прекращении разгула страстей. Реформатор не остановился, однако же, на оскоплении. Он провозгласил еще и второй свой догмат. Хлыстовские лжехристы более других предавались чувственному разврату и плотским похотям. В таких лицах не мог обитать Христос, Который, по евангелию, был безгрешен и свят. И вот, Селиванов отверг многократные воплощения Христа. Только в нем одном, в Селиванове, воплотился Христос, и кроме него – нет «христов». Один раз, полторы тысячи лет тому назад, воплощался Христос для того, чтобы научить людей оскоплению, а другой – Он пришел на землю в лице Селиванова, чтобы судить мир. Все хлыстовские «христы», таким образом, были объявлены лжецами и обманщиками. Такое учение не могло пройти даром для Селиванова. Оно ниспровергало все хлыстовство и причиняло личную обиду и оскорбление всей толпе хлыстовских «христов», «богородиц», «пророков» и т. д. Здесь-то и лежит причина бывших посягательств на жизнь Селиванова. Только один крестьянин Тульской губернии Александр Иванович Шилов, сам возмущавшийся крайней безнравственностью и развратной

жизнью хлыстов, увлекся учением Селиванова и стал его вернейшим последователем. Преследуемые хлыстовскими лжепророками и лжебогородицами, Селиванов и Шилов из Орловской губернии перешли в Тульскую; здесь они приобрели себе ревностного сотрудника в лице писаря на одной фабрике – бывшего хлыста Емельяна Ретивого, больше известного под именем Аверьянушки.

Учение Селиванова было принимаемо всеми, кто возмущался хлыстовским развратом. Шилов оказался хорошим «мастером», т. е. оскопителем, а Ретивый, по своей должности имевший влияние на рабочих и торговцев, содействовал распространению скопчества. Если к этому прибавить еще то, что Селиванов и Шилов совершали, будто бы, необычайные чудеса, предсказывали будущее, ведали самые сокровенные помышления людей (об этом они сами говорили всем), то будет понятен успех новой проповеди. Оскопленных оказалось много за самый короткий срок в трех смежных губерниях – Орловской, Тульской и Тамбовской. Скопились не только крестьяне, но и духовные лица. Центром скопчества стала с. Сосновка, Тамбовской губернии. Быстрое распространение скопчества не могло не обратить внимания правительства. Было произведено следствие, окончившееся ссылкой Шилова в Ригу, Селиванова – в Нерчинск. Но и в ссылке они продолжали распространять свое учение и оскоплять своих последователей.

Шилов распространил скопческую секту в Рижской, Псковской и даже С.-Петербургской губерниях. Его заключили в Динамюндскую крепость. Здесь он начал скопить солдат. После этого, его перевели в Шлиссельбургскую крепость, где он и умер с 5-го на 6-е января 1800 года, и его торжественно похоронили близ Невы и подошвы Преображенской горы. Два года спустя, тело Шилова (по уверению скопцов, нетленное, за исключением ногтя на пальце ноги, почерневшего от тесноты гроба) перенесено на самую гору, где и предали земле. Над могилою Шилова устроен большой памятник, в виде часовни, в которой петербургские скопцы стали оскоплять дальнейших последователей и освящать хлеб для причащения.

Что же касается Селиванова, то он до Нерчинска не дошел. Он поселился в Иркутске и свободно бродяжничал по его окрестностям, проповедуя свое учение и оскопляя последователей. Здесь же ему пришла в голову безумная мысль выдавать себя за императора Петра III. Но в Иркутске он жил недолго. Посеяв семена скопчества в Сибири, он, в сопровождении какого-то «молодого генерала», возвратился на родину. Исследователи скопчества недоумевают: кто был этот «молодой генерал». Нет никакого сомнения, что рассказ Селиванова об этом генерале есть такая же «чистейшая» ложь, как и его рассказы о бывших ему видениях, о его прозорливости, чудесных исцелениях, предсказаниях и т. п. Как можно быть царю без свиты! царя всегда сопровождают «генералы»!

Не представляет затруднения и решения вопрос о том, каким образом у Селиванова могла явиться мысль выдавать себя за императора Петра Феодоровича. То было время самозванства. История насчитывает семь самозванцев, тогда выдававших себя за императора Петра III. Селиванову не давали покоя лавры Пугачева. «Возвращаясь из Сибири в Россию, рассказывает Селиванов, я встретился с Емельяном Пугачевым, которого провожали полки полками (!) и тоже везли под великим конвоем, а меня взяли вдвое того больше (!) и весьма строго, и тут те, которые его провожали, за мной пошли, а которые меня везли, за ним пошли»[109]. Ничего подобного и быть не могло. Селиванов встретился только с безумными политическими мечтами Пугачева, но не с самым Пугачевым. И для характеристики первоначальных безумных мечтаний Селиванова, и для ознакомления с ним, как наглым лжецом и обманщиком, много интересного материала представляет его собственный рассказ, им самим написанный, о его возвращении из Сибири на родину. По этому рассказу[110], «Кроткий и сердобольный государь император Александр 1, по вступлении своем на всероссийский престол, как только узнал о великих страдах августейшего своего дедушки (Селиванова), тотчас отправил гонцов во все края Сибири, чтобы отыскать несчастного страдальца. Долгое время послы не могли открыть

изгнанника, но, после многих страданий, нашли его, наконец, в г. Иркутске, где он служил сперва пономарем при Харлампиевской церкви, а потом сторожем при губернском правлении, и тотчас донесли о том Государю. Император Александр до того обрадовался вести о своем прародителе, что сам хотел ехать во сретение ему, но заботы о государстве и советы вельмож отклонили его от этого намерения. А потому, собрав наилучшие царские регалии и уложив их в драгоценный ящик, он отправил их к Петру III, (т. е. Селиванову) через знатных вельмож двоих в Иркутск. В ящике этом находилась царская корона с драгоценными камнями и царская порфира на горностаевом меху. Вельможи на курьерских подводах, как на крыльях, прилетели в Иркутск. На площади близ губернского правления, собралось несметное число людей разного звания, лишь только открыли ящик, присланный от его величества своему дедушке, весь народ пал на колена, сколько от благоговения к царственному страдальцу, столько же от уважения к царским регалиям. Селиванов, взглянув на корону и другие царские украшения, в смирения своем сказал: «потерпевши великие страды в Москве, Туле, Воронеже и многих других местах моего царства и прошедши в кандалах от Москвы на край Сибири, я не могу носить на голове царской короны: при моих страдах царская честь мне уже не прилична. Дайте мне лучше простую баранью шубу и почтовую повозку; в этом приличнее мне явиться пред светлые царские очи возлюбленного моего внука, который и на краю земли взыскал меня своею любовью. По прибытии Селиванова в Петербург, император Александр встретил его, как старшего царя, и предложил ему свой царственный трон и корону, но Селиванов отказался вышеписанными словами. По любви своей к старшему помазаннику, император Александр сделал ему другое предложение: «если неугодно великому государю моему занять мой престол и принять на рамена свои скипетр всероссийской державы, то я прошу и молю августейшего моего дедушку принять от меня в вотчину несколько губерний самых плодородных и богатых, которыми бы мой великий государь и отец мог по царски содержаться». Непреклонный Селиванов

отверг и это предложение своего внука, говоря: «я греху не отец, а чистоте и святости отец; не для земли я живу, и не земное мое царство; не хочу я себе славы земной, а хочу в страдах своих всю жизнь свою скончать. Буде хочешь послушать меня, Алексаша, то утешь меня в моем желании: дай мне место в Преображенской богадельне, что на Васильевском острове, я посвящу себя там на служение нищей братии, больным и убогим по веки веком». С грустью в сердце и с сожалением в душе государь изъявил свое царское согласие на подвижнический выбор своего деда.

Нужно заметить, что Селиванов возвратился из Сибири даже не в царствование Александра I, а в царствование Павла. Он не был психически больным, а его поведение имело свой смысл. Он считал своим призванием распространение скопчества по всему миру – и Франции, и Турции, – и учреждение всемирного скопческого царства, а этого нельзя было достигнуть, не захватив в свои руки царской власти. Мысль эта не оставляла Селиванова никогда.

Возвратившись в Россию, Селиванов находил своих последователей повсюду; только в восьми губерниях в то время еще не было обнаружено скопчества. Шилов, со своим племянником и единомышленниками – Машковым, Колесниковым, Ненастьевыми, Яковлевыми, Артамоновым, Васильевым, Огородниковым, Матвеевым, Громовым и др. – ревностно старались о его распространении; они же уверили своих последователей в том, что Селиванов, действительно, есть император Петр III и что, возвратившись из Сибири, Селиванов сам объявит об этом своим подданным. И это так было. Распространяя скопчество в губерниях Орловской, Тульской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской и Калужской, Селиванов, в то же время, уверял своих слушателей, что он не только бог, но и государь-император Петр Федорович. В доказательство этого, он, с одной стороны, не скупился на чудеса (исцелил сумасшедшую жену крестьянина Гаврилова и претворил квас в воду), а с другой – показывал из-под своей шубы какие-то звезды и шпагу.

Посетив множество сел и прожив некоторое время в Москве, Селиванов отправился в Петербург, где уже было очень много скопцов, в особенности – среди купечества. Пропаганда его там шла весьма успешно. Его учением увлекались не только мещане и купцы, но даже чиновники и люди интеллигентные (напр., Милорадович, Суворов, Голицын и др.). Аристократки считали себя счастливыми, удостоившись поцеловать его руку, выслушать его наставление или узнать от него свое неизвестное будущее. Но Селиванов имел ввиду цель: всячески заботился о том, чтобы в число своих преданнейших последователей приобрести человека, который мог бы служить ему хорошей опорой для осуществления его властолюбивых и честолюбивых замыслов. Таким оказался Семен Иванович Кобелев, бывший несколько лет лакеем покойного Императора Петра III. Оскопив себя, он постоянно проживал при Селиванове в числе «искупительских» слуг и всех клятвенно заверял, что Саливанов, действительно, есть Император Петр III. Слух о том, что в самом Петербурге появился человек, именующий себя Петром III, дошел до Императора Павла I-го. Павел пожелал видеть Селиванова. Что происходило между ними – неизвестно. По словам же скопцов, Павел, будто бы, спросил Селиванова: «Правда ли, что ты мой отец?» На эти слова Селиванов, будто бы, ответил так: «Узнаешь, если окажешься достойным». Павел приказал содержать его в Обуховской больнице для умалишенных, где он и проживал до восшествия на престол Александра. Александр освободил его из больницы и предоставил ему право свободного местожительства в С.-Петербурге.

После ужасов французской революции, как известно, наступила эпоха крайнего мистицизма, пиэтизма и романтизма. Настал век Жуковского, с его балладами, несбыточными надеждами, неосуществимыми идеалами, с верой в таинственное, сверхъестественное, загробное. Вера непосредственного чувства, свобода религиозной совести, мечты об идеальной любви ко всем, о вечном мире и священных союзах, об идиллии пастушеской жизни и цветах, презрение к земному и ничтожному – вот характеристические

особенности того исключительного времени. Александр I был типичнейшим выразителем идей и чаяний своего времени. Неудивительно, что он оказался сначала весьма снисходительным к скопцам. На докладе министра внутренних дел о калужских скопцах, он положил резолюцию: «*оставить от суда свободными, поелику они подобным невежеством и вредным поступком сами себя уже довольно наказали*». Но потом он предоставил скопцам и полную свободу. Для скопцов, по их собственному выражению, настал «золотой век». Селиванов проповедовал свое учение и скопил «верующих» беспрепятственно; в числе его верующих были уже придворные чины и государственные чиновники. Радения устраивались в разных частях города, и полиции было строго предписано не касаться их. Свита, окружавшая Селиванова была многочисленна и все лица, принадлежавшие к ней, называли себя не иначе, как «придворными его императорского величества Господа Иисуса Христа, батюшки искупителя, милостивого государя Петра Феодоровича». У Селиванова был свой великий князь Константин Павлович, отказавшийся в то время от престола, своя цесаревна Елена Павловна, своя княгиня Мария Феодоровна. Слава о нем гремела по всей России. Сам Император Александр I, ко всем верам питавший уважение, говорил о нем не с удивлением только, но и благоговением. Перед войной с Наполеоном, он, побывав в Казанском соборе, лично отправился к Селиванову, чтобы с ним посоветоваться и получить от него «благословение». По словам скопцов, Селиванов сначала не давал ему «благословения» начинать войну, обещаясь «унять врага» своими средствами, но потом согласился под условием, чтобы Александр уверовал в него и «познал дело божие» (т. е., чтоб «оскопился»). Современник Александра I, сенатор Лубяновский вполне подтверждает этот факт. Из Петербурга Селиванов управлял скопцами по всей России: учреждал общины и назначал в них «учителей». Он ввел даже нечто вроде инвеституры: каждому скопческому «учителю» он давал большой белый платок и особый крест. Не было уже ни одной губернии в России, где бы не было скопческих общин. Петербург был переполнен

скопцами, ибо, кроме местных, в нем, проживало много приезжих, являвшихся к Селиванову за советами и указаниями. Даже в Александро-Невской лавре были монахи скопцы. Но Селиванов зашел уже слишком далеко. Императора Александра I он стал публично называть не иначе, как «Алексаша», или «явный» царь, давая этим понять, что рядом с ним в России есть еще и другой царь – пока «тайный». Кроме того, он чаще и чаще стал проповедовать о скором наступлении скопческого царства в России. Наконец, после изгнания из Москвы французов, по его внушению, один из приближенных к нему скопцов, камергер Елянский, подал императору записку о наилучшем государственном устройстве России; к ней было приложено и «Известие, на чем скопчество утверждается». По этому проекту, предполагалось произвести коренное преобразование государственного строя России, в интересах скопчества. Правда, номинально, во главе управления еще оставляли императора; но фактически – вся власть над Россией должна была перейти к Селиванову. «*Все тайные советы, все важные государственныя дела,* писал Елянский*, будет опробовать настоятель, как боговдохновенный сосуд, так как в нем – полный дух небесный с Отцем и Сыном присутствует, и поэтому все, что он из уст своих скажет, то, действительно, Дух Святый устами его возвещает*». Только теперь правительство поняло, куда скопчество протягивает свои грязные руки. Только теперь вспомнили и о существовании в России Св. Синода, и заинтересовались его мнением о скопчестве. Синод отвечал, что «*скопцы – богохульная ересь, потому что начальника секты почитает Христом; вредит обществу, осуждая брак, искажая людей и истребляя потомство*». Тогда только и правительство объявило их «врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов Божиих и гражданских». Против скопцов были приняты строгие меры; их разыскивали и предавали суду.

7-го июня 1820 года, с большими предосторожностями, был выслан из Петербурга сам Селиванов, для заточения в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, причем, настоятелю

этого монастыря было предписано: «*принять начальника секты скопцов в монастырь с человеколюбивою ласковостью, с христианским расположением сердца, из сострадания к страсти его, из сожаления о заблуждении его, и поместить его в келье, которая бы служила, по уединению своему, к спокойствию его и ко благоразмышлению*». Но и в своем монастырском заключении Селиванов не переставал вести пропаганду своего лжеучения через своих приверженцев. Даже в самом Суздале, в женском Покровском монастыре, был устроен скопческий корабль с большим числом оскопленных. Не переставал здесь Селиванов мечтать и о скором наступлении его царства. Впрочем, по словам суздальских монахов, он умер (20 февраля 1832 г.), будто бы, примирившись с Церковью: «оказал раскаяние в своих заблуждениях и грехах и, по долгу христианина православной церкви, исповедан и сподобен св. Таин».

Современное состояние скопчества

Селиванов умер: но учение его осталось. Правительство приняло строгие меры против скопцов; но число их не уменьшалось; напротив, в каждой епархии оно постоянно возрастало. Строгость правительства заставила только многих скопцов бежать за границу, в особенности, в Румынию, чтобы там свить себе прочное гнездо и оттуда безнаказанно влиять на развитие скопчества в России. Особенно много поселилось скопцов в Добрудже, Яссах, Галаце, Бухаресте и с. Николаевке, находящейся близ границы между Россией и Румынией.

Дело Селиванова продолжали его преданнейшие ученики Алексей Иванович Громов и Василий Будылин. Первый, выдававший себя за великого князя Константина Павловича и называвший Императора Николая I-го «братцем Колюшкой», был сын крестьянина Галицкого уезда, Костромской губернии; некоторое время находился на военной службе; но потом бежал и стал распространителем скопчества. По своей изворотливости и энергии, он не уступал и Селиванову, который высоко ценил его и даже наименовал его своим «первым апостолом», а скопцы и доныне восхваляют его, как своего «верного пророка, искупительного апостола и великого страдателя, назидающего стада израильских овец, государя их, батюшки, Петра Феодоровича III». Будылин, так же, сын крестьянина, был родом из села Выездной Слободы, Арзамасского уезда, Нижегородской губернии; так же был некоторое время в военной службе, где его совратил и оскопил один рядовой. После этого, он бежал, и по всей России распространял скопчество, имея повсюду необычайно сильное влияние на своих единоверцев. Ревностными сотрудниками Громова и Будылина были: «пророк и учитель» скопцов, унтер-офицер Семен Ларионов, «злоучитель» Ларион Подкатов, «пророчица и учительница» скопцов Настасья Антоновна, «злоучитель и главный наставник по скопческой секте Иван Богдашев, Тимофей и Ульян Поповы. Константин Неверов, Трофим Зогородников, Катерина Хомнина, монахиня Паисия, иеромонах Феофан, штаб-капитан Борис

Сазонович, мещанин Кононов, «мастера» (т. е. оскопиители) – Копылов, Калмыков, Евфимов и мн. др.

С конца прошлого столетия и даже раньше, скопчество, как секта, существовала во всех губерниях Русской империи. Но особенно много скопцов было в губерниях: Орловской, Тамбовской, Тульской, Рязанской и Московской; на юге – в Таврической губернии и на Кавказе. Об этом можно судить не только по ежегодным всеподданнейшим отчетам обер-прокурора Св. Синода, но и по судебным процессам. Главными распространителями скопчества и «мастерами» в настоящее время, должны быть названы: Николай Федоров, Байбаков и Иван Крупчатников (в Москве); Картавцев, (в Самаре); Михаил Умеренников (в Курске); Иван Уваров (в Туле); Иван Ермаков (в Херсонской губернии); Симеон Терехов (в Мелитополе, Таврической губернии); Панов, Ларион Бекетов и Ожерельев (в Саратове); Панов, Мотов, Дорожкин и Плынин (в Орле); Лисин, Плотицын, Шахов, Ряботягов, Яркин, Булганин, Баздырев (по всему югу России) и др. В последнее время, под влиянием движения, происходящего в Румынии, в России стало пропагандироваться в больших размерах, так называемое, духовное скопчество, или новоскопчество. О нем будет сказано ниже.

Учение скопцов

Как уже было упомянуто, скопчество выделилось из хлыстовства только из-за двух пунктов своего вероучения: 1. Оно учит о необходимости оскопления человека, ради умерщвления плоти и 2. отрицает многократные перевоплощения Христа с верой, что, согласно Своему обетованию о втором пришествии на землю, Христос явился в лице основателя скопчества, именно, Селиванова, или батюшки государя императора Петра III Феодоровича. Все остальные пункты хлыстовского вероучения и нравоучения, скопчество удержало без всяких изменений. Поэтому и здесь будет речь только о двух указанных пунктах лжеучения, составляющих собственность скопчества.

Признавая, что оскопление есть единственное радикальное средство для умерщвления половых похотей, составляющих, будто бы, источник всех других греховных вожделений, скопцы стараются подкрепить свое лжеучение ссылкой на Божественное Откровение ветхого и нового заветов. Уже Адам и Ева – учат скопцы, – были сотворены Богом без половых органов, которые появились у людей лишь после того, как диавол соблазнил Еву вкусить запрещенного плода, а Ева соблазнила Адама; из рая они были изгнаны, будто бы, за то, что удовлетворили свои половые влечения, внушенные им диаволом. Ветхозаветное обрезание, по мнению одних скопцов, есть оскопление, хотя и малое, по мнению других – только прообраз оскопления, тень грядущего. Особенно любят скопцы ссылаться на слова Божии о евнухах у пророка Исаии (Ис. 56:3–5): «*Да не говорит евнух: «вот я сухое дерево». Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего, – тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится*». В пользу своего лжеучения скопцы толкуют и слова премудрого Соломона (Прем. 3:14): «*Блажен и евнух, не сделавший беззакония рукою и не помысливший лукавого*

против Господа, ибо дастся ему особенная благодать веры и приятнейший жребий в храме Господнем». Переходя к Новому Завету, скопцы учат, что и самая цель пришествия Сына Божия на землю состояла в том, чтобы научить людей оскоплению и через то – спасти их. В этом смысле они понимают выражение Спасителя (Лк. 12:49): «*Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*» Сближая с этими словами Христа свое лжеучение, Селиванов в первое время настойчиво требовал, чтобы оскопление было производимо раскаленным докрасна железом, для чего скопцы устраивали даже особые печи (напр., в доме Колесникова, в Москве). Впоследствии, Селиванов сделал уступку в своем требовании и дозволил при оскоплении употреблять острые ножи, бритвы, ножницы, стекло и даже обостренные камни, ссылаясь на слова Спасителя: «не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Иоанн Креститель, по словам скопцов, также учил, что цель пришествия Иисуса Христа на землю состояла в том, чтобы научить людей оскоплению; в этом смысле они понимают и его слова о Спасителе: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. 3:11). Любят скопцы ссылаться и на слова самого Христа; «…есть скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:12). Иисус Христос, будто бы, оскопил Своих учеников (дал им «чистоту», «убелил их») на Тайной Вечери, после чего и сказал им: «вы чисты, но не все»; прибавил Он слово «не все» потому, что не был оскоплен Иуда (Ин. 13:10, 11). Слова евангелиста (Мф. 27:5) об Иуде: «он пошел и удавился» скопцы комментируют так: «он пошел и женился» или, как толкует их скопец Андреянов: «Иуда не удавился на осине, а женился на Аксинье»[111]. Подтверждение своего мнения, что ученики Христовы были оскоплены на Тайной Вечери, скопцы видят и в рассказах евангелиста о том, что в Гефсиманском саду они спали, имея дух бодр, а, плоть немощну, будто бы, «от оскопления»… Наконец, в пользу своего лжеучения скопцы приводят слова ап. Павла: «умертвите земные члены ваши» (Кол. 3:5).

Жестокость, и бесчеловечность самой операции оскопления, сопровождающейся страшными болями, а иногда, оканчивавшейся и смертью оскопляемых[112], вследствие кровоистечения или антонового огня, удерживали многих от скопческой секты и служили препятствием к ее распространению. Поэтому в Румынии, под влиянием Лисина, Волошинова и других, с 1872 года, началось движение, в целях смягчения строгости и бесчеловечности скопческого лжеучения. Признав важное значение за оскоплением в борьбе с плотью, вообще, румынские вожаки скопчества стали учить о, так называемом, духовном оскоплении, каковое движение, собственно, можно назвать поворотом к хлыстовству. В прямом противоречии с первоначальным учением основателя скопчества, они утверждают, что нет нужды непременно принимать оскопление при самом вступлении в секту, что можно принять его, по усмотрению, и после, даже перед смертью, что, следовательно, можно быть членом скопческой секты и без физического оскопления, но оскопив себя духовно, т. е., не допуская себя до осуществления плотских пожеланий, подобно тому, как должны вести себя православные монахи. Таким образом, в новоскопческих обществах нашего времени (их особенно много в Скопинском уезде) есть лица и неоскопленные физически.

Новоскопчество есть, очевидно, не что иное, как отрицание скопчества. Отождествляя скопчество с ветхозаветным обрезанием, Селиванов утверждал, что, как необрезанный не мог быть членом избранного народа израильского, так неоскопленный не может быть членом скопческого общества, нового «избранного народа Божия». Совершенно последовательным путем идет другое, хотя и крайне безотрадное движение среди скопцов, во главе которого с 1897 года стоит крестьянин Уфимской губернии Филипп Лихачев. Не подлежит сомнению факт, что оскопление не умерщвляет половых влечений, но порождает такие противоестественные и безнравственные явления, каких не знает и хлыстовство. Источник греха, по мнению Лихачева, не одни половые органы, а плоть вообще; поэтому и нужно уничтожать самую плоть, а не

отдельные ее члены. Отсюда, Лихачев пришел к заключению о необходимости самоубийства, или убийства тела, ради спасения души, он написал для распространения в народе целую книгу под заглавием «Мое Исповедание». Главные положения его лжеучения состоят в следующем[113]. Человек от рождения подвержен греху; вся земная жизнь его есть один сплошной грех, т. е. преступление против законов Божеских, требующее не только наказания, но, по закону высшей справедливости, и достаточного наказания, каковым за преступление против Бога может быть только смерть. Наказание это человек, как разумное существо, должен сам налагать на себя. Примером для людей должен служить Сын Божий, искупивший грехи мира ничем иным, как Своей крестной смертью, а первым действительным последователем Христа является Иуда, согрешивший против Бога, но раскаявшийся, и наказавший себя повешением, – способ смерти, особенно рекомендуемый последователями этой секты. Все люди, учит даже Лихачев, как родившиеся от блуда, и потому, одинаково грешные и достойные смерти, не должны, как таковые, служить никому, кроме Бога. Всякий почет, оказываемый человеку другими, есть идолопоклонство. Ни один человек, в виду своей греховности и склонности вовлекать в грех себе подобных, не должен иметь над последними никакой власти. Всякий человек должен смотреть на земной мир сей и всю учрежденную власть его, как на царство диавола и начертания его, которое есть, всякого рода, законы и повеления. Лихачевцы отрицают даже родственные связи, как результат греховных побуждений, и собственность, как последствие любостяжания. Ярыми приверженцами этого лжеучения явились многие скопцы, которые были сосланы в Якутскую область, так что последователи Лихачева встречаются не только в Европейской России, но и в Сибири.

Второй отличительный пункт скопческого лжеучения – верование в Селиванова или императора Петра Феодоровича – обосновывается у скопцов такими легендарными рассказами, которые поражают своей нелепостью. О рождении Селиванова, по его словам, и о том, что он принесет в мир «чистоту» и будет

судить все народы, пророки прорекли за сорок лет. Родился он сверхъестественным образом (по одним сведениям – в России, по другим – в Голштинии) от приснодевы, императрицы русской, которая, «разблажившись» от Святого Духа, и помолившись Богу Саваофу, затрубила в золотую трубу, вследствие чего, утроба ее растворилась и на руках ее явилось вознезженное дитя, обладавшее всеми божескими свойствами, ибо в нем воплотился сам Господь Бог Саваоф «и с ручками, и с ножками». После этого, Елисавета Петровна отправилась в Орловскую губернию, где устроила хлыстовский корабль и жила под именем Акулины Ивановны, а престол свой передала одной своей фрейлине, похожей на нее, и приказала ей до смерти именовать себя Елисаветой Петровной. Что же касается сына ее, то он, под именем Петра Феодоровича, достигнув отроческого возраста, «оскопил себя». По принуждению вельмож, он, однако же, должен был жениться на похотливой и развратной француженке, которую в России стали звать Екатериной Алексеевной. Увидев, что Петр Феодорович, взошедший уже на русский престол, не способен удовлетворить ее чувственной половой похотливости, развратная Екатерина решила его умертвить. Зная об этом, в силу своего божественного всеведения, Петр III не восхотел наслаждаться временным житьем, а лучше согласился с народом Божьим страдать. Он оставил свою столицу и отправился в Орловскую губернию, к родной матушке своей государыне Елисавете, свет-Петровне, пресвятой богородице Акулине Ивановне, вместе с которою проживали там и ее верные слуги – знатные вельможи: князь Дашков и граф Чернышев. Здесь он принял на себя подвиг безмолвия, был молчальником, а потом возжелал людям спасения и избавления от «лепости», стал по всей России, и даже в чужих краях, проповедовать «чистоту» и «огненное крещение». За это злые люди его возненавидели и он претерпел от них многие страды, гонения, озлобления, биения, поругания, хуления, оплевания, был судим и влачим, и омерзаем, странствовал сорок лет, и все члены и суставы его были раздроблены, и головушку его горячим сургучом обливали, и в дальние страны отсылали, и всю дорогу палашом удары по

его телу накладали, сто темниц он обошел, и всех своих детушек нашел, – и все это он принял и претерпел ради спасения уверовавших в него, и для утверждения закона Христова и чистоты. Взошедши на престол, внук его, император Александр I, вызвал его к себе, в Петербург, но ненадолго. Злые люди, вельможи и сановники, не стерпя его обличений их «лепости», тайно, помимо воли Государя, схватили его и заточили в Суздальский монастырь. Только второй внук его, Николаша, освободил его из монастырской темницы. Чтобы снова не попасться в руки злых врагов своих, вельмож и сановников, – Петр III ныне проживает в России скрытно от всех, пока не настанет день страшного суда; а этот день настанет тогда, когда, число скопцов будет равняться 144000. Страшный суд император Петр Феодорович будет производить или в Петербурге, или в Москве; во всяком случае, призыв к суду он сделает, зазвонив сначала в московский царь-колокол, а потом уже затрубит и в свои 12 труб. Небесного блаженства скопцы не знают; о воскрешении мертвых они не говорят; а потому, и блаженство изображают чертами одного земного наслаждения; сады, цветы, песни и радения, палаты хрустальные, ризы золотые, – вот что предносится их болезненному воображению. Сам судья император Петр Феодорович, устроив царство скопцов, после страшного суда умрет естественною смертью; тело его будет нетленным и будет положено в С.-Петербургской Александро-Невской лавре в раку благоверного князя Александра Невского, которая для него и предназначена; а божество его вознесется в седьмое небо и навсегда уже воссоединится с Богом Саваофом, «богородицей» Акулиной Ивановной и «предтечей» Александром Ивановичем Шиловым[114].

Чтобы веровать, что в лице Селиванова явился Христос, для того, чтобы произвести страшный суд над людьми, для этого, очевидно, нужно было доказать существование всех признаков второго пришествия. По учению слова Божия, раньше страшного суда должен явиться в мир антихрист. И скопцы уверяют, что антихрист уже явился на земле. Это – Наполеон. По их заверению, Наполеон «родился от блудницы, русской

императрицы Екатерины Алексеевны[115] и диавола, с которым она находилась в плотском сношении. Наполеон, так же, не умер; он проживает скрытно в Турции; но Петр Феодорович его скоро покорит под ноги свои, «оскопит» его и в будущем царстве скопцов поставит главным военачальником над своими многочисленными правоверными войсками.

Слово Божие говорит, что во второе и славное пришествие Свое, Сын Божий явится на облаках небесных с силою и славою многою (Мф. 24:30). Скопцы утверждают, что на Селиванове исполнилось и это пророчество; только по их мнению, под облаками нужно разуметь здесь не тучи, пары или дым, а то, что разумел ап. Павел, когда говорил об «облаке *свидетелей*» (Евр. 12:1). У Селиванова свидетелей было множество.

По учению слова Божия, раньше пришествия Христа должен прийти Илия. Таким Илиею скопцы считают своего лжепророка Александра Ивановича Шилова.

Под «знамением Сына человеческого» скопцы разумеют те страдания, которые претерпел Селиванов.

Слова евангелиста об Иисусе Христе: «и пошлет ангелов Своих с трубою громогласною» скопцы относят к распространителям скопческого лжеучения, которых во множестве, по всей России рассылал Селиванов.

Тем не менее, доводы эти оказываются настолько неубедительными, что многие даже из скопцов перестали верить в Селиванова, как единственного «христа», имеющего произвести последний суд миру.

На этом основании, они отделились от староскопчества и основали, как сказано уже, особую секту, известную под именем «новоскопчества», с хлыстовским учением о многократных воплощениях Христа.

Свое общее догматическое учение новоскопцы (Лисин, Волошилин и др.) представляют в следующем виде[116]. «Бог есть дух, свет, сила, всеведение, и всемогущество бесконечное, невидимое и непостижимое не только человеком, но и ангелами. Он троичен, но не в лицах, а в силах. Сын Божий и Св. Дух суть две силы Божии, действующие, по исполнению всех судеб и велений Божиих, на всем пространстве

существования и владычества Божьего. Будучи невидимым и непостижимым, Бог открывается в мире и человеке или как божественное слово, или как божественный дух. Это откровение. Божество необходимо, с одной стороны, для поддержания мира, с другой – для спасения человека. Бог существовал от вечности, окруженный бесплотными духами. Но последние возгордились и обнаружили неверие в Сына Божия и Троицу святую. За это Бог низринул их в бездну («неисповедимую пропасть»). Там, в муках, некоторые из них покаялись, – и ради них, Бог создал этот видимый мир и первого человека – Адама с эфирным телом и с неограниченной способностью производить подобные себе эфирные тела. Эти тела были предназначены для жилища падших духов, дабы они, загладив свой грех, могли потом чистыми войти в рай. Адам, пожелав иметь жену, оскорбил этим Бога, и через то потерял способность производить эфирные тела. Затем, один из падших ангелов (Денница) явился во сне Еве и соблазнил ее вкусить запрещенного плода. Ева соблазнила Адама, и через то произвела порчу человеческой природы: эфирное скрылось внутрь, а вместо него образовалось плотское тело с греховными органами и похотью; первое удовлетворение ее – и есть запрещенный плод». Души людей, таким образом, суть не что иное, как падшие духи, которые могут очиститься теперь только путем перевоплощений. Явившись на землю, Сын Божий принял в себя душу Адама, которая, переходя из Еноха в Ноя, из Ноя – в Авраама и т. д., достигла, наконец, такого чисто-непорочного состояния, что стала достойной божества. Своими страданиями, смертью и воскресением, Сын Божий даровал верующим в Него оправдание от греха и возможность райского блаженства. Впрочем, для усвоения его заслуг, каждый верующий в Него должен таинственно умереть с Ним, отрекшись от своей воли и от себя самого; затем, каждый должен принять оскопление, которое заповедано Христом; только после этого он может получить и благодать Духа Святого, содействующему ему в исполнении его нравственных обязанностей. К сожалению, люди долгое время не следовали учению воплотившегося Сына Божия, поэтому-то и

потребовалось новое появление искупителя, каковым был Селиванов, или император Петр Феодорович. По своему божеству, он был равен Сыну Божию, воплотившемуся, первоначально, в Палестине. Он преподал истинное учение о достижении спасения. Но люди опять скоро забыли и это учение. Тогда Бог в третий раз послал Своего Сына на землю, в лице Кузьмы Федосеева. Но это было воплощение, так же, не последнее; может явиться еще четвертый искупитель и т. д.

Таким образом, в России существует в настоящее время два вида скопчества: староскопчество и новоскопчество.

Отличительные особенности скопцов

Скопца легче узнать по внешности, чем хлыста. Оскопленные в малолетстве, скопцы на всю жизнь сохраняют дискантовый голос; никогда не имеют волос ни на бороде, ни на усах; а оскопленные в зрелом возрасте, постепенно теряют их: цвет лица у них матовый, всегда бледно-желтый, безжизненный, сходный с цветом сырого картофеля, морщинистый и старообразный, без румянца и блеска. Их организм всегда склонен к ожирению и рыхлости, обладает обилием подкожного жира, и мышечной ткани, с большим животом и мягким, водянистым телом. Скопец в своих действиях и даже походке неуклюж, неповоротлив, тяжел; живости и энергии у него не замечается; глаза его не имеют блеска, быстроты движения и почти всегда полузакрыты.

В нравственном отношении скопцы небезупречны, ибо их отличительными свойствами служат: грубый эгоизм, жажда к деньгам, замкнутость, хитрость, лукавство, лицемерие, коварство, отсутствие всяких благородных стремлений, сознания долга, теплого участия к общественной жизни.

В жилище скопца всегда соблюдаются особая чистота и опрятность. В переднем углу, обыкновенно, помещается много икон. Особенно любимые скопцами это – изображения свв. девственников и девственниц, Иоанна Предтечи – чаще всего – в виде отрока, обнимающего агнца, Варвары Великомученицы, Иоанна Богослова, Николая Чудотворца. Покрова Пресвятые Богородицы, Георгия Победоносца на белом коне, Архистратига Михаила, Христа Спасителя, Божией Матери с отверстым сердцем, Господа Вседержителя в виде всевидящего ока, с парящими окрест ангелами, внизу – Адам и Ева, рукоплещущие и др.[117]

На столе и подоконниках у скопцов стоят искусственные цветы и вазы, наполненные искусственными фруктами с разных деревьев: груши, сливы, лимоны, апельсины и т. п., как наглядное напоминание о рае и его блаженствах. На стенах, смежно с иконами, висят портреты: Петра III, Селиванова,

Шилова, Громова, Акулины Ивановны и др. лиц, оказавших скопчеству услуги. Петр III изображается почти всегда во весь рост (редко, до колен), с бледным лицом, без усов и бороды, с седыми (?) волосами на голове, в вицмундире, при голубой ленте на груди, стоящим близ стола, на котором лежит царская корона. Селиванов рисуется в голубом халате с черной соболиной опушкой, с повязанным на шее белым платком, сидящим в кресле с правой рукой, положенной на красный, об одной ножке, стол. Шилов представляется держащим в правой руке белый платок с голубыми, пополам с красными, цветочками, а близ него рисуется корзина с веткой винограда и с двумя персиками.

Скопцы очень любят сниматься на фотографических карточках, а потому, часто в их домах на стенах висят фотографические группы различных единоверцев – иногда, человек до 30-ти, из которых многие держат в пуках или белые платки, или книжки. Это – очевидно, скопческие «учители».

В одежде скопцов господствует простота (в противоположность хлыстам); даже женщины и девицы их не любят франтить и рядиться. Ни белил, ни румян они не употребляют. Ярких цветов в своих костюмах избегают, предпочитают им цветы белые, темные и синие, или же пестрые с красными крапинками по белому или темному фону. Головы они покрывают белыми или темными платками, но так, что закрывают весь лоб, до глаз. Мужчины, большей частью, носят костюмы крапчатого цвета.

Скопцы ведут жизнь весьма замкнутую и потому слывут нелюдимыми. Кроме своих радений и, иногда, церкви, они нигде не бывают, даже у родных, ни в каких увеселениях не принимают участия; не ходят ни на свадьбы, ни на крестины, нн на именины; слывут трезвыми и воздержными. К общественной жизни относятся крайне безучастно: даже на сельских и волостных сходах их никогда не бывает. Замкнувшись в себя, не надеясь иметь детей – опоры в старости, – они становятся слишком жадными к наживе и корыстолюбивыми. По этой причине, они с любовью занимаются ростовщичеством; этим же объясняется их трудолюбие, равно, как и их богатства. Но эти

богатства скопляются в их руках всегда во вред тому населению, среди которого они живут. В этом отношении с ними могут конкурировать только евреи, да хлысты.

Проповедью об оскоплении, т. е., уничтожением самой возможности деторождения, скопцы, естественно, подписали смертный приговор своей секте. За отсутствием естественного прироста через новые поколения, секта должна была бы исчезнуть сама собою. Отсюда, пропаганда и совращение в секту иноверцев, у скопцов явились единственным средством, как для поддержания секты, так и для умножения ее последователей. По учению скопческих главарей, каждый, принимаемый в общество скопцов, должен дать торжественное клятвенное обещание совращать других и тот, кто приобретает десять последователей, считается святым, хотя бы он даже не молился Богу. Алексей Громов получил от Селиванова звание «первого апостола» и имя «великого князя Константина Павловича» за то, что оскопил 13 прозелитов. Если к этому прибавить, что, по верованию скопцов, время наступления для них райского блаженства зависит исключительно от того, когда число их единоверцев достигнет 144000 человек, то будет совершенно понятным, отчего стремление к совращению и интерес к пропаганде нигде, ни у одних сектантов, не отличаются такой напряженностью, как, именно, у скопцов. Скупой, скаредный, жадный к наживе, отказывающийся подать копейку нищему, скопец готов отдать все свое состояние на дело пропаганды.

Первоначально, Селиванов мечтал даже дать коммунистическое устройство скопческим кораблям. Принимавшие оскопление, должны были отдавать в общину все свое имущество. Но это продолжилось недолго. Тем не менее, общественный капитал для пропаганды у скопцов всегда был чрезвычайно велик. Скопцам нужны были деньги не только на содержание своих «учителей» – миссионеров и «мастеров» – операторов, но и на подкупы чиновников, чтобы избежать их преследований и суда. Один раз было обнаружено, что скопцы подкупили всю Саратовскую администрацию. Но кроме местных чиновников у них всегда были на подкупе и столичные. Часто

при обыске у скопцов находили десятки тысяч рублей, принадлежащие не частным лицам, а общине.

Ради пропаганды своего учения, скопцы не задумывались ни над чем; в этом отношении они считают дозволенными все средства, как бы они ни были безнравственны и предосудительны. Впрочем, насколько можно судить по многочисленным судебным процессам, скопцы практиковали следующие способы распространения своей «веры». Первое место нужно, конечно, отвести простому изложению скопческого учения и примеру внешнего благочестия. Этот способ рекомендовал и сам Селиванов. Отправляя в Костромскую губернию для распространения скопчества своего «первого апостола» Громова, он говорил ему: «Алексее, сыне! Я, отец, посылаю тебя на целую губернию, и, если ты встретишься дорогою с человеком, то и подай ему словечко, а он тебе, может быть, поверит, и так, рыбка по рыбке, будет у тебя полон невод». В другой раз, он говорил уже нескольким своим миссионерам: «детушки! вы не только словами, но и образом жизни людишкам показывайте примеры». К сожалению, страсть к пропаганде у скопцов настолько сильна, что одной проповедью и примером своей жизни они не могли ограничиться. Деньгам и подкупу они приписывали, и ныне приписывают, большое значение. Много было дано показаний в суде, под присягой, о том, что скопцы совращали православных подкупом, особенно, бедных и нуждающихся. При условии поступления в секту, оии выкупали крепостных крестьян у помещиков, уплачивая, иногда, за каждого до 2000 рублей, за деньги оскопляли солдат николаевского времени, ссыльнокаторжных, бродяг и т. п. Часто скопцы брали у бедных родителей детей «на воспитание». Нередко пользовались даже насилием, напр., втягивая нуждающегося в неоплатные долги, которые они обещали простить под условием оскопления. Родители побоями принуждали детей к оскоплению. Хозяева и владельцы фабрик в интересах пропаганды оказывали давление на подчиненных. Но бывало много случаев и самого грубого насилия. Более двадцати фактов такого рода приводит Пеликан[118]. Здесь достаточно отметить факт насилия,

употребленный 15 ноября 1907 года в Николаеве, в доме скопчихи Евфросньи Гуриной. Местные скопцы завлекли к ней крестьянина села Чернобай, Золотоношского уезда, Полтавской губернии, Григория Иванова Коваленко, и убеждали его поступить в их секту. Коваленко решительно отказался и скопцы, по-видимому, не настаивали на своем предложении. Затем подали ему стакан чаю, выпив который, он потерял сознание, а, проснувшись в три часа утра, нашел себя оскопленным[119].

Прежде у скопцов были особые лица – «мастера», которые производили оскопление. Теперь оскопление, благодаря услуге некоторых медиков, признается делом незамысловатым и его производит заурядные лица – как мужчины, так и женщины. Кладут оскопляемого на доску лицом ниц; берут в руки долото и топор, и одним взмахом оканчивают роковую операцию. Существует, собственно, два вида оскопления: 1) не полное, известное под именем «малой печати», «первой чистоты», «первого убеления», «первой печати», «ангельского чина» и т. п. Принять это оскопление, по выражению скопцов, значит, «сесть на пегого коня». Оно состоит в отрезании у мужчины testiculorum с частью scroti (по терминологии скопцов – «удесных близнят» или «ключа бездны»), 2) полное оскопление – «царская печать», «вторая чистота», «второе убеление», «архангельский чин»; принять его – на языке скопцов значит «сесть на белого коня». Этот вид оскопления у скопцов появился только в 1816 году и, так называемые, «старые» или «чистые» скопцы не признают его, называя его нововведением, «замосковною выдумкою». Он состоит в уничтожении даже и самого «ключа бездны». Что же касается женщин, то первый вид состоит в повреждении uteri и в отнятии clitoris, а второй – в вырезании грудей до кости. Кроме того, в последнее время, благодаря медицинской науке, появилось еще несколько видов оскопления, при которых, не теряя самых органов, оскопленные лишаются способности плодотворения, таковы: перевертыши, куткинцы, крученики и т. п.

Кроме оскопления, сектанты еще выжигают огнем, раскаленным железом, кипящей серой или кислотой различные

раны на своем теле – на груди, на руках н ногах, на спине или под мышками, веруя, что они совершают над собою огненное крещение. Обычай этот вошел в употребление с тех пор, как Селиванов разрешил производить оскопление не раскаленным железом, а острыми инструментами. Прежде оскопление было совершаемо в виде культового обряда, во время радений, в присутствии всей общины. Перед операцией оскопляемый несколько дней постился, а в момент оскопления должен был говорить: «Христос воскресе!» Теперь это дело совершается просто и где угодно: и в доме, и в сарае, и в лесу или в поле. Прежде оскопление представляло большие опасности, теперь скопцы оперируют, как опытные хирурги, и умеют пользоваться не только бинтами и мешочками, но и различными медикаментами, в виде пластырей, мазей, спусков, медного купороса; таких потребных или врачебных веществ у них до 65 названий. Раны затягиваются в течение 4–6 недель; а опасение за возможность смерти исчезает после 12 дней. В последнее время, оскопление производится даже электричеством.

Требовал ли Селиванов оскопления женщин, – трудно сказать: факт такого оскопления обнаружен только в 1820 году. Но представители судебной медицины не раз давали заключение, что оскопление не лишает женщину способности деторождения и было несколько трагических случаев, вроде, напр., того, что скопчиха, родив дитя, не имела возможности вскормить его своей грудью. Иногда скопцы, для сокрытия своей принадлежности к секте, вступают в брак с неоскопленными девицами. Положение последних, конечно, оказывается тяжелым и, если их не принудят родители мужа оскопиться, они бросаются в разврат; муж знает о поведении жены, мучит н терзает ее, но детей, рожденных ею от сожития с посторонними лицами, признает своими: тем более, что рождение детей его женою, еще более маскирует его скопчество.

Что касается религиозного культа скопцов, то он совершенно ничем не отличается от хлыстовского и состоит, главным образом, из таких же радений, какие, обыкновенно, бывают у хлыстов. И особенность скопческого культа в том, что скопцы причащаются сухариками из хлеба, который сначала

был спущен чрез особое отверстие в склеп Шилова в Шлиссельбурге. Рассказы о том, что скопцы причащаются грудью оскопленной девицы, должны быть отнесены, по-видимому, к легендарным измышлениям.

Разбор скопческого лжеучения

Нет нужды, чтобы не повторяться, подвергать здесь критическому разбору те пункты лжеучения, которые одинаково исповедуются как хлыстами, так и скопцами. Рассмотрению должны бы подлежать только те два пункта, которые составляют отличительную особенность скопческого лжеучения. Но и из них не заслуживает внимания верование скопцов, что в лице императора Петра Феодоровича или Селиванова вторично явился на землю Сын Божий для совершения страшного суда, и что император Петр III еще и ныне жив, и где-то в скрытности проживает в России. Если сами скопцы, познакомившись с историей Петра III, отказались (в лице новоскопцов) верить этой чрезвычайно фантастической и слишком неправдоподобной легенде, то, тем более, нет нужды доказывать, ее научную несостоятельность тем лицам, которые по своему умственному развитию, стоят выше скопческих простецов XVIII – XIX веков. Смешным бы показалось и то, если бы кто стал выставлять научные аппараты для доказательства мысли, что Наполеон I не есть апокалипсический антихрист, что он не живет в настоящее время в Турции, а давным-давно умер на острове св. Елены. Таким образом, остается рассмотреть здесь лишь те основания, которые указываются сектантскими апологетами для оправдания оскопления.

1. Рассказ скопцов о том, что Адам и Ева были первоначально созданы бесплотными, с каким-то эфирным телом, что половые органы у них появились лишь впоследствии и что они изгнаны Богом из рая за похотливое сожительство, есть пустая басня, вымысел фантастический, позаимствованный у древних еретиков или из верований таких дикарей, как африканские кафры. В Библии он не только не имеет для себя никакого основания, а лишь встречает решительное опровержение: ибо, по свидетельству бытописателя (Быт. 1:27–28), Бог, тотчас по сотворении прародителей, «благословил их и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю». И в другом месте (Быт. 2:24): «потому оставит человек отца своего

и мать свою, и прилепится к жене своей: и будут два одна плоть».

2. Ссылаться на установление обрезания крайней *плоти* в ветхом завете скопцы не имеют никакого права, потому что ветхозаветное обрезание было только знамение союза, но не имело своей целью уничтожения у евреев способности к деторождению. Деторождение, по верованию евреев, было доказательством любви Божией к людям, вследствие чего, наоборот, неимение детей для еврейских супругов – считалось великим позором и было предметом поношения: думали, что такие супруги – люди нечестивые, явно лишенные благодати Божией. Ни один народ древности не был так далек от мысли об оскоплении с целью прекратить деторождение, как евреи. Они жили надеждою «умножиться, как песок морской, как звезды небесные». У них был даже «закон ужичества» для восстановления потомства брату, умершему бездетным. Неисполнитель этого закона предавался позорному наказанию: вдова плевала ему публично в лицо и говорила: «так поступают с человеком, который не создает дома брату своему». И такой человек признавался навсегда опозоренным среди еврейского народа (Втор. 25:5–10). Большим преступлением считалось у евреев даже одно покушение на оскопление: «Когда дерутся между собою мужчины, и жена одного [из них] подойдет, чтобы отнять мужа своего из рук бьющего его, и протянув руку свою, схватит его за срамный уд (по-славянски точнее: «за ятра его»), то отсеки руку ее» (Втор. 25:11–12). Скопцы, по библейскому учению, были люди постыдные, которых исключали из числа членов избранного народа Божия: «У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне» (Вт. 23:1).

3. Несколько больше затруднений для понимания представляют библейские изречения о евнухах, на которые ссылаются апостолы скопчества. Исаия, как уже показано, приводит слова Господа: «Да не говорит евнух: «вот я сухое дерево». Ибо Господь так говорит о евнухах: которые хранят мои субботы и избирают угодное Мне и крепко держатся завета Моего, – тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место».

Прежде всего, заметим, что в приведенных словах речь идет только о евнухах, но в них нет повеления Божия людям – оскоплять себя. Что говорит Господь о евнухах? Нечто иное, чем практиковалось у евреев. В талмуде приводится рассуждение одного, жившего задолго до составления талмуда, авторитетного раввина Ионафана. Ему был поставлен вопрос: можно ли языческим евнухам вступать в число членов избранного Богом еврейского народа? Принимая во внимание, что над евнухом нельзя совершить обрезания, а без этого, по закону Моисея, никто не может быть членом избранного народа, а с другой стороны, что евнухи, как нечистые, не удерживавшие урины, не могли быть допущены в храм для молитвы и жертвоприношений, Ионафан отвечает на поставленный ему вопрос отрицательно. Теперь обратим внимание на то, что Исаия произносит свое пророчество в то время, когда еврейский народ был в плену Вавилонском. У халдеев, персов, египтян и эфиоплян евнушество уже было в большом распространении. Исаия предсказал еще царю Езекии: «Из сынов твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, возьмут, и будут они евнухами во дворце царя Вавилонского» (4Цар. 20:18; срав. Ис. 39:7). И, как подтверждает Даниил (Дан. 1:3–4), пророчество Исаии сбылось во всей точности: по повелению Навуходоносора, начальник евнухов Асфеназ набирал штат придворных евнухов из сынов Израилевых, из роду царского и княжеского, отроков, у которых не было никакого телесного недостатка, красивых видом и т. д. В каком тяжелом положении находились эти молодые люди! Насильственно оскопленные, они, однако же, знали, что, как скопцы, они, тем самым, по закону Моисея, были исключены «из общества Господня». И вот, Господь, в утешение им, а, вместе с ними, и всем языческим евнухам говорит, что настанет время, когда Он даст им место в доме Своем и в стенах Своих, но не за то, что они оскоплены другими или сами себя оскопили, а за то, что они избирают угодное Ему и крепко держатся завета Его. Что речь идет о евнухах вообще, показывает самый контекст: «Да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от своего народа», и да не

говорит евнух: «вот сухое дерево» и т. д., а затем речь опять о присоединившихся к Господу иноплеменниках.

4. Все сказанное, само собой, разумеется, относится и к изречению Соломона, ибо и Соломон уверяет, что Бог даст благодать и жребий в храме Господнем только евнуху, не сделавшему беззакония рукою, и не помыслившему лукавого против Господа, но нет ни малейшего намека на то, что Господу угодно оскопление людей.

5. Что скопцы неосновательно отождествляют оскопление с тем огненным крещением, о котором говорил Предтеча Христов, это доказывается даже их собственным поведением: они еще огнем или раскаленным железом выжигают себе раны на теле, что и называют, собственно, «огненным крещением».

6. Для утверждения, будто бы, Иоанн Креститель оскопил Иисуса Христа, в евангелии нет ни малейшего основания. Евангелисты повествуют только о том, что Иоанн крестил Его в водах Иордана.

7. Скопцы уверяют, будто бы, Христос приходил на землю для того только, чтобы научить людей оскоплению. Эта мысль не заслуживает даже опровержения. В евангелиях нет на нее и намека. Можно, впрочем, указать на тот факт, что, когда один законник спросил Иисуса Христа: «что мне делать, чтобы спастись»? – Он не сказал ему: «оскопись», а сказал: «Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюдай заповеди» и, именно, заповеди, данные Богом через Моисея. (Мф. 19:16–19). Замечательно, что это было сказано Спасителем тотчас после Его речи о скопцах (ст. 12).

8. Слова Спасителя: «Огонь пришел Я низвести на землю» (Лк. 12:49), не заключают в себе повеления оскоплять людей долотом или бритвою. Их смысл Он разъясняет в Своей последующей речи (ст. 50–53): «отныне пятеро в одном доме будут разделяться… Отец будет против сына» и т. д.

9. Более серьезного внимания заслуживает ссылка скопцов на слова Спасителя у Матфея (Мф. 19:12): «Есть скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного». Что Церковь

Христова никогда не понимала этих слов Спасителя в смысле заповеди – совершай оскопления верующих, – доказать нетрудно. 21-е правило свв. Апостолов гласит: «Скопец, аще от человеческого насилия, или в гонении таковым сделан, или так рожден, и аще достоин, да будет епископ. Сам же себя оскопивший да не будет принят в клир: самоубийца бо есть и враг Божия создания»[120]. Ориген и Антиохийский епископ Леонтий, оскопивши себя, за то были лишены своих санов, первый – пресвитерского, второй – епископского. Приведенные слова Спасителя, Церковь всегда понимала в смысле добровольного обета девства или воздержания от супружеской жизни. Вот как изъясняет, напр., Златоуст эти слова: «*Когда Он (т. е. Христос) говорит:* скопиша себе, *то под сим не разумеет отсечения членов, – да не будет сего! – но истребление злых помыслов, ибо, отсекший член, подвергается проклятию. И весьма справедливо. Ибо таковый поступает подобно человекоубийцам, содействует тем, которые унижают творение Божие; отверзает уста манихеев и преступает закон, подобно тем из язычников, кои отрезывают члены. Ибо отсекать члены первоначально было дело диавольское и злоухищрение сатаны, чтобы чрез сие исказить создание Божие, чтобы нанести вред человеку, созданному Богом, и чтобы многие, вменяя все не произволу, но самим членам, безбоязненно грешили, сознавая себя невинными, и, таким образом, сугубый причинили себе вред, как отсечением членов, так и противопоставлением препятствий воле делать добро*». «*Оскопляющие себя ради царствия Божия,* – говорит также и блаженный Феофилакт, – *суть не те, которые отрезывают у себя члены, ибо это преступно, но те, которые воздерживаются. Оскопляющий сам себя есть тот, кто не по чужому, а по собственному расположению, добровольно, решился на подвиг целомудрия*».

Спаситель не мог одобрять физического скопчества уже потому, что оно было строго осуждено Богом в ветхом завете, по закону Моисея (Втор. 23:1), а Он йоты одной, даже черты одной не нарушил в законе, и никому Он не позволял думать, что Он

пришел нарушить закон и пророков, ибо не нарушить пришел Он, но исполнить (Мф. 5:17–18).

Не понимали слов Спасителя в смысле одобрения физического оскопления, вопреки закону Моисея, и современники Иисуса Христа, ибо евреям тогда, не было бы нужды выдумывать обвинения для осуждения Его, а достаточно было бы указать только на один этот факт, которого достаточно было бы для того, чтобы представить Его разрушителем Моисеева закона, за что полагалась смертная казнь.

Буквально поняли слова Христа и, притом, именно в смысле одобрения физического оскопления, только одни скопцы, которые во всякое другое время любят находить в Св. Писании лишь одни иносказания, аллегории и образы, и которые на миссионерских собеседованиях постоянно повторяют изречение Апостола Павла: «буква убивает, а дух животворит» (2Кор. 3:6). Здесь же, именно буква-то и убивает, в собственном смысле, ибо через нее скопцы исказили весь дух христианского учения. На это им прекрасно указали даже хлысты, говоря: «Нетрудно бороться с умерщвленным врагом; нет, ты поборись с живым», или: «Что за победа над врагом, когда враг умерщвлен? – тут нет Божьего дела, – одно только малодушие!» К сказанному нужно прибавить, что и умерщвленного врага тут нет, ибо с уничтожением половых органов, как уже сказано, половые похоти ничуть не умерщвляются; они остаются, и еще хуже терзают душу скопца. На это указывал еще премудрый сын Сирахов, когда говорил (Сир. 30:21), как мучается и страдает евнух, когда, «смотря глазами и стеная, он обнимает девицу и вздыхает».

У того же самого евангелиста Матфея (5:29–30), который сохранил рассматриваемые слова Спасителя, приводятся советы, выраженные в категорической форме: вырви соблазняющий глаз, отсеки соблазняющую руку; однако же, скопцы ни рук не отсекают, ни глаз не вырывают!

Спаситель не только не одобрял физического оскопления, но даже не дал Своим последователям обязательной для них заповеди о девстве, «почему и Апостол Павел, советуя, от себя, христианам девство, как представляющее большее удобство,

для достижения спасения, чем супружество, счел нужным оговориться: «относительно девства, я не имею повеления Господня, а даю совет» (1Кор. 7:25).

Как же, однако, нужно понимать изречение Спасителя о скопцах (Мф. 19:12)? Его можно правильно понять только в связи речи, а не вырывая его из нее. Сначала Спаситель говорит о нерасторжимости брака, как установления Божественного, и, как бы, в осуждение уже тогда допускавшейся у евреев легкости развода (ст. 3–9). Ученики заметили на это: «если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться». В ответ на это, Христос говорит: «не все вмещают слово это, но кому дано» (ст. 10–11), т. е. Он, как бы, так сказал: «да, не жениться лучше, но не все могут исполнить ваш совет, а только некоторые, кому это дано». Кто же эти некоторые? Христос указывает три вида таких людей (а не один, как это делают скопцы): «есть скопцы, которые из чрева матернего родились так», т. е., есть люди, которые по природе не способны к брачной жизни: «и есть скопцы, которые оскоплены от людей», т. е., по совету людей, по житейским соображениям решили не вступать в брак, напр., ради поддержания осиротелого семейства своего отца, ради воспитания братьев и сестер, ради научных занятий или ради служения обществу; «и есть скопцы, которые сами сделали себя скопцами для Царства Небесного», т. е., есть люди, которые сами, добровольно или по обету, решили не вступать в брак, чтобы жить для Христа, для борьбы со своими страстями и похотями, в целях нравственного самоусовершенствования, – то же, чему учит и Апостол Павел: «не женатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском» (1Кор. 7:32–33; срав. ст. 7 и 8). Свою речь Спаситель закончил словами: «Кто может вместить, да вместит», т. е., тем же, что Он высказал по поводу замечания учеников о преимуществе добровольного воздержания от супружеской жизни перед браком, и этим Он ясно дал понять, что в этом, именно, смысле Он говорил о скопцах.

10. Что Иисус Христос на Тайной Вечери не оскоплял Своих учеников, а только умыл их ноги, этого нет нужды доказывать.

11. Ап. Павел пишет Колосянам (Кол. 3:5): умертвите земные члены ваши; но он не говорит «отрежьте» или «уничтожьте», а только «умертвите»; 2) он не указывает определенно, какие члены нужно умертвить – руку или глаз, а, чтобы его правильно поняли читатели, он тотчас же прибавляет: «блуд, нечистоту, похоть и любостяжание». Ясно, что в словах Апостола Павла скопцы не найдут оправдания для своего учения об оскоплении

12. Наконец, напрасно скопцы ссылаются и на историю Церкви. Сказано уже, как строго Церковь Христова осудила скопчество, которое немногими клириками было допущено, по подражанию язычникам. Но то же говорит она и о мирянах. «Мирянин, оскопивший самого себя, на три года да будет отлучен от таинств. Ибо он враг жизни» (прав. св. Ап. 24). Скопческих монастырей, о которых говорят апологеты скопчества, в Церкви Христовой никогда не бывало. В России было два митрополита-скопца: Иоанн II и Ефрем, и три епископа: Мануил Смоленский, Феодор Владимиро-Волынский и Феодосий Луцкий. Но 1) они не были сектантами, а 2) неизвестно, почему летописец называет их скопцами. Несомненно только одно, что, если бы они сами себя оскопили, то они не были бы епископами; а, если бы они оскопили себя уже в епископском сане, то они были бы низвергнуты. Таковы требования апостольских правил (23).

Б. Секты рационалистические

1. Духоборчество[121]

История секты

У духоборов существует предание, будто их секта ведет свое начало от трех вавилонских отроков – Анании, Азария и Мисаила. Понимаемое в собственном смысле это предание, очевидно, должно быть названо пустой басней. Но, так как духоборы, подобно хлыстам и шалопутам, любят выражать свои мысли иносказательно, то некоторые ученые (напр., Новицкий) готовы в этом смысле понимать и духоборческое предание: они думают, что духоборы ставят свои верования в генетическую зависимость от лжеучения трех известных в древней Руси еретиков: Квирина Кульмана, Матвея Башкина и Дмитрия Тверитинова. Такому толкованию духоборческого предания нельзя отказать в некотором остроумии. Но у нас нет твердого основания считать его вполне соответствующим исторической правде.

В XVI веке, благодаря сношениям русских купцов с немецкими (ганзейский союз), через Псков, Новгород и Москву в Россию вторгались протестантские идеи. Один протестантский миссионер, как известно, хотел совратить в лютеранство даже Иоанна Грозного. Эти-то протестантские идеи легли в основу всех рационалистических сект в России, а в том числе, и духоборчества. Интересен, однако же, факт: русские люди никогда не усвояли учения Лютера во всей его полноте, а усвояли его лишь отчасти, под известным углом зрения; при этом, они отдавали предпочтение не лютеранству, в собственном смысле, а его разновидностям: баптизму, квакерству и т. п.

Духоборчество, возникшее, несомненно, на почве протестантизма, восприняло, в то же время, в себя множество и других религиозных элементов: в нем вы найдете ясные следы квакерства, хлыстовства, лжеучений Башкина, Нордермана, Тверитинова, Кульмана, Феодосия Косого, мистицизма Еккартсгаузена, кальвинизма, анабаптизма, социнианства, грубого западноевропейского материализма XVII века и даже франк-массонства. В самое же последнее время на нем

отразилось влияние и социалистического учения графа Л. Н. Толстого.

Уже один этот состав духоборческого лжеучения свидетельствует о том, что оно не могло быть делом одного виновника и что оно сложилось не сразу. Этим объясняется и то обстоятельство, что мы не имеем в своем распоряжении данных для определения начала происхождения духоборчества. Несомненно, что основные верования духоборчества долгое время в разъединенном виде были распространяемы в Великороссии, оттуда занесены выходцами (по большому московскому тракту) и в Малороссию, где уже получили определенную форму сектантского лжеучения.

Долгое время эти сектанты не имели даже своего названия. Их называли «раскольниками», «иконоборцами», «последователями квакерской секты», «молоканами», «фармазонами», «абрагамитами», «богемскими деистами», «гернгутерами» и т. д. Духоборцами их обозвал в первый раз екатеринославский архиепископ Амвросий. Духоборцы ничего не имели против этого названия, понимая его по своему, но охотнее называли себя духоборцами, сынами Божиими, истинными, или духовными, христианами, а в последнее время даже стали именовать себя «постниками», «белыми», «христианами всемирного братства». В 1801 году 9-го декабря Император Александр 1 писал военному херсонскому губернатору: «наименование мелитопольских поселенцев духоборцами неприлично: повелеваю Я впредь именовать их просто «поселенцами мелитопольскими». Духоборцы запротестовали против этого Высочайшего повеления и поручили своим поверенным – Гончарову и Сорокину – исходатайствовать им возвращение прежнего названия «духоборцы». В ответ на это ходатайство Государь повелел «объявить поверенным, что мелитопольским поселенцам не запрещается самих себя именовать и духоборцами». Духоборцы остались недовольны и этим повелением, и в 1817 году снова подали Государю прошение, в котором заявили, «что не желают они переменять своего духоборческого звания, а утверждают единогласно, что, если переменено будет их духоборческое

звание, то готовы все, не жалея детей своих и нажитого своего имения, за сохранение духоборческого звания пролить кровь свою, как и прежде проливали, до освобождения своего». Этот задорный тон зазнавшихся сектантов не смутил, однако же, ни гуманного Императора, ни его министра внутренних дел, известного масона Козодавлева. Комитет министров постановил (15 мая 1817 г.): «внушить поверенным от мелитопольских поселенцев, что они сами, между собою, могут именовать себя духоборцами, но не осмеливались бы требовать, чтобы и правительство именовало их так». Не успели министры подписать этого постановления, как последовало Высочайшее повеление: «Не входя в особые изъяснения, объявить только означенным поверенным, что мелитопольским поселенцам не запрещается самим себя именовать духоборцами». После этого, – можно только удивляться тому легкомыслию, с каким духоборы в последнее время изменили свое название, за которое их предки готовы были кровь свою пролить, не жалея детей своих и нажитого своего состояния…

Главным местом распространения духоборчества, как секты, была Харьковская губерния. Известный Павел Сумароков, описывая свое путешествие в Крым в 1803 году[122], вот что рассказывает о происхождении духоборчества: «*Оставляя Белгород, я продолжал мой путь к Харькову, не доезжая коего верст 30, имел в виду с правой стороны село Проходы – жилище духоборцев, оных* новоявившихся *отступников от веры. Не лишним будет сообщить здесь полагаемое их происхождение и их правила. По мнению некоторых, эта ересь взяла свое начало лет 60 тому назад (т. е. около 1740 г.)* в Харьковской губернии, в селе Охочем и вот, как о ней повествуют: Пришел туда один престарелый иностранец, называвшийся отставным унтер-офицером, который, начав с осторожностью разглашать новые правила, собирал по вечерам поселян и толковал им свое учение. В продолжение некоторого времени, он преподавал им советы, помогал, мирил распри, через что приобрел к себе доверенность и любовь от многих. По их просьбе согласился он остаться жить между ними и, меняя свое пребывание по разным

домам, наконец, у них умер. Таким образом, возросла секта, которой отрасли ныне в здешней, Новороссийской, Тамбовской губерниях, равно, как и в селе Чудове, близ Петербурга, *находятся.* Полагают, что тот провозвеститель был квакер, что, хотя подвержено сомнению, но надлежит сказать, что духоборцы имеют много сходственного в уставах и обычаях с квакерскими, особливо же, с гернгутскими правилами». Неизвестно, какие основания имел Лопухин, производивший в 1801 г. ревизию в Харьковской губернии, но он иначе говорит о появлении в ней духоборчества. «В Слободской Украинской губернии, – пишет он Императору Александру I от 12 ноября 1801 года, – в некоторых селениях стало известно учение духоборцев не более 13 лет (значит, около 1788 года). По признанию же изобличенных в оном, в селе Проходах – неизвестно, от какого-то солдата, а в Терновой – от препровождаемого в Сибирь одного из сей секты последователя, здесь называют их «духоборами». Разногласие между Сумароковым и Лопухиным может быть примирено тем, что первый говорит о первоначальном появлении духоборчества в с. Охочем, о чем второй, по-видимому, ничего не знает. Впрочем, Сумароков приводит и другое мнение о происхождении духоборческой секты – менее достоверное. «Другие, – пишет он – утверждают, что появление их (духоборцев) открылось в Тамбовской губернии, где они известны под именем молоканов и что, будто бы, поныне тамошние их проповедники приезжают сюда, для надзирания веры». О религиозных верованиях и культе духоборцев Сумароков не имел точных сведений и потому характеризует их только общими чертами. «Некоторые постановления духоборцев, говорит он, состоят в следующем: они отвергают храмы, всякое поклонение иконам, все обряды принятого богослужения и постов не содержат. Весь закон их основан на ветхом и новом заветах, притом – евангельском и апостольском учении. При начале дня, перед трапезою, после оной и навечерия, они становятся вокруг и, совершая взаимное целование, поют молитву Отче наш, в свободные же часы читают священные книги. Жен своих называют сестрами, отцов

и матерей – старейшими, шляп и шапок почти не снимают, разве из отличного уважения или по необходимости. На делаемые им по вере вопросы, отвечают выбранными из Писания словами и, хотя между ними грамотных весьма мало, однако, не только все мужчины, но и большая часть женщин и младых юношей знают оное наизусть».

Кто бы ни был этот пропагандист духоборчества, бросивший семена рационалистического сектанства в слободе Охочей Змиевского уезда; но не подлежит сомнению, что он распространял свое лжеучение с необычайной хитростью и энергией, вследствие чего, к концу XVIII века духоборчество охватило уже почти всю Харьковскую губернию: оно распространилось по уездам – Валковскому, Богодуховскому, Харьковскому, Волчанскому, Купянскому и Изюмскому, причем, кроме Охочей и Больших Проходов, его очагами были: Славянск, с. Петровская, Старо-Салтов, Верхняя Берека, Торская, Сухарева (Купян. у.), Ковяги, Огульцы, Островерховка, с. Терновая, Хотомля, Краснянка и др. Такому быстрому распространению духоборческого лжеучения в Харьковской губернии, по словам известного ученого профессора Варадинова (стр. 342), много содействовал малороссийский философ Сковорода своими сочинениями, ходившими в рукописях и не понятыми большинством. Этим объясняется и то обстоятельство, что духоборчество было усвояемо в Харьковской губернии не только простонародьем, но и интеллигенцией: помещиками и «людьми офицерского звания». Мнение Варадинова подтверждает и Ф. В. Ливанов (т. 2, стр. 289), хотя он имеет ввиду, более, молокан, чем духоборцев, которых, впрочем, светские писатели смешивают с молоканами. «Есть, говорит Ливанов, сектанты в России, у которых имя Сковороды считается чуть не апостольским, и которые ценят его высокие христианские качества, может быть, более, чем мы. Сектанты эти – молокане. Сковорода всю жизнь свою положил на то, чтобы осуществить в себе идеал строгого христианина, неуклонного исповедника истин библейских и беспощадного карателя суетного человека. И этого было достаточно для того, чтобы молокане узнали его и оценили по своему». По словам

того же Ливанова (т. IV. стр. 367), село Охочее Змиевского уезда Харьковской губернии и в царствование Александра I «по-прежнему было Сионом, откуда выходили проповедники духоборчества. Из таких пропагандистов, в особенности, известен был некто Андрей. Харьковский губернатор писал о нем министру внутренних дел, следующее: «крестьянские дома оглашаются его поучениями, при которых он постоянно уверяет, что все, что говорит, он говорит не от себя, не от своего человеческого смышления, но от Бога, по внушению Божественного Духа, который присущ душе его. Народ, послушав его беседы, возвращается в свои дома с самыми выгодными мнениями для него: все передают и другим, что они слушали человека редкого, необычайного, посланного для научения людей истинному и достойному почитанию Божества; а многие, послушав его, уже не возвращаются в свои дома, а присоединяются к своему учителю. Число его последователей между сельскими классами постоянно возрастает»[123].

Из Харьковской губернии, через Бахмут, духоборчество проникло и в губернию Екатеринославскую, Воронежскую, Тамбовскую и др., а вскоре охватило всю Россию. Кроме указанных губерний, в конце XVIII века духоборы встречались уже в большем или меньшем количестве в губерниях: Петербургской, Московской, Новгородской, Тверской, Архангельской, Пермской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской, Рязанской, Курской, Таврической, Херсонской, на Кавказе, в Азове, Риге, в Финляндии, на о. Эзеле, Коле, Онеге, на Соловецких островах, в Сибири, особенно, в губерниях Тобольской и Иркутской.

Правительство относилось к духоборцам гуманно и снисходительно. Когда Тамбовский гражданский губернатор донес министерству внутренних дел об открывшихся в его губернии духоборцах, ему было объявлено, что правило, принятое правительством относительно заблуждений такого рода, состоит в том, чтобы, не делая насилия совести и не входя в обсуждение внутреннего исповедания веры, не допускать никаких доказательств и отступления от церкви, и строго воспрещать всякий в этом соблазн не в виде ереси, а как

нарушение общего благочиния и порядка. С этой целью предписано было губернатору: 1) снестись с епархиальным архиереем, чтобы в те селения, где есть духоборцы, определялись, предпочтительно, кроткие и благонравные священники, которые бы, не входя с духоборцами ни в какие распри и споры, старались обратить их на путь истинный не состязаниями и принуждениями, а, единственно, кротостью, примером и святостью жизни. 2) Пока духоборцы не обнаружат явного неповиновения установленным властям, до тех пор по единому смыслу их ереси не судить и не обвинять, но, оставляя спокойными во внутреннем их исповедании, воспрещать только явный соблазн, подвергая виновных суду за нарушение общего благочиния. 3) Снестись с духовным начальством, чтобы взаимно избегаемы были, сколько возможно, встречи с таковыми раскольниками, как посещения в их домах, и подобные случаи, могущие подать повод к распре и раздору. Мало этого, правительство освободило духоборцев от присяги, что для того времени было делом большого снисхождения[124]. К сожалению, нужно сказать, что эти гуманные меры правительства не действовали благотворно на духоборцев; а напротив, духоборцы, понимая их как должное, становились все более и более требовательными и упорными.

Быстрым распространением своим, духоборчество было обязано необычайной энергии своих фанатических вожаков, ие брезгавших никакими средствами ради пропаганды духоборческого лжеучения и деспотически управлявших духоборческими общинами, из которых они составили, как бы, особое государство в России с собственной наследственной династией. Во главе Екатеринославских духоборцев стал крестьянин села Никольского, Силуан Колесников (около 1760–1775 г.)[125]. «Житейская опытность его, – говорит проф. Новицкий[126], – а особенно, письменность, – дело редкое в то время у народа простого, – предупредили многих в его пользу; строгий образ его жизни внушал к нему уважение; щедрость и благотворительность его привлекали к нему сердца; природный дар говорить красноречиво и убедительно, сколько это возможно при небольшой степени образования, сообщал

словам его особенную убедительность. Его дом вскоре сделался, как бы, народным открытым училищем, в которое спешили все, желавшие пользоваться его наставлениями; воскресные дни, преимущественно, были днями собраний, в которых он предлагал свое учение; и, как он дожил до глубокой старости, то его учительство продолжалось весьма долго, и по его смерти, его дети – Кирилл и Петр, – во всем ему ревновавшие, поддержали дело своего отца и далее распространяли начатое им учение».

Особенно важное значение в истории духоборчества имел однодворец села Горелого, Тамбовского уезда Илариои Побирохин, (около 1775–1785 г.), слывший большим начетчиком и занимавшийся оптовой торговлей шерстью, человек богатый, с сильным характером и твердой волей, гордый и тщеславный. Разъезжая по торговым делам, он часто бывал в Харьковской и Екатеринославской губерниях, где в то время уже распространялось духоборчество. Некоторые, впрочем, уверяют, что в Тамбовской губернии пропагандисты духоборчества были ранее Побирохина. Так, Ливанов сообщает предание, что около 1733 года в село Горелое явился какой-то духоборец, беглый из Сибири, по имени Семен, нашедший убежище в доме Илариона Побирохина, и, просветив его новым учением, скрылся из Тамбовской губернии. Лопухин уверял Императора Александра I, что в Тамбове секта духоборцев, именовавших себя духовными, появилась в 1762 году и, что виновником ее был однодворец села Горелого той же губернии Ларион Петров. Покойный митрополит Киевский Арсений так говорит о появлении секты духоборцев в Тамбовской губернии: «Первым родоначальником этой секты в Тамбовской епархии был польский жид, лютеранский прозелит, за какое-то преступление сосланный в Сибирь и оттуда бежавший, и при возвращении на родину – остановившийся, и долгое время скрытно пребывавший Тамбовского уезда, села Горелого в доме однодворца Лари, по прозванию Побирахина. Здесь, на досуге, дабы не быть своему хозяину в тягость, он объявил себя проповедником нового учения, обещавшего всем свободу и равенство, и вдобавок еще – царство небесное; толпа

слушателей, подобных ему побродяг и недовольных своими господами дворовых людей, не замедлила к нему явиться и щедро наделять его своими избытками. Побирахин рад был безгрешному прибытку, но, в то же время, побаивался огласки от соседей и потому, заблаговременно выселился из села к оврагу, где, как говорит предание, с догадливым своим гостем и сотрудниками начал производить настоящие грабежи и разбои, отчего овраг этот доныне называется Ларин затон. Таковы были первоначальные подвиги духовных христиан».

С мнением Лопухина согласно и донесение тамбовского губернатора министру внутренних дел, что в 1768 году некоторые жители г. Тамбова и деревень в уезде его (в особенности, села Лысых Гор, в 20 верстах от Тамбова) заявили начальству, что рукотворенным и писанным на досках образам они не поклоняются, и в рукотворенные храмы не ходят, а желают входить в нерукотворенную церковь и поклоняться духом. Они говорили: «мы поклоняемся Христу не писанному (не изображению), а Христу животворному». Некоторые же из них произвели смуту в церкви во время всенощного бдения, произнося непристойные слова.

Приведенные рассказы представляют некоторое разногласие, легко, впрочем, примиримое, лишь относительно того, от кого Побирохин первоначально усвоил духоборческое лжеучение; но они ничего не говорят против того значения, которое принадлежит Побирохину в истории духоборческого движения. Вполне согласно с ними, мы должны утверждать, что, усвоив верования духоборческой секты, Побирохин стал усердно распространять их среди своих односельчан. В своем доме своим продавцам и доверителям Побирохин стал толковать решительно и смело, что спасение идет не по книге и приидет не от книги, и советовал все книги бросить в огонь. По духу и от духа идет спасение; нужно только уметь себя очистить и выучиться веровать, что Лица Святой Троицы, Отца и Сына – нераздельны; подобно еретику Македонию, он говорил, что Дух Святой – не Бог. Идя дальше в своих лжемудрствованиях, Побирохин стал развивать в слушателях сомнение в существовании Бога, толковал о посмертном переселении души

человеческой в зверя или в животное, не признавал брака по обряду и родства по крови[127]. Таким образом, духоборчество с квакерски-протестантским направлением не удовлетворило Побирохина. Он решил оживить его и обогатить его содержание. С этой целью он внес в него позаимствованное у хлыстов учение о предсуществовании душ и их перевоплощении. Этого требовали гордость и тщеславие Побирохина, который увлекся мыслью сделать себя главным центральным пунктом нового религиозного движения. Он торжественно объявил, что в нем пребывает душа Иисуса Христа и, что он, поэтому, есть «истинный сын Божий», которому только и приличествует поклонение на земле. Так «кормилец», как звали Побирохина тамбовские духоборцы, превратился в «живого бога». Сам будучи «живым богом», Побирохин требовал, чтобы его последователи во всем слушались беспрекословно лишь его одного: Библию он обозвал ненужной «хлопотницей». Он избрал 12 апостолов, названных им «архангелами», для распространения его «евангелия», и 12 «смертоносных ангелов», которые должны были преследовать «изменников вере», не останавливаясь даже перед убийством и другими преступными средствами. Ревность этих «смертоносных ангелов» выразилась, однако же, в такой противозаконной и возмутительной форме, что на тамбовских духоборцев не могло не обратить внимания правительство: Побирохин, по приговору суда, вместе с некоторыми своими «архангелами» и «ангелами» был сослан в Сибирь на поселение.

На место его, во главе духоборческого движения стал отставной капрал гвардии Савелий Капустин, человек умный, хитрый, красноречивый, с необычайно твердой волей и крайне деспотичный. Он объединил под своей властью всех русских духоборцев и управлял ими, как анабаптистический король в Мюнстере, Иоанн Лейденский, или, как какой-либо восточный деспот. Замечательна его речь, которую он держал к своим добровольным рабам-духоборцам. «Первый раз, как Богу угодно было воплотиться, говорил Капустин, Он набрал тело человека, самого чистого и совершенного на земле, тело Иисуса Христа, так как и душа его была, так же, самой чистой и совершенной в

мире. С тех пор, как Бог открыл Себя в Иисусе, Он постоянно остается в человеческом роде, живет и открывает Себя в каждом верующем; и душа, собственно, Иисусова, выражающая высшее, пред всеми человеческими душами, божественное разумение, в силу закона переселения, так же, переходит из века в век, в роде избранных в одного праведного человека, и во время своего пребывания здесь, хотя в несовершенном человеческом теле, сохраняет воспоминание и сознание о своем божественном начале. Поэтому каждый человек, в котором она обитает, ясно осознает, что в нем – душа Иисуса. Избранные, в роде которых постоянно пребывает душа Его, суть духоборцы: между ними-то она, преемственно воодушевляет одного из них. Таким избранником среди них недавно был Силуан Колесников, которого, быть может, многие из вас лично знали. Он действительно был Христос, как в настоящее время – я. Это так же верно, как верно то, что небо простерто над моей головой и что землю попираю своими ногами. Я, действительно, Христос, ваш господь. Итак, падите ниц передо мной и обожайте меня». И все пали на колени и стали ему молиться…

В правление Капустина, в истории духоборчества произошло весьма важное событие. Гордые, заносчивые, лицемерные и с грубым кощунством относившиеся всегда к Православной Церкви, ее учению, богослужению, уставам и обрядам, духоборцы восставили против себя православное население до такой степени, что совместная жизнь их стала весьма затруднительной и тяжелой. С другой стороны, духоборческие вожаки, задавшиеся целью устроить самостоятельное и независимое «царство» с тем, чтобы более твердой ногою стать во главе его управления, постоянно настойчиво внушали своим последователям мысль о необходимости объединения их в одно общество не только по верованиям, но и по местожительству. В этом духе агитировали среди духоборцев, как сам Капустин, так и преданнейшие ему сподвижники его – Дьяков и Меркулов. В 1801 году в Харьковской губернии была производима ревизия сенаторами Нелединским-Мелецким и Лопухиным, известным массоном. Духоборы воспользовались этим обстоятельством для

осуществления своего заветного желания объединиться в сплоченную общину и, по внушению своего «живого бога» Капустина, в декабре 1801 года, подали через Лопухина прошение Императору Александру I о том, чтобы им разрешено было переселиться на какие-либо свободные земли и устроить там свое собственное, отдельное от всех других, общество. По повелению гуманного Императора, духоборцам было отведено 47,869 десятин прекрасной, черноземной и плодородной земли по 37,5 десятин «на каждую душу»[128] по правому берегу речки Молочной, близ соединения ее с Лиманом, впадающем в Азовское море. Кроме того, духоборам было выдано из государственного казначейства, для первоначального обзаведения хозяйственным инвентарем, по 100 рублей на каждое семейство, и на пять лет они были освобождены от платежа всяких налогов и несения всяких повинностей. Вскоре после этого, по просьбе духобор, им отведено было во владение еще добавочных 5,296 десятин земли в Мелитопольском уезде. И все эти благодеяния были предоставлены духоборцам за то только, что они отпали от Православной Церкви и были сектантами. Неудивительно после этого, что многие из православных, желая воспользоваться благами, дарованными духоборцам, лицемерно выдавали себя губернаторам за сектантов и просили их о переселении в Мелитопольский уезд. Особенно часто поступили таким образом крепостные крестьяне.

Всех духоборцев, переселившихся на Молочные воды, было 3985 человек обоего пола (2005 мужчин и 1980 женщин), которые составляли 800 семейств. Они основали девять селений: Терпение, Богдановку, Троицкое, Новоспасское, Тамбовку, Радивоновку, Якимовку, Гавриловку и Горелое. Обилие плодородной земли, дешевые наемные руки, дарованные правительством льготы от податей и повинностей, давали духоборцам возможность заниматься земледелием, садоводством, скотоводством, пчеловодством и даже иметь свой конный завод. Но материальному благоустройству духоборческих селений особенно благоприятствовало то обстоятельство, что духоборцы обладали громадными

денежными средствами. Задумав с самого начала своего управления духоборческими общинами устроить особое «духоборческое царство» в России, Капустин решил постепенно собирать необходимый для этой цели капитал. Всех духоборцев он обложил определенным налогом и податями. Как велики были эти подати, можно судить по тому, что ко времени переселения на Молочные воды, по словам самих духоборов[129], их общественный капитал достигал до двух миллионов рублей. На эти-то деньги, с прибавлением казенной субсидии, и были обстроены духоборческие колонии. Но из всех духоборческих селений, наибольшим благоустройством отличалось Терпение, резиденция самого христа-царя Савелия Капустина. В селении Терпение находилось духоборческое волостное правление и общественный, так называемый, сиротский дом, деревянное большое здание с рощей фруктовых и лесных деревьев, с прекрасным ключевым протоком и двумя фонтанами. Дом этот духоборцы называли Сионом. В сиротском доме проживали, не в большом, впрочем, количестве, не способные к труду и безродные старики и старухи, а также, некоторые девицы, не пожелавшие выйти замуж и посвятившие себя пению псалмов на духоборческих молитвенных собраниях. Сам Капустин проживал в особом двухэтажном доме. В верхнем этаже была пристроена галерея, на которй в известные дни Капустин показывался народу, стоявшему на дворе перед домом, причем, увидя своего пророка и царя, все духоборцы падали на колени и поклонялись ему. Иногда Капустин сидел наверху, в зале, и тогда, процессией, в одну дверь входили мужчины, в другую – женщины и принимали от него благословение[130].

Экономическую жизнь в духоборческих селениях Капустин поставил на довольно оригинальных коммунистических началах, уверяя, что в этом случае он подражает жизни первенствующих христиан. Но, в действительности, духоборческий коммунизм далеко не был христианским. Правда, поля обрабатываемы были сообща и зерновой хлеб духоборы делили поровну, на случай голода были устроены и общественные запасные магазины; с успехом были введены, также, многие отрасли общественной промышленности, между прочим, производство

поясов и красивых шерстяных шапок. Но Капустин, пользуясь среди духоборцев неограниченной властью в делах религиозных, присвоил себе такую же власть и в делах хозяйственных. Обратив все состояние духоборцев в одно общественное хозяйство, он неограниченно распоряжался им и, ничего не делая, один получал с него доходы. Впоследствии, как бы, утомившись экономическими распоряжениями, он продал общественный скот, оставив общине только часть его, и из вырученных денег лишь незначительную часть разделил между духоборцами, а все остальные взял себе и, таким образом, оставил своим детям большое состояние[131]. Дележ был самовольный; некоторые имели до 1000 голов скота, а получили только то, что приходилось на сотню; однако же, роптать пикто не осмелился[132].

Чтобы изолировать духоборческие колонии от всякого воздействия со стороны русского правительства, Капустин ввел в них самоуправление, в полном смысле этого слова, так что у духоборцев были: свое волостное правление, своя полиция, своя школа и даже свой безаппеляционный суд, который был известен у них под названием «*Мука и рай*» и производился в собственных покоях Капустина. Никогда и ни с чем духоборцы не обращались к гражданским властям; подати уплачивали безнедоимочно, в правительственных судебных учреждениях не имели никаких тяжб. Неудивительно, что правительство составило о них самое лучшее мнение, как о людях высоконравственных и безупречных по своей жизни. Вот, как отзывался о духоборах, напр., Таврический гражданский губернатор в своем донесении министру внутренних дел от 2-го января 1818 года: «*Духоборцы ведут себя кротко и весьма воздержанно; у них строго взыскивается с тех, которые вдаются в пьянство; о воровстве и других гласных пороках с самого переселения на Молочные воды не было и помину*». И этот лестный отзыв о духоборцах был не единственным. Сам Император Александр I торжественно свидетельствовал, что в продолжении многих лет правительство не получало никаких жалоб на духоборцев, никаких донесений о беспорядках в их селениях, что местные начальства разных губерний отзывались

о духоборцах, неоднократно, весьма выгодным образом, со стороны их поведения, что сенаторы Лопухин и Нелединский-Мелецкий, при обозрении ими в 1801 году слободско-украинской губернии, найдя там, сего рода, людей, отдали им так же во многом справедливость. И действительно, Лопухин уверял Императора Александра I, что духоборцы «жизнь ведут воздержанную и добропорядочную».

Но на самом деле, духоборцы вовсе не были такими высоконравственными «добропорядочными» людьми, какими их представляло себе русское правительство Императора Александра I. Разного рода пороки и преступления были совершаемы духоборцами не в меньшем количестве, чем и другими русскими людьми, только они были тщательно скрываемы от правительственных агентов. Но, что самое главное, так это то, что духоборческая община, по самому основному строю своему – представляла весьма вредный элемент для правильного развития русской народной и государственной жизни. Кроме Св. Синода[133], это видел и понимал, из правительственных лиц, только один, кажется, тогдашний Херсонский военный губернатор Ланжерон. Он доносил Императору, что духоборческая секта – самая опасная для христианской религии и, вообще, для народной нравственности, так как последователи ее не раскольники, придерживающиеся христианских правил, но люди, ие имеющие никакой религии, не имеющие ни церкви, ни священников, и не приемлющие таинств, что скрытно они ведут развратную жизнь, совершают тяжкие преступления, передерживают у себя беглых крестьян, дезертиров и каторжников и потому, он указывал на необходимость выселить духоборцев в такую местность, где живут только татары. Ланжерона нельзя было заподозрить в религиозной нетерпимости к русским сектантам; он был не православный даже, а католик. Но ему не хотели поверить. В ответ на его донесение, Император Александр I преподал ему наставление о гуманности, веротерпимости, любви к ближним и других христианских добродетелях. Мало этого. Вслед за приведенным донесением, духоборцы подали Императору жалобу на Ланжерона, в которой нагло оклеветали его,

утверждая, будто, он сказал им: «если бы я был Императором, то бы всех вас побил из пушек и ружей». Ланжерон просил для себя удовлетворения по поводу этой клеветы. Но Император, через графа Аракчеева, велел объявить ему, что «по правилам христианской религии надлежит прощать ближнему всякую обиду».

Частные лица лучше правительетва того времени умели ценить достоинства и недостатки духоборцев. Так, один писатель, долго наблюдавший жизнь духоборцев в их мелитопольских колониях, отзывается о них в 1828 году таким образом[134]: «Изменников своих они жестоко утесняют. При переходе к ним малороссиянина, они стараются обучить его по-русски и дать ему некоторое внешнее образование, чтобы заслужить в этом отношении лучшее о себе мнение у правительства. Они говорят, что имеют правилом не носить оружия, но за врагов, однако же, не молятся. Они трезвы, трудолюбивы, хозяйственны, заботятся об устройстве своих полей и скотоводстве; наблюдают в домах и одеянии чистоту и опрятность. Вообще, мужчины – росту высокого и сложения крепкого; в обращении с посторонними – довольно вежливы, но в расчетах не всегда твердо держат свое слово. Легковерие и разврат, ненависть и ссоры бывают между ними часто; к деньгам весьма жадны и для приобретения оных готовы употребить всевозможные средства. Вообще, эту секту, в настоящем ее положении, можно назвать безверием. Весьма статься может, что они, впоследствии времени, перейдут к самому язычеству. Вникая со вниманием в их образ жизни и обычаи, уже теперь усматривается между ними весьма великое развращение нравов, как необходимое следствие сбивчивых понятий о вере».

Только когда прошел век увлечения массонством, ложным философско-религиозным либерализмом, сантиментализмом, романтизмом, искусственным пиетизмом и т. п., русское правительство и общество могли увидеть, какой вредной для русского народа была секта духоборцев в организации, данной ей Капустиным. Только тогда они могли убедиться, как их обманывали духоборцы своей мнимой святостью и

безупречностью поведения. Оказалось, что они были слишком далеки от основных правил чистой христианской нравственности, что они предавались всевозможным порокам и преступлениям, не задумываясь даже перед убийствами, грабежами, обманами и клеветой. Принявших духоборчество, а потом желавших возвратиться к Православной Церкви, они умерщвляли беспощадно[135]. Вообще, «духоборцы, – говорит писатель, близко их знавший, – весьма мстительны и неоткровенны даже между собою, боятся и наблюдают друг за другом. Были случаи, что одно слово, неосторожно и в пьяном виде сказанное, стоило брату от братьев жизни»[136].

В 1905 г., назначенная по Высочайшему повелению, следственная комиссия раскрыла множество самых возмутительных фактов. Духоборческие колонии оказались притоном разврата и чудовищных преступлений. После смерти Савелия Капустина, по его назначению, главарем духоборчества стал его сын Василий, усвоивший себе фамилию деда своего по матери, некоего Калмыкова – человек, без всяких нравственных правил: горький пьяница и развратник, изгнавший из сиротского дома призреваемых стариков и старух, и оставивший в нем только одних девиц предосудительного поведения. После его смерти, в 1832 году, его место занял несовершеннолетний сын его Иларион, по пьянству и разврату не уступавший своему отцу: с одобрения духоборческой общины, он открыто жил с шестью наложницами – молодыми девушками. Кроме того, он учредил еще секретные духоборческие собрания, сопровождавшиеся возмутительными оргиями и жестокостями. Между самими духоборцами, предававшимися разврату и преступлениям, стали чаще и чаще обнаруживаться недоверие, подозрение, опасение интриг, измены и доносы. Развратников мучила совесть. Сказалась нужда в чисто инквизиционном учреждении, в которое и был превращен, уже раньше существовавший, совет тридцати старейших. Он поставил для себя правилом: кто отрицает своего Бога, тот должен умереть. Понятно – замечает профессор Новицкий[137], – какое страшное орудие давалось этим интриге, честолюбию, клевете. Для исполнения смертных

приговоров был избран остров при впадении реки Молочной в лиман Азовского моря. Достаточно было самого легкого подозрения, малейшего признака мнимого отступничества или измены, чтоб подвергнуться самой жестокой пытке. В течение двух лет почти 400 человек исчезло навсегда, не оставив по себе никаких следов. Об этом свидетельствует иностранный писатель, нарочито приезжавший на Молочные воды для изучения жизни и нравов наших духоборов[138]. Но то же подтверждает и следственная комиссия, которая, при всем упорстве и умении духоборов скрывать свои тайные злодеяния, все-таки с несомненностью установила 21 убийство.

Теперь только вспомнили о проекте Ланжерона – выселить духоборцев в незаселенные местности, окруженные магометанами. «Едва успели вы водвориться на отведенной вам земле – писал духоборцам новороссийский генерал-губернатор, князь Воронцов (в 1839 г.), – как во имя вашего верования и по приказанию ваших мнимых наставников, вы совершили страшные преступления: вы истязали людей и затем предавали смерти; вы укрывали у себя злодеев и преступников, ускользнувших от руки правосудия; вы таили и скрывали от властей преступления и злодеяния ваших братьев и ни на минуту не переставали быть мятежными и непокорными власти... Все преступления ваши обнаружены и неповинная кровь, вами пролитая, призывает на преступную главу вашу строгость закона. По вашим делам, вы сделались недостойными той снисходительности, которая была вам оказываема; вы истощили терпение правительства, которое убедилось, что, для общественного спокойствия, вы должны быть переселены в отдаленные страны, где бы вы не могли вредить вашим ближним. Ваши злодеяния обратили на себя, наконец, внимание Государя Императора, который повелел: всех, принадлежащих к пагубной секте, духоборцев переселить в закавказские провинции».

Так совершилось (с июня 1842 года) переселение духоборцев из Мелитопольского уезда в Закавказье, где им были отведены земли в Тифлисской и Елисаветпольской губерниях. Здесь они основали 15 селений: Башкичет, Каракиш,

Армани, Тамбовку, Радивоновку, Богдановну, Горелое, Ефремовку, Орловку, Спасское, Троицкое, Славянку, Новогорелое, Новотроицкое и Новоспасское. Устройство общественной жизни духоборцев имело здесь тот же самый характер, что и на Молочных водах, та же железная дисциплина, тот же сиротский дом, школа, администрация, полиция, суд… Духоборы и на Кавказе сумели создать свое собственное «государство» и поставить себя в совершенно независимое положение от русских властей, как административных, так и судебных. Промышленность, скотоводство и занятия извозом обеспечили их материальное благосостояние. Даже по словам Тана[139], открыто симпатизирующего духоборам, «*во время последней русско-турецкой войны, они принимали деятельное участие в перевозке военных припасов закавказской армии и нажили на этом хорошие деньги*».

Вместе с духоборами переехал из Мелитопольского уезда на Кавказ и их «живой бог» – главарь Ларион Калмыков; но развратная жизнь и непробудное пьянство скоро свели его здесь в могилу. После него остались два малолетних сына: тщедушный Василий и молодцеватый Петр. Духоборцам предстояло разрешить роковой вопрос: кому из них «наследовать престол царя Давида». После долгих споров и несогласий, наконец, решено было так: «пророком» признать Петра, а Василия, похожего, более, на женщину, чем на мужчину, – считать «богородицей». Его одели в женское платье и заставили жить с женщинами; «но Василий-богородица, в продолжение многих лет находясь в сообществе, окружающих его, женщин, до того развратничал и наслажался первыми восторгами девственной любви, пока, наконец, окончательно расстроенное здоровье не свело его преждевременно в могилу»[140]. Духоборческий «пророк» Петр Калмыков не избежал судьбы брата. Неглупый от природы, с твердым и настойчивым характером, на 20-м году своей жизни он женился на красивой девке Лукерье Губановой. Но женитьба его не удовлетворила: он скоро предался открытому разврату, и в 1804 году скончался бездетным. Его место в качестве «богородицы» заняла жена

его, Лукерья – женщина умная, энергичная и чрезвычайно самолюбивая. Она сумела приобрести такое уважение среди своих «подданных», каким пользовался только Капустин. Не доходя еще до ее двора, духоборы уже снимали свои шапки и во двор входили не иначе, как с открытыми головами. Родная мать не имела права без позволения войти в ее комнаты, которые были роскошно меблированы. Если кто удостаивался чести предстать пред духоборческой «богородицей», он, входя в комнату, должен был сказать: «*Славен Бог прославился*». «Богородица» отвечала: «*Велико имя Господне по всей земле от востока, до запада*». Сделав несколько шагов, вошедший опять произносил: «*Прорекох тебя, Господи*», а «богородица» говорила в ответ: «*Жив Бог наш, жива душа его*». После этого, вошедший делал земной поклон и целовал ее руку. Некоторые целовали ее ноги, причем произносили: «*Лик дарный*» «Богородица» отвечала: «*Слово, дело, ликундер наш*»[141].

Лукерья Васильевна управляла духоборческими общинами 22 года. В 1856 году она скончалась, не имея детей, и не назначив никого в преемники себе. Претендентом явился молодой, красивый, гордый и самонадеянный, но беспринципный, разгульный и бесшабашный парень из селения Славянки, Петр Веригин. Он был самым приближенным человеком духоборческой богородицы в последние годы ее жизни. Но он не умел жить с людьми: своей заносчивостью и высокомерием он еще при жизни Лукерьи возбудил против себя всех главных заправил духоборческих общин, а в том числе, и родственников «богородицы» – Губановых. Чтобы укрепить свои наследственные права на «престол Давида» в сознании духоборцев, Веригин, вместе со своими многочисленными родственниками и приятелями, стал распускать слух, что он побочный сын самого Петра Калмыкова, который незадолго перед своей смертью заезжал в с. Славянку и осчастливил своим посещением семью Веригиных. Ввиду легкости половых отношений, которые дозволял себе Петр Калмыков, слух этот казался весьма вероятным. Но Веригин этим не ограничился: после смерти Лукерьи – «богородицы», он отправился в свое родное село Славянку, и здесь, мать его, при весьма

торжественной обстановке, перед всеми жителями села, со смирением заявила, что сына своего Петра она родила не от мужа своего Василия Веригина, а от «живого бога» – Петра Калмыкова, удостоившего ее, к великой радости всей ее семьи, своим священным вниманием во время последнего посещения своего селения Славянки, что великая тайна эта была известна самой «богородице» – Лукерье Васильевне, которая, будто бы, ждала только возмужалости Петра, чтобы, даже еще при жизни своей, передать ему управление «отечеством» и домом Давида, и что этим, именно, объясняется близость его к ней в последнее время ее жизни: он был не одним из многочисленных членов ее царской свиты, а ее законным наследником, которого она своими частыми беседами и наставлениями подготовляла к предстоявшему ему высокому служению. Объявив свою мнимую тайну, мать сделала сыну земной поклон; ее примеру последовал муж, а за ним повалились в ноги Петру Веригину и все присутствовавшие духоборцы. Вслед за сим, было приступлено к присяге на верность новому царю, и к подписанию присяжных листов[142].

В самое непродолжительное время Веригину присягнуло около 6000 духоборцев. Веригин провозгласил себя «пророком» и «царем царей». Последнего титула его предшественники не дерзали присваивать себе. Но его смущала мысль, что его не хотели признавать своим «царем» родственники покойной «богородицы» и жители с. Горелого. Между тем, признание их для него было очень важно: 1) Горелое было резиденцией духоборческих правителей, а 2) в Горелом находился пресловутый «Сиротский Дом» с его громадными капиталами, которыми-то и хотелось Веригину завладеть для удовлетворения своих тщеславных и разгульных наклонностей. Волей-неволей, он решил некоторое время обождать. Гореловцы, однако же, стояли на своем. Тогда Веригин, облекся в дорогую черкеску, как бы, в знак своего наследственного царского достоинства, и, окружив себя многочисленной свитой молодежи обоего пола, явился внезапно в Горелово и потребовал как немедленно признания его «пророком» и управляющим «Сиротским Домом», так и передачи ему всех

общественных капиталов, грозя в противном случае завладеть всем имуществом силою и истребить ослушников. Гореловцы не испугались этой угрозы. Мало того. Алексей Зубков, старшина гореловского сельского общества, около 26 лет занимавший эту должность и хорошо известный местной администрации, донес ахалкалакскому уездному начальнику, что, по случаю смерти Лукерьи Калмыковой и предстоящего дележа ее имущества, происходят беспорядки, угрожающие общественной безопасности. За все время существования в России духоборчества, это был первый случай обращения со стороны духоборцев к содействию русских властей по делам их общины. Произошло то, чего духоборцы больше всего боялись. Приверженцы Веригина были чрезвычайно возмущены поведением Зубкова, который в их глазах стал теперь изменником и предателем «отечества». Но Зубков, также, имел много друзей, с согласия которых он и обратился к представителю русского правительства. Среди духоборцев произошел, таким образом, раскол: образовалось две враждебных партии: «большая», или «писанные» (т, е. подписавшие присягу на верность Веригину), и «меньшая», или «правительственная». Вражда партий усилилась до такой степени, что вериговци готовы были истребить гореловцев. Веригин, как главный виновник возмущения, был сослан в Шенкурск. Но это не успокоило его последователей. Мало того. Будучи в ссылке, Веригин познакомился с воззрениями Толстого, и некоторые из них внушил своим единоверцам. Вкратце, его учение состояло в следующем: 1) всегда помнить, что нужно служить одному Богу и более никому; 2) из этого вытекает, что, так как военное ремесло противно Богу, то духоборцы не должны отбывать воинской повинности; 3) имущество духоборцев должно быть разделено поровну между всеми духоборцами; 4) духоборцы навсегда должны отказаться от употребления мясной пищи, так как добывание ее вызывает пролитие крови и 5) духоборцы должны воздерживаться от сношения с женщинами, и этим путем способствовать к естественному прекращению их рода. Духоборцы, усвоившие это учение, образовали особый толк в духоборчестве,

называемый партией постников, или белух (убеленных постом; вегетарианцев). Таким образом, в духоборчестве сразу образовались три партии: 1) старо-духоборцы, или гореловцы, меньшая, или правительственная партия, не признававшая Веригина своим «царем»; 2) вериговцы, или большая партия, состоящая из духоборцев, оставшихся верными своему учению и подчинившихся Веригину и 3) партия постников, не только признавших Веригина своим «пророком», но и усвоивших учение Л. Толстого.

Последние, подстрекаемые пропагандистами толстовства – кн. Д. А. Хилковым, Чертковым и С. Л. Толстым, не только продолжали враждовать с гореловцами, но и подняли настоящее возмущение против русского правительства: перестали платить подати, отказались от военной и полицейской службы, не признавали никакой власти в государстве, причиняли оскорбления губернатору, публично бранили священную особу Государя Императора, устраивали самовольные анархические митинги, требовали возвращения Веригина и невмешательства правительственных властей в дела их общины. Чтобы прекратить междоусобную вражду духоборцев, русское правительство в 1895 году расселило постников, в количестве почти четырех тысяч человек, по различным селениям Горийского, Душетского и Тионетского уездов Тифлисской губернии. Но здесь они прожили только два года. Подстрекаемые толстовскими агитаторами, они исходатайствовали у правительства разрешение переселиться в Северную Америку. В Канаде англичане отвели им землю для поселения. Там они (в количестве почти 8000 человек) уже совсем оставили свои духоборские верования, заменив их атеистическим учением Л. Толстого. На Кавказе осталось еще около 10 тысяч духоборов. Что же касается их единоверцев, рассеянных по всей империи, то число их не поддается точному учету. Впрочем, золотой век духоборчества уже, без сомнения, миновал. Особенно быстро распространялось духоборческое лжеучение в царствование Императора Александра I, когда духоборцам дарована была свобода вероисповедания, а православным священникам было запрещено даже вести с

ними религиозные собеседования. И вот результаты такого распоряжения: в 1802 году в Тамбовской епархии, по словам покойного митрополита Киевского Арсения, было всего 84 духоборца, а в 1833 году их числилось уже более 10 тысяч. В настоящее время, среди духоборцев вообще замечается охлаждение религиозного энтузиазма: многие из них даже совсем оставили свои старые верования и переходят, по-преимуществу, в штундо-баптизм; а увлекшиеся толстовским лжеучением, более интересуются политикой, чем религией.

Вероучение духоборцев

Вероучение духоборцев, не представляется в определенной и законченной системе. До настоящего времени, оно находилось, так сказать, только в процессе брожения, а потому, между верованиями духоборцев различных периодов времени встречаются даже явные противоречия. Чтобы составить себе правильное представление о вероучении духоборцев, мы проследим его в хронологическом порядке его развития. При этом, будем иметь ввиду: 1) что духоборцы не придают значения никакому письменному изложению своих верований, предпочитая ему свое словесное предание, и 2) что, если в нашем распоряжении и есть показания духоборцев о их верованиях, то не нужно забывать, что духоборцы отвечали только на предлагаемые им вопросы (притом, не всегда искренно) и потому, эти показания не отличаются достаточной полнотой.

В 1791 году Екатеринославские духоборцы подали бывшему тогда Екатеринославскому губернатору Каховскому исповедание своей веры. Это первый исторический памятник, на основании которого можно было бы, по-видимому, судить о верованиях духоборов. На самом деле, он не имеет этого значения. Его составляли не сами духоборцы, а какой-то школьный грамотей, человек научно образованный (по предположению проф. Новицкого, – малороссийский философ Сковорода). В этом убеждает читателя все: и систематический порядок в изложении предмета, и школьный высокопарный язык, и тексты Св. Писания, заимствованные из иностранных переводов, и ученые термины, и латинские пословицы, и русские стихи, латино-польские выражения и т. п. При всем том, составитель вдается в отвлеченные и пространные рассуждения о таких предметах, которые духоборцев никогда не интересовали, и слишком мало останавливается, собственно, на духоборческих верованиях. «Об этом «исповедании», – говорит писатель, близко знавший жизнь духоборцев и их

верования[143], – мелитопольские духоборцы не имеют никакого понятия».

12-го ноября 1801 года сенатор И. В. Лопухин, производивший тогда ревизию в харьковской или, как тогда называлась она, слободской украинской губернии, в своем донесении Государю излагает вероучение духобор в таком виде: «*Познания веры и исполнения Божеской воли утверждают они достигнуть по особливому, то есть, вдохновению, как сказано в Св. Писании: «и будут вси научены Богом». В рассуждении таинств христианских, содержат, что верующие должны принимать оные без всяких внешних видов, приводя о крещении сии Иоанна Крестителя слова: «Аз водою крещаю вы, грядет же Креплий мене, Той вы крестить Духом Святым и огнем». Креститься водою значит, по их смыслу, изготовиться и покаяться». О Евхаристии говорят: «плоть не пользует ничтоже, дух животворит; глаголы, яже Аз глаголах, дух суть и живот». Чрез слова «дух и живот» умнейшие из них разумеют веру* во Христа и вдохновение. Священство присваивает себе каждый из них по силе оных слов: «Той сотвори нас цари и иереи». Св. Писание почитают за учение младенческое и несовершенное, поелику и сам Апостол, уподобляя-де оное словесному и нелестному млеку, упрекает всех тех, кои не требуют крепчайшей пищи, царское достоинство приписывают единому токмо Богу, почему присягать в верности Государю считают за преступление; *но разумнейшие из них, признают за нужную, для развращенных людей на земле, власть верховную, не отличая оной от прочих человеков, и Государю дотоле токмо повиноваться должно, доколе повеления его согласны с истиною и с волей Высочайшего Существа, почему и все духовные их песни, составленные из псалмов, более относятся к единству Бога и к верховному Его правительству над вселенной. Подати давать и защищаться от неприятелей считают за должное; но всякое нападение, хотя бы то было по повелению начальников, отвергают, вследствие чего, в первую турецкую войну, под Перекопом, находившиеся из них в Вологодском полку, бросили оружие. Жизнь ведут воздержанную и*

добропорядочную, родителей своих не называют отцами, но стариками; учителем и наставником во всем признают единого токмо Бога. Икон, креста и приписывания имени церкви сооруженным храмам, полагая собственную в сердцах верующих, так же не признают и другими церковными обрядами соблазняются».

Это, в сущности, верное изложение некоторых духоборческих верований, к сожалению, слишком кратко и скудно своим содержанием. Из него, напр., мы не можем видеть как духоборы учат о Боге вообще, об Иисусе Христе в частности, о царствии Божием, о средствах спасения, о загробной жизни и т. п. Более обстоятельные и более подробные сведения о догматических верованиях духоборов, мы встречаем в, дошедшей до нас, записке о собеседовании, происходившем в 1802 году между архимандритом и префектом Александро-Невской Академии, а потом киевским митрополитом Евгением и двумя тамбовскими духоборцами – Матвеем и Ермолаем Кузмиными, которые были присланы гражданским начальством в Александро-Невскую лавру для увещания[144]. Для ознакомления читателей с этим важным памятником, представляющим, можно сказать, первую катехизацию духоборческого вероучения, мы приводим его здесь в его первоначальном виде, т. е., в вопросах Евгения и ответах духоборцев – Кузьминых, которыми он собственноручно и подписан.

1) В чем состоит ваша вера и закон?

– Мы – по закону Божию, веры Иисусовой, царя почитаем, праведным властям повинуемся; состоит дело наше по блаженству смирению нашему ради спасения душам нашим.

2) Как думаете о Боге?

– Веруем и признаем единого Бога, сотворившего вся, и Ему единому покланяемся.

3) Веруете ли, что Бог в сем мире промышляет и предопределяет?

– Верим. Он предопределил все на добро.

4) Откуда в свете зло?

– Не знаем. Адамова зла не приемлем. Всяк сам себе грешен и спасен.

5) Злые духи, т. е. диавол, от кого созданы и имеют ли какое действие над человеком?

– Сего мы не знаем.

6) Есть ли искушение человеку на земле?

– Есть, от людей же и от плоти.

7) Есть ли на свете от диавола какие действования, чарования и волшебства?

– Нам до сего дела нет. А у нас сего нет.

8) Кто создал плоть нашу, как есть она?

– Бог.

9) Есть ли в человеке душа, и откуда она?

– Есть. А всякую душу Бог создал.

10) Как разумеете душу?

– Душа человеческая – образ Божий и лик небесный.

11) Есть ли душа в людях, которые не просвещены по вашему?

– Не знаем.

12) Верите ли воскресению мертвых, будущему суду Божию и воздаянию?

– Верим.

13) Воскресение наше будет ли с плотью или без плоти?

– Мы воскреснем духом.

14) Что разумеете чрез небо?

– Первое небо – смирение, второе – разумение, третье – воздержание, четвертое – братолюбие, пятое – милосердие, шестое – совет, седьмое – любовь; там живет и Бог.

15) Что разумеете чрез ад?

– Ад есть не знающие света люди и злые духи в них живут.

16) Признаете ли Св. Писание произшедшим от Бога и – все ли?

– Признаем все от Бога.

17) Св. Писание все ли содержит в себе, что вам нужно, или нечто у вас есть кроме него?

– Лишнего у нас сверх Писания нет, а из него довольно нам того, что у нас есть.

18) Оба ли завета – ветхий и новый – принимаете?

– Из обоих заветов мы берем себе полезное.

19) Признаете ли Св. Троицу и как?

– Св. Троица – существо непостижимое, Отец – свет, Сын – живот, а Дух Святой – покой; а в человеке утверждается: Отец – память, Сын – разум, Дух Святой – воля. Бог в Троице – един.

20) Верите ли воплощению Сына Божия?

– Веруем и исповедуем, что един Господь Иисус Христос Сын Божий, Бог и человек.

21) Как веруете о рождении Его и о Пречистой Его Матери?

– Матерь Божию почитаем и подражаем Ее житию; Она же искони и по-днесь Дева, из Нее же родился и рождается Христос, как и у нас.

22) Верите ли, что Христос творил чудеса, мертвых воскрешал и давал слепым – зрение, глухим – слух и проч.?

– Веруем; и мы сами грехами были мертвы, слепы, глухи, а Он нас оживил, и грехи простил, и дал заповедь: «впредь не согрешите и не беззаконствуйте», а телесных чудес Его мы не знаем.

23) Грешите ли вы ныне?

– Нет; мы – язык свят, царское священие, люди обновления, – и греха в нас нет.

24) Какое евангелие проповедовал Христос Сам и через Апостолов Своих?

– Сам Иисус был и есть евангелие вечное, живое и посылал словом проповедовать.

25) Христос плотью ли пострадал или только духом?

– Плотью распят и телом ад разрушил, мертвых воскресил и нам страдания образ показал.

26) Как Христос воскрес и явился ученикам – плотью ли или только духом?

– Христос воскрес духом в силе Божества, а плотью ли, и какою – того не знаем и нам знать не нужно; а мы должны знать, как душу спасать; а является Он ныне и нам, и ныне с нами есть.

27) Придет ли Христос судить мертвых и воскреснем ли мы?

– Придет и мы воскреснем; а о вас не знаем.

28) Верите ли вы всему символу – или, как вы говорите – псалму веры: «Верую во единого Бога Отца» и проч.?

– Веруем всему.

29) Веруете ли по этому псалму, что есть и должна быть в мире видимая Церковь?

– Везде церковь, иде же два или три собраны во имя Христово.

30) Для чего в церковь нашу не ходите?

– Совесть не желает, и в ней святости не чаем, потому что она тленна, а не вечна.

31) Кто преемники остались Христовы для священства Церкви?

– Тот преемник, кто чист делом и телом, смирен и кроток, и добрым делом покорен, а от худых дел удален.

32) Поручал ли Христос в Церкви Своей кому-нибудь видимое начальство?

– У нас все равны.

33) Для чего Христос Апостолов избрал?

– Он из них Церковь святую построил.

34) Для чего же Христос дал власть Апостолам – вязать и решить?

– Для того, что Он сказал: «Аще не отпущаете человеком согрешений и Отец небесный не отпустит вам. Исповедайте друг другу согрешения».

35) Имеет ли Церковь власть вязать и решить?

– Мы этому не верим.

36) Кто же преемник Апостолам?

– Кто слово Божие в себе имеет и страдает ради Христа.

37) Признаете ли и приемлете ли таинства, Христом и Апостолами в Церкви установленные?

– Они все у нас духовне.

38) Как Сам Христос крестился?

– Как мы крестились от Христа, то мы знаем; а как Христос крестился, искать нам не для чего.

39) Как разумеете водное крещение Иоанново?

– Он, Иоанн, крестил водою, а мы ныне крестимся от Христа Святым Духом.

40) Для чего крещение водного не приемлете, как Христос?

– Крещение водою души нашей не способно. А для душ наших крещение – когда приемлем слово Божие.

41) Признаете ли и приемлете ли таинство причащения Тела и Крови Христовой под видом хлеба и вина?

– Мы так разумеваем, что оно не полезно душе нашей, а наше причастие – причащаемся святым Его тайнам, животворящим, страшным и бессмертным Христовым, во оставление грехов, производящих чрез кости мозгов; человеческий разум – то наше причастие от Господа Бога нашего.

42) Как разумеете слова Христовы: «приимите, ядите, сие есть тело Мое» и «пиите от нея вси, сия есть кровь Моя»?

– Духовне.

43) Как думаете о браке?

– Мы желающим не воспрещаем, а, только разумеем, что, женившийся, печется о жене, а неоженившийся – о Боге и о душе.

44) Как у вас совершается брак?

– Кто хочет, венчается в ваших церквах, а кто хочет – так живет. Мы даем на волю.

45) Запрещается ли у вас бракосочетание в родстве?

– Мы в родстве не посягаем.

46) В чем поставляете чистоту духа и чистоту плоти?

– Мы духом святым и чистым молимся и постимся, и того силою очищаем плоть.

47) Какой пост приемлете – в плоти или в духе?

– Плотской пост нам – чистота от главы до ног, а духа пост – кто все дела Божии соблюдает.

48) Как и для чего Спаситель в пустыне постился 40 дней?

– Он тем божественную силу Свою явил людям.

49) Есть ли у вас назначенные дни для поста и богомолья?

– Дни у нас все равны и особых нет ни для поста, ни для богомолья.

50) В явствах почитаете ли какое различие, и все предлагаемое можете ли есть?

– Все можем всегда есть, кроме свинины и чесноку.

51) Почитаете ли предания и уставы святых отец?

– Нет, мы их не принимаем, они были человеки, а от человек ничтоже, а вся суть возможна от Бога.

52) Имеете ли у себя молитвы просительные к Богу и освятительные вещам, как, напр., дому, хлебу, плодам?

– Молитвы к Богу есть у нас, а освятительных молитв нет.

53) Какие ваши молитвы?

– Наипаче псалмы Давидовы: 1) «Живый в помощь Вышняго, в крове Бога небесного водворится»; 2) «Услыши, Боже, глас мой, внегда молитимися Тебе»; 3) Девять блаженств от Евангелия, с прибавлением: «Помяни мя, Господи, во царствии Твоем».

54) В молитвах призываете ли вы святых угодников Божиих?

– Нет; мы их святыми почитаем, а им не молимся.

55) Молитесь ли вы за усопших?

– У нас сего нет.

56) Молитесь ли вы о спасении других людей и о просвещении заблудших?

– Мы спасаемся вкупе; а молится всяк за себя.

57) Молитесь ли вы за Царя и за вся, яже во власти суть?

– Всяк молится о себе, а не о других.

58) Как думаете о властях? Все ли они от Бога?

– Милостивые – от Бога, а немилостивые – не знаем от кого.

59) Есть ли у вас какие налагания или епитимии за грехи и худые дела?

– Мы сами никогда и ничем не наказываем.

60) Чем мы спасаемся? Верой или добрыми делами?

– И тем, и другим вместе.

61) В чем поставляете честность и бесчестность?

– Честен человек чистотою, а бесчестен гордостью и безумием.

62) Плотоугодие считается у вас грехом?

– Угождение плоти не нужно делать, а исправлять нужды.

63) Почитаете ли вы долгом своим помогать всякому ближнему и даже врагу своему?

– Мы любим и помогаем врагам своим.

64) Не позволяется ли у вас в каких-нибудь случаях убийство или самоубийство?

– У нас нет ни убийств, ни самоубийств.

65) По вашему мнению, человек в каком возрасте способен принять в себя слово Божие и засемяниться во спасение? Младенды, по вашему, спасаются ли?

– Способен всяк, когда в силе ума, а младенцы ни греха, ни спасения не имеют, а, все равно, что щенята и котята без молитвы.

66) Какие у вас плоды Духа Святого и по чему узнаете, что кто у вас засемянился словом и Духом Святым?

– По смирению, кротости и добродетели.

В этом же собеседовании духоборцы, несомненно, хорошо осведомленные во всех положениях своего вероучения, высказали Евгению учение своих единоверцев, что Иисус Христос не может быть предметом подражания для людей. «Христос делал, что хотел, – говорили они, – а нам другое заповедал». О своем отношении к Св. Писанию, как источнику вероучения, они выразились так; «Многое в Писании иное тому, другое – другому пригодно, а мы принимаем, что нам следует».

Вероучение духоборцев в приведенной катехизации изложено, конечно, обстоятельнее, чем у Лопухина; но еще далеко не в надлежащей полноте. Духоборцы отвечали только на те вопросы, которые им были предлагаемы, и отвечали не со всей откровенностью; боясь преследования со стороны правительства. В иное положение духоборцы стали, когда, благодаря именно этим ответам, правительство даровало им свободу вероисповедания и запретило православным священникам опровергать их лжеучение. Тогда они не только не скрывали своих верований, а с фанатической ревностью старались пропагандировать их среди православного населения. В этом отношении большой интерес представляет записка о духоборах, составленная неизвестным автором (по

предположению проф. Новицкого, Лопухиным или другим каким-либо франк-массоном) в 1805 году и представляющая вероучение духоборцев в следующем виде:

«Главнейший догмат их исповедания есть служение и поклонение Богу духом и истиною. Все наружное, как излишнее для спасения, они отвергают. Они не знают никакого символа веры и говорят только о себе, что они – закона Божия, веры Иисусовой. Известный в нашей церкви Символ Веры, они читают и все, содержащееся в нем, признают за истину, но относят его к числу обыкновенных своих псалмов. Бога признают в трех Лицах единым, неисповедимым. Веруют, что памятью мы уподобляемся Богу Отцу, разумом – Богу Сыну, волей – Богу Духу Святому; также: первое лицо, свет – Отец Бог наш, второе лицо, живот – Сын Бог наш и третье лицо, упокой – Святый Дух Бог наш; изображение Триипостасного Бога в натуре: Отец – высота, Сын – широта, Дух Святый – глубина. «Отец высок и никто не может выше Его возглаголать; Сын – широк разумом, глубины Его никто не может исповедать. Понятие, которое они имеют о Христе, основано, по их убеждению, на евангельском учении. Они признают пришествие Его во плоти, деяния, учение и страдания; но все то понимают в духовном смысле и утверждают, что все, что содержится в Евангелии, должно совершиться в нас. Таким образом, Христос должен в нас зачаться, родиться, возрастать, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись. И в этом-то полагают они процесс нового рождения и обновления человека. Они говорят, что Сам Иисус был и есть евангелие вечное, живое и посылал Его словом проповедовать. Он Сам есть слово и пишется только в сердцах. Веруют, что кроме Бога и Христа Его нигде нет спасения. Но, если Бог не призывается от чистого сердца, то и Он Сам спасти человека не может. Для спасения человека нужна несомненная вера во Христа... Но, вера без дел мертва, так, как и дела без веры. Вера живая одна, и состоит в сердечном принятии Евангелия. Они крестятся не водою, а словом, во имя Отца и Сына и Святого Духа, как и Христос заповедал апостолам, сказав: «шедше, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа». Крещение

это совершается тогда, когда человек покается чистым сердцем и взывает к Богу: тогда оставляются ему грехи его и он уже думает только о Боге, а не о мире. Это единое крещение исповедуют они во оставление грехов… Новое рождение и крещение духовное, по их разумению, есть одно и то же. Средство к достижению нового рождения есть живая вера в Бога и молитва. Знаки рожденного или крещенного свыше суть дела нового человека. Впрочем, крещение, по их мнению, имеет семь состояний, или степеней: первое крещение есть оставление грехов; второе – помазание мира, т. е., познание мира или разумение пути Господня; третье – речение слова Господня, или глагол Божий; четвертое – елеосвящение, или освящение молитвы; пятое – исповедание духовное; шестое – причащение духовное; седьмое – кровемучение или смирение. Кровь означает покрывание слова Божия. Эта же седьмая степень означает еще у них и соединение с Богом. Если кто достиг до соединения с Богом, в чем они полагают седьмую степень духовного крещения или нового рождения, тот живет уже в Боге, и таковой духовными очами может зреть и ангелов. Наружное крещение водою почитают бесполезным и говорят, что вода омывает только нечистоту наружного тела. Духоборцы полагают, что каждому истинному христианину дается два имени: одно плотское, при плотском рождении, от родителей его, другое – духовное, которое нарекает ему небесный Отец при духовном его рождении, соответственно его делам, это последнее имя никому здесь неизвестно, а познано будет в вечности.

Исповедуются они в своих грехах Богу небесному, благому и милосердому, оставляющему все наши согрешения, молитвами. В грехах против своих собратий каются пред всеми и просят у них прощения. Запираться в грехах, когда другие их знают, почитается у духоборцев великим преступлением: если, по троекратном увещании, таковой не усовестится, то они исключают его из общества. Они сильно осуждают, когда человек называет себя грешником, делает из этого род похвальбы и ложного смирения и когда, извиняя себя тем, не старается исправить себя от своих грехов. Когда человек пал, то

тотчас должен встать, просить у Бога прощение с сокрушенным сердцем, и всеми силами стараться, чтобы снова не впасть в подобный грех.

Что касается причащения, то духоборцы, по их словам, причащаются во всякое время святым и животворящим, бессмертным и страшным Христовым тайнам во оставление грехов, духовне, внутренно, восприятием в себя слова Божия, которое есть Христос, и таковое причащение, как говорят они, проницает человеческий разум сквозь кости и мозги; таинства причащения Тела и Крови Христовой, под видом хлеба и вина, они не приемлют, говоря, что хлеб и вино входят в уста, как обыкновенная пища, но никакой пользы душе нашей не приносят.

Пост духоборы полагают не в качестве пищи, но в воздержании от объядения и других пороков, – в чистоте, кротости и смирении духа. Воздержание от мяса, по словам их, не приносит душе никакой пользы.

Святых они почитают, но не призывают на помощь, говоря, что они угодили Богу, собственно, для себя; мы должны только им подражать, что и называют они – «призывать их дела»; впрочем, они не почитают дела угодивших Богу праведников все, без разбора, святыми.

Брак у них не считается таинством и совершается по одному взаимному согласию молодой четы. Так как между духоборцами нет никакого предпочтения по богатству и по знатности фамилий, то родители вовсе не мешаются у них в браки детей. Церемоний и обрядов при этом не бывает никаких. Довольно одного согласия молодых супругов и обещания жить вместе. Об этом они объявляют родителям и братии, и живут вместе. Иногда, однако же, случается, что брак их делается только тогда, когда уже супруга родит ребенка. Впрочем, как скоро мужчина познает девицу, то он не может уже отказаться иметь ее своей женою, в противном случае – он исключается из общества. Этому же наказанию неминуемо подвергаются прелюбодеи, если бы такие случались. Развода, в намерении вступить в брак с другим лицом, у духоборов никогда не бывает, потому что это было бы то же, что и прелюбодейство. Но, если

бы обе стороны пожелали не знать друг друга для сохранения чистоты, то, конечно, это зависит от них самих. Муж, по смерти жены, и жена, по смерти мужа, могут снова вступать в брак даже до трех раз, чему, однако же, почти не бывает примеров; они говорят: «христиане обязаны укрощать плоть свою, а не похотствовать».

Усопших поминают духоборцы добрыми делами и никакого другого поминовения по ним не творят: праведных Сам Господь поминает в царствии Своем. Таким образом, духоборы не молятся уже за умерших, почитая это для них, после смерти, бесполезным. Кончину христианина не называют смертью, а изменением; поэтому не говорят, что «брат наш умер», но – «брат наш изменился». При погребении усопших, обрядов у них не бывает никаких; также, никто о них не плачет, кроме детей; но и в них это считается слабостью. Когда духоборцы жили скрытно, то тела умерших их собратий погребались обыкновенным образом, на общем кладбище; но, когда сделались они явными, то стали хоронить своих усшпнх на особых местах.

О сотворении первого человека духоборы говорят то же, что и Св. Писание, т. е., что тело его взято от земли и, что Бог вдунул в него дыхание жизни. По душе, до падения, человек был чист и непорочен, и тело имел лучшего и совершеннейшего сложения или, по их выражению, он был в смиренном (виде) теле. Падение первого человека полагают они в преступлении заповеди Божией. Они говорят, что тело у человека – от земли, кости – от камней, кровь – от воды, волосы – от травы, мысли – от ветра, благодать – от облака. О душе человеческой говорят, что она есть сила, – сила в Боге, а Бог – в человеке. Рассуждая о грехе наследственном, они согласны, что от злых родителей, большей частью, родятся и злые дети; но при этом утверждают, что грехи родителей не препятствуют спасению детей и, что в деле спасения – каждый сам за себя должен будет дать Богу отчет.

В рассуждении блаженного состояния праведных и рая, говорят, что царство в силе, а рай в словесах, и что души праведных в руке Божией, а потому, не прикоснется к ним мука;

в рассуждении же мучения грешников – и ада, – что грешные души во тьме ходят, чающе себе скорой погибели, и, что ад стоит на злобе. О переселении душ после смерти духоборцы рассуждают так, что человек делами оправдывается и от дел погибает, и что дела каждого приведут в свое место, и что после смерти нет уже покаяния. Что же касается до общего воскресения праведных и грешных на суд с их телами, то духоборцы в суждение о том не входят, предоставляя то единому Богу. Вообще, духоборцы неохотно, или вовсе не входят в изъяснение таинственных вещей с людьми мало им известными, основываясь в этом на изречении Спасителя, сказавшего: не мечите бисера пред свиньями. Они говорят, что теперь еще не время открывать такие вещи, и что они скоро всем будут известны. Равным образом, и на вопрос, – как скоро ожидают они пришествия Христова, – отвечают, что, судя по делам, в мире творящимся, нужно Ему быть скоро.

Дабы человеку спасти душу свою, для этого они не полагают нужным быть в их обществе; они говорят, что дела приводят ко спасению, а для этого нужно только уразуметь путь Господень и исполнять его.

Театр, по мнению их, есть школа не христианская, где ангелы – спутники наши – не присутствуют. Пляски, как в театрах, так и на прочих увеселениях уподобляются гусям (?!), которые весною с маткою выходят на траву, скачут, и прыгают, но все остаются гусями (!) и познания о Боге не имеют (?!); когда, же приходит мороз, то они садятся и прячут свои ноги. В убранстве комнат, духоборцы не видят никакого греха; напротив того, они говорят, что человеку-христианину прилично жить чисто и опрятно, чем они и сами, по их уверению, отличались всегда от прочих крестьян в их селениях; нужно только смотреть, чтобы дух не был привязан к таким убранствам. Так же думают они о картинах в покоях, о портретах известных людей и даже изображениях святых. Они говорят, что такие картины и образа служат украшением дома, приятны для глаз; но поклоняться им отнюдь не должно и есть грех смертный. О бритье бороды и употреблении табаку они говорят, что, поелику не борода, не воздержание от табаку не составляют ничего

существенного в христианстве, то ни в том, ни в другом не полагают они ни малейшей важности.

Когда духоборцы жили в России скрытным образом, то необходимость, конечно, заставила и их исполнять для виду наружные обряды и установления греко-российской церкви; но, так как внутренно их нисколько не уважали, то, чтобы не обнаружить образа своих мыслей, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей к наружнему богослужению, приписывали они особое значение и истолкование в духовном смысле; напр., рассуждая о просфорах, они говорят, что первая просфора есть согласие православной веры (?), вторая – любовь нелицемерная, третья – поучение в правом достоинстве (?), четвертая – принятие святых тайн, пятая – просветитель (?). Привыкнув к такому иероглифическому выражению мыслей, духоборцы придают нравственное значение и многим другим предметам; так, напр., каждому дню седьмицы у них приписывается следующее значение, вроде кратких нравоучительных наставлений: *понедельник – вся дела Господа поведай, вторник – второе рождение человека, среда – зовет Господь людей к спасению, четверг – чтите Господа во святых Его, пятница – пой, прославляй имя Господа, суббота – бойся суда Господня, дабы не погубить души своей в неправде, воскресенье – воскресни от мертвых дел и приди к царствию небесному*. Семь небес означают у них семь евангельских добродетелей таким образом: первое небо есть смирение, второе – разумение, третье – воздержание, четвертое – братолюбие, пятое – милосердие, шестое – совет, седьмое – любовь – там живет и Бог».

Это изложение духоборческого вероучения, как оно представлено в записке неизвестного нам автора, в основных положениях, очевидно, вполне сходно о тем, как духоборцы Кузьмины представили свои верования Евгению; с буквальной точностью повторяются даже некоторые фразы. Духоборцы также утверждают, что неизвестный автор записки верно изложил их учение, хотя и не с надлежащей полнотою: у него, напр., нет указания на верование духоборцев в предсуществование душ и их перевоплощение; но ему нельзя

ставить этого в вину, так как это учение среди духоборцев долгое время было признаваемо лишь частным мнением Побирохина. Проф. Новицкий с осторожностью относится к этой записке, думая, что незвестный автор ее, хотя и близко знал положение духоборцев, не мог внести в нее нечто, заимствованное у молокан, причем, ссылается на то, что он «основным положением духоборчества ставит служение и поклонение Богу духом и истиной»[145]. Но мы должны сказать по поводу этого, что между верованиями духоборов и молокан, как увидим ниже, существует такое тесное внутреннее сродство, что их не различают даже авторитетные знатоки русского сектантства, (напр., покойный митрополит Киевский Арсений и др.), и что извращенное учение о служении и поклонении Богу духом есть основной догмат не молоканства только, а всех, вообще, рационалистических сект, отвергающих внешнее, или обрядовое, богопочитание, – квакеров, штундо-баптистов, пашковцев, а духоборов – в особенности, потому что, исповедуя это учение, они так дорожат и самым своим названием; каждый из них скажет: «я духобор потому, что духом Богу служу». Таково и теперь катехизическое учение их.

В настоящее время существует два духоборческих катехизиса: один составлен, как утверждают, графом Толстым или князем Хилковым; но его духоборцы не любят, так как их религиозное верование почти вытеснено социально-политическими воззрениями Толстого. Другой составлен неизвестно кем; он состоит из двух частей: 1) початков, знание которых обязательно для всех духоборцев, и 2) «Семидесяти пунктов», знание которых обязательно только для главарей и руководителей духоборческой секты. Катехизис этот, обыкновенно, читается на молитвенных собраниях духоборцев, дабы слушатели тверже могли удержать его в памяти и отвечать вопрошающим, по возможности, одинаковыми выражениями. Ввиду такого, чисто-практического значения духоборческого Катехизиса, мы считаем необходимым познакомить с ним читателей.

Начатки духоборческого учения

1. Что ты за человек?

– Я человек Божий, Богу молюсь и постюсь, той же силой очищаюсь.

2. Из чего тебя Бог сотворил?

– Из тела и бессмертной души.

3. Для чего Бог создал человека?

– Для того, чтобы он познал Господа Бога своего и ходил во дворе Его.

4. Что с тебя Бог требует?

– Начатков совершенства, совершения правды.

5. Без чего ты к Богу не придешь?

– Без чистой совести.

6. Чем ты душу свою питаешь?

– Виноградом.

7. Что есть виноград?

– Виноград есть слово Божие.

8. Имеете ли вы у себя трех Иисусов?

– Имеем.

9. Что есть первый Иисус?

– Первый Иисус Навин.

10. Что есть второй Иисус?

– Второй Иисус Равин.

11. Что есть третий Иисус?

– Третий Иисус Сидякин, который, сидя на престоле, все новое творит.

12. Ходите ли вы в собрание?

– Ходим.

13. С чем вы в собрание ходите?

– С неизреченными бритвами.

14. Что есть неизреченная бритва?

– Язык неизреченный, глагол Божий.

15. Есть ли у вас церковь?

– Есть.

16. На чем она у вас построена?

– Наша церковь построена не на бревнах, не на каменных стенах, а наша церковь построена в сердцах, душах человеческих, во любящих, во верующих в Него, аще кто верно Ему служит.

17. Много ли в вашей церкви стен?

– Четыре.

18. Что есть первая стена?

– Первая стена – младенцы – наместники Христовы.

19. Что есть вторая стена?

– Вторая стена – чистые девы, невесты Жениховы.

20. Что есть третья стена?

– Третья стена – старцы, возвестители царевы.

21. Что есть четвертая стена?

– Четвертая стена – жены мироносицы, которые искони Христа искали.

22. Много ли в вашей церкви врат?

– Трое.

23. Что есть первые врата?

– Первые врата – вхождения.

24. Что есть вторые врата?

– Вторые врата – нахождения.

25. Что есть третьи врата?

– Третьи врата – заповедей.

26. Много ли в вашей церкви окон?

– Трое.

27. Что есть первое окно?

– Первое окно – откровение (окнование).

28. Что есть второе окно?

– Второе окно – вдохновение.

29. Что есть третье окно?

– Третье окно – воздержание.

30. Чем ваша церковь покрыта?

– Церковь наша покрыта борунами – Божьими рабами.

31. Чем ваша церковь обита?

– Волнами – Божьими словами.

32. Чем ваша церков занавешена?

– Пеленами.

33. Что есть пелены?
– Пелена есть Божие пение.
34. Есть ли в вашей церкви голова?
– Есть.
35. Что есть голова?
– Голова есть Христос – глагол Божий.
36. Есть ли в вашей церкви елей?
– Есть.
37. Что есть елей?
– Елей есть добродетель.
38. В чем елей соблюдается ?
– В козьем роге.
39. Что есть козий рог?
– Козий рог есть Божий рог (?).
40. Ходите ли вы в церковь?
– Ходим.
41. Для чего ради ходите в церковь?
– Для того, чтобы сплечиться в любви, благости возвещения разума, познать тайного Бога Отца, в Нем же суть сокровище и разум Его сокровенный.
42. Кому вы поклоняетесь?
– Отцу и Сыну и Св. Духу, той же Святой Троице.
43. Есть ли в вашей церкви престол?
– Есть.
44. Что есть престол?
– Престол есть пристанище истинных христиан.
45. На чем престол стоит?
– На четырех старцах животных.
46. Что есть первый старец?
– Первый старец – яспис (?).
47. Что есть второй старец?
– Второй старец – сапфир.
48. Что есть третий старец?
– Третий старец – Халкидон (?).
49. Что есть четвертый старец?
– Четвертый старец – самарах (?).
50. Что на престоле есть?

– Сосуд, крест, евангелие и чаша.

51. Что есть сосуд?

– Сосуд есть закон Божий.

52. Что есть крест?

– Крест есть страдание за Христа.

53. Что есть евангелие?

– Евангелие есть слово Господне – всему миру светило.

54. Что есть чаша?

– Чаша есть слово премудрости.

55. Кто у престола стоит?

– Священник праведный, преподобный, незлобный, нелживый, нескверный, чистосердечный, который отлучен от грешников, евнух, не содеявший рукою своей, ниже помысел от Господа лукавый.

56. Вошедши в церковь, за что берешься?

– За кадило.

57. На кого ты воззришь?

– На общника, брата Иянна.

58. Что у священника в руках?

– Кадило.

59. Что есть кадило?

– Кадило есть великое дило.

60. Что в кадиле есть?

– Жар и уголь.

61. Что есть жар?

– Жар есть желание.

62. Что есть уголь?

– Уголь есть глагол Божий.

63. Что есть иконостас?

– Иконостас есть церковный, крест духовный, – собрание истинных христиан.

64. Какому вы кресту веруете – четырехконечному или восьмиконечному?

– Четырехконечному.

65. Что есть первый конец?

– Первый конец – пророк.

66. Что есть второй конец?

– Второй конец – апостол.

67. Что есть третий конец?

– Третий конец – ангел.

68. Что есть четвертый конец?

– Четвертый конец – архангел.

69. Которой вы земли?

– Благоукоренной, радованной земли.

70. Что есть земля?

– Земля есть утверждение – Божие строение.

71. На чем земля утверждена?

– На четырех столпах.

72. Что есть первый столп?

– Первый столп – лев.

73. Что есть второй столп?

– Второй столп – орел.

74. Что есть третий столп?

– Третий столп – агнец.

75. Что есть четвертый столп?

– Четвертый столп – человек и – тот самый человек, который начал век.

76. Что такое лев?

– Лев есть дьявол.

77. Что-такое орел?

– Орел есть царь.

78. Что такое есть атец?

– Агнец емлет грехи в мире; не место человека просвещает, а человек – место, значить это – Иисус Христос.

79. Что это за человек, который начал век?

– Царь Давид Осеевич, близкий к Богу и семя его до века, – он первый доказал, от чего белый свет стал.

80. Откуда ты пришел?

– От сей веры рабы твои.

81. По чем ты пришел?

– По дороге.

82. Что есть дорога?

– Дорога есть дарование Духа Святого.

83. Что в дороге свернутие?

– Мысли человеческие. Аще не домыслишь, то и не свернешь.

84. Что впереди тебя ходит?

– Страх слова Божия.

85. С чем ты к нам пришел?

– С упованием и желанием.

86. Что ты нам принес?

– Покорение и смирение, – смирив себя пред Господом.

87. Что ты от нас желаешь?

– Честной беседы, добрых дел.

88. На чем ты стоишь?

– На камне укоренном.

89. Что на тебе есть?

– Бысть на мне рука Господня.

90. Чем ты одет?

– Светом, яко ризою.

91. Чем ты подпоясан?

– От сапфира поясом златым.

92. Куда ты идешь?

– В Иерусалим.

93. Много ли в Иерусалиме врат?

– Дванадесят врат.

94. Какие?

– От сей веры – врат трое; от юга – врат трое; от востока – врат трое; от запада – врат трое.

95. Какие им имена?

– От сей веры – Ананий, Азарий и Мисаила; от юга – Авраама, Исаака и Иакова; от востока – Ноя и Лота; от запада – Моисея, Аарона и Давида.

96. Кто на тех вратах замок положил?

– Павел.

97. Кому ключи отдал?

– Петру.

98. Чей ключ?

– Давида.

99. Что же ты – духоборец или нет?

– Духоборец.

100. Почему ты духоборец?

– Потому и духоборец, что духом Богу служу и хвалюся о Христе Иисусе Его, от духа беру, от духа собрал, духом бодрствую, от духа меч получил и мечом воюю.

101. Что же ты – молодец или мужичок?

– Молодец.

102. Почему ты – молодец?

– Потому и молодец, что не взыдох в сонму суетную, возненавидел церковь лукавую и обыдоша все сети диавольские, воспринял на себя брак святых божественных тайн от святой души его.

103. Что есть брак?

– Брак есть дело вечного блаженства, помыслы благие, в том мы себя утверждаем.

104. Где вы Бога познаете?

– В были, что Он был и всегда будет.

105. Кто Бога Богом нарек?

– Моисей Мосиах, яко с рогом, ухватился за голову свою, думал – рог, ан праведный Бог.

106. Чем ты видишь Бога?

– Аз вижу Бога духом но сверху головы моей, и в дусиях.

107. Где Бог родился?

– В крепкоуме.

108. Где был Бог, когда не было ни неба, ни земли, ни солнечного сияния, ни лунного течения, ни звездного украшения, тогда где был?

– В горе – вере – небесных силах.

109. Что есть гора?

– Гора – наша вера, кто Богу верует, то и есть гора – вера.

110. Что есть Христос?

– Христос есть Сын живого Бога.

111. Кто восприемник Христовых дел и кто наместник Его?

– Кто чист телом и делом, от дурных дел удален, добрым покорен.

112. Чем ты Богу молишься?

– Молитвою: глаголом моим ко Господу воззвах, глаголом моим ко Господу помолюсь.

113. Чем ты крестишься?

– Словом Божиим: во имя Отца, Сына и Святого Духа.

114. Кому ты веруешь?

– Богу, сотворившему, Который небо, землю и белый свет открыл: Он Богу Богом, глагол сильный и крепкий, всему миру и веку начальник.

115. Кто вас научил?

– Не много на земле учителей бывает, не излишне суждение приемлют, а учитель нам есть один, наставник – Дух Святой.

116. Ходите ли вы в церковь?

– Не ходим.

117. Чего ради вы не ходите?

– Мы в ней святости не чаем и божества не покладаем, ибо она подобна огню и гнили, и всякой тленности, попы ваши – волки.

118. В какую же вы ходите церковь?

– Мы ходим во единую, святую, соборную церковь: где два – три во имя Отца, глаголет Господь: Аз посреди их и где один во имя Отца, глаголет Господь, Аз в тебе пребываю.

119. Что есть поп?

– Поп есть диавол.

120. Почему вы попа называете диаволом?

– Потому что он называет себя отцом, а Господь сказал: кто назовет себя во вторых по Богу отцом, тот будет наречен смертью диавола.

121. Веруете ли и почитаете иконы?

– Нет. Мы не веруем и не почитаем, потому что они изображены на досках, ваплях и маслах, или на ином чем, но мы веруем той иконе, которая Сына Назарянина, она же моя и глаголет мое о Боге, из нее яже исходит кровь и вода, которая скрозь костей и мозгов человеческих проходит.

122. Пост вы имеете?

– Имеем.

123. В чем у вас пост заключается?

– В воздержании мысли. Отнимаем от себя всю неправду: от уст – роптания, от рук – убияния, от всех злых дел воздержим себя.

124. У вас есть причастие?

– Есть.

125. Чем вы причащаетесь?

– Словом Божиим.

126. Откуда взялся закон?

– От Сиона.

127. Слово Божие откуда взялось?

– От Иерусалима.

128. Откуда ты пришел?

– От града повреждения я пришел к небесному селению.

129. От кого родился Иисус Христос?

– От Девы нетленной, воплотившейся навеки к Богу Слову. Бог нам сказал: премудростей много, плотью распят, да спасет человека.

130. Именуете ли вы и почитаете Богородицу?

– Богородицу мы именуем и почитаем. Она искони Дева и до-днесь Дева, от Нее же родился и рождается Иисус Христос на потребление грехов Адамовых.

Семьдесят пунктов

1. Почему вы называетесь духоборцами?

– Потому что несомненной веры, сила, крепость, с Господом вкупе.

2. Какой духоборческий крест?

– Вольный – нищета, убожество.

3. Какой вы веры?

– Мы веры Иисусовой, той же (т. е.?), духоборческой.

4. Какому вы кресту веруете?

– Четырехконечному.

5. Что есть первый конец?

– Первый конец – вера.

6. Что есть второй конец?

– Второй конец – надежда.

7. Что есть третий конец?

– Третий конец – труды.

8. Что есть четвертый конец?

– Четвертый конец – питание. Верую, надеюсь, тружусь и питаюсь.

9. Какая у вас первая молитва?

– Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Во имя Отца – начальника Слова к Богу, во имя Сына – Царя Господа всем тварям, во имя Св. Духа – совершителя всех душевных благ.

10. Как вы полагаете о Христовой женитьбе, – что Он женился или нет?

– Женился: с праведными приобщился, Который ныне с нами есть. Жена есть Желание, а вера – кротость, воздержание.

11. В чем закон Божий состоит?

– В двух заповедях.

12. В каких?

– Возлюби Господа всем сердцем, всей душой твоейй и всем разумением твоим. Вторая, подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях составлен весь закон.

13. Какого вы завета – старого или нового?

– Старого закона Божьего, веры Иисусовой.

14. Вы от кого веру взяли?

– От трех отроков: Анания, Азарии и Мисаила.

15. Кто тебя крестил?

– Отец и мать, третья благодать.

16. Почему вы веруете писанию?

– Мы веруем: Господь сказал: «напишите в сердцах, возвестите во устах».

17. От кого вы научились?

– Учитель нам – Бог, а наставник – Дух Святой.

18. Чем ты Бога видишь.

– Словом Бога вижу, а слово у Бога.

19. Кому Бог молится?

– Слову, а слово – в Боге, а Бог – в человеке.

20. Что есть правда?

– Правда есть вечная, без пороку, во царствии небесном.

21. Что есть Иерусалим?

– Иерусалим есть слово непорочное.

22. За что ты кланяешься Отцу, Сыну и Св. Духу?

– Отцу кланяюсь за то, что Он нас сотворил; Сыну кланяюсь за то, что Он нас светом просветил; а Св. Духу – за то, что Он нас оживил.

23. Что есть Бог, что есть Господь, чего ваша душа достойна?

– Бог есть упование, Господь – желание, душа наша достойна милости Божией.

24. Чего твоя душа ожидает?

– Душа моя ожидает спасения, на будущий век – веселия.

25. Что «вначале» трем словам ответ?

– Содеял Господь спасение посреди земли, а слово Его по всей земле.

26. Чьи вы сыны были и кто первый отец был на земле?

– Авель.

27. Какое Богу первое слово?

– Первое: помилуй меня, Боже, а последнее слово: всякое дыхание да хвалит Господа.

28. Как вы почитаете праведного Давида, – каких он был родов, и почему у него было семьдесят семь жен и семьдесят семь наложниц?

– У него было семьдесят семь жен и семьдесят семь наложниц, он был родов Израильских, его жена была Цара и потомужды семьдесят семь вер. Старше православной веры нет, но только старше всех – вера Божия; Давид сам был закона Божьего, да ложью скрывался, а то бы его убили, как Того, который пошел за Христа.

29. От кого вы премудрость эту взяли?

– От сына Мариина – головы Иисусовой.

30. На чем закон Божий стоит?

– На апостолах, пророках, которые прорекли о вечной жизни.

31. Почему вы на себя рукою крест не складаете?

– Господь запрещает и сказал: «ручное моление не есть спасение, пять пар супруг – единый им корчаг, вино пиющий, на дело Господне не взирающий, а для рук человеческих».

32. Что старше – вера или упование?

– Упование старше: вера без дел мертва есть.

33. Ходите ли вы в собрание, поете ли псалмы или нет, и откуда вы взяли пение?

– В собрание ходим, псалмы читаем и поем, взяли от Уянна Богослова, друга брата Христова, грома громова сына, девственника наперстенника, ученика возлюбленного.

34. Как ты один наедине Богу молишься?

– Верой, правдою, святою молитвою; превознесение наше – мысли и сердца к милостивому Богу.

35. Что есть Божии очи?

– Бог наш и судья праведный.

36. Что есть «Божии очи», – трем словам ответ?

– Чтобы мы, рабы Божии, были смелы так, как у отца дети прибегают с молитвою, – что Он наш общий отец, а мы Ему верующие братия.

37. Семь таинств нового завета вы имеете?

– Имеем.

38. Какие?

– Крещение, миропомазание, причащение, покаяние, вразумление, брак духовный и читай – да почитай.

39. Чему отцы и матери учат?

– Отцы и матери учат нас познать Бога своего и поучиться дела от Него.

40. Почему вы называетесь христианами?

– По познанию слова Христова.

41. Вы – духоборцы; чему поучает духоборчество?

– От худых дел удаляться.

42. Какие грехи против Духа Святого?

– Излишнее упование на милость Божию, без творения добрых дел.

43. Помните ли четыре последних?

– Помним: суд, смерть, ад и царствие небесное.

44. Какие главные добродетели?

– Вера, надежда, любовь, – где любовь живет, там Бог пребывает.

45. Есть ли у вас псалтырь?

– Есть: псалмы наши – псалтырь.

46. Евангелие имеете?

– Господь сказал: Аз есмь евангелие, всему миру светило.

47. Есть ли у вас монастырь?

– Нет; у нас попов нет.

48. Есть ли у вас храм Божий?

– Тело наше – храм Божий, душа – образ Божий.

49. Есть ли у вас алтарь?

– Молитва наша – алтарь, вознесение к Богу.

50. Почему вы не ходите в церковь и не веруете образам?

– Лучше явственно видеть одним оком, нежели от двух быть слепому.

51. Откуда вы закон взяли и где ваш закон?

– В книгах животных, в голове Иисусовой.

52. Где вы Бога видели?

– Никто нигде Бога не видал, а только те, которые друг друга любят, – в любви Бог пребывает.

53. Светильник у вас есть?

– Есть: горящая вера, неозаримая совесть.

54. Как надо понимать вербу и пальму, с которой встречали Иисуса Христа, ехавшего в Иерусалим на осле?

– Когда Иисус Христос шел в Иерусалим, то было два Иерусалима: в одном богатые Его встречали, клали сукна и проч., а в другом Иерусалиме бедные бросали вербы и пальмы под ноги Его; Он шел по верным; осел был вид одного Иерусалима, а другой – Валаамов.

55. Причащаетесь ли вы или нет, и от кого причастие принимаете?

– Причащаемся от животного ангела. Ангел животный причастие по чашам разливает, а мы на тех словесах наслаждаемся.

56. Что причастнику подобает говорить?

– Бойся Господа, творяй заповеди Его. Аз есмь причастник, от него же поучаша, и заповеди Его познаша.

57. Какую вы молитву читаете, ложась спать?

– Дай же мне, Владыко, на сон грядущий, тело на покой, души на спасение, устав на моление. Ангел мой хранитель, сохрани мою душу, скрепи мое сердце; враг сатана, откачнись от меня: у меня Спас в руках, Богородицкий замок и Господь Бог – Саваоф.

58. Встаете от сна – какую молитву читаете?

– Господи, благодарю Тебя всем сердцем и душою моею, что меня здрава и невредима водвиг от сна.

59. Когда кончится человек, что вы над ним делаете?

– Молитву читаем: прими, Отче, во грядущих.

60. Во время похорон какие псалмы поете?

– Узрех народу много, взыйдите иа гору.

61. Возвратясь с похорон, какие псалмы поете?

– Помилуй нас, Владыко.

62. Прийдя домой, какие поете.

– К кому пойду от Тебя, Господа моего?

63. Какое у вас в церкви первое моление?

– Тихое вступление, низкий поклон, тихий разговор, умильный взгляд.

64. Что у вас вместо церкви?

– Глас вопиющего на водах и морях.

65. Какой вы рыбы не едите?
– Сомину, свинину (?) и рака не едим.
66. Почему вы не едите?
– Потому что он (?) туда и сюда ходит.
67. Кто у вас младенцам звание дает?
–Кто на руки берет, тот и звание дает.
68. Сколько другов Господних?
– Три: первый друг – осторожность, второй – страх Господний, третий друг – любовь.
69. Что ты миром помазан?
– Не знаю: мир есть благодать.
70. Где ангел пребывает?
– В душе ангел есть мысль невредимая.
71. Чем душа живет и что готовит?
– Живет о Боге, готовит разум.
72. Чему вас отцы-матери учили?
– Учили нас отцы и матери ко святым своим отчам (?).
73. Во скольких лицах Господь пребывает?
– В трех лицах пребывает.
74. Что есть первое лицо?
– Свет Отец Бог наш.
75. Что есть второе лицо?
– Живот – Бог наш (?)
76. Что есть третье лицо?
– Покой, свят Дух Бог наш.
77. Что есть Отец?
– Отец есть Бог.
78. Что есть Сын?
– Сын есть взыскание слова.
79. Что есть Дух?
– Дух есть истинность.
80. Что есть Уянн?
– Уянн есть рассуждение.
81. Что есть Лазарь?
– Лазарь есть разум.
82. Что есть евангелие?

– Евангелие есть радостная весть, опущение моих грехов, причисление меня к числу чад Божиих.

83. Что есть псалтирь?

– Псалтирь есть премудрость.

84. Что есть писание Божие?

– Писание Божие есть ведомость истинная.

85. Что есть Василий Великий?

– Василий Великий есть толкование о кадиле.

86. Что есть кадило.

– Кадило есть великое дило, кое нас омывает и освещает, то бо есть кадило.

87. Что есть сосуд Божий?

– Чистая плоть, непорочная.

88. Что есть причащение?

– Причащение есть поучение, слово Христово, глагол Божий, который проходит скрозь костей и мозгов человеческих, – от Господа Бога нашего дела.

89. Что есть голова?

– Голова есть глагол Божий.

90. Что есть лик?

– Лик есть ликование в пресветлом раю.

91. Что есть очи душевные?

– Зрение, разумение.

92. Что есть нос?

– Нос есть ношение.

93. Что есть ухо?

– Ухо есть хотение.

94. Что есть уста?

– Уста есть установление Господа Бога нашего дело.

95. Что есть рука?

– Рука есть *тречение* (?).

96. Что есть нога?

– Нога есть путь.

97. Что есть путь?

– Путь есть поучение, Господа Бога нашего дело.

98. По чем ты идешь?

– По Духу.

99. Во что одеваешься?
– В свет, яко ризу.
100. Какой ты слободы?
– Слободы Троицы.
101. Какого ты села?
– Села красного.
102. Где Господь строится?
– Посреди земли, в роде праведных, в людях истинных.

Принято думать, что для каждого вероисповедания его катехизис является символической книгой, в которой со всей точностью и определенностью излагаются его основные догматы. Нельзя этого сказать о катехизисе духоборцев. Написанный безграмотно и без всякой системы, наполненный пустыми и бессмысленными аллегориями, он не дает никакой возможности составить определенного представления о духоборческих верованиях и, хотя обязательно изучается духоборцами, но, как бы, намеренно его автор скрывает от них их же собственное лжеучение. Неудивительно после этого, что духоборы вообще крайне неохотно говорят посторонним о своих верованиях. Истинная же причина той пустой болтливости, какой наполнен духоборческий Катехизис, состоит в том, что, на самом деле, догматика духоборцев крайне скудна своим содержанием и никогда не могла представить собою точно определенной системы. Такое мнение о духоборческих верованиях уже давно сложилось у серьезных исследователей русского сектанства. Так, уже в 1828 году один исследователь духоборческой секты[146] писал: «Между ними (духоборцами), людей, имеющих, по крайней мере, при их заблуждении, некоторое основание в понятии о Божестве, ныне уже весьма мало; в общей же массе, они погружены, в рассуждении правил богопочитания, в величайшее невежество; а потому, можно с достоверностью сказать, что они вовсе никаких постоянных правил вероисповедания не имеют, и сами не знают, чему существенно веруют и какие догматы веры принимают. Но это они, однако же, тщательно скрывают под видом, якобы, нежелания распространяться в разговорах об этом предмете и намерения скрывать правила свои в тайне. Весь их символ

веры состоит в одном имени: «поборник духовного богопочитания», по коему они считают себя просвещеннейшими перед инакомыслящими; и, действительно, стараются себя выставить таковыми перед прочими соседними русскими поселянами в своем с ними обхождении и образе жизни». «Главный и единственный догмат, в котором сосредоточивается все учение духоборцев, – говорит писатель, хорошо знающий верования этих сектантов[147], – есть мечта, или самообольщение, что они, якобы, достигли высшего состояния благодати, и каждый из них, соделавшись храмом Божиим, в большей или меньшей степени, имеет в себе присутствие Святой Троицы. Так как разум, память и воля находятся в каждом духоборце, то, следовательно, каждый из них имеет в себе и Св. Троицу... Духоборцы именуют себя чадами или людьми Божиими и думают, что обладают духовным помазанием. Они верят, что все, что они мыслят, говорят и думают, все это делается по внушению Св. Троицы. Они называют Св. Троицу словами: высота, широта и глубина; дух силы, дух премудрости, дух воли – слова, которых они сами объяснить не могут».

В другом месте[148], тот же писатель так отзывается о духоборцах: «Духоборцы мало учатся читать и писать. Грамотным между ними считается тот, кто умеет кое-как читать печатное. Таким образом, не получая никакого образования, не занимаясь чтением и не имея никаких книг, духоборы стоят на самой низкой степени познания даже о верованиях их секты. Молодые люди, преимущественно, безмолвные невежды. Многие двадцатилетние юноши на вопрос: «что такое Господь?» чистосердечно отвечали: «мы не знаем». Один лишь главный предмет толкуется всеми духоборцами без изъятия: это – существование секты издавна, как они говорят: отцы наши возвестиша нам дела – мнимым пребыванием в них Святой Троицы – что они суть чада или люди Божии. В этом заключается начало и конец всех духоборческих религиозных познаний... Духоборцы отличаются положительным всего незнанием. Посему, напрасно кто-нибудь вздумал бы говорить с ними об ипостасных свойствах Св. Троицы, или о заслугах

Иисуса Христа, или о грехе первородном, или о внутреннем совершенстве: одним словом – о каком бы то ни было *духовном* предмете; обо всем этом духоборцы не имеют не только положительного, но и поверхностного понятия, а, между тем, считают себя в совершенном состоянии благодати и думают, что они перешли предел потребных и необходимых для спасения познаний. Охотно говорят они только о кресте, об иконах и т. п.». Этот отзыв ученого исследователя, высказанный о духоборцах 1848 года, вполне сохраняет свое значение и в отношении к духоборцам нашего времени.

Кто желает видеть духоборческие верования в какой-либо системе, тот, подобно митрополиту Евгению и Лопухину, сам должен поработать над этим, причем, нужно изучить не только духоборческие катехизисы, но, главным образом, духоборческие псалмы и толкования их, которые можно узнать при условии близкого и непосредственного знакомства с духоборческими наставниками. При выполнении этих требований, верования духоборцев представляются в следующем виде:

1) Св. Писания как ветхого, так и нового заветов они не признают источником своего вероучения. Правда, в конце XVIII века, они иногда обращались к нему, но поступали с ним чисто рационалистически, произвольно: «из ветхого и нового завета, – говорили они, – мы берем себе только полезное». В действительности, они заимствовали лишь некоторые нравоучительные положения, но уже Побирохин назвал Библию, как мы видели, только «хлопотницею». В последующее же время, духоборцы не стали придавать никакого значения книгам Св. Писания, как не содержащим в себе истинного учения. Так они смотрят даже и на канонические евангелия, потому что ев. Матфей, по их кощунственному выражению, много «намотал», Марк – «намарал», а Лука – «лукавил»[149]. Только к одному ап. Иоанну (Иянну) они относятся, по-видимому, с некоторым уважением, но не потому, что его евангелие считают достоверным, а потому, что его учение об Иисусе Христе, как о Слове, они могут исказить своим толкованием в желательном для них смысле. Только благоразумнейшие из духоборцев умеют в, более или менее, приличных выражениях объяснить

свое отрицательное отношение к книгам Св. Писания ветхого и нового заветов. Евангелисты, говорят они, по своему непониманию, неверно записали проповеди Иисуса Христа, а во все, вообще, книги Св. Писания вкралось, будто бы, много ошибок, вследствие неправильных переводов их с того языка, на котором учили пророки, Христос и апостолы. Наконец, к Библии они питают нерасположение, вообще, к книге, которая написана «мертвыми буквами», и есть вещь видимая и тленная. Вот почему уже с начала прошлого столетия духоборы перестали иметь у себя книги Св. Писания.

Мы веруем, говорят духоборцы, так как «отцы наши возвестиша нам» (Пс. 43:1), т. е., вместо Св. Писания они объявляют источником своего вероучения предание, но не церковное или святоотеческое, а свое собственное, которое называется у них животною книгою или книгою, живущею в памяти и сердцах духоборцев. По их учению, это предание ведет свое начало от Самого Иисуса Христа и передается из рода в род преемственно, от родителей к детям. Из него – уверяют духоборцы, – ни одна йота не затерялась и не может затеряться до кончины, и после кончины мира, как не может изгибнуть бессмертная душа – хранилище животной книги. На самом деле, животная книга состоит из духоборческих «псалмов», а «псалмы» эти составлены из отрывочных стихов и слов псалмов Давида, изречений ветхого и нового завета, молитв и ирмосов православной церкви и, большей частью, собственных духоборческих вымыслов. Но псалмов у духоборцев, по их словам, бесчисленное множество; знать их все одному духоборцу невозможно; а потому, животная книга и хранится в полном составе своем не в каждом духоборце порознь, а в целом роде их, разбросанная по сердцам; чтобы составилась полная животная книга, надо, так сказать, собрать в одно все духоборческие памяти и сердца[150]. Ввиду такого уважения к преданиям «животной книги», и признавая себя проникнутыми внутренним словом от живущего в них Духа Святого, духоборцы считают для себя даже грехом обращаться к «мертвым» книгам Св. Писания[151]. По их словам, «Христос принес грамоту написанную и дал читать неумелому». В своем

катехизисе и в показаниях, данных митрополиту Евгению, они с особенным ударением говорят о том, что Христос, Сам будучи евангелием, послал апостолов в мир словом проповедовать.

2) На словах духоборцы утверждают, что они веруют в Бога и даже признают Его троичным в лицах. Но уже немецкие ученые (Шрекк) заметили, что «их понятие о Святой Троице не есть учение христианское»[152]. И, действительно, даже в своем катехизисе они Богом признают только Первое лицо Пресв. Троицы. Сын, по их учению, есть только «взыскание слова», Дух Святой – «истинность»; в другом месте, они называют Сына Божия только «животом», а Св. Духа – «покоем» или «упокоем»; в третьем месте Сын у них уже – «разум», а Дух Св. – «воля». Поэтому некоторые ученые не без основания допускают даже, что духоборцы, признающие Бога только в человеке, представляют Его себе не самостоятельным существом, лично и самобытно существующим, но, как бы, слитно и нераздельно пребывающим с родом избранных, так что без рода этого Он не мог бы ни открыться, ни прославиться[153]. «Бога, – учил Побирохин, – в собственном существе нет, а пребывает он в роде праведных». Но этого мало; есть основание думать, что духоборцы вполне отождествляют Бога с человеком. Так, тот же Побирохии утверждал, что Божественная Троица есть память, разум и воля в человеке[154], а один из любимейших духоборцами псалмов читается так: «*Кто Бог велий яко Бог наш. Ты еси Бог творяй чудеса един. Что есть Бог? Бог есть дух, Бог есть слово.* Бог есть человек... *во единой душе (человека) три силы душевные – един Бог. Слава*». Ясно, что с духоборческой точки зрения и Колесников был совершенно последовательным, когда учил, что «*должно поклоняться Богу друг в друге, яко есьмы начаток созданием Его и есьмы между всеми твореними в мире живоначертанное рукою Его изображение, образ Бога на земле*». Вот почему, кланяясь друг другу, духоборцы, обыкновенно, говорят: «поклоняюсь Отцу и Сыну и Св. Духу». После этого неудивительно, что 8000 духоборцев с легкостью усвоили атеистическое учение графа Л. Толстого.

3) Иисус Христос, по учению духоборцев, не есть истинный Бог. Христос для них только «глагол Божий», как и уголь кадильный, а *Иисус Сидякин* (?) – тот, которого убили за Христа, т. е., за глагол Божий. О нем они говорят так[155]: «*Он есть сын Божий, но лишь в таком смысле, в каком и мы называемся сынами Божиими; наши старцы знают еще больше, нежели Христос*». Однажды квакеры посетили мелитопольских духоборцов и в беседе с ними категорически потребовали от них прямого ответа «да» или «нет» на вопрос: верите ли вы, что Иисус Христос есть Сын Божий, второе лицо Св. Троицы? Ответ последовал такой: «мы просто верим, что Иисус, был добродетельный человек, и больше ничего». Услыхав это богохульство, вопрошавший квакер чуть не опрокинулся навзничь и, закрыв глаза рукою, воскликнул с ужасом: «о тьма!»[156]... Признавая Иисуса Христа только «добродетельным человеком», духоборцы всю Его земную жизнь и совершенные им чудеса, понимают только в иносказательном смысле: Он исцелял больных и воскрешал мертвых, т. е., обращал грешников ко спасению; страдал и умер Он на кресте не добровольно, иначе, Он не просил бы Бога, чтобы Его миновала чаша страданий. Распяли Его – говорят духоборцы, – жиды, а жиды (житы) значит – жители, а жители эти – православные. Это видно из того, что Христа распяли первосвященники и книжники: но православные сами себя называют священниками, имеют и читают видимые книги. Следовательно, они и есть самые эти первосвященники и книжники, распявшие Христа, т. е., потомки их. Распявши, они одумались, сознали свою вину и, чтобы загладить ее, стали поклоняться Христу мертвому, т. е. кресту и иконе Его. А живой Христос, скрывшись от них, переселился в род избранный, духоборческий. Поэтому, духоборцы поклоняются Иисусу Христу живому (т. е., своему главарю из рода Колмыковых), а православные – мертвому[157]. После смерти, тело Иисуса Христа, по верованию духоборцев, истлело в земле, а духом Он воскрес и поселился в духоборческом роде. Воскресши, Он вознесся на небеса; а это значит, что Он скрылся от мятежа человеческого (подлинные слова сектантов) в апостолах, которые, собственно, и суть небеса[158].

4) По заявлению духоборцев, они веруют в Св. Духа, называя Его «истинностью», «волей», «глубиною», даже «наставником»; но о благодатных действиях Св. Духа они ничего не знают. «И неудивительно, – замечает проф. Новицкий[159], – как скоро исторический Христос, по их понятию, не есть Спаситель мира, то Он и не может никому сообщать благодатных даров Духа. Если же в душе каждого духоборца пребывает Сын Божий в виде божественного разума и самым своим присутствием здесь очищает ее от всякого греха, то Св. Духу не предстоит уже здесь никакого действия. Недаром Побирохин отрицал самое существование Св. Духа».

5) «Божию Матерь, – говорят духоборцы – мы почитаем и подражаем Ее житию; Она искони и по днесь Дева, из Нее же родился и рождается Христос, как и у нас». Но, подобно хлыстам, под Божией Матерью они разумеют не Пресвятую Деву Марию, дочь Иоакима и Анны, но свое духоборческое общество, производящее из среды своей лиц, способных воспринять в себя Христа (глагол Божий) и быть «живыми богами».

6) Духоборцы, по их словам, веруют в бытие духовного мира, т. е. ангелов и архангелов, равно, как и в диавола, причину падения человека и грехов в мире; почитают св. угодников Божиих – Авраама, Исаака, Иакова, Давида, трех отроков вавилонских, ветхозаветных пророков, новозаветных апостолов, мучеников и духоборческих «страдальцев за закон». Но почитание святых, по их учению, должно состоять не в молитве им, а в подражании их жизни. Угодники Божии, – говорят духоборцы, – даже выше и ближе к Богу, нежели ангелы; ибо о первых говорится: «блаженны чистые сердцем, яко ти Бога узрят», а о вторых сказано: «на Него же не смеют чини ангельские взирати». Нужно, однако же, помнить, что, по учению духоборцев, ангелы суть только «мысли невредимые», а не личные существа, и что они «пребывают только в душе человека».

7) О сотворении мира и человека духоборцы учат согласно с Библией; но наследственности прародительского греха, в смысле учения Православной Церкви, они не признают, а

потому, не признают и искупительного значения за крестными страданиями Иисуса Христа. По их мнению, души людей, созданные Богом еще до сотворения мира, пали сами по себе, вместе с другими падшими духами; но через это, они не утратили ни разума, ни воли; а потому, духоборы утверждают, что в настоящее время, человек обладает вполне достаточными средствами для того, чтобы самому спасти себя, без всякой посторонней помощи. «Бог нас создал, – говорят они, – дал нам волю и разум, да еще за грехи наши будет Себя распинать?!»[160]. Все значение Иисуса Христа духоборцы ограничивают тем, что Он дал заповеди, или правила, которыми мы должны руководствоваться в своей жизни и деятельности. Но сам Он не может быть даже примером для подражания нашего. «Христос делал, что хотел, – говорят они, – а нам другое заповедал»… Впрочем, искупление для духоборцев, считающих себя святыми и безгрешными, очевидно, не нужно, а не духоборцы, осужденные на погибель, по их мнению, его не заслуживают.

8) Духоборцы веруют в предсуществование душ и их перевоплощение. Переселение души в тело человека, по мнению закавказских духоборцев, совершается, примерно, от 6-ти до 15-тилетнего возраста, т. е., в то время, когда человек начинает учить «животную книгу»; а пока он не выучит из нее нескольких псалмов, в нем обитает не душа, а только один дух, ветер, который не есть нечто, а почти ничто. Души праведных, т. е. духоборческие, переселяются в людей; а души грешников, т. е., не духоборцев – в животных. По переселении в тело, душа ничего не помнит из прежней своей жизни: «человек яко трава; дни его яко цвет сильный: тако отцветает; яко дух пройде в нем и не будет и не познает к тому места своего (Пс. 102:15–16)[161]. Это верование, как мы видели, было заимствовано от хлыстов Побирохиным, по личным мотивам властолюбия и тщеславия, так как Побирохину самому хотелось слыть за Христа и «живого бога», ради приобретения наибольшего авторитета среди единоверцев. Впрочем, как навязанное извне и введенное в круг духоборческих верований лишь механически, оно нашло для себя практическое применение только отчасти. От времен

Побирохниа до 1886 года духоборцы веровали, что душа Христа преемственно вселяется в их главарей; но, чтобы и в них самих обитали души каких-либо знаменитых, раньше живших людей, об этом они как-то умалчивали. В последнее же время, когда род Колмыковых, преемственно бывших «живыми богами», прекратился, а Веригин не был признан носителем Христовой души, духоборцы просто не знают, что делать со своим учением о душепереселении и затрудняются сказать, где теперь обитает душа Иисуса Христа…

9) Церкви Христовой, как божественного учреждения, духоборцы не признают: «где соберутся двое или трое во имя Божие, там и церковь», говорят они. А, так как, по их учению, все люди равны между собою, то ими отрицается всякая иерархия и всякая власть одних людей над другими; «попов» они объявляют диаволами за то только, что они не запрещают называть себя «отцами» и что, будто бы, Сам Господь повелел называть их «смертью диавола» (?). Духоборцы, по их словам, признают только одну церковь – внутреннюю, или духовную, которая состроена не на горах и долинах, не в селах и городах, не в бревнах и каменных стенах, а в душах и сердцах человеческих.

10) Признавая только внутреннюю церковь, и объявляя истинным поклонением Богу только духом и истиной, наконец, не нуждаясь для своего спасения ни в каких благодатных дарах Духа Святого, духоборцы отвергают все таинства Православной Церкви и все виды внешнего богопочитания. Если же они и говорят о таинствах и обрядах, признавая за ними аллегорический смысл, то они просто играют словами. А крестное знамение, по их уверению, запретил, будто бы, даже Сам Господь, где-то, когда-то и кому-то сказавший, что «*ручное моление не есть спасение, пять пар супруг – единый им корчаг, вино пиящий, на дело Господне не взирающий, а для рук человеческих*»[162].

11) О всеобщем воскресении мертвых духоборцы или совсем отказываются рассуждать, или же говорят крайне неохотно и, по-видимому, неуверенно. «Это один Бог знает», – так чаще всего отвечают они. Впрочем, в возможность

воскресения тел умерших они решительно не веруют. Как мы видели, духоборцы Кузьмины митрополиту Евгению отвечали так: «мы воскреснем духом, а не плотью, а о вас не знаем». О кончине мира и о страшном суде духоборцы даже любят рассуждать, но и то, и другое понимают по-своему. Писатель, хорошо изучивший верования закавказских духоборцев[163], передает их учение об этом предмете таким образом: «*При кончине века явится Бог видимо, в образе человеческом, с женами мироносицами, судить грешников. После суда, грешники потребятся с лица земли, низринутся во адна муки вечные, а праведники останутся жить со Христом. Разница между жизнью праведников и грешников теперешнею и жизнью будущею состоять будет только в том, что они будут жить одни, без грешников; но родиться, трудиться и умирать будут так же, как и ныне. Воскресения тел никогда не будет и самая кончина мира ограничится только истреблением грешников, а мир не кончится, он останется вечно таким же, каким видим его ныне и, следовательно, нет существенной разницы между жизнью настоящею и будущею. Наши понятия об этом и другом свете, о земле и небе – неправильны: свет один, и под небесами не что другое должно разуметь, как один избранный род Божий, а не бесовский. Вследствие такого понятия, что свет один, – и душа человеческая, по разлучении с телом, переходит не в другой какой-нибудь свет, а тотчас же переселятся в тела других людей*». Гибель грешников изображается в «животной книге» духоборцев ужасной: «*Буду вам (говорит Бог) не яко Бог, но яко враг, творя все злое... поставлю от моря устрашение великое, пошлю на вашу землю птиц с железными носами... еще к тому пошлю на вас от Черного моря страшных зверей, главы их человеческие, власы до земли, – те поедят кости ваши... Но еще пошлю к тому гады страшные, аспид и скорпион... но еще пошлю к тому птицы земные, песьи мухи, – те начнут есть плоть вашу, поедят и растерзают зеницы ваши... Единым будет – мертвым, не рожденным*» и т. д. Впрочем, в последнее время духоборцы уже перестают веровать в свое учение о страшном

суде и ограничивают его только предсмертными страданиями и страхом смерти.

Религиозный культ

– духоборцев отличается чрезвычайной простотой. Духоборцы не имеют никаких молитвенных домов или особых помещений для молитвенных собраний. Нет у них и определенных дней для общественной молитвы. Такими днями для них служат воскресные и праздничные дни православной церкви. Впрочем, особенным уважением их пользуются: Пасха, Пятидесятница, день пророка Илии (20 июля), Успения Божией Матери (15 августа), 1-е и 6-е августа и день памяти свв. мучеников Флора и Лавра. (18-го августа), которых народ признает покровителями скотоводства (любимое занятие закавказских духоборов). В комнате, в которой духоборцами предположено устроить богомоленье, стол покрывается чистой скатертью и на нем поставляются хлеб и соль. Входя в нее, каждый духоборец говорит: «славен Бог прославися»; хозяева отвечают ему: «велико имя Его по всей земли». Мужчины садятся или становятся по правую сторону, женщины – по левую, – по старшинству лет. Богомоление состоит в том, что все присутствующие, один за другим, читают наизусть псалмы из животной книги, причем, каждый должен прочесть иной псалом, чем какие уже были читаны; если бы в собрании было сто человек или даже более, то такое количество псалмов и должно быть прочитано, без повторения одних и тех же. Так как эти псалмы сохраняются только «в памяти и сердцах духоборческих» и передаются одним поколением другому устно, то они, к сожалению, нам неизвестны. У Новицкого, впрочем, приведено восемь таких псалмов. Один из них, (вероисповедный), наиболее любимый духоборцами, мы приводим здесь, для ознакомления читателей с характером, вообще, духоборческого богомоления[164]:

«*Верую во единого Отца, вседержителя, творца; крещаюсь словом Божиим во имя Отца и Сына и Святого Духа. Молимся мы Богу истинному и духом истинным; посповедуемся мы Богу небесному, яко благ Господь вовек милостив: поней же вся согрешения наша оставляет.*

Причащаемся мы ко святым божественным Его тайнам, животворящим страшным бессмертным, во оставление грехов.

В Божию мы церковь ходим, во едину, святую, соборную, апостольскую, которая есть собрание истинных христиан, еже наш Господь Бог Иисус Христос явлением своим собрал, осияв и осиявает, украшает дарованием Духа Святого[165]*.*

Священника мы себе имеем праведного, преподобного, незлобивого, который – оставление грехов. Образу мы кланяемся[166] *неоцененному, внутрь нас сиящий. Иконе мы кланяемся существенным, естественным, беспременного существа показует Сына Отца. Богородицу мы именуем, почитаем, и так всех угодников святых. Как мы Богу молимся и просим на молитвах о себе, тако и о благоверном царе: спаси, Господи, помилуй благоверного царя, услыши молитву нашу. Пост имеем: в мыслях воздержание, отыми от уст, Господи, роптание, и от рук убиение, от всех злых дел воздержи себя. Брак мы имеем, который есть дело вечного блаженства.*

В том и утверждаемся. Во греко-российскую церковь мы не желаем, рукотворенным вашим (?) образам не кланяемся. в них святости не чаем. Попов ваших со всею требою в дома себе[167]*, ходить не желаем. Мы закону Божию, веры Иисуса. Царя почитаем,* милостивым *властям повинуемся.*

Состоит наше дело по блаженстве, по смирению нашему, для желанному нам полученья, душам нашим ко спасенья от Господа Бога нашего, т. е., по блаженству. Кто безвинно бьет и мучит, тот мучитель антихрист. Кто милостиво рассуждает, уподобится милостивому Богу. Богу нашему слава».

Заметим мимоходом, что этот «псалом», составленный не без лицемерия (молитва за царя духоборцами недопустима), предназначен, несомненно, для распространения среди правительственных лиц, а потому, и легко попал в печать.

После того, как все духоборцы, присутствующие на молитвенном собрании, не исключая и малолетних девочек, прочитают свои псалмы (женщины читают свои псалмы после

мужчин), начинается сплечивание. Оно состоит в следующем. К первенствующему в собрании подходит второй по месту и они, взявши друг друга за руки, кланяются один другому в пояс дважды, не прямо к лицу, как у молокан, а в сторону – к плечу, описывая, размахом схватившихся рук, неправильный круг; поклонившись дважды, целуются и, сделав еще раз поклон, становятся на свои места. Такое поклонение, по их объяснению, есть поклонение бесценному лику Божию, т. е., человеку. Таким образом, «сплечивание» идет поочередно и в таком порядке, что, окончившие его, и занявшие в ряду прежнее место, сплечиваются с другими, подходящими к ним из своих рядов. Дети только трижды кланяются старикам в ноги и целуют их руки. Такое же «сплечивание» происходит и среди женщин, после того, как все мужчины окончат его между собою. Во время «сплечивания», особо предназначенные к тому девушки, поют, по своему выбору, различные духоборческие псалмы[168].

Затем читаются «Начатки» духоборческого катехизиса; присутствующие ведут между собою беседы о духоборческих «гаданиях», или о различных житейских делах и упражняются в остроумии, иногда – довольно плоском. Под «гаданиями» духоборцы разумеют свои мнения, необязательные, однако же, для всех членов секты. Так, напр., многие из них думают, что, хотя Бог существует от вечности, но раньше Его была уже премудрость, слово, – что Бог находится в горе Сионе, а гора Сион – в вере, а вера – в человеке, что было время, когда слово бегло (бе) к Богу, а Бог бег к слову, что диавол идет от огня, что иконопочитание ввел Авраам (?) при горе Синае, взамен золотого тельца, что Иисус Христос вывел из Египта 40000 людей, что взимание податей ведет свое начало от статира, вынутого ап. Петром из рыбы, пойманной по повелению Иисуса Христа и т. п. Не говорим о различных баснях, напр., о рыбе *камбуле* одноглазой, о происхождении мира и т. п. Остроумные (якобы) аллегорические толкования духоборов во множестве находятся в приведенном выше катехизисе. В это же время духоборцы, уважаемые за свою премудрость, любят порисоваться игрою слов, особенно, если при этом есть возможность проявить свою враждебность к православной

церкви. Так, «греко-российская вера» у них превращается в «грехи российской веры»; православные – в раскольников и идолопоклонников, за свое почитание св. икон. «Раскол – говорит духоборец, – это значит – расколоть дерево и сделать из него икону; следовательно, православные и суть-то настоящие раскольники». «Истукан происходит от слов: тук, тук, тук; а под такой звук выделываются православные металлические кресты, иконы, оклады; поэтому православные суть истуканники, или идолопоклонники». Давид значит – «да, видел дела Божия». Некоторыя, подобного же рода, «остроумные толкования» духоборцы позаимствовали даже у других сектантов. Так, чисто по-хлыстовски, изъясняют они изречение: «Небеса поведают славу Божию». Небес, говорят они, вовсе нет – ни первых, ни вторых, ни третьих; а потому, «небеса поведают» значит: «не бесы поведают славу Божию, а святые люди» (т. е. духоборы)…

После беседы такого рода, старший из духоборцев читает, стоя, какой-либо псалом, непременно заканчивающийся словами (как и все, вообще, духоборческие псалмы): «Богу нашему слава». В заключение богомоления, устраивается «братская трапеза» засчет хозяина дома, если он – человек богатый, или же из «братских» приношений.

Нравоучение и быт духоборцев

Писатель, близко изучивший жизнь и верования закавказских духоборцев[169], свидетельствует: «Нравственное учение духоборцев чище догматического. Переслушав множество духоборческих псалмов, мы ни в одном из них не встретили ни выражений, ни слов, смысл и значение которых противоречили бы началам чистой нравственности. Напротив, в них строго изобличаются грубые пороки: пьянство, блуд, воровство и всякая неправда; назначается казнь блудной жене вавилонской и подобным ей грешникам; осуждаются дурные мысли и пожелания; предписывается благочестие в мыслях и делах; проповедуются дела милосердия: алчущего – накормить, жаждущего – напоить и проч.; восхваляется кротость и воздержание. Так, напр., встречаем в животной книге перечень добродетелей в следующем роде: первая добродетель есть смирение, вторая – послушание, третья – воздержание, четвертая – рассуждение, пятая – от худых дел удаление и т. д.» Но не следует удивляться тому, что у духоборцев нравоучение отличается безусловной чистотой. Они сами сознаются, что из Св. Писания только нравоучение они позаимствовали, не искажая его своим толкованием. И они говорят правду, потому что и в катехизисе своем на вопрос: «в чем закон Божий состоит»? они, как мы видели, прямо отвечают словами Христа: «в двух заповедях: возлюби Господа всем сердцем, всею душою твоею и всем разумленем твоим; вторая, подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя: на сих двух заповедях составлен весь закон»[170]. После этого неудивительно, что многие отзываются о духоборцах, как о людях «трудолюбивых и добропорядочных»: ибо, если и язычник станет поступать по заповедям Христовым, то его жизнь будет «добропорядочной». Но дело в том, что, отвергнув все догматическое учение христианства, духоборцы лишили христианскую нравственность той почвы, на которой она возросла, подрыли ее жизненные корни, а потому и стали способными к уклонению от нее, какое замечается у всех людей,

живущих не по христиански, хотя бы они называли себя даже православными христианами и в теории исповедовали наилучшие правила нравственности. Не следует также забывать, что духоборцы, как и другие сектанты, отличаются чрезвычайным лицемерием: ради приобретения себе симпатий в обществе, они тщательно скрывают от посторонних глаз все свои пороки и недостатки. Они имеют дерзость называть себя прямо святыми. На вопрос Евгения: «грешите ли вы?», вожаки тамбовских духоборцев, Матвей и Ермолай Кузьмины, как мы видели, нагло ответили: «Нет; мы язык свят, царское священие, люди обновления, и греха в нас нет». Так говорят современные духоборцы… Но правда ли это?

Духоборцы учат, что все люди равны и что они любят врагов своих. Но, на самом деле, этого нет. Духоборцы считают столько одних себя «избранным родом Божиим»; только они имеют душу; только они воскреснут и спасутся; только они имеют истинную веру (78-ю). Они обособляют себя в особое государство и не хотят называться русскими людьми, которых они всегда противопоставляют себе: «мы, обыкновенно, говорят они, учим так-то, а русские – иначе». Православное духовенство они ненавидят больше, чем какие бы то ни было другие сектанты. Даже в катехизисе своем[171] они учат, что «поп есть диавол». Это ли означает любовь к ближнему? Крайне недружелюбно относятся они и к православному населению вообще, почему слово «духобор» весьма непопулярно и среди православных. Еще в 1828 году один писатель, хорошо изучивший жизнь и верования «духоборцев, писал о них в «Отечественных Записках»[172]: «в рассчетах не всегда твердо держат свое слово; легковерие и разврат, ненависть и ссоры бывают между ними часто; к деньгам весьма жадны и, для приобретения их, готовы употреблять всевозможные средства». Такими они остались и до настоящего времени. Их страсть к деньгам, их ростовщичество, их торгашество, их бессердечность к должникам хорошо известны русскому населению. Они хвалятся своей святостью; но уже Ланжерон уличал их в развратной жизни. А вот, что сообщает о них один наблюдатель мелитопольских духоборцев в 1841 г. «По мнимому присутствию

в них Божества, считая себя вне греха, они не знают, что такое преступление. Супружеские союзы связываются и разрываются произвольно, целомудрие неизвестно полам и нарушается без всякого стыда и укоризны; трезвость, поддерживавшаяся прежде Капустиным страхом наказаний, ныне заметна только во время полевых работ, а в прочее время решительно исчезла. Укрывательство бродяг и дезертиров считается добродетелью, сокрытие преступлений, сделанных единоверцами, есть долг и обязанность духоборцев. Решались равнодушно на убийство, как скоро надеялись, что злодеяние будет скрыто. Был случай, что брат закопал в землю живую сестру. Судебные факты доказывают, что убийца, совершив злодеяние, безбоязненно являлся в собрание стариков, рассказывал им о событии и просил их прощения. Старики-безумцы охотно прощали ему злодеяние, считая это дело обыкновенным, житейским[173]. Этого мало. Как мы видели, в течение двух лет более 400 убийств совершили те, которые на словах питают отвращение к кровопролитию и осуждают ношение оружия. Они же грозили Императору «пролить кровь свою» за сохранение только духоборческого своего наименования.

На словах духоборы осуждают пьянство. Но мы видели, как пьянствовали и пьянством сокращали жизнь свою сами духоборческие «живые боги» – Колмыковы. Более или менее трезвую жизнь они ведут только в летнее рабочее время. Вообще же, духоборы пьянствуют больше даже, чем те, которых они осуждают за пьянство. Когда женился Петр Колмыков на известной Лукерье Губановой в одном селе Горелом, духоборцы выпили «несколько бочек водки»[174], – пьянствовали целую неделю и не только мужчины, но и женщины. Мало того, духоборцы пьют водку даже по религиозным побуждениям, так как употребление водки возбуждает, будто бы, дух до восхищения[175]. Духоборцы, на словах, отвергают присягу; но, в действительности они присягают каждому главарю своему, как царю, и во имя этой присяги нередко совершают злодеяния. По случаю ссылки Веригина в Шенкурск, закавказские духоборцы, как мы видели, подняли бунт против русского правительства – и один из выдающихся и развитых духоборцев, в оправдание их

говорил, что они действовали честно, так как давали Веригину, как своему царю, присягу, и потому поступили так, как поступают и русские, давшие присягу на верность своему царю[176].

На словах, духоборцы хвалятся своей целомудренной жизнью и осуждают блуд. Выше мы видели свидетельство о противном: беспристрастный наблюдатель уверяет нас, что у духоборцев «целомудрие неизвестно полам и нарушается без всякого стыда и укоризны»; мы знаем, что, по духоборческому обычаю, женщина становится законною женою лишь после того, как уже родит младенца. Но нельзя не вспомнить и о том половом разврате, которому предавались духоборческие «живые боги» Колмыковы и, в том числе, даже женоподобный Василий-богородица; у последнего духоборческого «живого бога» Петра Колмыкова, при живой жене, было шесть любовниц. Осудил ли кто-либо из духоборцев их поведение?

Легкомысленные писатели восхваляют семейную жизнь духоборцев. Правда, духоборческая семья выше хлыстовской в нравственном отношении. Но не безупречна и она. Духоборцы не признают брака таинством и заключают его без всяких религиозных церемоний и обрядов. Евгению говорили тамбовские духоборцы: «кто хочет, венчается в ваших церквах, а кто хочет, так живет; мы даем на волю». Для вступления в супружество не требуется даже согласия родителей; супруги живут вместе только до тех пор, пока не пожелают развестись. Рождающиеся дети, называются тем именем, которое дает им мать. До шести лет в них нет души, а только дух, ветер; в глазах духоборцев дети имеют столько же достоинства, как щенята и котята. Отец никогда не скажет, указывая на них: «мои дети», а только – «наши дети»; за то и дети не называют своих родителей отцом и матерью, а лишь стариком и старухой; отца называют стариком, потому что он старается о них; молодую мать зовут даже простой няней, потому что она нянчит детей. Если отец еще молод, то дети называют его только собственным именем Иван, Петр, Степан, или даже уменьшительным – Ваня, Петя, Степа. Словом, отношения

между членами духоборческой семьи – чисто товарищеские. Муж зовет свою жену сестрою, жена мужа – братом.

Когда дети достигают шестилетнего возраста, мать считает своей обязанностью заняться их религиозным воспитанием. Но это воспитание состоит лишь в изустном изучении «живой книги», т. е. духоборческих псалмов. Справедливость требует сказать, что духоборки относятся к этой обязанности с особенной религиозностью. «Мать, – говорит исследователь быта закавказских духоборцев[177], – поутру не дает хлеба ребенку до тех пор, пока он не прочитает один, два, три псалма, смотря по его возрасту. Нередко, мать будит дитя ночью и заставляет его прочитать какой-нибудь псалом». Кроме изучения псалмов, родители занимаются усердно и подготовкой детей к критике вероучения и богослужения Православной Церкви. С этой целью так много говорится и в духоборческом катехизисе о православных таинствах и обрядах, которых духоборцы не признают, но которым они навязывают свое сектантское толкование. Этот прием религиозного полемического воспитания детей у духоборцев внимательные наблюдатели заметили еще в начале прошлого столетия, как только духоборцам была предоставлена свобода вероисповедания. В статье А. Ф-ва «О раскольниках поселенных в Таврической губ. в Мелитопольском уезде»[178] мы читаем: «детей своих (духоборцы) научают опровергать правила инакомыслящих, при разговоре с ними текстами Св. Писания, которые по своему образу мыслей изъясняют, для чего, единственно, и обучают оному; и для себя полагают откровение не нужным и даже утверждают, что у них Библии вовсе не находится». Вообще, нужно заметить, что уже с детства духоборцы начинают отличаться страстным фанатизмом и нетерпимостью. В с. Больших Проходах, Харьковской губернии, как показало судебное следствие, духоборы, под влиянием религиозного фанатизма, сожгли даже православный храм.

Домашние молитвы у духоборцев, как свидетельствует их катехизис, весьма кратки, бессодержательны. Но нельзя не отметить того, что духоборы ежедневно молятся не только Богу, но и диаволу: «*Враг сатана! откачнись от меня: у меня Спас в*

руках, Богородицкой замок и Господь Бог Саваоф». Впрочем, о необходимости молитвы духоборцы говорят только на словах: в действительности, они не придают молитвам никакого значения. И понятно: если в каждом духоборце Божество обитает всем существом Своим, то какой же смысл может иметь внешняя молитва, по принципу отвергаемая духоборцами?

Не придавая значения книгам вообще, как написанных «мертвыми» буквами, духоборцы оказываются повсюду врагами книжного учения и школ; а потому, умственное невежество составляет их характеристическую особенность.

В своей общественной жизни, духоборцы – настоящие автоматы. Их «живые боги», или главари, какими были, напр., Побирохин, Колесников, Капустин и Колмыковы, деспотически управляют всей жизнью их общин. Каждое их слово для духоборцев – непреложный закон; никакой инициативы они не имеют, да и не могут иметь. Они мыслят, живут и действуют так, как им приказано главарем. Даже бунт против правительства, со стороны закавказских духоборцев, упомянутый уже нами единоверец их объяснял тем, что духоборцы никогда не жили своей головой, и, что поэтому они не могут быть признаны ответственными за свои действия и свое поведение.

Общее замечание о лжеучении духоборцев

Духоборческое лжеучение стоит ниже всякой критики. Перед судом Божественного Откровения, несостоятельность его обнаруживается с чрезвычайной ловкостью, ибо оно находится в явном противоречии со всем тем, что составляет содержание всех книг Св. Писания, как ветхого, так и нового завета. С умозрительной, или рациональной точки зрения, оно также не выдерживает самой снисходительной критики уже потому, что мировоззрение духоборцев крайне ничтожно и скудно своим содержанием. Теория предсуществования душ и их перевоплощения заимствована ими у хлыстов: что же у них остается собственного? Одни отрицания. Но это значит, что у них нет своего – ничего. Отрицания суть результат разрушения, а не созидания; созидается лишь то, что заключает в себе нечто положительное. Положительным у духоборцев можно назвать только одно их нравоучение; но мы видели, что нравоучение, которое духоборцы называют своим, заимствовано из Евангелия; а потому, духоборческим его назвать нельзя: для духоборцев, как сектантов, оно, собственно, чужое. Но все зло духоборческого лжеучения и заключается именно в том, что оно все дозволяет и ничего не осуждает, все отвергает и разрушает, и ничего не созидает…

При всем том, мы должны сказать, что нет другой такой секты, как духоборческая, по трудности борьбы с нею, для православного миссионера, ибо для него здесь еще труднее найти точку опоры, чем даже в борьбе с хлыстовством и его толками. Духоборцы, как и хлысты, отвергают все книги Св. Писания: но этого мало. У духоборцев еще существует особый режим, или особая дисциплина, которые делают их недоступными миссионерскому воздействию. Не следует забывать тех правдивых слов, которые высказаны упомянутым уже нами духоборцем: «*духоборцы никогда не жили своим умом*». Духоборцы, как не одни сектанты, за исключением, разве, жидовствующих, избегают собеседований с православным миссионером, а в крайнем случае, вступают с

ним с крайним нерасположением и неохотно. При этом, какие бы ясные доказательства в пользу обсуждаемой истины ни были приведены, они с ними не согласятся, и в заключение непременно скажут своему собеседнику: «поговори об этом с нашими старцами; они это дело точно знают: им известна вся «животная книга», а там все сказано; нам же это не известно: мы к нему не приспособлены». Но со «старцами» вести беседу еще труднее. Уже составитель духоборческого катехизиса показывает нам, к каким уловкам и софизмам способны прибегать вожаки духоборцев: в том же убеждает нас и беседа митрополита Евгения с тамбовскими духоборцами. В 1818 году, с разрешения Императора Александра I, английские квакеры Аллен и Грелье вели беседу с главарем мелитопольских духоборцев. Диспут был веден при посредстве переводчиков, а потому, для квакеров должны были, конечно, ускользать прямая связь беседы и тонкость речи собеседников; тем не менее, ученые гости не могли не дивиться проворству речи, легкости в выражении и той схоластической тонкости, с которой споривше обходили темные, для себя, вопросы. Везде, где говорили духоборцы о высших и опасных пунктах учения своей секты, они делали это с двусмысленностью и прикрывались мистическими выражениями, которые сделали бы честь самому ловкому софисту[179]. В настоящее время, духоборческие «старцы», конечно, усовершенствовались в своей полемической изворотливости и обогатились новыми софизмами. Кроме того, нужно иметь ввиду, что властолюбивые и тщеславные главари духоборчества слишком заинтересованы лично и даже материально в том, чтобы не соглашаться с доводами православного миссионера и удерживать своих единоверцев в сектантских сетях.

Как затруднительно православному миссионеру вести борьбу с духоборчеством, можно видеть из нижеследующих примеров.

Если можно находить в верованиях духоборцев что-либо положительное, так это их извращенное учение о духовном служении Богу. В этом случае, они даже сами, без сомнения, сошлются на Св. Писание, именно, на Ин. 4:23. Показать

неправильность духоборческого понимания этого места Св. Писания не затруднительно. В заключение своих многочисленных доводов, миссионер может сослаться на пример даже самого Господа нашего Иисуса Христа, Который принял не только обрезание, но и крещение Иоанново, часто посещал храм Иерусалимский, где были изображения херувимов, совершал ветхозаветную пасху, молился, преклонив колени (Лк. 22:41) и т. д. На все эти доводы духоборцы ответят миссионеру то же, что сказали их предки митрополиту Евгению: «Христос делал, что хотел, а нам другое заповедал». Другой пример. Духоборцы отвергают водное крещение, говоря, что вода омывает только телесную нечистоту, а не душевную. Вместо него они признают огненное, или мученическое, крещение. При помощи Св. Писания миссионеру легко опровергнуть это духоборческое лжеучение. Между прочим, он может указать на заповедь Спасителя апостолам: «идите, научите все народы, крестя их» (Мф. 28:19). Неужели Христос мог посылать учеников своих мучить, угнетать и умерщвлять все народы? В ответ на это духоборцы скажут свое: «*Матфей намотал, Марк намарал, Лука налукавил*»…

Что же остается делать? Каким образом можно воздействовать на духоборцев, чтобы возвратить их на путь истины?

Как мы видели и из духоборческого катехизиса, и из представленного нами духоборческого вероучения, духоборцы не только извратили и исказили, но отвергли и разрушили все основные догматы христианства: в учении о Боге, через самообожание человека, они (в лице, напр., Побирохина) пришли уже даже к атеизму, а христианское учение о Троичности Лиц в Боге извратили в самых основных и существенных его чертах; догмат искупления они отвергли, как ненужный, не признав наследственности первородного греха и объявив Иисуса Христа только добродетельным человеком; вместе с догматом искупления, они отвергли и все христианские таинства, в которых верующему приподносятся благодатные дары Духа Св., необходимые для нашего спасения. Ясно, что духоборы уже перестали быть христианами; они возвратились к

язычеству. Правда, они еще с уважением говорят об Иисусе Христе, хотя «старцев» своих ставят выше Его. Но с уважением о Христе, как пророке, говорят и магометане; языческие римские императоры поставили статую Христа в Капитолии, в ряду с истуканами своих богов…

Св. Синод еще в 1814 году установил совершенно правильный взгляд на духоборчество, объявив, что «секта эта находится вне всякого установленного исповедания христианской веры и есть не что иное, как только невежественное уклонение от православия и правил, утвержденных Церковью»[180]. А, если духоборцы перестали быть христианами, то и проповедь среди них нужно вести так, как ее вели и ведут миссионеры среди нехристиан. Ошибка наших миссионеров до сих пор состояла в том, что они ставили своей задачей только защиту христианского вероучения: вели с духоборцами беседы о необходимости св. таинств и обрядов, о почитании икон, креста, мощей, о значении физического поста, о молитве за умерших, о почитании св. угодников и т. д. Нужно помнить слова Спасителя: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!». (Лк. 12:49). Необходимо подражать апостолам и таким великим миссионерам, какими были просветители славян свв. братья Мефодий и Кирилл. Нужно сначала «сжечь», разрушить, уничтожить все ложные верования и заблуждения духоборцев, а потом уже просвещать их истинами веры Христовой. На месте ветхого здания можно построить новое не иначе, как разрушив и уничтожив сначала ветхое.

Духоборцы на место книг Св. Писания поставили свою «животную книгу», т. е., свои псалмы. С обнаружения лжи этой «книги» и нужно начинать миссионеру свою борьбу с духоборчеством. Для примера, берем ложное учение «животной книги» о Боге. В духоборческом псалме, начинающемся словами: «Кто Бог велий» говорится: «что есть Бог? – Бог есть человек». Не трудно показать ложь этого учения, ибо человек не обладает и не может обладать Божескими свойствами: вечностью, всемогуществом, иеизменяемостью, всеведением и вездеприсутствием; а, доказав ложь этого изречения в псалме,

мы уже можем вызвать у духоборцев сомнение в непогрешимости и всего псалма. Таким же путем можно разоблачить ложь духоборческого учения и о моральных свойствах Божиих. Для примера, берем псалом «Во время оно взыде Господь на гори Елеонския». В этом псалме, между прочим, говорится от лица Самого Бога: «Буду вам не яко Бог, но яко враг, творя все злое». Нетрудно доказать, что Бог зла творить не может и, что быть врагом человеку Он так же не может, будучи Богом; что этот псалом, следовательно, содержит в себе не истинное, а ложное учение. Таким путем можно подвергнуть критике всю «животную книгу» духоборцев и разоблачить ложь всего, содержащегося в ней, догматического учения. После этого, необходимо перейти к обстоятельному разбору духоборческого Катехизиса и показать всю его пустоту и несостоятельность его учения.

Большое препятствие успеху миссии представляет то обстоятельство, что духоборцы, вообще, слишком невежественны, питают отвращение к просвещению и книге, что они никогда не живут своей головою, что они – только автоматы в руках своих главарей. Но, по общему свидетельству людей сведущих, в настоящее время, даже, точнее, с прекращением рода Колмыковых, затруднение это значительно утратило свою силу: слепая вера в авторитет вожаков среди духоборцев падает, доверие к «животной книге» ослабевает, сознание в необходимости школьного образования пробуждается. А, если так, то и для миссионерства среди этих темных людей создаются более благоприятные условия, чем те, при которых приходилось действовать православным проповедникам в прежнее время.

2. Молоканство[181]

История секты

По общепринятому мнению, виновником молоканства считается дворцовый крестьянин села Уварова, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии, портной по ремеслу, Семен Матвеев Уклеин, живший в половине XVIII века. Мнение это можно признать верным только с оговорками. Дело в том, что уже в 17 веке русский народ стал обзывать молоканами всех, вообще, сектантов, отвергавших учение православной церкви о посте, и евших в пост скоромную пищу. Молоканами он называл долгое время даже и духоборцев, пока не получили они от екатеринославского архиепископа Амвросия своего настоящего названия в 1785 году. Сами молокане, обыкновенно, называют себя, истинно-духовными христианами, в отличие от духобор, которые называли себя только «духовными» христианами, и начало своей секты относят ко временам Матвея Башкина и Феодосия Косого.

В своем «Вероисповедании», изданном в Женеве (в 1865), молокане рассказывают следующее. Во время царствования в России Иоанна Васильевича Грозного, вызван был ко двору в Москву из Англии какой-то лекарь, на которого, по духу тогдашнего времени и дикости народа,смотрели в столице, как на антихриста, называя его проклятым и запирая от него ворота и дома. Фамилия этого лекаря утратилась. Он по какому-то случаю познакомился с бывшим тогда при дворе знатным тогдашним помещиком, бывал у него и много толковал о Библии, иметь которую в то время в России никому не позволялось. У помещика этого был любимым прислугой смышленый и ученый человек, некто, Матвей Семенов, который понял библейские истины скорее, чем помещик, и вскоре потом, пренебрег обрядами греко-российской церкви и поклонением иконам, достал славянскую библию и начал внушать своим близким чистейшие истины о поклонении Богу в духе и истине. Но в то время было очень опасно, и даже почти совсем невозможно, говорить что-либо противное обрядам. Поэтому, как только было узнано отступление Матвеево от обрядов, то

тотчас же доведено было до сведения верховной власти, и несчастный, по приговору уголовного суда, принял мученическую кончину через колесование. Некоторые из учеников его, крестьяне помянутого помещика, прибывшие в Тамбовскую губернию, на родину, также начали, с помощью привезенной ими Библии, потихоньку проповедовать истинное поклонение Богу в духе и истине. Учению их последовало порядочное число в разных селах, сами же учители, по тогдашней строгости и необузданной власти духовенства, скоро были открыты, преданы суду и жестокому наказанию кнутом через палачей, с ссылкой вечной и каторжные работы. Последователи этого учения, однако, не переставали распространять его.

Это предание имеет для себя некоторое основание. Проф. Новицкий[182] так же усматривает семена молоканства в еретических учениях Башкина и Косого, и полагает, что Уклеин, до усвоения духоборческих воззрений, был уже молоканином, хотя и выдавал себя за православного, боясь преследований. Молоканские верования, родственные духоборческим и, по всей вероятности, вышедшие первоначально из одного и того же источника, в разрозненном виде бродили в русском обществе задолго до времени Уклеина. Уклеин только обобщил их в некоторую систему, и через то, объединил всех исповедников их или только предрасположенных к ним в одну сектантскую общину. Когда Илларион Побирохин (около 1775–1785 г.г.) стал в с. Горелом Тамбовского уезда во главе духоборческого движения и уже объявил себя «сыном Божиим», имеющим при кончине мира произвести страшный суд, в Горелом поселился Уклеин. Богатство Побирохина, его властное положение среди односельчан, а больше всего – миловидность его дочери, на которой Уклеин задумал жениться (при живой жене, однако ж), заставили последнего прикинуться ревностным последователем духоборчества и стать рьяным помощником тестя в деле управления и распространения секты. Впрочем, скоро между Уклеиным и Побирохиным произошел разлад, окончившийся полным разрывом. Искренно или неискренно, но Уклеин публично высказал протест против учения Побирохина о себе,

как о «сыне Божием», имеющем при кончине мира произвести страшный суд, и против его неуважения к книгам Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Уклеин славился, как знаток Св. Писания и красноречивый проповедник. Его возражения были высказаны в такой резкой форме, что Побирохин даже отколотил его на самом собрании духоборцев. Но этим он не удовлетворился. Он приказал своим «смертоносным ангелам» задушить протестанта. Уклеин спасся бегством в село Рыбное Мортанского уезда, где он поселился у своего единомышленника, богатого крестьянина Швецова. Теперь, в противоположность духоборческим наставникам, и, главным образом, – Побирохину, он, выдавая себя за богопросвещенного пророка, стал учить, что в своих верованиях нужно руководствоваться только одной Библией, и о чем в ней не сказано определенно, тому не верить. Скоро у него явилось немало последователей из бывших духоборцев и колеблющихся православных, которые толпами ходили слушать нового пророка, возвещавшего новую веру. Из них он избрал себе семьдесят «апостолов». Вместе с ними он отправился в г. Тамбов, самым торжественным образом, с пением своих псалмов и песен, для проповеди нового учения и «истребления идолов», т. е. св. икон. Там он был арестован; но скоро, впрочем, его освободили, так как он заявил начальству о раскаянии в своем заблуждении. Поселившись в с. Рассказове Тамбовской губернии и уезда, Уклеин женился в четвертый раз и снова начал пропагандировать молоканство, в которое внес уже некоторые воззрения «жидовствующих». Из Тамбовской губернии он скоро отправился с пропагандой в Воронежскую, а затем и в Саратовскую. В Воронежской губернии он пристроился, главным образом, в с. Песках Новохоперского уезда, а в Саратовской – в с. Дурникине, или Кислом, Балашевского уезда. Здесь он совратил в молоканство даже приходского священника Савву Иванова[183] и его сына Михаила, который не оставил своих сектантских убеждений, даже ставши священником, а, напротив, распространял их среди своих прихожан. В молоканских легендах, повторяемых еще и в настоящее время, Уклеин окружается ореолом не только

святости, но и божественности. Молокане уверяют, что, когда Уклеин умер и его похоронили, то из могилы его вылетел белый голубь, т. е. Дух Святой, просветивший Уклеина истинным учением и пребывавший в нем до конца его жизни. «Апостолы» Уклеина, беглый солдат Исидор Андреев, заслуживший у молокан название «пророка», Семен Швецов, заступивший, впоследствии, место Уклеина, как главаря тамбовских молокан, беглый помещичий крестьянин Исаия Крылов, Николай Богданов и мн. др. проявили такую ревность в распространении молоканства, что еще при жизни Уклеина насчитывали до пяти тысяч его последователей только в трех губерниях – Тамбвской, Воронежской и Саратовской[184]. Молокане встречались уже по всей России, но особенно много их было в губерниях Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Симбирской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской, Пензенской, в Бессарабии, в Области Войска Допского, на Кавказе н даже в Сибири[185].

В 1805 г. молоканам была дарована свобода вероисповедания и по тем же побуждениям, по которым правительство предоставило право духоборам поселиться в Мелитопольском уезде, на Молочных водах, разрешено было занять участки и им. Но, отличавшиеся всегда фанатической нетерпимостью духоборцы, наотрез отказались принять их к себе, как своих противников по религиозным верованиям. Тогда, в 1821 году им отведен был для поселения участок земли в 30000 десятин, между меннонитскими и ногайскими колониями[186]. В 1823 году там была основана ими первая деревня, *Нововасильевка*, в которой, три года спустя, уже числилось свыше 800 жителей обоего пола. Это были, большей частью, переселенцы из губерний – Тамбовской, Орловской, Екатеринославской и особенно много донских казаков, служивших даже в офицерских чинах[187]. Вскоре, впрочем, появились еще две молоканских деревни: *Астраханка* и Новоспасск; через десять лет (в 1833 г.) в них числилось уже до 3000 жителей. Но еще в большем числе молокане поселились в губерниях Астраханской и Саратовской.

Вероучение молокан

Духоборцы не любят ни книг, ни рукописей; они предпочитают им живое слово и устное предание. Иное мы видим у молокан. Они не только постарались заключить свое вероучение в определенную систему (такую систему составил уже Уклеин, при помощи еврея Далматова), но уже весьма рано изложили ее и на бумаге. Издавна (с какого, именно, времени – неизвестно) среди молокан ходят по рукам написанные полууставом рукописи с заглавием: «Основание вероисповедания духовных христиан», составленные очень безграмотно, но зато совершенно бесхитростно[188]. В последнее же время, молокане распространяют по всей России уже печатную пингу: «Вероучение духовных христиан, обыкновенно, называемых молоканами». Книга эта есть уже систематическое и литературное изложение молоканского вероучения. Она написана не простецом – молоканином, а, несомненно, человеком интеллигентным и образованным, не новичком в деле литературных произведений. Чтобы не заслужить упрека в недостатке объективности, мы предложим вниманию читателей во всей полноте именно это учено-литературное изложение молоканских верований, не изменяя даже и самой «системы» его. «Веруем во единого Бога (говорят молокане) и поклоняемся Святому имени Его. Бог есть дух, ибо Он бесконечное Всеодушевляющее Единство и Сущность; Истина, ибо вне Его только неправда и ложь; Свобода, ибо она есть истина, и нет в Нем ни единого насилия; Красота, ибо великое благо созерцать Его в Духе и Истине, и нет наслаждения большего сего: Добро, ибо Он все, кроме Зла, да и Зло существует только, как отрицание Бога; оно не имеет самостоятельного бытия, – оно есть ничто и вся его сила, в отрицании: подобно тьме, оно существует только оттого, что есть Свет; Бог есть Любовь, ибо Он – Всесоединяющий, и познавать Его можно только в любви к Нему, и не знает Его тот, кто не любит; Свет, ибо Он есть Разум в нас и Закон в мире, а вне Разума только тьма и безумие; Сила, ибо Он все Собою движет и все Собою держит, и вне Его

одно только падение: кто против Бога? Жизнь, ибо Он всеоживляющая Истина, дающая бытие миру и свободу нам. Бог бесконечный, ибо Он все, и нет Ему ограничения; вечный, ибо и самое время в Нем; вездесущий, ибо имя Его пространнее небес, и Он объемлет Собою пространство; бесконечно малый, ибо вселяется в самое малое; бесконечно великий, ибо объемлет Собою и содержит в Себе все. Как жизнь, Он постоянно изменяется, но в изменении Своем остается вечно неизмененным и Самим Собою. Он проявляется неисчисленными образами, и Именам Его нет конца, и во всех проявлениях Своих, все тот же Единосущный, нераздельный, Сущий Бог наш, и все Имена Его одно значат, и суть единое Да....

«Не согласуемся с учением греко-российской церкви о трех лицах в Божестве (сознаются молокане). Бог один и неразделен. Свое нелепое (!) учение греко-российская церковь основывает, преимущественно, на словах, сказанных Божественным Спасителем Его ученикам: «шедше убо научите вся языки, крестяще их во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа». (Мф. 28:19). Мы же понимаем это место Священного Писания так, что Иисус повелел Своим ученикам научить все народы истинному Богопознанию и указать им Бога, во всем существующего и в Себе Самом пребывающего, «да будет Бог всяческая во всех» (1Кор. 15:28), а потому, название Отец, Сын, Дух Святый суть не более, как названия Бога различные только по той области, в которой мы Его созерцаем, а созерцать Его Единого мы можем, по-преимуществу, 1) как Творца неба и Земли, 2) как Жизнь, и душу мира и 3) как Истинного Духа, каким Он открывается нам в нашей вере к Нему, ибо истинное понятие о Боге есть понятие о Нем, как о Духе (Ин. 4:23–24), ибо в Духе Бог является, как Единый и Нераздельный. Вот истинное значение слов Спасителя, ибо такие телесные понятия, как Отец и Сын, к Богу можно прилагать только образно».

«Бог есть Творец мира (продолжают молокане). Он сотворил его в шесть дней; но только для нас сотворение мира есть шестидневное, только мы видим все во времени, Бог же есть больший времени (2Пет. 3:8) и потому Он не только когда-

то сотворил мир, но Он есть и его непостоянный (?) и неустанный (?) творец (Еккл. 3:1–2), ибо Бог вечен и неизменен (Прем. 3:8), и нет для Него прошлого и будущего, а только настоящее. Он творит (?) мир по бесконечной благости Своей, ибо Он Любовь и Он возлюбил мир (Ин. 4:8). Бог есть Дух, и потому Ему не нужно материала для построения мира; Он создает его, различаясь Сам от Себя: мир от Бога (Евр. 1:10), – он есть слово Божие (Пс. 32:6).

Любя мир, Бог любит Самого Себя, но Он любит Себя в мире, как нечто иное, внешнее Себе; и в этом различии Своем, Бог видит и любит Самого Себя: красота мира есть Его красота, и жизнь мира есть Его жизнь (Деян. 17:28), но красота и жизнь мира различны от красоты и жизни Божией. Венец создания есть человек: мир без человека не полон, без человека мир не выражает полной сущности Божества, – он не свободен, не разумен, его свобода и разум вне его, и потому, он не может воздать Богу за любовь Его. Мир не есть образ и подобие Божие, ибо этот образ и подобие в нем рассеяны и не соединены в одну свободу, в одну любовь: сознание и разум в нем только возможны. Человек есть эта воплощенная возможность: он создан по образу и подобию Божию – он по природе обладает Божественным Разумом; он есть вся полнота Божественной Мысли, которая содержится в Нем, как дерево содержится в семечке. Но семечко еще не есть дерево и не есть плод; и потому, для того, чтобы образ и подобие Божии стали в человеке действительностью, для того, чтобы он на самом деле был выражением Божественной мысли, он должен познать Бога, как бесконечное Добро, сознать свою Божественную природу, сделаться ее достойным и тем, как бы, завоевать ее. Тогда только будет исполнено его назначение быть венцом и царем создания, и воздать Богу Его любовь; только при этом условии он достигает бесконечной свободы и разума, и становится «образом и славою Божией» (1Кор. 11:7).

О первом человеке

– молокане учат так: «Первый, первоначальный человек жил в Земном раю, описываемом нам Моисеем, как прелестный сад, в котором всего было довольно для услаждения потреб человека. Он жил в раю, полный радости, не ведая зла, но не сознавая, также, и добра. В этом состоянии первобытной невинности, человек отличен от животного только тем, что он может возвыситься над ними. (Первобытная невинность Адама – совсем не та невинность, которую мы должны иметь, и которую действительно имел Христос. Невинность Христова есть невинность в зле; но Христос был виновен в добре, которое Он и творил в совершенстве Своем; Адам же, пока не различал добра от зла, не был виновен ни в злых, ни в добрых поступках, и потому, невинность Адама есть только бессознательность, а истинность Христа есть сознательная и добровольная праведность и непорочность). Животные так же не знают ни добра, ни зла: они живут в невинности и не отступают от Божественной мысли, по которой они созданы, и потому, в них нет добра. Но человек, как обладающий Божественной природой, бесконечным духом, есть существо свободное, и, как такое, он должен быть повинен за свои поступки; он должен знать добро и создать его: состояние первобытной невинности недостойно человека, – такая невинность есть состояние животного, состояние незнания.

Человек должен знать, – это в природе его, и потому, он вскоре прельщается плодами древа познания добра и зла, и вкушает от них: «вот, – говорить Господь Бог, – человек стал как один из нас, в познании добра и зла». И человек заметил, что он наг, и устыдился своей наготы, ибо сознал, что не подобает ему ходить нагому, как ходят Животные. Человек только узнал, что есть добро и зло, – он еще не сотворил зла, но уже первая его радость помрачилась; он лишился состояния невинности и покоя; он изгнан из рая и из присутствия Божия: он теперь должен сам, своими собственными силами, достигнуть блаженства, единения с Богом (Мф. 11:12). Но человеку Бог

оставил на произвол – творить ли ему добро или зло, и человек, по-преимуществу, творит зло (Еф. 2:1–2), ибо не постиг еще сущности Добра, сущности Бога; Бог кажется ему чужим, отдаленным, а Закон Божий, Закон добра является ему, как Закон принудительный, тяжкий и потому, он постоянно от него отпадает. Он видит в Боге только своего гневного Господа, и старается умилостивлять Его постоянными жертвоприношениями: он не может вынести Его присутствия: только некоторые избранные приближаются к Нему, и то с трепетом; для остальных же, Он остается тайной непостижимой, тайной страшной. И это отношение человека к Богу выражается тем, что только один первосвященник мот входить в часть храма, называемой Святая Святых, и то раз в год. Но исполнились времена (Евр. 9:26), человек возмужал разумом, и родился Тот, от Которого мир чаял искупления. И он возвестил миру истину: «блаженны чистые сердцем, ибо тии Бога узрят» (Мф. 5:8). Он открыл нам нашу близость с Богом; Он назвал Бога Отцом: а Себя и нас Его сынами (Ин. 20:17, Рим. 8:14) – и союз страха обратил в союз любви (Рим. 8:15; Евр. 2:14–15). Он научил нас познавать Бога, как Его истину, Свою сущность; и добро стало для нас понятно, и Закон принуждения стал Законом свободы. (Гал. 5:1). Он показал нам путь к блаженству и ко спасению – и учение Свое запечатлел смертью на кресте. И когда Он испустил дух, завеса во Святая Святых разодралась надвое, сверху донизу (Мф. 27:51), и тайное стало явным; и теперь нет более тайны, ибо, по словам апостола, тайна, «которая в другие времена не была показана сынам человеческим, ныне открыта» (Еф. 3:5). И человек понял истину и познал Бога, как Духа, откровенного нам в нашем духе, ибо «Дух свидетельствует о Духе» (Рим. 8:16). И познал Бога, как любовь, и Закон Божий, как свой закон. И познал Бога, как Отца, и себя, как Сына Божия, и нашел в себе образ и подобие Божие. Воистину, все мы Сыны Божии, и Дух Святой обитает в нас. Но Божественный Спаситель наш, по-преимуществу есть Сын Божий: Он выразил Собою всю сущность Божества, – Он истинное Слово Божие (Ин. 1:1–2) и совершеннейший Богочеловек, ибо Он был совершеннее всех человек, и не было

в Нем ни единого порока; мы же ежеминутно согрешаем и тем помрачаем в себе подобие Божие.

О священстве

– молокане рассуждают так: Архиерей и первосвященник истинной церкви есть, единственно, Иисус Христос. «Мы имеем не такого первосвященника, который не может страдать с нами в немощах наших, но который, подобно нам, испытал все, кроме греха» (Евр. 6:15) и «который воссел одесную престола величия на небесах» (Евр. 8:1). Во времена Ветхого Завета были священники из смертных людей, и «из них многие были священниками, потому что (?) смерть не допускала их оставаться таковыми. А сей, поелику пребывает вечно, то и священство имеет непреходящее. Почему, и может (?) всегда приходящих через Него к Богу, будучи всегда жив, дабы ходатайствовать за них. Таков и должен быть у нас первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес, который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы, сперва за свои грехи, потом за грехи народа. Он совершил сие однажды; принесши в жертву Себя Самого» (Евр. 7:23–27). И не по собственному или чьему-либо произволу стал Иисус Христос первосвященником церкви истинной, ибо «никто сам собою не приемлет сей чести, а, только призываемые Богом, как и Аарон»: равным образом, и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, кто сказал Ему: «Ты Сын Мой, ныне Я родил Тебя» (Пс. 2:7); также, и в другом месте говорит: «Ты священник во век по чину Мелхиседека (Пс. 109:4; Евр. 5:4–6). И наречен от Бога первосвященник по чину Мелхиседека» (Евр. 5:10). т.е., по избранию Божию. Кроме Иисуса Христа никаких Архиереев, первосвященников и священников в Новом Завете нету и быть не может, и напрасно греко-российская церковь назначает себе таковых; с пришествия Христова, этому не следует так быть, потому что теперь Один Он есть Архиерей истинной церкви, и, назначая себе Архиереев из смертных людей, греко-российская церковь, как бы, не желает находиться под Архиерейством Христовым. «Итак, имея Первосвященника великого,

прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего» (Евр. 4:14).

О церкви Христовой

– молокане учат так: «Церковь Христова, или храм Божий, есть общество верующихв Бога, согласно учению, преподанному Христом и Святыми Его Апостолами: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?», говорит Св. Ап. (1Кор. 7:16); и еще: «не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, который имеете от Бога?» (1Кор. 6:19). На основавии этого, собственно, в зданиях и украшениях никакой святости, ни Божества не признаем, тем менее же – в идолохранилищах греко-российской церкви, называемых ею храмами Божиими: «какая совместность между храмом Божиим и идолами»? говорит святой Апостол, «ибо вы храм Бога живого, так как сказал Бог: вселюся в них, и буду ходить, и буду их Богом, и они будут Моим народом» (2Кор. 6:16). Забыв Св. Писание, или не желая брать его в руководство, греко-российская церковь всю святость своих храмов, полагает в антиминс (?). Это шелковый платок с изображением положения во гроб Христа Спасителя, с написанным символом веры греко-российской церкви (?) и с подписью местного Архиерея, а иногда (?) с зашитым кусочком каких-то мощей. Этот кусок тафтицы полагается на, так называемом, престоле и в этой-то тряпочке, а не в людском собрании, сошедшемся для молитвы своему Богу, заключается, по учению греко-российской церкви (?), вся святость храма; так что, ежели вынести из здания этот антиминс, то молящееся людское собрание, не имеет уже в себе никакой святости (?) – в нем нет присутствия Божия; и потому, нарушить молитву каким-либо бесчинством, не есть святотатство и поругание Имени Божьего: вся святость и Божественность храма вынесена вон, с шелковой тряпкой. Такое учение само по себе есть святотатство и поругание над Богом и над истинным храмом Божиим: «храм Божий свят», говорит Св. Апостол, а сей храм – вы; если же кто разорит храм Божий, того погубит Бог. (1Кор. 3:17). А учение греко-российской церкви о храме – не есть ли это разорение храма Божьего»? Учредитель и начальник церкви есть Сам

Иисус Христос. «Где соберутся двое или трое во Имя Мое», сказал Он, «там и Я посреди их» (Мф. 18:20). И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Ин. 14:16). После вознесения Христа Спасителя на небо, «при наступлении Пятидесятницы, все они (Апостолы) были единодушно вместе. Внезапно, сделался шум с небеси, как бы, от несущегося сильного дыхания ветра, и исполнил весь дом, где они находились. И исполнились все Духа Святого» (Деян. 2:1–2, 4). Вот начало церкви Христовой: Сам Христос предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова, чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5:26–27). «Итак, приступая к Нему (Христу), камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный» (1Пет. 2:4–5). «Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело – так и Христос. И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1Кор. 12:12–27). Посему, вы уже не чужие и пришельцы, но сограждане святых и свои Богу, будучи утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на Котором все Здание стройно возрастает в храм, посвященный Господу, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие духом (Еф. 2:19–22). Следовательно, Христос и Св. Писание суть единственные основы, на которых зиждется истинная христианская Церковь – Община Христова, и всякое общество, в основании которого не лежит учение Христово – не есть истинная. Церковь одна; «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1Кор. 3:11). «И одно тело, и один дух… один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Еф. 4:4–6). Посему, мы не признаем ни греко-российского, ни старообрядческого, ни западно-римского согласия принадлежащими к истинной церкви Христовой, и составляющими с нею единое стадо, имеющее единого Пастыря Иисуса Христа.

Эти, так называемые, церкви, кроме Христа и Св. Апостолов, приняли в основание свои многоразличные и разнообразные вымыслы, противные истинному учению, и тем, самопроизвольно отделились и отпали от Христа. Глава церкви есть Божественный Учитель наш Иисус Христос (Еф. 5:23), Которого Бог, «воскресив из мертвых, посадил одесную Себя на небесах, превыше начальства, и власти, и силы, и всякого имени, каким именуются не только в сем свете, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил превыше всего, главою церкви, которая есть Его тело, полнота Того, Который наполняет все всем (Еф. 1:20–23). Никакого другого начальника веры и главы у истинной церкви Христовой нет, и быть не может, ибо, если имеем другую главу, то она не Христова, то и не истинная, и потому, всякий, именующий себя главою церкви, тем самым, как бы, хочет вступать в соперничество с единой истинной главой церкви, со Христом, и делается противником Христовым. Для наблюдения принятого порядка при Богослужении, для чтения Св. Писания, а также и для произнесения молитв, каждая из наших местных церквей выбирает себе пресвитера или Епископа (надсмотрщика), и к нему двух помощников, которые, в случае его болезни, или отсутствия по другой какой причине, могли бы заступить его место. (Диаконов, бывших в Апостольских церквах, не имеем; собрания ваши и без них не нарушаются никаким бесчинством… Если же, при увеличении церкви нашей, встретится надобность в диаконе, то мы изберем себе токового). При избрании Епископа или Пресвитера, наблюдаем наставления ап. Павла: епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен… (1Тим. 3:2–5). Он имеет обязанности и кроме, собственно, Богослужебных: он должен следить за нравственностью церкви и заботиться об ее духовных нуждах (1Пет. 5:1–3). На основании этого (?), Пресвитеры у нас не берут от церкви никакого вознаграждения: и как бы взяли они мзду? Бог ничего не берет с нас за ниспосылаемые нам милости и щедроты, и Христос безвозмездно пострадал и пролил Кровь Свою за Церковь; так и пресвитеры наши считают священной своей обязанностью безвозмездно служить Богу и церкви: они почли бы за

величайший грех и бесчестие поступать подобно греко-российским попам, которые на каждую сказанную ими молитву берут с членов церкви плату. «Мы, также, не считаем пресвитера лицом, начальствующим над местной Церковью, или учителем церкви. «Не называйтесь учителями», говорит Христос, «ибо у вас один Учитель, – Христос, а вы все братья; и не называйтесь наставниками, ибо у вас один наставник, Христос» (Мф. 23:8–10). Потому в нашей церкви нет ни больших, ни малых, а все мы равны, как братья, ибо собраны перед Богом. Наша церковь есть братская церковь, в которой один старший – Иисус Христос; и потому, мы ее считаем истинною Церковью. Пресвитер может быть отрешен церковью от своей должности, за уклонение от правил, изреченных апостолом Павлом (1Тим. 3:2–5).

«Таинств – говорят молокане в своем «Вероисповедании» далее, – мы вообще никаких не признаем, ибо всякая тайна открыта с пришествия Иисуса Христа Его последователям: «вам дано знать тайны царствия небесного» (Мф. 13:11), сказал Он; так же точно учит и Св. апостол Павел: «вы можете, говорит он, читая, усмотреть мое разумение тайны Христовой, которая в другие времена не была показана сынам человеческим, а ныне открыта Святым Его Апостолам и пророкам Духом Святым» (Еф. 3:4–5). Следовательно, Христос открыл Своим ученикам и Апостолам тайну, и открыл Он ее для того, чтобы они благовествовали ее всем и каждому. «Мне, – говорит Апостол Павел, – наименьшему из всех святых, дана благодать сия, благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, дабы ныне через церковь сделалась известною» (Еф. 3:8–10). Напрасно, стало быть, греко-российская церковь утверждает, что есть какие-то таинства и тайны. Истина Божия должна быть явлена и открыта, и, делающие из нее тайну, принимают великий грех на душу, ибо утаивают путь к спасению, указанный нам Иисусом Христом. Эта истина, из которой попы делают тайну, скрывая ее под разными суеверными и идолопоклонническими обрядами, состоит в том, что Бог есть Дух, что человек есть храм Божий, и

что Дух Божий обитает в каждом человеке; что все заповеди содержатся в одной: люби ближнего своего; что Бог есть Отец наш и что человек есть сын Божий. Истину эту всякий может сам прочесть в Св. Писании Нового Завета; это есть та истина, которую открыл нам Христос, чтобы, познавший ее, мог бы жить вечно; не должно делать из этого тайны.

Обучение слову Божию – есть истинное духовное крещение. Крещение же погружением в воду или обливанием, есть теперь пустой обряд, который с пришествия Иисуса Христа отменен (?), ибо Сам Христос сказал апостолам: «Иоанн крестил водою, а вы через несколько дней будете крещены Духом Святым» (Деян. 1:5); и, когда, через несколько дней Апостолы были все вместе собраны, они исполнились Св. Духа и пошли проповедовать Евангелие. Потому и мы полагаем, что теперь, после пришествия Христова, истинное крещение заключается в обучении слову Божиему, – в духовном крещении, а не в погружении в воду. Сам Иоанн Креститель, когда проповедовал крещение погружением в воду, говорил: «Я крещу вас водою, но грядет сильней меня (Христос)… Тот будет крестить Вас Духом Святым, и огнем» (Лк. 3:16): следовательно, и Иоанн Креститель знал, что крещение водою, которым он крестил, продолжится только до пришествия Христова, после которого будет крещение духовное. Ведь, не *поняла* же греко-российская Церковь слово «огнем» в тесном смысле и не творит над своими приверженцами обряда крещения обжиганием в огне. Отчего же не поняла она всего крещения в духовном, истинном смысле, как погружение в слово Божие и любовь Божию? Так же духовно понимали крещение и Св. Апостолы. Апостол Павел говорит: «Христос послал меня не крестить (водою), а благовествовать, ибо слово о кресте (Евангелие) для нас, спасаемых, есть сила Божия» (1Кор. 2:17–18). «Ужели вы не знаете, что все мы, крестившиеся во Иисуса Христа, погружались в смерть Его? И так погреблись с ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и мы ходили в обновленной жизни. Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят в Нем, чтоб исчезло

тело греха, дабы нам не быть рабами греху, Ибо, кто умер, тот свободен от греха. Если же мы умерли со Христом, то верим, что нам и жить с Ним, зная, что Христос, воскресши из мертвых, уже не умирает, – смерть не имеет над Ним власти. Ибо, когда Он умер, умер однажды для греха; а живя, Он живет для Бога. Так и вы почитайте себя для греха мертвыми, а живите для Бога во Иисусе Христе, Господе нашем» (Рим. 6:3–12). О каком же крещении говорит тут Св. Апостол, – о плотском или о духовном? Мы разумеем, что о духовном, ибо креститься в смерть Христову, дабы потом вместе с Ним воскреснуть, значит умертвить в себе все греховные помышления, и жить в добродетелях и по Закону Божиему, а неужели же этого можно достигнуть омовением в воде? Омовение дает нам только телесную чистоту, духовной же чистоты и непорочности достигнуто им быть не может: духовная чистота достигается Богопознанием и изучением Слова Божия, – вот истинное крещение. Так понимал его Христос, так понимали его Апостолы, так и мы его понимаем. И напрасно греко-российская церковь будет стараться утвердить свое учение о плотском, водном крещении на словах, сказанных нашим Божественным Учителем Никодиму: «если кто не родится от воды и Духа, тот не может войти в царствие Божие» (Ин. 3:5), ибо, как понимал Христос слово «вода», видно из Его разговора с женщиной Самарянскою; Он говорит ей: «всякий, пьющий воду сию (т. е. плотскую воду, какая течет в ручьях и колодцах) возжаждет опять: а кто будет пить воду, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:13–14); понятно, что под словом «вода» Христос разумел Свое учение. По учению греко-российской церкви, крещение есть таинство: мы же никакой тайны в нем не видим; напротив, мы считаем, что крещение есть обнаружение и раскрытие тайны; ибо для не знающего Слова Божия, для духовно не крещенного, Слово Божие есть тайна, а крещение в том и состоит, чтобы он научился Божественной истине, – чтобы она перестала быть для него тайной; Сам Спаситель сказал Своим ученикам: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Св. Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф.

28:19–20), ибо «нет ничего сокровенного, чтобы не открылось, и тайного, чтобы не было узнано» (Мф. 10:26).

Греко-российская Церковь в своем плотском крещении, как бы, потопляет Божественную истину».

В главе «О причащении» молокане пишут следующее: «После богослужения у нас нередко бывает братская трапеза. Этой трапезе мы не придаем решительно никакого таинственного значения; мы просто едим, чтобы насытиться, благодаря Бога за те яства, которые Он дает нам; эта трапеза не составляет части богослужения, – она может и вовсе не быть. В годовщину последней вечери Иисуса Христа с Апостолами, мы также собираемся, преломляем и едим хлеб «в Его воспонимание», причем бывают у нас благочестивые беседы; – за таинства же мы этих трапез отнюдь не принимаем.

Чтение священного Писания, есть истинное причащение тела и крови Господа нашего Иисуса Христа. «Истинно, истинно говорю вам», сказал Он, «верующий в Меня, имеет жизнь вечную, Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли. Хлеб же, сходящий с небес, должен быть таков, чтобы, ядущий его, не умирал. Я есмь хлеб живой, сшедший с небеси: ядущий хлеб сей, будет жить вовек: хлеб же, который Я дал (?) есть плоть Моя, которую Я отдал за жизнь мира… истинно, истинно говорю, ежели не будете есть плоти Сына человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова. Кто может это слушать? Но Иисус, зная Сам Собою, что ученики Его ропщут на то, сказал им: это ли вас соблазняет? Дух животворит; плоть же не пользует ни мало. Слова, которые говорю Я вам, суть Дух и жизнь» (Ин. 6:47–51, 60, 61, 63). Ясное дело, что Спаситель говорит здесь о пище духовной, которая есть слово Божие, – и причащение слову Божиему есть истинное причащение, и всякое плотское причащение есть нелепость; таковою признаем причащение хлебом и вином, совершаемое при богослужении греко-российской церкви: «пища не приближает нас к Богу», говорит святой Апостол, «ибо, едим ли, ничего не приобретаем от того, не едим ли, ничего не теряем (1Кор. 8:8). В противность этому,

греко-российская церковь учит, что только те спасутся, и сделаются сонаследниками царствия небесного, которые будут есть хлеб и вино, приготовляемые попами (!) во время богослужения, и этот хлеб и вино, которые суть дар Божий, осквернённый ее мерзким идолослужением (!), она осмеливается (?) называть истинным телом и кровью Христовой. Забыла греко-российская церковь, что Сам Иисус Христос сказал, что «все, входящее в уста, переходит во чрево и исходит афедроном» (задним проходом) (Мф. 15:17): это бывает со всякою пищею, также, и с, так называемым, причащением греко-российский церкви, а потому, оно и не есть тело и кровь Христова, которые в принявшем их духовно, т. е., как учение и дух, пребывает вовек. Учение греко-российской церкви есть святотатственное ругательство над Телом Спасителя нашего, которое Он предал, чтобы научить нас истине, – над кровью, которую Он пролил, чтобы показать нам путь к спасению».

«Крестного знамении, – продолжают молокане, – не делаем, ибо считаем это вымыслом и излишним. Христос приказал нам нести духовный крест, т. е. те страдания, которые нам ниспосылаются; а от креста, которым знаменуются приверженцы греко-российской церкви, только руки устают (!), а спасения от него никакого нет. Ежели бы нужен был крест, которым знаменуются приверженцы греко-российской церкви, то об этом было бы указано где-нибудь в священном Писании».

В главе «О постах» в «Вероисповедании» молокан излагается следующее рассуждение: «Четвертая заповедь, помни день Отдыха (Суббота), чтобы святить его». Этой заповедью повелевается нам день седьмой, отдых (по-еврейски, суббота), употреблять не на житейские дела наши, а на служение Богу т. е., посвящать его молитве и добрым делам: «научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, с благодатью воспевая в сердцах ваших Господу», говорит св. Апостол (Кол. 3:16); «но будьте исполнителями слова, а не слушателями только» (Иак. 1:22); и на основании этого, мы не считаем, что тот, кто творит добрые дела в седьмой день, нарушает святость его, ибо многократно

Бог научал словом Своим делать добрые дела. К тому же, мы имеем еще пример Самого Христа Спасителя: Он не видел спасения в фарисейском соблюдении Субботы; Он никогда не считал исцеление больного, или какое-либо другое доброе дело, совершенное в день отдыха, нарушением заповеди Божией. «Проходил Иисус в Субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья, и есть. Фарисеи, увидев это, сказали Ему: «вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу». Он же сказал им: «разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий, и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам. Или не читали вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако, неповинны. Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма. Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных. Ибо Сын человеческий есть господин и субботы». И, отшедши оттуда, вошел Он в синагогу их. И вот, там был человек, имеющий сухую руку; и спросили Иисуса, чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботу. Он же сказал им: «кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы? Итак, можно в Субботы делать добро». Тогда говорит человеку тому: «протяни руку твою» и он протянул; и стала она здорова, как другая» (Мф. 12:1–13). Но ежели не грешно делать в этот день добро, то особенно непозволительно делать в этот день зло, или предаваться разврату и пьянству: «не упивайтесь вином, от которого бывает распутство, говорит св. апостол, но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами, песнями и пением духовным». (Еф. 5:18–19). И потому, мы с сожалением и скорбями видим, что приверженцы греко-российской церкви выбирают именно седьмой день для сотворения всякого распутства: пьянствуют, блудодействуют и всякие бесчинствия творят, редкий праздничный день проходит у них без ссоры и драки. К тому же, попы их мало заботятся о том, чтобы научить их, что в день, который Господь Бог велел посвящать Себе, все эти поступки во сто раз порочнее и грешнее: греко-российские

попы сами находят удобным посвящать досуги воскресного дня угощению себя вином, причем, нередкие напиваются до пьяна, вероятно, в назидание своей паствы и для большего утверждения ее в достодолжном Богопочитании. Древние евреи праздновали седьмой день в Субботу, что значит, по-еврейски, Отдых. Теперь же, в память воскресения из мертвых Спасителя нашего Иисуса Христа, бывшего, по свидетельству Св. Писания, в первый день после субботы, Христиане всех исповеданий, празднуют уже не субботу, а день воскресный. Согласно этому, и мы празднуем и святим не субботу, а воскресение, ибо истинно веруем, что Христос воскрес из мертвых. Это правило существует со времен Апостольских: «в первый дель недели… Павел беседовал с ними, и продолжил слово до полуночи», гласит Св. Писание (Деян. 20:4). Кроме воскресного дня, храним еще следующие праздничные дни: Благовещение, Рождество, Сретение, Крещение, Преображение, Воскресение, Вознесение и Сошествие Св. Духа на Апостолов. Все же остальные праздники греко-российской церкви не соблюдаем, ибо они установлены в память событий или вовсе небывалых,или не имеющих в себе ничего священного. В дни страдания Иисуса Христа, соблюдаем пост в память плотских мучений, которые добровольно принял и претерпел наш Божественный учитель.В эти дни *мы* ничего не едим и не пьем, *и проводим их в молитве.* Всех же прочих постов, установленных греко-российской церковью, как то – пост по средам и пятницам, и прочие, не принимаем. Кроме страстных дней Спасителя, каждый из принадлежащих к нашей церкви налагает на себя пост добровольно, когда, почувствует в том надобность для обуздания своей плоти и греховных помышлений, и такой пост длится, сколько постящийся полагает для себя нужным; правил, связывающих свободу и совесть, об этом у нас нет. Также не принимаем сделанного греко-российскою церковью разделения пищи на скоромную и на постную: такое разделение есть нелепость: всякая пища создана Богом и одинаково хороша, – постной же пищи быть не может, ибо пост есть воздержание от всякой пищи, а не наполнение желудка рыбой и грибами. Поэтому, мы, когда постимся, вовсе не принимаем ни пищи, ни

пития. В самом плотском посте еще никакой добродетели не видим: воздержание от пищи может освободить дух от плотских помыслов, сделать его более способным к добру, но он еще не есть самое добро, и за пост мы еще никакой не ждем награды от Отца нашего Небесного. Вот, что читаем о посте в Св. Писании у Исаии-пророка: «взывай всею гортанью, не умолкай: как трубою греми гласом твоим и возвести народу Моему неверность его и дому Иаковлеву грехи их. А они изо дня в день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы, народ, который поступал праведно и не оставлял Законов Бога своего: требуют от Меня судов правды, желают близости Божией». «Почему же мы постимся, а Ты не видишь? Томим душу свою, а Ты не знаешь?» «Се»! в день поста вашего вы угождаете своей прихоти, и мстите за всякие досады свои». Се! вы поститесь для ссор и распрей, и для того, чтобы кулаком беззаконным бить, – не для того поститесь теперь, чтобы глас ваш был услышан на высоте. Таков ли должен быть пост, который Я люблю –день, в который томит человек душу свою, когда гнетет голову свою, как тростник, и подстилает себе власяницу и пепел? Это ли назовем постом и днем, благоугодным Господу? А вот пост, который Я люблю: развязывай всякий узел неправды, облегчи отягченных, отпусти притесненных на волю, и всякое обязательство неправедное разорви. Раздели с голодным хлеб твой: нищих, не имеющих пристанища, введи в дом твой: если видишь нагого, одень его и от родственников твоих не отворачивайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя.». (Ис. 58:1–8). Вот, в чем заключается пост духовный, истинный пост, приятный Богу; а не в воздержании от, так называемой, скоромной пищи. «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем, – говорит святой Апостол, – есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неосквернным от мира» (Иак. 1:27).

О предании и обрядах

– молокане учат так: «Бог открывает Себя во всем, вне нас и внутри нас, сущем, как причина, благо, жизнь и цель всего; горе не видящим Света. Мы же во всем видим присутствие Его, и вся красота, лепота и сияние мира есть только отблеск Его Единого красивого, лепотного и сияющего во славе Своей. Но во всей полноте Истины Своей, Бог открывается нам в нашем духе, ибо мы созданы по образу и подобию Божиему, который, по словам апостола, состоит «в правде и святости Истины» (Еф. 14:24), И в духе нашем Бог открывается нам, не как нечто, чужое нам, но напротив, как наша, наисокровеннейшая сущность, начало, причина, свобода, истина и цель: Он всецело в нас пребывает и присущ нам, ибо мы «храм Бога живого» (1Кор. 3:16), и Бог в нас обитает, и мы в Нем, кроме сих двух откровений, из которых всякий, разумом обладающий, может познать Бога, мы познаем Его еще из книги, называемой Библией, ибо в ней видим всю глубину Божественной Премудрости и принимаем ее, как непреложное руководство к Богопознанию. Библия рассказывает нам судьбы народа Еврейского, но мы, кроме того, видим в ней боговдохновенный рассказ о постепенном (?) возрастании человеческого духа и Богопознания, и потому, хотя эта книга и давно написана, мы считаем ее вечно юной и неисчерпаемой. Последней же Священной книгой считаем Апокалипсис, или Откровение Святого Иоанна Богослова. Вот наши единственные источники; в них Сам Бог открыл Себя нам, – они Его истинное откровение. Кроме поименованных источников для Богопознания, никаких других не принимаем. Апостол Павел говорит: «хотя бы мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1:8); потому и мы не придаем божественного значения преданиям и творениям отцов греко-российской церкви, ибо к ним могут быть приложены (?) слова св. Апостола: «называя себя мудрыми, обезумели и славу нетленнного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку» (Рим. 1:23), и не почитаем истинным учения их,

«запрещающим вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением» (1Тим. 14:3). В поклонение своим отцам, греко-российская церковь опирается на слова Апостола Павла: «тем же убо, братие, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2Фес. 2:15). Мы также признаем предание, переданное нам в книгах Ветхого Завета (?), но отнюдь не можем отнести слов св. Апостола к преданиям отцов греко-российской церкви, исказившим (?) смысл истинного богооткровенного предания и изменившим славу нетленного Бога в тленный образ, ибо их учение названо апостолом Павлом – учением бесовским (1Тим. 4:1). Более всего следует изучать самое слово Божие, переданное нам в книгах Ветхого и Нового Завета, ибо «все Священное Писание Богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, чтобы совершен был человек Божий, ко всякому доброму делу приуготовлен» (2Тим. 5:16–17), и потому знать Св. Писание – есть священная обязанность каждого христианина, но, в особенности, обязанность пастыря и пресвитера церкви. Он должен не только сам хорошо знать Слово Божие, но должен заботиться о том, чтобы и другие его знали. Между тем, не видно, чтобы греко-российское духовенство считало своей обязанностью обучать народ слову Божию. Богослужение в греко-российской церкви состоит нз бесконечного множества обрядов, ничего не объясняющих и непонятных (?) и, по нашему разумению, да и по словам священного писания, совершенно излишних, ибо Богу следует поклоняться Духом и Истиною, а не обрядами: пустые же обряды только затемняют смысл истинного Богооткровения. Правда, читается в церкви греко-российской и слово Божие, но весьма (?) мало и то, на устаревшем славянском языке, без всякого истолкования и объяснения, а иногда даже с самыми грубыми ошибками. Человек непросвещенный ничего не может вынести из такого недостаточного преподавания Слова Божия, да даже и самый ученый не много поймет из того, что читает в греко-российской церкви во время Богослужения дьячок. Такое чтение мы считаем поруганием над Словом Божиим; какая же от

него может быть польза? потому, частое хождение в греко-российскую церковь рассевает только предрассудки и невежество, а не истинное Богопазнание. И, что пользы в том, что народ услышит Слово Божие, а не поймет его? Хорошо бы сделали греко-российские попы, если бы прочли и вразумились тем, что пишет апостол Павел в послании к Коринфянам. Он говорит: «если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением? И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят раздельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслях? И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер. Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения. Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец. А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования» (1Кор. 14:6–11, 13). Самое богослужение начинается у нас с молитвы Господней: «Отче наш», которую говорит пресвитер. Потом, все собравшиеся садятся, и начинается чтение Св. Писания и псалмов, причем, каждый стих сперва читается пресвитером, а потом поется всем собранием. После чтения и пения Св. Писания, которое продолжается у нас несколько часов, все собрание встает и начинается общественная молитва, говоримая пресвитером, и пение псалмов, в котором участвует все собрание. Во время молитвы собрание стоит на коленях, по примеру Самого Иисуса Христа, Который, «преклонив колени, молился» (Лк. 22:41). Так же делали и Св. Апостолы: в Деяниях Апостольских рассказывается, что апостол Павел «пал на колени и молился со всеми» (Деян. 20:36). Молитвы, говоримые пресвитером, и псалмы, которые поет собрание, суть след.: «*Призри, Господи, от обители Святые Твоея, приими от нас, Господи, моления наши за вся человеки, за царя и за вся, иже во власти суть, да тихое и безмятежное житие поживем во*

всяком благочестии и чистоте. Сие бо приятно есть пред Спасителем нашим Богом, иже хощет всем человеком спастися и в разум истины прияти. Умилосердися, Господи, на приношение наше, яко же на Авелеву жертву; прими от нас, Господи, угождения наша, яко же Еноха; соблюди нас, Господи, от потопа мысленного, яко же Ноя; сохрани нас, Господи, от огня и жупела, яко же Лота от Содомлян; и явися нам, Господи, Духом Твоим Святым, яко же Отцу нашему Аврааму, подаждь нам, Господи, Завет Свой, яко же Исааку; прослави нас, Господи, яко же отрока Своего Израиля, и напиши, Господи, на сердцах наших оправдание судов, яко же Моисею на горе Синайской; проведи нас, Господи, сквозь источники ложные, яко же Моисея сквозь моря; избави нас, Господи, от меча летяща, яко же Давида от меча Голиафа; сокруши, Господи, пред нами идолы, *яко же во дни Илии пророка сокрушил еси Ваала; пошли к нам, Господи, благодетельницу Матерь нашу – Твою Премудрость; изведи нас, Господи, от бездны глубокия, от ада преисподняго, от прегрешении наших; постави нас, Господи, на горней Твоей лестнице оправданий наших и судов;* спаси, *Спаситель,* души наши отныне и во веки (?). *Аминь*». Засим поется псалом 50: «*Помилуй мя Боже*». «*Се, ныне прославляем Тебя, Господи, и преклоняем колена наша Господу, сотворившему нас, и хвалим Святое Имя Твое и превозносим бесплотных сил Твоих Ангелов и Архангелов, Херувимов и Серафимов и последуем Святым Пророкам, и Апостолам, и Мученикам, и избранным Твоим, яко сподобил еси нас, Господи, помолитися Всепресветлейшему и Честнейшему Святому Имени Твоему; ныне же, Господи,* сподоби нас, *отроков и отроковиц Твоих,* вселиться с лицем Твоим *(?) во царство небесное во веки и во век. Аминь*». Засим поется псалом 26: «*Господь просвещение мое*»… «*К Тебе, Господи, преклоняем колена наша. Господи,* прости нас от всякого греха; *Господи, покрой нас кровом крыл Твоих от ярости вражия; Господи, избави нас от вечного мучения; Господи, спаси нас спасением вечным; Господи, освяти нас пред всеми языки, яко Ты, Господи, возлюбил всех СвятыхТвоих. Аминь*». Засим поется псалом 85: «*Приклони,*

Господи, ухо Твое». «*Благословен еси, Господи, Боже наш, и благословенно Имя Святое Твое честное во веки, да благословят Тя вся дела Твоя во век. Се ныне, Господи, очи наша и лице наше к Тебе дахом; яви нам. Господи, милость Твою и глас спасения нашего; изнеси (?) от сокровища благоволений Твоих, и укрепи в нас, Господи, образ Свой* во благонравии хотения Своего; *благослови нас, Господи, именем Святым и рукою Твоего отрока Иисуса; благоволи послать нам, Господи, Слово Христа Своего в сердца наша; подаждь нам, Господи,* глас во образе подобия Своего *и осени нас, Господи, Духом страха Твоего, пошли к нам, Господи, с небеси от престола Твоего Спасителя и всех Утешителя нашего Духа Истинного, и Той поставит нас пред престолом Славы Твоея, яко светильник горящ*»… Засим поется псалом 114: «*Возлюбих, яко услышит Господь глас моления моего*». «*Господи, Боже Небесный, Великий, Крепкий и Страшный, храняй Завет Твой и милосердие любящим Тя и хранящим Заповеди Твоя, да будут уши Твоя внемлющи и очи Твои отверсты на молитву раб Твоих, ею же молимся пред Тобою днесь; Господи, Господи, яко во власти Твоей сия вся суть, и несть, иже противомудрствует Тебе, всегда (?) восхощети спасти Израиля: и ныне, Господи, возвыси всесильную руку Твою и пошли с высоты от Престола Своего; воздвигни, Господи, на всех призывающих Тя* в силах слова светильника Твоего с гласи громными; *испусти, Господи, яко молнию в блистании глас спасения Твоего; явися нам, Господи, в знамении, в повелении Твоем, яко в столпе облачне; и укрепи нас, Господи, во славу Имени Твоему, яко стену крепку, медяну; положи, Господи, знамение Твое на облацех в явление о пришествии Сына Царева; да вознесет дивно десница Твоя, и чудно Имя Твое, и славно будет в избранных Твоих, и придет всяка плоть и поклонится пред Тобою, Господи, и вознесут славу Твою во исповедании Имени Твоему. Введи нас, Господи, в храм Святый Твой,* и в обновлении Скинии Сведения Твоего; *покрой нас, Господи, десницею Твоею, яко Ты, Господи, держава и покровитель роду избранному, во веки. Аминь*». Засим поется псалом 140: «*Господи, воззвах к Тебе, услыши мя*». «*Господи,*

сподоби нас, отроков и отроковиц Твоих, стати в образе Твоем, *и* уподоби нас, *Господи, якоже анфракс камень Твой: набери нас, Господи, в основание Твое, якоже сапфир, и утверди нас, Господи, в забрало Твое, якоже яспис, и очисти нас, Господи, якоже камень кристалл, научи нас, Господи, Духом Твоим Святым и* Спаси, Спаситель, души наша от ныне и до века. Аминь». После сего, поется псалом 81: «*Господи, Боже спасения моего, во дни воззвах и в ночи пред Тобою*». Затем читается молитва Манассии, царя Иудейского (2Пар. 36:23): «*Господи, Вседержителю, Боже Отцев наших*». Засим поется псалом 37: «*Господи, да не яростию Твоею обличиши мене*», – чем богослужение и оканчивается, если не бывает братской трапезы».

О поклонении в духе и истине

– молокане рассуждают следующим образом: «Из истинного познания Бога вытекает и истинное поклонение Богу. «Бог есть Дух, поклоняющиеся, должны поклоняться Ему в духе и истине» (Ин. 4:24). Посему, для богослужений мы *не имеем особых помещений,* но собираемся в обыкновенных жилищах наших. Мы не считаем, чтобы здание могло придавать святость собранию, напротив того, полагаем, что самое собрание освящает собою всякое место, где оно находится. Во времена Ветхого Завета у Евреев был в Иерусалиме храм, в котором находился кивот завета, тогдашняя святыня Евреев. С пришествия же Иисуса Христа, это отменено, и через Него знаем, что Богу достойно поклоняться на всяком месте, ибо Бог, «не в рукотворенных храмах живет», и что настало уже время, что истинные поклонники поклоняются Богу Духом и истиной (Ин. 4:24). Также, из различных мест Свящ. Писания видим, что во времена Святых Апостолов, церковь верующих в Господа нашего Иисуса Христа приносила общее Богослужение в домах и молилась на всяком месте. При богослужении нашем, мы не совершаем суеверных обрядов, так высокочтимых греко-российской Церковью: у нас нет ни образов, ни каждения, ни кропления водой, ни зажигания свечей; правда, ежели мы собираемся вечером, то зажигаем свечи для освещения горницы, но священного в этих свечах мы ничего не видим. Все эти выше поименованные обряды основаны, единственно, на невежестве. Попы утверждают, будто бы, напр., иконы нужны для того, чтобы собравшиеся могли наглядно видеть Божественные истины из Св. Писания, – понятие о них было бы полнее и вернее. Также, не употребляются при нашем богослужении пресвитерами различные облачения, наподобие того, как это делается в греко-российской церкви. Наши пресвитеры присутствуют при богослужении в обыкновенных одеждах. Греко-российская церковь утверждает, что это обычай Апостольский, и своим облачениям церковным дает те названия, которые имели одежды Св. Апостолов. Во-первых,

нигде не видно, чтобы Св. Апостолы для Богослужения надевали особые одежды; это делали ветхозаветные священники, а не апостолы. Каковы же были обыкновенные одежды Св. Апостолов, приверженцы греко-российской церкви могут увидеть на своих образах и сличить их с золоченным облачением своих попов.

О ветхом и новом завете

Еще давно, до рождения Иисуса Христа, Евреям были даны Богом через Моисея десять заповедей, в которых объяснены все обязанности человека к Богу и к ближнему его. Заповеди эти и до сих пор должны быть исполняемы, ибо они не отменены Христом. Он Сам говорит: «не думайте, что Я пришел нарушить закон: Я не нарушить пришел, но исполнить. Ибо, воистину говорю вам: скорее прейдет небо и земля, нежели прейдет одна буква, или одна черта из закона, так, чтобы не исполнилось все» (Мф. 5:17–18). Моисеевы заповеди и после пришествия Христа Спасителя остались все те же, но нам стало легче их исполнять: для Евреев заповеди были написаны на двух каменных досках, – у каждого же истинного последователя и исповедника Христова, они начертаны на сердце. Евреи исполняли их, единственно, из страха Господня, – мы же повинуемся им из любви к Богу и к ближнему, и потому, исполнение заповедей для нас не тяжко. И, поелику любовь и исполнение заповеданного для нас одно и то же значит, то мы исполняем заповеди не только согласно букве их, но и согласно Божественному смыслу и духу, оживляющему их, ибо «буква убивает, а двух животворит» (2Кор. 3:6) и только духовное понимание истинно, потому что «настало уже время, что истинные поклонники будут поклоняться Отцу (Богу) в духе и истине, ибо таких Отец ищет поклонников Себе» (Ин. 4:23). И в чем же истинное поклонение Богу, как не в исполнении их по духу, содержимому в них? Сам Иисус Христос научил нас так понимать заповеди Божии. Он сказал: «ежели праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев (слушателей закона по единой букве только), то не пойдете в царство небесное (Мф. 5:20–22, 27–28). Не будем же только фарисействующими исполнителями закона, но возлюбим Господа Бога нашего всем духом нашим, и в любви к Нему найдем в себе силы для нелицемерного соблюдении заповедей Его. Первые четыре заповеди говорят об обязанностях к Богу,

остальные шесть – об обязанностях к ближнему, – итак, все заповеди заключаются в любви к Богу и в любви к ближнему.

О значении заповедей десятословия

А. Первая заповедь: «Я – Господь Бог Твой, не должно у тебя быть Богов других пред лицом Моим». Этой заповедью повелевается нам признавать Единого Бога и Ему Одному поклоняться. Поэтому, заповедью этой запрещается отдавать Божеские почести и молиться кому бы то ни было, кроме как Единому Богу. И вот почему мы считаем, что греко-российская церковь творит смертный грех против Господа Бога, поклоняясь всяким своим святым и угодникам. Нигде в Св. Писании, ни в Ветхом, ни в Новом Завете не видно, чтобы Бог когда-либо повелевал или дозволял поклоняться кому-либо, кроме Себя. И в древности были мужи, угодившие Богу добродетельной жизнью и верой своей: был Моисей, удостоившийся, по свидетельству Св. Писания, разговаривать с Самим Господом Богом: было много и других святых мужей и пророков, сделавших Божией благодатью и своей верой многие и различные чудеса для спасения своего народа; был Иоанн Креститель, о котором Иисус сказал, что он – больше пророка. Были апостолы, ученики и сподвижники Христовы, разнесшие потом по лицу земли Св. Евангелие. Св. Писание описывает нам все их деяния и подвиги, и нигде нам не показано, чтобы им когда-либо поклонились, или, чтобы мы должны были кланяться и молиться им». (После этого, в молоканском «Вероисповедании» приводятся полностью Деян. 10:8–26; Откр. 22:8–9). «Ежели же Св. апостолы Христовы не позволяли, чтобы им при жизни отдавали Божеские почести, то тем менее прилично и дозволительно делать это после их смерти. Ежели и самим ангелам запрещено, и потому, грешно поклоняться, то тем более грешно поклоняться различным называемым святым, которых народ уважает более, нежели Самого Единого Господа Бога. Да простит Господь Бог народу его невежество! Но, как ни велика милость Божия, вряд ли простит Он греко-российским попам, что они поддерживают народ в его невежестве: ибо, ежели бы народу было растолковано Св. Писание по духу, содержимому в нем, он бы понял всю нелепость и гнусность

своего греховного поклонения называемым святым, и обратился бы к достодолжному и разумному поклонению Единому Богу Вседержителю духом и истиной, ибо, по словам Самого Спасителя, «таких поклонников ищет Себе Бог» (Ин. 4:24). Не поклоняться и отдавать Божеские почести надо людям, угодившим Богу, а подражать их добродетельному житию: они же никогда никому не кланялись, кроме Единому Богу, а поклонявшиеся твари, а не Богу, не могли угодить Богу, ибо Бог запрещает такое поклонение. И просить о заступничестве и ходатайстве перед Богом никого нельзя, кроме Иисуса Христа, ибо всякий, читавший Св. Писание, знает, что сказано: «один и ходатай между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1Тим. 2:5).

Вторую заповедь молокане понимают таким образом: «Этой заповедью запрещается делать себе какие-либо изображения и изваяния чего бы то ни было, для того, чтобы поклоняться этим избражениям. Поэтому, мы не имеем никаких изображений и образов, ни Господа Бога, ибо «Его никто никогда не видел» (1Ин. 4:12), ни кого другого, ибо нам незачем и иметь их: поклоняться и молиться им запрещено, и есть величайшее невежество и грех против Господа Бога. Этим грехом постоянно согрешает греко-российская церковь.

И напрасно она будет оправдываться тем, что не поклоняется иконам своим, а только чтит в них изображение святых мужей, и что поклоняется не самому образу, а тому, что на нем изображено. По учению греко-российской церкви, содержащемуся в книгах (?), то так и есть, но это уже грех против Бога: ибо Ему одному велено поклоняться. На самом же деле, греко-российская церковь поклоняется и молится самым деревянным изображениям, ибо иначе, для чего бы она носила свои иконы из одной церкви в другую, как бы, в гости? Что бы значило это неисчислимое количество чудотворных и местных икон, перед которыми зажигаются свечи и теплятся лампады? Что значат, будто бы, нерукотворенные и явленные образа, которым велено кланяться под анафемой? Ежели бы греко-российская церковь уважала только содержание образа, а не самую деревяшку, то тогда для нее все образа были бы

одинаковы: а, между тем, всякий знает, что образа одного и того же лица уважаются греко-российскою Церковью неодинаково; и добро бы она более уважала те, которые лучше написаны и верней изображают то, что на них нарисовано, а то, совсем напротив: мы замечали, что греко-российская церковь, в особенности, уважает иконы, худо написанные, старые, почерневшие, и которые, наверно можно сказать, писал человек, не имевший и малейшего понятия о живописи. У греко-российской церкви есть даже образ Божией Матери с тремя руками, называемой Троеручицей. Не есть ли это идолопоклонство? И каждое село, каждый город имеет свой образ, свой идол, которому поклоняется и служит. Воистину, исполнились над греко-российской Церковью слова пророка, когда он говорит о беззакониях народа Иудейского: «сколько у тебя городов, столько и богов у тебя, Иуда». (Иер. 2:29). Или греко-российская церковь забыла, что Апостол говорит, что не должно думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, обделанному художеством и вымыслом человеческим»? (Деян. 17:29). Греховное и невежественное поклонение иконам может произойти только от незнания Св. Писания, ибо оно все переисполнено запрещениями поклоняться различным изображениям. Вот главнейшие из мест Св. Писания, в которых говорится об идолопоклонстве и служении разным изображениям».

Выписав полностью: 4Цар. 17:41; Пс. 113:12–16; 134:15–18; Прем. 13:8–19; 14:8–14; Пс. 44:10–19; Посл. Иер. 1:2–12; Откр. 9:20, молокане мудрствуют далее так: «К чему нам еще говорить, когда само Св. Писание ясно обличает идолопоклонство? Поклонение образам и идолам само обличает свою греховность, ибо, поклоняющиеся деревянному богу, сами знают, что деревянный или нарисованный идол не может наказать их, и потому, творят всякие беззакония, не боясь гнева Божьего: ибо истинного Бога не знают, а деревянного не боятся. По словам Соломона, служение постыдным идолам есть начало, причина и конец всякого зла» (Прем. 14:27). На это указывает и ап. Павел: «называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога обратили в образ, подобный тленному

человеку, и птицам, и четвероногим, и гадам. А потому, Бог и предал их, по похотям сердец их, нечистоте, чтоб осквернили собственные тела. Они обратили истину Божию в ложь, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки. Аминь» (Рим. 1:22–25). Что же касается до, так называемых, *нерукотворенных образов, будто бы, свалившихся* с неба, и сделанных, вероятно, Самим Богом (?), то мы этому просто не верим и почитаем за великих невежд людей, утверждающих такую нелепость; ибо знаем, что Бог есть Дух, а не человек, а потому, и не станет заниматься выделкой образов и идолов (?), и тем паче, что Он людям запрещает это делать. Точно так же, на основании нашего разума и всего Св. Писания, отвергаем и почитаем греховным поклонение различным мощам. Не в теле мощь человека, а в духе; дух есть образ и подобие Божие, а не плоть. Ежели бы каким-либо случаем до нашего времени сохранилось тело, в котором Христос Спаситель провел Свою земную жизнь, то и этой Христовой плоти мы почли бы за грех, и не стали бы поклоняться, ибо *мы* чтим *Христа за Его Божественный дух и разум, а не за тленное тело, хотя бы оно окаменело*. А, если мы считаем за грех против Господа Бога поклоняться даже и духу человека, подобного нам, то во сколько же раз греховнее и нелепее поклоняться его высушенному телу. Поклонение человеческим телам есть явное богоотступничество, которым уничтожается вечный, исконный глагол живого Бога: «Земля еси и в землю отыдеши» (Быт. 3:19). Напрасно же греко-российская церковь хвалится и гордится своими мощами и, будто бы, богоявленными, чудотворными иконами; мы гордимся и хвалимся только Господом (1Кор. 1:30) и Его Единого молим, да сохранит нас от беззакония, и да просветит разум людей».

Третью заповедь молокане понимают в смысле совершенного запрещения клятвы; как понимают они четвертую заповедь, это мы уже знаем; пятую заповедь они проходят молчанием, так как отвергают почитанае кого бы то ни было из людей: шестою заповедью, по их толкованию, запрещаются не только обыкновенные убийства, но и войны, и смертные казни. Седьмую заповедь объясняют так: «Брачное сожительство

установлено Самим Господом Богом еще во время пребывания человека в земном раю (Быт. 2:18–22; 1:28; 2:23–24). То же самое подтверждает и Иисус Христос (Мф. 19:3–9). В Св. Писании есть подробное описание того, с кем запрещено находиться в половом сожительстве; эти запрещения от Самого Господа Бога (Лев. 18:6–18; 22–23; 29–30; Сир. 9:3–11; 22:20–35: 1Кор. 6:15–18, 19–20). Образ самого бракосочетания заимствуем из Св. Писания, из книги Товита Тов. 7:10–12: «и сказал Рагуил Товии: ешь, пей и веселись, ибо тебе надлежит взять мою дочь… возьми ее теперь же по праву… И призвал Сарру, дочь свою, и, взяв руку ее, отдал ее Товии в жену и сказал: вот, по закону Моисееву, возьми ее и веди к отцу твоему. И благословил их». На основании этого, бракосочетание совершается у нас следующим образом. Оно начинается благословением отца и матери следующими словами: «*чадо, помни сотворившего тя, во днех юности твоея, и вся дни чти Господа Бога нашего и да не похощеши согрешити и преступити Заповеди Господни: правду твори вся дни живота твоего, внемли себе, чадо, от всякого блудодеяния. Вступив вы в святое и Богом благословенное супружество, почтите оное благословением и сохраните между собою любовь и согласие, егда благословит вас Бог, и узрите чад своих и плод чрева своего, привлечете на себя благословение Божие и мирное житие; сего ради и наше родительское благословение на вас пребудет, да благословит вас Господь Бог принять супружество и сохранить в чистоте: сего усердно желаем, да будет благословение на вас, и призываем имя Бога милосердного: буди на вас благословение Господне всегда, и ныне, и во веки. Аминь*». Потом поется псалом 133: «се ныне благословите Господа», и говорится молитва: «*помяни нас, Господи, во благоволение людей Твоих и посети нас спасением Твоим, видети во благости набранныя Твоя и* возвеселиться в веселии языка Твоего и хвалится с достоянием. *Господи, Боже сил! помяни завет* Твой, еже обеща *избранным Твоим и всем призывающим Имя Твое Святое, и даже вся* грядущия к тебе в щедроты пред всеми; *спаси нас, Господи, Боже наш, и собери нас во едино собрание* исповедати *(?) Имени Твоему Святому и*

хвалитися во хвале Твоей. Благословен Господь Бог наш от века и до века; буди, буди избавитель всему миру. Аминь». После того, спросивши жениха и невесту, по согласию ли сочетаются, требуется от них нижеследующее обязательство: «се, ради Всевышняго Бога и Господа нашего Иисуса Христа, при собрании общего совета христианского сословия в наследие святым, по повелению Божию, желаем совокупиться законным браком, по благословению и согласию наших родителей, и по собственному нашему желанию, с тем, чтобы без нарушения Божией заповеди и святых преданий Апостол и Пророк, между нами наблюдена была верность, ложе нескверно, удалятися от блуда и прелюбодейства, до жизни нашего века, по приказанию св. Апостола Павла, что жене от мужа не разлучаться, равно, и мужу жены не отпущати» (1Кор. 7:10–11), яко добро человеку так быти. Как я, жених (имя), не поиму жены иные, кроме сея, юже поемлю, и должен жену свою любить, не свирепо с нею поступать, но разумным снисхождением, и исполнять ея слабости (?) и в общем хозяйстве, и детей воспитании и иметь ее за вернейшую свою помощницу. Равно, и я (имя) невеста, не буду посягать на другого мужа, кроме сего, за него же посягаю и долг мне есть любить и почитать своего мужа и повиноваться, яко же Господу, зане муж глава есть жены (Еф. 5:20); нравы свои к его угождению склонять, и самые его оскорбления сносить в кротости духа. В заключение обета нашего пред Господом Богом нашим и пред общим собранием, обоих должность наша есть хранить непорочность ложа своего в верности во веки и во век века.. Аминь». Потом читается молитва из книги Тов. 8:5: Жених: благословен еси Боже отец нашх, и благословенно Имя Твое Святое и славное во веки, да благословят Тя небеса и вся создания Твоя. Ты сотворил еси Адама, и дал еси ему помощницу Еву, утверждение жену его, от тех родися человеческое семя; Ты рекл еси; не добро быти человеку единому, сотворим ему помощницу, подобную ему: и ныне, Господи, не блудодеяния ради аз поемлю сестру мою сию, но по истине (?), повели помилованному ми быти и с нею состариться». Отец: «благословен еси Ты, Боже, во всяком благословении чистом и святом; да благословят Тя Святые

Твои, и вся создания Твоя, и вси Ангели Твои, и избранные Твоя Тя вовеки: но, по многой милости Твоей, сотвори еси (?) с нами, Господи, да помилуеши рабов Твоих, ныне обоих сочетавшихся; сотвори им, Владыко, милости, и соверши животы их во здравие, с веселием и милостию Твоею; спаси их, Господи, и помилуй во веки. Аминь». Засим читается Апостол (Еф. 5:20–23), и заключается наставлением к обоим сочетавшимся, такого содержания: верные о Христе Господе сочетанная двоица! вступив вы в святое и Богом благословенное супружество, почтите оное исполнением обета, каковой Сам Бог соединити благословил: сохраните между собою любовь и согласие, яко едина душа в двух телах живущая, паче же сохраните любовь к Богу, почтение к закону Его, яко Бог любви есть, и, пребываяй в любви – в Бозе пребывает: и идеже несть любви Божией и страха Его, там есть всякое расстройство и злая вещь; взаимную ложа вашего верность соблюдите свято и не посрамите оную злым ревнованием, бесчестною страстию; убойтеся когда-либо быть преступниками торжественного обещания вашего, сотворенного вами пред лицем Бога в церкви Его. Блудников бо и прелюбодеев судит Бог. Во управлении дома и др. житейских делах будьте не ленивы, но прилежны и трудолюбивы, и всяким друг к другу рачением и советами усердно спомоществуйте, для того бо и нарицаются супружники, яко едино житейских попечений ярмо или бремя великодушно несуще (?). Егда благословит вас Бог узрети чад ваших, плод чрева вашего, за первейшую пред Богом и пред людьми должность почтите доставить им доброе воспитание: в младенческое их сердце впечатлейте страх Божий и почтение к Его Закону... Ты, честный супружник, возлюби жену твою, яко тело твое, и не забуди снисхождения должного женской немощи. А ты, честная супружница, почти мужа, яко главу твою, да будет тебе всегда в мысли, по Апостолу, не внешняя плетения влас и обложения злата, или одеяния риз лепота, но потаенный сердца человек в неистлении кроткого и молчаливого духа, еже есть пред Богом многоценно... Сего усердно желаем и призываем на вас Бога милосердного, буди на вас благословение Господне всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь». По окончании

сего, поется всеми собравшимися псалом 132: «се что добро, или что красно», тем кончается бракосочетание. Всех же обручальных и венчальных обрядов, совершаемых при бракосочетании греко-российской церкви, мы не исполняем, ибо они основаны не на Св. Писании, а на вымысле, и, следовательно, излишни. Иисус Христос хвалит совершенное воздержание от брака, но Он никому его не повелевает. Сам Он пребывал безбрачен, но вряд ли считал Он многих способными к этому подвигу; а потому, даже и не советует Своим ученикам безбрачия; Он сказал только: «кто может снести, тот снеси», и, следовательно, кто не может, тот и не берись, и не обещайся. Согласно этому учению, и Ап. Павел: хорошо человеку не касаться женщины: но во избежание блудодеяния, каждый пусть имеет свою жену, и каждая жена пусть имеет своего мужа» (1Кор. 7:1–2).

Несогласно с этим поступает греко-российская церковь; она без достаточного разбора (?) принимает в монашество всякого мужчину и всякую женщину, если они только подвергнутся известному обряду и проговорят обет послушания, целомудрия и нестяжательности, греко-российская церковь не заботится о том, в состоянии ли будут люди, давшие обет, сохранить и исполнить его, и радуется только огромному числу своих мужских и женских монастырей, и большой населенности в них. Не замечает она, или не хочет замечать, что в монастыри, большей частью, поступают люди вовсе не для спасения и праведной жизни, что монашество стало ремеслом, и что размножение монастырей есть только увеличение разврата и грехов против Господа Бога. Греко-Российская церковь учит, что монашеская жизнь есть подражание жизни Христовой. Даже ежели бы монахи и монахини исполняли по всей строгости данные ими обеты, такое учение было бы ложью: Христос постоянно жил с людьми и между людей, учил их, благодетельствовал им, заботился об их спасении и, наконец, для их искупления принял мучительную и позорную смертную казнь. Что же тут похожего на монашество? Но монахи и монахини запираются в свои монастыри для идолослужения, и во здравие (?) своих рукотворенных и нерукотворенных

упиваются вином и упитывают свои чрева, и блудодействуют, и сквернодеют; «и, поелику они славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, Бог предал их страстям постыдным: ибо, как женщины их обратили естественное употребление в противоестественное; так и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам, и, таким образом, получая в самих себе достойное наказание за свое заблуждение» (Рим. 1:23, 26–27). Кто скажет, что этого не бывает сплошь да рядом в монастырях, и что не монашеская жизнь, не сама тому причиною? Припоминаем при этом, что один из уважаемых отцов греко-российской церкви Афанасий Великий (в письме к Аммону) называет монашество житьем ангельским, выше которого на земле быть не может: верно, он никогда не видал монастырей. Позабыли св. иноки и инокини сказанное святым Апостолом, что «ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни женоподобные, ни мужеложники, ни воры, ни сребролюбцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники царствия Божия не наследуют» (1Кор. 6:9–10). Не останутся они без наказания Божьего. Но не оправдается перед Господом и гре*ко-росийская церковь* (!) ибо она забыла, что «не все могут снести сие, но те, коим дано» (Мф. 19:11), и что «во избежание блудодеяния каждый пусть имеет свою жену, и каждая жена пусть имеет своего мужа» (1Кор. 7:1–2). И, забывая эти слова, сказанные самим Христом и Его Св. Апостолом, она вводит людей в прелюбодеяние. По делам своим получит награду свою. Всех же, по истинной любви, в грех впадших, прости, Господи, ради слабости человеческой, как Спаситель наш простил жену, пойманную в прелюбодеянии; и отпустит им многое, ибо они много любили».

Изъяснение восьмой, девятой и десятой заповедей в молоканских «обрядниках» или катехизисах не встречается. О загробной же жизни, втором пришествии Спасителя и о всемирном суде в рассматриваемом молоканском «Вероисповедании» говорится следующее: Веруем в жизнь за гробом и в воскресение мертвых, и потому, при исходе души от тела, молимся и поем псалмы (23 и 145): также, и при

погребении (83-й). Делаем это по примеру церкви времен Апостольских (Деян. 8:2; Сир. 38:16–17).

Если бы мы не верили, что мертвые воскреснут, то напрасно было бы о них молиться: но, так как мы знаем, что умершие в истинной вере могут надеяться на радость и блаженство, то и молимся за мертвых, чтобы им были отпущены грехи их (2Мак. 12:44–46). В оправдание этой нашей веры в воскресение мертвых и будущую жизнь есть многие места в Св. Писании. (Мк. 12:26–27; 2Кор. 5:1; Ис.55:17–18; Мф. 24:30; Ин. 5:28–29; Откр. 20:12–18, 21; Мф. 24:44). Приведением этих мест и заканчивается молоканское «Вероисповедание».

Основатель молоканства Уклеин о загробной жизни учил иначе, зато определеннее, чем теперешние молокане. Он обещал блаженство по ту сторону гроба, только одним своим последователям; но «и они, – говорил он, – только по заслугам Сына Божия могут получить вечное спасение. Все же, не принадлежащие к их вере, осуждены на вечное мучение, которое наследуют прямо после своей смерти, и не будут на последнем суде. Не будут на суде, а переселятся прямо в блаженную вечность и не согрешившие духовные христиане (т. е. молокане). Только грешные духовные христиане предстанут на суд по своем воскресении. Воскресение будет духовное, а не плотское».

Краткий разбор молоканского лжеучения

Прежде, чем приступить к разбору молоканского лжеучения, изложенного в приведенном молоканском катехизисе, или «вероисповедании духовных христиан, обыкновенно, называемых молоканами», нужно сказать несколько слов об этой брошюре. Молоканство распалось на множество толков и сект: старо-молоконе, они же «уклеинцы», «сухие» и «сухопутные», ново-молокане, называемые также еще молокано-штундистами, «водяными» молоканами и «евангелическими христианами», «воскресники», «субботники», «сопуны», «пресники», «общие», «наполеоновцы», молокане «тамбовские» «владимирские», «донские»; к молоканам причисляются также «талмудисты», «караимиты» и «жидовствующие», или «иудействующие». Какому же молоканскому толку принадлежит приведенный нами молоканский катехизис? Катехизис этот новейшего происхождения. Он был составлен и одобрен для всеобщего употребления старомолоканами на их всероссийском съезде, бывшем в первых числах сентября 1905 г., в с. Астраханке, Бердянского уезда, Таврической губернии. Цель его составления и напечатания, без сомнения, прозелитическая. Изданием его, вожаки старо-молоканства желали бы объединить последователей всех многочисленных толков. Но эта цель, с которой составлен приведенный нами катехизис, невольно заставляет нас поставить вопрос: заключается ли в нем действительное учение молоканства, или только сочиненное его вожаками, ради осуществления указанной цели? Чтобы не впасть в ошибку, мы, при рассматривании молоканского лжеучения, будем принимать во внимание и другие, чуждые тенденциозности изложения его, долгое время пользовавшиеся, и в настоящее еще время пользующиеся уважением со стороны молокан. Таковы: «Изложение учения Семена Уклеина», «Вероисповедание», представленное молоканами Императору Александру I, «Вероисповедание» духовных христиан, обыкновенно, называемых молоканами»,

изданное в Женеве (1865 г.), «Обряд о духовных христианах, содержащий в себе исповедание и догматы веры», напечатанные у Варадинева (Ист. мип. вн. дел, кн. 8-я), «Основание веры (в других рукописях: «вероисповедания») духовных христиан» и молоканские молитвенники.

Мы привели выше катехизис, или «вероисповедание духовных христиан, обыкновенно, называемых молоканами», и предпочли его, так сказать, другим «Символическим» книгам этих сектантов только потому, что он (повторяем) представлял собою систематическое изложение их верований, составленное и одобренное их «всероссийским» съездом, и, в то же время, полемизирует повсюду с учением православной церкви, – прием самый обычный у сектантов, которые, чтобы скрыть скудость собственного положительного учения, всегда стараются перейти к нападкам на учение Церкви Православной.

Различие между духоборчеством и молоканством полагают, обыкновенно, в том, что духоборцы заимствуют свое учение из своего устного предания и не придают никакого существенного значения книгам Св. Писания, как Ветхого, так и Нового Завета, молокане, наоборот, все свое учение стараются обосновать, единственно, лишь на Св. Писании и ничего не хотят знать даже о вселенском, общехристианском предании. Но, в действительности, это различие оказывается далеко несущественным. Правда, молокане на словах заявляют, что источником своего лжеучения они признают одно только Св. Писание; но изречения книг Св. Писания они понимают настолько произвольно, и лишь в духе своего, наперед усвоенного, мировоззрения, что в их руках Божественное Откровение теряет свое объективное значение. Как и у всех других рационалистических сектантов, у молокан Св. Писание вовсе не служит источником вероучения, а они думают в нем находить (не для себя, конечно, а для других) оправдание своего лжеучения, измышленного ими раньше, чем они вздумали взяться за Библию. Такое субъективное, или чисто произвольное понимание Св. Писания и является истинной причиной: 1) того, что молоканство распалось на множество толков и 2) того, что его движение никогда не может

остановиться: молокане только блуждают; они лишь ищут истины, но не находят, и никогда не найдут ее, не отрекшись от своих основных сектантских положений. Даже то вероучение, которое изложено в приведенном нами катехизисе, и одобрено на всероссийском молоканском съезде, сами молокане не считают окончательным, и допускают возможность существенного изменения его в будущем. В «предисловии» к этому катехизису они говорят: «Считаем нужным присовокупить, что непоколебимым и вечным считаем только само Св. Писание: что же касается до изложения вероисповедания, следующего за сим, то мы ждем и уповаем, что понимание бесконечной истины, со временем, еще более разъяснится потомками нашими, которые будут иметь ревность проникать еще глубже в смысл Б. Откровения и потому не кладем на таковых анафемы, а, напротив, говорим им радоваться». Мы ниже увидим, как резко изменяются в небольшой период времени даже основные догматы молоканского лжеучения.

Признавая Св. Писание единственным источником Богопознания, молокане, в противоположность духоборцам, с решительностью отвергают всякое значение Св. Предания в деле приобретения познания о Боге и Его святой воле, необходимого для нашего спасения. Насколько можно судить по их обрядникам и их возражениям на миссионерских собеседованиях, они ссылаются, в свое оправдание, на следующие места Св. Писания: Втор. 4:2; Нав. 1:7–8; Пс. 118:5; Мф. 15:9; Лк. 16:29–31; Ин. 5:30; 20:31; Деян. 1:1–2; 17:11; 2Пет. 1:19; Рим. 1:16; 3:21; 1Кор. 4:6; 14:37; Гал. 1:6; Кол. 2:8; 1Тим. 1:3–4, 6; 2Тим. 3:15–17; Тит. 1:14; Откр. 22:18. Итого – 21 место: три – из Ветхого Завета и 18 из Нового. Ссылок на какие-либо иные места не приходилось встречать не только у молокан, но и у всех других рационалистических сектантов.

По понятным причинам мы можем уделить здесь для рассмотрения этих текстов только ограниченное место, а потому, и речь наша будет кратка.

1. Втор. 4:2: «*не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам [сегодня] заповедую*». Мы можем

подсказать сектантам, что это повеление Божие почти буквально повторяется и в другом месте: Втор. 12:32. Но, при чем тут отрицание церковно-христианского предания? Заповедь Господня касается не всего ветхозаветного закона, а только того, что заповедал Господь тот день, когда дана была заповедь (сегодня). Но Сам Господь дальше разъясняет, что Он заповедал (ст. 3 и 4): Он повелел прилепляться только к нему одному и не поклоняться идолам, вроде Ваал-Фегора; а разве есть церковно-христианское предание, изменяющее эту заповедь Божию?

2. Нав. 1:7–8: «*будь тверд и очень мужествен, и тщательно храни и исполняй весь закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой; не уклоняйся от него ни направо ни налево, дабы поступать благоразумно во всех предприятиях твоих. Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано*». Иного повеления Иисусу Навину и не могло быть дано, потому что тогда, кроме книг Моисеевых, других богодухновенных книг не было. Но весь закон Моисея, по изъяснению Спасителя, состоит в двух заповедях: о любви к Богу и ближним, и в этом смысле повеление Божие, данное Иисусу Навину, сохраняет свое вечное значение. Если же принять толкование сектантов, что Господь повелел буквально придерживаться только пяти книг Моисеевых и ветхозаветного закона, то тогда нужно отрицать не только церковно-христианское Предание, но и все книги Св. Писания, как Нового, так и Ветхого заветов, за исключением Пятикнижия Моисея.

3. Пс. 118:5: «О, если бы направлялись пути мои к соблюдению уставов Твоих». Уставы Господни могут сохраняться как в Писании, так и в Предании. Напр., устав Господень об обрезании дан был Аврааму устно, и до времен Моисея сохранялся только в одном устном предании.

4. Мф. 15:9: «но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим». Учения человеческие не то же, что Св. Iiредание Церковно-христианское; учение человеческое можно противополагать только учению Божественному, которое может быть сохраняемо как в Св. Писании, так и в Св. Предании.

Здесь именно это и случилось, ибо ссылкой на пророчество, Христос осудил человеческое учение фарисеев, что нельзя есть хлеб неумытыми руками. Таких учений можно указать много: но к Св. Преданию они не имеют никакого отношения.

5. Лк. 16:29–31: «Авраам сказал ему»: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их... Если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят». Если на основании этого текста отвергать Св Предание, то с равным правом можно отвергать и все Св. Писание Нового Завета.

6. Ин. 5:39: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную». Что можно возразить, на основании этих слов, против христианского Св. Предания? Если Христос говорит о Писаниях, то это ведь не значит, что Он отрицает Предание. Нужно иметь ввиду, что грубому, чувственному народу иудейскому, часто отпадавшему от истинного Бога, и впадавшему в идолопоклонство, воля Божия была изложена в Писании даже относительно незначительных вещей, дабы он лучше мог сохранить в чистоте Божественное Откровение, а потому, у евреев почти не было Св. Предания: предание же старцев, как человеческое, часто извращало и Св. Писание. Вот почему Господь наш Иисус Христос и Апостолы почти всегда имели ввиду Св. Писание Ветхого Завета и не ссылались на Предание, чтобы слушатели не поняли их речи, в смысле одобрения «предания старцев.

7. Ин. 20:31: «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его». Из этих слов можно делать заключение только о том, что для уверования во Христа, как Сына Божия, одного Предания недостаточно, а необходимо и Св. Писание, – не больше. Но, что евангелист Иоанн не отрицал возможности Св. Предания, что видно из его свидетельства о невозможности все события, чудеса и учение Христа вместить в книги, т. е. в Св. Писание (ст. 30); ясно, что это, не помещенное в книгах, могло сохраниться только в Св. Предании.

8. Деян. 1:1–2: «Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в

который Он вознесся». «Таким образом, – говорят молокане, – если все, что делал и чему учил Спаситель, находится в Писании, то значит, Предание не нужно». Если бы Молокане были последовательнее, то на основании своего понимания приведенных слов евангелиста Луки, они должны были бы отвергать не только Св. Предание, а все, вообще, книги Нового Навета. Раз все нужное есть у Луки, зачем же они нужны? Между тем, в начале своего евангелия, Лука ясно говорит о некоторых событиях и притчах, которые записали (*записал предание*) бывшие очевидцы и служители Слова». (Лк. 1:2). Поэтому, в начале Книги Деяний Апостольских, он только свидетельствует, что он записал все, переданное ему, о делах и учении Христа, т. е. говорит только об относительной полноте и обстоятельности своего повествования. Сектанты, впрочем, прекрасно знают, что евангелист не говорит о некоторых событиях и притчах, которые записаны другими евангелистами. Следовательно, буквально понимать его самосвидетельства нельзя.

9. Деян. 17:11: «Здешние были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так». В этом месте Апостол Павел говорит о том, что жители Верии проверяли устную проповедь его Писаниями (пророчествами), и через то уверовали во Христа. Таким образом, отсюда мы можем вынести урок: Предание проверять Св. Писанием. Нужно ли доказывать, что приводимые сектантами слова Апостола говорят не против Св. Предания, а в пользу его?

10. 2Пет. 1:19: «мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте». Если даже под «пророческим словом» разуметь только Писание, а именно, книги ветхозаветных пророков, то и тогда в приведенных словах ап. Петра нельзя найти никакого основания для отрицания церковно-христианского Предания. Апостол говорит только, что исполнение ветхозаветных пророчеств в жизни и делах Иисуса Христа есть самое сильное доказательство Его мессианского достоинства и только.

11. Рим. 1:16: «я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину». Что же здесь говорится против Св. Предания? Под «благовествованием», скорее, можно разуметь устную проповедь Апостола, чем Писание; но можно разуметь и то, и другое, т. е. и Предание, и Писание: сравн. 1Кор. 2:2; 2Фес. 2:15; 3:6.

12. Рим. 3:21: «Ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки». В этих словах нельзя находить никакого основания для отрицания Св. Предания.

13. 1Кор. 4:6: «Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один перед другим». Этими словами Апостол наставляет коринфских христиан не увлекаться суемудрием и философией, как это делали некоторые, а оставаться верными Божественному Откровению, данному в Св. Писании и его собственных посланиях; но ничего Апостол не говорит здесь против Св. Предания.

14. 1Кор. 14:37: «Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни». В этих словах решительно нет никакого основания для отрицания Св. Писания.

15. Гал. 1:8: «Если бы мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали нам, да будет анафема». По отношению к Преданию, эти слова Апостола могут иметь лишь то значение, что истинное Предание не может быть в противоречии со Св. Писанием.

16. Кол. 2:8: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу». Св. Предание – не то же, что философия или предание человеческое.

17. 1Тим. I:3–4: «Отходя в Македонию я просил тебя пребыть в Ефесе и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в

вере». Эти слова Апостола не имеют никакого отношения к Св. Преданию.

18. 1Тим. 6:3–4: «Кто учит иному и не следует здравым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходит зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения». Об этих словах Апостола нужно сказать то же, что и о предшествовавших.

19. 2Тим. 3:15–17: «ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен». Все сказанное здесь прекрасно характеризует значение Св. Писания, но ничего, ровно, не говорит против Св. Предания, которое, ни в чем не противоречит Св. Писанию, только поясняет его, и тем содействует лучшему его пониманию.

20. Тит. 1:14: «Не внимая Иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины». Эти слова Апостола не имеют никакого отношения к Св. Преданию, которое не то же, что Иудейские басни и постановления людей.

21. Откр. 22:18–19: «я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей». Так как в этих словах тайнозрителя речь идет только об одной его книге, т. е. об Апокалипсисе, то сектанты, по своей логике, должны были бы отрицать не только Св. Предание, но все, вообще, книги Св. Писания. Что касается Св. Предания, то оно ничего не прибавляет к Апокалипсису и ничего у него не отнимает; следовательно, приведенные слова тайнозрителя никакого отношения к нему не имеют.

Но, если ссылки молокан (и других рационалистических сектантов) на приведенные места Св. Писания ничего не

говорят против Св. Предания, как источника Богопознания, то положительное учение о Св. Предании, заключающееся в Св. Писании, не может быть оспариваемо. Мы, ради сокращения места в книге, приведем здесь только важнейшие изречения Св. Писания, на которых основывается учение Православной Церкви о Св. Предании, как источнике христианского вероучения: 1. 2Фес. 2:15: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим»; 2. 1Тим. 6:20: «О, Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания»; 3. 2Тим. 1:13: «Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня». 4. 2Тим. 2:2: «что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить»; 5. Лк. 1:2: «Как предали нам то, бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова». «Чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен»; 6. 2Ин. 1:12: «Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами, а надеюсь прийти к вам и говорить устами к устам»; 7. Евр. 2:1: «мы должны быть особенно внимательны к слышанному». (Сравн. ст. 2–4); 8. 1Кор. 11:2: «Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам». 9. 1Фес. 2:13: «мы непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, – каково оно есть по истине, – которое и действует в вас, верующих». 10. Исх. 10:2: «чтобы ты рассказывал сыну твоему и сыну сына твоего о том, что Я сделал в Египте, и о знамениях Моих, которые Я показал в нем, и чтобы вы знали, что Я Господь»; 11. Втор. 32:7: «Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе». Сравн. еще Деян. 13:5; 17:13; Ин. 18:20–21; 3Ин. 1:13–14; Деян. 15:27, 32; 1Ин. 2:24; Иуд. 1:3; Гал. 3:2–5; Деян. 1:3; Ин. 20:30; 21:25; Деян. 20:35; 1Кор. 11:20, 34; Рим. 10:14–17 и др.

Молокане утверждают, что единственным источником их верований служит Св. Писание; а, между тем, даже понятие о Боге, какое мы встречаем в приведенном молоканском

катехизисе, без сомнения, заимствовано ими не из Св. Писания, а выработано под влиянием пантеистического мировоззрения в духе, быть может, графа Л. Н. Толстого. Троичность Лиц в Боге, как мы видели, молоканами отрицается; Бог представляется безусловно единым, как у талмудистов, евреев и магометан. Понятие о Боге в молоканском «Вероисповедании» характеризуется общими чертами: Он есть дух, но – не в смысле личности, а «потому, что Он есть бесконечное, всеодушевляющее единство и сущность (мысль, безусловно, пантеистическая); Он есть истина, свобода, красота, добро, «единое: Да». Он – вездесущ, но не потому, что Он находится везде и не стеснен пространством, а «потому, что Имя Его пространнее небес; Он бесконечно велик и, в то же время, бесконечно мал, ибо вселяется в самое малое и объемлет Собою, и содержит Собою все: как жизнь, Он постоянно изменяется, но в изменении Своем (?) остается вечно неизменным и Самим Собою. Это опять мысль пантеистическая, наиболее определенно высказанная первоначально еврейским философом Спинозой и, по неведению, конечно, повторенная у нас Державиным, в его известной оде «Бог». Православное учение о Боге Троичном в Лицах в молоканском катехизисе кощунственно объявляется «нелепым учением». А, между тем, это учение было исповедуемо и самими молоканами. Правда, Уклеин учил об этом еще не совсем ясно: «Бог есть дух в трех лицах: Отца, Сына и Св. Духа; Сын Божий и Дух Святый, хотя и единосущны Отцу, но в Божеском достоинстве не равны Ему».

В чем же, однако, состоит неравенство Лиц Пресв. Троицы, – этого основатель молоканства не разъяснил. Но уже 22 июля 1805 года уполномоченные от всех молокан (Петр Журавцев, Максим Лосев и Матфей Котылев) в своем исповедании, «по согласию всех молокан, по всем губерниям, где оная находится секта», говорили определенно: «Мы верим сердечно и несомненно слову Божию, глаголанному древле пророками, а после них – Спасителем мира Иисусом Христом и Его Апостолами, заключающемуся написанному в Священном Писании, в книге Библии. Все книги оной мы приемлем несомненно с благоговением и по силам своим поучаемся, для

своего спасения, и истинно содержимся в оной, и основываемся на слове Божием. Мы веруем и сердечно исповедуем, что Бог есть един по существу, в трех лицах неразделен. Отец и Сын и Святый Дух; сей есть триединый и триипостасный Бог, ни от кого не зависит, ни от кого не произошел, но Сам по Себе существует и содержит в Себе всех причину тварей сотворенных, Он есть вечный, неизмеримый и невидимый нам Дух, Бог, в непреступном свете обитающий; Он все знает, все видит и всем управляет. Мы веруем, что триипостасный Бог сотворил единым словом Своим из ничего, как небо и землю, так и бесплотных духов, как видимый мир, так и всякую тварь».

Это учение о Боге не противоречит учению Божественного Откровения, и мы не имеем основания заподозревать тогдашних молокан в лицемерии и неискренности, потому что такое же точно учение о триедином Боге содержится и в рукописном «Основании вероисповедания» их, составленном не позже конца XVIII века, и в их глазах имеющем значение «символа веры». В нем мы читаем следующее: «Верую во единого Бога, пребывающего в трех лицах: Отец, Сын и Святый Дух... признаем Его в трех лицах Отец, Сын и Св. Дух, и невидимый, преблагий, т. е., в высшей степени добрый, все знающий, праведный и всемогущий, не было такого времени, когда не существовало Бога – Он вечен, нет такого места, где не было бы Бога – Он вездесущен. Сам Бог открыл нам из свящ. писания, что Он – один в трех лицах. т. е., Отец, Сын и Св. Дух, что эти три лица – один Бог, а различие трех лиц Божества состоит только в том, что Сын Божий рождается от Бога Отца. С Тобою начало, в день Силы Твоея во светлостях святых Твоих: из чрева прежде денницы родих Тя, говорит Бол. (Пс. 109:3). И Сын Божий есть слово Божие и слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его, как единородного от Отца, говорит апостол (Ин. 1:1–14). Например: как ум рождает слово, и ум не бывает без слова, так и Отец не был без Сына, и Сын Божий есть тайна Божия: и беспрекословно великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах; принят верой в мире; вознесся во славе,

говорит Св. Апост. (1Тим. 3:16) и эту тайну человек вполне постигнуть не может, потому что она превышает ум человеческий, и без Него не начало быть ничто (Ин. 1:3) и Дух Св. не есть существо сотворенное, а, также, присносущ Отцу, согласно пророческому изречению: Я был там и ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его (Ис. 48:16). Поэтому, Сын Божий и Св. Дух равны в Божественном достоинстве». Итак, то учение Божественного Откровения о Боге троичном в лицах, которое ученые молоканские составители своего «Вероисповедания» (катехизиса) обозвали «нелепым», исповедовалось всеми молоканами, жившими «по всем губерниям». Откуда же у молокан нашего времени могло появиться отрицание учения о Троичности Лиц в Боге?

Еще на мировоззрение Уклеина произвел сильное влияние еврей Далматов; потом, под влиянием еврейства, среди молокан появился особый «толк» – «иудействующих»; из иудействующих молокан затем выделились, так называемые, «субботники» (о них будет речь в свое время), которые отвергли христианское учение о Боге, троичном в лицах. Впрочем, под влиянием ли пантеистического учения Толстого, или под влиянием евреев новейшие молокане стали называть «нелепым» учение Божественного Откровения о Боге триипостасном, – это не важно. Но только несомненно, что книги Св. Писания для них перестали быть источником вероучения. Уже в рукописном изложении «Основания Вероисповедания» молокан ясно указано, что даже Св. Писание Ветхого завета учит о Боге, троичном в лицах. Но в этом молоканском «символе веры» приведено только ограниченное количество мест из ветхозаветных книг Божественного Откровения; на самом деле, их несравненно больше. Ради сокращения места в нашем «Обзоре сект» и времени, мы не будем раскрывать подробно ветхозаветные учения о Боге; но просим читателя просмотреть следующие тексты: Быт. 1:2, 26; Притч. 8:22–30; Прем. 7:21–22; 8:3–4; Быт. 2:7; 11:5–7; 19:21–29; Ис. 11:2; 61:1; Иер. 23:5–6; Ос. 12:5; Исх. 15:3; Быт. 21:17–19 ;31:11–13; Мих. 5:2; Ис. 48:12–13, 16; 63:9–10. В Новом Завете, уже при крещении Христа, Бог явно открыл Себя миру троичным в

лицах: говорящий Отец, крещаемый Сын и нисходящий на Него Дух Святый. Далее, посылая учеников Своих, после Своего воскресения, на всемирную проповедь, Спаситель ясно сказал им: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Св. Духа». Новейшие молокане знают эти слова Господа: но стараются изъяснить их в смысле еретического учения Савеллия, утверждая, будто бы, под Отцом Христос разумел единого Бога, но в разных областях Его действования, именно – Отца, Бога, как только Творца мира; под Сыном, Он разумел, будто бы, того же самого Бога, но только как жизнь и Душу мира (понятие специально-пантеистическое); под Духом – того же Бога, но только как открывающегося молоканам в их вере. Толкование это явно ложно и противоречит прямому смыслу слов Спасителя. Что Христос всегда отличал Себя от Отца, пославшего Его, об этом свидетельствует каждая страница всех книг Св. Писания Нового Завета: но что Он учил о Себе, и как о Существе, равном Богу, об этом свидетельствуют не только Апостолы (Флп. 2:6; 1:15–17), но и веровавшие в Него иудеи, которые даже искали убить Его за то, что Он Отцом Своим называл Бога, делая Себя равным Богу (Ин. 5:13). О Духе Святом Спаситель также учил, как о Существе, отличном от Бога и от Него, почему в отношении к Себе, Он говорил о Нем, как об ином, другом Утешителе, Который будет действовать *в* мире после Него. Апостолы также ясно учили о Боге, троичном в лицах. Св. ап. Иоанн возвещает: «три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святый Дух; и Сии три суть едино» (1Ин. 5:7). Как же можно учить еще яснее и определеннее? Итак, новейшие молокане, искажающие Богооткровенное учение о триедином Боге, ложно утверждают, будто бы, единственным источником для их верований служит Св. Писание.

О существе Св. Духа новейшие молокане ничего не говорят; что же касается Господа нашего Иисуса Христа, то, хотя они называют Его, иногда, Спасителем, но в сущности, Он для них только учитель. Существенного различия между Христом и собою молокане нашего времени, судя по их отпечатанному «Вероисповеданию», не усматривают. По их учению, «Иисус Христос, есть только» Тот, от Которого мир

(евреи) чаял искупления! И Он открыл нам нашу близость с Богом; Он назвал Бога Отцом, а Себя и нас – Его сынами (Ин. 20:17; Рим. 8:14), и союз страха обратил в союз любви. Он научил нас познавать Бога, как, свою истину, свою сущность (?). Он показал нам путь к блаженству и ко спасению, – и учение Свое запечатлел смертью на кресте. Воистину, все мы – сыны Божии и Дух Святый обитает в нас. Но Божественный Спаситель наш, по-преимуществу есть Сын Божий. Он выразил Собою всю сущность Божества – Он – истинное слово Божие (Ин. 1:1–2) и Совершеннейший Богочеловек, ибо Он был совершеннее всех человек, и не было в Нем ни единого порока; мы же ежеминутно согрешаем, и тем помрачаем в себе подобие Божие.

Итак, по «Вероисповеданию духовных христиан, обыкновенно, называемых молоканами», различие между нами и Христом несущественное, а лишь степенное: «Себя и нас Он назвал Сынами Божиими, но мы – сыны Божии вообще, а Он – по-преимуществу, так как, в нравственном отношении, Он стоит выше нас. Такого грубо-рационалистического понимания прежние молокане не разделяли. Сам Уклеин, хотя и не признавал равенства в Божеском достоинстве между Богом Отцом и Иисусом Христом, но веровал в Иисуса Христа, как Сына Божия по существу. Он учил о Нем так: «Сын Божий, ради спасения человеческого рода, сшед на землю, с неба принес Свою плоть, вселился с нею в утробу Пресвятой Девы Марии, и потому родился от нее бессеменно. Плоть Его не была обыкновенным человеческим телом, т. е. не действительной, грубой материальной плотью, а такой духовной, какую имел, сопутствовавший Товии архангел Рафаил. Поэтому, Христос и не умирал так, как умирают обыкновенные люди, но – каким-то особенным образом.

Это учение, конечно, ложно, и оно не согласно с учением Св. Писания; но из него видно, во всяком случае, то, что основатель молоканства полагал существенное различие между Господом нашим Иисусом Христом и обыкновенными людьми. Что же касается исповедания веры, которое изложили молоканские уполномоченные Императору Александру I в 1805 году, то оно вполне согласно с учением Божественного

Откровения. «*Спаситель,* – говорили они, – *не как что другое, но как Тот Единородный Сын Божий, Который, по исполнении предустановленных времен советом Божиим, оставил небо, пришел на землю сошествием Святого Духа, Который для нас непостижимо воплотился от Пречистой* Девы Марии, и соделался Богочеловеком, и жил видимо между человеками земнородными, по определению времени, и прин*ял крещение от руки Предтечи, и приступил к подвигам учения и искупления падшего человека, и истину Свою запечатлел страданием и излиянием на кресте за живот мира всей Своей пречистой крови, и вкусил за всех смерть, а в третий день воскрес, по Писанию, и являлся ученикам Своим в продолжении сорока дней, наставлял и научал их небесным, спасительным и истинным учением, потом, в виду всех учеников Своих, вознесся на небо и там сидит одесную Отца Своего, во славе неизреченной; а ко спасению нашему, Он вознесся на небо и скоро ниспослал на святых Своих Апостолов Духа Святого предвечного, от Отца исходящего и тем освятил и утвердил церковь Свою святую, которая ныне есть собрание правоверующих людей*».

Молокане нашего времени сами себя уличают в ложном учении об Иисусе Христе. Они говорят: «не было в Нем ни единого порока: мы же ежеминутно согрешаем». Чем же, как не Божеством, можно объяснить эту непорочность Христа? И не свидетельствуют ли этим молокане, что между нами и Христом должно признавать не степенное, а существенное различие? Но, если бы в своих верованиях молокане действительно руководствовались Св. Писанием, то они увидели бы, что Евангелием указывается и много других свойств, принадлежавших Христу, которые ясно говорят о Его Божеской природе. Своей необычайной мудростью Он удивил ученых иудейских раввинов еще в своем отроческом возрасте, нигде не учившись (Лк. 2:47: срав. Ин. 7:15). Мудрость Его современники отказывались признать человеческой: «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек». Ему известны были самые сокровенные помышления людей и будущее (Ин. 1:47; 2:25; Мф. 12:25; Мк. 13:9; Лк. 6:8; 19:43; 22:34 и др.). О Его безгрешности,

как мы видели, говорят и сами молокане. Сам о Себе Он ясно учил, как о Сыне Божием не в переносном, а в собственном смысле (срав. Ин. 3:16–18; 5:17, 21–23, 26, 32–33; 6:40–54, 10:30–38; Мф. 26:64).

О Божестве Иисуса Христа ясно учили все Апостолы. Так, Иоанн Богослов, назвав в начале своего Евангелия Иисуса Христа Словом, прямо говорит, что это «Слово было Бог», и что Оно именно воплотилось (Ин. 1:1; сравн. ст. 14), да и самое Евангелие написал Апостол, по его свидетельству, для того, чтобы читающие его «уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20:31). Ап. Павел учит, что Иисус Христос, «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, а в другом месте он называет Его прямо – Господом и Богом (Деян. 20:28). После сказанного, ясно, что, не признавая Иисуса Христа Сыном Божиим по естеству, т. е., в собственном смысле, но считая Его только степенью отличным от обыкновенных людей, молокане заимствовали свое учение, быть может, от Ренана, Штрауса или иного какого-либо рационалиста, но только не из книг Св. Писания, как они уверяют. О сотворении первого человека, в приведенном нами молоканском «Вероисповедании», или катехизисе, ничего не говорится. Но молоканские уполномоченные в 1805 году говорили Императору Александру: «Мы веруем, что первый человек, Адам, был сотворен по образу Божию и по подобию Его». Молокане нашего времени, уверяющие, что они следуют только одному Св. Писанию, учат, однако же, о райском состоянии первого человека не по Библии, а по подсказке современных материалистов или, вернее, эволюционистов. Они даже не полагают существенного различия между человеком и животным. «Человек отличен от животного, – говорят они – только тем, что может (?) возвыситься над ними». «Невинность Адама есть только бессознательность» (?). «Состояние первобытной невинности недостойно человека, – такая невинность есть состояние животного». Имея такое понятие о райском состоянии Адама, новейшие молокане, очевидно, ничего не хотят знать о первородном грехе и его последствиях.

Иначе веровали молокане времен Императора Александра I-го. «Образ и подобие Божие в Адаме, – говорили они, – заключается не в этой его, созданной от земли, персти; образ и подобие его – в его бессмертном духе, получившем от Непостижимого им – дуновение Божие. Этот созданный бессмертный дух имел разум чистый, небесный, богопознание – ясное и единое, только добро одобряющий, а зла никакого не знавший. Они имел свободу полную и волю святую, к единому Создателю стремящийся. Сей первый человек, Адам, коварством диавола уловленный подвигом змея, употребил свободу свою во зло и нарушил заповедь Творца своего не прикасаться к древу познания добра и зла, и вкусил от запрещенного плода, и пал, погубил образ и подобие Божие и лишился своего блаженства, состояния оного, и за то изгнан из рая сладости на землю трудную, и за грех свой принял труды и болезни, и все горести и бедствия, и, наконец, умер».

Близкое к этому верование заключается и в рукописном изложении «Основания молоканского вероисповедания», которым молокане руководствовались около полутораста лет, а многие, без сомнения, руководствуются еще и в настоящее время. В нем мы читаем следующее: «Первый человек имел жизнь духовную, когда ходил во свете лица Божия, питался словом Божиим и мог возрастать во благе духовном, но, когда Адам преступил законоположения (?) Божии, тогда суждено быть, яже сотворено быть: и сотворишася входы века сего темны, и болезненны, и трудны, малы и лукавы, и бедств полны, трудом великим исполнены (3Ездр. 7:11)». «Бессмертными были и Адам, и Ева до их падения и душа, и тело: сотворенный человек, состоящий из духа и тела, был бессмертен».

В Библии ясно сказано: «Сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1:27). Это ли не существенное отличие человека от животных? Бог беседовал с Адамом; дал ему заповедь; Адам дал имена всем животным. Можно ли после этого утверждать, что он был бессознательным? Адам блаженствовал в раю; он не знал зла; он непосредственно лицезрел Бога. И это состояние новейшие

молокане называют «недостойным» человека! «Человеку – утверждают они, – Бог оставил на произвол: творить ли ему добро или зло». Это – мысль богохульная. Бог промышляет о человеке и заповедует ему только одно добро... Итак, напрасно говорят новейшие молокане, будто бы, источником их верований служит только, и единственно, Св. Писание.

В главе «О первосвященнике», новейшие молокане совершенно верно утверждают, что Иисус Христос есть первосвященник вечный и исключительный; но они не говорят того, в чем состоит Его священство. Прекрасные изречения из посланий Ап. Павла они приводят без всякого объяснения. Но их это и не интересует. Они заговорили об этом лишь для того, чтобы возразить против священства Православной Церкви. «Священство не есть таинство, учил Уклеин, – и священники, кои находятся в церквах видимых, не нужны и незаконны, ибо мы единого имамы Первосвященника, иже седе одесную Престола величества на небесех (Евр. 8:1). Впрочем, на основании учения ап. Петра (1Пет. 5:1), христиане должны иметь у себя старцев, как руководителей в вере, и им повиноваться». «Кроме Иисуса Христа – говорят молокане нашего времени, – никаких архиереев, первосвященников и священников в Новом Завете нету и быть не может и напрасно греко-российская церковь назначает себе таковых: с пришествия Христова, этому не следует так быть, потому что теперь Один Он есть Архиерей истинной церкви, и, назначая себе архиереев из смертных людей, греко-российская церковь, как бы, не желает находиться под Архиерейством Христовым». Это рассуждение также не имеет для себя основания в Св. Писании. Совершенно верно, что, по непреложному учению св. Апостола Павла, истинный Первосвященник в Церкви Христовой есть только Господь наш Иисус Христос. Но в каком смысле ап. Павел называет Его первосвященником? На этот вопрос он сам отвечает, говоря, что Христос не имеет нужды ежедневно, как ветхозаветные первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принесши в жертву Себя Самого. Значит, священство Христа состоит в Голгофской жертве, в совершенном им искуплении

рода человеческого от греха, проклятия и смерти. Так греко-российская церковь всегда учила, учит и будет учить до скончания века. Следовательно, она всегда находилась, находится и будет находиться до скончания века «под архиерейством Христовым». Иное дело – молокане: они не признают искупительного значения крестной смерти Христовой, т. е. принесения Христом Самого Себя в жертву за грехи всего мира. Как же они могут говорить, что они находятся «под архиерейством Христовым»? Для них Христос даже и не Первосвященник. Они говорят об этом только по своей логической непоследовательности. Другой вопрос: называя Иисуса Христа Первосвященником, отвергает ли этим ап. Павел, вообще, священство в Церкви Христовой? Нисколько. В слове Божием, наряду со званием Первосвященника, Господь наш Иисус Христос именуется еще и Пастыреначальником (1Пет. 5:4). Над какими же пастырями Он был бы начальником, если бы таковых не было в Его Церкви? Христос принес Себя в жертву искупления за грехи всех людей прошедшего и будущего времени. Чтобы достойно принять спасительные плоды этой единой и вечной Жертвы, люди должны быть кем-то подготовлены. С этой целью, по свидетельству того же самого ап. Павла, который говорит и о первосвященстве Христовом, Великий Первосвященник Господь «поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных *па*стырями и учителями, к совершению святых (т. е. христиан) на дело служения, для созидания Тела Христова (т. е. Церкви), доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова, дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения» (Еф. 4:11–14). В этих словах Апостола, в особенности важно то, что установленная Христом церковная Иерархия признается не случайным явлением, имеющим значение только для известного времени или народа, а постоянным и необходимым институтом вселенской церкви, ибо, по ясному наставлению Апостола, она должна существовать в Церкви до тех пор, пока все люди не придут в единство веры и

познания Сына Божия, пока они не достигнут совершенства в меру полного возраста Христова, т. е., до конца века.

К нашему удивлению, в следующей главе своего «Вероисповедания» (О церкви), молокане сами сознаются, что и у них есть «церковная иерархия». «Для наблюдения принятого порядка при богослужении – говорят они, – для чтения Св. Писания, а также и для принесения молитв, каждая из наших местных церквей выбирает себе пресвитера или епископа (надсмотрщика), и к нему двух помощников, которые, в случае его болезни, или отсутствия по другой какой причине могли бы заступить его место. Диаконов, бывших в Апостольских церквах, не имеем: собрания наши и без них не нарушаются никаким бесчинством… Ежели же, при увеличении церкви нашей, встретится надобность в диаконе, то мы изберем себе такового». В чем же после этого дело? Каким образом молокане, признавшие необходимость в пресвитерах и епископах, и имеющие таковых у себя, могут возражать против иерархии православной церкви?

Молокан, как и других наших сектантов, по-видимому, смущает то, что пастыри Православной Церкви обычно именуются священниками и архиереями (т. е. священноначальниками). Но они забывают, что, собственно, церковные названия этих лиц в Православной Церкви – апостольские: епископы и пресвитеры. Когда епископ кого-либо рукополагает во священники, он произносит совершительные слова таинства так: «Божественная благодать… пророчествует такого-то диакона во пресвитера». Придворные священники и официально именуются «пресвитерами». Название не изменяет сущности предмета. Молокане в своем «Вероисповедании» называют православных священников не иначе, как *«попами».* Что же? Это дело их: оно говорит только о их грубости, фанатизме н неблаговоспитанности: но священники от этого не перестают быть священниками. Впрочем, и в Слове Божием есть основания для общепринятого именования пастырей Православной Церкви архиереями и священниками. Ап. Павел пишет ученику своему, епископу Тимофею: «Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по

пророчеству с возложением рук священства» (1Тим. 4:14). Ап. Иоанн пишет в Апокалипсисе (1:6): «Соделавшему нас священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков». И в другом месте (20:6): «они будут священниками Бога и Христа».

Впрочем, хотя молокане и создали у себя, нечто вроде «иерархии», но различие между православными священниками и молоканскими «пресвитерами» слишком велико: православная иерархия есть учреждение Божественное, молоканская – человеческое и, притом – самочинное, введенное вопреки воле Божией, а, следовательно, и богопротивное. В ветхом завете был подобный случай. Однажды некоторые израильтяне (Корей, Дафан, Авирон и другие, в числе 250 человек) восстали против Моисея и Аарона, усомнившись в их Божественном избрании. Они сказали им: полно вам; все общество, все Святы, и среди их Господь. Почему вы ставите себя выше народа Господня? Моисей, услышав это, пал на лицо свое и сказал Корею и всем сообщникам его, говоря: завтра покажет Господь, кто Его и кто свят, чтобы приблизить его к Себе; и кого Он изберет, того и приблизит к Себе. Присвоив самочинно священство, смутьяны решились даже совершить пред Господом воскурение фимиама, что могли делать только действительные священники. И что же? Не только Господь не принял их воскурений, но и подверг их тяжкому наказанию: разверзла земля уста свои и поглотила их, и домы их, и всех людей Кореевых, и все имущество (Чис. 16:1–32). Вот урок всем сектантским самозванным «пресвитерам» и «епископам». Евреи помнили его в течение всей своей истории (срав. Сир. 45:20–24). Его забыли только нани сектанты, постоянно, однако же, твердящие, что в своих верованиях они руководствуются, будто бы, только одним Св. Писанием.

Кто знаком со Св. Писанием, тот не может ни на минуту усомниться в Божественном учреждении иерархии Церкви Православной. По свидетельству евангелистов (Мф. 10:1–4; Мк. 3:14–19; Лк. 6:13–16), из числа многих Своих последователей, Господь наш Иисус Христос сначала избрал только двенадцать апостолов и дал им власть учить других, проповедовать о

царстве Божием. Что это избрание апостолов было делом величайшей важности и установлением Божественным, видно из того, что Господь предварил его продолжительной и усердной молитвой. «В те дни, – говорит евангелист (Лк. 6:12–13), – взошел Он на гору помолиться, и пробыл всю ночь в молитве к Богу, Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами». На это Божественное установление апостольского служения Иисус Христос указывал и впоследствии. Так, уже в Своей прощальной беседе с учениками, Он говорил им: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас» (Ин. 15:16). Нельзя не обратить внимания здесь на то, что Господь указывает Апостолам не только на их избрание, но и на их поставление. В Своей же трвосвященнической молитве к Отцу, Господь говорил: «Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир» (Ин. 17:18). Но Христос был послан в мир не случайно, а «по предвечному определению Божию» (Еф. 3:11: Евр. 10:7; Пс. 29:8); ясно, что по такому же Божественному определению были поставлены и Апостолы. Ввиду важности предстоящего Апостолам служения человеческому роду, Иисус Христос, как свидетельствуют евангелисты, подготовлял их особыми наставлениями, отдельно от других Своих последователей. Но, что особенно останавливает на себе внимание, так это то, что на Тайной Вечери присутствовали только двенадцать Апостолов. Между тем, к тому времени было уже много последователей Христовых. Даже из семидесяти Апостолов никто не был удостоен того, чтобы принять участие в тайной вечери. Что это значит? Ясно, что и в этом случае двенадцать Апостолов были выделены Иисусом Христом из числа прочих учеников Его. Отчего? Оттого, что здесь была дана заповедь; творить преломление хлеба и благословение чаши в Его воспоминание, т. е. Апостолам было предоставлено право совершать Евхаристию. После Своего воскресения, в продолжении сорока дней Спаситель, являясь Апостолам, беседовал с ними, а не со всеми Своими последователями, о Царствии Божием (Деян. 1:3). А в самый день вознесения Своего на небо, Он торжественно, в присутствии множества

верующих, дал Апостолам право учить, священнодействовать, и управлять Церковью. Он сказал им, а в лице их, и всем их преемникам: «дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, *Я с вами во все дни до скончания века»* (Мф. 28:18–20). Что означают последние слона Господа? Апостолы, по прошествии нескольких лет, должны были умереть. Это Господь знал. Как же Он мог говорить: «Я с вами во все дни до скончания века»? Ясно, что, говоря это, Он имел ввиду не одних только Апостолов, но и всех преемников их, которые будут руководить Церковью до Его второго пришествия.

Апостолы, в полном согласии с наставлениями Спасителя, также полагали свои обязанности в проповедовании слова Божия, священнодействовали и управляли Церковью Божией. «Всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян. 5:42). «Постоянно пребывать в молитве и служении слова» они признавали самой главной и священной обязанностью (Деян. 6:4). «Если я благовествую – говорит ап. Павел (1Кор. 9:16), – то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую». Второю обязанностью своей Апостолы признавали совершение таинств. «Каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих» (1Кор. 4:1). О том, что Апостолы управляли церковью, свидетельствует вся книга Деяний Апостольских и все апостольские послания.

С умножением верующих, обязанности и труды Апостолов настолько осложнились, что еще при жизни своей, Апостолы избрали себе преемников, которых наименовали епископами, а затем, в помощь им дали пресвитеров и диаконов, и, таким образом, установили церковную иерархию во всей ее полноте, с тремя степенями священства. При этом, предоставляя иногда право избрания лиц для иерархического служения общинам, они навсегда удержали за собою и своими преемниками-епископами право поставления или посвящения избранных лиц, через рукоположение (хиротонию). Так, уже о первых семи диаконах

говорит апостольский дееписатель, что, избрав их, по предложению Апостолов, верующие поставили их перед Апостолами и сии, помолившись, возложили на них руки (Деян. 6:5–6). Что же сказать о молоканах, уверяющих, что они руководствуются в своих верованиях и в своей деятельности только Св. Писанием? У них все присутствующие возлагают руки на своих лжепресвитеров. Ясно, что они дерзко присвоили себе права, принадлежащие только Апостолам и их преемникам. Поэтому, на вопрос св. Апостола Павла.: «Все ли Апостолы»? (1Кор. 12:29), они должны ответить: «все». Но дальше этого уже идти некуда, а тем более, молокане не могут утверждать, что они во всем следуют Св. Писанию. Между тем, место о диаконах не единственное. В Деян. 14:23 говорится о том, что Павел и Варнава рукоположили пресвитеров к каждой новоучрежденной церкви. Где же, по какой-либо причине, сами апостолы не могли этого сделать, то они поручали своим преемникам-еппскопам, *но никак не общинам.* Так, ап. Павел пишет критскому епископу Титу: «Для того я тебя оставил в Крите, чтобы ты довершил не доконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал» (Тит. 1:5). А, что он мог ему приказывать, видно из послания к нему, в котором подробно указывается, какими свойствами должны отличаться рукополагаемые, и какую жизнь должны вести христиане. Более подробные наставления относительно рукоположения иерархических лиц и церковного управления, тот же Апостол преподает Тимофею. Но нигде нельзя найти и малейшего намека на то, чтобы Апостолы предоставили право мирянам рукополагать себе епископов или пресвитеров, как это самочинно и кощунственно делают сектанты. По учению Апостолов, рукополагаемому преподается особая благодать Духа Святого, необходимая для его служения церкви. Ап. Павел пишет Тимофею: «напоминаю тебе *возгревать дар Божий*, который в тебе *через мое рукоположение»* (2Тим. 1:6). «Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства» (1Тим. 4:14). Но благодать Св. Духа была преподаваема только через возложение рук Апостолов (Деян. 8:18), а не всех верующих.

Ясно, что рукоположение диаконов, пресвитеров и епископов не есть простой обряд, а священнодействие, называемое, обыкновенно, таинством священства, ибо через него Сам Дух Святой поставляет рукополагаемых пасти церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе кровью Своей (Деян. 20:28). Учрежденная Господом иерархия, таким образом, преемственно и непрерывно существует в Православной Христовой Церкви и по обетованию Его (Мф. 28:20), будет существовать в ней до скончания века. Что касается, так называемых, «пресвитеров» сектантских или протестантских пасторов, тоэто – самозванцы, а поставление их сектантскими общинами – кощунство и духовное святотатство, т. е. грех против Духа Святого. Симон Волхв еще даже и не выдавал себя за человека, обладающего даром апостольского служения, а только недостойным образом хотел приобрести его. Но, вот, что сказал ему Апостол Петр: «Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом. Итак, покайся в сем грехе твоем и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысел сердца твоего». (Деян. 8:21–22).

В своем «Вероисповедании» молокане восхваляют своих мнимых пресвитеров и упрекают в противном православное духовенство. «Пресвитеры у нас – говорят они, – не берут от церкви никакого вознаграждения: и как бы взяли они мзду? Бог ничего не берет с нас за ниспосылаемые нам милости и щедроты, и Христос безвозмездно пострадал и пролил Кровь Свою за Церковь; так и пресвитеры наши считают священной своей обязанностью безвозмездно служить Богу и церкви: они почли бы за величайший грех и бесчестие поступать, подобно греко-российским попам, которые за каждую сказанную ими молитву берут с членов церкви плату».

Рассуждение это чрезвычайно наивно, а в устах молокан, утверждающих, что они руководствуются во всем Св. Писанием, и слишком легкомысленно. Молокане дерзко и кощунственно сравнивают своих лжепресвитеров с Богом, не получающим от них денег за ниспосылаемые им милости и щедроты, и со Христом, пострадавшим за Церковь безвозмездно. Православные христиане никогда не дерзнут так богохульствовать. Для православных христиан их священники,

прежде всего, люди, имеющие нужду в пище, в одежде и жилище, отягченные заботами о семье и воспитании детей. Молоканские лжепресвитеры избираются неизвестно зачем и для чего. Молокане не признают никаких таинств и обрядовых богослужений. Молитвенные собрания бывают у них редко: каждый молоканин может читать на этих собраниях молитвы и произносить проповеди, жених венчает сам себя, и т. д. Молоканским лжепресвитерам делать нечего, и они, действительно, ничего не делают. О каком же вознаграждении за «ничего-не-делание» может быть речь? Кроме того, имея совершенно свободное время, молоканские лжепресвитеры могут употребить его на житейские занятия и таким способом обеспечивать свое материальное существование. Совершенно в ином положении находятся православные священники. У них нет свободного времени. Их пастырские обязанности чрезвычайно сложны и многоразличны, а потому, без ущерба служению Церкви, они не имеют физической возможности личным посторонним трудом обеспечить материальное свое существование. Для молокан, конечно, не секрет, как православные священники тяготятся своей материальной зависимостью от прихожан, и как сильно желают они от нее избавиться. Впрочем, мы должны сказать, что, само по себе, вознаграждение пастырей церкви даяниями от прихожан для людей, верующих в Божественное Откровение, за каковых выдают себя молокане, не должно представлять ничего соблазнительного, и тем более, не должно быть называемо величайшим грехом и бесчестием». Оно было установлено Самим Богом еще в Ветхом Завете: «сынам Левия – говорит Господь (Чис. 18:21), – вот, Я дал в удел десятину из всего, что у Израиля, за службу их, *за то, что они отправляют службы в скинии собрания».* «Получающие священство из сынов Левииных – пишет ап. Павел (Евр. 7:5), – имеют заповедь – брать по закону десятину с народа, то есть со своих братьев». Спаситель не отменил этого закона, а даже подтвердил его. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры – говорил Он (Мф. 23:23), – что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; *сие надлежало*

делать, и того не оставлять». «Пойди – сказал Он исцеленному от проказы (Мк. 1:44; срав. Мф. 8:4: Лк. 5:14; Лев. 13:2), – покажись священнику и *принеси за очищение твое, что повелел Моисей*, во свидетельство им». Окружающие Господа, принимали добровольные даяния: «Некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему имением своим» (Лк. 8:2–3). Иуда «имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали» (Ин. 12:6). И дары, принесенные волхвами: золото, ладан и смирна, не были отвергнуты, как нечто недостойное. А, посылая учеников Своих на проповедь, Господь сказал «не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои… Ибо трудящийся, достоин пропитания» (Мф. 10:9–10). «В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему… в доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть: ибо трудящийся достоим награды за труды свои» (Лк. 10:5, 7). Апостол Павел, никого не желавший стеснять своим содержанием, зарабатывавший своими руками средства пропитания, пишет, однако же, следующее: «Наставляемый словом, делись всяким добром с наставляющим» (Гал. 6:6). «Какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, посадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон? Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего (Втор. 25:4). О волах ли печется Бог?.. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?.. Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища, что, служащие жертвеннику, берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим жить от благовествования» (1Кор. 9:7–14). «Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал, ибо недостаток мой восполнили братия, пришедшие из Македонии» (2Кор. 11:8–9). И Филиппийцам пишет тот же Апостол: «Вы хорошо поступили,

принявши участие в моей скорби. Вы знаете, Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних; вы и в Фессалопику и раз, и два присылали мне на нужду» (Флп. 4:14–16). Подобно молоканам, и штундисты несколько лет тому назад, делали колкие упреки православному духовенству в том, что оно принимает даяния от прихожан; называли священников наемниками и т. п. Но теперь, усвоив от баптистов более сложный религиозный культ, они не только замолчали, но даже внесли в свой катехизис, как догмат, следующее установление: «община, согласно Божиим полелениям (1Тим. 5:17–18; 1Кор. 9:7–14), обязана дать пресвитеру пристойное (?), соразмерно с ее средствами, содержание». О поборах и вымогательствах штундо-баптистических пресвитеров нет нужды и говорить.

О своих лжепресвитерах молокане далее пишут: «мы, также, не считаем пресвитера лицом, начальствующим над местною Церковью или учителем церкви. «Не называйтесь учителями, говорил Христос, ибо у вас один Учитель – Христос, а вы все – братия; и не называйтесь наставниками, ибо у вас один наставник – Христос (Мф. 23:8–10). Потому, в нашей церкви нет ни больших, ни малых, а все мы равны, как братья, ибо собраны перед Богом». Что молокане не называют своих лжепресвитеров учителями и не считают их «начальствующими», – это они делают хорошо, потому что молоканские лжепресвитеры – самозванцы и, в действительности – такие же молокане, как и все их единоверцы: ни от кого они не получали никаких прав и никакой власти. «Как проповедовать, если не будут посланы?» – спрашивал ап. Павел (Рим. 10:15). «Многие скажут Мне в тот день, говорил Спаситель (Мф. 7:22): Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли, и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие». Православные священники, так же, не считают себя ни начальствующими, ни учителями, в том смысле, в каком Спаситель запретил называться учителями.

Поэтому, каждую проповедь свою они начинают, обыкновенно, словом: «братия». Но в каком смысле Господь запретил Своим последователям называться учителями или наставниками, и в каком смысле должен называться единственным учителем и наставником Христос? Желая сохранения единства веры среди Своего избранного народа, Бог еще в Ветхом Завете возложил обязанность хранения и истолкования книг Св. Писания только на священников: «И написал Моисей закон сей, и отдал его священникам…, и завещал им Моисей, и сказал: читай сей закон, пред всем Израилем вслух его; собери народ, мужей и жен, и детей, и пришельцев твоих, которые будут в жилищах твоих, чтоб они слушали и учились, и чтобы боялись Господа Бога вашего и старались исполнять все слова закона сего» (Втор. 31:9–12). Об этой заповеди Божией не раз напоминали евреям и их пророки. Так, пророк Малахия, живший уже после плена Вавилонского, говорит от лица Господа Саваофа: «Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но вы уклонились от пути сего, *для* многих послужили соблазном в законе, разрушили завет Левия, говорит Господь Саваоф» (Мал. 2:7–8). Обличительные слова пророка Малахии, в настоящем случае, для нас особенно важны и весьма поучительны для сектантов. Дело в том, что еще во время плена Вавилонского многие евреи познакомились с языческой мудростью, и в ее духе начали понимать учение Божественного Откровения, «уклонились от пути», который был указываем «вестниками Господа Саваофа» – священниками, и «для многих послужили соблазном в законе». Преподавая свое лжеучение, они из своих последователей составили сектантские общины, порвавшие единство веры с избранным народом Божиим, оставшимся верным Божественному Откровению. Так, некто Фарес, учивший о перевоплощении душ и неизбежности слепой судьбы, образовал секту фарисеев; Саддок, увлеченный грубым материалистическим учением и отрицавший бессмертие души и загробную жизнь, был основателем секты саддукеев; какому-то Иессею приписывали образование сектантской общины ессев; кроме того, были школы Гиллела, Гамалиила и др. Эти

сектантские главари, не желавшие знать священнического истолкования Божественного Откровения, только себя любили называть учителями народа, и наставниками (раввинами), и требовали, чтобы таким почетным (с их точки зрения) названием именовал их и народ. По свидетельству Спасителя, они самочинно сели на Моисеевом седалище и любили предвозлежания на пиршествах, и председания в синагогах, и приветствия в народных собраниях, и, чтобы люди звали их: учитель! учитель! (Мф. 23:2, 6–7). Поэтому, слова Спасителя: «не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель – Христос» нужно понимать так: «не будьте сектантами, не проповедуйте людям своих лжеучений, а оставайтесь верным только тому, чему научил вас Христос. Не учреждайте, подобно фарисеям и саддукеям, отдельных от Церкви сектантских общин, ибо истина одна; она возвещена Христом и хранится в Его Церкви». Оставаясь верными этой заповеди Господа, православные священники, ничего своего не преподают народу, а лишь изъясняют единственно истинное учение Божественного Откровения. Вот почему каждую свою пропведь православный священник предваряет извещением, что он будет говорить не свое какое-либо учение, не от себя, а «*во* имя Отца и Сына и Святого Духа». Но, если Господь запретил Своим последователям измышлять и распространять свое собственное, т. Е., сектантское лжеучение, то это не значит того, что православных священников нельзя называть учителями и наставниками, в смысле проповедников и истолкователей истинного учения Христова. Проповедовать Евангелие и учить народ жить по-христиански, это, как мы видели, по учению слова Божия, есть священнейшая обязанность апостолов и их преемников, поэтому и в Св. Писании они часто называются, именно, учителями и наставниками (Срав. 1Тим. 2:7; 2Тим. 1:11; 1Кор. 12:28–29; Рим. 12:7; Еф. 4:11; Евр. 13:17). Начальствующими, в смысле мирского владычествования, православных священников называть нельзя; но истинным пастырям церкви дана власть духовная, необходимая для созидания нашего спасения, а нам заповедано оказывать им послушание и уважение, потому что они заботятся о спасении

душ наших. Спаситель сказал Апостолам и их преемникам: «Истинно говорю вам: «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе: и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18:18). И Апостолы пользовались данной им властью. «Для того я и пишу сие в отсутствии – извещает ап. Павел коринфских христиан, – чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению». (2Кор. 13:10).

О почитании священников было заповедано еще в Ветхом Завете: «Всею душею твоею благоговей пред Господом и уважай священников Его. Всею силою люби Творца твоего, и не оставляй служителей Его. Бойся Господа, и почитай священника, и давай ему часть, как заповедано тебе» (Сир. 7:31–33). В Новом Завете пишет ап. Павел Феесалоникийцам (1Фес. 5:12–13): «Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас, и почитать их преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою». Тимофею он дает такое наставление: «Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которое трудятся в слове и учении» (1Тим. 5:17). О послушании и повиновении пастырям церкви, мы читаем в слове Божием: «Младшие, повинуйтесь пастырям» (1Пет. 5:5). «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет, чтоб они делали это с радостью, а не воздыхая: ибо это для вас неполезно» (Евр. 13:17). Далее, – молокане соблазняются священническими одеждами. Они говорят: «Не употребляются при нашем богослужении пресвитерами различные облачения, наподобие того, как это делается в греко-российской церкви. Наши пресвитеры присутствуют при богослужении в обыкновенных своих одеждах. Греко-российская церковь утверждает (?), что это обычай Апостольский, и своим облачениям церковным дает те названия, которые имели одежды Св. Апостолов. Во-первых, нигде не видно, чтобы Св. Апостолы для богослужения надевали особые одежды: это делали ветхозаветные священники, а не апостолы. Каковы же были обыкновенные

одежды Св. Апостолов, приверженцы греко-российской церкви могут увидеть на своих образах и сличить их с золоченым облачением своих попов». Все это молокане высказали «во-первых»; а «во-вторых» – не сказали ни слова. Но и в показанном не заключается никакого серьезного возражения против употребления священниками церковных облачений при богослужениях. Что молоканские лжепресвитеры не надевают таких облачений, это хорошо они делают: как самозванцам, им нельзя носить их, иначе они кощунствовали бы, как кощунствуют раскольники. Что же касается Православных священников, то им, как служителям истинной церкви Божией, такие облачения вполне приличествуют. Молокане правду говорят, утверждая, что у ветхозаветных священников были священные одеяния, которые они употребляли при богослужениях. «Вот одежды, которые должны они сделать: наперсник, ефод, верхняя риза, хитон стяжной, кидар и пояс. Пусть сделают священные одежды Аарону, брату твоему, и сынам его, *чтобы он был священником Мне»* (Исх. 28:4). Такое повеление дал Моисею Сам Бог. Значит, Самому Богу угодно, чтобы богослужение совершали священники в священных облачениях. Молокане должны этому верить, если правду они говорят, что они верят Св. Писанию. Ефод – это короткая одежда, какою у нас является саккос: верхнюю ризу носил Сам Христос и Апостолы: против этого ничего не должны бы сказать сектанты, если бы они были знакомы со священной археологией: хиттон – длинная нижняя одежда: хитон носил и Христос (Ин. 19:23). Христос и Апостолы часто присутствовали в Иерусалимском храме при богослужениях, которые были совершаемы священниками, одетыми в эти облачения: однако же, Христос, изгнавший из храма торгующих, не осудил священников за их одежды. У апостола Павла была фелонь (риза священническая) (2Тим. 4:13). Апостол Иоанн, тайнозревший славу Христовой Церкви, говорит, что он видел посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облаченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом» (Откр. 1:13); а «подиром» называли длинную одежду иудейских первосвященников, вроде нашего подризника. В рукописном

изложении своего вероисповедания молокане осуждают даже и обычные одежды православного духовенства – подрясник и рясу, причем, приводят слова Спасителя: «остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах... расширяют хранилища свои и увеличивают воскрылия одежд своих» (Мк. 12:38; Мф. 23:5). В ответ на это возражение нужно сказать следующее: домашние одежды духовенства, сами по себе, существенного значения не имеют, будучи только форменным платьем, усвоенным духовному званию. Заграницей, православные священники носят общепринятый костюм и оттого не перестают быть священниками. Сельские священники в поле работают в одних рубахах. Но длинные одежды не только по восточным воззрениям, но и по современному европейскому пониманию, приличествуют людям серьезным и пожилым. Короткой жакетки степенный и пожилой человек не наденет. Вот почему и православному духовенству усвоены длинные одежды. Но Спаситель осуждает книжников не за самые одежды, а за их тщеславие и лицемерие, за то, что они, по тщеславию, одевались в такие одежды, которые должно было носить только духовенство по требованию закона (Исх. 28:4). Молокане под «воскрылиями одежд» наивно разумеют широкие рукава священнической рясы, тогда как у евреев этим словом обозначались четыре кисточки, которые, обыкновенно, были пришиваемы к краям верхней одежды (Чис. 15:38–40; Втор. 22:12).

Молокан соблазняет еще то, что православные священники носят длинные волосы, т. е. за то, что священники подражают даже внешнему виду Христа (Деян. 22:8), Апостолов (Деян. 18:18) и других угодников Божиих (4Цар. 1:8; Суд. 13:5; Чис. 6:5). Ясно, что такое возражение не заслуживает опровержения.

Впрочем, нечего удивляться тому, что молокане отрицают церковную иерархию и извращают учение Божественного Откровения о ней. У них самое понятие о церкви более, чем не верно. В первоначальном (рукописном) «Основании вероисповедания» их содержится такое определение церкви: «Церковью мы признаем людское собрание»: значит, по молоканскому учению, и общество магометан – церковь, и

общество евреев – церковь, и общество разбойников – церковь... Но не лучше и то определение Церкви, которое было дано молоканами Имератору Александру I: «церковь есть собрание людей». Молоканин Захаров так определяет понятие о церкви: «Я верую, что, где есть общество истинно верующих христиан, имеющих союз любви друг с другом (Ин. 13:35), в постановлениях и обрядах согласных с учением Христовым и апостольским, там есть и церковь, которой глава Христос». К этому близко определение церкви, которое находится в приведенном нами «Вероисповедании» молокан: «Церковь Христова, или Храм Божий (?), есть общество верующих в Бога, согласно учению, преподанному Христом и Святыми Его Апостолами». Все эти определения неверны уже потому, что в них опущен самый главный и существенный признак истинной Церкви Христовой – ее Божественное установление. Господь сказал: «*Я* создам Церковь Мою» (Мф. 16:18) и Апостол свидетельствует, что Церковь Господь «приобрел Себе кровью Своей». Поэтому Церковь и должна быть определяема, как «от Бога установленное общество верующих», и т. д. Конечно, этот существенный признак в понятии о Церкви молокане опускают умышленно. Они знают, что Церковь создал Христос и что Церковь Христова может быть только одна, но, с другой стороны, знают они и то, что их сектантская община основана Семеном Уклеиным только во второй половине XVIII века, и что она уже поэтому не может быть названа Церковью Христовою: закавказские молокане еще и в настоящее время называют себя «уклеинцами», исповедниками «семенушкиной», или «семушкиной веры», «*семенушкинского согласия*». Вот почему они и не хотят определять Церковь, как от Бога установленное общество христиан. Сам основатель молоканства Уклеин учил о Церкви так: «Во время земной жизни Своей Христос основал Церковь. Сначала ее составляли Апостолы, а потом и все, уверовавшие во Христа. Истинная Христова Церковь существовала только до IY века... В настоящее время, истинную Христову Церковь составляют только истинно-духовные христиане (т. е., они, молокане), которые не приемлют ни преданий, ии постановлений соборных, ни писаний учителей,

уважаемых церковью языческой (так Уклеин называл Православную Церковь), а исповедуют только то, чему научает их Библия». Новейшие молокане (в «предисловии» к приведенному нами молоканскому «Вероисповеданию») рассуждают решительнее. «Нас упрекают в том, – пишут они, – что мы, будто бы, нововводители, что мы выдумали, будто бы, новое вероисповедание; нас даже называют отпадшими от христианства..., но, когда мы отошли от греко-российской церкви, мы не новую какую-либо веру себе создали, а, напротив того, возвратились к чистому христианскому учению, более старому, чем учение греко-российской церкви, а главное дело, более (?) истинному, ибо оно от Бога, и, следовательно, заключает в себе всю истину». Таким образом, молокане считают себя восстановителями древней Апостольской церкви. Но мы видели, как они восстановили ее: они отвергли учение Божественного откровения даже о Триедином Боге, об Иисусе Христе, как истинном Сыне Божием, Единосущном Отцу, о грехопадении и искуплении человечества и т. д...

Но забудем на время об этом: допустим, что молокане восстановили древнюю христианскую церковь. Но, как же объяснить то обстоятельство, что целых четырнадцать веков не существовало в мире истинной Церкви Христовой? А ведь Христос сказал: «Я создам Церковь Мою и врата ада (т. е, никакие враждебные силы) не одолеют ее» (Мф. 16:18). Значит, слова Христа не оправдались? Церковь Его оказалась одоленной? Но ведь этого мало: Христос обещал быть с Церковью во все дни до скончания века, значит, и Христа кто-то одолел? Уклеин так, действительно, и думал: он учил, что между его временем и первыми временами христианства царили ложь и заблуждения, что до него церкви не существовало, она умерла, но что ему предопределено снова воскресить ее. Новейшие молокане не разделяют этого учения; но, чтобы выйти из затруднения, они, подобно всем, вообще, сектантам, утверждают, что в жизни Церкви Христовой никакого перерыва не было, но, что в течении четырнадцати веков она существовала скрытно. Но и эта вылазка дела не изменяет. Никакого тайного или скрытного существования Церкви

допустить нельзя; его не было даже во время самого страшного гонения на христиан со стороны язычества, в первые века нашей эры. Господь назвал Свою Церковь, в лице апостолов, «светом мира», который должен светить перед людьми и которого нельзя поставить под сосудом, но на подсвечнике, чтобы он светил всем. Что касается, в частности, молоканства, то история хорошо знает тот источник, из которого оно произошло, и кто был его основателем и распространителем.

Учение млокан о Церкви Христовой отличается своей крайней бессодержательностью. От Церкви, как общества верующих, они быстро переходят к церкви, как месту богослужебных собраний и, сказав о поклонении Богу духом и истиной, а о своих телах, как о храмах Св. Духа, они направляют свои нападки на то, что греко-российская церковь (только она одна) имеет благоукрашенные храмы, которые именуют «идолохранилищами», причем, рассказывают басни о том, что самое священнейшее в храмах греко-российской церкви – «тряпочка», называемая антиминсом, «с написанным символом веры, с подписью местного архиерея, а иногда (?) с зашитым кусочком каких-то мощей». Не будем обращать внимания на кощунственные выражения молокан и рассказываемую ими басню об антиминсе. То и другое свидетельствует только об их невежестве. Но пересмотрим их учение о духовном поклонении Богу, и их возражения против св. храмов православной церкви.

Отметим, прежде всего, то самое противоречие, в которое впадают молокане в этом отношении. Они возражают против самого существования св. храмов Божиих и, в то же время, имеют у себя особые молитвенные дома: так в с. Астраханке Бердянского уезда, Таврической губернии, есть молитвенные дома как у старо-молокан, так и у ново-молокан; а в 1905 году, когда они праздновали столетний юбилей дарования им религиозной свободы, были выстроены для их молитвенных собраний такие балаганы, в которых помещалось до десяти тысяч человек!.. С другой стороны, признавая только духовное поклонение Богу и отвергая телесное, молокане молятся,

большей частью, стоя на коленях и сложив на груди руки – правую выше левой.

Классическим основанием для всех сектантов, признающих только духовное поклонение Богу, служат слова Спасителя в беседе с самарянкой; «Настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине: ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4:23–24). Что в этих словах речь идет о духовном или внутреннем и, притом, истинном, нелицемерном поклонении Богу – это верно; но молокане ошибаются, утверждая, будто бы, приведенными словами Христа отвергается внешнее или телесное поклонение Богу. В беседе с самарянкой речь вообще идет о том, как во время земной жизни Спасителя поклонялись Богу евреи. Поклонение их было не истинным и исключтельно внешним: оно состояло только в жертвах и обрядах-омовениях и окроплениях, которые были совершаемы без соответствующего настроения духа, и понимания смысла совершаемых священнодействий. Осуждая такое, исключтельно внешнее, поклонение Богу и указывая, что в Христанской церкви богослужение будет иметь иной характер (напр., не будет связано с каким-либо городом или горою, не будет состоять в ветхозаветных жертвоприношениях, и т. д.), Он называет это поклонение Богу истинным и духовным. Таково и есть богослужение Православной Церкви; в ней телесное поклонение к Богу неразрывно соединяется с духовным, и без последнего – осуждается; стоя, напр., пред иконой Спасителя, мы духом (умом и сердцем) обращаемся к Самому Господу Иисусу Христу, невидимо находящемуся с нами. Если бы Христос сказал самарянке, что нужно поклоняться Богу только одним духом, тогда и спора не могло бы быть; но Он этого не сказал, да и не мог сказать уже потому, что Он Сам, как свидетельствуют Евангелия, покланялся Богу не только духовно, но и телесно: преклонял колена, повергался лицом на землю, возводил к небу очи, посещал храм иерусалимский, совершал пасху и т. п. Таинства Он повелел совершать через вещественные посредства; каковыми служат, для Евхаристии –

хлеб и вино, для крещения – вода: о Своих учениках Он говорил, что больных они будут исцелять через возложение рук (Мк. 10:18). Не мог Он заповедать нам одного только духовного поклонения Богу и потому, что такое поклонение было бы противно нашей духовно-телесной природе: душа и тело человека находятся в таком тесном взаимоотношении, что настроение и состояние нашего духа невольно отражаются на нашем теле и, наоборот, горе вызывает слезы, радость – смех, физическая болезнь угнетает дух. Что сектанты неверно изъясняют слова Спасителя о поклонении Богу, это доказывают и Апостолы. Они внутреннее, или духовное, поклонение Богу всегда соединяли с внешним. Так, евангелист Матфей говорит о мироносицах, что, приступив к воскресшему Господу Иисусу Христу, оии, «ухватились за ноги Его и поклонились Ему» (Мф. 28:9). Об архидиаконе Стефане повествуется в книге Деяний Апостольских (7:60), что он, «преклонив колена, воскликнул громким голосом: Господи, не вмени им греха сего». Алостолы Петр и Павел неоднократно молились, «преклонив колена» (срав. Деян. 9:40; 20:36; 21:5). Ап. Павел говорил Сам о Себе: «Преклоняю колена мои (вместо «молюсь») пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа» (Еф. 3:14). Поэтому, он заповедал и нам: «*прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии*» (1Кор. 6:20). Римским христианам он писал: «умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, *для* разумного служения вашего». (Рим. 12:1). В первом послании к Коринфянам (14:16) он говорит: «если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: «аминь» при твоем благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь» (срав. ст. 25). В подтверждение своего одностороннего толкования слов Спасителя, молокане, как и духоборы, ссылаются гаце на следующие места Св. Писания: Еф. 6:18; Ин. 6:63; 1Пет. 1:24; 1Тим. 4:5; Рим. 5:5–8; 1Кор. 1; 16:50; Гал. 5:16, 19; Флп. 3:3. Но во всех этих местах высказывается мысль о преимуществе духа над плотью. Впрочем, не только молокане, но и духоборы, действительно, не имеющие у себя особых молитвенных домов,

и не становящиеся на колени во время молитвы, не могли устоять в своем понимании слов Спасителя о духовном только поклонении Богу: они громко читают свои молитвы и любят петь хором свои «псалмы». А это разве не внешний способ выражения молитвенного настроения? Основатель молоканства Уклеин, с особенной решительностью восставал против внешнего Богопочитания. Он учил: «в Евангелии сказано: «Дух есть Бог и иже кланяется Ему, Духом и истиною достоит кланятися» (Ин. 4:24): поэтому, все богослужение должно быть не внешним, или обрядовым, но духовным. Все богослужение видимых церквей, как то: крестное знамение, поклоны, молитвы, песни и самые храмы, – все это не установлено Св. Писанием, но придумано людьми»… Но, что же? Уклеин больше других молоканских наставников заботился об устроении внешнего «богослужения» в своей секте: сочинял молитвы, установил, чтобы во время чтения их, все присутствующие стояли на коленах, ревностно заботился о введении хорошего пения, сам выбирал певцов, заимствовал народные напевы, и т. п. Это ли не самопротиворечие? Это ли не самоосуждение?

Теперь рассмотрим те основания, на которые хотят опереться молокане (как и все, впрочем, рационалистические сектанты), отрицая всякое священное значение храмов Божиих.

С особенной любовью молокане любят ссылаться на пророка Иеремию (7:4), через которого Бог сказал еврейскому народу: «не надейтесь на обманчивые слова: «здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень». Но слова эти, сказанные ветхозаветным евреям по поводу их ложного понимания значения храма Соломонова, совершенно ничего не говорят против существования храмов христианских. Бог повелел Моисею устроить скинию, а Соломону – храм, как место особенного присутствия. Это не значит, что храм Соломонов Бог назначил в Свое исключительное жилище, а это значит только то, что храм этот должен быть местом, как частных, так и общественных молитв, жертвоприношений и других священнодействий. Ясно, что он был устроен, не для Бога, как Его жилище, а для евреев, как место их молитвенных собраний. Между тем, евреи, перед пленом вавилонским

утратившие чистоту своих верований, и усвоившие языческие воззрения, понимали значение храма в том смысле, что в нем нуждается Сам Иегова, Который, как бы, обязан был им существованием Своим во храме, и потому, не заботились о своем нравственном исправлении и не допускали самой возможности утраты своего отечества, ради устроенного в Иерусалиме храма. Вот, Господь и говорит им: «Не надейтесь на обманчивые слова: «здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень». Но, если совсем исправите пути ваши и деяния ваши…, то Я оставлю вас жить на месте сем». Ясно, что в указанных словах нельзя находить никакого основания против устроения хрнстианских храмов. Ни о чем так ясно не говорится в слове Божием, как о том, что Бог повелел Моисею устроить скинию, а Соломону – храм (Исх. 25:1, 8–9, 40; 3Цар. 8:13; 9:3). Спаситель называл Иерусалимский храм прямо «домом Отца Своего» (Мф. 31:13; Мк. 11:11; Лк. 19:46; Ин. 2:6) и говорил: «кто клянется храмом, тот клянется и живущим в нем» (Мф. 23:16–22). После этого, даже трудно понять, как у сектантов могла возникнуть мысль, что существование ветхозаветного храма было неугодно Господу! Самое разрушение Соломонова храма Навуходоносором ничего не говорит в пользу мнения сектантов, так как обратившимся к Богу и покаявшимся евреям дозволено было при Зоровавеле устроить новый храм (1Ездр. 1:1–3, 5:2) Пророчество Иисуса Христа о разрушении второго Иерусалимского храма (Мк. 13:1–2), равно, как и самое разрушение его Титом, так же нисколько не указывают на то, будто бы, храмов, но воле Божией, совсем не должно быть в христианстве. С принесением Голгофской жертвы, утратили свое прообразовательное значение кровавые жертвы, а без них стал более не нужен и ветхозаветный еврейский храм. Вот почему Господь допустил язычникам разрушить Иерусалимский храм. Наконец, молокане утверждают, что необходимость христианских храмов отрицается словами архидиакона Стефана (Деян. 7:48), и ап. Павла (Деян. 17:24) о том, что «Бог не в рукотворенных храмах живет»: что, следовательно, храмы не нужны ни для Бога, ни для людей, которые, по слову Спасителя (Ин. 4:21), могут молиться везде. Что Бог не нуждается в храмах

и что Богу можно молиться и под открытым небом, эта истина была известна и ветхозаветным благочестивым евреям: Даниил молился во рве львином, Анания, Азария и Мисаил – в пещи огненной; Соломон, создавший храм, в самый день освящения его говорил торжественно пред всем народом: «Богу ли жить на земле?» (3Цар. 8:27), и, однако же, он именно, но по велению Божию, построил в Иерусалиме величественный храм! Мы говорили уже, что незадолго до плена вавилонского очень многие евреи, увлекшись идолопоклонством, усвоили языческие понятия о Божестве и утратили чистое учение Божественного Откровения даже о свойствах Божиих. И вот, ап. Павел и архидиакон Стефан, указанием на то, что Бог живет не в рукотворенных храмах, и что Его «не может вместить никакой дом», раскрывали только богооткровенное учение о вездеприсутствии Божьем, но ничуть не возражали против необходимости храмов, как домов молитвы и училища благочестия. Господь наш Иисус Христос часто молился вездесущему Богу под открытым небом, и Он не считал излишним посещать, вместе с тем, и Иерусалимский храм, кторый Он называл «домом Отца Своего» и «домом молитвы» (Мк. 11:17; Лк. 19:46; Мф. 21:13; Ин. 2:16). Христос молился везде; но, когда надлежало установить таинство Евхаристии, то, для совершения ее, Он повелел отыскать благоприличное помещение – «горницу», т. е., лучшую в доме комнату и, притом, «устланную» коврами, большую, готовую (Мк. 14:15). Апостолы, уже по вознесении Иисуса Христа на небо, «пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога» (Лк. 24:53), «каждый день единодушно пребывали в храме» (Деян. 2:46), а «для преломления хлеба» собирались в «сионской горнице» – этом первом храме христианском. По примеру Спасителя и Апостолов поступает Православная Церковь: она не запрещает частной молитвы ни в доме, ни на поле, ни во время путешествия по морю; но указывает на св. храмы, как на преимущественные места для общественной молитвы, в особенности же – для совершения таинства Евхаристии.

Молокан смущает то благоговение, с каким православные христиане относятся к св. храмам. Но в этом случае православные поступают только по указанию слова Божия. Патриарх Иаков с уважением относился даже к Вефилю, как к месту особенного присутствия Божия: «Истинно Господь присутствует на месте сем, сказал он (Быт. 28:16–17); а я не знал. И убоялся, и сказал: как страшно сие место. Это не иное что, как дом Божий, это – врата небесные». Давид учил: «Господь во святом храме Своем» (Пс. 10:4): «Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень» (Пс. 121:1). «Я по множеству милости Твоей, войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем» (Пс. 5:8). «Одного просил и я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святой храм Его». «Поклоняюсь пред святым храмом Твоим» (Пс. 137:2). «Услышь голос молений моих, когда поднимаю руки мои к святому храму Твоему» (Пс. 27:2; Срав. 133:2). Когда Давид шел в храм для молитвы, он предварительно умывался, помазывался и переменял одежды свои, пищу принимал только по возвращении из храма (2Цар. 12:20). Спаситель запретил даже клясться храмом (Мф. 3:21), «не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь» (Мк. 11:16), Апостолы также заповедали нам благоговейно относиться к св. храму и прилично вести себя в нем (Срав. 1Кор. 11:18, 22; 14:34, 35). В доказательство своего лжеучения, отрицающего необходимость св. храмов, молокане, как и другие сектанты, ссылаются еще на 1Тим. 2:8; 1Пет. 2:5; 1Кор. 3:16–17; 6–19; 2Кор. 6:16; Евр. 3:6; Еф. 2:21; Деян. 2:46. Но в этих местах речь идет только о том, чтобы христиане заботились о своей нравственной чистоте, так как каждый христианин должен воспринять в себя Св. Духа или – что то же – стать храмом Божиим. Но этим, очевидно, не отрицается необходимость христианских храмов Божиих, в которых бы могли собираться христиане (Богоносцы) для общей молитвы.

Молокане, как и другие рационалисты-сектанты, отвергают все христианские таинства и, играя словами: «таинство» и «тайна», ссылаются на изречение Спасителя (Мф. 13:11) и Ап.

Павла (Еф. 3:4–5). Но, если Спаситель говорит Апостолам: «вам дано знать тайны царствия небесного», напр., тайну Боговоплощения, или тайну искупления падшего человечества, т. е. того, что недоступно пониманию ограниченного человеческого разума, то разве это значит, что Он отменил Свое повеление о крещении или о Евхаристии? Ясно, что молокане отвергают христианские таинства, совершенно не имея для того никакого основания. В частности, молокане отвергают водное крещение, уверяя, что в книгах Св. Писания под водным крещением разумеются только усвоение слова Божия и вера. В мнимое оправдание своего лжеучения, они приводят следующие места Св. Писания: Мф. 3:11; Ин. 1:33; 1Пет. 3:21; Деян. 1:5; Ин. 4:13; Ин. 7:38; Иов. 9:30; Иер. 2:22. Но о водном крещении так ясно и определенно говорится в книгах Св. Писания Нового Завета, что поведение отрицающих его молокан должно быть признано, по меньшей мере, непонятным. Сам Спаситель ясно отличает водное крещение от крещения духовного. «Если кто не родится от воды и Духа, сказал Он Никодиму (Ин. 3:5), не может войти в Царствие Божие». Сам Иисус Христос принял от Иоанна, несомненно, полное крещение, именно, в реке Иордане, близ Вифара (Ин. 1:28). По свидетельству книги Деяний Апостольских, все верующие были крещаемы в воде. Продолжая путь (Филипп и Евнух), приехали к воде; и Евнух сказал: «вот, вода: что препятствует мне креститься?» (Деян. 8:36). После этого, какое еще потребно доказательство, что Апостолы совершали именно водное крещение? Сотник Корнилий вместе со всем семейством своим так же был крещен в воде. «Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы *получили Св. Духа?»* – вопрошал ап. Петр (Деян. 10:47), также, очевидно, полагавший различие между водным крещением и тем, что молокане называют крещением духовным. Павел называет христианское крещение «банею водною» (Еф. 5:26), «банею возрождения» (Тит. 3:5). Правда, иногда в Св. Писании слово Божие представляется под образом воды, утоляющей духовную жажду человека. Но из всех мест, в которых об этом говорится и на которые ссылаются молокане (см. выше) ничуть не следует, что водное крещение

должно быть отрицаемо. Молокане, конечно, знают, что Сам Господь наш Иисус Христос ясно различает учение от водного крещения, как два совершенно отдельных действия: «идите, научите все народы, крестя их» (Мф. 28:19). То же мы видим и у Апостолов. Апостол Павел сначала «проповедовал слово Господне темничному стражу и всем бывшим в доме его», а затем уже, усвоив учение Апостола и уверовав, темничный страж крестился сам и все домашние его» (Деян. 16:32–33). Апостол Петр сначала преподал учение Корнилию и его семейству, а потом уже крестил их (Деян. 10:26–48). Апостол Филипп сначала наставил эфиопского вельможу в истинах веры, а затем крестил его в воде (Деян. 8:30–34). Под «возрождением от воды», кроме усвоения Божественного Откровения, молокане разумеют еще оправдание верой, причем, ссылаются на слова ап. Павла: «благодатью вы спасены через веру» (Еф. 2:8). Православная Церковь никогда не отвергала, да и не может отвергать существенно важного значения веры, как для нашего спасения, вообще, так и для достойного принятия таинства св. крещения, в частности. Но это не значит того, что веру следует отождествлять с самым таинством крещения в воде, или что ею заменяется последнее. Сам Иисус Христос полагает ясное различие между верой и водным крещением: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет» (Мк. 16:16). Такое же различие между верой и крещением полагали и Апостолы: «одна вера, одно крещение» (Еф. 4:5). «Евнух сказал: вот, вода: что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказал остановить колесницу; и сошли оба в воду, Филипп и Евнух, и крестил его (Деян. 8:36–38). Ясно, что Филипп отличал веру от водного крещения и не считал одной веры, без водного крещения, достаточной для спасения. То же самое видно из повествований о совершении крещения и над многими другими лицами: Корнилием, Лидией, темничным стражем в Филиппах, да и самим апостолом Павлом. Согласно с этим, по требованию Православной Церкви, раньше крещения, крещаемый произносит исповедание веры.

Возражения молокан против учения православной церкви о таинстве миропомазания совершенно голословны. «Таинственно очищая верующих от грехов – учил сам Уклеин, – Божественное учение невидимо преподает ему и духовное помазание». Но такое понимание явно противоречит Св. Писанию, которым, будто бы, руководствуются молокане в своих верованиях, и которое учит о миропомазании, как о самостоятельном таинстве. По учению Св. Писания, в этом таинстве, которое первоначально было совершаемо через возложение апостольских рук, верующему преподаются особые дары Духа Святого, потребные для его укрепления и возрастания в духовной жизни. (Деян. 8:15–17; 2:38; 19:1–6; Ин. 7:37–39; 1Ин. 2:20–27; 2Кор. 1:21–22). Молокане упрекают Православную Церковь в том, что таинство миропомазания в ней ныне совершается не через возложение рук, а через помазание миром. Но упрек этот несправедлив. Нет сомнения, что нынешний способ совершения этого таинства, также ведет свое начало от Апостолов. Так, ап. Иоанн пишет: «вы имеете помазание от Святого» (1Ин. 2:20). Пусть речь идет здесь о внутреннем действии таинства, т. е., допустим, что слово «помазание» ап. Иоанн Богослов употребил в переносном смысле; но, по общему закону развития всех языков и наречий, переносный смысл слова получают лишь долгое время после того, как они были употребляемы в собственном смысле. Ап Павел так же говорит: «Утверждающий нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши» (2Кор. 1:21–22). Молокане говорят, что до четвертого века Церковь Христова была истинной. Между тем, не может подлежать никакому сомнению, что во втором веке теперешний способ совершения таинства миропомазания был общераспространенным и общеизвестным. В Постановлениях Апостольских мы читаем: «После крещения пусть епископ помазует крещаемых миром». Тертуллиан пишет: «Как Иоанн, некогда, был Предтечею Господа, уготовляя Ему путь, так и крещение, через омовение грехов, прокладывает путь имеющему снизойти (на крещенного) Святому Духу. По выходе из купели, мы помазываемся благословенным помазанием, по

древнему чину. Помазание в нас, хотя происходит телесно, но приносит плод духовный, подобно тому, как и в крещении совершение его происходит телесно, потому что мы погружаемся (в воду), но действие духовное, так как мы освобождаемся от грехов». Св. Киприан неоднократно говорит о таинстве миропомазания, через которое были принимаемы в Церковь и еретики.

Молокане, как мы видели, отвергают даже учение Православной Церкви о таинстве св. причащения. «Греко-российская церковь, – говорят они (в приведенном нами «Вероисповедании»), – учит, что только те спасутся и сделаются сонаследниками царствия небесного, которые будут есть хлеб и вино, приготовляемые попами во время богослужения, и эти хлеб и вино, которые суть дар Божий, осквернённый ее мерзким идолослужением, она осмеливается называть истинным телом и кровью Христовой». Иисус взял хлеб и благословил, преломил и, раздавая ученикам, сказал: «сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, и благодарив, подал им и сказал: «пейте от нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая, во оставление грехов» (Мф. 26:26–28). Спрашивается теперь: к кому относится возмутительное богохульство молокан, – к греко-российской ли церкви?

Уклеин учил так: «Истинное причащение состоит в принятии учения Христова и в исполнении заповедей Христовых. А, если Сын Божий заповедал нам плоть Свою ясти, то под плотью нужно разуметь Слово, или научение Спасителя». «Причастниками Божественным и животворящим тайнам мы почитаем только тех, кто боится Бога и хранит заповедь Его». В оправдание своего лжеучения, молокане ссылаются на следующие места в книгах Св. Писаная: Пс. 118:83; Притч. 9:4–5; Ос. 9:2; Мф. 4:4; 26:39, 42; Мк. 10:38; 14:36; Ин. 1:1; 5:24; 6:27, 63; Евр. 9:10; 13:9–10; Откр. 17:3–5. Во всех этих местах слова: «хлеб», «чаша», «плоть» молокане стараются перетолковать в смысле своего лжеучения. Но такая попытка представляется крайне наивной, ввиду той ясности и определенности, с какими Св. Писание говорит, что в таинстве причащения, под видом вещественного хлеба и вещественного вина, верующие

причащаются истинного Тела и истинной Крови Христовой. Евангелисты согласно говорят, что на тайной вечери Иисус Христос взял хлеб в руки, преломил его и подал ученикам. В книге Деяний Апостольских не раз говорится о таинстве причащения, как о «преломлении хлеба» (Деян. 2:12; 20:7; срав. 1Кор. 10:16). Понимать здесь хлеб в каком бы то ни было переносном смысле значит издеваться над здравым смыслом читателя. Молокане вправе веровать, как им угодно, но не вправе утверждать, что в своих верованиях они руководствуются книгами Св. Писания…

Нельзя ие отметить здесь, что, отвергая в своем «Вероучении» таинство причащения, они, в действительности, совершают нечто подобное. По словам Ф. В. Ливанова (т. 1. стр. 253), по окончании молитвословия и проповеди (у молокан села Тяглого Озера Николаевского уезда, Самарской губернии), старец (т. е. пресвитер) садится на первое место, вынимает из-за пазухи круглый белый хлеб и в полуштофе – красное вино, и ставит на стол: раздробив хлеб на мелкие кусочки, подает каждому в руки кусочек и каждый, съевши его и запивши вином, отходит и садится на свое место. Когда все получат это, так называемое, у них, «освящение», старец читает псалом: «Благословлю Господа», после чего, все целуют друг друга и расходятся по домам». Какой же смысл имеет эта пародия?

Далее, – молокане, как и все другие рационалистические сектанты, отвергают учение Православной Церкви о таинстве покаяния и, ссылаясь на Пс. 110:1; 2Цар. 12:13; Лк. 5:21; 1Ин. 2:1; 3:3; Иак. 5:16 и Евр. 10:26, утверждают, что священники ие имеют права прощать грехов, так как это право, по словам книжников и фарисеев (Лк. 5:21), принадлежит только одному Богу, что каяться во грехах следует только «друг перед другом» (Иак. 5:16), а не перед священником, что, кроме Христа нет никакого другого посредника между Богом и людьми (1Ин. 2:1). «Покаяние, – учил Уклеин, – есть только сокрушение сердца пред Богом и исповедание грехов пред Ним наедине». Достойно внимания, с каким упорным молчанием сектанты проходят учение Спасителя о предоставленной Апостолам власти «вязать и решить» грехи людские. «Покаяние есть исповедание

грехов пред Богом наедине». Да разве всеведующий Бог не знает, какие мы грешники, без нашего исповедания? Исповедовать Богу свои грехи наедине, не представляет никакого подвига. Но открыть пред Богом свою грязную душу при свидетеле-человеке, когда нашей природе свойственно скрывать от других свои недостатки; возможно только при глубоком смирении, и после упорной внутренней борьбы. Потворствуя людскому самолюбию и гордости, католическая церковь посадила духовника в будку, чтоб ни духовник не видел кающегося, ни кающийся духовника; протестанты, а за ними и все рационалистические сектанты, пошли дальше: они совсем оставили церковь Христову без духовника. Да без него покойнее греховной совести!.. Учение Православной Церкви о таинстве покаяния сектантами извращается, конечно, не по неведению, а вполне умышленно. Они хорошо знают, что, по учению Православной Церкви, священники объявляют кающемуся прощение грехов не от себя, а от Бога, не своей властью, а властью, данною им Спасителем (Мф. 18:18; Ин. 20–23), что священник каждому кающемуся объявляет себя «свидетелем» его покаяния и, что ап. Иаков (5:16) говорит не о таинстве покаяния, а лишь о доверии друг к другу, откровенности, чистосердечии, когда советует исповедовать друг перед другом свои согрешения.

Как относятся молокане к учению Православной Церкви о таинстве священства, – мы уже говорили.

О браке Уклеин учил так: «Брак не есть таинство и слова Апостола: тайна сия велика есть (Еф. 5:32) относятся не к браку людскому, а к тайному браку Христа с Церковью. Брак должен быть совершаем так, как показывает пример Товита, т. е. по родительскому благословению, а не как совершается он в церквах видимых: в Св. Писании нет никакого повеления священнику соединять брачующихся». Современные нам молокане, также, не признают брака таинством, но не отвергают, по крайней мере, его божественного установления. Как мы видели, они говорят следующее: «Брачное сожительство установлено Самим Господом Богом еще во время пребывания человека в земном рае. То же самое подтверждает и Иисус

Христос… Образ самого бракосочетания заимствуем из Св. Писания, из книги Товита 7:10.

Всех же обручальных и венчальных обрядов, совершаемых при бракосочетании греко-российской церкви, мы не исполняем, ибо они основаны не на Св. Писании, а на вымысле и, следовательно, излишни». Это рассуждение молокан, приведенное в самом их «Вероисповедании», поражает своей наивностью. Утверждая, что с пришествием на землю Христа все ветхозаветные обряды и обычаи отменены, молокане совершают свои бракосочетания по примеру Товии! Говоря, что способ бракосочетания, совершаемый в православной церкви и существовавший, несомненно, до четвертого века, основан на вымысле, а не на Св. Писании, они требуют от жениха и невесты чуть ли не нотариального предбрачного контракта! В какой книге Св. Писания Ветхого или Нового Завета они нашли его? Православное учение о браке, как таинстве, они отвергают, но не указывают совершенно никакого основания в Св. Писании, для подтверждения своего мнения…

Елеосвящение, как таинство, молокане отвергают: но в одном рукописном обряднике их, помещено следующее рассуждение «о помазании маслом». «Апостолы ходили и проповедовали покаяние, изгоняли бесов и многих больных мазали маслом (Мк. 6:12; Иак. 5:14), это исцеление больных, посредством помазания маслом, надобно понимать так, как действие чудотворное, которое свидетельствует или удостоверяет об истине Евангельской… Это действие чудотворное и сопровождавшее знамения, – более относится к первым проповедникам Евангелия – Апостолам и верующим». В другом рукописном обряднике молокане рассуждают так: «мы никогда не прибегаем к таинству елеосвящения, хотя хорошо знаем, что апостолы врачевали больных через помазание елеем. Под этим таинством мы разумеем молитвы, приносимые Богу. Поэтому, мы всегда и посылаем кого-нибудь бодрствовать и молиться около больных». Это рассуждение молокан служит лишь только новым доказательством того, что молокане, вопреки своему уверению, не руководствуются в своем уповании и жизни Свящ. Писанием. Они никогда не прибегают к

таинству елеосвящения; а ап. Иаков советует христианам всегда прибегать к нему в болезнях. Они ограничивают его только своей молитвой; а ап. Иаков учит, что, кроме молитвы, пресвитеры должны помазать больного елеем. Они думают, что елей употреблялся только для исцеления болезней, а ап. Иаков учит, что через таинство елеосвящения верующий может получить и оставление грехов. Они голословно утверждают, что это таинство имело свое значение только для апостольского века, а ап. Иаков не ограничивает его никаким временем.

Значения праздников и постов молокане, собственно говоря, не отвергают. Но они полагают пост не в воздержании в известные дни от скоромной пищи, которой они не различают от постной, а в том, чтобы в эти дни ничего не есть и не пить. «Церковь суетных (т. е., православных), – учил Уклеин, – определила в известное время поститься. Правда, пост весьма нужен для немощных духом, и нередко заповедуется в слове Божием; но, чтобы заключать пост в воздержании от известного рода пищи и в известные определенные дни, – о том в Писании нет заповеди. Долг поститься лежит на человеке тогда, когда он чувствует свою греховность и преобладание плоти над духом; и пост должен состоять в совершенном воздержании не от известного какого-либо рода пищи, а от всякой пищи и пития, ибо так постились Моисей, Илия и Сам Иисус Христос. В пищу же можно употреблять все, кроме животных, запрещенных в Писании, как то: свинины, рыб, не имеющих чешуи и пр.». Современные нам молокане не расходятся с этим учением о посте. «Воздержание от пищи, – говорят они, – может освободить дух от плотских помыслов, сделать его более способным к добру, но он еще не есть самое добро». Сущность поста они полагают в воздержании от грехов и в делании добра. Все нападки со стороны молокан направлены, впрочем, не на учение Православной Церкви, а на соблазнительное поведение лиц, считающих себя православными. Молокане уверяют, что, следуя учению Христа, они проводят жизнь святую и богоугодную; но особенным законом их жизни служит заповедь ап. Павла: «не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (Еф. 5:18–19). «И потому, – говорят они в

приведенном нами «Вероисповедании» своем, – мы с сожалением и скорбью видим, что приверженцы греко-российской церкви выбирают именно седьмой день для сотворения всякого распутства: пьянствуют, блудодействуют и всякие бесчинства творят; редкий праздничный день проходит у них без ссоры и драки. К тому же, попы их мало заботятся о том, чтобы научить их, что в день, который Господь Бог велел посвящать Себе, все эти поступки во сто раз порочнее и грешнее: греко-российские попы сами находят удобным посвящать досуги воскресного дня угощению себя вином, причем, нередко напиваются до пьяна, вероятно, в назидание (?!) своей паствы и для большего утверждения ее в достодолжном Богопочитании». Молокане, конечно, грешат против истины, без всякого ограничения, обвиняя «приверженцев греко-российской церкви» в пьянстве и распутстве: но в их словах заключается и горькая правда, относительно тех многих, *именующих себя православными, лиц,* которые ведут дурную и развратную жизнь. Неправы только молокане в том, что, осуждая православных, они забывают себя и даже лживо уверяют других в своей чистой, святой и непорочной жизни. Известный знаток молоканского быта, *С. В. Максимов,* с сочувствием относящийся к этим сектантам, со скорбью говорит о том бесшабашном пьянстве и разгуле, каким предаются молокане. Но Максимов знал молокан давно, лет 30 – 40 тому назад, быть может, теперь они исправились и уже, действительно, ведут святую и трезвую жизнь? К сожалению, нет. Вот, что пишет в 1904 году другой Максимов *К. К.*, долго живший среди молокан по случаю размежевания закавказских земель. «В духоборческих селениях нет духанов, но это не значит, что они не пьют вина. Хотя дороже обходится, но духоборы привозят спиртные напитки из города и близких селений, и угощаются куда больше соседей-православных. Сами они стали обращать на это внимание, хотят бороться, но не знают как: при достатке, ведь, слабосильным отстать от дурной привычки труднее… Не лучше обстоит дело и у молокан. Нам не раз сами они жаловались, что нет удержу и управы на молодежь – отбилась от послушания, пьянствует. В г. Карсе

пьянство молокан уже всем известно, а затем, когда они едут из города в свои селения, лучше не попадайся на дороге: и оскорбят всячески, и побьют». На юге России, особенно, в Таврической губернии, молокане за свою дурную и развратную жизнь уже давно пользуются самою худою славою: а слово «молоканин» стало позорным. Ясно, что молокане забыли наставление Спасителя: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1). Нечего смотреть на сучок в глазу брата своего, когда в своем глазу не чувствуешь целого бревна…

Молокане осуждают Православную Церковь за почитание Божией Матери, ангелов и св. угодников Божиих. «Люди, по своему произволу, – учил Уклеин, – определили молиться и поклоняться Богородице; святость Богородицы и Апостолов должно признавать, но не нужно молиться им и призывать в ходатайство пред Господом». Современные нам молокане выражаются резче. «Мы считаем, – говорят они (в приведенном нами «Вероисповедании»), – что греко-российская церковь творит смертный грех против Господа Бога, поклоняясь всяким своим святым угодникам». Приговор суровый и несправедливый! Молокане утверждают, что почитание святых противно, будто бы, первой заповеди: они думают, что Православная Церковь боготворит святых и потому впадает в многобожие: они не хотят усматривать того различия, которое полагает Церковь между поклонением Богу и поклонением угодникам Божиим; они, будто бы, не замечают, что мы просим помощи не от угодников, а только через угодников у *Самого Бога*…

Учение Церкви о почитании святых прекрасно изложил еще бл. Августин. «Мы, – пишет он, – не боготворим мучеников, как это делали язычники по отношению к своим богам, но почитаем их тем почитанием любви и общения, которым и в настоящей жизни почитают святых человеков Божиих, уготовавших сердца свои к страданию за евангельскую истину, только гораздо благоговейнее, как странствующих, уже в блаженной жизни, а не воинствующих еще в настоящей: празднуем памяти их, как святых людей Божиих, которые боролись до смерти за распространение истинной веры и уничтожение вер ложных. Но

тем почитанием, которое по-гречески называется λατρεία, а по-латыни не может быть обозначено одним словом и есть, собственно, служение, подобающее только Божеству, мы и сами не почитаем, и других не учим почитать никого, кроме одного только Бога. К этому почитанию относится, например, приношение жертв, но кто слышал когда-нибудь, чтобы православный священник, стоя пред жертвенником, построенным в честь и славу Божию над св. телом мученика, говорил в молитве: приношу жертву тебе, Павле, или Петре, или Киприане. Нет, творя память мучеников, мы приносим жертву Богу, Творцу их, давшему им возможность сделаться мучениками и быть в небесном сообществе с ангелами».

Учение Православной Церкви о почитании ангелов и святых, угодников Божиих не есть измышление человеческое, как ложно утверждают молокане и другие сектанты, а имеет для себя основание в Св. Писании и Св. Предании. «Лот увидел (двух Ангелов), встал, чтобы встретить их, и поклонился *лицем до земли»* (Быт. 19:1). Открыл Господь глаза Валааму, и увидел он Ангела Господня..., и преклонился, и пал на лице свое» (Чис. 22:31). Об Иисусе Навине также повествуется, что, увидев Ангела Божия, он пал лицем своим на землю и поклонился ему (Нав. 5:13–15). Маной и жена его пали лицем на землю пред Ангелом (Суд. 13:20). Давид со старейшинами поклонился Ангелу (1Пар. 21:16). Ангелу поклонялись Товит и Товия (Тов. 12:16), пророк Даниил (Дан. 10:9, 15). С другой стороны, было оказываемо поклонение и угодникам Божиим. Так, пророк Илия принял поклонение Авдия (3Цар. 18:7). Пророку Илии поклонились до земли иерихонские сыны пророков (4Цар. 2:15). Благодарная за воскрешение сына, сонамитянка «подошла и упала (Елисею) в ноги и поклонилась до земли» (4Цар. 4:37). Пресв. Дева Мария в присутствии архангела Гавриила, провидя духом будущее, сказала: «отныне будут ублажать Меня все роды» (Лк. 1:48). Ап. Павел принял поклонение от темничного стража (Деян. 10:29). Авраама Сам Бог назвал Своим «другом» (Иак. 2:23). Спаситель назвал Апостолов Своими «друзьями» (Ин. 15:14). По учению слова Божия, Сам Бог прославляется во святых Своих (2Фес. 1:10–12). Уже этого достаточно, чтобы

усмотреть основание для почитания ангелов и святых угодников Божиих. Но, кроме того, мы чтим их, как наших благодетелей и молитвенников, предстательство которых благоугодно Господу. «Ангел, избавляющий меня от всякого зла, – говорил Патриарх Иаков (Быт. 48:16), да благословит отроков сих» (детей Иосифа). Ангел Рафаил говорит Товиту: «Я возносил память молитвы нашей пред Святого… Я, Рафаил, один из семи святых Ангелов, которые возносят молитвы святых и восходят пред славу Святого» (Тов. 12:12, 15). Срав. так же Откр. 8:3–4; Иов. 33:23–24; Пс. 33:8; 90:11–12; Быт. 19; Дан. 6:22; 14:34–39; гл.3; Зах. 1:12–13; Лк. 1:26–38; 16:22; Мф. 28:1–8; Деян. 7:53; 8:26–40; 10:1–6; 12:1–61; Гал. 3:19; Евр. 2:2 и мн. др.

Ясно говорит слово Божие и о молитвах святых угодников. «Помолился Авраам Богу, и исцелил Бог Авимелеха, и жену его, и рабынь его» (Быт. 20:17). «Сказал Господь Елифазу: возьмите себе семь тельцов и семь овнов, и пойдите к рабу Моему Иову и принесите за себя жертву: и раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лице его Я приму» (Иов. 42:8). Израильтяне просили Самуила: «не переставай взывать к Господу Богу нашему» (1Цар. 7:8). Моисей неоднократно молился за народ Израильский (срав. Исх. 32:11). Апостолы непрестанно молились за верующих (срав. Рим. 1:10; Еф. 1:16; Флп. 1:3–4 и мн. др.)

Поэтому ап. Иаков и утверждает, что «много может усиленная молитва праведного». Но, если во время жизни своей на земле угодники Божии были нашими молитвенниками: то как же они могут забыть о нас, представ пред престол Божий после блаженной кончины своей? Думать это могут только люди, не верующие в бессмертие души человеческой и в загробную жизнь, т. е. переставшие быть христианами. Впрочем, угодники Божии уверяли верующих, что они и по кончине своей не перестанут быть их предстателями пред Богом. Так, ап. Петр пишет, что и после смерти своей он не прекратит своих попечений о верующих (2Пет. 1:13–15). Наконец, в слове Божием есть ясные указания на то, что, как Ангелы, так и св. угодники Божии, действительно, молятся за нас. Так, перед роковой битвой Иуда Маккавей удостоен был чудного видения: «Он видел (давно умершего) Онию – бывшего

первосвященника, мужа честного и доброго, почтенного видом, крепкого нравом, приятного в речах, издетства ревностно усвоившего все, что касалось добродетели – видел, что он, простирая руки, молился за весь народ иудейский. Потом явился другой муж, украшенный сединами и славою, окруженный дивным и необычайным величием. И сказал Ония: «это – братолюбец, который много молился о народе и святом городе, Иеремия, пророк Божии» (2Мак. 15:12–14). Св. Апостол Иоанн удостоился подобного же видения: «двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святым» (Откр. 5:8). О таких же молитвах святых пред престолом Божиим тайновидец говорит еще и в другом месте: Откр. 8:3–4. Впрочем, в своем рационалистическом отрицании молокане заходят слишком далеко: в своих молитвах, из которых несколько находится даже и в приведенном нами их «Вероисповедании», они ни разу не обращаются даже к Самому Господу нашему Иисусу Христу: но это противоречит уже всему Св. Писанию Нового Завета, хотя для молокан, отрицающих Божество Иисуса Христа, и не может быть иного последовательно проведенного вывода из их посылок. В опровержение учения Православной Церкви о почитании Божией Матери, Ангелов и св. угодников Божиих, молокане и другие, родственные им, сектанты указывают множество мест в различных книгах Ветхого и Нового Заветов, а именно: Иер. 44:17; Мф. 12:48–50; Лк. 8:21; Втор. 4:19; Иер. 19:13; Деян. 7:42; Кол. 2:18; Евр. 1:14; Исх. 20:3; Пс. 107:13; 117:8–9; 140:3; Ис. 42:8; Иер. 17:5; Мф. 4:10; Лк. 16:27–31; Деян. 10:25–26; 1Ин. 2:1; Рим. 8:26–27, 34; 1Тим. 1:17; 2:5; Евр. 7:24; 9:15; 12:24; Откр. 2:6, 15; 6:9–10; 19:10; 22:9. Но из всех этих мест достаточно остановить внимание только на двух: Деян. 10:25–26 и Откр. 19:10; сравн. 22:9, – потому что эти места могут представляться некоторым затруднительными для понимания.

В книге Деяний Апостольских гл. 10, ст. 25–26 повествуется следующее: «Когда Петр входил, *Корнилий встретил его и поклонился, пав к ногам его*. Петр же поднял его, говоря: *встань; я тоже человек*». Апостол Петр мог сказать это и по

своему смирению, из чего еще ни в каком случае нельзя делать вывода, что этим он признал недозволительным почитание всех, вообще, угодников Божиих. Но гораздо вернее будет другое объяснение. Припомним поведение ап. Павла: против поклонения темничного стража ему (Деян. 16:29), он ничего не возразил; но когда в Листре язычники, увидев совершенное им чудесное исцеление хромого от рождения, признали его Богом Ермием и жрец Зевса намеревался оказать ему божеское почтение жертвоприношением, апостолы Павел и Варнава разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громко говорили: мужи, что вы это делаете, мы – подобные вам человеки» (Деян. 14:8–15). То же самое случилось и с ап. Петром, почти сказавшим те же слова, что и ап. Павел: «Я тоже человек». Греческие язычники веровали, что по временам боги сходят с Олимпа на землю и принимают человеческий вид. Корнилий, как язычник, мог разделять такое же верование и посчитать Петра каким-либо языческим богом, тем более, что ему было необычайное видение относительно Петра: явившийся ему Ангел, сказал, что только один Петр может ему сказать такие слова, которыми спасется он и весь дом его (Деян. 10:6). Он давно хотел услышать такие слова (ст. 2), но даже у мудрых отеческих философов он не находил их. И вот, он мог кланяться Петру с мыслью и настроением, приличествующими только богопочитанию. Петр отклоняет от себя такое почитание, говоря, что он не Бог, а тоже человек.

Труднее, по-видимому, для объяснения место из Апокалипсиса (19:10): «Я – говорит ап. Иоанн, – пал к ногам его (Ангела), чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я сослужитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись; ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества». Всегда нужно иметь ввиду, что книга Апокалипсис содержит в себе таинственное предуказание будущих судеб мира и Церкви Христовой, а потому, она и не совсем доступна нашему пониманию. На нее, как на откровение будущего, трудно ссылаться для уяснения настоящего и прошедшего. В царстве небесном, где все святые будут непрестанно предстоять пред лицом Божиим, в каковом

положении видел себя в настоящем случае и ап. Иоанн, честь, слава, и поклонение будут приличествовать только единому триипостасному Божеству. В таком, именно, смысле объясняет приведенное место св. Иоанн Златоуст. По свидетельству Иоанна Богослова (19:4), в это время он удостоился лицезреть Самого Бога, сидящего на престоле, окруженного Ангелами и святыми, которые поклонялись Ему (Откр. 19:4). Он слышал повеление: поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море, и источники вод» (Откр. 14:7). Несмотря на это, он кланяется Ангелу; поэтому Ангел и заметил ему: «не делай сего… Богу поклонись». Таким образом, Ангел не принял поклонения от Иоанна не потому, чтобы почитание Ангелов было грешно и противно Богу, а потому, что в присутствии Бога оно было неуместно, как неуместно и неприлично в присутствии земного царя оказывать честь не царю, а слуге царскому. Но возможно и другое объяснение. В Апокалипсисе ангелами неоднократно называются предстоятели церквей (Сравн. гл. 2 и 3). В разбираемом месте, ангелом, также мог быть назван кто-либо из прославленных служителей Церкви – апостолов или пророков. Для такого понимания, основание представляет, во-первых, то, что здесь речь идет о союзе Христа с Его Церковью, (ст. 7: «возрадуемся и возвеселимся, и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя»), а, во-вторых, то, что ангел признает себя равным Иоанну: «я послужил тебе», причем, в оправдание своего поведения, говорит: «ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества». Но, равный уже по любви и смирению, мог отклонить от себя поклонение равного.

Отвергая учение Православной Церкви о почитании святых угодников Божиих, молокане, естественно, отвергают и почитание мощей. «Ежели бы каким-либо случаем, говорят они (в приведенном нами «Вероисповедании»), до нашего времени сохранилось тело, в котором Христос Спаситель провел свою земную жизнь, то и этой Христовой плоти мы почли бы за грех поклоняться, ибо мы чтим Христа за Его Божественный дух и разум, а не за тленное тело, хотя бы оно и окаменело». В опровержение учения Православной Церкви о почитании св.

мощей угодников Божиих, сектанты, обыкновенно, ссылаются на следующие места в книгах Св. Писания: Быт. 49:29, 50:26; Лев. 21:11; Чис. 9:6, 19:11; Втор. 34:5–6; Пс. 86:11; Сир. 25; Ис. 8:19; Иер. 8:1; Мф. 23:29; Деян. 8:2, 13, 36; Иуд. 1:9; 1Кор. 15:50; 2Кор. 5:16: Флп. 3:20–21. В этих местах нет, однако же, ни одного слова, которое могло бы служить к опровержению учения Православной Церкви о почитании св. мощей. Там говорится лишь о том, что тела умерших праведников (Иакова, Иосифа, архидиакона Стефана) после их смерти были погребены в земле, что Христос обличал книжников и фарисеев за украшение гробниц пророков и памятников праведников, что тело Моисея, после его смерти, осталось в неизвестном месте, что даже прикосновение к мертвецу было объявлено осквернением, что и Давид, увидел тление, что Архангел Михаил спорил о Моисеевом теле, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия. Каждый, беспристрастно вникнувший в смысл этих изречений, несомненно, может только недоумевать – какое отношение они имеют к вопросу о почитании св. мощей. Между тем, сектанты проходят гробовым молчанием те места в книгах Св. Писания, которые оправдывают учение Церкви. Так, тело Иосифа, действительно, было погребено в земле после его смерти; но сектанты молчат о том, что, при исходе евреев из Египта, Моисей взял с собою кости Иосифа, ибо «Иосиф клятвою заклял сынов Израилевых, сказав: посетит вас Бог, и вы с собою вынесете кости мои отсюда» (Исх. 13:19), и что кости его были погребены в Сихеме, где покоились первые еврейские патриархи, с большим почетом. В 4Цар. 23:17–18 мы читаем: «и сказал Иосия: что это за памятник, который я вижу? И сказали ему жители города: это могила человека Божия, который приходил из Иудеи и провозгласил о том, что ты делаешь над жертвенником Вефильским. И сказал он: оставьте его в покое, никто не трогай костей его. И сохранили кости его и кости пророка, который приходил из Самарии». Ясно, что ветхозаветные евреи с уважением относились к костям своих пророков. Спаситель обличал книжников и фарисеев не за то, что они строили гробницы пророкам и украшали памятники праведников, а за то,

что, делая это, они, в то же время, своей жизнью и поведением сами против себя свидетельствовали, что они сыновья тех, которые избили пороков (Мф. 23:31).

Правда, что прикосновение к телам умерших обыкновенных людей, по санитарным условиям Палестины, у ветхозаветных евреев было признаваемо осквернением; но в 4Цар. 13:21 мы читаем следующее: «И было, что, когда погребали одного человека, то, увидев это полчище, погребавшие бросили того человека в гроб Елисеев; и он при падении своем коснулся костей Елисея, и ожил, и встал на ноги свои». Понятно после этого, почему богодухновенные писатели Ветхого Завета указывали на необходимость благоговейного отношения к останкам святых. «Бог хранит все кости праведного: ни одна из них не сокрушится» (Пс. 33:21). «Процветут кости праведных от места своего» (Сир. 49:12). «И по успении Елисея, пророчествовало тело его» (Сир. 48:14). «Память праведного пребудет благословенна» (Притч. 10:7). Не только мощи праведников, но даже вещи, оставшиеся после них, часто бывали орудием проявления милости Божией, как, напр., милоть Илии (4Цар. 2:14), одежда Иисуса Христа (Мк. 5:28–29), платки и полотенца ап. Павла (Деян. 19:20). Даже тень ап. Павла служила средством проявления силы Божией (Деян. 5:15). Молокане не замечают того самопротиворечия, в котором они вращаются. Возражая против почитания св. мощой, они с презрением говорят о человеческом теле, не исключая даже и тела Господа нашего Иисуса Христа, а когда они возражали против христианских храмов, они настойчиво указывали на те места Св. Писания, где говорится о теле человеческом, как о храме Божием, как о жилище Св. Духа. Согласно с учением слова Божия, Православная Церковь предает земле даже тело явного угодника Божия после его смерти. Мало этого, не каждое нетленное тело оно прославляет как св. мощи, а только то тело праведника, которое наперед прославлено Самим Богом дером многократных чудотворений. Прекрасное наставление дает Иоанн Златоуст в своей беседе на память св. мученика Вавилы: «Не смотри на то, что лежит пред тобою нагое тело мученика, лишенное душевной деятельности, а смотри на то, что в нем

присутствует иная сила, высшая самой души, благодать Св. Духа, которая своими чудотворениями удостоверяет всех в истине воскресения». Исидор Пелусиот говорит сомневающемуся в истине православного учения о почитании св. мощей: «Если соблазняет тебя, что ради любви мучеников к Богу, и за их постоянство, чествуется нами прах мученических тел, то спроси тех, которые получили от них исцеление, и дознай в каких страданиях подают они врачевание. Тогда не только не будешь смеяться над тем, что делается, но, конечно, и сам поревнуешь исполняемому».

С особым ожесточением, как мы видели, молокане нападают на почитание св. икон, которые они прямо называют идолами, а иконопочитание – идолопоклонством, тяжким грехом против второй заповеди. Впрочем, молокане делают упрек Православной Церкви не столько за учение ее об иконопочитании, сколько за ее практику. «Напрасно – говорят они (в приведенном нами «Вероисповедании» их), – греко-российская церковь будет оправдываться (?) тем, что не поклоняется иконам своим, а только чтит в них изображения святых мужей, и что покланяется не самому образу, а тому, что на нем изображено. По учению греко-роосийской церкви, содержащемуся в книгах (?), это так и есть. На самом же деле, греко-российская церковь поклоняется и молится самим деревянным изображениям». Свои нападки на иконопочитание Православной Церкви молокане думают обосновать на следующих местах Св. Писания: Исх. 20:4; 33:20; Лев. 26:1; Втор. 4:12, 15; 7:25; 27:15; 4Цар. 17:33, 41; 18:4; Пс. 113:12–15; 134:15–17; Ис. 2:18, 20; 17:8; 44:9; 46:6–7; Иер. 2:2, 28; Иез. 6:4, 8–12; Авв. 2:18–19; Зах. 13:2; Прем. 13:1–5; Ин. 20:20; Деян. 26:29; 1Пет. 1:8; 1Ин. 4:12; Рим. 1:21–25; 2Кор. 4:3–4; 1Тим. 6:10; Откр. 13:15; 14:9–11. Но во всех сих местах говорится только об идолах, кумирах, истуканах и, вообще, об идолопоклонстве, с чем ничего общего не имеет христианское иконопочитание. Между тем, молокане, равно как и другие сектанты, здесь также умалчивают о тех свидетельствах Св. Писания, которыми оправдывается иконопочитание. Но мы вкратце приведем здесь

эти места, чтобы читатель видел, насколько правы сектанты, не только отвергающие, но и богохульно порицающие св. иконы.

По прекрасному выражению, в Бозе почивающего, митрополита Филарета, через того же самого Моисея, через которого дана была заповедь, запрещающая идолопоклонство, было повелено Богом устроить изображения херувимов для скинии: «Сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки» (ковчега завета). Что же? И эти изваяния херувимов богохульцы-сектанты назовут идолами? Между тем, Господь повелел сделать искусной работой еще многих херувимов на завесе из голубой, пурпуровой и червленной шерсти и крученного виссона, которая, подобно нашему иконостасу, отделяла святое святых от святилища (Исх. 26:31). Такие же изображения херувимов, по повелению Божию (Исх. 26:1), были сделаны на десяти покрывалах крученного виссона, которые заменяли собою стены и крышу скинии. Молокане осуждают поклонение св. иконам н ношение их в торжественных крестных ходах: между тем, такое же почитание было оказываемо ковчегу завета с его херувимами, который для народа еврейского был видимым образом присутствия Самого невидимого Бога и потому, часто был именуем даже Господом. Во время странствования по Аравийской пустыне, как только нужно было поднимать в путь ковчег, Моисей, обращаясь к нему говорил: «восстань, Господи». А когда народ останавливался где-либо станом, Моисей, снова обращаясь к ковчегу, говорил: «возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым» (срав. Чис. 10:35–36). Неоднократно ковчег был носим и в торжественных процессиях (Срав. Нав. 6:5; 1Цар. 4:3; 14:18; 2Цар. 6:14–21). Соломон, устроивший храм по образу скинии, все занавеси и стены его украсил изображениями херувимов (срав. 3Цар. 6:27–29; 2Пар. 3:7–14). «И поставил он херувимов среди внутренней части храма... И на всех стенах храма кругом сделал разные изображения херувимов и пальмовых дерев». Так же описывает устройство храма Соломонова и пророк Иезекииль (41:17–20): «От верха дверей, как внутри храма, так и снаружи, и по всей стене кругом, внутри и снаружи были разные изображения, сделаны были херувимы и пальмы:

пальма, между двумя херувимами, и у каждого херувима – два лица. С одной стороны к пальме обращено лицо человеческое, а с другой стороны к пальме – лицо львиное; так сделано во всем храме кругом. От пола до верха дверей сделаны были херувимы и пальмы, так же и по стене храма». Храм Заровавеля, разукрашенный Иродом, по свидетельству иудейского историка Иосифа Флавия, устроен был во всем, не исключая и изображений херувимов, подобен храму Соломонову, и даже превосходил его своим великолепием. В этом храме часто бывал для молитвы Господь наш Иисус Христос, и многочисленных изображений херувимов Он не удалил из него, даже в тот момент, когда очищал его от допущенных безобразий. Апостолы также часто молились в храме перед изображенными на завесе херувимами (Срав. Лк. 24:53; Деян. 2:46; 5:12, 17–19; 24:11).

По преданию весьма достоверному, в Христианской Церкви св. иконы явились весьма рано: Нерукотворенный образ был чудесно дарован эдесскому князю Ухомо Самим Спасителем. Евангелист Лука написал иконы: Господа нашего Иисуса Христа, Божией Матери и свв. Апостолов Петра и Павла. Первые христианские апологеты: Минуций Феликс (Octav. Cap. 9, п. 12 и 13), Тертуллиан (Apolog. Cap. 16) и Ориген (Contr. Cels., lib. 2) говорят о почитании креста и икон, как об обычае, общераспространенном среди христиан и известном язычникам. Известный ученый археолог, А. Фон-Фрикен, лютеранин по своему вероисповеданию, издал книгу «Римские Катакомбы»; в этой книге помещены даже снимки с изображений, найденных на стенах катакомб, гробницах и сосудах, – Спасителя в виде пастуха, несущего на своих плечах овцу, рождества Христова, крещения, претворения воды в вино, а также, Божией Матери с предвечным Младенцем, Благовещения, Петра и Павла, и некоторых других апостолов и ветхозаветных праведников. Изображения эти, по заключению ученых археологов, несомненно, принадлежат к первым векам христианства.

Отвергая почитание честного креста, все, вообще, рационалистические сектанты, а, в том числе, и молокане ссылаются, вообще, на те же тексты Св. Писания, какие

указывают они и в оправдание своего непочитания св. икон; но сверх этих текстов они приводят еще следующие: Втор. 21:22–23: Прем. 14:8; Исх. 44:20; Иер. 10:3–4; Мф. 5:35; 10:3; Мк. 3:34; Лк. 9:23; Деян. 17:24–25; 1Пет. 2:24; Гал. 3:13; Кол. 2:14; Евр. 6:6; Откр. 13:16–17; 14:9–11. – Что касается крестного знамения, то молокане ссылаются еще и на чисто практический мотив для его отрицания: «от креста, которым знаменуются приверженцы греко-российской церкви, только руки устают, а спасения от него никакого нет». Какая наивность! Ветхозаветные места, приводимые молоканами (Прем. 14:8; Иер. 10:3–4), относятся не к почитанию честного креста Христова, а к идолопоклонству: поэтому нет нужды на них останавливаться: евангельские – Мф. 10:38; Мк. 3:34; Лк. 9:23 – содержат в себе учение Спасителя о необходимости для христианина безропотно нести за Христом свой крест (т. е. ниспосылаемые ему от Бога испытания в земной жизни), и ничего не говорят против почитания креста Христова: ссылка на некоторые места из посланий Ап. Павла (Кол. 2:14; Гал. 3:13; Евр. 6:6) свидельствует только о невежестве или умышленном богохульстве сектантов. Так, в послании к Колосянам (2:14) ап. Павел говорит, что Спаситель взял рукописание грехов наших «и пригвоздил ко кресту», значит, оно и теперь на нем, говорят сектанты. В послании к галатам (3:13) он пишет: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе)», значит, – говорят сектанты, – проклятие и теперь находится на кресте, а почитать проклятое – грех. Жалкое рассуждение! Апост. говорит, что Сам Христос «сделался за нас клятвою». Значит, и Христа почитать нельзя? В местах, указываемых сектантами в Апокалипсисе, речь идет о поклонении зверю и его образу, и о знамении зверя. Под зверем разумеется антихрист; каким же образом знамение антихриста можно относить к кресту Христову?

Верующие христиане могут находить основание для почитания честного креста даже в ветхозаветных указаниях и пророчествах (срав., напр., Быт. 48:13–15; Ис. 60:13–14; Чис. 21:8–9; срав. Ин. 3:14–15; Прем. 14:7; Пс. 59:6; Ис. 11:12 и др.). Что же касается Нового Завета, то уже Апостолы, после

крестной смерти Христа, такое благоговение питали к кресту Его, что им обозначали самое дорогое и священное для каждого христианина – наше искупление от греха проклятия и смерти, совершенное Господом нашим Иисусом Христом, т. е. – самую сущность христианства. «Я не желаю хвалиться – говорит ап. Павел (Гал. 6:14), – разве только *крестом* Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира». «Слово о кресте,–пишет он коринфянам (1Кор. 1:18), – дня погибающих юродство есть, для нас же, спасаемых, сила Божия». «Многие, о которых я часто говорил вам, – сообщает он филиппийцам (3:18), – а теперь даже со слезами говорю, поступают, как враги креста Христова». «Я рассудил быть у вас (коринфян) незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и, притом, распятого» (1Кор. 2:2). «Итак, – обращается он к евреям (13:13), – выйдем к Нему (Иисусу Христу) за стан, нося Его поругание». Колоссянам он изъясняет, что Богу Отцу богоугодно было «посредством Его (т. е. Иисуса Христа) примирить с Собою все, умиротворив чрез Него, Кровью креста Его, и земное и небесное» (Кол. 1:20). О почитании креста Христова в первенствующей Церкви свидетельствуют уже мужи апостольские и первые христианские апологеты. Так, ученик и друг апостола Иоанна Богослова, св. Игнатий Богоносец пишет: «мой дух – в прах пред крестом». Иустин Философ в своей первой апологии (гл. 72) свидетельствовал римскому сенату: «крест есть величайший символ силы и власти Христовой». Минуций Феликс (Octav с. 9, п. 12 и 29) изъяснял язычникам, что, почитая крест, христиане воздают этим поклонение и честь Тому, Кто был на нем распят, а не боготворят самое дерево. О почитании креста в первенствующей христианской церкви говорят также Тертуллиан и Ориген, причем, последний утверждает, что почитание креста, уже задлго до него было настолько раопросраненным и всеобщим среди христиан, что римские язычники называли и самых христиан не иначе, как крестопоклонниками (cruciole, crucis religiosi). Вот основания для учения Православной Церкви о почитании св. креста!

Нападки молокан на богослужение Православной Церкви ограничиваются двумя довольно странными замечаниями: 1)

будто бы, в православной церкви «весьма мало» читается слона Божия и 2) что богослужение совершается «на устаревшем славянском языке, без всякого истолкования и объяснения, а иногда даже с самими грубыми ошибками» (!).

На эти замечания достаточно ответить кратко: 1) Слова Божия на богослужении Православной Церкви читается весьма много. Евангелия читаются не только на утрени и литургии, но при совершении всех таинств, погребений и даже на каждом молебне, на царских часах: на страстной неделе, в первые три дня, прочитываются все четыре Евангелия; на «страстях Христовых» (утреня великого Пятка) Евангелие читается двенадцать раз. Апостольские послания читаются на каждой литургии, при совершении таинств, погребений и на многих молебствиях. Ветхозаветные Писания, в виде паремий, читаются на каждой праздничной всенощной, и на многих литургиях, в великую субботу читается даже пятнадцать, паремий. Псалмы являются самой существенной составной частью Православного Богослужения; почти из них состоят «часы», «междучасия», «повечерия», «полунощницы» и половина «заутрени», так что ежедневно прочитывается до пятидесяти псалмов, а в великий пост число их значительно увеличивается. Если сравнить, по количеству читаемого из Св. Писания, Богослужение Православной Церкви с тем, что называется «богослужением» у молокан, то последнее окажется чрезвычайно скудным, ибо на нем, как видно из описания в приведенном нами «Вероисповедании», поется всего только восемь псалмов и читается столько же кратких «молитв». Богослужение совершается раз в неделю. Столь же ничтожно замечание молокан и о языке Православного Богослужения. Правда, язык славянский должен быть назван устаревшим, но, не говоря уже о том, что он веками освящен, как язык церкви и молитв, он имеет еще значение объединительного религиозного звена: и у великоросов, и малоросов, у сербов, болгар и черногорцев на нем возносится слава Творцу, и для этой цели он более пригоден, чем даже русский язык, который менее его понятен указанным славянским народностям. В наших духовных академиях, воспитывающиеся славянские юноши, еще не

усвоившие русского языка, обыкновенно, начинают объясняться с товарищами на церковно-славянском. Зато и русские люди, находясь в любом славянском государстве, зайдя в церковь, всегда чувствуют себя, как бы, в родной России. В странах не славянских, Православное богослужение совершается на местном народном языке: греческом, арабском, грузинском, японском, китайском, алеутском, немецком… А на каком языке совершается, так называемое, «богослужение» у молокан? Как можно видеть из приведенного нами «Вероисповедания» их, псалмы читаются у них в нашем же «устаревшем» церковно-славянском переводе, а «молитвы» их составлены из отрывочных выражений, взятых из различных, по содержанию, наших молитв, которые соединены между собою фразами полуславянскими, полурусскими, вследствие чего, по своему содержанию, они весьма скудны, а язык их какой-то исковерканный и испорченный – полуславянский – полурусский, так что в их «богослужебном» языке не только множество «ошибок», но часто нет и смысла. Напр., в их молитве «Господи, Боже Небесный» читается такая фраза: «воздвигни, Господи на всех призывающих Тя в силах слова светильника Твоего с гласы громными». Попробуйте найти смысл в этой фразе! Там же: «Введи нас, Господи, во храм Святый Твой, и в обновлении Скинии Сведения Твоего». «Спаси, Спаситель, души наша от ныне и до века». В других молитвах: «К Тебе, Господи, преклоняем колена наша. Господи, прости нас от всякого греха», «укрепи в нас, Господи, образ Свой во благонравии хотения Своего». «Подаждь нам, Господи, глас в образе подобия своего»; «Господи, сподоби нас вселиться с лицом Твоим»; «уподоби нас, Господи, яко же анфракс камень Твой» и т. д. И столько бессмыслицы лишь в восьми кратких молитвах!..

Православного монашества молокане, в принципе, не отвергают: но они, огульно, всех православных монахов и монахинь обвиняют в пьянстве и половом разврате: исключения не делается ни для кого; а «греко-русской церкви» ставится в упрек то, что «она без достаточного разбора принимает в монашество всякого мужчину и всякую женщину» и «радуется

только огромному числу своих мужских и женских монастырей, и большой населенности в них». Такое огульное обвинение православного монашества, уже потому, что оно – огульное, подрывает к себе доверие и просто не заслуживает опровержения. Ему может поверить, разве, тот, кто никогда не видел православных монастырей и не знает их, или кому приятно верить в явную ложь по своим враждебным Церкви и атеистическим воззрениям. Правда, есть среди монашествующих и дурные люди; ведь даже среди двенадцати апостолов был предатель; но от конкретных явлений, выражающихся в некоторых лицах, делать заключение к целому институту – вообще неразумно, а в данном случае – грешно и противно христианской любви.

Бросая общий взгляд, как на положительную, так и на отрицательную сторону молоканского лжеучения, ми приходим в следующему заключению: молоканство есть результат самого грубого рационалистического понимания истин христианской религии: произвольным, чисто субъективным толкованием Св. Писания, оно лишило его истинного смысла и значения: библейский теизм превратило в полупантеизм; христианство исказило до неузнаваемости и потому, нашло для себя выражение только в отрицании его, отрицает Троичность лиц в Боге, отрицает личное, самостоятельное бытие Св. Духа, отрицает Божество Иисуса Христа, отрицает первородный грех и искупление человечества, а затем, уже отрицает и все, что служит ко спасению человека: таинства, обряды, почитание ангелов, Божией Матери, святых, креста, икон и т. д. Таким образом, молоканство все состоит в отрицании, не имея никакого положительного и определенного содержания. Оттого-то, оно оказывается и самым жестоким, непримиримым врагом не только «греко-российской церкви», но и христианства вообще. Своим рационализмом и критицизмом оно способно увлекать и совращать многих, не утвержденных в истинах Божественного Откровения; но, по причине крайней скудости своего положительного содержания, оно не способно удерживать их у себя продолжительное время. Так разрешается вопрос: отчего во внутренней жизни молоканства происходит

постоянное брожение; отчего отделилось от него множество толков и отчего многие из его исповедников, не нашедши в нем удовлетворения, бегут в штунду, баптизм, протестантство, хлыстовство и даже иудейство. Наконец, после сказанного нельзя не видеть и того, что молоканство больше, чем все другие секты, является причиною распространения среди русского народа религиозного индиферентизма, враждебности к церкви Православной и грубого неверия...

Молоканские толки

Из множества молоканских разновидностей, или толков, заслуживают упоминания следующие: и) духовные молокане; различие между ними и коренными молоканами, или уклеинцами (исповедниками «Семушкиной веры»), незначительно: оно состоит в том, что коренные признают нужным каяться во грехах только один раз в жизни, именно – перед смертью. «Лучше не каяться при жизни, – говорят они, – чем после покаяния впадать в новые грехи». Духовные молокане, напротив, считают необходимым каяться во грехах ежедневно, так как смертный час никому неизвестен. Впрочем, и духовные молокане распадаются на две партии: одни из них стали признавать необходимость водного крещения, другие, по прежнему, отвергают его; поэтому первые называются водяными молоканами, последние – сухими или даже сухопутными; 2) Молокане владимирского толка (на Кавказе они именуют себя «Церковью Исаия Ивановича»): особенность их состоит в том, что они отвергают «святое лобзание» и взаимные поклонения на молитвенных собраниях; 3) Губолизы, похотники, или молокане тамбовского толка – удерживают «лобзание» и поклоны друг другу, причем, кланяясь «братцу» или «сестрице», они, обыкновенно, говорят: «пречистому Твоему образу покланяемся, Владыко», а при лобызании: «целую образ Твой святый, Владыко»; 4) Бессудники – не веруют, что Христос, при кончине мира, придет на землю судить живых и мертвых, так как каждый человек, тотчас по смерти, удостаивается вечного блаженства или подвергается вечному мучению. «Бессудники» не признают телесного воскресения. 5) Шалопутские молокане, оставаясь верными лжеучению Уклеина, в то же время, усвоили от кавказских шалопутов идею перевоплощения Христа. Толкуя по-своему слова св. Апостола Иоанна Богослова: «Возлюбленные, не всякому духу верьте… всякий дух, который ие исповедует Иисуса Христа во плоти, не есть от Бога, но это – дух антихриста» (1Ин. 4:1–3), они признают, что, «хотя Христос воплотился от Девы Марии один только раз», но Он «из начала

мира переходил из одной плоти в другую, по родам душ преподобных». Поэтому молокане эти утверждают, что Христос был на земле во плоти и прежде Своего воплощения от Пресвятой Богородицы. Так, Он был прежде во плоти Авеля, Ноя, Авраама и т. д., а после Он был во плоти Уклеина, Кабенетова и Семена Евфимовича Гуленова (из селения Хильмили), скончавшегося в 1892 году. 6) Пресные, или пресники, ссылаясь на слова Спасителя: «берегитесь закваски фарисейской и саддукейской (Мф. 16:6), отвергают употребление в пищу всего квасного, кислого, а также, лука, чеснока, сахара, хмеля. Других молокан, употребляющих квасную или кислую пищу они, обыкновенно, называют «квасными» или «квасниками». Кроме того, из молоканства выделились: 7) *жидовствующие*, или субботники-талмудисты (геры) и субботники-караимиты 8) *молокане Общего Упования,* или просто – «Общие» и 9) *Сопуны* или *прыгуны* (они же «*Веденцы*»). Но эти сектанты настолько разошлись в своих верованиях с коренными молоканами, что о них нужно говорить особо.

3. Иудействующие или жидовствующие нашего времени: а) субботники, б) караимиты[189]

История секты

В нашей миссионерской литературе можно встретить довольно распространенное мнение, по которому виновников секты жидовствующнх нашего времени, так называемых, «субботников», признается молоканин Сундуков, крестьянин села Дубовки Саратовской губернии. Но признавать какое-либо отдельное лицо виновником секты жидовствующих, так же странно, как странно было бы утверждать, что протестантство со всеми его многочисленными разветвлениями создано каким-нибудь Лютером или Мелангтоном.

Секта жидовствующих нашего времени имеет свои глубокие корни. Мы знаем, что еще в апостольском веке были иудействующие еретики, которые стремились соединить христианское учение с воззрениями тогдашнего раввинизма, в форме сект назарейской и эвионитской, но с перевесом в пользу иудейства: божество Иисуса Христа было отрицаемо, а закон Моисея объявляли имеющим вечное значение, обязательным, для всех времен и народов. В средние века эти воззрения были проповедуемы на западе. Пропогандистами их, и защитниками были такие лица, как Маймонид и Сальвадор. Они же подготовляли почву для ангилйского деизма и германского рационализма.

В половине XV века, сначала в Новгороде и Пскове, а потом в Москве и в других городах России стала распространяться «ересь жидовствующих». Виновниками ее распространения были признаны ученые – еврей-астролог и каббалист Схария и талмудист Мойша Хапуша. Они учили, что Бог один; Троичность Лиц в Нем отрицали: не признавали Иисуса Христа ни Сыном Божиим, ни Мессией, уверяя, что истинный, обетованный Мессия еще должен прийти; отвергали Церковь и иерархию; смеялись над таинствами и обрядами христианскими; почитание Божией Матери и св. угодников уподобляли языческому многобожию; иконопочитание называли идолопоклонством; доказывали преимущество Ветхого завета перед Новым; отвергали учение православной церкви о

первородном грехе и искуплении; монашество называли установлением, противным самой природе человека. Это лжеучение, как известно, нашло себе много последователей не только среди простого народа, но и среди выдающихся духовных лиц и светских сановников того времени; им увлеклась даже невестка великого князя Иоанна III. В 1554 году в Москве был созван собор, осудивший появившуюся ересь. Ревностный святитель Новгородский архиепископ Геннадий и игумен Волоколамского монастыря преп. Иосиф боролись с нею самым энергичным образом. Ересь затихла, но не исчезла навсегда. Строгие меры правительства, с одной стороны, и наступившее смутное время – с другой, не благоприятствовали ее дальнейшему развитию и распространению в народной жизни. Русские и иностранные историки мрачными красками изображают религиозно-нравственное состояние русского общества в эпоху смутного времени. «Общая забота о личной безопасности, – говорит они[190], – отвлекла народ от церкви и религиозности. Разбои и грабежи, интриги и искательства, постоянные клятвопреступления довели народ до полного упадка духовных и нравственных сил. По свидетельству Маржарета, многие русские люди того времени усвоили себе поверхностно лютеранские верования, открыто смеялись над православными обрядами и оказывали полнейшее равнодушие к делам веры». Так была подготовлена удобная почва для появления и распространения ересей и сект всякого рода. Поэтому, когда на Руси восстановился нормальный порядок жизни и предоставлено было право лютеранам свободно исповедовать свою веру, в зависимости от них появились и сектантские лжеучения, выродившиеся потом в духоборчество и молоканство. В это же время, заявила о своем существовании и старая ересь жидовствующпх, которую, быть может, считали исчезнувшей. Уже св. Димитрий Ростовский упоминает о «субботниках, иже по-жидовски субботу празднуют»; кроме того, обличая тех лиц, которые перестали почитать св. иконы, он прямо говорит, что этот нечестивый обычай они позаимствовали у «лютерских, калвинскнх и жидовствующих еретиков: последних он называет еще «щельниками» за то, что они

молятся в щели, по-жидовски. Кстати отметить здесь, что и молокан так же называет «щельниками» известный расколовед XVIII века (1751–1813) Андрей Иоаннов Журавлев[191].

В царствование Анны Иоанновны, именно, в 1738 году обнаружилось, что какой-то еврей Борух, вместе с Файвистом занимался пропагандою жидовской ереси, совратил в нее флотского капитан-лейтенанта Возницына, убил смоленского священника Абрама, мучил находившуюся у него в услужении русскую крестьянскую девку, заставляя ее отречся от Христа, в самом Смоленске построил жидовскую школу и завлекал в нее простой народ[192]. Но особенно сильно стала распространяться ересь жидовствующпх в царствование Екатерины II, когда дозволено было и баптистам, и менонитам, а, вместе с ними, и «жидам» свободно селиться в России по Заволжью и губерниям Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской, Таврической и, вновь образованной, Саратовской. Евреи увидели для своей пропаганды удобную почву не только в религиозном равнодушии, но и в молоканстве, так как молокане, оторванные от церкви грубым рационализмом своего лжеучения и не нашедшие удовлетворения своей религиозной потребности в скудном по содержанию вероисповедании и богомолении своей общины, в то время искали его в хлыстовстве, баптизме и протестантстве. И молокане, действительно, охотно воспринимали воззрения жвдовствующих. Таким образом, не жидовствующие выделились из молоканской секты, а, наоборот, молокане становились последователями жидовствующей секты. В это время жидовствующих сектантов называли еще, разного рода, наименованиями: «иконоборствующими», «щелкунами» и даже «селезневщиной». Под такими названиями были известны, по крайней мере, жидовствующие молокане, проживавшие близ г. Тулы.

Пример привнесения в молоканство некоторых воззрений из секты жидовствующих, как мы знаем, подал уже сам основатель молоканской секты Семен Уклеин. Таскаясь с проповедью своего лжеучения по разным губерниям и, главным образом, – по тем, где поселились прибывшие из-за границы евреи и где больше всего была распространена секта

жидовствующих, он встретился в Саратовской губернии с раввином жидовствующих – Долматовым; завязал с ним знакомство; вел продолжительные беседы о вере и, под его влиянием, усвоил некоторые еврейские правила, напр., относительно неупотребления в пищу свиного мяса, раков и бесчешуйных рыб. Впрочем, он не решился навязывать этих правил всем, вообще, своим последователям, но более близкие к нему стали строго соблюдать их. С более решительной проповедью выступил преданнейший ученик и друг Уклеина, вышеупомянутый крестьянин села Дубовки Саратовской губернии Сундуков, которого-то и принято, поэтому, считать основателем секты жидовствующих, или субботников. Увлекшись совершенно учением жидовствующих, которых в то время было особенно много на его родине, в Саратовской губернии, он стал учить, что необходимо признать превосходство Моисеева закона перед законом Христовым, так как Сам Христос подчинялся ему и торжественно указал его вечное и непреходящее значение, объявив, что, скорее, небо и земля прейдут, чем утратит значение хоть одна черточка из закона Моисеева, а потому и постановления его о пище должны быть соблюдаемы со всею точностью. Но на этом Сундуков не остановился. Он пошел дальше, называл Иисуса Христа простым человеком, а, если и пророком, то, во всяком случае, стоявшим несравненно ниже Моисея. Вместе с тем, он перестал праздновать воскресный день, а начал праздновать субботу, отверг все христианские праздники, даже удержанные молоканами, и, наконец, совершил над собою обрезание. У Сундукова оказалось много противников. Не только мелитопольские, но и саратовские молокане не приняли его учения, решили оставаться верными первоначальному молоканскому «обряду» (т. е., уставу) и не перестали праздновать воскресного дня, почему их и стали называть воскресниками. Но нашлось у него немало и единомышленников, которые усвоили его учение и вместе с ним стали праздновать субботу, почему им было дано наименование субботников. В усвоении иудейских воззрений, субботники зашли так далеко, что почти слились с жидовствующими,

вследствие чего, и их народ стал называть иудействующими, а еще чаще прямо – жидовствующими.

Правительством в первый раз было обнаружено появление секты субботников, или иудействующих молокан, в земле войска донского. В 1797 году, находясь на службе на кавказской линии в слободе Александровке, донской казак Косяков принял Моисеев закон от тамошнего учителя Филиппа Донскова, а по возвращении на Дон, склонил к своему верованию брата своего. Впрочем, в 1802 году, по их словам, они раскаялись в своем заблуждении и обратились в Православие. Впоследствии, однако же, обнаружилось, что раскаяние их было притворным, что они только по виду старались казаться христианами, на самом же деле держались лжеучения жидовствующей секты; мало того, они даже обратились к наказному атаману войска донского с просьбой о дозволении свободно исповедовать свои верования и чтить субботние дни вместо воскресных. Просьба их, по всей вероятности, была уважена, потому что в «деле» о них находится копия с указа кавказского губернского правления Александровскому совесному суду, в котором, между прочим, говорится, что многие жители города Александрова, из купечества и мещанства, содержат Моисеев закон, по которому в каждую субботу уклоняются от исполнения общественных повинностей, как то: от возки казенного провианта, препровождения колодников, дачи подвод и проч., что в этом городе субботников находилось уже более, чем православных, и, что их правительство освободило от всяких работ по субботним дням[193].

Другое, более интересное дело, производилось в 1814 году в Орловской губернии. Оказалось, что секта, «жидовствующих молокан» в конце XVIII века появилась в г. Ельце, и к ней принадлежали два брата – купцы Яковлевы, зять их мещанин Михайлов и экономический крестьянин Подгородней слободы Жегулин с семействами. При обыске в доме Яковлевых были найдены четыре печатные книги на еврейском языке и письмо какого-то Захара Уманского; захвачен был там, также, и неизвестный еврей. В письме Яковлевы названы русскими

евреями. Писавший его, Захар Уманский, оказался евреем, проживавшим в Саратовской губернии; нередко, как и многие другие евреи, он приезжал в Елец к Яковлевым и субботствовал с ними. Один из Яковлевых (Борис) показал, что ему отроду 47 лет, что он – вольноотпущенный крестьянин, все время исповедовал со всем своим семейством православную веру, но, назад тому лет пять, с братом своим и со всем семейством, не исключая и женского пола, отступил от христианства и содержит еврейскую веру, по склонению и наставлению мещанина Михайлова, женатого на родной его сестре, и приезжавших к ним евреев; Михайлов и евреи убедили его, что для спасения души еврейская вера лучше христианской; все они обрезаны евреями, по закону Моисея, а один из его сыновей, родившийся после того, обрезан на 8-й день по рождении: со времени принятия еврейской веры, Яковлев перестал ходить в церковь, почитать христианские праздники, исповедоваться и причащаться св. тайн, оставил почитание икон, не соблюдает христианских постов, начал субботствовать, молится мысленно, не полагая на себя крестного знамения; мясо употребляет в пищу тогда только, когда скотина или птица зарезаны кем-либо из искусных в этом деле евреев, приезжающих к нему: свиного мяса не ест; учения и правил еврейской веры не знает, по безграмотству, а исполняет обряд по внушению грамотных – зятя своего Михайлова, и экономического крестьянина Жегулина, которые читают ему книги и дают словесные наставления; для молений они собираются в его дом, а иногда и у Михайлова: кроме них, в Ельце нет больше субботников; но до 300 душ помещичьих крестьян, перешедших в молоканскую секту субботников, находятся в с. Чиголке, Бобровского уезда Воронежской губернии; арестованный в его доме еврей приехал из Саратова, не по знакомству, а по наслышке, что в Ельце есть субботники: молился вместе с ними, но никаких наставлений (будто-бы) не предлагал; найденные еврейские книги принадлежали этому еврею. Другой Яковлев (Иван) к сказанному братом добавил следующее: он отступил от христианской веры лет 15 тому назад, и с тех пор в церковь ходил только для виду, книг Св. Писания нового завета не читал

и не слушал, и за Божественные писания их не признает, во Христа не верует, а верует во единого Бога, сотворившего небо и землю. Св. Троицы не исповедует, апостолов, мучеников и прочих угодников, христианских праздников и икон не почитает, основываясь на третьей книге Моисея, главе 26, стихе первом: четыре года тому назад обрезал (будто-бы) сам себя[194]; десять заповедей Моисеевых знает, а правил еврейской веры не знает; верует, что Мессия еще не пришел, а придет; но кто такой Мессия, для чего и когда он придет, не знает, а знает все это Михайлов; христианских таинств и обрядов, и икон не признает за истинные и святые, и не почитает, а, что в Моисеевом законе Бог не приказал почитать их, тому верит и о том везде говорит, уверяя, что вера его истинная, но других к ней не привлекает (?); к принятию еврейской веры никто его не склонял (?), а, читая издавна Библию, пришел он (будто-бы) к убеждению, что эта вера лучше христианской для спасения души; с помещичьими крестьянами Воронежской губернии, принадлежащими к секте субботников, имеет свидания и разговоры о еврейской вере. Главарь Елецких субботников, мещанин Михайлов, показал следующее: крещен он в христианской вере, но у исповеди и причастия не бывал с тех пор, как помнит себя, а в церковь хаживал и обвенчался с христианской невестой, назад тому лет 20 – от своей веры совершенно отпал, книг нового завета не читал и не слушал, за Божественные писания их не признавал, во Христа не верует, а верует во единого Бога, сотворившего небо и землю: никаких таинств и обрядов христианских не приемлет; Божией Матери, апостолов, мучеников и прочих угодников, также, икон не признает и не почитает, потому что Моисей в третьей книге, 26 главе, в первом стихе говорит: «не сотвори себе образов нерукотворенных (?)», а в пятой книге, главе 4-ой сказано, что не должно творить никаких образов; 19 лет тому назад, по совету купца Шишова, из города Александрова, принял обрезание на Урюпинской ярмарке: об учении еврейском он наизусть, без книг, ничего не может изъяснять; Мессию ожидает; лет 10 тому назад получил он в Саратове от Яковлевых письмо, которым приглашали его в Елец для жительства с ними вместе,

так как они занимаются Моисеевыми книгами и еврейской верой; приехав в Елец, он нашел Яковлевых еще не обрезанными, не субботствовавшими; начал с ними читать Моисеев закон, и присоединять толкование; единственный сын его обрезан в 8-й день по рождении, приезжавшим к ним евреем; но кто он и откуда, – не знает (?); с помещичьими крестьянами Бобровского уезда, села Чиголки, имеет свидания и разговоры о еврейской вере; к ним нередко приезжают иногородние евреи, но кто они и откуда, – не знает. Захваченный в доме Яковлевых еврей, оказался Витебским мещанином, винокурным мастером, Левиным; по его словам, он ездил по плакатному паспорту в губернии – Псковскую, Саратовскую и Пензенскую, а, проезжая через Елец, и узнав, что в нем есть последователи еврейской веры, называемые молоканами, остановился у них; при этом, он (будто бы) говорил им, что они никак не могут в точности исполнять еврейской веры, не имея ни книг, ни раввинов, без коих, и без уставов, по одной Библии, содержать ее нельзя; обрезывать самих себя так же невозможно[195].

Это следствие представило ясное доказательство того, что Михайлов и Яковлевы были весьма ревностными пропагандистами лжеучения субботников. Под видом торговцев, они разъезжали по многим губерниям, не исключая даже Сибири, и вели открытую пропаганду жидовства, в особенности, среди саратовских, мелитопольских и кавказских молокан. Но не сидели они, сложа руки, и в Ельце. Многие жители г. Ельца, опрошенные следователем, показали, что Михайлов и Яковлевы порицали христианскую веру открыто, христиан называли идолопоклонниками, иконы – досками, которые расписывали бабы, новый завет – бабьими сплетнями, Николая Чудотворца – однодворцем, Иоанна Златоуста – желтоухим, привлекали других в свою веру, в чем особенно проявил ревность Жегулин, который всегда с ругательствами и неистовством говорил везде публике о христианстве.

Особенно ревностным пропагандистом секты жидовствующих в это время в Саратовской губернии, был однодворец Балашевского уезда, села Свинухи Милюхин; он

изъездил всю Россию, пропагандируя лжеучение субботников, и целые деревни обращал в свою секту. В селениях Свинухине, Иняеве, Дурнилине и Мелике (Балашевского уезда), по его подсчету, было 396 человек субботников – коренных, природных русских людей, но, ради жидовства, отказавшихся и от Христа, и от Христианства, и даже от русской национальности. Сначала они исповедовали еврейскую веру тайно, так, что новорожденных детей даже крестили у приходских священников, хотя затем, в 8-й день по рождении, и совершали над ними еврейское обрезание; но в 1812 году, воспользовавшись смутами военного времени, они открыто заявили о своей принадлежности к секте субботников местному начальству, и на основании Высочайшего повеления от 16-го мая 1803 года, потребовали отведения для своих покойников особых кладбищ в своих селениях. Как на главное основание своего вероисповедания, они, подобно всем жидовствующим, указывали только на ветхий завет. Свои моления устраивали в дни субботние; имена новорожденных нарекали «по всенародным святцам»; наставниками их были избранные ими лица, отличавшиеся знанием книг св. Писания и догматов еврейского исповедания; эти лица отправляли у них богослужение, совершали обрезание младенцев мужеского пола на 8-й день по рождении; венчали пожелавших вступить в брак, погребали умерших и т. п. Балашевские субботники в 1817 году, во главе с Милюхиным, подали министру внутренних дел прошение, в котором писали: «Будучи усердно преданными вере своей, мы празднуем вместо воскресенья – субботу и другие, установленные по Моисеевому закону, дни; но – мы не имеем от правительства дозволения на свободное отправление своих обрядов; посему, нередко местное начальство побуждает нас в празднуемые нами дни к работам, и, напротив, в воскресенья и другие христианские праздники возбраняет нам работы; сверх того, в общественном сожитии и по судебным делам причиняются нам от христианского сословия разные обиды и угнетения. Главнейшие у нас праздники: пасха, называемая опресноками, судный день, требное служение и прочие дни, установленные по закону и обрядам израильтян.

Мы поклоняемся только единому Творцу вселенной: Христа Спасителя не признаем за Сына Божия, равно, Матерь Божию и прочих угодников, чтимых христианами, не признаем святыми; крестного знамения, св. икон и прочих христианских обрядов и таинств не приемлем; богомоление наше состоит в чтении и пении стихов из Библии и псалмов из псалтири: других же книг для сего не употребляем; обрезание чиним младенцам в 8-й день по рождении, на основании 17-й главы Бытия: браки сочетаем с приличным для сего богослужением и в подкрепление союза читаем новобрачным по порядку назидания, выбранные из Божественных книг, причем, напоминается обоим лицам, что эта обязанность (?) принята от праотцев Израилевых. Умершие у нас погребаются при чтении и пении псалмов и псалтири всеми присутствующими у могилы. Посты мы содержим на таком основании, как и евреи. В обрядах наших нет ничего тайного и вредного для людей других религий; ибо пороков мы не терпим; беглых из воинской службы не принимаем, считая их клятвопреступниками. Впрочем, – замечает Милюхин от себя, – люди одинакового со мною исповедания не все однообразно отправляют богомоления и обряды по привитому ими закону Израильскому, так как, не имея сведущих в этом деле наставников, они не знают основательно и правил этого закона». В заключение, Милюхин указывал на необходимость заимствовать наставления от ученых евреев. По его словам, субботники в каждой деревне имеют особую избу для обучения детей чтению, письму и закону Моисееву: эти избы они называли школами и в них совершали свои богомоления. В Москве секта субботников была обнаружена в 1800 году, в количестве 41 человека ее последователей. Распространителем ее был «вотчинный бурмистр», крестьянин Яков Андреев, который познакомился с учением жидовствующих «неведомо где». В пяти селениях Каширского уезда Тульской губернии, по донесению епископа Авраама, уже в начале 19-го столетия, было жидовствующих около 150 человек, а главным распространителем и организатором секты был купец Краснов.

По сведениям правительства, уже в 1806 ходу были заражены «жидовской ересью», появившейся около 1797 года, многие слободы в Павловском и Бобровском уездах Воронежской губернии, причем, сектантов оказалось 66 человек; в 1816 году – в шести селах этой губернии – Козловке, Тишанке, Гвозде, Кленовке, Мамонах и Чиголке насчитывалось уже 503 субботника[196].

Но в 1823 году их было уже 3771 человек. Цифры эти ясно свидетельствуют о том, как быстро распространилось учение жидовствующих среди русского населения.

Одновременно с саратовскими, и воронежские субботники подали через графа Аракчеева просьбу в министерство народного просвещения и духовных дел, в которой они так же жаловались на делаемые им притеснения «за исповедание Моисеева закона»[197]. Из собранных по этому поводу сведений оказалось, что эта секта получила весьма значительное распространение и не в одних только Воронежской и Саратовской губерниях, но охватила почти всю Россию. В жидовствующую секту совращены были даже некоторые православные священники[198]. В это время официально уже насчитывалось до 20-ти тысяч человек обоего пола, принадлежащих к секте субботников. Но, в действительности, их было больше. В трех станицах Майкопского уезда, на Кубани, их числилось 3179 человек; в одном селе Привольном Ленкоранского уезда, было субботствующих 1726 человек мужеского пола и 1714 душ женского пола. В Астраханской губернии, в теперешних уездах Царевском, Енотаевском и Черноярском, молокан-субботников числилось до 3850 человек обоего пола. Много субботников было в начале XIX века в губерниях Московской, Тамбовской, Тульской, Орловской, Пензенской, Екатеринославской, Иркутской, в земле войска донского и др. местах: были субботники даже в Архангельской губернии: из некоторых больших сел (напр., из Дубовки) они вытеснили все коренное православное население. Быстрое распространение иудейских воззрений объясняется, с одной стороны, той широкой религиозной свободой, которая была объявлена Императором Александром I, а с другой – тем, что

евреи не жалели денег на пропаганду: содержали энергичных и пронырливых профессиональных миссионеров, выкупали у помещиков крепостных крестьян и т. п.

Православное население, в свою очередь, со всех концов России жаловалось неоднократно правительству, что субботники производят большой соблазн и вредно влияют на молодежь, завлекая ее к разврату. В праздничные дни и посты они открыто кощунствовали и злостно насмехались над православными; молодым людям старались внушить мысль, что их вера лучше христианской, что у них нет постов, что они могут жениться на ком хотят, даже на родственницах, что они разводятся с женами по произволу и женятся потом беспрепятственно на других. «Такими, и подобными, обольщениями они поселяли великий разврат, так, что многие из однодворцев, даже не оказывая себя последователями этой секты, начали переводить свиней и перестали ходить в церковь»[199]. Правительство, впрочем, и само скоро увидело, какая опасность от секты субботников грозит самому русскому государству. Отказавшись от Христа и христианства, и усвоивши лжеучение жидовствующих, природные русские люди, тем самым, отказывались от своей народности и переставали быть русскими. Своей родиной они считали уже не Россию, а Палестину; Россию они называли не иначе, как Ассуром (читая это слово по-еврейски, от правой руки к левой = Русса); а себя признавали только русскими узниками. Они бросали все обычаи своего народа и даже свой природный русский язык. Им хотелось быть евреями вполне и потому субботники, имевшие достаточные средства, обязательно отдавали своих детей в еврейские школы, чтобы только их научили там говорить на еврейском жаргоне и читать Библию на древне-еврейском языке; кто не достигал этого, тот копировал евреев, искажая свой родной язык. Братьями своими субботники считали евреев, а русские в их глазах были врагами их, язычниками-идолопоклонниками. Отшатнувшись от своих русских единоплеменников, они всячески старались сблизиться с природными евреями: переселялись в места их жительства, во что бы то ни стало, поддерживали тесную и постоянную связь с ними.

Свои общественные богомоления субботники совершали уже в черных еврейских ермолках и белых коротких рубашках, которые были надеваемы поверх обычных одежд; кроме того, они стали употреблять даже *тифилим* и *ицец,* т. е. кожаные мешочки с зашитыми библейскими изречениями на лоб и левую руку, и белые кисти на лапсердаке. Все, что было сказано о злосчастной участи Вавилона, Египта и Ассура, субботники относили к России. Наконец, субботники решительно отказались давать верноподданическую присягу[200].

В 1819 году Св. Синод обратил внимание на жидовствующих. По его поручению архимандрит Григорий ездил в Воронежскую губернию для изучения их верований и в 1825 году доносил следующее: «Существо секты не представляет полного тождества с еврейскою верой; тем не менее, она признает обрезание, устанавливает празднование субботы, допускает произвольные браки и разводы, и женитьбу на родственницах, отвергает посты; многое из этого делает секту заманчивою для молодых людей из православных». Как особенность московских иудействующих сектантов, было установлено то, что «обрезания они не производят, но надевают на новорожденного младенца мешочек с кусочком ладана и бумажкой, на которой написаны слова: «во имя живого Бога». В 1825 году Св. Синод издал указ «о мерах к отвращению распространения жидовской секты, под названием субботников» (Поли. Сбор. Зак. т. X, № 30, 436 а).

Светское правительство так же решилось принять меры против распространения лжеучения субботников; из внутренних губерний субботники были выселены на Кавказ и размещены около Нухи, Ленкорана, Кизляра, Шемахи, Урдубати, Куби, Нахичевани и Шиши. В 1825 году комитет министров постановил: «впредь субботников именовать «жидовской сектой» и оглашать, что они подлинно суть жиды»[201].

В 1838 году была произведена сенаторская ревизия в Саратовской губернии. Интересен отзыв ревизора о субботниках того времени, представленный министру внутренних дел. «Вследствие разных слухов, – писал сенатор ревизора, – я обратил внимание на молокан-субботников и воскресников.

Фанатизм этих людей уничтожает последствия попечительных мер правительства об их обращении к христианской вере и доброй нравственности. Самые обращенные в христианство, оказываются орудиями, через которые ересь еще более укореняется и развивается, ибо они принимают крещение для той единственной цели, чтобы сильнее действовать в пользу своих собратий, дают приют и скрывают беглых и преступников, снабжают их фальшивыми видами и подделывают печати присутственных мест. Существует мнение, что иудействующих у нас вовсе нет, что есть – молокане-субботники и воскресники, из которых первые празднуют субботу, а вторые – воскресенье, как дни отдохновения, и что молокане-субботники в официальной переписке называются иудействующими. Мнение это ошибочно, сколько можно судить из приводимых фактов: во-первых, они и принимают обрезание и обрезывают детей своих, во-вторых, носят иногда тайно еврейскую одежду, не употребляют иного мяса, как от скота п птицы, убитых знающими евреями; некоторые имели связь с евреями и принимали в дома, как единоверцев, а в Бессарабии, очевидно, некоторые из субботников совершенно обратились в еврейство; молокане же или воскресники мяса не употребляют вовсе, не носят никогда еврейской одежды, не имели связи с евреями, признавали и называли себя, как, например, тамбовские – христианами; объясняли учение свое о вере на основании новозаветных книг, тогда как субботники, или иудействующие, положительно отвергали новый завет, основывали учение свое на одной Библии (?), называли себя состоящими в иудействе по закону Моисея, данному на горе Синае. Все эти обстоятельства полагают бесконечное различие между воскресниками, или молоканами, и субботниками, или иудействующими: у первых – искаженное учение христианское, у вторых – искаженное и неполное учение еврейское, хотя, как первые не христиане, так и вторые не евреи в прямом значении этих понятий». К этому рассуждению, имеющему свое значение и для нашего времени, сенатор-ревизор присоединяет замечание, что, по его исследованию, субботники Саратовской губернии не признавали имеющего быть пришествия Мессии, отвергали новый завет,

обрезывались, хранили субботу, пели псалмы Давидовы; но синагог не имели и в исполнении обрядов отличались от жидов, которые, зная образ их молений, гнушались ими и не признавали их последователями Моисея. Секта субботников распространилась у нас, по мнению сенатора-ревизора, с открытием Библейского Общества. Главным гнездом их в Саратовской губернии нужно считать Балашевский уезд и самый город Балашов. Православных они считают упорными язычниками, а странствующих жидов принимают в дома свои, как помазанников Божиих[202]. В последнее время, отношение субботников к евреям значительно изменилось: питая по-прежнему симпатии к ним, субботники, хотя и считают себя только «пришельцами израильскими», но ставят себя выше природных евреев, ибо последние виновны в идолопоклонстве своих предков и убиении пророков, а они в этих делах не виновны и подчинились Моисееву закону по доброй воле, а не по плотскому происхождению, как природные евреи.

В настоящее время, субботники разбились на множество толков. Уже 2 сентября 1862 г. Сибидарский участковый заседатель извещал протоиерея Бакинского собора, что молокане, именующие себя иудействующими, придерживаются талмуда, а признающие секту караимов, именуют себя субботниками. Сектаторы, как первой, так и второй секты имеют верования свои, согласно с иудеями, или жидами, и караимами с некоторыми изменениями в обрядах и суеверных толкованиях. В настоящее время, жидовствующих особенно много в Шемахе и в селениях: Ивановке, Геочк. уезда, Новой-Ивановке, Джеват. уезда. Андреевке, местечке Ассулы (в Подассулке), Пришибе и Привольном, Ленкор. уезда, Марьевке и Астраханке Шемах. уезда, в Высоцком, Медведском, Просянке и Благодарном, Ставропольской губернии. Всех жидовствующих, проживающих в указанных местностях делят[203] на три толка: 1) геры (т. е. пришельцы). Среди жидовствующих они составляют меньшинство (в с. Привольном, например, им принадлежит только 75 домов из 325-ти; но зато они являются представителями аристократии местного общества жидовствующих, как по твердости своих верований, так и по

своему общественному положению, ибо все они люди весьма состоятельные[204]. Их, собственно говоря, не следовало бы и считать сектантами: они, вернее, исповедники и исполнители закона Моисеева и талмуда, только русские по национальности. Они имеют свои синагоги, ничем не отличающиеся от еврейских, а в некоторых местностях у них синагоги, общие с настоящими евреями. Строй жизни их совершенно еврейский. При утренней молитве, ежедневно надевают себе на лоб шел-рош, а на руку – шел-яд и покрываются талесом; всегда носят *цицес*; *ермолку* снимают с головы только для того, чтобы заменить ее шапкой, в которой сидят в своих домах. Если вы войдете в дом гера, то вы не поверите, что хозяева этого дома русские люди; вы скажете: «нет, здесь живут строгие евреи». В «Красном» углу, где у русских стоят иконы, у геров вы увидите орн-закодеш, или «кивот», вроде небольшого шкафчика без дверцы; задернут он параухесом, т. е. марлевой или ситцевой, темно-синего цвета, занавескою, на которой нашита посередине, из белой тесьмы, или позумента, шестиугольная звезда, сложенная из двух равнобедренных треугольников – еврейский государственный герб. В этом заветном шкафчике вы непременно найдете священные книги: библию с вырванным новым заветом, псалтирь и еврейские молитвенники. А, может быть, вам покажут даже какой-либо сборник переведенных на русский язык поучений известного ученого раввина, подаренный домохозяину в благословение, посетившим его евреем: иногда вы встретите там и рукописный свиток Торы с приложенным раввинским удостоверением о его верности. Если взгляните на двери, то на косяках вы увидите мезузу, т. е., свернутый кусок пергамента, на котором написано несколько стихов из Второзакония. Над дверями, окнами, отверстиями в печах и над кроватями хозяев, непременно вы заметите шир-гемалоты с написанными на них псалмами, с ангелами и серафимами. Эти вещи охраняют геров от всех бед и напастей, от злых людей и нечистых духов. В домашней своей жизни геры столь же строго следят за точным исполнением всех требований торы и талмуда, как и самые верные своей религии евреи. Древне-еврейского языка многие из них не знают, но читать Библию

могут все. На этом-же языке они читают псалмы и свои молитвы, хотя читаемое остается для них только пустыми звуками. Весьма строго следят они за точным выполнением всех требований еврейского ритуала, относительно праздников и соблюдения субботы. Правила относительно пищи – кошера и трефа – для них имеют значение непреложных законов и нарушение их считается одним из самых тяжелых грехов. Ради этого, они имеют своих особых «ученых резаков» – шохетов, маргашей и менагров. Раввинами своими они всегда избирают природных евреев, которые не только совершают богослужения, но и следят за поведением всех членов общины. В общем, закавказские геры очень напоминают собою древних фарисеев и книжников.

Второй толк жидовствующих нашего времени составляют, собственно, субботники. Общие догматические верования у них те же иудейские, что и у геров; но они не выполняют с такою точностью, как геры, всех обрядов, требуемых талмудом. По еврейски они даже и читать не умеют: Библией и молитвенниками пользуются только на русском языке. Некоторые совсем не признают талмуда; смеются даже над его правилами, запрещающими есть лучшие части (трафные) зарезанных животных («это все талмуд проклятый», – говорят они)[205], имена новорожденным дают по православному календарю. Законов о пище субботники почти не придерживаются, да и субботу соблюдают не особенно строго: не признают, например, правил талмуда о «субботнем пути» *(эйрува)* и, если нужно куда пойти или ехать далее двух тысяч шагов от дома, то они идут и едут, не стесняясь. Если нужно пронести какую-либо тяжесть вне собственного двора, то пронесут так же, как и в будень: в субботу продают и покупают, так же не стесняясь. Известный знаток Кавказа Максимов пишет, что он видел свадебный поезд субботников и уверяет, что «по виду, он был совершенно русский: те же сытые и пьяные рожи, те же волосы в скобку, только ермолки на головах напоминали, что это не русские крестьяне. Субботы и праздники свои жидовствующие этого толка проводят так же, как русские проводят свои праздничные дни: не работают, и гуляют, т. е.

пьянствуют и развратничают». Геры смотрят на субботников неодобрительно; отчасти – со скорбью, как на погибающих для царства, имеющего прийти Мессии, отчасти – презрительно; дочерей своих они стараются не выдавать в замужество за субботников, но не но презрению, а, скорее, опасаясь, чтобы они их не развратили своим равнодушием к правилам талмуда; посетив дом субботника, гер не съест в нем куска хлеба, не выпьет стакана воды, так как он не уверен в том, что ему подадут кошер и что посуда, также, кошерная. «Мы, – говорят о себе геры с гордостью, – чистые талмудисты, а субботники, надо полагать, придерживаются караимского учения»[206]. Геры стараются даже забыть, что когда-то, лет 50–60 тому назад, они составляли одно целое с субботниками.

Третий толк субботников в Закавказье составляют *караимиты* или, как их, обыкновенно, называют, «*караимы*». Характеристическая особенность их состоит в том, что, подобно караимам, они не признают совсем талмуда, а признают лишь одно Пятикнижие Моисея: но и требований Пятикнижия они не выполняют со всей точностью, потому что не совершают даже обрезания над собою и своими детьми. Между субботниками и караимитами существует непримиримая враждебность. Геры просто ненавидят караимов и всячески стараются вредить им; в свою очередь, не остаются в долгу и караимиты: при каждом удобном случае они показывают герам свое презрение; так, например, если какая-нибудь крайняя небходимость заставит гера побывать в доме караимита, то, наверное, и пол в доме, и ту скамью, на которой он сидел, будут обмывать водою и даже – с мылом, – тотчас по его уходе.

Есть еще один толк закавказских жидовствующих, но он исчезает, не успев выразиться в определенные формы. Это – *назареи*, в небольшом числе проживающие под Шемахой; они очень скрытны; а потому, их вероучение и жизнь до сих пор остаются мало известными. Вот, что с большим неудовольствием рассказывали о них С. В. Максимову[207] коренные молокане: «Отрастили себе эти люди длинные волосы (стригутся только раз в год), прозвали себя назареями, не верят в воскресение мертвых, с виду кажутся кроткими и

смиренными, принижение такое оказывают... А станешь вникать да разбирать, опять (как и у прыгунов) в дело замешали бабу; на бабу последователей ловят и на ней, опять, что и прыгуны, веру хотят постановить. Нет у них супружества, а всяк живет с кем хочет и может. И странное дело творится с тем, кто их послушает: станет тот человек задумываться, начнет людей бегать, искать уединения. Двое совсем даже с ума сошли. Один из них встанет столпом, да и смотрит на солнышко с открытыми глазами, сказывает неведомо что. Понять не можем. Вправду ли делают так, или нарочно штуки производят для страха и почитания».

Жидовствующие, проживающие в Тамбовской губернии[208], подобно закавказским и Ставропольским, также делятся на два толка: шапочников, или талмудистов, и бесшапочников, или караимитов. Различие между ними почти такое же, как между закавказскими герами и караимитами. *Шапочники* – это те же геры, или евреи: они во всей точности выполняют требования не только Моисеева закона, но и талмуда: в лице, имеющего прийти Мессии, они ожидают появления могущественного царя – восстановителя земного царства израильского в Палестине; молятся непременно в ермолках, в доме сидят в шапках (откуда их и название). *Бесшапочники* не только не ожидают Мессии, как земного царя, но и смеются над таковыми ожиданиями талмудистов; молятся они с открытыми головами.

Астраханские жидовствующие так же разделяются на два толка – талмудистов и караимитов.

Жидовствующие встречаются нередко в Сибири. Но особенно их много в Иркутской губернии – в селениях: Зиме, Балаганского округа и Тайтурке, Иркутского округа. В Зиме их насчитывается до 600 человек, в Тайтурке – около 100. Здесь, они разделяются на два толка: геров и субботников.

В Минусинском округе, Шушенской волости, в деревне Юдиной живут вместе с молоканами-воскресниками и субботники, которых насчитывают до 750 человек. Они отвергают талмуд, обрезаются, признают только Иегову, считают Христа пророком, ожидают Мессию, подразумевая под этим именем водворение правды на земле, царство духа,

разума и свободы; смеются над евреями, ожидающими Мессию – земного царя, при котором они будут первенствующим народом и «начнут кататься, как сыр в масле»; трефного не едят[209].

В последнее время (с 1905года) снова поднялся среди закавказских жидовствующих дух прозелитизма. Их миссионеры свободно разъезжают по всем внутренним губерниям, для проповеди своего лжеучения. Таким образом, жидовствующие появились уже в Киевской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской и друг. губерниях.

Вероучение и богослужебный культ жидовствующих

Уже из сказанного о происхождении и распространении секты жидовствующих настоящего времени можно видеть, в чем, в сущности, состоит лжеучение этих сектантов. Поэтому здесь мы представим его только в кратко изложенной системе. Жидовствующие совершенно отвергают книги Нового Завета, как источник верований; они придерживаются лишь Св. Писания Ветхого Завета, но с особенным уважением относятся, впрочем, только к пятикнижию Моисея и псалмам Давида. В свое оправдание, они, обыкновенно, приводят такое рассуждение: «когда в доме есть старший, то меньшему не следует распоряжаться; стало быть, при существовании старого завета – новый неуместен»[210]. При этом, более сведущие из них ссылаются на те места в книгах Св. Писания Ветхого Завета, где говорится о неизменяемости Божьей и об установлении завета вечного. Из этих мест чаще всего жидовствующими приводятся следующие: Исх. 12:14: «да будет вам день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во [все] роды ваши; как установление вечное празднуйте его»; Исх. 27:21: «Это устав вечный для поколений их от сынов Израилевых»; Исх. 28:43: «Это устав вечный, [да будет] для него и для потомков его по нем»; Лев. 6:18, 22: «Это вечный участок в роды ваши из жертв Господних… Это вечный устав Господа»; Лев. 7:36: «Это вечное постановление в роды их»; Лев. 10:9: «Это вечное постановление в роды ваши». (Срав. 24:3). Кроме того, жидовствующие сектанты ссылаются еще на Пс. 88:4–5; Исх. 24:5; 55:3; 61:8 и не забывают слов Спасителя: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона» (Мф. 5:17–18). Наконец, жидовствующие приводят в оправдание своего лжеучения и чисто практический мотив: ссылаются на то, что само русское правительство дозволяет печатать книги Ветхого Завета. «Если бы, – говорят они, – Ветхий Завет

потерял свою силу и сделался не нужным, то правительство не дозволило бы печатать ветхозаветных книг»[211].

Отрицая всякое значение Св. Писания Нового Завета, и усвоив раввинское толкование ветхозаветных книг, жидовствующие сектанты с решительностью отвергают учение Православной Церкви о Боге, Троичном в Лицах. Они веруют только в одного Бога, сотворившего небо и землю, Иегову. В оправдание своего верования, они, обыкновенно, приводят слова Втор. 6:4: «Слушай, Израиль, Господь Бог наш , *Господь един есть»,* причем, отмечают, что на эти слова ссылался и Сам Иисус Христос (Мк. 12:29). Этого, впрочем, мало. Признавая единого Бога, они, как и евреи, считают Его только своим Богом: «христианский Бог», говорят они – не истинный Бог». Впрочем, в Тамбовской губернии есть субботники, которые еще не утратили совершенно догмата о Троичности Лиц в Боге, но извратили его: по их верованию, Лица Пресвятой Троицы не равны и не равночестны. «Мы не хулим Христа, – говорят они[212], – но нам сказали, что Он моложе Отца»… Впрочем, эти жидовствующие представляют какое-то исключение и по ним нельзя судить о верование всей секты.

Иисуса Христа некоторые из жидовствующих признают пророком, подобным ветхозаветным посланникам Божиим[213]. Тамбовские субботники говорят о Нем: «Он действительно был человек святой; но будет ли он судить мир – Бог весть еще; может быть, Бог пошлет судить пророка Илию», причем, они ссылаются на слова Мал. 4:5[214]. Зато геры не могут слышать имени Иисуса Христа, не произнесши на Него проклятия: такую ненависть питают они к христианству.

Духа Святого, как Лица Пресвятой Троицы, жидовствуюшие не признают. Под Духом Господним они разумеют только благодатную силу Божию, или проявление божественной деятельности Иеговы[215]. На все доводы православных миссионеров, они отвечают одно: «нигде в ветхозаветном писании не сказано о Троичности Лиц в Боге»[216].

Почитание Божьей Матери, ангелов и святых жидовствующие, подобно молоканам и духоборам, называют многобожием, а почитание икон – идолопоклонством. Впрочем,

писатель В. Маннов встречал на Кавказе жидовствующих, у которых он заметил нечто вроде иконопочитания: жидовствующие поклонялись и целовали изображение Моисея. Нам кажется это чем-то странным не только для геров, но и для субботников.

Далее, жидовствующие отвергают все таинства и обряды Православной церкви, не находя для них основания в книгах Св. Писания Ветхого Завета.

Наконец, субботники всех толков ожидают пришествия Мессии, но они не согласны между собою в том, как нужно представлять Мессию: одни разумеют под ним определенное лицо, которое явится на землю в виде могущественного царя и завоевателя всех царств мира; другие разумеют под ним не лицо, а наступление эпохи полного блаженства и счастья. Первые (по преимуществу, геры), понимая по своему 3-ю книгу Ездры, прямо утверждают, что славное царство Израилево будет восстановлено, как только окончится седьмая тысяча лет от сотворения мира (теперь, по их счету, идет только шестая)[217]. Но у них не хватает терпения. Они уже и теперь усматривают все признаки скорого восстановления в Палестине славного царства Мессии. «Прорыты Суэцкий и Панамский каналы; это для того, чтобы удобнее и без лишней потери времени, евреи могли собраться к своему Мессии в Палестину. Проведены железные дороги сквозь Альпы, через Балканы до Солуня и Константинополя, через Среднюю Азию и Сибирь, по Азии, Африке и Австралии. Это все у сектантов имеет одно значение: срывают горы, засыпают долины, прямят и ровняют дорогу для собрания евреев в Палестину. Усиление мореходства, усовершенствование типа морских пассажирских судов и вагонов железных дорог имеют, в конце концов, все ту же цель. Все старания техники направлены на то, чтобы евреям с большим комфортом и меньшей потерей времени собраться в Палестину, где в Иосафатовой долине будет Мессия судить все народы. Войны между государствами на руку евреям. Этими войнами «*гойские*», царства ослабляют друг друга, чтобы евреям при Мессии легче было покорить их. Все народы, мечтают жидовствующие, должны будут покориться евреям и

быть рабами у них, а евреи будут владеть домами, которых сами не строили, виноградниками, которых сами не садили, будут сосать груди царских дочерей, и знаменитейшие из гоев рады бы были дать им дочерей своих в наложницы»[218]. Жидовствующие, проживающие в с. Цареве, Пришибе и Заплавном, Астраханской губернии, еще в 80-х годах прошлого столетия решили переселиться в Палестину, ради наступающего царства Мессии. Ожидали только фарсийского корабля, который должен отвезти их в обетованную землю, бабы пекли даже в дорогу *кокурки* (сдобные пышки) и сушили сухари. Мужчины отправляли в Палестипу ходоков, вступили в переписку с бароном Ротшильдом; столпившись кучками на площади, обсуждали вопросы о дне переселения, прямо на земле чертили план Палестины и уже делили ее между собой. В 1903 году, жидовствующие Тамбовской и, смежных в ней, губерний, продали свои дома, скот и все имущество, бросили свои земли и отправились в Палестину, чтобы не опоздать вступлением в царство Мессии, но, истратив там все свои деньги, нищими и голодными возвратились на родину[219].

Общественное богомоление жидовствующих еще не имеет твердо установившегося «чина». Только у геров и талмудистов, которые не скупятся жертвовать большие деньги на содержание настоящих еврейских «ученых» раввинов, богослужение совершается по определенному еврейскому ритуалу. Что же касается обыкновенных субботников, которые избирают «наставника» из своей среды и пользуются Библией на русском языке, то у них все моления состоят только из пения и чтения псалмов, по произвольному выбору «наставника», а напевы заимствуются из русских народных песен. Священник Тамбовской епархии Богословский[220] так описывает моление талмудистов-шапочников: «При входе моем в молельню никто не обратил на меня внимания… Народу было немного; всего 13 чсловек: 6 мужчин и 7 женщин: детей не было и, говорят, дети у них редко ходят на моления. Впереди, в первом ряду, стояли мужчины, а позади, во втором ряду – женщины. В ряду с мужчинами стоял и «настоятель» их – только у стола. Все они стояли, обращенными лицом в югу (т. е. к Палестине), в шапках,

с приложенными к груди руками, в обыкновенной крестьянской одежде, не исключая и «настоятеля». Все богослужение состояло из чтения псалмов и, преимущественно, таких, содержанием которых служит прошение о прощении грехов и вопль кающихся грешников Особенным тоном начиналось и оканчивалось чтение каждого псалма. Каждый псалом заканчивался хоровым пением слова «аминь», с поклоном до земли. Тон чтения протяжный, заунывный. Не много было пения. Пропеты были ими, с воздеянием рук, слова: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф». Во всем отправлении богослужения заметна имитация действиям настоятеля, благодаря чему, их моление носит на себе характер стройности. По окончании моления, настоятель обратился с поклоном к молящимся, тихо сказал: «Бог благословит вас»; те ответили ему так же – поклоном. В молельне особых книг и рукописей не было, кроме славянской Библии и других книг ветхозаветных».

Иное впечатление от богомоления жидовствующих вынес ставропольский протоиерей Орлов. Посетив вечернее субботнее богослужение жидовствующих в с. Высоцком, Ставропольской губернии, он пишет о нем следующее: «Когда я подходил к дому государственного крестьянина Григория Федюшина, где у них синагога, то еще со двора были слышны нестройные голоса нескольких чтецов. При входе в дом, меня поразило, прежде всего, то, что мужчины все стояли в шапках. В переднем углу висело несколько полотенцев; на столе лежала Библия (стереотипное издание Российского Библейского Общества) и горел огарок стеариновой свечи. Вот и вся обстановка места, назначенного для богослужения. Мужчины стояли впереди, за ними женщины, а в задней части избы на печке и на лавках сидели малолетние дети, еще недавно крещенные в православной церкви. Когда я вошел в избу; человек пятнадцать (мужчин и женщин) продолжали чтение псалмов на разные лады: одни читали быстро, псалом за псалмом, другие медленнее, а некоторые едва не по складам; те – ровным голосом, и, иные – наподобие того, как читается псалтирь по умершим. При таком одновременном чтении многих чтецов, почти ни одной мысли нельзя было уловить; заметно было

только, что, когда чтец дойдет до окончания кафизмы, то пропускает молитвы, напечатанные после кафизм, и начинает следующую кафизму. По множеству собравшихся на моление, и по тесноте избы, было очень душно и пот лился со всех градом, но никто не смел утереться, потому что это был бы труд, запрещенный в субботу. Никто из присутствующих никаким знаком не выражал того, что стоит на молитве; все стояли чинно и с соблюдением строгой тишины, нарушаемой только голосами чтецов, да криком младенцев, которых матери потихоньку утешали грудью. Когда некоторые чтецы окончили чтение кафизм, а другие, медленно читавшие, еще далеко были от конца, раввин (отставной солдат Федот Первицких) начал канонархать 143-й псалом: «Хвалите Господа с небес»; вслед за произнесением им стиха, помощник раввина (крестьянин Даниил Черных) начинал петь, а за ним и все мужчины, и, таким образом, пропет был весь псалом. Напев совершенно был подобен напеву общеупотребительных народных песен и самые приемы запевалы и певчих, следовавших за ним, так же похожи были на приемы песенников. По окончании псалма, все подняли руки вверх и пропели тем же напевом: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея». Затем все поклонились раввину в пояс, чем и окончилось моление их».

Миссионер К. Попов посетил молитвенное собрание субботников в Астраханской губернии. Моление происходило в простом сарае, где за перегородкой находились и животные. В углу стоял стол, покрытый бумажною клетчатою скатертью. На столе лежала большая славянская Библия с Новым Заветом, который субботниками признается человеческим произведением, составленным, по их мнению, «из бесед человека Иисуса, и Его неразумных последователей, наделивших своего Учителя, по своей слепоте, божественными свойствами». Вокруг стола стояли скамьи – сидения для «патриархов», как называют жидовствующие своих стариков. Поодаль от стола, были расставлены скамьи для женщин и детей. Собрание было немноголюдно; всего было не более 20-ти человек обоего пола. Мужчины стояли около стола и пели

псалмы; им вторили и женщины, стоявшие поодаль от мужчин. Одни из женщин держали на руках грудных детей, другие поглаживали по головкам, сгруппировавшихся вокруг них, малюток; тут же стояли и девушки. Мужчины и женщины молились с покрытыми головами. У мужчин заметна попытка драпироваться в одежды библейского фасона. По словам Попова, богослужение субботников состоит из трех частей: пения псалмов, собственно, молитв, т. е., чтения молитв, заимствованных из Библии, и толкования Библии. Порядок молений определен для четырех служб – вечерни в пятницу, под субботу, и трех субботних служб – утрени, обедни и вечерни. Порядок псалмопения и чтения молитв изменяется только на таких праздниках, как пасха, кущей, посты и т. п. Это изменение состоит только в подмене псалмов и чтений, приличествующих времени. Псалмы поются на разные мотивы – веселые, важные и протяжные, не полностью, а только несколько стихов из псалма, как и у молокан, а остальные стихи читаются. Пение заключает в себе много элементов музыки простонародных песен. При пении псалмов, все присутствующие поднимаются со своих мест. Наставник, обыкновенно, объявляет номера псалмов, предназначенных к пению; читает стих или часть его; запевала начинает петь этот стих; к нему присоединяют голоса все присутствующие. По окончании псалма «Благо есть славословить Господа», все субботники кланяются друг другу и богослужение оканчивается. При входе в молельню, субботники кланяются, обыкновенно, столу, за которым сидят старики. Поклоны делаются и в том случае, если кто-либо выходит из собрания по какой-либо надобности, и снова входит в молельню. Летом на утреннее моленье, субботники начинают сходиться с 6-ти часов утра и свои религиозные упражнения продолжают часов до 11-ти; на вечернее моление они собираются с 3-х часов по-полудни и в молитве заканчивают праздник «святой субботы» уже с заходом солнца[221].

В прежнее время, раввины, или настоятели, служили у жидовствующих безвозмездно. Но потом стали отказываться, при избрании, от своей должности, указывая на то, что они отрываются от работы и терпят убытки в хозяйстве; вследствие

этого, некоторые общины в настоящее время обеспечивают своего настоятеля содержанием, а в других, за каждое молитвословие или требу они получают от своих «прихожан» добровольное вознаграждение денежными и материальными приношениями; но есть общины жидовствующих, в которых установлена точная такса вознаграждения настоятеля за каждую «требу»: за обрезание – рубль, за брак – два рубля, за погребение – рубль[222].

У жидовствующих, их настоятели, или раввины, пользуются чрезвычайным вниманием, уважением и почетом: без его благословения сектанты ничего не предпринимают и не делают не только в религиозном, но и в хозяйственном быту.

Жидовствующие сектанты чтут все еврейские праздники и посты. Пасху, или «дни опресноков», они празднуют в течении недели, начиная с 14-го марта[223]. (Караимы – с 13-го марта). Перед наступлением этого праздника, они тщательно осматривают свои дома, чтобы в них нигде не осталось и крохотки квасного хлеба, и запасаются на всю неделю пресными лепешками или мацою, кроме которой они употребляют в это время в пищу еще только горькие травы: лук, чеснок, перец и редьку. Не меньшим уважением пользуется у них праздник, называемый судным днем (в сентябре месяце), когда, по их верованию, Бог произносит Свой суд над ними за их поведение в течение всего прошедшего года; этот день они, обыкновенно, проводят в строгом посте и молитве, слушая наставления раввина, которого на сей раз они именуют даже «первосвященником»[224]. В праздник пурима они воспоминают патриотический подвиг Мардохея. Праздник Кущей они проводят в палатках, украшенных зелеными ветвями. В этот праздник жидовствующие допускают употребление вина даже маленькими детьми; устраивают пляски и наслаждаются светскими веселыми песнями. В праздник Труб они вспоминают взятие Иерихона и т. д. Празднование субботы начинается у них с заходом солнца в пятницу и продолжается до захода солнца в субботу. Геры и талмудисты соблюдают все мелочные требования талмуда относительно того, как еврей должен вести себя в этот день. Пост жидовствующие сектанты полагают в

совершенном воздержании от пищи в течении целого дня. В день поста они разрешают себе принятие пищи только по заходе солнца.

За исключением караимитов, все жидовствующие принимают обрезание. Совершает его, обыкновенно, раввин, или «настоятель»; впрочем, в Ставропольской губернии есть общины жидовствующих, в которых обрезание над младенцами, в 8-ой день по их рождении, совершают матери, оправдывая себя примером Сепфоры, жены Моисея. Относительно самого способа обрезания, жидовствующие сектанты не вполне согласны между собою: одни требуют полного обрезания, другие же считают достаточным, в виде, символа, обрезывать только часть крайней плоти (препуции)[225].

Брак у жидовствующих совершается по примеру Товита, т. е. без всяких церемоний и обрядов. Только отец принимает молодых, непременно, полулежа, как и подобает родоначальнику, подражающему ветхозаветным патриархам; поблагословив их, он, или раввин, читает при этом повествование о женитьбе Товита. Сыновья жидовствующих женятся, обыкновенно, очень рано и берут себе жен по указанию матери[226]. Жидовствующие сектанты дозволяют себе иметь по две и по три жены: но, опасаясь преследований оо стороны русского правительства, многоженства у них почти не бывает[227]. Геры значительно усложнили обряд бракосочетания и совершают его по примеру евреев-талмудистов, с пением подходящих псалмов, причем, составляется формальное удостоверение о совершении брака с рукоприкладством двенадцати свидетелей[228].

Расторжение брака, как у геров, так и у субботников не соединено ни с какими препятствиями и совершается почти по произволу мужа. Вполне достаточным поводом к расторжению брака может служить, напр., то, что у жены слышится дурной запах изо рта. По смерти брата, неженатый брат обязан жениться на его вдове, чтобы продолжить его семя.

Погребение усопших у живдовствующих происходит таким образом. Близкие родные к умершему не прикасаются, ибо такое прикосновение у жидовствующих сектантов, как и у

евреев, считается осквернением. В дом умершего приглашаются, поэтому, посторонние лица, которые омывают мертвеца, (иногда даже с мылом), одевают его в смертную рубаху (китель) или в белый саван (талес), которым закрывается все тело его, с головы до ног; руки его должны быть протянуты по бокам. Странный обычай существует у караимитов: выносить умирающих перед смертью на двор, где они и должны умереть; делается это не только летом, но и зимою. И горе тому хозяину-караимиту, у которого умрет кто-либо в самой избе: тогда покойника для погребения на кладбище уже не выносят в дверь, а вытаскивают в окно; избу все оставляют на несколько дней, потому что она считается оскверненной; впоследствии, ее всю тщательно омывают[229]. Но этот бесчеловечный обычай не встречается ни у геров, ни у субботников. Погребение умершего совершается на второй или на третий день. Но все время пребывания покойника в доме, над ним читается псалтирь, а родственники, по примеру евреев, сидят у гроба на полу, посыпанном землей[230]. Жидовотвующие сектанты, как и евреи, не делают для каждого умершего отдельного гроба; они погребают своих покойников без гробов и, притом, в сидячем положении, лицом на юг. У них употребляется гроб только для переведения мертвецов на кладбище и потому, на всю общину у них существует только один гроб, или даже простой ящик. Погребальная процессия не сопровождается ни пением, ни чтением. Сектанты идут в шапках. Над покойником родные, большей частью, только дети его, плачут тихо, без причитания, и не голосят. В самый день погребения, в доме умершего никаких обедов не бывает. Поминовение совершается только на 8-й и 40-й дни, когда устраивается и поминальная трапеза, состоящая из блинов, хлеба, мяса и т. п.

Нравоучение жидовствующих

– ограничивается десятисловием Моисея, которое все сектанты, с семилетнего возраста, должны знать на память с буквальной точностью. Геры и талмудисты в исполнении его руководствуются всеми истолкованиями талмуда, особенно, что касается исполнения четвертой заповеди. В этом отношении они, как и евреи, мелочны до смешного. Тяжким грехом считают произнести имя Божие. После захода солнца в пятницу не зажгут у себя свечи: зажигают ее до захода солнца или просят об этом кого-либо из православных; в субботу считают каждый свой шаг, из опасения, чтобы не сделать более двух тысяч шагов; во время путешествия, на целые сутки останавливаются там, где застанет их суббота; платить деньги в субботу считают грехом, а получать деньги с должника – греха нет и т. п. С особым уважением относятся жидовствующие к книге премудрости Иисуса, сына Сирахова за те мудрые практические наставления, которые в ней содержатся, и учат, что ими, по преимуществу, нужно руководствоваться в жизни; они ставят наравне с Притчами Соломона. С единоверцами они живут мирно и усердно поддерживают их во всех затруднениях и нуждах; но к православному населению, как и их руководители-евреи, они питают крайнее нерасположение и вражду[231]. Слова Божии о любви к ближнему (Лев. 19:17–18) они понимают в смысле истолкования талмуда, по которому под ближним еврей должен разуметь только еврея.

Краткие замечания о лжеучении жидовствующих

Как мы сказали уже, верования жидовствующих, в сущности, совпадают с верованиями современных евреев-талмудистов. Поэтому все, что можно возразить против вероучения талмудистов-евреев, то имеет свое полное значение и по отношению ко лжеучению жидовствующих сектантов. Тем не менее, на практике оказывается, что вести миссионерскую борьбу с жидовствующими несравненно труднее, чем даже с самими талмудистами-евреями. Жидовствующие – люди простые и умственно невежественные. Даже те, которые читают Библию по-еврейски, не понимают ее, потому что они знают только еврейские буквы, но не еврейский язык. Мало этого. Они даже боятся понять читаемое в Библии. Исследователь их быта и верований А. Майнов пишет о них: «Старшие в семье читают Ветхий Завет, каждый у себя на дому, без комментария, чтобы не дать поблажки разуму»[232]. Невежество жидовствующих заставило их безусловно подчиниться авторитету раввинов и настоятелей. Они выполняют их указания, без всякого рассуждения, и не давая себе никакого отчета в том, что они делают и зачем они это делают. Мудрость талмуда они считают недоступной, по своей возвышенности, для обыкновенных людей. Настоятель, выдающий себя за знатока еврейского талмуда, в глазах гера или субботника, является уже человеком необычайным, посланником Божиим, святым. Поэтому простые члены секты жидовствующих никогда не вступят в собеседование о вере с православным миссионером или же будут пропускать слова его мимо ушей. «Мы ничего не знаем; мы люди темные, – так, обыкновенно, говорят рядовые сектанты-жидовствующие: вы побеседуйте об этом с нашим настоятелем или раввином». Но с настоятелем беседовать мудрено и весьма затруднительно. Он будет говорить с вами только языком талмуда, любуясь его софизмами и экзегетическими ухищрениями. Поэтому, не изучив наперед талмудических мидрашей (толкований), нельзя беседовать ни с еврейским раввином, ни с субботническим

настоятелем. Но и знание талмуда небольшую помощь может оказать миссионеру, потому что толкования его произвольные и наивно-детские, вследствие чего, именно, они и слишком трудны для опровержения. Возьмем пример. Вы беседуете с субботническим настоятелем или раввином об отрицании ими Нового Завета. Равнин вам укажет на приведенные нами выше тексты из Пятикнижия Моисеева. Разобравши эти места, вы покажете, что воля Божия, сама в себе, – неизменная, проявляется в различных формах, в зависимости от отношения человека к Богу, о чем так обстоятельно говорит Сам Бог через того же Моисея, во Втор. 28, и затем, если вы, в подтверждение своих слов приведете и прямое доказательство из пророков, что Бог действительно обетовал дать Новый Завет, то раввин непременно постарается отделаться от вас какой-либо побасенкой из талмуда. Так, у пророка Иеремии, Господь ясно творит: «Вот, наступают дни, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их» и т. д. (Иер. 31:31–33). И что же? Раввин признает, что это пророчество мессианское; но прибавит, что оно относится к Мессии, который еще придет, ибо реббе бен-Ионафан сказал реббе бен-Иоханану, что Мессия придет; когда исполнится семь тысяч лет… Вы будете настаивать, что, когда бы Мессия ни пришел – но Бог исполнит Свое обещание: даст людям новый завет. В ответ на это, раввин будет уверять, что раввин Иоханан сказал раввину Ианафану, что этот новый завет есть сам Мессия. В таком же роде будет ведена беседа о Троичности Лиц в Боге, о Мессии и Его царстве и т. п. При этом, на основании талмуда, раввин будет доказывать, что где-то есть страна Медеш, которой никто из людей не знает, потому что она невидима, что там живет Мессия с преданными ему тысячами израильтян, но, что все они невидимы, а потому, их никто и знать не может, и что обо всем этом ясно говорится только в талмуде. Затем он станет читать целые трактаты из талмуда и, если заметит, что вы не знаете древне-еврейского языка, он перед вами заявит, что с вами беседовать нельзя, потому что, не зная еврейского языка, вы ничего не знаете и понять ничего не можете. Только снисходительный раввин дозволит себе

приводить места талмуда в переводе на русский язык. Жидовствующие сектанты, благоговеющие перед авторитетом талмуда, естественно, всегда станут на сторону раввина, который в своей речи ежеминутно опирается на талмуд. Ко всему этому, нужно еще прибавить, что жидовствующие убеждены, что мудрецы говорят только на еврейском языке, и что высшая мудрость человеческая состоит в знании талмуда.

В последнее время, жидовствующие, особенно субботники и караимиты, стали несколько уступчивее и с большим, чем прежде, уважением относятся к русскому языку: они даже начинают вступать в беседы с православными миссионерами. Но, вот, что говорит *о.* Тифлов, миссионер опытный и хорошо знакомый с приемами жидовствующих настоятелей. «Сектанты любят зачитать миссионера пророческими книгами. Раз, покойному о. В. Шапошникову прочитали целую книгу и больше не захотели беседовать. Нам однажды заявили они намерение прочесть все Второзаконие. Чем менее, т. е., короче чтение, тем лучше. Следует прочитанное ими, при помощи наводящих вопросов, разобрать, уяснить смысл не только для слушателей, но и для собеседников. Надо помнить, что сектанты ссылаются и на неканонические книги, напр., Варуха и 3 книгу Ездры, и признают то и в том виде, что и в каком виде входит в русско-еврейскую библию венского издания. Следует миссионеру хорошо ознакомиться со сборником молитв для караимов, и с *Сидер,* или молнтвенником для талмудистов. Первая из книг издана на русском, а последняя – на русском и еврейском языках – для этих сектантов. Надо знать и талмуд Переферковича. Предметами для бесед с сектантами могут быть, преимущественно, такие пункты: 1) невозможность спасения в настоящее время по закону Моисея и по примеру Товита, трех отроков в Вавилоне и Даниила; 2) пришельцы; 3) рассеяние евреев; 4) собрание евреев; 5) перемена праздников; 6) перемена законов; 7) перемена народа; 8) о Мессии (время Его пришествия, благословение Иаковом Иуды, видение истукана, седмины Даниила, в какой храм должен прийти Мессия, рождение от Девы, жизнь и страдание Его»[233].

К сказанному, мы должны прибавить, что один из самых существенных пунктов для миссионерских собеседований с жидоветвующими, есть уяснение понятия о Троичности Лиц в Боге, на основании ветхозаветного Божественного Откровения. Затем, если миссионер сумеет расположить жидовствующих к собеседованиям, он может раскрыть перед ними, на основании ветхозаветного Св. Писания, всю евангельскую историю, приблизительно, по следующей программе:

1) Мессия – семя жены (Быт. 3:15);

2) Время пришествия Мессии; а) пророчество Иакова (Быт. 49:8–10); б) пророчество Даниила (Дан. 9:24–27); в) пророчество Аггея (Агг. 2:6–10) и г) пророчество Малахии (Мал. 3:1);

3) колено, из которого должен произойти Мессия: а) Мессия – потомок Авраама (Быт. 22:18); б) потомок Исаака (Быт. 26:4); в) потомок Иакова (Быт. 28:14); г) Мессия произойдет от колена Иуды (2Цар. 7:11–16; Пс. 88:36–38: Ис. 11:1–3; 11:10; Иер. 23:5–6; 33:15–16; Иез. 34:23–24);

4. Место рождения Мессии (Мих. 5:2);

5. Образ рождения Мессии (Ис. 7:14);

6. Мессия – Бог и человек (Иер. 23:5–7; 33:14–16; Пс. 2:7, 44:7–8; 109:1, 3; Ис. 7:14; 9:6; 40:3, 10; Мал. 3:1; 4:2);

7. Мессия – пророк (Втор. 18:15; Пс. 2:7–12; Ис. 2:2–4; 42:6–7; 49:6; 52:10; 55:3–6; 61:1, 12 и др.; Иер. 31:31–35; Мал. 1:10–11);

8. Мессия – первосвященник (Пс. 109:4; Ис. гл. 53);

9. Мессия – царь (2Цар. 7:16; Пс. 2:3; 44:4, 8; 71:8–11; Ис. 9:6–7; 11:5–8, 10; 52:7, 10; 60:6; 61:5 и др.; Иер. 23:5–6; Иез. 34:23–26; Наум. 1:15; Зах. 9:9–10; Мих. 4:3–4; 5:2 и др.);

Разные обстоятельства из жизни Мессии:

1. Мессия будет иметь Предтечу: Мал. 3:1; Ис. 40:35;

2. Ему принесут дары и поклонение: Пс. 71:10–11; срав. Ис. 60:6;

3. На него сойдет Дух Святый: Ис. 11:1–3; 42:1; 61:1;

4. Он начнет проповедь в Галилее: Ис. 9:1–2;

5. Будет проповедовать в притчах: Пс. 77:2;

6. Мессия будет творить чудеса: Ис. 35:3–6; 26:19;

7. Войдет в Иерусалим на жребяти: Зах. 9:9;

8. Будет предан учеником: Пс. 40:10;

9. Будет предан за 30 серебреников: Зах. 11:12–13;

10. Восстанут против Него лжесвидетели: Ис. 34:11–12; 40:8–9;

11. Подвергнут Его осмеянию и унижению: Пс. 21:7;

12. Будет заушен и оплеван: Ис. 50:6;

13. Его осудят на смерть: Пс. 93:21;

14. Пронзят Его руки и ноги: Пс. 21:17; Зах. 12:10;

15. Мимоходящие поругаются Ему: Пс. 21:8–9;

16. Разделят одежды Его по жребию: Пс. 21:19;

17. Подадут Ему оцет с желчью: Пс. 68:22;

18. Во время страданий, Он будет кроток: Ис. 53:7;

19. Будет молиться за врагов: Пс. 108:1–5;

20. Умирая, воззовет к Отцу: Пс. 141:2–4;

21. Померкнет солнце, потрясется земля: Ам. 8:9; Агг. 2:7;

22. Мессия низойдет во ад: Пс. 15:10;

23. Воскреснет: Пс. 70:20; срв. 48:16; 3:6;

24. Воскреснет в третий день: Ос. 6:2;

25. Вознесется на небо и сядет одесную Бога: Пс. 67:19; 109:1; ниспошлет Св. Духа на верующих: Иоил. 2:28. Господь наш Иисус Христос и Св. Апостолы навсегда останутся наивысшими образцами для православных миссионеров: а они, доказывая, что Иисус Христос есть истинный обетованный еврейскому народу Мессия, ибо на Нем со всею точностью исполнились все ветхозаветные пророчества (Ин. 5:39; Лк. 4:17; 24:27; 2Пет. 1:16–21; 3:2; Деян. 10:43; 24:14; Рим. 3:21; 1Кор. 15:3–4 и др.), таким образом приобретали для Царствия Божия неверующих иудеев.

4. Прыгуны и скакуны[234]

Сухость и однообразие молоканских богомолений были причиной того, что из молоканства в 50-х годах прошлого века многие выделились, усвоив хлыстовские радения и основав, таким образом, секту прыгунов, сопунов или *сканунов,* которые, впрочем, сами себя называют только «духовными христианами», «сионцами», «веденцами», так как хлыстовским способом они достигают (будто бы) «ведения духа». Главные гнезда их находятся на Кавказе – в Пришибе, Астраханке, Андреевке, в предместье города Ленкоране[235], на Амуре[236] и в Самарской губернии. Основателем этой секты был известный своим распутством и безнравственностью молоканин Лукьян Петров Соколов, беглый выходец из Молдавии, скрывавшийся среди молокан под именем Савелия, от преследования правительства. В 40-х годах прошлого столетия между молоканами было сильно распространено ожидание наступающего второго пришествия Спасителя. Предполагали, что Христос явится на какой-то горе у персидской границы. Лукьян воспользовался этим настроением своих единоверцев, и в 1836 году торжественно объявил им, что он Христос, пришедший на землю, чтобы судить род человеческий. Избрав из подобных себе беглых выходцев двух крестьян, он назвал одного Енохом, а другого Илиею, а нескольких молодых и красивых молокан – ангелами, и послал их пред собою по селам и деревням проповедовать о своем пришествии. Многочисленные толпы легкомысленных молокан с восторгом спешили встречать мнимого спасителя и с полным доверием и благоговением выслушивали его проповеди. Лукьян убеждал своих слушателей оставить всякие работы, одеваться в праздничные одежды и идти за Кавказ. «Настало время, – говорил он[237], – бежать вам из страны северной; настало царство мое; с вами тысячу лет будем царствовать. Собирайтесь в одно место: я явлюсь между вами и имя мое не прозовется Лукьян, а Христос-спаситель». При этом, по его приказанию, молокане снесли к нему все движимое имущество,

отдали ему свои деньги, и большими группами отправились на Кавказ под его предводительством. Продолжительный путь, тоска по оставленной родине и неизвестность будущего побудили некоторых задуматься над вопросом, правду ли говорит Лукьян, что он – Христос. Один раз эти простодушные путешественники даже взбунтовались против своего лжехриста, решили возвратиться на родину и потребовали от него свои деньги и имущество. Напрасно Лукьян уверял, что во славе небесного царя он явится им потом, в новом Иерусалиме, и что блаженны те, кои веруют, не видя. Молокане продолжали волноваться. Лукьяну пришлось обратиться к чудесам. Ему удалось уговорить одну женщину притвориться мертвой. Когда это было исполнено и толпа подняла плач по мнимо-усопшей, Лукьян приказал своему пророку Илии успокоить плачущих. Илья простерся над мнимо-умершей, как это делал, действительно, пророк Илия, и старуха воскресла[238]. Это «чудо» убедило молокан, что Лукьян – Христос, и они со слезами просили у него прощения. Тем не менее, Лукьян предпочел, набравши у своих единоверцев деньги, бежать со своими лжепророками в Бессарабию. Сохранилось возмутительное сообщение о поведении этого развратника. «Называя себя женихом, в полуночи грядущим», он требовал чтобы ночью к нему приходили, назначаемые им, девы; и они с покорностью и с соревнованием спешили удовлетворять требованиям лжехриста; некоторые даже скорбели, если не успевали прийти в урочный час; тогда Лукьян проклинал их, и отсылал с словами: «не вем вас»[239]. Из преемников Лукьяна Соколова, как главаря секты прыгунов, следует отметить крестьянина деревни Никитиной Александровского уезда, Эрванской губернии, Максима Рудометкина, по прозванию Комаря, который, собственно, и был действительным организатором своей секты. Рудометкин воспользовался тем, что прыгуны, по внушению Лукьяна, ожидали скорого наступления тысячелетнего чувственного царства Христова, в котором они займут особое положение: 19-го декабря 1857 года объявил себя царем и даже короновал себя при большом стечении народа, причем, нашил на своей одежде нечто вроде

эполет с буквами: «Д. Ц.» (Духовных царь). Так как после этого он запрещал своим последователям платить государственные налоги и подать, идти в военную службу, повиноваться административным и судебным властям, то в 1859 году он был арестован и сослан в Соловецкий монастырь. Тем не менее, все его преемники продолжали и продолжают именоваться царями.

Верования и религиозный культ прыгунов

Прыгуны удержали без всяких изменений все догматические верования коренных или уклеинских молокан, пользуются молоканскими молитвенниками, сборниками песен и псалмами: по-молокански изъясняют все книги Св. Писания; с наибольшим уважением относятся к Евангелиям и, особенно, – к Апокалипсису. Изменения прыгуны допустили только в том, что усвоили еврейские праздники: чтут субботу, устраивая, как и евреи, свои религиозные собрания по ночам с пятницы на субботу, вместе с евреями празднуют Пасху, пятидесятницу, или кущи, судный день, трубное моление и т.п. Впрочем, у некоторых прыгунов моленья совпадают с христианскими праздниками, а иногда главари этих сектантов назначают собрания по своему усмотрениио, без всякого отношения к христианам или еврейским праздникам. Тем не менее, с пасхою прыгуны соединяют воспоминание о воскресении Господа нашего Иисуса Христа из мертвых, в которое они, будто бы, веруют. На вопрос: почему они празднуют не воскресные дни, как христиане, а субботы и праздники еврейские, они, обыкновенно, отвечают, что вовсе не подражают в этом отношении евреям, а только исполняют то, что предписано Библией. Но это объяснение не заслуживает особенного внимания, равно как и то, что в своих верованиях и жизни эти сектанты руководствуются указаниями книг Св. Писания Нового Завета, хотя правда, что на их собраниях, иногда, читают небольшие отрывки из этих книг, для чего они имеют у себя и особых начетчиков. Как на особенность прыгунов, нужно указать еще на то, что они ввели у себя исповедание грехов перед «пророком», или наставником своим, причем, исповедующиеся кладут в его пользу деньги под скатерть, которою накрыт стол.

Существенное изменение прыгуны ввели в молоканском культе, за что коренные молокане и презирают их. Так, уже Лукьян, ложно толкуя слова 50-го псалма: «окропиши мя иссопом и очищуся», ввел обычай, ко которому прыгуны во время своих молений сопут друг на друга (от чего их и

называют сопунами). На вопрос: для чего они это делают? они отвечают: «для того, чтобы очистить и облагодатствовать друг друга». Для моления они собираются в какую-либо высокую избу, ставят несколько скамеек одну на другую и молятся, стоя на самом верху, утверждая, что они молятся Богу вышнему или, что Богу удобнее принимать их молитву, чем, если бы они молились, стоя на полу. В состав прыгунских молений непременно входит, так называемое, «воскрешение дев», в память воскрешения мертвой, совершенного (будто бы) Лукьяном. Это «воскрешение дев» происходит таким образом: во время моления, избранная девица должна прийти в исступление и упасть со скамейки на пол; лежа на полу, она притворяется умершей. По назначению наставника, который во время молений представляет у прыгунов образ Христа, один из присутствующих парней сходит со скамьи на пол, и воскрешает ее. Он простирается над нею, как это сделал, сопутствовавший Лукьяну, лжепророк его Илья, и дует на нее, или целует ее. Если не удается воскресить умершую одному парню, наставник посылает другого и, если, как говорят прыгуны, этот – «по нраву умершей», то девка начинает рыдать, а потом, как бы, приходя в себя, обличает грехи каждого из молящихся, – и обличенный ею, считается получившим прощение грехов[240].

Но особенно торжественным молением, прыгуны называют то, на котором происходит у них прыгание, и которое очень напоминает хлыстовские радения. Прыгуны так же, как и хлысты, утверждают, что они на своих молениях прыгают, подражая царю Давиду, который, находясь в религиозном экстазе, «скакал из всей силы». Главным действующим лицом у прыгунов на их радениях является особый «пророк»: (он руководит ими, сочиняет радельные песни или канты, запевает их на избранный им мотив, произносит импровизированные молитвы и «пророчествует». Такими «пророками», обыкновенно, бывают люди молодые, красивые, высокого роста, сильные, хорошо сложеные, с громким и приятным голосом, умеющие петь и могущие прыгать и плясать без устали. Каждое общество прыгунов имеет своего особого «пророка», избираемого, если не единогласно, то, по крайней мере, по большинству голосов. В

помощь ему, по его указанию, назначаются две или три «пророчицы», непременно из замужних женщин, так же отличающихся красотою и бойкостью. По рассказам очевидцев, радения у прыгунов имеют неистовый, «бешеный» характер. Происходят они таким образом. В назначенную пророком избу, вечером, с пятницы на субботу, собираются прыгуны – как мужчины, так и женщины – по возможности, все, проживающие в известном селении. Каждый вошедший в дом, обязательно кланяется «пророку», а потом и всем присутствующим. Сначала соблюдается во всем строгий порядок. Все сидят чинно на своих местах; запрещается не только разговаривать, но и кашлять. Слышится только общее сопение. «Пророк» сидит, по обычаю, в переднем углу избы, за столом, на котором лежит Библия; рядом с ним – начетчик. Когда все прыгуны – не только престарелые и дряхлые, но и дети – собрались на моленье, пророк, сидя, произносит краткую молитву. Начетчик раскрывает Библию и, по указанию пророка, читает из нее небольшой отрывок; чаще всего, читается Евангелие или Апокалипсис. По окончании чтения, пророк произносит «проповедь» с целью изъяснить прочитанное, или дать наставление присутствующим. Выслушав эту «проповедь», прыгуны поднимаются с своих мест и низко кланяются «пророку», благодаря за его наставление. После этого, «пророк», по своему усмотрению, запевает или какой-либо псалом из псалтири, или радельную канту, но – заунывным, и довольно монотонным мотивом. За «пророком» поют все – и старики, и дети, и мужчины, и женщины. Окончив пение, пророк произносит молитву, в которой благодарит Бога за то, что Он открыл им свет и разум – познать Его, и наставил их достойно угождать Ему, а в заключение просит, чтобы Он умилосердился над теми, которые сидят еще во тьме, не знают Его, истинного Бога, и поклоняются идолам. Речь идет, очевидно, о членах Православной Церкви, и об их обращении в прыгунство. Молитву эту сектанты слушают, стоя на коленях, затем повергаются на землю и истерично рыдают. За отсутствием естественных слез, женщины прибегают даже к искусственному вызыванию их: натирают луком глаза, нюхают горчицу, намазывают щеки слюною.

Но самый центр тяжести в радениях прыгунов составляет, без сомнения, «выход на круг». Встав со своего места, пророк выходит на середину комнаты. Все присутствующие, чинно, один за другим, подходят к нему, кланяются ему в пояс или даже в ноги, целуют его и становятся рядом с ним, составляя круг, но – так, чтобы каждый мог всем кланяться и со всеми целоваться. Дети и подростки обязаны целовать даже ноги «пророка». Когда круг установился, все участвующие начинают «радоваться о Господе»; сначала, по почину пророка, поют песни, сочиненные самим пророком или его предшественниками, и называемые «частыми», на мотив разгульных народных песен, вроде «камаринской» или «Ах! вы, сени мои, сени». С самого начала пения этих песен, «пророк» приготовляет себя «к восприятию Св. Духа»: то он топает о пол ногою, то приглаживает свои волосы на голове, затем, все более и более «воспринимая в себя духа», он признает себя не в силах противиться его воздействию, раскачивается во все стороны и, наконец, в сильном возбуждении или экстазе начинает прыгать и кривляться, с поднятыми вверх и судорожно подергивающимися руками. «Пророчица», стоящая перед ним, так же приходит в экстатическое возбуждение и нервно подергивает плечами, пока пророк не бросается на нее, схватив ее руками и начав целовать, не переставая вокруг нее прыгать и судорожно дрожать. Все убеждаются, что «дух», воспринятый пророком, перешел и на пророчицу, а вместе с нею – и на них. Присутствующие впадают в необъяснимое безумие: кричат, прыгают, молодые бабы с мужчинами, старухи с детьми; происходит невообразимый шум и всеобщая свалка; некоторые дерутся на стену, другие вскакивают на стол, третьи лезут под печку. Когда это бешенство стихает, все чувствуют усталость, падают на скамьи. Пророк бормочет какие-то непонятные слова; прыгуны прислушиваются к ним с затаенным дыханием: они верят, что это «дух» говорит, что «пророк» пророчествует. Но и другие, помимо пророка, часто болтают разный вздор, убеждая слушающих, что их устами говорит «дух», что они получили «дар языков»… И, не смотря на все это явное безумие, прыгуны твердо убеждены, что в них может вселиться Дух Святой только

во время их неистовых радений. Известный знаток Кавказа С. В. Максимов[241], открыто симпатизирующий молоканам, свое сообщение о прыгунах заканчивает заключением: «Никогда молоканская секта не рассчитывала на такое грубое падение прямо в язычество: никогда коренные молокане не простят новому толку того, что яд соблазна он сеет с поразительным успехом и постоянством, примешавши к этому делу женщину».

Особый вид прыгунов существует в Петербургской губернии; только здесь их, обыкновенно, называют «скакунами»; сами же они именуют себя не иначе, как «членами истинного света и детьми возрождения». Эта секта имеет свою историю[242]. В 1817 году появилось в Петербурге «Общество братьев и сестриц», душою которого была полковница Буксгевден; в ее квартире (в теперешней инженерной академии, или, что то же – прежнем Михайловском замке) собирались петербургские аристократы и аристократки, и устраивали полухлыстовские радения со взаимными «святыми лобызаниями»; а в 1822 году в Коломенской части было обнаружено «общество скакунов», очень похожее на секту прыгунов. Большинство членов этого общества состояло, впрочем, из финнов; но скоро появились там и русские, по-преимуществу, мастеровые, рабочие, дворники, кухарки, горничные. В 1823 году петербургский лютеранский «епископ Сигнеус» вот что писал министру внутренних дел о коломенской (в С.-Петербурге) «секте скакунов»: «Я посетил тайное собрание скакунов в одной глухой улице в надворном доме и застал значительное число людей из черни, кои избегали дать подробное изъяснение своего учения и, вероятно, не имеют еще строго образованной системы. Они объяснялись в общих выражениях, принимают катехизис, признают Библию основанием веры и утверждают, будто бы, не употребляли никаких назидательных книг, кроме одобренных надлежащей цензурой. Они ссылались, однако же, на внушение учения и откровения свыше, которые они не хотели, да и не в состоянии были объяснить. Невнятные слова, произносимые некоторыми из них, без значения и смысла, называли внушением новых языков и тем старались действовать на легкомысленных неведущих». Дальше епископ излагает, что ему

пришлось узнать об этой секте через опрос присутствовавших на их собраниях, но к секте не принадлежавших. «Шумные восклицания, судорожные потрясения, скачки, бесстыдное обнимание и поцелуи, с диким прыганием и плясками, отличали их собрания. В них принимали преимущественное участие мастеровые лютеранского исповедания. Собрания продолжались с восьми часов вечера до полуночи, когда присутствовавшие ложились спать попарно, каждый со своей избранной. Кроме немногих исключений, мужчины были между ними – молодые, холостые люди, а женщины, по большей части – замужние, которые под конец совсем отбились от своих мужей. Говорили сначала, что между скакунами не происходило плотского сближения, хотя они предавались вольности, которую называли следствием (изъявлением) христианской любви; но, по формальному дознанию, плотское сближение не подлежало никакому сомнению». «Бесстыдство, – пишет епископ, – доходило до того, что, при окончании общественного богослужения, в воскресные и праздничные дни они позволяли себе позади финской церкви непристойные ухватки и изъявления любви ко всеобщему соблазну». В этом низменном обществе пелись под дикие пляски и скачки стихи плебейского сложения, как, напр.,

Скок, скок,
Мой миленький дружок,
Ляжем бок о бок
В темный уголок[243].

По настоятельному требованию лютеранского духовенства, это скопище разврата было разогнано; но не надолго. Скоро правительство само дозволило скакунам устраивать свои собрания[244]. После этого, секта начала быстро распространяться: скакуны появились в Ропше, а затем и в уездах: Царскосельском, Ямбургском, Гдовском и даже за пределами Петербургской губернии. Лютеранская консистория предписала пастору Грунстрему произвести новое обстоятельное дознание об этих сектантах. И вот, что оказалось, по словам Грунстрема: «По предварительному тайному извещению, скакуны собирались на свои моленья всегда ночью:

зимой – в какой-либо удаленной от жилья риге или избе, летом же – в глухом лесу. На собрания допускались и посторонние, но в присутствии их, скачек не бывает. По надлежащем приготовлении к молитве, главный наставник, стоя посередине в белой одежде, произносит импровизированные молитвы обыкновенным голосом, переходя постепенно в веселый мотив: но, когда заметит, что торжественность напева подействовала на слушателей, то начинает прискакивать; слушатели подражают ему. Восторг, увеличиваясь постепенно, выражается, возможно, высокими прыжками. Иные доходят до исступления, скачут на четвереньках и кричат почти диким голосом, причем, скачут всегда попарно, мужчины с женщинами, взявших за руки, большей частью, по предварительному согласию, и, когда уже сильно устанут и наставник объявит, что он слышит в небе пение ангелов, то на том месте ложатся спать попарно, причем, не обращая внимания даже на близкое родство, спят они после скачки довольно долго и крепко. Таинство брака, по дознанию Грунстрема, скакунами отвергается, и, если они вступают в брак, то лишь ради отклонения от себя подозрения в принадлежности к секте. Таинство крещения они также отвергают, причащение существует только по идее, и выражается в форме совершенно искаженной: ревностнейшие сосут язык учителя, другие целуются только с ним, а менее достойные, целуют его руку или ногу»[245]. Число скакунов в Петербургской губернии в половине прошлого века, было весьма значительно; достаточно сказать, что на некоторых раденьях в селах присутствовало человек по 500 и более. Виновником этой гнусной секты пастор Грунстрем считает крестьянина Петергофского уезда Иоганна Миккелева, который распространял свое лжеучение в начале 30-х годов 19-го столетия, и которого последователи признавали святым и наместником Иисуса Христа. К секте принадлежали не одни крестьяне; в числе скакунов значился какой-то тайный советник Попов, один пастор, многие аристократки, которые приезжали из Петербурга на раденья сельских скакунов в роскошных экипажах[246]. В 1825 г., правительством был образован даже особый комитет для исследования этой секты и он дал о ней

следующее заключение[247]: 1. Сектанты, эти из слов Св. Iисания «*повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком*» заключают, что они не обязаны повиноваться повелениям начальства, когда оно запрещает им распространять ложные их понятия о религии, которые воображение их представляет вдохновленными свыше; 2. По мнению их, всякий, кто бы он ни был, может проповедовать без позволения, не быв наставлен в духовный сан и не имея никакого над собою надзора: 3. По правилам их, величайшее благочестие состоит в громких воздыханиях и сетованиях, в сильных телесных потрясениях, скачках, падении на землю, вспрыгивании, пляске и распутном обращении лиц обоего пола между собою; 4. Брак почитают они противным религии, которая, по их мнению, не препятствует находящимся в супружестве питать пламенную любовь к другим, имеющим с ними одинаковые чувствования: что согласование чувств приписывают не физическим или нравственным причинам, а сверхъестественному действию. Один из них находился в плотском смешении с двумя женщинами – матерью и дочерью, а другой, отделив от общей связи слова Св. Писания: «*яко несть наша брань к крови и плоти, но к началам, и властям, и миродержателям тьмы века сего*», находил в этом изречении оправдание противозаконных поступков своего общества и побуждение к противлению светской власти и всякому, вообще, начальству». После этого, правительство решило принять против петербургских скакунов строгие меры: мужчины были сосланы в крепости, а женщины – в рабочие дома. Тем не менее, меры эти не положили преграды распространению возмутительного сектантства и не прекратили его существования.

В настоящее время, секта эта, в особенности, распространена среди чухонцев, которых не могло удовлетворить сухое и однообразное лютеранское богослужение. Главное гнездо ее находится в Петергофском уезде. Немало скакунов можно встретить на острове Даго. Проповедники их отличаются фанатической ревностью и не стесняются средствами для распространения своей «веры» среди рабочих и крестьян. «Только у одних нас лестница на

небо» – говорят они в своих «проповедях». К сожалению, догматическое учение их до сих пор остается совершенно неизвестным, по причине большой скрытности этих сектантов. Что же касается до их радений, то они имеют много общего с радениями кавказских и самарских прыгунов. Для радений, подобно хлыстам, скакуны одеваются в длинные белые рубахи, без пояса, а женщины надевают на себя, поверх обычного платья, белые, широкие и длинные кофты; головы повязывают белыми платками. Раденьями руководит особый «наставник», который распоряжается деньгами и всеми другими делами этой сектантской общины. Петербургские скакуны имеют уже довольно объемистую книгу «псалмов», ими самими сочиненных. Содержание этих псалмов довольно однообразно: сектанты только восхваляют себя и свою веру, порицая все христианские вероисповедания. Пением таких псалмов начинаются и радения скакунов. Наставник, стоявший сначала за столом, выходит на середину комнаты, вокруг него становятся все присутствующие, – и начинается общее прыганье. Каждый, изо всех сил старается прыгать, издавая при этом какие то нечленораздельные звуки, иной раз похожие на крик курицы, иногда – на лай собаки; кто ревет, кто стонет, кто воет, – все сливается в невообразимый хаос, а в общем, получается очень странная и, вместе с тем, тяжелая картина. Скачут сектанты до изнеможения; некоторые из них падают, прикрываются простыней, но, отдохнув немного, опять начинают прыгать и бесноваться. Продолжительность скакания в их глазах является особенно богоугодным подвигом. Старики и старухи или стоят по-одиночке, переминаясь с ноги на ногу, или, найдя себе подходящую пару, обнимаются и покачиваются из стороны в сторону. Секта эта распространяется быстро среди простого населения, чему много содействует и то, что она обладает значительными денежными средствами и не скупится на благотворительность[248].

Из Петербургскай губернии скакуны проникли в Смоленскую, Рязанскую, Калужскую, Костромскую, Самарскую и др. В Юрьевском уезде, Костромской губернии их обозвали телешами, нагишами, купидонами, потому что на своих

радениях они прыгают уже совершенно без всякого костюма, даже без белья, мужчины и женщины, парни и девки бок о бок. В Верхнетурском уезде их зовут ползунами, потому что на своих моленьях они не только скачут, но и ползают по полотну, которое они считают узким путем в царство небесное. О зарайских скакунах (в Рязанской губернии), Ливанов рассказывает следующее[249]: «Они ходили в церковь и причащались Св. Тайн, но имели ночные собрания под воскресные дни в особой избе, где один садился на возвышенное место, а возле него, по правую и по левую руку, размещались шесть мужчин в длинных рубахах, шесть женщин и девиц, числом около сорока, в одних исподних, без сарафанов, белых рубахах, хватаясь за руки, топали ногами по полу, дико скакали и пели песню:

Погодушка подувала.
Сине море всколыхала,
Все мосточки разорвала;
Все святые испугались…
Один Дух Святой остался
И в гусельки заиграл;
Всех он верных созывал
И в келейку собирал.…
Уж вы верны, уж вы верны,
Приидите все в моленну;
Я за ваши за труды
Золоты венцы солью,
А еще-то за труды
Золоты солью трубы.
Верны, верные-то все.
Все попарно и сходились…
Уж вы знайте, уж вы знайте,
Одевайте всяк свово.…
– Уж мы знаем, уж мы знаем.
Одеваем всяк свово.

И действительно, длиннорубашные скакуны одевали в полночь, когда тушились свечи, *всяк свово*: парень – девку, девка – парня. В собраниях своих зарайские скакуны избрали из

среды своей четырех мужчин и пять женщин, которые прыгают особенно безобразно, били себя в грудь, после чего наступало молчание и из другой комнаты выходила девица, называла себя богородицей, а хозяина дома – христом, и пела разные богохульные песни, вроде следующих:

Грядите, невесты
В чертоги небесны,
Грядите вы спешно,
Душею пресветлой
В небесный град
Для вечных наград….
Жених вас встречает,
Любезно принимает….
Он всех нас урядит,
Близ себя, прикрывши, посадит….

(Христа изображает мужик, который потом и ложится с невестами спать).

Лицом к лицу…
И всех к Творцу.
Уж вы, девы, не спите,
Все вы темны ночи
Не смыкая очи…

(На самом деле, невесты в полночь или к утру засыпали крепко с женихами своими).

Светильники вставайте
И их украшайте.
Жениха к себе ожидайте;
Чтобы они горели,
Вам будет веселее…
Те девы не спят,
Не спят темны ночи,
Не смыкают очи;
Светильники вжигают
И их украшают,
Жениха к себе поджидают.
Грядет он в полунощи.

(В полночь у скакунов и начинается свалка попарно).

Ах, как на свете жити –
С телом не грешити...
Ленивые девы
За дверьми остались;
Стали вдруг проситься:
Где б нам поместиться.
Жених им отвечает,–
На брак к себе не принимает:
Аз не знаю вас,
Вы подите прочь.
Вам окончилась ночь.
(Запоздавшие скакуньи не принимаются в свалку).
Печальны девы стали.
Что долго ночи спали....
Пошли те девы
В *превечну муку,*
Встали те девы
Возле лютых мук,
Бесконечных мук,
Зле бесовских рук.

«Во время распевания таких песен, – говорит Ливанов[250], – присутствующие крестились и кланялись девке, называя ее богородицей: затем она раздавала присутствующим дары Св. Духа (?), произнося, что царь на земле велик, но и тот под ее властью».

В Киевской губернии (напр., в с. Дешках, близь Богуслава) есть особый вид прыгунов, которых справедливо называют *штундовыми прыгунами*[251]. По своим догматическим верованиям они не столько молокане или хлысты, сколько штундисты: у них нет ни христов, ни богородиц, ни пророков; они не имеют никакого представления ни о предсуществовании душ, ни о перевоплощениях: они не лицемерят: с Православной Церковью они произвели решительный разрыв, ничего не хотят слышать ни об иерархии, ни о церкви, ни о таинствах и обрядах; отвергли иконопочитание, почитание св. креста: держат лицемерно иконы в своих домах; издеваются над нетленными мощами и почитанием Богоматери, ангелов и св. угодников. Но,

как все штундисты, они с уважением относятся к книгам Св. Писания, понимая их только в аллегорическом смысле. Они веруют в единого Бога, Троичного в Лицах, и признают Иисуса Христа истинным сыном Божиим. Но видно, одно чтение слова Божия им прискучило. Религиозное чувство настойчиво потребовало внешних форм для своего обнаружения. И вот, ложно стыдясь возвращения в лоно Православной Церкви, они обратились к собратьям по сектантству – хлыстам и позаимствовали у них самое худшее: раденья в форме кавказского прыгунства. Тем не менее, прыгунство теперь составляет главное содержание их религиозной жизни: на своих собраниях они гораздо больше отводят места прыганьям, чем чтению слова Божия, вследствие чего, и сами они ближе стоят к молоканским прыгунам, чем к штундизму.

5. Общие или секта общего упования[252]

– жидовствующих или субботников представляет несомненное доказательство того, что молокане не могли найти удовлетворения своей религиозной потребности ни в своем рационалистическом понимании Божественного Откровения Ветхого и Нового Завета, ни в своем сухом и безжизненном, искусственно созданном по ложной теории, богомолении. Такого удовлетворения, по условиям времени, они стали искать в возрожденном еврействе и потому создали главный контингент последователей секты жидовствующих, или субботников. Секта прыгунов свидетельствует о той же неудовлетворенности молоканства, последователи которого хотели, однако же, наполнить пустоту своей религиозной жизни хлыстовскими радениями и половым разгулом.

Что касается секты «Общих», то появление ее может быть объяснено лишь влиянием социалистических и коммунистических учений Запада, вторгшихся в среду невежественного молоканства. Впрочем, сами «Общие» рассуждали и рассуждают об этом иначе.

Начало появления секты

– относится к 30-м годам прошлого столетия. Виновником ее, обыкновенно, называют[253] крестьянина, с. Яблонового-гая Самарской губерни Михаила Акинфиева Попова, молоканина[254] и непримиримого противника субботников. Но это предположение ошибочно. По крайней мере, саратовский губернатор, донося правительству в 1833 году о появлении в губернии секты Общего Упования, виновником ее называет крестьянина села Тяглов, Николаевского (Баляшевского?) уезда Евстигнея Яковлева, который сообщил Попову устав этой секты, и который и ныне у «общих» почитается «пророком Божиим». Некто Фролов, друг и единомышленник Попова, был его ревностным помощником и сотрудником по распространению его лжеучения. Более десяти лет Попов занимался пропагандой коммунистических идей, под видом чистого и первоначального христианского учения на своей родине; но потом, в 1833 году, вместе с Яковлевым был сослан в Закавказский край на поселение. В своем увлечении он, однако же, не раскаялся и здесь, напротив, поселившись среди своих единоверцев-молокан, он начал распространять свое учение, приведенное уже в систему, еще с большей энергией, чем в Самарской губернии.

Попов остановил свое внимание на повествовании книги Деяний Апостольских о жизни первых христиан: «все верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения, и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нуждам каждого. У множества уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее». (Деян. 2:44–45; 4:32). На этих началах общности труда и имущества, Попов задумал устроить экономическую жизнь своих единоверцев-молокан. Он начал проповедовать среди них, что частная собственность есть зло, ибо она порождает ссоры, зависть, ненависть, вражду, интриги, коварство, воровство, грабежи, убийства, тщеславие и гордость у одних, унижение, рабство, лесть, двоедушие, ложь – у других;

частная собственность препятствует людям в достижении своего спасения, удаляет их от Бога и не дает им возможности выполнять заповедь Спасителя о любви к ближним, почему Он и сказал богатому юноше: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим». (Мф. 19:21). И всем своим последователям заповедал: «Продавайте имения ваши» (Лк. 12:33). Частная собственность всех людей делит на богатых и бедных: нищие потому есть на свете, что существуют богачи, на их счет умножающие свои богатства. Первые христиане были совершенными потому, что все у них было общее и никто ничего не называл своим. Нужно, чтобы так жили и «духовные христиане» (т. е. молокане), чтобы у них был общий труд и общее имение, из которого бы и были удовлетворяемы нужды каждого.

Учение Попова производило на молокан сильное впечатление и у него скоро явилось много последователей: 120 семейств в Николаевке, два в Пришибе и довольно большое число мужчин и женщин, поселившихся в деревне Андреевке; кроме того, у него остались еще последователи и на родине, в Самарской губернии – в с. Яблоновке, Тягловке, или Тяглом Озере, и в других местах[255]. Все, усвоившие учение Попова, снесли к его ногам все свое имущество. Образовалась большая коммунистическая община. Для управления ею и общим имуществом, нужно было учредить особую администрацию. И вот, Попов избрал из своих последователей двенадцать «апостолов», или «чинов», и казначея. Из этих двенадцати чинов было 9 мужчин и 3 женщины. Мужчины управляли делами общины и молитвенными собраниями, а женщины присматривали только за «сестрами», обучая их пению и запевали на молениях. Каждому «чину» дано было особое название и определены были его права и обязанности, на основании, будто бы, Св. Писания. Высший «чин» назывался «*судьею*» (от же и «*пресвитер*»); его обязанности состояли в том, чтобы на молитвенных собраниях председательствовать, читать книги Св. Писания и изъяснять их, наблюдать за всеми другими «чинами», чтобы каждый из них «в своем деле не ослабевал и был бы бдителен».

Второй «чин» – «*жертвенник*» (он же – «*правое ухо Христа*»); он должен «в церкви следить за людьми, чтобы не положил кто во гневе в столовую сумму, а кто положит, отдать назад; кроме того, его обязанность принимать деньги, приносимые членами общины и разного рода пожертвования, И записывать их на приход в особую книгу. «При выходе «общих» из молельни, он кричит: братья и сестры имейте попечение о жертве!».

Третий «чин» – «*распорядитель*» (он же – «*правая нога Христа*»); его обязанность – «в церкви распри смирять, давать наставление виновным, как просить в церкви прощение и ему просить церковь молиться и о людях, и определять места, кому где садиться; смотреть, кто нехорошо кланяется».

Четвертый «чин» – «*видитель*» (он же – «*правое око Христа*»); его обязанности – «в церкви следить за людьми в каждом деле, каждого вызывать, который потребуется, на каждом деле не уважать (т. е., не потворствовать), ни в чем никому; смотреть за, высшими себя, чинами, кто стоит праздно, (т.е. без дела) – посылать в церковь»; по окончании моления, когда присутствующие выходят из избы, он должен стоять у дверей и кричать: «братцы и сестрицы! глядите друг за другом и кто за кем видит худо, сказывайте, не щадите!».

Пятый «чин» – «*молитвенник*» (он же – «*левое око Христово*»): его обязанность – «в церкви молиться за церковь вслух и все за ним, не спеша, по судейскому слову, немедленно; приказывать всем пред моленьями – в церкви хлеба не вкушать; спрашивать – имеют ли домашнюю церковь; приказывать, чтобы имели».

Шестой «чин» – «*словесник*» (он же – «*язык Христов*»): его обязанность – следить за тем, чтобы, стоящие в церкви, давали дорогу входящим; «сказать: посторонитесь», принимать от всех платье, «говорящих – унимать; войлок – слать и скамьи становить и принимать»; по окончании моленья, раздавать всем выходящим их одежду: «каждому воздавать честь»; он кричит у порога молельни: «братья и сестры! берегитесь многословия!».

Седьмой «чин» – «*член*» (он же – «*левая рука Христа*»); его обязанность – в «церкви готовить пение, как скоро нет у него,

чтобы было готово пение; смотреть за, ниже себя, чинами и за певцами; судить чинов и певцов: давать наставления ниже себя чинам и певцам; учить учебных (т. е. учащихся) читать и писать; иметь почтение между собой (?) и к людям».

Восьмой «чин» – «*тайник*» (он же – «*левое ухо Христа*»); это помощник «члена певчего хора»; его обязанность – мирить («ладить») ссорящихся «в церкви» певчих и учить их петь под руководством «члена певчего хора». «*В свободное время, чтобы пение было хорошее, согласить, что петь и было бы готово, то приготовить петь; скажут члену в тайных грехах, принять от певцов покаяние; учить в пении учебных*» (т. е. школьников).

Девятый «чин» – «*мысленник*» (он же – «*левая нога Христа*»); это духовник, устраняющий «словесные и мысленные распри между певцами в церкви», и «в мыслях каяться ему», т. е. ему все обязаны раскрывать даже свои мысли, чувства и намерения: он же следит и за религиозно-нравственным воспитанием детей.

Из женских чинов, одна женщина, называется «*стыдом*» (второе ее название для печати совершению неудобно и богохульно); обязанность этой женщины – петь на молитвенных собраниях альтом; другая женщина – «*разум*» (она же – «*разум Христа*») – поет контральто; третья – «*голос*» (она же – «*голос Христа*») – поет дискантом.

Из судьи, видителя, и члена составляется «совет», на обязанности которого лежит обсуждение каких-либо особо важных дел всей общины.

Из «жертвенника», «тайника» и «мысленника» составляется нечто вроде «исповедательной» комиссии, перед которой должен принести покаяние согрешивший «брат», если он почему-либо стесняется публично исповедать свой грех перед всеми членами общины, как того требовал ее основатель.

Первоначально, все эти чины были избраны на общем собрании всех членов секты «Общего Упования», и высшие должности, естественно, были предоставлены основателям и организаторам секты – Попову и Яковлеву; в последующее время избирательные права сектантов значительно были

уменьшены; для пополнения чинов, выбывавших по разным случаям, каждый чин стал избирать себе помощника, которого и представляет судье: судья испытывает его, а па первом общем собрании сектантов объявляется, что такой-то чин избрал себе в помощники такого-то. Таким образом, у «общих» сам собою образовался институт помощников всех чинов. В случае отлучки, смерти, или удалении того или другого чина от должности, помощник заступает его место: когда же помощник окончательно заступает вакантное место чина, то члены секты об этом только извещаются. Права общины, таким образом, перешли к судье, который и назначает всех чинов и устраняет оказавшихся недостойными.

С учреждением коммунистической общины, все права личной имущественной собственности перешли к общине: все дома с хозяйственными постройками, земли, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, даже земледельческие орудия, телеги, лошади, скот, одежда и белье, одним словом, все имущество отдельных лиц обратилось в собственность только одной сектантской общины этого «упования», в каждой отдельной слободе. Доходами с этого имущества также стала распоряжаться только община. Даже семья утратила свое естественное значение и свои имущественные права. На ее место поставлена партия. Партией у сектантов Общего Упования называются все обитатели одного дома. Нет определенных правил относительно поступления в партию: требуется только, чтобы партия состояла из единоверцев. Правда, высказывается желание, чтобы партия включала в себя кровных родственников, но обязательного постановления об этом – нет. Только муж с женою на всю жизнь должны быть неразлучны; а потому, они и не могут находиться в разных партиях. Кроме того, партии не могут состоять из одних мужчин или из одних женщин, а должны состоять из обоих полов. Нет даже правила относительно того, сколько лиц должно входить в состав партии; этот вопрос решается только вместительностью избы.

Вся община сектантов этого «упования» в каждой отдельной слободе называется «соборною церковью», а партии –

«домашними» или «земными церквами». Управление «домашней» церкви аналогично с управлением «соборной церкви». Чины «домашней церкви», или партии, суть следующие: 1) домашний или земной распорядитель, который управляет всей партией, и у которого находятся на сохранении все мужское верхнее платье и обувь, принадлежащие партии; 2) домашняя, или земная, распорядительница, заведующая женской половиной партии; 3) распорядительница над пищей, которая обязана смотреть за тем, чтобы хлеб был хорошо испечен, чтобы пища была хорошо сварена: она раздает хлеб и пищу всем, уравнивая каждого; 4) всеобщая распорядительница, которая заведует всем, принадлежащим партии, бельем, холстом, женскими нарядами, т. е. сарафанами, платками, занавесками, холодняками и проч., у всеобщей распорядительницы есть особые советницы, с ведома которых она и действует. Мало того. Все эти чины имеют еще своих помощников и помощниц, как и в «соборной церкви». Они избираются партией и утверждаются советом чинов «Соборной церкви», во главе с судьей.

Партии обозначаются номерами: первая партия, вторая партия, и т. д. Номера дают преимущества старшинства партий, и низшие номера перечисляются в высшие, смотря по их работам и приобретениям в общую кассу. Номера партий ведутся при «соборных церквах» в каждой деревне особо. Распорядитель партии, больше других приобретающий дохода для общины, повышается чином, иногда его назначают главным распорядителем нескольких партий и даже «попечителем», т. е. начальником всех партий известного села. Зато, если в партии окажутся упущения или нерадение о работах и доходах, то распорядитель ее, по приговору «соборного» распорядителя, подвергается наказанию; а, если он и затем не исправится, то его лишают чина и на место его вступает его помощник. Дома для партий, по совершенно одинаковому плану, строятся «всем миром», т. е. всей сектантской общиной одной слободы, на общественный счет: сама партия строит только летние шалаши для своих братьев и сестер, мужьям с женами особо, холостым и вдовцам – отдельно от девушек и вдовиц… Каждый день,

вечером, после ужина, если есть приказание и наряд от «соборных» чинов, домашний распорядитель делает наряд по ним в своей партии, включая непременно и самого себя в этот рабочий наряд. Если от «соборных» чинов не было приказания относительно работы, то он, по совещанию с партией, назначает каждому мужчине домашнюю работу для следующего дня, а распорядительница делает наряд женщинам. Чины «соборных церквей», равно, как и домашние распорядители должны внимательно и заблаговременно заботиться о назначении работ, чтобы члены общины никогда не оставались без дела.

«Соборные церкви», как и партии, обозначаются, так же, номерами, и по номерам имеют преимущество старшинства: первая «соборная церковь» считается выше второй, вторая – выше третьей и т. д. От старшинства церквей зависит и старшинство их чинов; судья первой соборной церкви в глазах сектантов стоит выше судьи второй соборной церкви: жертвенник первой соборной церкви выше жертвенника второй соборной церкви и т. д.

Денежные суммы, принадлежащие секте «Общего Упования» разделяются на два рода: 1) доходы от имуществ и работ сектантов: они идут на уплату податей, на различные нужды всей общины и ее членов, и на покрытие общественных сельских расходов и 2) столовая сумма, составляющаяся из частных пожертвований, которая предназначена на покрытие особенных нужд сектантов, напр., выдача в замужество дочерей, лечение больных, погребение и поминовение умерших, и т. д. Общей суммой распоряжается и расходует ее, с согласия и по указанию всего совета соборных чинов, соборный распорядитель; столовая же сумма расходуется «жертвенником», с согласия соборного распорядителя и судейского помощника. Обе суммы хранятся при «соборных церквах» каждой слободы. Общая сумма нигде не записывается и поверяется чинами, выше соборного распорядителя: столовая же сумма записывается в особую книгу и поверяется чинами, стоящими выше жертвенника. Общее имущество – хлеб, мука, крупа, скот, земледельческие орудия, одежда и обувь и т. п., находится в ведении соборного распорядителя. Оно выдается

партиям поголовно, на число душ «по уравнению». В этом случае, сектанты «Общего Упования» руководствуются, будто бы, указаниями Св. Писания (2Кор. 8:11–15; Исх. 16:16).

Сектанты общего упования обязаны отдавать своих детей обоего пола, достигших семилетнего возраста, в школы при «соборных церквах». Там их учат читать, писать, считать, петь псалмы: кроме того, в школах уже дети приучаются к судам, разборам дел, примирению, обрядам богомоления и т. п. При этом, в школах повторяется то же, что и в сектантских церквах – домашних и соборных, именно: детям назначаются чины судьи, распорядителя, мысленника и др. В зимнее время дети учатся в школах с утра до обеда и затем, после обеда до вечера. В летнее время, по случаю полевых работ, они в школах не учатся, но их собирают лишь по праздникам, для повторения выученного зимою. Школьное обучение оканчивается по достижении детьми 12-тилетнего возраста. Обучают сектантских детей в школах чины «соборных церквей»: член, тайник, мысленник и певцы. Учебники и учебные принадлежности для школы приобретаются за общественный счет.

Для уяснения верований и упорядочения богослужебных молений, основатель секты Общих написал «Устав», к сожалению, состоящий лишь из общих фраз и не представляющий никакой определенной системы. Он напоминает собою, больше духоборческие, чем молоканские катехизисы.

«Устав Общего Упования» или «обряд» состоит из 25-ти положений (параграфов): 1) об обряде; 2) о церкви; 3) о молении; 4) о приношении жертвы; 5) о кадиле и фимиаме; 6) о причастии; 7) об исповеди; 8) о миропомазании; 9) о крещении; 10) о престоле; 11) об обручении, браке; 12) о венцах; 13) об облачении риз: 14) о кроплении, очищении: 15) о судах; 16) о знамении; 17) об образе; 18) о рождении младенцев; 19) об архиерее и священнике; 20) о царях и властях; 21) о постах; 22) о погребении усопших; 23) как по смерти живы; 24) о поминовениях по усопшим и 25) о седьмом дне. После изложения каждого пункта, или «положения», следует его изъяснение («различение») в собственном смысле («плотское»,

«видимое») и в переносном («духовное», «невидимое»). К сожалению, устав этот изложен без всякой системы и логической последовательности, и написан так безграмотно, что часто трудно добраться до смысла его речи. Поэтому, целиком привести его здесь нельзя.

Последователи «Общего Упования» («общие») веруют, что «Бог без начала и без конца, всеблаг, всемилосерд, и всемогущ, все создавший и всем управляющий; все люди и все творения – в Его владычестве; Троица в Боге и Бог в Троице. Троица состоит из Отца, Сына и Святого Духа, в трех лицах едина суть, неразделима. Угодники и святые суть ветхозаветные пророки, апостолы, ученики Господни, значащиеся в священном писании, святые угодники и мученики». Источником своих верований «общие» признают только Св. Писание, которое толкуют произвольно, каждый по своему: пользуются Библией, изданной «Библейским Обществом».

Под именем церкви, общие, по своему уставу, разумеют: 1) «Общенародное собрание» «в празднование слова Божия», 2) партию, т. е. всех лиц, живущих в каждом доме, 3) даже каждое отдельное лицо. «Когда, человек научен, в нем одном церковь, и всяк человек, имея в себе учение, имеет в себе церковь, по силе его». Поэтому, «общие» признают три вида церкви: 1) соборную, состоящую из единоверцев одной слободы, 2) домашнюю, т. е. партию и 3) единотельную – каждого отдельного сектанта.

Таинств, в собственном смысле, «Общие» не признают: употребляя принятые у православных названия таинств, они, однако же, приписывают им совсем другой смысл, чем какой они в действительности имеют. Так, под крещением «общие» разумеют «учение, омовение, очищение, красоту, крепость, чистоту, ревнительный плач, уныние о духе, счастливый успех, учение благих дел, умножение разумения и ревность к святости»; под миропомазанием – «радость пения, умерщвления греха, взаимную помощь, угождение человеку, примирение со всеми, утешение сердцем». Мы, говорят «общие», «причащаемся божественным тайнам – любовью, радостью, смирением, долготерпением, благостью,

милосердием, верой, кротостью, воздержанием себя в делах, словах и мыслях». Под покаянием они разумеют «признание успехов разумному человеку: в нем Бог признан человеку и Богу; покаяться – значит – видимо поклониться всему народу, а невидимо – пресвитеру сказать грехи и заключить себе (т. е. дать слово) так не делать. Иерархию «общие» признают в лице своих соборных чинов. Видимо, говорят они, архиерей и священники – «усердные чины ради нас, а невидимо, с ними, Христос и Дух Божий освящают человека святым писанием». Брака, как таинства, сектанты «Общего Упования» также не признают и изъясняют его не только общими фразами, но и чрезвычайно туманно. «Брак, – говорят они, – что пир или радость человеку по плоти и по духу, и засвидетельствование народу: обещание друг к другу перед человеки: совершить брак видимо – это препоручить мужу жену по плоти и творить великую часть благую или откроет человек многую милость народу, а невидимо – это собрание ополчения силы Божией, и явно будет действовать премудрость». «Венец» – радость при оправдании от дел тяжких, измыет от темных мест человек свою душу или плоть; видимо – по темной части оправдается пред судом и пред человеки, а невидимо – оправдается от грехов перед Богом, радость и веселие сердцу». О елеосвящении «общие» даже не упоминают. Обрядов не признают. В «уставе» их секты говорится о некоторых, но в таком же переносном смысле, как и о таинствах. «О приношении жертвы», т. е. о Божественной литургии, они рассуждают так: «жертва Богу, собственно, подаяние милости – приносить хвалу и сокрушаться о духе, – чтобы тщатися мыслить добро, ниже худо делать; видимо – естественно сделаем друг друга поощрять вся во всем, а невидимо – в любви и в посещении друг друга». Кадило и фимиам, по их учению, «присутствия Божия, судом осуждать лукавство, убивать дух лукавого; видимо – кадильница – Библия; в ней все присутствие Божие; а невидимо – кадильница – доброе дело человека». «Престол» – по толкованию общих, – чувствительное оправдание народу, свобода от греха, прославление человеку, возможение смирить; видимо – согласие говорить слово Божие, а невидимо – Святый Дух в

человеке». Облачение риз – «служению слову Божию по спасению себя поучениями, творения добра и поучать народ доброму состоянию; видимо риза – на духе душа, на душе плоть, а невидимо – завсегда страшиться Бога и трепетать о Боге». Окропляется, очищается человек Богом: очищение и спасение от страха святого учения, тем судим отменение пути нечестивого: видимо – страх, и видим, по плоти, люди умирают и мне умирать, а невидимо – страх на сердцах, боязнь грехов». Сосуд – постоянство человека в умеренных делах; видимый сосуд – уста, и лицо ипостаси человеческие, а невидимый сосуд – у человека сердце: если сердце чисто и сосуд чист». «Знамение – это показать знак христианства в делах и словах, и мыслях: видимое знамение – приветствие в дому, воспитание сирот и честь пришельцу, а невидимо – Духа Святого примет в надежде со властью святой силы». «Об образе» «общие» рассуждают так: «Образ – всяк человек; Бог сотворил человека по образу Своему; в делах добрые дела – образ наш: по делу совершенному пребывает Бог в человеке; видимый образ – всяк человек: каковы дела, так и господин, таков и образ; а невидимый образ в человеке – добрые дела: вначале в себе ищи образ». «Родится младенец, – читаем в «Уставе Общего Упования», – нарече имя ему Господь; в ведении, или духом, возбудить человека, нарещи ему имя; видимо – родится младенец по плоти, а невидимо – отымет от себя всякую скверну, наречет имя ему, Господь благословит его чином, по чину ему имя». – В таком виде рассуждают «общие» о всех, вообще, обрядах и священнодействиях. Пустую и бессмысленную болтовню они ставят выше учения Православной Церкви.

Постов Православной Церкви «общие» не признают; но значение поста, вообще, они не отрицают. Вот, что говорится о постах в их «обряднике»: «*Пост ради горести и плоти, печально снесть и невидимым словом, ниже дело вредно о духе: пост прияти радостью, как на браке и аки упитанному вид неунывно: будите радостно и трезвительно, в том между собою милым быть друг другу. Видимый пост сие есть: хлеба не есть и воды не пить, а невидимый пост – воздержание*

мыслей и молчание». В действительности, у «общих» бывает пост троякий: 1) так называемый, легкий: произвольный пост для малолетних, вообще, а для взрослых – в рабочее время он состоит в однодневном воздержании от, всякого рода, пищи: назначение дня для такого поста зависит от намеревающегося поститься; 2) частный, сорокодневный пост; его по желанию, держат таким образом: в первые три дня употребляют пищу один раз в день, потом – в два дня раз, затем еще в два дня раз, а остальные 33 дня вкушают птицу по вечерам, по одному разу в день; 3) третий вид поста общественный, всенародный: он совершается по каким-либо обстоятельствам в жизни всей сектантской общины, напр., перед засевом полей, по случаю бездождия, появления эпидемической болезни и т.п., в продолжении трех, или более дней, причем, все сектанты ничего не пьют и не едят. Последователи «Общего Упования» не знают разделения пищи на скоромную и постную: но им запрещено употреблять в пищу мясо животных, у которых копыта не раздвоены, не отрыгающих жвачку, не зарезанных или подстреленных так, что у них не сошла кровь, свиней, рыб, не имеющих чешуи, лук, чеснок, водку, вино, всякие, вообще, хмельные напитки, пищу с хмелем, с рыбьим клеем, сахар, который, по их мнению, очищается собачьей костью и кровью, и скрепляется клеем; нюхание и курение табака.

Согласно требованию четвертой заповеди десятисловия, «общие» празднуют воскресный день в память воскресения Христова. В этот день, по их уставу, следует «*плотских дел не делать, и не говорить, и не думать, чтобы работать*»; в этот день нужно «*накладывать и нести седмиричную тяготу неопустимо*», «*отступать от грехов*»; на самом деле, этот день «общие» посвящают от утра до полудня и от 4-го часа по-полудни до вечера, чтению слова Божия, пению и молению. Никакие работы в воскресенье не производятся, даже и хлеб печется на один только день, чтобы не оставалось его на понедельник; между утренним и вечерним общественными молениями, они занимаются «учебою», т. е. по домам у себя читают слово Божие, учатся петь, списывают молитвы, поверяют раньше написанное, читают их, исполняют

приготовляемое для общественного богослужения пение. Вообще же, в день воскресный, «общие» стараются избегать всего суетного и неугодного Богу, почему им строго воспрещены всякого рода зрелища, увеселения, светские песни, игры, смех, празднословие, пустословие и даже шутки, так как, по их толкованию, все это Апостол назвал «козлогласованием». Так же проводят они и принятые ими праздники: 1) Рождество Христово, 2) Богоявление Господне, 3) Благовещение, 4) Вербное Воскресение, 5) Пасху (всю неделю), 6) Вознесение Господне, 7) три дня Пятидесятницы, 8) Петров день и 9) Ильин день.

Последователи «Общего Упования» несомненно веруют в загробную жизнь, ибо молятся об умерших. Но это верование у них смутно и неопределенно. Они вообще воздерживаются рассуждать о нем.

Религиозный культ «общих»

Из всех рационалистических сектантов, «общие» представляются наиболее богомольными. Моления их состоят из пения псалмов и чтения молитв, постоянно сопровождаемых земными поклонами, коленопреклонениями, взаимными поклонами и священным взаимным лобызанием. Священные, или святые, лобызания разделяются на три вида: 1) лобызание единотельное; оно состоит в том, что при входе в чужой дом, каждый обязан прочитать вслух «Отче наш» и сказать: «мир дому сему», на что хозяин отвечает: «мир входу вашему». После этого, вошедший целуется со всеми находящимися в доме. 2) лобызание частное. Оно происходит между всеми членами партии, не находящимися под епитимьей, во время молитвы в «домашней церкви», т. е., в доме, где живут молящиеся и 3) лобызание всенародное, общественное, называемое, по-преимуществу, «святым», или «священным»; оно бывает перед началом молений, и по окончании их в «соборной церкви», т, е., на молениях всей секты.

Моления общих так же разделяются на три вида: 1) моление единотельное, 2) моление «домашней церкви» и 3) моление «соборной церкви».

Моление *единотельное* совершается одним или несколькими сектантами, почему-либо не имеющими возможности принять участие в общей молитве. Оно состоит всегда почти из чтения одной молитвы «Отче наш» с коленопреклонением, после чего, молившиеся вместе – лобызаются. Только особенно ревностный и сведущий сектант к молитве Господней присоединяет еще какую-либо другую.

В молитве домашней церкви принимают участие все члены своей партии. «Общие», ввиду назначенных с вечера работ, обыкновенно, встают всегда рано («с первыми петухами»), а потому, и их домашняя молитва совершается еще на заре. Умывшись, все члены партии становятся посреди комнаты в круг, и начинают молитву «псалмом смерти»: «Хвалите Господа, вси язы́цы». После этого, чтец говорит: «Господи, благослови!

Во имя Отца! Отче наш!» Все падают на колени. Чтец продолжает: «Усмири, Господи!» Все делают земной поклон и поют какой-либо небольшой псалом. Чтец произносит известную молоканскую молитву: «К Тебе, Господи, преклоняем колени, сотворшему небо и землю»… Молящиеся делают земной поклон и с коленопреклонением поют, по своему усмотрению, какой-либо псалом. После этого, чтец возглашает: «Устрой, Господи, устрой землю Твою». Следует общий земной поклон. Чтец продолжает: «Благослови нас, Господи, сие утро и сие время без греха сохранитися нам». Затем начинается взаимное лобызание присутствующих, причем, одни спрашивают: «здорово себе почивали?» – другие, отвечают: «Слава Богу! Благословен Бог наш!» По окончании лобзания, ввиду предстоящего отправления на полевые работы, все поют псалом: «Возведох очи мои в горы, отнюдуже приидет помощь моя». Этим и заканчивается первая ежедневная молитва домашней церкви. На полевых работах, перед завтраком, «общие» совершают только единотельную молитву, т. е., каждый кратко молится сам по себе, читая, большей частью, лишь молитву Господню. Но перед обедом и ужином, все работающие по соседству сходятся вместе, и «отправляют домашнюю церковь», т. е., молятся Богу так же, как они молились утром в доме: только не поют последнего псалма: «Возведох очи мои в горы». Такое же моление совершается «общими» и «на сон грядущий».

Моление «общих» в «*Соборной церкви*» носит на себе особый характер. Отдельных молитвенных домов или храмов «общие» не имеют, а потому, даже и соборное моление они совершают в обыкновенных домах, только более просторных. Ни икон, ни каких-либо особых украшений ими не допускается даже и в этих домах. В конце каждого моления, присутствующим объявляется, в каком доме будет происходить моление в следующий воскресный или праздничный день.

Всякий, входящий в дом, в котором назначено соборное моление, обыкновенно, читает молитву Господню и говорит: «мир дому сему». Затем кланяется всем присутствующим и садится на свое место, так как у «общих» на «*соборном*

богомолении» места точно определены всем членам секты. Судья, обыкновенно, сидит на лавке в переднем углу за столом: перед ним на столе лежит Библия. Рядом с судьею, по правую его руку, сидит его помощник, а вправо от помощника – «*честные старики*», т.е. люди честного поведения и всеми уважаемые; за ними – все, вообще, мужчины. На лавке вдоль стола, по левую руку судьи, садятся по порядку – жертвенник, молитвенник, член, тайник, первая певица и потом – помощники чинов по номерам; за ними – все, вообще, женщины. На другой стороне, вдоль стола, на поставленной скамейке, по правую руку судьи, садятся по порядку – распорядитель, водитель, словесник, мысленник. Перед первым певцом на скамейке садится, левым ухом к судье и лицом к первому певцу, второй певец, а вправо от него – помощницы по номерам. За этой скамьей становится другая, на которой садится, так же левым ухом к судье, третий певец со своими помощниками. За скамейкой, на которой сидят распорядитель, водитель и другие чины, ставятся скамьи: первая – для распорядителей партий, а прочие – для мужчин, вообще; вправо же от певцов, на скамьи, постановленные поперек, садятся женщины. Все присутствующие, не исключая и чинов, являются на моление в своей обыкновенной одежде.

Когда распорядитель увидит, что все члены «соборной церкви» явились и заняли свои места, он тихонько говорит судье: «Время к свиданию петь». Судья возглашает: «Пойте к свиданию». Член повторяет: «пойте». После этого, судья поднимается со своего места; его примеру следуют все присутствующие. Словесник и его помощники тотчас принимают скамейки, а певцы поют 7-й и 8-й стихи 4-ой главы первого послания ап. Петра: «Близок всему конец. Итак, будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Более же всего имейте усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов». Во время этого пения, в доме происходит взаимное лобызание всех присутствующих следующим образом: каждый делает другому поясной поклон, целуется и опять – поклон, снова целуется и снова – поклон, затем переходит к следующему по порядку, начиная от судьи.

Когда водитель заметит, что все присутствующие перелобызались, он говорит судье: «все». После этого, чины и все присутствующие делают еще раз поясной поклон судье. Подобные поклоны на «*соборном молении*» повторяются после пения каждого псалма. Начиная утреннее моление, судья, обыкновенно, опрашивает присутствующих: «здорово почивали?». Все в один голос отвечают: «Слава Богу! Благословен Бог наш». После этого, опять ставят скамейки и все садятся по своим местам. Судья начинает громко читать отрывок из Библии или по своему собственному усмотрению, или по запросу кого-либо из присутствующих. Если, напр., кто-либо предложит вопрос: «как спасти свою душу?» – то судья, приискав в Библии подходящее наставление, громко читает его и потом изъясняет прочитанное. Когда водитель найдет, что время молиться, или кто из присутствующих напомнит ему об этом, он на ухо говорит распорядителю: «время молиться», а распорядитель передает судье на ухо: «молиться просят». Тогда судья, обратясь к члену, делает распоряжение: «пойте к молению». Член, взглядывая на певцов, говорит: «пойте». Снова принимают скамейки и выносят их из избы. От угла стола рядом становятся молитвенник, судья и жертвенник; перед ними стелят войлок или ковер, за которым, лицом к жертвеннику, становится распорядитель, а между ними, лицом к столу, водитель и словесник; мысленник становится сзади распорядителя, лицом к столу; рядом со словесником, распорядительский помощник; за водителем же и словесником – помощники прочих чинов, по их старшинству. На месте, где сидела первая певица, правым ухом к столу, становится член, рядом с ним – тайник, а затем – певцы. Против молитвенника, становится первая певица, со своими помощницами; за нею – вторая певица, – со своими помощницами, а, кругом их – рядовые певцы, по достоинству голосов: к порогу избы – стоят рядовые сектанты. В то время, как происходит это занятие мест, все поют псалом: «Господи, да не яростию Твоею». Но окончании размещения присутствующих, молитвенник спрашивает вслух видителя: «Управились-ли?» И, когда видитель даст утвердительный ответ – «управились», словесник

говорит: «прошу молиться Богу о заключенных». Судья обращается к молитвеннику со словами – «молись». После этого, молитвенник говорит к народу: «Братья и сестрицы! бдитеся и молитеся; не впадите в напасть. Бдитеся от мыслей неполезных. Господи, благослови! Молитесь! Отче наш». Все присутствующие кладут по три земных поклона. Затем словесник, сделав земной поклон, говорит: «Спаси вас, Господи, братцы и сестрицы, что помолились». Молитвенник продолжает: «Господи, благослови во имя Отца! Слава Отцу! Благослови нас, Господь Бог! Слава в вышних! Отче наш! Господи, Господи. Царю богов. И ныне, Господи, возглаголи всякому человеку»…. Эта молитва читается с коленопреклонением; а по окончании ее, все делают земной поклон, после чего поется псалом, по усмотрению члена, так же с коленопреклонением. Затем молитвенник читает с коленопреклонением молитву: «Благословен еси, Господи, Боже наш» и вторую: «Господи, Боже Небесный»… Все делают земной поклон и поют с коленопреклонением псалом по усмотрению члена. Молитвенник произносит молитву: «Сподоби нас, Господи, стать во образе подобия Твоего», и все, сделав земной поклон, снова становятся на колена и поют, по усмотрению, псалом и затем молитва: «Усмири, Господи, избранных Твоих» – и земной поклон. Поется с коленопреклонением новый псалом и следует молитва: «К Тебе, Господи, преклоняем колена наша, сотворивый небо и землю». Земной поклон. По окончанию нового псалма, с коленопреклонением молитвенник произносит молитву: «Устрой, Господи, устрой землю Твою». Все делают земной поклон. Опять молитва с коленопреклонением: «Благослови нас, Господи», и опять – земной поклон. После этого, все поют псалмы, по усмотрению члена. По окончании пения, начинается святое лобызание между всеми присутствующими, как и в начале моления. В это же время, в пользу общины делаются добровольные пожертвования – деньгами и вещами. .

Добровольные приношения в секте «Общего Упования» разделяются на три вида: 1) столовая милость; это деньги, которые жертвователи кладут на стол под скатерть.

Жертвенник, по окончании моления, собирает их, записывает в особую книгу и потом, по решению чинов секты, раздает их нуждающимся, преимущественно – сиротам и вдовам; 2) податная милость; это обыкновенная милостыня, которую раздает каждый по своему усмотрению: 3) тайная *милость*, совершаемая тайно от людей.

По окончании общего лобзания, молитвенник читает с коленопреклонением молитву: «И ныне, Господи, прославляем Тя и преклоняем колена наша Тебе, и молим, Господи, Боже наш». Все делают земной поклон. Затем, по усмотрению, поют какой-либо псалом, а по окончании его, кланяются в пояс друг другу. Молитвенник, обращаясь к присутствующим, спрашивает: «здорово себе беседовали?» Все отвечают: «Слава Богу! Благословен Бог наш». Прочитав еще, «на расход», псалом «Возведох очи мои в горы», или «Отче наш», молитвенник говорит: «простите». Народ отвечает: «С милостию Божиею». После этого, распорядитель отдает приказ: «праздно не ходить, учебою заниматься». Засим, все присутствующие становятся в кружок и поют псалом: «Хвалим Тя», или из Апокалипсиса: «Убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступит час суда Его» (14:7). «Свободны», – и моление оканчивается.

Вечером совершается такое же моление, как и утром: различие между ними состоит только в количестве коленопреклонений: на утреннем молении девять коленопреклонений, а на вечернем лишь четыре.

Как мы сказали уже, таинство крещения «общие» отвергают. Но новорожденного младенца повивальная бабка омывает все-таки с молитвою: а на восьмой день по его рождении, в дом собираются сектантские чины, молятся и жертвенник дает младенцу имя, по своему усмотрению, но выбирает его из церковных святцев.

Бракосочетание состоит лишь в том, что о нем объявляется в «соборной церкви», а взаимное обещание жениха и невесты свидетельствуется всей «соборной Церковью» троекратным повторением вопроса судьи: «слышите ли?». В брак вступают молодые люди непременно по благословению родителей и с согласия чинов «соборной церкви». Женятся «общие» рано: с 16

лет. Брак допускается по мужскому родству в пятом колене, а по женскому – в четвертом. От супругов строго требуется плотская верность, за нарушение которой виновному отказывают в священном лобызании, а, если он принадлежит к чинам, то лишается своей должности и остается под епитимьей, пока не испросит прощения.

Погребение умерших у последователей «Общего Упования» совершается таким образом. На «исход души» певцы поют «псалом смерти»: «Баженны непорочные, в путь ходящие». Умершего омывают, надевают на него чистое белье, закрывают ему глаза, связывают ноги, кладут на лавку и покрывают белым холстом. Первые сутки, по распоряжению жертвенника, над покойником читают Псалтирь или поют псалмы. На второй день кладут покойника в гроб и несут на кладбище; впереди гроба идут чины и певцы, и поют псалмы, а сзади гроба следуют родственники и знакомые. В могиле покойника кладут ногами на восток; при опущении в могилу, поются некоторые псалмы, по усмотрепию члена и судии. После погребения, на могиле ставят колышек или огораживают небольшим плетнем. Сделав у могилы несколько земных поклонов, все участвовавшие в погребальной процессии возвращаются в дом умершего, где совершается уже «*полное*» моление с девятью коленопреклонениями и святым лобызанием. После моления, партия, к которой принадлежал покойник, устраивает обед, по окончании которого присутствующие поют псалмы, затем молитвенник читает «Отче наш» и посторонние расходятся по домам. Такое же поминовение усопшего совершается в каждую годовщину его смерти.

Чиноприем в секте общего упования

Намеревающийся поступить в секту «Общего Упования», обязан заявить о своем желании, прежде всего, видителю, который, обстоятельно побеседовав с ним, о результатах сообщает словеснику. Последний, в свою очередь, беседует со своим будущим братцем, с целью убедиться в искренности его намерения и затем докладывает «соборному» распорядителю, который, переговорив лично с желающим поступить в секту, представляет его судье. Убедившись в искренности его намерения продолжительной беседой, судья, прежде всего, знакомит его с уставом секты и затем приказывает соборному распорядителю допустить его в ближайшее собрание соборной церкви, причем, ему дается наставление, как держать себя перед собранием и как просить у него прощение. В воскресный или праздничный день, перед молением, прозелит подвергается сначала тайной исповеди перед мыслителем и тайником, потом он вводится ими в собрание, громко перед всеми произносит исповедь о своих заблуждениях и грехах, и с земным поклоном просит простить его. По распоряжению судьи, молитвенник вместе со всеми присутствующими после этого молится о нем Богу, заключая свою молитву пением псалма (Пс. 105:6): «Согрешили мы с отцами нашими». В это время, многие плачут или, по крайней мере, должны плакать, и объявляют: «Бог простит», вследствие чего, и это действие у «общих» называется «слезным отпущением». Здесь прощаются четыре греха: «1) отступничество от «церкви общих» и возвращение к ней (??); 2) хула Общего Упования; 3) пребывание в ином уповании и 4) противность (?)». После этого, судья торжественно допрашивает прозелита: 1) согласен ли он вступить в общее имение? 2) согласен ли на «изравнение»? и 3) согласен ли быть в братском совете? Если новопринимаемый в секту дает на эти вопросы утвердительный ответ, то судья объявляет его союзником, единомышленником, духовным братом Общего Упования, и он допускается до святого лобызания. После моления соборные чины составляют

подробную опись всего имущества новопринятого члена и с его согласия определяют его стоимость, причем, если оно окажется большим, чем у остальных сектантов, то его «уравнивают», т. е., равную, с имуществом всех, часть записывают на его имя, а, остающийся излишек приписывается тем, у кого не достает до «изравнения». Предусмотрительность весьма благоразумная! Ибо часто члены оставляют общину. И, вот, выходящему из общины, предоставляется право или только свою «изравненную» часть, или все имущество, которое он имел при поступлении в секту. «Изравненную» часть требуют, обыкновенно, те, которые, по обстоятельствам, переселяются куда-либо на жительство, но лжеучения Общего Упования не оставляют, а все свое имущество требуют те, которые отказываются совсем от этой секты.

Общие замечания о лжеучении общего упования

Основатели секты общих – Евгений Яковлев и Михаил Попов управляли учрежденною ими общиною в течении десяти лет (1833–1843). В 1843 году Попов, по судебному приговору, был сослан на поселение в Сибирь, в Енисейскую губернию. Но здесь он не прекратил своей проповеди: в течении одного года он успел увлечь в свою секту более 50 последователей, и, таким образом, его лжеучение распространилось и по Сибири.

В Закавказье, после ссылки Попова, во главе «общих» стал его помощник по должности судьи, крестьянин Денис Шепилов, произведший в секте раскол. Однажды он объявил в «соборной церкви», на молении, что он удостоился откровения от ангела, который возвестил ему, чтобы он ввел в общину простоту деяния: чтобы мужчины носили только простые поддевки, широкие штаны и сапоги «без скрип», а женщины – самые простые юбки и кофты, и никаких украшений, никакого убранства. Расходы общей кассы сократились; но зато многие вышли из секты и образовали «вольную церковь», избрав из себя «двенадцать апостолов». Шепилову остались верными только «общие», живущие в с. Андреевке.

В учении «общих» нужно различать две стороны: религиозную и социальную. Догматические верования «общих» не представляют особенного интереса: они заимствованы «общими» у молокан и исповедуются ими без всякого изменения: по этой причине «общие» довольно равнодушны к догматике и почти не рассуждают о ней, не оспаривая у других вероисповеданий ее истинности и ее превосходства перед ними. Сам основатель секты (Попов) давал советы «следовать тому учению, которое по сердцу». «На базаре, – говорил он, – покупают то, что приглядится». Либеральные, но недальновидные писатели, обыкновенно, прославляют веротерпимость «общих», не умея отличить веротерпимости от религиозного индифферентизма. Весь интерес секты Общего Упования заключается в ее коммунистическом социализме и, притом, насколько он был осуществлен ею в действительной

жизни. Этим и объясняется то обстоятельство, что на эту секту всегда обращали внимание все русские проповедники теоретического коммунизма.

Впрочем, не много прошло времени после основания секты Общего Упования, как оказалось, что мысль Попова об учреждении коммунистической общины среди молокан, неосуществима во всей ее полноте. Уже одно учреждение администрации из многих должностных лиц стало в противоречие с проповедью Попова о равенстве всех членов общины и о коммунистическом управлении общественным имуществом. Работали только рядовые члены общины; а трудами и заработком их распоряжались лица привилегированные – «чины». Раздались жалобы и на несправедливое управление общественным имуществом: некоторые «чины» были уличаемы в пристрастии и своекорыстии. Наконец, оказались в общине и такие члены, которые хотели жить только на чужой счет, ничего не делая. Основатель общины увидел себя вынужденным изменить свои первоначальные предположения. С общего согласия было установлено вносить в общую кассу только десятую часть из приобретаемого имущества и заработка. Кроме того, чтобы увеличить средства общественной кассы, решено было принимать во время моления добровольные пожертвования. Изменили и самый характер выдачи пособий из общественной кассы нуждающимся. По первоначальному уставу общины, было предположено выдавать всем, по мере нужды, безвозвратно. Теперь же стали выдавать пособие только некоторым членам общины заимообразно, с условием возвратить полученное по истечении известного времени. Если же должник общины, по бедности, не мог возвратить взятых им денег, то он обязан был «отпостить» их: за каждый рубль – день поста. Условие это не легкое, если принять во внимание, что у «общих», как и у молокан, пост состоит в совершенном воздержании от пищи и питья в течении целого дня и, если долг состоит из порядочной суммы, напр., 100 или 200 рублей. Впрочем, «общие» умеют обходить это затруднение: если пособие слишком велико, так, что получивший его не в состоянии вынести за него всего поста,

то он просит все собрание разделить с ним этот пост, по слову апостола: «друг друга тяготы носите» (Гал. 6:2). Стеснили после этого «общие» и свободу толкования слова Божия. Молокане изъясняют слово Божие, как кто может и как кто умеет; «общие» же потребовали, что каждый, желающий изъяснять Св. Писание, должен сначала показать свое толкование «судье», и только после его одобрения прозносить в общем собрании.

Благодаря, с одной стороны, саморазложению секты Общего Упования, а с другой – принятым мерам со стороны правительства, в последней четверти прошлого столетия число ее членов значительно уменьшилось. На основании официальных сведений, можно даже утверждать, что явных членов Общего Упования, оставшихся верными учению Попова, в настоящее время только 76 мужчин и 59 женщин, проживающих в с. Андреевке и нескольких человек в с. Николаевке близ Ленкарани. Пропаганда религиозно-сектантского коммунизма затихла. К сожалению, проповедь Толстого и влияние закавказских духобор-постников, снова возбудили в секте «общих» дух прозелитизма. С 1905 года пропаганда лжеучения «общих» проникла уже и в центральные губернии Российской Империи, и во многих из них появились сектантские коммунистические общины.

6. Молокане Донского толка

История происхождения донского толка

Сухое, безжизненное, однообразное, состоящее только из чтения и пения псалмов, плохо составленных и совершенно бессодержательных «молитв», безграмотного чтения книг Св. Писания и неумелого толкования прочитанного, молоканское «богослужение», конечно, не могло удовлетворить самой насущной и естественной религиозной потребности человеческого духа. Правда, Уклеин уверял своих последователей, что он восстановляет апостольское богослужение, которое, будто бы, было таким же сухим и безжизненным, как и молоканское. Но увещания основателя секты не могли успокоить тех, у которых религиозная потребность духа была ощутительнее и оказывалась сильнее, чем у других. Вспоминали они о том разнообразии, каким отличается богослужение Православной Церкви, припомнилось им радостное и возбуждающее благодатный восторг пасхальное богослужение, умилительное и назидательное богослужение страстной седмицы; сгрустнулось им по торжественным и многосодержательным богослужениям в праздники Рождества Христова, Богоявления, Вербного Воскресения, Пятидесятницы и др. Оценили они и те таинства и обряды, которыми Православная Церковь освящает верующих от рождения до могилы. Нашлись среди молокан и критики, не поверившие Уклеину на слово, и увидевшие из книг Св. Писания, что таинства и обряды были и в апостольской церкви. Таким лицом был один из выдающихся главарей молоканства, красивый, энергичный, сведующий в книгах Св. Писания, но хитрый и властолюбивый беглый помещичий крестьянин Исаия Крылов. Среди молоканства он пользовался большим уважением не только за свое красноречие и величавую наружность, но, главным образом, за то, что он избавил их от мнимого рабства никогда не существовавшему иноверному царю и защищал их перед русским правительством, прося для них полной религиозной свободы и льгот. В это время его честолюбивые стремления были так сильны, что он осмелился просить для

себя официального звания «*первосвященника всех духовных христиан*», как он и именовал себя до самой смерти. При нем у молокан уже был введен определенный строй богомоления с преломлением хлеба, воздеянием рук, прижатием их к груди, множеством коленопреклонений и т. п., – строй, напоминающий моления сектантов Общего Упования. Собравшись в какую-либо избу, среди которой находился стол с Библией, молокане становились рядами – лицом друг к другу, с одной стороны – мужчины, с другой – женщины, или же мужчины и женщины садились вместе между девицами-певицами, на основании слов псалма: «в середине девы с тимпанами» (Пс. 67:26), или же все молокане становились кругом своего наставника, на основания слов Христа: «где двое или трое ообрались во имя Мое, там Я посреди их» (Мф. 18:20), и слушали чтение, прижавши руки к груди. Наставник, который всегда был на главном месте, начинал читать псалом: потом кто-либо читал другой псалом, и во время чтения второго псалма, все становились на колени; затем кто-либо читал третий псалом, и все слушали, стоя; при чтении четвертого псалма опять становились на колени, при пятом – вставали и т. д., до тех пор, пока прочитывалось двенадцать или двадцать псалмов. Потом, низко поклонившись друг другу, молокане садились за стол и пели еще какой-либо псалом. Затем наставник читал молитву «Отче наш», все стояли в это время с воздетыми к небу руками. После молитвы опять садились за стол, пели какой-либо псалом, на мотив простонародных песен, и вкушали пищу в строгом молчании. Этот ужин назывался «преломлением хлеба», подобным тайной вечери. После ужина пели 23 и 103 псалмы, и потом наставник читал что-либо из Евангелия, из пророческих книг Ветхого Завета со своим толкованием, или же произносил проповедь. В заключение, при пении: «Приветствую вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием» (1Кор. 16:20), все целовали друг друга с земными поклонами, что называлось «братствованием» или «ликованием». Впоследствии, это целование повело к соблазнам и нарушению целомудрия, так что многие отцы перестали пускать на моление своих дочерей, а мужья – жен[256].

Установление определенного строя «богослужения» с допущением внешних обрядов, возбудило среди молокан горячие споры. В них приняли живое участие выдающиеся представители тогдашнего молоканства: Маслов, считавший себя преемником Крылова и принявший на себя, по его примеру, звание первосвященника всех истинно христианских евангелических христиан, и его соперник, не менее его честолюбивый фанатик – Пчелинцев. Споры, однако же, кончились ничем, – каждая сторона осталась при своем мнении: одни, во главе с Масловым, настаивали на необходимости обрядов при молениях, другие безусловно отвергали их. Так, в молоканстве произошел раскол: противники упрекали друг друга, проклинали, анафематствовали, уличали в заблуждениях, и примирение объявили невозможным.

Маслов, впрочем, пошел дальше Крылова. Он стал даже копировать священнодействия православных священников: читал родильницам очистительную молитву, новорожденным младенцам давал имена, совершал Крещение, причем, вместо таинства миропомазания, дул в рот младенцу, уверял, что этим преподает дары Св. Духа, исповедовал каявшихся, напутствовал умирающих, отпевал усопших. При преломлении хлеба, по его указанию, молоканские наставники читали Евангелие и молитвы, а он благословлял хлеб, преломлял и раздавал присутствующим; затем, он благословлял красное вино, налитое в чашу, и давал его всем, вкушавшим хлеб. Один из его учеников, донской казак Андрей Саламатин, сосланный (в 1823 г.) в с. Нововасильевку, Бердянского уезда, Таврической губернии, стал распространять учение Маслова на месте своего поселения, причем, при совершении различных «богослужебных действий», пользовался уже «требником» Православной Церкви. Его последователи стали известны под именем молокан Донского толка. Таким образом, происхождение этого толка следует объяснять пустотою и бессодержательностью первоначальных молоканских богомолений, с одной стороны, а с другой – сказавшейся у некоторых молокан потребностью в таинствах и обрядах, которых они лишили сами себя, отпав от Православной Церкви.

Вероучение и богослужебный культ молокан донского толка

Общие догматические верования и нравоучения молокан донского толка, если судить по напечатанному ими Катехизису («Исповедание веры молокан Донского толка, Таврической губернии, в двух частях»), почти тождественны с верованиями молокан вообще. Единственным источником Богопознания они считают книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. «Верую – говорит составитель этого Катехизиса (Захаров, ч. 2, стр. 26), – что за пределами Св. Писания нам нет никакого основания искать себе спасения, ибо все, что относится к нашему спасению, изложено в Евангелиях и посланиях Апостольских без всякого недостатка». Но в другом месте, о том же предмете, донские молокане высказываются несколько иначе (ч. 1, стр. 2): «Св. Писание есть для нас закон Божий:

Ветхий Завет – детоводитель ко Христу, а новый – краеугольный камень истины». Отсюда уже видно, что молокане Донского толка относятся к книгам Св. Писания не одинаково, ибо полагают явное различие между ветхозаветными и новозаветными писаниями. Ветхий Завет у них только «детоводитель ко Христу», сень будущего. В действительности же, они не питают особенного уважения к ветхозаветному Писанию и даже мало читают его, а неканонические книги совсем отвергают, как произведения человеческие. Св. Предание донские молокане безусловно отрицают и не верят ему, потому что оно легко *могло* быть извращено человеческими измышлениями. «У вас, – обыкновенно возражают они православным миссионерам, – Предание существует более тысячи восьмисот лет. Как же оно могло так долго сохраниться без повреждения?» Хотя учение о Боге в Катехизисе донских молокан и не раскрыто со всею надлежащей полнотою и определенностью, но, по-видимому, они веруют, что Бог есть дух, в библейском смысле, и даже называют Его Троичным в лицах. Они веруют в наследственность первородного греха и необходимость искупления, совершенного Иисусом Христом:

признают историческое значение за евангельскими событиями, не отвергают загробной жизни, ожидают второго пришествия Христова. Этого мало. Они признают пять таинств христианских, отвергая только миропомазание и священство. Но на самом деле, таинства они понимают только в смысле обрядов, а потому, и дозволяют совершать их своим самозванным «пресвитерам». Они утверждают, что для спасения – одной веры недостаточно, что для этого необходимо верующему принять еще крещение. Но, если крещение не таинство, а только обряд, то оно не выше ветхозаветных омовений, через которые спасение достигаемо не было. Впрочем, люди невежественные, каковых не мало среди крестьян, судя только по внешнему виду, могут думать, что у донских молокан есть много похожего на практику Православной Церкви. Так, когда родится ребенок, «пресвитер» читает над ним и его матерью молитвы, по содержанию похожие на православные, дает ему православное имя; затем освящает воду, причем, читает молитву о невидимом сошествии на нее Св. Духа, крестит в ней ребенка и даже через троекратное погружение с произнесением слов: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа». Как и у православных, «пресвитер» читает очистительную молитву над женщиной в сороковой день после рождения младенца от нее. Есть у них исповедь, состоящая в том, что кающийся, открывает свои грехи перед «пресвитером», и последний потом читает над ним разрешительную молитву. Среди донских молокан существует только разномыслие о способе совершения исповеди: одни настаивают на том, что кающиеся должны исповедовать свои грехи открыто, перед всеми единоверцами, а другие допускают, что достаточно исповедать грехи свои только перед «пресвитером», но есть и такие, которые утверждают, что исповедоваться нужно друг перед другом. Священства, в смысле таинства, донские молокане не признают, объясняя, что они имеют вечного первосвященника, по чину Мелхиседека – Иисуса Христа; но, тем не менее, у них есть не только свои пресвитеры, но и диаконы, которых они избирают из своей среды и на которых все избиратели возлагают руки, по примеру (будто бы) Апостолов. Только эти «пресвитеры» считаются

правоспособными совершать у них все «священнодействия». В посвящении новоизбранных пресвитеров принимают участие «пресвитеры, действующие в соседних молоканских общинах», которые читают над новорукополагаемым молитвы, по чину Православной Церкви. Донские молокане на каждом своем общественном молении совершают преломление хлеба и благословение чаши в воспоминание смерти Христовой – и это «священнодействие» считается у них важнейшим. Особых молитвенных домов для своих общественных «богослужений» донские молокане не имеют: они происходят в их обыкновенных избах, как и у других молокан, дважды в день, по праздникам и воскресеньям. В переднем углу избы сидят, обыкновенно, их пресвитеры и диаконы, а все остальные располагаются по лавкам. Богомоление их состоит из чтения слова Божия (преимущественно, книг Нового Завета), пения псалмов, а иногда и песней из «Голоса веры», импровизированных молитв и проповеди. Моления бывают довольно продолжительные – часа по два и более. Пресвитер обязан не только избирать псалмы и песни, подходящие к празднику или к прочитанному евангелию, но и начинать пение. Во время чтения молитв, все присутствующие стоят на коленях, прижавши руки к груди. В конце молений происходит причащение, которое совершается таким образом. На столе, покрытом белой скатертью, кроме Библии, лежит белый хлеб и становится сосуд (у некоторых, даже настоящая чаша, с вынутыми из нее иконками) с красным вином. Пресвитер читает молитву, в которой воспоминается установление таинства причащения и испрашивается благословение Божие на предлежащие хлеб и вино. Затем он берет хлеб и, после тайной молитвы, разламывает его на небольшие кусочки (смотря по числу присутствующих на молении) и кладет их на стол. После этого, все в один голос читают молитву, по своему содержанию очень близкую к молитве перед причащением в Православной Церкви («Верую, Господи, и исповедую»). Сделав земной поклон, присутствующие подходят к столу для причащения. Пресвитер, прежде раздачи хлеба, говорит каждому: «со страхом Божиим и верой, приступите», а, раздавая хлеб, продолжает: «приимите,

ядите, сие есть тело Христово». По вкушении хлеба, все снова читают ту же молитву «Верую, Господи, и исповедую». Пресвитер же, взяв в руки чашу с вином, произносит: «в этой чаше Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа, в Его крови, пейте от нее все» и преподает ее всем присутствующим. После этого, читается благодарственная молитва. Над опасно больными, у донских молокан совершается нечто вроде таинства елеосвящения. «Пресвитер» помазывает больного деревянным маслом и читает над ним, с коленопреклонением, молитву, в которой просит Бога, «воздвигнуть его от одра болезненного» и даровать ему оставление грехов. Донские молокане, как и все другие молоканские толки, отвергают почитание Божией Матери, ангелов, угодников Божиих, креста, икон, мощей, крестное знамение и посты.

Донские молокане, обыкновенно, называют себя «евангелическими христианами», или «евангеликами», а простой народ прозвал их «водяными молоканами», так как они приняли водное крещение: обыкновенных же молокан, не принимающих водного крещения, он называет «сухопутными *молоканами*». Сближаясь с Православной Церковью через принятие священнодействий, похожих на православные таинства, донские молокане всегда, однако же, питали симпатии только к протестантству. Они охотно читают протестантские сочинения, в числе которых особою любовью пользуются «Беседы для христиан евангелическо-лютеранского исповедания о молитве Господней» пастора Гуна, переведенные с немецкого языка. К сочинениям же православных авторов они относятся недоверчиво, видя в них искажение и намеренное «затемнение» истины[257]. Этим и объясняется то обстоятельство, что в конце прошлого столетия среди донских молокан возникло сильное протестантское и даже рационалистическое движение: одни из них прямо перешли в штундо-баптизм, другие образовали особый толк – «новомолоканство», усвоив от штундо-баптизма внешнюю обстановку молитвенных собраний, а также порядок и состав богослужебного культа, но, удержав крещение младенцев, причащение и елеопомазание; третьи внесли в свое учение

некоторые рационалистические идеи графа Л. Н. Толстого, и только немногие остались верными своему первоначальному учению. Впрочем, донских молокан и в настоящее время можно встретить еще во многих местах, как Таврической, так и Оренбургской губернии.

7. Штундо-баптизм[258]

История секты

Происхождение штундо-баптизма не есть явление случайное, и не может быть приписано воздействию только того или другого лица, как его виновника. Оно имеет свои корни в том бурном религиозном движении 16-го века среди западно-европейского христианского мира, которое принято называть протестантизмом. Католичество не дозволяло мирянам не только изъяснять, но и читать Библию. Протестантизм ответил на это неблагоразумное запрещение энергической проповедью не только о праве каждого верующего читать Библию, но и о праве понимать ее свободно, согласно со своими убеждениями и требованиями одного своего разума. Этот принцип бесконтрольного произвола и безграничного субъективизма в понимании и изъяснении Св. Писания сам Лютер выразил в афоризме: «*как мне кажется, так и* есть». Принцип этот не утратил своего значения в протестантстве и до настоящего времени; он то составляет «первую ложь» (πρώτο ψέμα) и штундизма.

Пропагандистами «штунды» на западе были немецкие пиэтисты XVII века Франке и Шпенер, которые, развивая до крайних пределов общепротестантское начало свободного толкования Св. Писания, основали свою ecclesiolam in ecclesia (особую церковь в церкви), или «братство друзей Божиих», которое народ обозвал просто «штундой» (Stunde), а его членов – «*штунденгальтерами*» («штундистами»), так как на своих собраниях они в течении «часа» (Stunde) занимались по воскресным и праздничным дням чтением Библии и толкованием слова Божия. Такие штундовые собрания происходили в Вюртемберге, который поэтому и может быть назван первой колыбелью русской штунды. В 1817 году, с разрешения русского правительства, вюртембергские штундисты переселились в Россию и на берегах Черного моря устроили свои колонии, в том числе, и колонию Рорбах, в которой пастором с 1824 года был *Иоганн* Бонекемпер, первый насадитель штундизма среди природного русского населения.

Вюртембергские штундисты устраивали свои собрания в колониях по воскресным и праздничным дням в школьных зданиях, куда собирались как мужчины, так и женщины. Сначала они пели какой-либо из своих псалмов; затем кто-либо произносил, «по вдохновению», молитву; потом читали отрывок из Св. Писания и толковали прочитанное; были произносимы проповеди; в заключение, председательствовавший (в большинстве случаев – пастор) произносил снова молитву, а присутствовавшие пели несколько гимнов. На эти собрания были зазываемы и русские православные простолюдины, приходившие в немецкие колонии «на заработки». Вот этими-то собраниями и воспользовался рорбахский пастор-фанатик Бонекемпер (сын) для пропаганды штундизма в России. Он не только доказывал простым русским крестьянам,что протестантство есть, будто бы, единственно истинное христианское исповедание, но и подвергал резкой критике учение Православной Церкви, в особенности – о таинствах и обрядах, о почитании святых, о поклонения иконам, о мощах, постах, крестном знамении и т. п.[259] Сам тогдашний супер-интендант в России Герман Дальтон[260] совершенно справедливо говорит, что появление в России штунды связано с именем реформатского пастора немецкой колонии Рорбах Бонекемпера. Но Бонекемпер был не одинок: у него было много ревностных помощников, а потому, и штунда распространялась чрезвычайно быстро.

Начало штундизма в России нужно относить к 1862 г., но первое известие о появлении его было напечатано в «Одесском Вестнике» от 14 марта 1868 года; 5 или 6 лет спустя, не встречая нигде никакого для себя препятствия, не заявляя громко о своем существовании, штунда сразу охватила целых пять уездов Херсонской губернии: Херсонский, Одесский, Ананьевский, Елисаветградский и Вознесенский. Из колонии Рорбах она была занесена в Ряснопольскую волость, Одесского уезда, в село Ряснополь, в местечко Игнатьево, в село Основу. Отсюда она распространилась в смежных с Одесским уездах – Ананьевском и Елисаветградском, именно, в селах: Любомирке, Карловке, Обозновке и х. Николаевском. Из Херсонской

губернии штундизм впоследствии был занесен в Киевскую, именно – в Таращанский уезд, пришельцами из немецких колоний. Главный притон штундизма здесь был в селах: Чаплинке, Косяковке и Плоском. Из Херсонской же губернии штундизм распространился и по всем другим местам России.

Распространение штуидизма совершалось общим путем заимствования из первых мест его появления, при посредстве лиц, удалявшихся, нередко, на временное жительство или «на заработки» и снова возвращавшихся в свои селения. Впрочем, скоро появились и постоянные, профессиональные «миссионеры» штундизма. Кроме пастора Бонекемпера, особенно энергичными распространителями штундизма в Херсонской губернии были крестьяне: Иван Рябошапка, основавший в Любомирке штундистскую общину в 1876 году, Михаил Ратушный, основатель такой же общины в с. Основе, главный помощник Бонекемпера, разъезжавший, под видом торговца, по селам, и распространявший штунду, и Ефим Цымбал. В 1876 году Рябошапка, сразу разбогатевший и приобретший ценную водяную мельницу, обращался уже с ходатайством к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору о дозволении «*выйти ему и двадцати семействам новообращенного русского братства на вольные степа или отделиться постройкою, жительством и степом*», во избежание притеснений от своих односельцев; если же таковое разрешение невозможно, то оказать братству защиту от волостного старшины и общества, и «разрешить членам братства построить для их детей школу, которая, вместе, могла бы заменять и молитвенный дом для их братских собраний». Не объясняя, как и для чего образовалось братство из двадцати семейств и какое его устройство, Рябошапка в прошении своем излагал некоторые правила нового братства, заключающиеся в том, что братство запрещает пьянство и посягательство на чужую собственность, и проповедует взаимную помощь, – что основой своего вероучения братство признает только одно Евангелие, что иконы необязательно иметь для молитвы и что они могут быть только украшением комнат; члены братства признают крещение и причащение, но не принимают их от

православных священников, причем, они исповедуют также, что крещение должно совершать только над лицами в зрелом возрасте, а не над детьми[261]. Дальше Рябошапки пошел Ратушный. Уполномоченный штундистами сл. Основы, он уже в 1879 году обращался со всеподданнейшим прошением к Государю. В этом прошении были изложены жалобы штундистов с. Основы на притеснения их от однообщественников и ходатайство о даровании им «вольности религии» и о дозволении им свободно собираться для чтения Евангелия и молитвы.

В Киевской губернии главными вожаками и распространителями штундизма были однодворцы: Яков и Павел Цибульские, Осип Тышкевич, Захарий Богдановский, Игнатий Флоринский и, в особенности, крестьянин села Чаплинки Герасим Балабан. Первым пропагандистом штунды в Киевской губернии (в Таращанском уезде) считается, собственно, однодворец села Плоского Павел Цибульский; тем не менее, значение его, как пропагандиста штунды в Киевской губернии, представляется незначительным; он был человек малограмотный, флегматичен и не отличался природными дарованиями. Гораздо большее значение в этом отношении нужно приписать его брату – Якову Цибульскому. Молодой, энергичный, пронырливый и честолюбивый, он увлек за собою многих в штунду. У него постоянно собирались во множестве парни и девки для чтения сектантских книг, пения псалмов и совершения молитвословий по обряду штундистов. Последователи его: однодворцы Осип Тышкевич, Захарий Богдановский и Игнатий Флоринский завлекли в свое общество и других, не только из своей однодворческой среды, но и простодушных крестьян. Впрочем, самым способным и самым видным пропагандистом штунды в Таращанском уезде, Киевской губернии, был крестьянин села Чаплинки, Герасим Балабан, занимавший довольно видное положение среди херсонских штундистов и высланный оттуда на место своего жительства в Киевскую губернию за пропаганду штунды. С прибытием его в село Чаплинку, развитие штундизма в районе Таращанского уезда приняло значительные размеры и

обнаружилось в открытой и смелой пропаганде, с кощунственным отношением к православной церкви и явным непослушанием, и противлением местным властям. С самого начала появления штундизма в Киевской губернии, духовенство ревностно заботилось об обращении уклонявшихся от православия назиданиями и увещаниями, и имело в этом некоторый успех, по крайней мере, не встречало прямой оппозиции и ожесточенного упорства. Но, с появлением Балабана, в действиях сектантов сразу обнаружились резкие и фанатические проявления кощунства и насмешек над обрядами Православной Церкви, вражды к духовенству и православному населению. Ни заботливые меры духовенства, ни энергические действия администрации не в силах были остановить развитие штундизма: его последователи сразу появились не только во многих селах Таращанского уезда, но и в уездах Сквирском и Звенигородском. Кроме Балабана, с 1870 года по 1876 год действовали многие другие энергичные и дерзкие пропагандисты штунды, как, напр., Лясоцкие, которые также фанатически вели пропаганду по всему югу России и управляли всеми делами штунды в качестве «старших братьев» или «пресвитеров», находясь в постоянных сношениях с немецкими колонистами и херсонскими штундистами. В 1878 году, по официальному заявлению, сделанному в «Киевских Епархиальных Ведомостях», в селах Чаплинке и Косяковке, уже не оставалось ни одного человека, не подпавшего сектантской заразе. Здесь распространению штундизма весьма много содействовали, также, Григорий и Ян Синицкие, Яков Коваль и др. В восьмидесятых годах прошлого столетия штундизм охватил уже весь юг и центральные губернии России. Штундистские общины (и даже в значительном числе) существовали уже, как это видно из всеподданнейших отчетов обер-прокурора Св. Синода за 1873–1885 гг., в следующих губерниях: Волынской, Подольской, Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Орловской, Бессарабской, Воронежской, Харьковской, Калужской, Пензенской, Рязанской, Нижегородской, Тамбовской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Смоленской, в земле Войска Донского и даже в

Москве. Впрочем, в это время штундизм еще не принял определенной сектантской организации. Происходил еще, так сказать, процесс брожения среди его исповедников. В нем царило еще несогласие и относительно вероучения, и относительно культа. Многие из увлекшихся лжеучением штунды, еще не разрывали своих отношений к православной Церкви: посещали ее богослужения, обращались к священникам, для удовлетворения своих религиозных нужд и официально еще называли себя православными, хотя уже и относились весьма критически к учению и установлениям церковным. Штундисты выделились в отдельную секту и разорвали всякую связь с Православной Церковью только тогда, когда слились с баптистами, от которых получили и свою вероисповедную систему, и свой богослужебный строй.

Баптизм или – вернее – анабаптизм (’Ανά – приставка, показывающая повторение одного и того же действия, Βαπτίστος – крещенный; анабаптист – «перекрещенец»), как секта, есть порождение реформации XVI века. Основателем ее был Фома Мюнцер (род. около 1489 г.), ученый и оратор, католик по вероисповеданию, занимавший сначала должность школьного учителя и проповедника в Цвиккау и Вальштедте. Оставив католичество, он пошел за Лютером и считал себя даже его другом. Но дружба эта была непродолжительна. Лютер и Мюнцер это – две натуры совершению противоположного склада. Мюнцер скоро оставил Лютера, и из друга превратился в его непримиримого врага. Он стал проповедовать свое собственное учение, которое состояло в следующем: мир человеческий весь погружен в заблуждения и разврат; посему Бог призвал новых людей (т. е. Мюнцера и его последователей), просвещенных Его светом а вразумленных Его Духом, чтобы произвести реформацию во всем. Католические и лютеранские правители и священники не только бесполезны, но и вредны, так как они извратили заповеди Божии. Все религиозные обряды католиков порождены суеверием и корыстолюбием, а потому, они должны быть не только отвергнуты, но и уничтожены. Крестить младенцев, не могущих еще иметь веры, не следует. Церковь должна быть только обществом святых. Все люди, как

дети одного и того же Огца небесного, как братья во Христе, как происшедшие от одного прародителя, должны быть равны не только в отношении священства, но и в отношении гражданского и общественного положения. Поэтому у всех должно быть все общее; не должно быть никакого начальства, никаких законов, никакой собственности. Ради учреждения на земле такой церкви, или царствия Божия, нужно искоренить всякое нечестие и истребить всех нечестивцев, т. е., всех не согласных с учением Мюнцера. Так как Мюнцер признал крещение во младенчестве не истинным, то он потребовал от своих последователей, чтобы они вновь были окрещены, почему они и стали называться *анабаптистами* или *перекрещенцами*. Своим учением Мюнцер увлек, преимущественно, тогдашних немецких студентов, августинцев, горожан, крестьян и рабочих, и, в конце концов, произвел ту религиозно-политическую революцию, которая известна в истории под именем «*крестьянской войны*»: церкви были разрушены, священники побиты камнями, «масляные идолы» (иконы) истреблены, школы закрыты, более 20000 невинных бессердечно умерщвлено. 15-го мая 1525 года под Франкенгауфеном Мюнцер был взят в плен и 30 мая казнен. В 1533 году, под предводительством кровожадного, развратного и беспредельно властолюбивого преемника Мюнцера, известного *Иоанна Лейденского* (*Иоанна Бокгольда*), анабаптисты предприняли в вестфальском городе Мюнстере новое истребление «нечестивых», не щадя ни больных, ни детей, ни стариков, ни старух, сожгли книги и картины, разгромили церкви, предварительно принесши в жертву на алтарях множество кошек, собак и крыс. Только Симонид Меннон, управлявший анабаптистами во второй половине 16 века, сумел отвлечь их от кровавой политики и ограничить учение Мюнцера лишь религиозно-нравственным характером. Но такое учение не встретило сочувствия среди анабаптистов, увлекавшихся более политикой, чем религией, и число их значительно уменьшилось, вследствие чего, анабаптисты, последовавшие за Меннoном, и стали уже называться моннонитами.

В 17-м веке движение анабаптистическое, но уже под именем баптизма, возрождается в Англии на почве интепенденства. Во главе его стоял Джон Смит. Но среди англичан оно не могло найти себе сочувствия, а потому, многие из его последователей переселились в Америку, под руководством Роджера Вильямса. Последний нашел себе ревностных сотрудников в лице баптистпческих проповедников – Джона-Буньяна, Кича, Киффина и Коллиза, которые старались распространять учение Мюнцера, как оно было реформировано Менноном, среди европейских переселенцев – католиков и протестантов. Особенных успехов, однако же, проповедь их не имела; даже, напротив, многие баптисты переходили в лютеранство или реформаторство. В XVIII веке американский баптизм испытал значительное изменение и в своей системе, и в своей тактике. Баптистические проповедники – Гилло, Абрагам Буфф, Роберт Галл, доктор Рапланд, Ситклиф, Фуллер и др. учредили «*проповеднический союз*», целью которого было поставлено не распространение баптизма, в виде учения Мюнцера или Меннона, а распространение христианства вообще (христианизирование или даже евангелизирование), без догматов и обрядов, без общеобязательных символов, среди американских негров. Правда, сам баптизм распался через это на множество толков (*частные баптисты, общие баптисты, субботники, баптисты шести принципов, кампбелиты, погружатели, баптисты униаты, необаптисты, голданиды, баптисты-противомиссионеры, шлянгены, вейнбреннерианцы, баптисты седьмого дня* и др.); но зато союз этот встретил сочувствие в обществе и материальную поддержку у богатых фермеров и золотопромышленников. Потекли щедрые пожертвования. Явились школы, сиротские и вдовьи дома, больницы и богадельни. Многие добровольно и безвозмездно приняли на себя обязанности миссионеров. Отсутствие конфессиональности примиряло с баптистами и католиков, и протестантов, и дало повод баптизму стать интеркоммунионом разных сект и толков. Смешанный с пиэтизмом, необаптизм нашел прозелитов в Англии и на материке Европы, в особенности, в Гамбурге и Вюртемберге.

Баптистические миссионеры проникли даже в Китай, Японию и Индию. Еще более расширилась деятельность баптистической миссии в 19 веке, когда в проповеднический союз вошли такие лица, как Джон Фостер, Джон Говард Гинтон, доктор Ангус, Вильям Брок, Чарльз Винс, Бирелл, Гью Браун и Ландельз, а в Англии действовал известный проповедник Чарльз Гаддон Спурджон. Вместе со многими другими миссионерскими обществами, было основано в 1814 году Amerikan Baptists Missionary Union (Американский баптистический союз), который вскоре стал обладать громадными средствами, содержал (в 1894 г.) 33283 миссионера и охватил своей пропагандой весь мир, почему и именуется «Всемирным Баптистическим союзом». Его отделения, в виде местных союзов, были учреждены в Бирме, Аннаме, Индии, Китае, Японии, Африке, Греции, Испании, Франции, Германии, Швейцарии, Дании и России. Долго домогались баптисты, чтобы русское правительство дозволило их агентам «*возвещать слово Божие всем не верующим и не возрожденным людям*» или, что то же, – открыто распространять в России баптизм. Следуя примеру Германии[262], русское правительство долго не удовлетворяло такой просьбе – особенно ввиду протеста лютеранской консистории; но, благодаря настойчивым домогательствам барона Николаи, 12-го сентября 1879 г. состоялось мнение Государственного Совета, по которому баптистам дозволено было беспрепятственно исповедовать свое вероучение в России и исполнять обряды веры по, существующим у них, обычаям. В действительности, они пользовались такою свободою всегда и раньше этого дозволения. Первым из природных русских людей, обратившихся в баптизм был тифлисский купец Никита Исаев Воронин, перекрещенный в 1867 году тифлисским колонистом из немцев Мартыном Кальвейтом; Ворониным же были совращены в баптизм другие тифлисские жители, среди которых особенного внимания заслуживает его приказчик В. Г. Павлов, получивший затем специальное образование в гамбургской миссионерской семинарии и бывший, по окончании в ней курса, наиболее выдающимся баптистическим миссионером в России. Ревностными его помощниками были Андрей Миллер и Василий

Иванов (ныне Бакинский штундо-баптистический пресвитер). Но особенно сильное влияние на распространение баптизма в России и на поглощение им штундизма, были: Иоганн Гергардт Онкен (род. в 1800 г.) лютеранин, в 1834 году перекрещенный в баптизм, баптистический пресвитер, основатель первой немецкой баптистической общины, – и его помощники: еврей Кебнер, Леман, а затем Виллер (из поселян колонии Хортица, Екатеринославской губернии), Ондра (колонист Волынской губернии), Прицкау (в Старом Данциге), Христиан Фишер, Вильгельм Шульц, Карл Кениг, Георг Клунд, Август Либиг и др. Имена этих лиц теперешними русскими штундистами произносятся с большим уважением, чем имена св. Апостолов. Насколько новопоявившийся штундизм в России был поглощен баптизмом, можно судить по следующему обстоятельству. В 1849 году на первой генеральной конференции немецких баптистов в Гамбурге, были составлены Онкеном, Кебнером и Леманом, по англо-американским символам, «Изложение веры и устав общин крещенных христиан, называемых, обыкновенно, баптистами» – Glaubensbekenntnis und Verfassung der Gemeinden getaufter Christen gewöhnlich Baptisten gennant. Это «изложение веры» во всей своей полноте принято русскими штундистами, как символ, и в 1906 г. отпечатано на русском языке. С 1880 года штундисты уже имеют общие с баптистами молитвенные дома, устраивают вместе с ними общие религиозные собрания, обращаются со своими религиозными нуждами к немецким баптистическим пресвитерам, переводят на русский язык, для своего употребления, немецкие баптистические сборники гимнов и проповеди. Приняв таким образом баптистическое вероучение и устройство общины, и через то слившись с немецкими баптистами, штундисты отказались от своего прежнего названия и стали уже открыто называть себя русскими баптистами, а в литературе, ради точности, они, обыкновенно, называются – штундо-баптистами.

По примеру баптистических англо-американских и немецких общин, верховное управление баптистами в России принадлежит «Всероссийскому Баптистическому Союзу», который действует, как орган «Всемирного Евангельского

Баптистического Союза», через особый исполнительный комитет и особое «Миссионерское Баптистическое Общество», имея сверх того союзную кассу, инвалидную кассу и благотворительный фонд, которыми заведуют особые правления. Все баптисты в России разделены на районы и каждый район управляется особым районным советом с такими же органами, какие существуют и при Всероссийском союзе. Каждая община имеет своего пресвитера и проповедника, или благовестника. На счет союзной кассы содержится множество миссионеров, во главе которых стоят вышеназванные Павлов, Иванов, Прицкау, а затем Мазаев, Балихин, Захаров, Савельев, Трудерунг, Перк, Пиннекер, Ленц, Вирх, Фетлер и др. Для подготовления ученых миссионеров учреждены баптические миссионерские семинарии в Лодзи (бароном Икскулем), в Астраханке, Таврической губернии (Захаровым) и Митаве. Кроме того, во всех районах ежегодно устраиваются миссионерские курсы и съезды. Русские баптисты издают несколько журналов, из которых главный – «Баптист», и календари (напр., «Семейный Друг»), имеют свои библиотеки, читальни, книжные торговли, школы для детей и воскресные школы для взрослых. Благодаря этому, штундо-баптизм в настоящее время быстро распространяется по всей России.

Но не все штундисты слились с баптистами. Многие из них остались верными своему первоначальному учению, вследствие чего, между штундистами произошло разделение. Не принявшие баптистического «вероизложения», стали известны под именем «*духовной штунды*», «младо-штундистов», «*штундо-пашковцев*» «*не перекрещенцев*» или «евангелических христиан». Не имея для себя никакой опоры, и руководясь только субъективным пониманием Евангелия, они сошли широким путем отрицания почти всего христианского вероучения, и через то сблизились с «духовными христианами» или «уклеинскими молоканами». Свое отделение от штундо-баптистов они выразили полным отрицанием и того небольшого подобия христианских таинств, которое удерживают штундо-баптисты в своих обрядах крещения и причащения. «Все это один обряд, наружный знак, – учат они, – не в том сила;

надобно креститься живой водой, которую Христос предлагал самарянке у колодца, а не мертвой; надобно преломлять духовный хлеб и проникаться словом Божиим, чтобы и наше слово было согласно с делом. Мало ли на свете таких людей, которые крестились в воде и каждый год причащались по несколько раз; но это их нисколько не освобождает от грехов, и они по-прежнему исполнены пьянства, распутства и всякой мерзости». На возражение, что Сам Христос показал нам пример, крестившись от Иоанна, младо-штундисты, обыкновенно, отвечают так: «Мало ли что Христос делал! Он и обрезывался, и давал динарий на храм, потому что стоял на рубеже ветхого и нового заветов, а нам Сам Он повелел простираться вперед и уклоняться от фарисейской закваски. Да и во времена апостольские, крещение имело второстепенное значение. Христос посылал Апостолов, главным образом, проповедовать евангелие, а ап. Павел даже радуется, что крестил всего двух-трех человек, так как от этого крещения и тогда уже происходило раздвоение: один говорил, что он Павлов, другой – что он Аполлосов» и т. д. Кроме того, младо-штундисты указывают, что при крещении вместо воды у древних христиан иногда был употребляем и песок, а отсюда заключают, что вода при крещении служила только наружным знаком для неутвердившихся в духе, так точно, как дерево и холст в иконах – для изображения разных событий и лиц. «В книге Премудрости (15:15–21) сказано, – говорят младо-штундисты, – что отец, любящий сына, после его смерти, оставил себе на память его изображение, а потомки его это изображение и самый материал, на котором оно сделано, стали считать божеством. То же самое случилось и с крещением: «взяли, да и обоготворили воду», понимая буквально слова Христа: «кто не родится водою и Духом, тот не войдет в царство небесное»; после этого, почему же не принимать буквально и слов Иоанна Крестителя, что Иисус Христос будет крестить Духом Святым и огнем. Взяли бы, да и жгли людей на кострах для очищения их грехов, как сожгли Гусса и других наших братьев»... Отрицая водокрещение и преломление, младо-штундисты последовательно пришли к отрицанию не только авторитета и

первенствующего значения в религиозной жизни, так называемых, «старших братьев» или «пресвитеров», но и к совершенному уничтожению их, как не нужных, при отсутствии каких бы то ни было обрядов в секте. Впрочем, в последнее время они увидели себя вынужденными сделать уступку в пользу института «старших братьев». Младо-штундисты находят для себя опору в учении пашковцев, но некоторые из них увлекались воззрениями духоборов и графа Л. Н. Толстого, вследствие чего, стали совершенно равнодушными к религиозным вопросам, предпочитая им политику и переустройство русской государственной жизни.

Вероучение штундо-баптистов[263]

Согласно Гамбургскому «вероизложению», штундо-баптисты учат, что канонические книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета истинно вдохновенны Святым Духом, так что только эти книги, в совокупности, составляют истинное божественное откровение роду человеческому и единственный источник богопознания, и должны быть единственным наставлением и правилом веры и жития. Но, признавая книги Св. Писания богодухновенными, штундо-баптисты, однако же, допускают полный личный произвол, как в понимании, так и в изъяснении их. В этом случае, они остаются верными рационалистическому принципу протестантизма, из которого они и вышли!

Они веруют в Бога, Троичного в Лицах; признают прародительский грех и извращенную им человеческую природу, равно, как и искупление от греха, проклятия и смерти, совершенное Иисусом Христом. О предопределении они учат, как и протестанты, что «те лица, которым должно быть присвоено искупление, избраны Отцом, и не могут быть вырваны из рук Христовых».

Благодатными средствами для усвоения спасения, которое приобрел Христос, – по учению штундо-баптистов, – служат: слово Божие, крещение и «святая вечеря».

«Словом Божиим, – говорят штундо-баптисты, – человек пробуждается от своего греховного сна, сознает свои грехи и свою вину, и сердечно раскаивается».

О крещении штундо-баптисты учат так: «Учрежденное Иисусом Христом святое крещение должно продолжаться верующими до второго Его пришествия. Оно состоит в том, что крещающийся определенным (?) на то служителем Господним во имя Отца и Сына и Святого Духа, на одно мгновение погружается в воду. Только таким образом совершается Божественное повеление и учреждение Христово сохраняет свое глубокое первоначальное значение. В Священном Писании весьма пределенно означены и лица, которые подчиняются

этому учреждению и с благодарным сердцем принимают это средство: они, именно, суть только такие люди, к какому бы то народу ни принадлежали, которые, посредством евангелия и свободной Божией благодати, обращены от их грехов ко Христу и веруют в Него от всего сердца, как в своего Искупителя. Крещение есть первый плод веры и любви ко Христу, вступление в послушание Господу и в Его Церковь. Оно есть торжественное объявление и исповедание грешника, который сознал ужас греха и осуждение всего своего существа, и всю свою надежду возлагает на смерть и на воскресение Иисуса Христа, своего Спасителя, и верует в Него, как в искупающего от проклятия и возмездия за грех, так что телом и душой предается Христу и облекается в Него, как в свою праведность и крепость, предавая своего ветхого человека смерти с Христом, и желая ходить с Ним в обновленной жизни. Крещение есть, также, торжественное объявление и заверение верующему крестнику со стороны Божией в том, что он погружается во Христа Иисуса и, таким образом, с Ним умер, погребен и воскрес, что его грехи омыты, и что он – возлюбленное дитя Божие, к которому благоволит Отец. Крещение в крещающемся должно возбуждать еще определеннее и смелее чувство его спасения и блаженства, и Бог производит его запечатлением Святого Духа, но это бывает только в таком человеке, в котором Он прежде, посредством Своего Святого Духа, произвел истинную спасительную веру в Сына Божия, в силу Его смерти и воскресения. Крещение имеет ту особенность, что совершается только однажды, тогда как другие средства благодати повторяются и обновляются во всю жизнь христиан, посему, весьма важно, чтобы сие действие было совершенно правильно». Всех желающих креститься, «пресвитер» сначала наставляет в штундо-баптистическом лжеучении, а перед самым крещением собирает их сначала в какой-либо дом, читает и объясняет им евангелие, где говорится о крещении Спасителя; от Иоанна, чаще всего – Лк. 3:1–23; потом спрашивает: «Пребудете ли верными учению Христову (т. е., штундо-баптизму) до кончины живота вашего»? Они отвечают: «Господь удержит нас в ограде своей церкви. Ей буди, буди»!

После этого, присутствующие поют некоторые песни из своих сборников («Гусли», «Приношение православным христианам» «Духовые песни», «Голос веры или собрание духовных песен», «Радостные песни Сиона и любимые стихи», «Сборник духовных стихотворений для христиан евангелическо-лютеранского исповедания», «Гимны для христиан евангелическо-лютеранского вероисповедания») и затем торжественно идут к реке или пруду, где предположено совершить крещение. Способ совершения крещения у штундо-баптистов состоит в следующем. Желающие принять крещение, в одних рубахах входят по-одиночке в реку, а, если нет реки, – в озеро или пруд, немного не по шею (до верхних ребер) а «пресвитер» или – в его отсутствие – «старший брат», стоя в воде, берет каждого крещаемого левой рукою за затылок, а правой – за лоб, наклоняет вперед так, чтобы лоб прикоснулся к воде, а затем быстро откидывает голову назад на спину так, чтобы волосы на затылке прикоснулись к воде, при этом произносит: «властью, мне данною (?), крещаю тебя во имя Господа Иисуса Христа» или же: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа»; иногда он делает при этом нечто вроде наставлевия: «помни, брат, (или сестра) любезный (или любезная), Кому ты обет даешь жить по правде и истине: Самому Господу нашему Иисусу Христу». Свой способ крещения (погружения) штундо-баптисты объясняют так: крещение есть символ спогребения Христу, а Христос лежал во гробе с лицом, обращенным к небу. Во время совершения крещения, штундо-баптисты, стоящие на берегу реки, поют: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Аллилуия» – потом поются некоторые стихи из сборников и читаются «пресвитером» импровизированные молитвы. Возраста, определенного для принятия крещения, точно не установлено; вопрос этот разрешается «пресвитером», по его усмотрению.

О «святой вечери» штундо-баптисты учат так: «*Сие дарованное Господом Его Церкви, благодатное установление, на которое мы смотрим, как на неоцененное благодатное средство, и которое мы часто должны употреблять,*

состоит в том, что, определенным на то в церкви лицом, при изречении слов установления оного и после торжественной благодарственной молитвы, преломляется хлеб, который так же, как и вино, вкушается членами церкви. Сим возвещением каждый раз оживляется в их сердцах воспоминание о Сыне Божием и Он снова является их душе в Своей кровавой красоте. Искупленные Господом должны, по данному Им святому и благотворному повелению, до второго Его пришествия возвещать сей вечерей Его смерть, как единственную причину нашего спасения. Мы веруем, что в сем святом знаке Христос дает верующим вкушать духовным образом Свое тело и Свою кровь. Святая вечеря исключительно назначена только для таких, которые посредством действия обращающей Божией благодати, сделались Его уделом и приняли святое крещение». «Святая вечеря» совершается у штундо-баптистов, большей частью, по лютеранскому служебнику – «Ordnung des Haupt-Gottesdienstes an Sonn – und Festtagen» (Порядок главного богослужения в воскресные и праздничные дни), который в 1872 году, с разрешения евангелическо-лютеранской консистории, был переведен на русский язык и издан книгопродавцом Риккером в виде приложения к сборнику «Гимнов для христиан евангелическо-лютеранского вероисповедания», а в действительности, для штундо-баптистов, так как лютеране в русском переводе своего богослужения, конечно, не нуждаются. В служебнике этом, кроме порядка обычного общего богослужения, находится еще «Чин литургии в день исповеди и причастия» (Beicht handlung und Abendmahls-Liturgie). Им-то, главным образом, и пользуются штундо-баптисты. Прежде всего, «пресвитер» увещевает присутствующих, прийти к искреннему раскаянию в своих грехах, приготовляя их к этому чтением Св. Писания и проповедью. Потом он говорит: «Смиритесь же теперь пред лицем Божиим, исповедовайте Ему от всего сердца все грехи ваши, говорите про себя: «Всемогущий Боже, Милосердный Отче! Я, бедный грешник – человек, исповедую Тебе все грехи мои, сделанные мною помышлением, словом и делом, которыми я заслужил Твой

справедливый гнев и временное и вечное покаяние (наказание?). Но я душевно скорблю о них, сердечно раскаиваюсь в них и молю Тебя: Ты, Господи, по беспредельному милосердию Своему и ради тяжкого страдания и смерти возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа, будь благ и милостив ко мне, бедному и грешному человеку, прости все грехи мои и милостиво даруй мне для исправления моей жозни силу Твоего Святого Духа. Аминь». Все присутствующие говорят: «да»! После этого, пресвитер произносит разрешительную формулу: «Всем сердечно кающимся истинной верой, утешающимся заслугами Иисуса Христа и решившимся с твердым намерением исправить свою греховную жизнь, я, на основании этого исповедания вашего, силою, данной мне, власти, как призванный и посвященный служитель божественного слова, возвещаю благодать Божию и отпущение грехов во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь». После этого, поется какая-либо краткая песнь из «Гуслей» или «Голоса веры», а чаще других – следующая:

Боже правый, прости
Грех мой вольный и невольный.
Разреши и отпусти
Заблужденья плоти дольной.
Не суди меня, Судья,
Но спаси меня, Спаситель,
И погибшего меня
Искупи, мой Искупитель.
Я молю, Христе, Тебя,
Ради смерти Твоей крестной,
Ты во царствие меня
Приведи, Царю Небесный.

За сим, следует проповедь, большей частью, о важном значении «святой вечери» и начинается «литургия». Обратившись к народу, «пресвитер говорит: Господь да будет с вами!» Присутствующие отвечают: «И с духом твоим». Пресвитер «Вознесите сердца!» присутствующие: «Возносим их ко Господу»! Пресвитер: «Благодарим Господа Бога нашего!» Присутствующие: «Достойно и праведно есть». Пресвитер:

«Воистину достойно и праведно, и спасительно есть во всякое время и во всяком месте благодарить Тебя, Святой Отче, Всемогущий Боже, чрез Иисуса Христа Господа нашего, ради Которого Ты милуешь нам грехи наши и обещаешь вечное спасение. Посему, мы со всеми ангелами и небесными силами поем славе Твоей хвалебную песнь». Присутствующие: «Свят, свят, свят Бог Господь Саваоф! небо и земля полны славы Твоей!» Пресвитер читает молитву Господню. Присутствующие: «аминь». Пресвитер: «Господь наш Иисус Христос в ту ночь, в которую был предан, взял хлеб и, возблагодарив, преломил его, роздал ученикам Своим и сказал: «Приимите, ядите, сие есть тело Мое, за вас предаваемое. Сие творите в Мое воспоминание. Также, после вечери, взял Он чашу, возблагодарил, подал им и сказал: Пейте из нея все, сия чаша есть Новый Завет в моей Крови. Она же за вас и за многих изливается во оставление грехов. Сие творите, когда будете пить ее, в Мое воспоминание». Затем, обратившись к народу, пресвитер говорит: «Мир Господу со всеми вами. Аминь». Присутствующие: «Агнче Божий, приявший грехи мира, помилуй нас. (Дважды). Агнче Божий, приявший грехи мира, даруй нам мир Твой». После этого, «пресвитер» разламывает на куски нарезанный хлеб, лежащий на столе, вкушает его и передает, или сам, или через диакона, присутствующим, которые тоже вкушают его. Затем пресвитер пьет вино из чаши и передает ее, как и хлеб, присутствующим. Во время вкушения хлеба и из чаши, сектанты поют следующие стихи из книги «Голос веры»[264].

Когда, Христе, Ты смерть Свою
Ученикам явил,
Тогда ты за вечерею
Взяв хлеб, благословил.
И, преломив, раздал им всем,
К ним говоря сие:
«Приимите и ядите все –
«Сие тело есть Мое».
Также с вином Ты чашу взял,
Благодарил, дая

Своим ученикам, сказал:
«Сие есть кровь Моя,
«Приимите, пейте из нея
Все, ибо это кровь,
За вас изливаемая
В прощение грехов.
Се новый Мой завет в крови!
Вам в завещание:
В Мое сие творите вы
Воспоминание».
И мы здесь кровь Твою, Христе,
Пролитую за нас,
И плоть распяту на кресте,
Воспоминаем все.
Благослови ж нам, о Христе,
Сие вино и хлеб
Вкусить; как Ты велел, в Твое
Воспоминание».

Перед вкушением хлеба и вина, после этого, почти всегда читаются подходящие места из Евангелия и первого послания к Коринфянам, произносятся «пресвитером» молитвы и поются стихи. Когда все присутствующие вкусят хлеба и выпьют вина, пресвитер возглашает: «Благодарите Господа, ибо Он Бог. Аллилуия». Присутствующие: «Милость Его вечна. Аллилуия». Пресвитер: «Помолимся, Благодарим Тебя, всемогущий Боже, что Ты напитал нас сими спасительными дарами и просим Твое милосердие, да послужат нам они к утверждению веры в Тебя и к сердечной взаимной любви чрез возлюбленного Сына Твоего Господа нашего Иисуса Христа». Присутствующие: «Аминь». Пресвитер (прощаясь с каждым из присутствующих) говорит: «Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да воззрит Господь светлым лицом Своим на тебя и помилует тебя! Да обратит Господь лицо Свое на тебя и даст тебе мир!» Все отвечают на это благожелание словом: «аминь» и расходятся по домам, или же ведут беседу о чисто житейских делах.

Штундо-баптистические «пресвитеры» не всегда совершают одинаково «святую вечерю»; они считают себя вправе многое

видоизменять; но основной тип удерживается всеми в том виде, как он изложен в лютеранском служебнике. Один очевидец рассказывает, что в его присутствии штундо-баптистическая «вечеря» была совершена следующим образом. «В назначенный день, в доме крестьянина Филимона все уже было приготовлено, чтобы начать вечерю; в переднем углу восседал пресвитер, а по правую сторону его – хозяин дома, Филимон, исполнявший на этот раз обязанности диакона, и перед ним лежал на столе белый пшеничный хлеб и стояла наполненная красным вином хрустальная чаша. На некоторое время водворилось глубокое молчание. «Приступим, братья!» прервал молчание пресвитер, поднимаясь с места. Все собрание поднялось с своих мест. «Боже, милостив буди мне грешному!» троекратно произнес взволнованным голосом пресвитер, возводя глаза к верху, и приступил к чтению 14 главы евангелия от Матфея, начав с 14 стиха. По окончании чтения, диакон Филимон начал петь духовную песнь, которую после первых слов подхватило все собрание и продолжало до конца. По окончании песни, снова воцарилось молчание, и пресвитер снова начал чтение 22 главы Луки, в которой говорится о тайной вечери Господа с учениками. После чтения, снова началось пение духовных стихотворений, в которых воспоминается предательство Иуды, страдания Господа и Его крестная смерть. Наконец, наступила торжественная часть «вечери». Пресвитер начал чтение: Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб»… (1Кор. 11:23–24). По окончании чтения, Филимон начал стихотворение: «Когда, Христе, Ты смерть Свою ученикам явил…» и пр. (из книги «Голос веры» Воронина стр. 221, песнь 154). После первых слов, к нему присоединились голоса остальных. После пения все собрание преклонило колена, и пресвитер начал «держать молитву», чтобы Бог «дал всем братьям причаститься Его тела во оставление греров». После молитвы, диакон Филимон подал пресвитеру деревянное блюдо с хлебом, разрезанным ломтями, и пресвитер, читая слова 26:20–26 евангелия от Матфея, причастился сначала сам, а потом, через диакона, передавал хлеб для причащения всем присутствующим. Причастившись хлеба, все собрание снова

запело: «Также с вином Ты чашу взял…» Затем снова последовало общее коленопреклонение, и снова пресвитер начал «держать молитву» о спасении братии, после чего, прочитав 27 и 28 стихи той же главы Евангелия от Матфея, причастился из чаши, наполненной красным вином; за ним причастился диакон Филимон и передал чашу присутствующим для той же дели. После этого, собравшиеся уселись на своих местах и на некоторое время установилась тишина. Затем все поднялись и начали петь: «Приими хвалу благодаренья». Молитвой пресвитера о спасении братии и императора закончилась «вечеря»[265].

В изложенном порядке «святая вечеря» совершается у штундо-баптистов в праздничные и воскресные дни.

«Церковь, по учению штундо-баптистов, есть соединение учеников Христовых, устроенное по слову Божию». Верховный глава церкви есть только один Иисус Христос. Церковь избирает из числа своих членов старцев (пресвитеров), учителей и служителей, которые, посредством посвящения, облекаются саном. Посвящение состоит в том, что избранные общиной для служения лица старцами той или другой общины, при возложении рук и молитве, отделяются для дел их звания: «Ученые познания (говорят штундо-баптисты в своем «Вероучении») мы считаем весьма полезными, впрочем, не необходимыми». Обязанности должностных лиц в штундо-баптистической общине состоят в следующем: старцы председательствуют в собраниях общины и управляют ими. Им поручено (?) приводить в исполнение решения общины. Кроме того, они обязаны к верному и непрестанному попечению о душах. Учители (они же благовестники и проповедники, евангелисты) уполномочены и обязаны проповедовать в богослужебных собраниях. Касательно чистоты их поучений, они состоят под надзором всей общины, которая, в случае, если проповедник уклонится от учений евангельских, как они изложены в штундо-баптистическом вероисповедании, и, не смотря на все увещания, пребывает в своем отступлении, то такого община может тотчас удалить от должности. Святое крещение и святая вечеря преподаются как старцами, так и

учителями. Должности старца и учителя могут соединяться в одном лице. С должностью старца или учителя совместно и то, если он будет иметь светское занятие; но при известных обстоятельствах (?) желательно, чтобы он исключительно посвятил себя занятию своего духовного звания. А в случае, если этого пожелает община, она, согласно Божиим повелениям, обязана дать ему пристойное, соразмерно с ее средствами, содержание. Служители церкви (диаконы) должны обладать означенными в писании качествами. Они помогают старцам и учителям в их должностях, в особенности же, им предоставляются временные дела церкви, т. е., телесные нужды.

Каждый штундо-баптист обязан участвовать в праздновании «святой вечери» и исправно посещать штундо-баптистические собрания, как в воскресные, так и в будничные дни. Только по крайней необходимости или по болезни штундо-баптист может быть освобожден от участия в «святой вечери» или от посещения богослужебных собраний, особливо, от собраний общины. В совещательных собраниях общины все дела, насколько то возможно, решаются голосованием. При голосовании, все члены имеют равные голоса и решение производится большинством голосов. Тогда такому решению меньшинство должно покориться, так как свобода (?) и порядок в общине могут быть сохранены, по «вероучению» штундо-баптистов, только таким образом.

Нового члена штундо-баптисты принимают посредством голосования лишь по предварительном ознакомлении с его душевым состоянием (т. е., настроением), и после исповедания им веры перед общиною. Дурные члены исключаются из общины, после увещания, тоже голосованием.

Штундо-баптисты признают, что брак учрежден Богом, что муж может иметь только одну жену, а жена только одного мужа. При совершении бракосочетания, читаются подходящие места из евангелия от Иоанна (о браке в Кане галилейской) и из послания ап. Павла к Ефесянам, поются стихи, а пресвитер произносит молитвы. Жених и невеста становятся на колени, пресвитер же возлагает на них руки.

Свое отношение к гражданскому правительству штундо-баптисты определяют так: «мы признаем себя обязанными оказывать безусловное повиновение всем его законам, если только они не ограничивают свободного исполнения обязанностей нашей христианской веры. Мы признаем, что употребление клятвы воспрещено христианам, но что благоговейное призывание нашего Бога во свидетеля истины, правильно требуемое и даваемое, есть только молитва в необыкновенной форме. Мы считаем себя обязанными, когда потребует нас к тому начальство, нести повинности военной службы. Мы не видим себе препятствия, со стороны нашей веры, принимать на себя правительственные должности».

Погребение умерших у штундо-баптистов совершается чрезвычайно просто: оно состоит из пения и чтения псалмов из псалтыри и «псальм» из штундо-баптистических сборников, отрывков из евангелия и апостольских посланий, по усмотрению «пресвитеров».

Штундо-баптисты веруют в загробную жизнь, второе пришествие Христа и всемирный страшный суд.

Таковы положительные верования штундо-баптистов, как они изложены в их «катехизисе» и «Вероучении». Ясно, что штундо-баптисты это – те же протестанты; различие между ними состоит лишь в том, что протестанты (лютеране) признают крещение младенцев необходимым, а русские штундо-баптисты, как и их родоначальники – баптисты, отрицают даже необходимость совершать крещение младенцев.

Что же касается отрицательной стороны вероучения, то между русскими штундо-баптистами и немецкими протестантами совершенно нет никакого различия. Штундо-баптисты отрицают все таинства, в том числе, и крещение, ибо они у них – простые обряды, без которых можно достигнуть спасения. Правда, в своем «Вероучении» они говорят об их необходимости; но, одновременно с «Вероучением», русские штундо-баптисты напечатали популярную среди них брошюру Клиффорда: «Нужно ли мне креститься?»[266], – и вот, что говорится в ней с самого начала: «Можно ли войти в Царствие Небесное, не принявши крещения? Почему же нет? Христос Сам

сказал: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную». Я – верующий; почему же я должен креститься? Необходимо ли мне креститься, чтобы спастись? Конечно, нет. Мы спасаемся верой, а не крещением»… Вот откровенное исповедание штундо-баптизма. Штундо-баптисты принимают крещение, по их словам, только повинуясь слепо повелению Спасителя; но значения его они не понимают.

Затем, штундо-баптисты отвергают почитание Божией Матери, ангелов, угодников Божиих, икон, креста, мощей, молитву за умерших, монашество, посты, крестные ходы, водоосвящение и т. п. В этом они совершенно согласны с молоканами, а потому, все, сказанное нами относительно отрицательной стороны лжеучения молоканского, имеет свое полное значение и относительно отрицательной стороны лжеучения штундо-баптистов. Повторять его здесь мы не будем. Мы коснемся только двух пунктов штундо-баптистической догматики: 1. учения штундо-баптистов об оправдании и 2. вопроса о крещении младенцев.

1. Следуя протестантам, штундо-баптисты отвергают значение добрых дел для достижения вечного спасения; они учат, что человек спасается только верой в искупительные заслуги Христа, а не добрыми делами. В оправдание такого учения, штундо-баптисты, как и все, вообще, протестанты, ссылаются на следующие места в книгах Св. Писания: Рим. 3:24, 28; Гал. 2:16; Еф. 2:8.

В послании к римлянам (Рим. 3:24–28) ап. Павел пишет: «получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде… Ибо мы признаём, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона». Эти слова Апостола заключают в себе величайшую истину: мы получаем оправдание перед Богом только искуплением во Христе Иисусе, по одной благодати Божией, а не по своим заслугам, не по своим подвигам или добрым делам, как бы велики они ни были, ибо, было бы величайшей несправедливостью думать, что за временные дела должно

ожидать вечного блаженства; тем меньшее значение имеют дела закона, т. е., выполнение требований обрядового закона Моисеева, о чем Апостол говорит не только в рассматриваемой нами третьей главе послания к римлянам, но и в следующей. Для того, чтобы воспользоваться благодатью искупления во Христе Иисусе, требуется вера, без которой угодить Бугу невозможно и о которой говорит ап. Павел в приведенных словах. Но одной веры, по учению того же самого Апостола, изложенному в том же самом послании к римлянам, для спасения человека еще недостаточно; нужна еще и жизнь, соответствующая вере, т. е., добрые дела, любовь, которую заповедал нам Христос и в которой Сам Бог пребывает. «Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего. Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру». Ясно, что штундо-баптисты исказили учение ап. Павла об оправдании или, подобно протестантам, поняли его ложно.

Гал. 2:16: «узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не *делами закона*; ибо *делами закона* не оправдается никакая плоть». Этих слов также нельзя приводить в доказательство лжеучения, будто бы, человек оправдывается только одной верой. Повсюду, где ап. Павел употребляет слова: «дела закона», он разумеет под ними лишь исполнение требований обрядового закона Моисеева, которому он противопоставляет закон Христов: «Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» (Рим. 8:2).

Наконец, Еф. 2:*8–9*: «благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился». Мы уже сказали, что человек достигает своего спасения не своими заслугами или делами, но благодатью Божией, искуплением в Иисусе Христе; а потому хвалиться своими делами и заслугами грешно перед Богом. Так поступают только сектанты – хлысты и молокане, утверждающие, что они сами

могут спасти себя своими делами и потому отвергают искупительное значение крестных страданий Спасителя.

Что для получения вечного блаженства, ради крестных заслуг нашего Искупителя недостаточно одной веры, а необходимы еще и добрые дела, об этом ясно учил Сам Господь наш Иисус Христос: «Не всяк говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21). «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8:34). Полное опровержение штундо-баптистического лжеучения об оправдании представляет, наконец, наставление ап. Иакова: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли та вера спасти его? Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: «ты имеешь веру, а я имею дела»: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут... Видите ли что человек оправдывается делами, а не верой только? Как тело без духа мертво, так и вера без дела мертва» (Иак. 2:14–26). Впрочем, на деле штундо-баптисты сами опровергают свое лжеучение об оправдании, говоря постоянно о своей святости и высоконравственной жизни.

2. Отвергая крещение младенцев[267], штундо-баптисты указывают на слова ап. Павла: «неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы» (1Кор. 7:14). Но, «если христианские дети святы сами по себе, – говорят штундо-баптисты, – то зачем же их крестить»? Это возражение основывается, очевидно, на отрицании наследственного греха и даже предполагает нечто большее: естественную святость человека. По толкованию сектантов выходит, что, если жена язычника приняла христианство, то уже через то самое стали святыми не только ее языческие, неверующие и некрещенные дети, но даже и муж ее – грубый язычник. Что же касается приведенных слов ап. Павла, то св. Златоуст так объясняет их: «Если муж не беспокоит тебя, жена, то оставайся, говорит, с ним; от этого может быть и польза;

оставайся и увещевай, советуй, убеждай: никакой учитель не может убедить так, как жена» Но, что сказал Златоуст о язычнике – муже, то еще с большим правом должно быть сказано о языческих детях женщины, обратившейся в христианство. Мать – христианка, подобная Монике или Анфисе, скорее всего, убедит своих детей уверовать во Христа и принять таинство крещения. Но, если бы она потребовала развода с мужем – язычником по религиозным побуждениям, то, по римским законам, муж имел право удержать детей у себя и тогда они могли бы остаться нечистыми, т. е., язычниками. Слово «святой» в книгах Св. Писания не всегда означает душевную чистоту и святость в собственном смысле. Чистыми или святыми иногда назывались волы, овцы, козлы, голуби и горлицы. «Свято Господу наречется всяк младенец мужского пола, разверзая ложесна» (Лк. 2:23; Исх. 12:2). В век апостольский святыми были называемы христиане вообще; так называл их и сам ап. Павел, говоря, напр., коринфянам: «приветствуют вас все святые» (2Кор. 13:12; Срав. Рим. 15:26; 1Кор. 16:1; Еф. 3:18; Деян. 9:13; Рим. 16:2; 1Фес. 5:27; 1Тим. 2:9 и др.). В этом смысле Апостол говорит и о том, что у христианки-матери дети будут святы, т. е., будут христианами. Форма настоящего времени в речи Апостола (теперь святы) употреблена здесь вместо будущего, как относительно язычника-мужа: неверующий муж *«освящается»,* вместо *«будет освящен».*

Главное возражение штундо-баптистов против крещения младенцев состоит, впрочем, в том, что для достойного принятия таинства крещения требуется покаяние и вера (Мк. 16:16; Деян. 2:38), а младенцы ни веровать, ни раскаиваться не могут; «допускать же, что благодать Св. Духа в крещении даруется им по вере других (родителей и воспреемников), – говорят штундо-баптисты, – для этого в книгах Св. Писания нет никакого основания». С последним замечанием согласиться, однако же, нельзя. Бесноватый отрок, не имевший ни веры, ни сознания, был чудесно исцелен Иисусом Христом только по вере отца, от которого потребовано было даже лишь «сколько-нибудь веровать» (Мк. 9:22–27). По вере хананеянки, была

спасена ее несчастная дочь (Мф. 15:28). По вере носильщиков, был исцелен капернаумский расслабленный (Мф. 9:2). По вере капернаумского царедворца, был исцелен его сын (Ин. 4:46–53). По вере капернаумского сотника, был исцелен его слуга (Мф. 8:5–13). По вере родителей, были даже воскрешаемы умершие дети (Лк. 7:13; Мк. 5:36; Лк. 8:50). По вере других, были отпущены грешникам даже их личные грехи (Мф. 9:2). Ветхозаветное обрезание, которое заменено новозаветным крещением (Кол. 2:11–12), было совершаемо как над взрослыми, так и над восьмидневными младенцами; но оно также должно было предваряться верой (Рим. 4:9–14); но могли ли веровать младенцы восьмидневные? Ясно, что они принимали обрезание, т. е., вступали в союз с Богом, только по вере родителей и эта вера вменялась им в праведность, как их собственная. То же самое нужно сказать и о первенцах, которые были посвящаемы Богу в 40-й день после их рождения. Могли ли они сами в этом возрасте давать обет Богу, что они «будут служить неотступно во всю свою жизнь» (Исх. 13:2; 1Цар. 1:28)? Слово Божие неоднократно свидетельствует, что, по бесконечной любви Своей к роду человеческому, Господь осеняет Своей благодатью детей и в том возрасте, когда они еще не могут обнаруживать не только своей воли, но и своего самосознания (Иер. 2:5; Лк. 1:15; Гал. 1:15; Пс. 8:3; Мф. 21:16). Нельзя сомневаться, что уже Апостолы совершали таинство крещения как над взрослыми, так и над младенцами, когда они крестили целые семейства (Деян. 16:15, 33: срав. Деян. 2:39).

Приводя слова Спасителя о детях еврейских, принявших уже обрезание: – «таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19:14), штундо-баптисты рассуждают так: «если еврейским, некрещенным, конечно, детям Господь обещал Царство Небесное, то зачем же крестить детей христианских?» В действительности, нужно рассуждать как раз наоборот: если детям обещано Царство Небесное, то, для того, чтобы это обещание осуществилось, необходимо выполнить условие, без которого никто не может войти в Царство Божие (Ин. 9:5), т. е., необходимо совершать над детьми крещение. Ведь Христос обещал Царство Небесное не только детям, а всем Своим

последователям: «Я завещаваю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство» (Лк. 22:29); но это не значит того, что крещение, вообще, излишне для получения Царства Небесного

Штундо-баптисты утверждают, что своим общинам они дали устройство первенствующей христианской Церкви. Но в Церкви Христовой всегда было совершаемо крещение младенцев. Так, уже муж апостольский Дионисий Ареопагит пишет (Церк. Иерар. VII, 3. § 11): «Божественным нашим наставникам (т. е. Апостолам) изволися допускать к крещению и младенцев, под тем священным условием, чтобы естественные родители дитяти поручали его кому-либо из верующих, который бы хорошо наставил его в предметах Божественных и потом заботился о дитяти, как отец, указанный свыше, и как страж его вечного спасения. Этого-то человека, когда он дает обещание руководить отрока к благочестивой жизни, иерарх заставляет произносить отречение и священное исповедание». Св. Ириней, ученик мученика Поликарпа, лично знавшего св. Апостола Иоанна (Contr Haeres. 11, cap. 22; III. cap. 17, V. cap. 15), Ориген и др. так же говорят о крещении младенцев в первенствующей Церкви. – Оно всегда было совершаемо во всех древних христианских церквах: греческой, грузинской, филадельфийской, абессинской, римской, армянской, несторианской и др. Даже Лютер не мог не признать его необходимости. Конечно, и штундо-баптисты, если бы только они на деле, а не на словах, хотели следовать примеру первенствующей Церкви Христовой, не дерзнули бы препятствовать своим несчастным детям приходить ко Христу через таинство крещения. Впрочем, справедливость требует сказать, что в последнее время они стали менее доверчиво относиться к доводам своих лжеучителей и, как свидетельствует их орган «Баптист» (1908 г. № 10), многие из них уже постановили: совершать крещение над младенцами.

8. Пашковщина[268]

История секты

Пашковщина, как и штунда, имеет свои корни в том общем западно-европейском религиозном движении, которое, обыкновенно, называется протестантизмом, и находится в тесном сродстве с протестантскими разновидностями, выросшими на англо-американской почве, – методистами, гернгутерами, квакерами, баптистами и т. п. Лжеучение, исповедуемое пашковцами, в Россию было занесено английским лордом Гренвиллем Редстоком и в первое время, по его фамилии, называлось редстокизмом.

Гренвиль Редсток, по своему рождению и материальному состоянию, принадлежал к высшей английской аристократии и свое образование получил в Оксфордском университете, но уже в молодости он почувствовал влечение к религиозному идеализму и любил устраивать со своими товарищами оживленные беседы на религиозные темы, причем, еще в университете он высказывал желание «быть проповедником Христа». К сожалению, он совершенно был незнаком ни с богословскими, ни с философскими науками. По настоянию отца, тотчас по окончании курса в университете, поступил на военную службу. Вскоре после этого, он заболел, и его болезнь приняла такой угрожающий характер, что врачи не надеялись на его выздоровление. В «то время его очень занял вопрос: что его ожидает в загробном мире, ввиду того, что он вел рассеянный образ жизни и ничего хорошего не сделал? Разрешить этот вопрос ему помог какой-то проповедник-баптист, или методист, уверив его, что человек спасается не добрыми делами, не христианскими подвигами или аскетизмом, а только одной верой во Христа, в Его крестные заслуги. «Верующий в Сына, имеет жизнь вечную». «Верующий в Него, не постыдится, а не верующий уже осужден своим неверием». «Всякий верующий в Иисуса Христа уже через это самое спасен, оправдан, искуплен и освящен; итак, если ты веруешь, что пролитая кровь Христа омывает грешника, то уже омыты и твои грехи; ты спасен, освящен, омыт, оправдан, искуплен, ты уже свят, и тебе

остается только радоваться». Продолжительные беседы проповедника в этом духе не только убедили Редстока в мысли, что человек оправдывается перед Богом лишь одной верой, но и сделали его фанатиком этой идеи. По выздоровлении своем, он оставил военную службу и посвятил себя исключительно пропаганде этого учения.

Для этого он устраивал общественные собрания («конференции»), посещал салоны аристократических домов и ночлежные приюты пролетариев, являлся в портерные и клубы, даже извозчиков, которые его возили по этим местам, не забывал убеждать в том, что грешник спасается не аскетическими подвигами и добрыми делами, а только одной верой в крестную смерть Спасителя. В Англии, впрочем, где тогда с особенной энергией действовали баптистические проповедники во главе с Спурджоном, проповедь Редстока особенного успеха не имела: его считали даже человеком психически больным. Вместе с матерью и женой он отправился во Францию и оттуда в Швейцарию, где приобрел много последовательниц и среди русских аристократок. Это было в 1872 году. Вот, как описывает очевидец швейцарскую проповедническую деятельность Редстока[269]: «В довольно вместительной комнате было человек восемь: два-три мужчины, остальные – дамы.… Все общество шепотом переговаривается и посматривает на дверь, из которой должен выйти проповедпик. Вот, заветная дверь отворилась и перед нами высокого роста рыжий англичанин. Поклонившись обществу, он, как автомат, шлепается на стоящее посередине кресло, как будто смотря на все и, в то же время, как будто не глядя ни на что, и только изредка устремляя глаза вверх, как бы, для того, чтобы разглядеть и воспринять что-то, спускающееся свыше.… Но вот, лорд, почувствовав наитие, вскакивает с места и говорит: «а теперь помолимся», хватается руками за голову, бросается на колени, упирается лицом в подушку сиденья на стуле и начинается молитва, импровизируемая лордом-апостолом. Молитва эта состоит из набора не мыслей, а отдельных слов, кои лорд подбирает через большие промежутки времени, повторяя иногда до десяти раз уже найденное слово

до тех пор, пока подыщет следующее, вроде: «О Иисусе, мы любим Тебя, мы.... мы хотим, хотим любить Тебя! Хлеб наш насущный даждь нам днесь! Ох, мы слабы, очень слабы! Помоги нам верить в Тебя!» После молитвы, длившейся минут 5–10, лорд снова уселся, взял Библию и, как бы, наугад открыл книгу.... В тот сеанс, когда я присутствовал, открылось 1-ое послание к Коринфянам в первой своей главе. «Первое послание св. Павла к Коринфянам» прочитал лорд и стал разбирать это заглавие слово по слову. «Послание – это просто письмо; первое – потому, что есть и второе; апостола – т. е. посланника; так называли учеников Иисуса Христа; Павел – так его звали; к Коринфянам – это значит к жителям Коринфа». («Как это ясно, восхищаются слушающие лорда дамы, и как это просто! О, добрая весть – евангелие – проста, и этой-то простотою проповеди Бог хотел спасти мир!») Предавшись таким комментариям, слушательницы лорда, как бы, для большего убеждения в том, попадают глазами на стихи 17, 19, 20 и 21 и радуются быстроте своих успехов в понимании смысла Писания. «В истинной проповеди, какова проповедь лорда, продолжают они про себя, есть что-то такое, что мгновенно сообщает вам полный свет доброй вести. Как мне понятна теперь Библия!»). Лорд, между тем, продолжает свое дело. Прочитав первый стих первой главы послания, он переходит прямо ко второму и останавливает свое внимание на словах: «церкви Божией, находящийся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым». Церкви – это просто собранию, подобно нашему, т. е. нам самим. Вы спасены, освящены, оправданы, искуплены, вы святы и вы должны этому радоваться. Всякий, верующий в Иисуса Христа, уже через это самое спасен, оправдан, искуплен и освящен. Но спросят: кто это всякий? Все думают, что этот всякий, кто-либо другой. В этом отношении, большинство людей похоже на того нотариуса, который занимается внесением в реестр разных завещаний. Он прочитывает их сотни и интересуется лишь их формальной стороною. Но, что должно произойти в нем, если нечаянно среди других завещаний ему попадется завещание в его собственную пользу? И большинство людей разбирают дело

спасения, как разбирает чужие завещания нотариус. Они задают себе чисто формальные, называемые у них историческими и догматическими, вопросы: кто такой Христос, от кого и как Он происходит, кого Он спас и кому оставил Свое завещание и как, почему, и за что? Но какая им польза от всего этого? Что же должно произойти в человеке, когда он вдруг узнает, что это завещание в его пользу? Этот-то переворот и есть то, что называется возрождением. Понятно, что он не зависит ни от исторических, ни от догматических понятий о Христе, а тем менее, тех или других внешних действий, кои называются таинствами и обрядами. Итак, этот всякий – ты, именно – ты. Тебя Христос спас, тебя оправдал, тебя освятил, искупил, именно – тебя, кто бы ты ни был: еврей, магометанин или христианин, к какой бы церкви или секте ты ни принадлежал, какую бы ты религию ни исповедывал – все равно; там, где нет ни Иудея, ни эллина, всякий может считать себя этим «всяким». Зачем тебе после всего этого церковь? Ты сам себе теперь церковь, да еще церковь Бога живого; зачем тебе таинства и обряды? С тех пор, как ты стал теперь «всяким», ты освящен, стало быть, получил всю полноту даров Духа Святого, которые тебе остается возгревать верой и молитвою… Зачем тебе заботиться о делах? – Ты должен говорить себе: «живу не к тому Аз, но живет во мне Христос». Думая о делах, ты покажешь только, что считаешь недостаточною для твоего оправдания, освящения и искупления правду Божию, стараясь восполнить ее твоею человеческою правдою. Напротив, такие мысли, равно, как и таинства, богослужебные молитвы и обряды суть дело сатаны, отдаляющее нас от Бога. Не уподобляйтесь идолопоклонникам, которые, выделав идола из дерева по своему рисунку, остальное дерево сожигали или отбрасывали, не уподобляйтесь им в вашем обращении с Библией: не делайте из нее идола по образцу вашему, отбрасывая все, вам неподходящее. Но старайтесь понимать ее так, как она есть и доходите до этого сами, своим собственным умом, не полагаясь ни на чье толкование, а вполне отдавайтесь тому внутреннему голосу, который есть голос Св. Духа, излиятого на нас обильно Иисусом Христом. Точно также и

относительно молитвы: не ищите, что сказать, ибо, если только Дух Божий живет в нас, то сам Дух и ходатайствует за нас воздыханиями неизглаголанными. Таким образом, вы все оправданы, искуплены, освящены, одним словом – спасены. Итак, радуйтесь всегда о Господе! Если вы получили Св. Духа, а вы Его получили, если вы чувствуете Его присутствие в себе, если вы уверены, что Он в вас, то не требуйте, чтобы кто учил вас, что такое значит радоваться о Господе. Это значит – поклоняться Богу в духе и истине, погружаться в созерцание Божества. Что касается до меня, то я делаю это каждый день так: сажусь в кресло и погружаюсь в это созерцание. Вот, что значит – поклоняться Богу в духе и истине, и вот каких поклонников Отец ищет Себе. Радуйтесь же! и паки реку: радуйтесь! Чтобы быть спасенным, стоит только веровать и быть убежденным, что ты спасен. С тех пор, для тебя не нужно ничего – ни даже какого-либо закона: догматического, нравственного и обрядового, ибо закон праведнику не писан. Человек не отвечает больше за свои действия, будучи искуплен Христом. Вы видите, что заповеди Господни не суть тяжки. Вы видите, напротив, как легко спастись – только веруй, что ты уже спасен. В этом весь секрет. И, однако, как мало спасающихся. Но вы, вы обрели теперь Христа, вы уверовали, что вы спасены, освящены искуплены и оправданы, и вы действительно уже по тому самому искуплены, оправданы и спасены, что бы далее с вами ни случилось, что бы вы сами потом ни сделали. Теперь вы не свои, куплены бо кровью Христовою. Радуйтесь же, и опять скажу: радуйтесь! Идите теперь, расскажите это вашим мужьям, женам, детям, знакомым, всем – что Господь близ есть». После этой проповеди, все встали на колени и лорд снова прочитал импровизированную молитву. Наконец, все пропели указанную лордом кантату и разошлись по домам.

В приведенном описании весьма типично обрисованы проповеднические приемы Редстока, бившего всегда на эффект и театральную сентиментальность, которая сопровождала его проповеди, – и точно изложено все учение Редстока. Редсток, в сущности, не сказал нового ни одного слова; он только в разных фразах повторял одно и то же протестантское учение об

оправдании верой, которое усвоил от какого-то проповедника во время своей болезни. Вообще, нужно сказать, что проповеди Редстока были чрезвычайно скудны положительным учением и весь интерес их заключался только в отрицании: отрицаемо было значение добрых дел, отрицаемы были: церковь, иерархия, таинства, обряды, общественные богослужения, иконы, посты, монашество и т. д.

На страстной неделе, в 1874 году, Редсток появился в С.-Петербурге и открыл свои «беседы» сначала в реформатской церкви, потом в американской, в некоторых общественных зданиях, а чаще всего – в аристократических домах на Морской, Сергиевской и Гагаринской набережной. Русская интеллигентная аристократия, еще со времен Екатерины, под влиянием Вольтера, Дидро и других вольнодумцев стала отчуждаться от православной церкви; заграничное воспитание в атмосфере католических и протестантских идей, увлечение сочинениями Штрауса и Ренана, плохая постановка преподавания закона Божия в русских школах, влияние западноевропейской философии 60-х годов в виде пантеизма, материализма, позитивизма, дарвинизма, эволюционизма и нигилизма совершенно оторвали русское великосветское общество от церкви Православной, которую еще крепостники-помещики обозвали «мужицкой верой». Между тем, религиозная потребность самой духовной природы человеческой настойчиво нуждалась в своем удовлетворении: пустое место должно было чем-либо заполнить. Естественно, что нужда в религиозном удовлетворении у женщин сказалась сильнее, чем у мужчин. И вот, петербургские великосветские дамы стали искать его: одни у *ирвигиан* на Сергиевской улице, другие – у какого-то красивого евангелического пастора, третьи заговорили о буддизме, четвертые хотели заменить религию спиритическими сеансами; наконец, нашлись и такие, которые остановились на Редстоке. По их-то приглашению он и прибыл в Россию. Его проповеди, произносимые на французском языке, привлекали к себе слушателей, а еще больше – слушательниц. В числе последних видное место занимали: княгиня Гагарина, урожденная Пален, княгиня Ливен, жена генерал-адъютанта Елизавета Черткова и

др.; а из петербургских вельмож преданнейшими последователями Редстока были: граф Модест Корф и отставной полковник гвардии – Василий Александрович Пашков.

Петербургские беседы Редстока отличалось таким же точно характером, как и швейцарские: та же театральпость и напыщенность, те же бессодержательные молитвы с искусственными коленопреклонениями, те же болтливые проповеди о вере, как единственном средстве нашего оправдания и освящения. Люди серьезиые и знающие, только плечами пожимали, видя увлечение беседами лорда со стороны православных баронов, князей, графинь и генеральш. «Не знаем, чему приписать произведенное на нас речью оратора впечатление, – замечает один из слушавших Редстока, – недостаточному ли навыку оратора к употреблению французского языка, или совершенному отсутствию у него проповеднических дарований, но только речь его показалась нам крайне бесцветной и, так сказать, убогой. Ни по содержанию, ни по изложению своему речь эта не отличалась ни богатством, ни глубиной содержания, ни последовательностью мыслей, ни плавностью изложения»[270].

Между тем, число последоватей Редстока в Петербурге постоянно увеличивалось. Не быть редстоковцем в то время значило уронить себя в глазах общества и получить название «человека отсталого». Возражать против учения английского лорда в частном доме было бы равносильно нанесению оскорбления хозяйке. Даже духовный журнал «Церковно-Общественный Вестник» был увлечен общим течением. Только один князь Мещерский имел мужество поднять свой голос в защиту Православной веры и, для обличения английского лжеучителя; он раскрывал сектантский характер его проповеди, указал на вред, причиняемый им русскому обществу, и требовал от Св. Синода самого энергичного воздействия. Дело кончилось, однако же, тем, что редстоковцы перестали читать журнал «Гражданин», издаваемый Мещерским. Между тем, Редсток, не удовлетворившись петербургским обществом, отправился со своей проповедью в Москву. Когда Редсток уехал из России, его

последователь объединил под своим главенством, упомянутый выше отставной гвардейский полковник Пашков, от фамилии которого получила свое название и секта.

Василий Александрович Пашков, аристократ по своему происхождению и воспитанию, принадлежал к числу самых богатых русских помещиков своего времени: у него были громадные имения в Звенигородском уезде, в Новгородской губернии и на Урале. В молодости своей он вел бурную жизнь: по его собственным словам, он в то время был «без Христа», чужд заветов обетования, не имел надежды и был безбожником в мире». Когда он встретился с Редстоком и увлекся его учением, он был уже болезненным эпилептиком и совершенно пресытившимся великосветской жизнью аристократом. В Петербурге, на Гагаринской набережной, он имел роскошный, по своей внутренней обстановке, дом, который он и предоставил последователям Редстока для их молитвенных собраний. Руководя этими собраниями, Пашков во всем, даже в мелочах, подражал своему учителю. Но он не имел ни знаний, ни ораторских способностей, ни той театральной сентиментальности, которыми Редсток увлекал своих слушателей. У Пашкова было другое, что в значительной степени покрывало его недостатки: своих слушателей он всегда угощал, после богомоления, прекрасным ужином и всех и всех, обращавшихся к нему *единоверцев* (иногда даже мнимых), щедро наделял деньгами. Молитвенные собрания в его доме происходили по пятницам и на них являлся весь цвет петербургской аристократии: и литераторы, и сенаторы, и князья, и графы, а еще в большем количестве – аристократки: впрочем, «дом Пашкова», как свидетельствует один из его посетителей[271], был открыт для всех «верующих», сподобленных духа его проповеди, и рослый швейцар, как гетман Мазепа, с булавкою в руках, живой статуей помещался у дверей богатого вестибюля дома проповедника и молча пропускал идущих на верх». Особенно охотно посещали беседы Пашкова петербургские рабочие: слесари, столяры, токари, сапожники, портные и мастеровые Путиловского, Балтийского и других заводов и фабрик. Дворников, лакеев, поваров,

швейцаров, кухарок, горничных, обыкновенно, привозили с собою великосветские пашковцы. Пашков и некоторые из проживающих в Петербурге помещиков вызывали из своих имений крестьян на эти собеседования с тем, чтобы, усвоив лжеучение Пашкова, они потом распространяли его на родине.

Пашков и его последователи больше, чем вожаки других сект, заботились о распространении своего лжеучения. С этой целью Пашков на свои личные средства открыл в Петербурге даровые столовые, чайные и читальни на Выборгской и Петербургской стороне; а с пяти часов вечера они были обращаемы в пашковские молитвенные дома и аудитории, в которых преподавали пашковское лжеучение. Кроме того, собрания пашковцев происходили в приноровленных для них помещениях в улицах: Захарьевской (д. № 11, кв. 3); Сергиевской (д. № 20, кв. 5), Мясной (д. № 20), Большой Морской (д. княгини Ливен), Кавалергардской (д. № 2), в Дегтярном переулке, на Васильевском острове (линии 7 я 17) и друг., на окраинах столицы и вдали от нее. Последовательницы Пашкова, богатые аристократки, разъезжали, под видом оказывания благотворительности, по ночлежным домам и различным притонам, и там, в духе своего лжеучителя, вели речи об оправдании верой и освящении. Сам Пашков оставлял Петербург и разъезжал по отдаленным местам империи, распространяя везде свое сектантское лжеучение; в особенности, он дарил своим вниманием сектантов – молокан, штундистов, духоборов, баптистов и меннонитов. Несколько молокан он убедил принять его учение, даже в самом молоканском Сионе – Нововасильевке, Бердянского уезда, и на свой счет возил их для наставлений и благословения в Англию к Редстоку, с которым находился всегда в самых оживленных сношениях... Примеру учителя следовали и ученики, из которых многие, в качестве добровольных миссионеров, разъезжали по России, насаждая пашковщину. Так, граф и графиня Бобринские пропагандировали ее в Тульской губернии, отставной коллежский секретарь Ушаков и состоявшие под надзором полиции Кукин, Никитин и Пичугин – в Тверской, княгиня Гагарина, жена врача Кирьякова, жена крапивинского

купеческого сына Анастасия Глаголева и какая-то Констанция Козлянинова – на всем протяжении железной дороги от Петербурга до Тулы, телеграфистка Тиханова и крестьянка Вегздина – в Новгородской губернии, вдова генерал-адъютанта Елизавета Черткова, ее сын Владимир и крестьянин Ещенко – в Воронежской, некто Кобеляцкий – в Варшавской, крестьянин Семен Алексеевич Арнаутов и Федор Сальников – в Ярославской, барон Корф с крестьянином Ореховым – среди штундистов Киевской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской, отставной полковник Волгин – на Кавказе, Голубев и Сметанин – в Николаеве и других местах. Обращая в свою секту младо-штундистов и молокан, Пашков сам совершал над ними крещение.

Но особенно сильным средством для распространения лжеучения, в руках Пашкова, была печать. В 1876 г. Пашков испросил у правительства разрешение учредить в Петербурге «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» с целью «доставления народу, по возможности, приобретать на самом месте жительства его, и за дешевую цену, книги Св. Писания ветхого и нового завета, и сочинения духовно-нравственного содержания» (Устав § 1). Это общество издало множество брошюр, большей частью, переведенных с английского и немецкого языков, написанных в духе крайнего протестантизма (баптистические, квакерские, методистические), хотя иногда им были издаваемы и извлечения из творений св. Тихона Задонского. Общество распространяло эти брошюры через своих многочисленных книгонош. Из множества этих брошюр, мы назовем здесь только те, которые в 1884 году были осуждены Св. Синодом, как явно сектантские, извращающие христианское учение; таковы: 1. Брачная одежда. 2. Молишь ли ты? 3. Первая молитва Джесики. 4. Пастух и овцы. 5. Иисус Назарей идет. 6. Спасен ли ты, или погиб? и Будьте готовы. 7. Что такое христианин? 8. Благая весть. 9. Напоминание христианам от Слова Божия. 10. У Бога не останется бессильным никакое слово. 11. Жизнь Иисуса Христа по Св. Писанию. 12. Брачный пир. 13. Встреча со старушкой. 14. Приди ко Иисусу Христу. 15. Рай и ад. 16. Сегодня или никогда.

17. Застигнутые врасплох. 18. Краткое руководство к чтению Нового Завета. 19. Беседы двух друзей о возрождении. 20. Истинная радость. 21. Примирился ли ты с Богом? 22. Звание христианина и его значение. 23. Два слова о св. Библии. 24. Перекличка. 25. Разговор двух матросов после бури. 26. Благодатное дитя. 27. Он любит меня. 28. Христос все и во всем. 29. Как был завоеван яблоновый двор. 30. Путь ко спасению. 31. Два брата. 32. Радостная весть. 33. Новая азбука для всех М. Е. К. 34. Два пути и пределы их. 35. Пора домой. 36. Исполняете ли вы волю Божию? 37. Голос времени. 38. Благодаришь ли ты Бога? 39. Любезный читатель, прочти сие повествование о слепом. 40. Слепая девушка и евангелие. 41. Встревожился Иерусалим.

Брошюры эти, по своей цене (от $^{1}/_{2}$ копейки до 6 коп.), были доступны для народа; но очень многие были раздаваемы даром. Почти все они теперь снова явились в продаже.

Кроме множества сектантских брошюр, Пашков, с целью распространения своего лжеучения, выпустил (в количестве 3000 экземпляров, особым графическим способом препарированные от руки) Евангелия, издания Св. Синода, где излюбленные сектантами тексты были отмечены фиолетовыми невытравляемыми чертами и сведены в миссионерские параллели, так: одни тексты отмечены горизонтальной и четырьмя вертикальными, другие – горизонтальной и тремя вертикальными, третьи – горизонтальной и двумя вертикальными, затем идут горизонтальная и одна вертикальная, просто горизонтальная без вертикальных, вертикальные две и одна без горизонтальной. Давая простолюдину такое Евангелие, пашковские книгоноши наставляли их начинать изучение Евангелия в порядке и постепенности указанных параллелей, т. е., сначала читать и запоминать те тексты, которые отмечены горизонтальной и четырьмя вертикальными, и т. д. Не отмеченные же места советовали совсем не читать, так как они, будто бы, не имеют существенного значения для нашего спасения. Указанным образом Пашковым были отмечены следующие места: в книгах Нового Завета: Мф. 8:13, 26; 9:22; 15:28; Мк. 1:15; 5:34; 9:23–24;

10:52; 11:23–24; 16:14–16; Лк. 7:50; 8:48; 17:19; 18:42; 24:25; Ин. 1:11–13; 8:14–18, 36; 4:39, 41–42; 5:24–25; 6:28, 29; 40:47, 68–69; 7:38–39; 11:25–26; 12:44, 46; 20:29, 31; Деян. 10:42–43; 15:11; 16:30–31; 26:18; Иак. 2:14, 17–18, 23; 1Пет. 2:6; 1Ин. 3:23; 5:1, 10, 13; Рим. 1:17; 3:20–28; 4:2–5, 20–22; 5:1–2; 9:32–33; 10:4, 9–11; 11:20; Гал. 2:16; 3:10, 22, 26; 5:6; Еф. 2:8–10; 3:10–12, 17; Флп. 1:6; 1Фес. 5:5, 8–10, 24; 2Тим. 1:12; 2:13; Флм. 3:5; Евр. 3:19; 4:3; 10:19, 22–23; 11:1, 6; 12:2. Такой способ пропаганды, по замечанию знатоков пашковщины[272], адски коварный и хитрый; читая так слово Божие, без сектантских комментариев легко усвоить догматы веры в духе одностороннего, часто протестантского понимания.

Наконец, Пашков распространял еще особые стенные таблицы с односторонне выбранными из Св. Писания текстами, на которых он старался обосновать свое лжеучение, и которые крестьяне–пашковцы вешали на места выкинутых ими св. икон.

Не скупился Пашков и на благотворительность ради привлечения прозелитов и удержания их в своей секте. Так, он сам говорил своему посетителю Глебову: «С той целью, чтобы заняться своими проповедями, я подготовил себя достаточно для этого предмета. И чтобы выйти из него победителем, мне пришлось брать уроки у лучших профессоров богословия (?), которые потом и направили меня на это святое дело любви к ближнему своему. А, так как дело без веры, обыкновенно, мертво есть (?), то я и приобщил к нему свою благотворительность, которую и веду теперь неустанною рукою ко благу моих прихожан (?). И, если вы не побрезгаете моим хлебом–солью, то прошу вас посетить мои столовые на Выборгской стороне, в которых я кормлю ежедневно тысячи людей лучшим продуктом, какой только может нам дать северная столица[273]. Особенно своими деньгами Пашков завлекал в свое общество молодых людей – студентов высших учебных заведений, нуждавшихся в материальных средствах. Впрочем, находилось много и таких, которые, с своей стороны, умели надувать и Пашкова, притворяясь его последователями и эксплуатируя его «благотворительную щедрость». Упомянутый посетитель дома и бесед Пашкова рассказывает следующее[274]:

«В числе верующих здесь были и князья, и графы, и бароны, и вельможи, и литераторы, и банкиры, и генералы, и рядовые, и кухарки, и кучера, и просто бродячий столичный люд, искавший для себя приключений и жаждавший каких-либо денежных подачек. А подачки здесь раздавались щедрою рукою и направо, и налево, лишь бы только побольше иметь адептов «нового учения». И брали тут денежную мзду не только серенькие платочки, бедные кухарки, но и блестящие мундиры гвардейских хлыщей, заявившихся сюда лишь для того, чтобы вкусно поужинать, познакомиться с какою-нибудь прозелиткою секты и увезти ее отсюда куда-нибудь подальше (за сим рассказывается возмутительный факт такого рода). На самого же Пашкова такие прожигатели жизни и негодяи смотрели, как на киргизского барана, которого можно было стричь и весной, и осенью. И они его, действительно, стригли, стараясь раздробить его миллионы по своим княжеским карманам. Посещая тогда дом Пашкова, на Гагаринской набережной, один раз в неделю, по пятницам, когда там собирались беседы, я знал всех этих титулованных господ в лицо, и удивлялся тому, что у людей высшего круга, с блестящим положением в столице, не было ни на йоту человеческой совести, и они каждый раз брали у хозяина дома сотни и даже тысячи рублей «до утра», но.... всегда без отдачи. Впрочем, щедрый на благотворительность своим мнимым или действительным последователям, Пашков был бессердечен к тем беднякам, которые не хотели ни притворяться, ни продавать своей совести»[275].

В 1884 году Пашков был выслан заграницу и поселился в Париже, где скончался 30-го января 1902 года. Его чайные и читальни были закрыты. Многие из простолюдинов, числившихся его последователями, возвратились в лоно православной церкви, некоторые перешли в штунду. В Петербурге место Пашкова заняла княгиня Ливен; в ее доме (на Морской улице) и происходят «духовные баседы». В настоящее время среди пашковцев, получивших «свободу исповеданий», стало увеличиваться и число последователей, пропаганда ведется открыто, но зато появился и раскол, из-за иконопочитания. Некоторые из них агитируют за слияние

пашковщины с баптизмом, который теперь в Петербурге пропагандируется весьма энергично.

Вероучение и богослужебный культ пашковской секты

Собственно говоря, вероучение пашковцев довольно точно изложено в швейцарской проповеди Редстока. Пашков почти ничего не изменил в том, чему учил Редсток. В письме от 9-го апреля 1880 года, на имя протоиерея Янышева, бывшего ректора С.-Петербургской Духовной Академии, Пашков так изложил[276] свое вероучение: «Повторяющиеся с некоторого времени в газетах разноречивые и отчасти превратные толкования производимых мною чтений слова Божия, заставляют меня обратиться к вам с письмом, которое имею честь покорнейше просить Вас благоволить напечатать на столбцах издаваемого вами журнала. Богословских познаний я не имею никаких, а потому, зная, что я легко могу ошибаться, касаясь толкования подобных вопросов, я всячески старался избегать их в беседах своих; точно так же я намерен и впредь не вступать ни в какие о них прения, желая в том случае, как и в других, следовать повелениям Господним: «не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению» (Иак. 3:1), и, довольствуясь тем исключительным призванием, которое имею от Бога: призывать людей к Спасителю; когда-то я был без Христа, чужд заветов обетования, не имел надежды и был безбожником в мире (Еф. 2:12). Закон Божий был для меня мертвой буквой; я руководился исключительно правилами человеческими, живя для себя, пытаясь в самые лучшие минуты жизни совместить несовместимое, т. е. служить двум господам, хотя, по словам Спасителя, оно невозможно. Я был другом миру, не понимая, что дружба с миром есть вражда против Бога, и жил по воле князя мира сего, а, вместе с тем, боялся окончательно рассориться с Богом. Я с Господом не собирал и не понимал, что «кто не собирает с Ним, тот расточает» (Мф. 12:30), я проводил, обличаемый совестью, жизнь суетную, греховную, богопротивную, в продолжение целых сорока лет в соблазн и в осуждение себе. Я не разумел любви Господней, полагая, что

Господь, любит только таких, которые первые Его возлюбили и тем заслужили любовь Его. Настало время, когда явилась мне «благодать спасительная для всех человеков» (Тит. 2:11), когда Господу благоугодно было дать мне понять, что Христос, умирая за грехи мира, ответил за грехи и мои, что приобретенпое Им вечное искупление приобретено и для меня, что, если «правдою одного всем человекам оправдание к жизни» (Рим. 5:18), то оправдание это предложено и мне, что «Христос, сделавшись для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5:9), может сделаться виновником спасения и моего. Озаренный светом слова Господня, я увидел себя «отчужденным и врагом по расположению ко злым делам» (Кол. 1:21), понял, что я грешник погибший, что я ничего не в состоянии сделать для своего спасения. Преступленный мною закон Божий оказался для меня «детоводителем ко Христу» (Гал. 3:24), пришедшему призвать не праведников, а грешников к покаянию» (Мф. 9:13), «взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19:10); я покаялся перед Ним в греховности и отчаянной испорченности сердца своего, обратился к Нему, потеряв на себя надежду. Господь дал мне уверовать в прощение грехов, возвещаемое именем Его. «Благодать Божия и дар по благодати одного человека, Иисуса Христа» (Рим. 5:15), восполнили всю мою нужду, переполнив сердце мое радостью неземною и благодарностью ко Спасителю, «искупившему меня кровью Своей Богу» (Откр. 5:9), я отдался Ему, чтобы он исцелил меня от грехов моих; повинуясь Его призыву и полагаясь на нелживое Его слово, я доверился Спасителю моему, в Котором и имею теперь жизнь вечную, Который не даст мне погибнуть во век и не даст меня похитить из руки своей (Ин. 10:29). Господь принял меня, как принимает всякого приходящего к Нему; благодарю Отца Небесного, что я теперь могу исповедовать пред людьми Иисуса Христа Господом моим; я теперь принадлежу не себе, а Ему; живу не для себя, но для умершего за меня и воскресшего Христа. Господь теперь определил меня на служение Ему – на служение, которому я и предаюсь с радостью вот уже скоро пять лет; оно состоит в том, чтобы свидетельствовать людям о Нем, о Его беспредельной любви, которую Он ежедневно дает

испытывать. На Спасителя, Иисуса Христа Сына Божия, «преданного за грехи мои и воскресшего для оправдания моего» (Рим. 4:25), я не могу не взирать, как на «единого Посредника (1Тим. 2:5) и Ходатая» (Ин. 2:1), как на «Блюстителя души» (1Пет. 2:25), на «Начальника и Совершителя веры» (Евр. 12:2); я теперь знаю по опыту, как верен Он, и знаю, что «все обетования в Нем – «да»… и «аминь» (2Кор. 1:20). О Нем я проповедую людям и свидетельствую, как Сам Бог повелевает,что Он есть определенный от Бога Судья живых и мертвых, напоминая им, что о Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его. Я всем повторяю, что «нет ни в ком ином спасения (Деян. 4:11), ибо «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1Кор. 3:11). Я говорю всем, что делами нашими мы не оправдаемся перед Богом, а оправдаемся верой в Иисуса Христа; но, разумеется, что истинная вера не может не проявляться в делах: вместе с тем, я постоянно напоминаю, что никто не войдет в царствие небесное, не освободившись от греха, и указываю всякому на Спасителя, Который «явился для того, чтобы взять грехи наши и чтобы разрушить дела дьявола». (1Ин. 3:5, 8). Я всячески старался доказать словом Божиим, что все христианские добродетели суть не что иное, как «плод Духа Святого», даруемого Богом верующему от сердца Иисусу Христу и Им усыновленному Богу Отцу, и, что, поэтому, никакая плоть «не может хвалиться перед Богом», получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умилостивления (Рим. 3:24). Вот, в коротких словах сущность того, о чем я свидетельствую перед людьми «по мере веры» (Рим. 12:6) не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова, ибо слово о кресте для погибающих есть безумие, а для спасаемых – сила Божия (1Кор. 1:17–18)». В дополнение к этому письму, Пашков писал о. Янышеву еще следующее: «Я не могу не признавать установленных Господом и Его апостолами таинств, но не могу также не убедиться словом Божиим, что все таинства установлены исключительно только для верующих, для которых

одних они имеют благодатное действие, обращаясь для всякого, кто приступает к ним недостойно, т. е. без веры, в осуждение. Церковь Бога живого есть столп и утверждение истины (1Тим. 3:15), есть тело Христово (1Кор. 12:27), состоящее из живых членов, т. е. верующих во Христа, искупленных Им, принадлежащих Ему и любящих Его, из членов, уже почивших во Христе, живущих в настоящее время, и всех тех, которых Господь присоединит в будущем к Своему телу. Авторитет ее я не могу не признавать, благодарю Господа моего и Спасителя, что могу себя почитать принадлежащим к церкви Его, в которой Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения для созидания тела Христова, доколе приидем все в единство веры и познания Сына Божия (Еф. 3:11–13). Я не могу и не желаю отвергать, что эти особые дары Духа Святого даются избранным Его на дело служения Его».

Эти письма Пашкова, написанные в обыкновенном сектантском, многоречивом и, в то же время, уклончивом стиле, собственно говоря, не дают ничего определенного относительно того, в чем заключалось его учение. Он говорит лишь о том, как от неверия он перешел к вере, но в чем именно заключалась его вера, он о том умалчивает. Он не говорит далее, как он нападал на Православную Церковь за ее учение об иконопочитании, о св. храмах, о мощах, о почитании святых и т. И. О таинствах он выражается вообще очень глухо; во всяком случае, из его слов видно, что крещения младенцев он не признавал, ибо он утверждает, что таинства имеют значение «исключительно только для верующих».

В действительности же, если судить по пашковским брошюрам и по тем беседам, которые он вел, по сообщению лично на них присутствовавших, Пашков учил только об оправдании человека верой в Иисуса Христа, но отрицал значение добрых дел в созидании нашего спасении, равно, как и все учение Православной Церкви – об иерархии, таинствах, обрядах, почитании Божией Матери, ангелов, угодников Божиих, честного креста, монашества, постов и т. п.

Из сказанного доселе, следует, что пашковщина есть то же, что и младо-штундизм. Сходство их объясняется, естественно, тождественным источником их происхождения – протестантизмом. Но не трудно понять, какой вред обществу могло принести учение Пашкова. Стоит человеку уверовать во Христа, и, по учению Пашкова, он оправдан; стоит ему получить убеждение, что Христос умер за него, – и он спасен! О делах ему нечего заботиться, ибо своими делами, своей праведностью он умалял бы только значение правды Божией! Какую бы жизнь он потом ни вел, это все равно; он помнит слово Божие: «живу не к тому аз, а живет во мне Христос». Христос виноват за жизнь человека, в него уверовавшего: «вера без дела мертва», Пашков, как мы видели, уже извратил в фразу: «дела без веры мертвы»…

Правда, для не утвержденных в учении Пашкова лиц, было дозволено принимать крещение, как у штундо-баптистов, и было совершаемо преломление хлеба; но, собственно говоря, Пашков не приписывал этим действиям никакого существенного значения в деле спасения человека. Он, как и младо-штундисты, духоборы или молокане, требовал от своих последователей только духовного поклонения Богу. Богомоления пашковцев состояли из импровизированных молитв, чтения Св. Писания Нового Завета, проповедей и пения псалмов; а потому, замечания, сделанные нами относительно молоканства, имеют свое полное значение и по отношению к пашковщине.

9. Малеванщина[277]

Происхождение секты

Под влиянием хлыстовского мистицизма в 1889 году из штундо-баптизма выделился толк фанатичной малеванщины, первоначально в киевской губернии, а потом он распространился не только в южной России, но и по Сибири. Основателем секты был мещанин города Таращи Киевской губернии Кондратий Алексеевич Малеванный. Высокого роста, брюнет, с резкими чертами лица и решительными жестами[278], обладавший увлекательной речью, Малеванный в молодости сильно злоупотреблял спиртными напитками. Оставив православную веру, он перешел в штундизм; но, вскоре после этого, стал страдать галлюцинациями: ему казалось, что во время молитвы вокруг него распространяется какой-то необычайно приятный запах. Сначала он объяснял этот запах близостью к нему Св. Духа, а потом пришел к убеждению, что Дух Святой обитает в нем самом, и это сознание вызывало в нем радость и даже облегчало, будто бы, вес его тела. Он стал во время своих молений поднимать руки вверх, надеясь, что через это поднимется на небо. Затем у него появилось дрожание рук, которое распространялось и на другие части тела. Это судорожное трясение своего организма Малеванный объяснял тем, что в него входит Дух Святой, перед которым содрогается его человеческая природа. Но носителем Св. Духа он был недолго: скоро он объявил себя первенцем у Бога и Христом, применив к себе слова ап. Павла: «каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его» (1Кор. 15:23); называл себя «царем над царями», «спасителем рода человеческого» и, наконец, «богом, явившемся во плоти». Многие из таращанских штундистов поверили ему и таким образом составили ядро последователей новой секты. Они оказывали Малеванному божеское почитание: к его дому приближались не иначе, как на коленях, а перед ним лично, падали ниц, произнося ему молитвы, чаще других «Отче наш». Его деятельным сотрудником по распространению «новой веры» был таращанский крестьянин Сосновский. Быстрое

распространение лжеучения Малеванного обратило на себя внимание правительства. Малеванный был признан сумасшедшим и помещен в психиатрическую больницу Кирилловских богоугодных заведений в г. Киеве. Непрерывавшиеся сношения его с своими последователями, были причиною того, что в 1895 году его перевели в Казань, в тамошнюю больницу богоугодных заведений. Преемником его по управлению малеванскими общинами стал крестьянин с. Вербова Сквирского уезда Иван Лысенко, высокий, статный красавец, обладавший редкою способностью говорить притчами и образами в народном духе[279]. Ещё в молодости он таскался по Кавказу и Сибири, и там познакомился с учением хлыстов, и с социалистическими мечтаниями недоучившихся интеллигентов. Сначала он выдавал себя только за посланника, или апостола, Малеванного, потом за Св. Духа или «иного утешителя» и, наконец, за Христа, – после того, как Малеванный был признан богом-отцом, «явившимся во плоти». Лысенко ввел среди малеванцев учение о «христовой любви», отняв жену Агафью у преданнейшего своего последователя, крестьянина с. Турбовки, Дометия Родчука, а ему наделил «плащаницу» крестьянку Сосновскую; на моленьях, по примеру хлыстов, он допустил «свальный грех». Новое царство, которое намеревался основать Малеванный, по учению Лысенко, должно было представлять собою осуществление обычных социалистических мечтаний: землю у помещиков нужно отнять, попов и панов истребить, никаких властей и законов не признавать, право собственности уничтожить. Кроме Лысенко, особенно выдающимся пропагандистом малеванщины в это время были: крестьянин с. Хохотвы, малеванский пресвитер Авраам Вирченко (в Каневском уезде Киевской губернии), крестьянин села Корниловки того же уезда Василий Авраменко, крестьянин с. Корсуня Шкребтий, крестьянин той же слободы Феодосий Гончаренко и Евтихий Горевой; Михаил и Давид Чекмаревы распространяли малеванщину в Казанской губ. и, главным образом, в Мамадышском уезде, Родион Можар, Архип и Трофим Пластуновы, Андрей Воробьев и Евдокия Сергеева – в Иркутской губернии, Иосиф Карлович Скаблевский и его жена

Камелия (католики) в Курской, родная сестра Малеванного – в Одессе, Моисей Тодосиенко – в Харьковской губернии.

Проживая в Казанской больнице для умалишенных, Малеванный не переставал находиться в самых оживленных сношениях со своими последователями. Он часто отправлял им свои «послания Иисуса», которые были списываемы во множестве экземпляров (каждый малеванец имел их) и читаемы во время общественных молений. Со своей стороны и малеванцы часто предпринимали путешествия к нему. Среди них были распространяемы самые фантастические легенды об их «спасителе». Малеванцы были убеждены, что их главарь «сам восхотел» до некоторого времени проживать в Казани в хрустальном доме, Богу угодном, где он беседует с царями о предстоящем устроении на земле своего царства. «Мы получили сведения, – писали иркутские малеванцы таращанским, – что некоторые из наших братьев были у спасителя (т. е. у Малеванного) на свидании. Наш спаситель объяснил им, что у него на посещении были три царя земных: один русский, а другие два, не знаем, какие были. Если вам известно, какие цари были, то просим вас, поскорее напишите ответ, какие цари были и что именно цари говорили с нашим спасителем. Казань стала для нас, малеванцев, своего рода, обетованной землей, предметом всевозможных мечтаний и надежд». – «Тоскует душа моя – видиться с моим спасителем, – пишет один малевансц другому – жаждет душа моя там вместе жить. Исполнил бы Господь мое желание: я уже ничего другого не желаю. Чтобы мне вместе жить с отцом моим – за счастье вечное я почитал бы». В 1899 году между малеванцами была распространена брошюра астронома Фалька о предстоящей кончине мира, – неразумное предсказание, совпавшее, однако же, с ожиданием пришествия спасителя – Малеванного, которым только и жили его последователи. Малеванцы заволновались; они начали готовиться ко встрече Малеванного и ко вступлению в его царство. Они отказались совершенно работать; бросили неубранными свои поля; распродали все свое имущество и жили на наличные деньги. Кончину мира и страшный суд они назначили на 1-ое ноября 1899 г. Толпа

малеванцев в 70 человек с женами и детьми, под предводительством Лысенко, Радчука и их духовных жен, отправилась торжественно встречать грядущего спасителя – Малеванного. Но в Киеве эти странные путешественники были арестованы и этапным порядком возвращены на места своей родины.

В это время малеванцы часто обнаруживали фанатическое изуверство[280]. Во время неистового богомоления в с. Дешках 20-го июля 1899 года лжехристос Авраам Вирченко был задушен неистовым изувером Лаврентием Аврааменко. В с. Корнилове Каневского уезда крестьянин Василий Аврааменко, подражая ветхозаветному патриарху Аврааму, решил принести в жертву своего 13-ти летнего сына Трофима. Только случайно соседи спасли несчастного мальчика от ужасной смерти. Но особенное изуверство было проявлено последователями Малеванного в с. Павловках Сумского уезда Харьковской Губернии в 1901 году, 16-го сентября. Виновником его был крестьянин с. Яхнов Васильевского уезда Киевской губернии, малеванец Моисей Тодосиенко, выдававший себя за посланника и пророка Малеванного. Когда Малеванный был помещен в Кирилловское богоугодное заведение, Тодосиенко ездил в Петербург хлопотать перед Государем об его освобождении. К Государю, конечно, он допущен не был; тем не менее, по возвращении на родину, он рассказывал своим единоверцам, что Государя он видел и беседовал с ним, что Государь одной веры с ним, что Государь рад был бы освободить Малеванного, но что этому противятся министры, которые держат царя под стеклом, в заплатанной свитке, так что Тодосиенко из собранных малеванцами денег дал и ему на бедность три рубля[281]. После того, Тодосиенко был помещен в больницу для умалишенных, но, выпущенный оттуда, он отправился пропагандировать малеванщину за пределы Киевской губернии. В сентябре 1899 года он прибыл в с. Павловки Сумского уезда и здесь стал среди крестьян толстовцев выдавать себя за какого-то великого человека; говорил, что лично знаком с Государем, копал вместе с ним бураки, говорил о необходимости отнять землю у помещиков, не

обращая внимания на сопротивление сенаторов и т. п. В заключение, он уверял павловских крестьян толстовцев, что скоро в России все порядки изменятся, ибо этот мир кончится и наступит новое царство: не будет больше войн, ни начальников, ни законов, ни судов. Себя он называл пророком Моисеем, пришедшим «дать возмездие нечестивым людям за их злодеяние», причем, уверял, что после него придет пророк Илия, а затем и сам Христос – правда Божия – судить мир. «Всему близится конец» – кричал Тодосиенко[282]. «Бросайте, люди, работу, одевайтесь в праздничные одежды; идем разрушать неправду на земле: Христос воскрес!» Тодосиенко уверял, что на помощь толстовцам из Киева едут два вагона братьев, и тогда, говорил он, мы разнесем все. Доберемся до Петербурга. И дом Романовых раскасируем». 14-го сентября он устроил «тайную вечерю» и выбрал себе преемника-пророка, павловского крестьянина Павленка. А 16-го утром, по рассказам очевидцев, произошло следующее. Сектанты решили разгромить слободу, начав с церквей. Они уговорились войти в церковь, убить там священника, все разгромить, с разных сторон зажечь громадную слободу и «избить всех грешников». По благовесту к заутрени сектанты собрались в условленном месте и торжественно двинулись к ближайшей церкви-школе, крича неистово: «Христос воскрес! Правда наша». Разбив замки на наружных дверях, сектанты ворвались в церковь и принялись с изуверством все ломать и разбивать. Вбежали в алтарь, распахнули царские врата, сдвинули с места престол. «Пророк» Павленко и две девки залезли на престол и с него кричали: «Кто здесь стоит»? «Правда». – «На чем она стоит»? – «На ненравде». – «Так ломайте же неправду»! скомандовал Павленко. И сектанты бросились яростно сокрушать все: жертвенник они повалили на бок; запрестольный крест поломали и выбросили из окна; потом, как звери, выбежали из алтаря и стали бить палками по иконам; попортили царские двери; изломали и погнули подсвечники; паникадило разбили; стекла в окнах все побили палками. Затем они отправились громить другую церковь, каменную, но здесь их встретили кольями православные и разгрома не допустили.…

Несмотря на то, что ожидания малеванцев о кончине мира, пришествии Спасителя и устроении нового царства на земле 1-го или 13-го ноября 1899 года не оправдались, – распространение малеванщнны не ослабевало, а усиливалось. После манифеста 17-го апреля 1905 года Малеванному дана свобода. Он возвратился на родину в г. Таращу и стал опять во главе возбужденного им сектантского движения. Он объехал, прежде всего, общины своих последователей и был возмущен появлением в них «свободной христовой любви» и «свального греха». Через это, он разошелся с Лысенко и в малеванщине произошел раскол: приверженцы Малеванного стали называть себя «малеванцами», а оставшиеся верными Лысенко – «малеванными».

Вероучение и культ малеванцев

Вероучение малеванцев еще не сложилось в определенную и строго замкнутую систему. Кроме немногих «Посланий Иисуса», составленных самим Кондратием Малеванным и кем-то редактированных, у малеванцев нет никаких вероучительных источников. Малеванный еще жив и секта держится только на его личном авторитете. Чему он учит живым словом, то и составляет верование его последователей.

Все, что известно о верованиях малеванцев, состоит в следующем. Книги св. Писания как ветхого, так и нового завета непосредственного значения для малеванцев не имеют и источниками вероучения, в собственном смысле, служить не могут. Поэтому и православные миссионеры папрасно бы стали ссылаться на них в своих собеседованиях с малеванцами. «Нам нет нужды читать и выслушивать Писание, – обыкновенно говорят малеванцы[283], – его довольно уже читали, – и людям от того лучше не стало; время его прошло; оно теперь должно быть внутри человека; нам противно и надоело уже слушать Писание». Книгам Св. Писания, в крайнем случае, они придают только второстепенное значение и понимают их лишь в аллегорическом смысле. За Евангелием они не признают исторического значения, а лишь пророчественное, в форме исторического рассказа. Сам Господь наш Иисус Христос, по их верованию, не есть историческое лицо, а только олицетворение «правды», что говорится о Его жизни, то или должно осуществиться в жизни имеющего прийти спасителя мира – Малеванного, или в жизни каждого человека. В этом случае, малеванцы усвоили метод изъяснения евангельских повествований у хлыстов или шалопутов. Вифлеемская пещера, в которой родился Христос, для малеванцев – сердце человека, начинающего жить по правде; вода – слово Божие; крещение водою – омовение неправды усвоением вероучения Малеванного; самарянка – сама рана – человек, зараженный грехом и неведущий правды; беднаа вдова, пожертвовавшая две лепты в пользу храма – народ, не знающий правды; пять

хлебов, которыми Христос насытил народ в пустыне – Пятикнижие Моисея, насыщающее невежественных людей правдою; Ап. Петр, – будущий малеванец, ищущий правды; Лазарь – образ нераскаянных грешников, смердящих неправдою; преломление хлеба – уничтожение греховных, чувственных страстей; в грешнике Христос, как правда, умирает, в кающемся – воскресает, в праведнике возносится на небо. В таком же смысле малеванцы изъясняют и все книги ветхого завета. Христос, в смысле правды, существует от сотворения мира; но люди всегда его умерщвляли своей неправдою, хотя совсем и не могли его умертвить, так как он постоянно воскресает в ком-либо из благочестивых людей. Такими носителями Христа, или правды, в ветхом завете были: Авель, Енох, Авраам, Исаак, Иаков, Моисей и все пророки.

Христос, как лицо, как Сын Божий и Спаситель мира, еще не приходил на землю, иначе на земле не было бы ни зла, ни грехов, ни болезни, ни смерти. Как Спаситель мира, Христос еще придет, в лице Кондратия Малеванного, который произведет страшный суд, а для малеванцев устроит на земле новое царство, в котором они будут блаженствовать тысячу лет; а что дальше будет, – неизвестно. Ни воскресения мертвых, ни бессмертной жизни, в общепринятом смысле, малеванцы не признают; все мечты их направлены только к земле и к освобождению от физического труда. Опи не признают даже существования неба. Мир, по их учению, вечен и изменится только в нравственном и социальном отношениях, что и разумеют они под кончиною мира.

Самое понятие о Боге у малеванцев весьма смутно н неопределенно, как у хлыстов. По-видимому, они даже не признают Бога самостоятельно существующим духом; по их верованию, Бог, «пришедший во плоти», есть только Кондратий Малеванный. Никогда не говорят они о Троичности Лиц в Боге; сыном Божиим они всегда называли только Малеванного, затем Лысенко, а в последнее время – каждого малеванца. Под духом Божиим они разумеют только какую-то силу Божию.

Никакой церкви Христовой малеванцы не признают. Христа, как исторического лица, не было; а, следовательно, не мог Он

установлять и церкви. Все таинства и обряды православной церкви малеванцы кощунственно отрицают. Иконы сожгли, или покрывают ими горшки и ведра; один малеванец превратил в шашечную доску икону, данную ему в благословение умершим отцом; другой – из бывшего киота для икон устроил корыто для свиней[284]. Православную церковь и духовенство малеванцы ненавидят в сильнейшей степени и не могут говорить о них без раздражения и озлобления. Храмы отвергают, утверждая, что каждый малеванец есть живой храм.

Богомоления малеванцев еще не совершаются по точно установленному типу или чину. Но, вот, что говорят о них со слов очевидцев[285]. Чрезвычайную картину представляют молитвенные собрания малеванцев. Обыкновенно, они начинаются пением – что и составляет самое употребительное религиозное упражнение малеванцев. Пение ведется женщинами и мужчинами совместно. Многие из присутствующих подпевают или только слушают. Во время пения, то в том, то в другом месте хаты начинают раздаваться, то всхлипывания, то возгласы, то рыдания. Плачут, одинаково, и мужчины, и женщины, и среди этого хаоса звуков вдруг слышится порывистая, горячая молитва: «Господи, Боже мой.. душа моя., ты просишь... душе моя вирная... дорогисенькая... душенько моя.. Господи, татечку мий, ридный, спаси ж ты мене.. Ты ж милосердный... а я...» Молитва прерывается рыданиями; в разных концах хаты раздаются молитвенные возгласы, некоторые, доведенные до экзальтированного состояния, начинают раскачиваться и произносить какие-то отрывочные, непонятные слова. «*Гота талем, фера мален, вурден, бурден...*» или «*триндо триндиазы уыти астентин алантантин арантанти атин так тир тор тарахата а ти, ти, ти, ти, ти, ди, ди, ди*»... Иногда двое обращаются друг к другу и произносят бессмысленные слова, как бы, ведут между собою разговор, сопровождая его, при этом, жестами. Бывает, что кто-либо из присутствующих на собрании малеванцев схватывает перо и на листе бумаги быстро пишет какие-то каракули и знаки, не имеющие никакого сходства с буквами. Все это, по мнению малеванцев, есть проявление Св. Духа,

Который вещает в данную минуту через человека на «иных языках», подобно тому, как это было с апостолами по сошествии Св. Духа на них.

Другую, не менее интересную, особенность малеванских собраний, составляет появление у многих лиц судорог. Благодаря этим судорогам, в собраниях малеванцев наблюдается часто такая картина. Среди общего шума, крика и беспорядка, одни падают, как сраженные молнией, другие восторженно и жалобно кричат, плачут, бьют себя по лицу, дергают себя за волосы, стучат в грудь, топают ногами, пляшут, издают всевозможные звуки и возгласы, подражающие собачьему лаю, конскому ржанию и другим диким возгласам. Сами малеванцы придают этим судорожным проявлениям весьма большое значение, считая их так же несомненным проявлением в человеке божественного начала. Поэтому они ждут этих судорог, оживляются и восторгаются картиною судорог, и при появлении их, во всем собрании начинается общий подъем возбуждения и ликования. Свои молитвы Малеванный произносил не иначе, как поднимая глаза к небу и махая руками, сначала к себе, а потом от себя вверх. Обыкновенные же малеванцы произносят молитвы с воздетыми руками вверх, хотя также машут ими, или держат на груди. На каждом собрании они читают молитву Господню «Отче наш», а наиболее любимый ими кант о дне Господнем:

Наступае день Господний,
День великий, просвещенный,
Радуется ад преисподний,
Що к нему спешит прельщенный
Попамы люд православный,
Шо отверг от сердца своего
Завет великий и славный,
Кондрата Малеванного
Бог через пророчиц явив
Огонь и дыма куренье,
Шоб всякий момент ловив
И искав свое спасенье.
Все й кровь льетця чрез гапоньця,

От дыму не видно сонця,
И мисяц червонный як кровь.
Малеванци знайшли любовь
У своих святых пророчиц
Дебелых тилом молодиць.
Рай в небе отверзаетця
Для того, хто покается
И зо святыми зеднается
Ой, раю мий, сладкий раю!
Зачинаешь ты од маю;
Ясне небо растворыся,
Ты, Кондрате, покажыся,
Святый роде, звеселыся![286]

К особенности малеванцев нужно отнести то, что, по примеру хлыстов, они не едят мяса, так как в нем есть «душа жива».

Малеванцы отвергают существующий порядок государственной жизни во всем его объеме, так как разумным устройством государственной жизни признают только тот порядок, который будет введен Малеванным в его будущем царстве. Во время русско-японской войны, они составили даже особую молитву за микадо и дарование ему победы[287].

10. Секта иеговистов[288]

Происхождение секты

Секта Иеговистов известна еще под именем «Сионской вести», «Десного братства» или «Церкви десных». Основателем ее был отставной штабс-капитан артиллерии Николай Созонтович Ильин, солдатский сын, хотя он сам называл себя незаконнорожденным сыном шведского генерала Падкуля (или Каткуля) и польки Тенчинской. Ои был крещен в православной вере; но воспитание получил в Полоцке, в иезуитском коллегиуме. В 1832 году он поступил в военную службу и своими научными трудами (Руководство по морской артиллерии) скоро обратил на себя внимание начальства. К сожалению, увлечение мистицизмом мало оставляло ему времени для его служебных занятий. Чтение мистических книг и журналов «Маяка» и «Сионского Вестника» привело его к мысли, нельзя ли как-либо все многочисленные религии объединить в одну систему, и через то, положить конец религиозной вражде и фанатизму. Особенно его возмущала враждебность между иудейством и христианством, основывающимися на откровении одного и того же Бога. Он начал изучать иудейство, посещал еврейские синагоги и вел с раввинами продолжительные беседы. В это-то время у него явилась мысль о возможности создать объединительную религиозную систему, в виде «новозаветного иудейства» или «ветхозаветного христианства». В 1843 году Ильин из царства польского перешел на службу в Оренбург, а в 1845 году в Екатеринбург приемщиком артиллерийских снарядов на Баранчинском заводе, Верхотурского уезда. В это время он еще находился в союзе с Православной Церковью, и даже называл себя, по свидетельству священника Максимова и других баранчинских старожилов, ревностным «прихожанином» и очень религиозным человеком: в воскресные и праздничные дни неопустительно посещал богослужение, стоял всегда впереди, у правого клироса, молился на коленях, в посты говел, исповедовался и св. Тайн приобщался, дома и на заводе любил читать книги Св. Писания, не скупился на раздачу милостыни и

оказание помощи нуждающимся. Впрочем, священник Максимов утверждает, что уже и в то время можно было заметить у Ильина нечто особенное: он нередко обнаруживал свое нерасположение к внешним обрядам Православной Церкви, не с надлежащим уважением относился к угодникам Божиим, резко отзывался о многих высокопоставленных лицах. Впрочем, уже в 1846 году, Ильин сорвал с себя маску и стал открыто распространять самое возмутительное, по кущунству и богохульству, лжеучение. Его ревностными сотрудниками были лица, по его словам, одаренные особыми свойствами, и даже «даром прозрения»: бывший лесничий Нижне-Туринского завода Л-н и сын священника Пермской епархии, студент духовной семинарии, К. П–в, бывший сначала учителем пермского духовного училища, потом инспектором Е–ского училища и, наконец, каким-то служащим в Уральском горном управлении[289]. Лжеучение Ильина весьма быстро распространилось, сначала по заводам – Баранчинском, Нижне-Баранчинском, Верхне-Туринском, Кушвинском, Нижне-Тагильском, а потом и по губерниям: Вятской, Уфимской, Самарской, Оренбургской и даже Херсонской. В 1856 г. Ильин был предан суду и, по его определению, как душевно-больной, сослан в Соловецкий монастырь, а оттуда в Суздальский Спасо-Евфимиев. Впоследствии ему разрешено было проживать в Митаве, где он и скончался в 1890 году.

Свое лжеучение Ильин распространял, главным образом, через посредство своих гектографированных многочисленных брошюр и листков. Из них, главнейшие суть следующие:

1 «Сионская весть о разлучении христиан на десную и ошую и знамение последних времен», (в ней наиболее обстоятельно изложено лжеучение Ильина; сам Ильин называет ее прямо своим «евангелием» или «благовествованием о царствии Божьем»);

2. «Луч света для рассвета»;

3. «Семитысячелетняя битва Христа с Велиаром, т. е. Бога еврейского с Богом языческим, содержащая в себе оружие и бомбы для истинного иудея, какими он может вооружиться и

отражать от себя разные козни и атаки на него от сатанинских христиан»;

4. «Общечеловеческая истина, прорвавшаяся наконец в сей, адски мятущийся, мир через все в нем сатанинские инквизиции, или религия по разуму, разрушающая все 666 адски-суеверные христианства и сатанинское иудейство»;

5. «Эссенция из животворящего света нынешнего всемирного святителя, посланного Еговою в сей омраченный сатаною мир»;

6. «Свет народам и образумление иудеям»;

7. «Свидетельство Бога пророков святых или животворящий свет Его всем народам и племенам»;

8. «Свидетельство Исус Христово»;

9. «Победитель разных прелестей христианской Езавели и трансцендентальных бредней 666 дочерей ее»;

10. «Свет от Бога святых пророков в сей мир, омраченный сатаною или призыв всех людей в единство веры мира и к бессмертью»;

11. «Благовестие (страшное и отрадное) всем царствам, народам и племенам от Бога святых пророков или обнаружение самых главных таин из сатанинских глубин и какой конец сатане и всем сатанистам его»;

12. «Чудо книжка или дивные предсказания Бога богов Еговы о Его последней битве с сатаной и с сатанистами в Армагеддоне. О установлении одной всемирно-братской веры в Него для всех народов и племен и о Его воцарении в Ерусалиме с воскрешенными людьми на 1000 лет;

13. «Уничтожитель тьмы: иудейской, христианской, магометанской и буддийской, общечеловеческим светом или Коллурий от религиозной слепоты иудеям и гейденам»;

14. «Послание в Общество теософии востока и запада»;

15. «Благовестие от Бога, воскрешающего мертвых, отрадное для всего человечества, или животворящий свет Божий во тьму мира сего»;

16. «О погибели запечатленных седмиглавным зверством и краткое описание битвы предвечно-бессмертного еврея с предвечно-бессмертным язычником из-за потомков Израиля»;

17. «Послание всемирного святителя ко всем братствам еговистов»;

18. «Последний глас Еговы»;

19. «Верное предсказание для евреев»;

20. «Разрушение всех вере».

Все эти брошюры изложены, по-преимуществу, в диалогической форме. В беседу с «истинным иудеем» или «всемирным светителем» (т. е., с самым Ильиным) представляются вступающими самые разнообразные лица: образованные вельможи, Езавель (т. е. русская Православная Церковь), фанатик-поп, китаец, фанатик-лютерании, католический поп, православный доскопоклонник, мормон, спирит, раскольник-разбойник, адски-раскольнический христодер, федосеевец, слепец-фотианец, зрячий конфуцианец, любитель лжи, магометанин, раскольник из окружников, Езавелинский архиерей, одураченный молоканин, студент, академик, раскольник заживо мертвый, попадья, помещик, испанец, философ, П. М. Прудон, сатана, архизверь, православный богослов или срамоголовый Елуп, хлыст и т. д и т. д. Само собою понятно, что во всех диспутах победителем всегда оказывается «истинный иудей», перед которым все собеседники преклоняются и которого все благодарят за раскрытие истины. Все брошюры написаны языком крайне грубым и вульгарным, полны богохульства, самого оскорбительного для религиозного чувства, дышат неимоверною враждебностью к христианству вообще и к православной церкви в частности. Почти на каждой строке употреблены такие выражения, которые для печати неудобны. Грубый сарказм есть преобладающий способ опровержения мнений проповедника. Вообще, Ильин не считается ни с религиозным, ни с нравственным чувством своих читателей. Самые непримиримые противоречия в суждениях об одном и том же предмете – явление обычное. Нам кажется, что проф. Н. И. Ивановский весьма удачно охарактеризовал все брошюры Ильина, назвав их «бредом расстроенного воображения»[290]. «Но серьезно и важно то, – прибавляет он, – что и такое учение находит себе последователей в среде темного народа».

Вероучение иеговистов

Прежде изложения, собственно, вероучения Ильина, мы познакомим читателей с его общефилософским или метафизическим мировоззрением, от которого находится в зависимости его учение религиозное. Свое общее метафизическое мировоззрение Ильин изложил «кафолику – трезвому и любознательному артиллерийскому офицеру» и «католику – польскому ксендзу, знавшему математику и русский язык» (в своей брошюре «Семитысячилетняя борьба», стр. 61 и след.) «*Сядьте, г.г., говорит Ильин своим собеседникам, и запишите каждый для себя все то, что я стану диктовать вам. Вообразите, господа, что эта комната начала постепенно увеличиваться в своем объеме или раздуваться во все стороны, подобно мыльному пузырю и сначала она сделалась в диаметре только с версту, потом в 100000, в миллион, в биллион, трильен, квадральен верст; наконец, в 1000 квадральенов, в миллион квадральенов, в квадральен квадральенов и так далее – до такого обширнейшего пространства, которое уже и воображать не возможно. Теперь представьте себе, что в этой неизмеримой пустоте кружатся или летают около своих маток неисчислимое множество отдельных роев пчел, и что все сии рои принадлежат одному хозяину, а каждый отдельный рой (или несколько роев) отданы в заведование особого управителя, и, наконец, что один из таковых управителей вздумал захватить вверенный ему рой в свою собственность и сделаться отдельным хозяином, независимым ни от кого. После этого, вообразите себе, что каждая из этих пчел превратилась в шар, подобный нашей земле или луне, но разной величины, и с особою природою и тварью на каждом из них; а каждая роевая матка сделалась солнцем.*

Хозяина всех бесчисленных мириад или солнечных систем назовите, по-русски, Богом, а каждого управителя отдельной мириады – Господом, врага же Божия – сатаною, и вы получите ясное понятие о мироздании (о космосе), на которое

вы до сих пор так бессознательно (?) взирали; а, вместе с тем, и следующие богословские теоремы: 1. Если от земли до нашего солнца 143 миллиона верст, то до второго солнца не долетишь в 2000 лет, хотя бы лететь и со скоростью пушечного ядра; то до третьего, в 5000, до четвертого, в 10 000, а до сотого – и в миллион лет: но какое же неисчислимое время потребуется для достижения только тысячного солнца, то уже и немыслимо для человека. 2. Следовательно, очень может быть, что столица Божия (?) находится в такой отдаленной мириаде, до которой никакая тварь из вашей мириады никогда достигнуть не может (1Тим. 6:16; Ин. 1:18). 3. Если каждой отдельной (или несколькими) управляет особый Господь, или один из сынов Божиих, то, очень может быть, что и на каждой отдельной планете и комете есть свой управитель, или подобный Сыну Божию, как на нашей земле царь Мельхиседек (или Люцифер), или как Енох, Илия, Авраам, Моисей и прочие преображенные человеки, и, в особенности, восставшие из могил при распятии Господа; также 24 старейшины и многие другие, упоминаемые в Апокалипсисе. 4. Следовательно, очень может быть, что были такие случаи, когда Бог, или Господь мириады, находился или стоял среди сонма богов, как сказано в пс. 81/82, 15; 88/89, 7; 135/196, 2; Иоан. 10, 34, 35; Апок. гл. 4 и 5. 19, 11; 14, 16; 3, 21; 21, 7; 2 М. 4, 16; 7, 1; 5 М. 33, 2–5. Очень может быть, что Господь наш Иисус Христос, или Бог еврейский, есть ныне управитель нашей солнечной мириады, на место Сатаны, который сначала был управителем нашей мириады, а ныне свергнут стал на нашу землю со всеми приставшими в нему ангелами: Апок. 12, 7. 13–6; следовательно, очень то истинно сказано, что и у нашего Господа Исуса Христа есть Бог: Апок. 1, 1; 3, 2; 12, 21; Иоан. 20, 17; 14, 28; 10, 29; 15, 1 – 7. А из сего преясно следует, что верно говорит ап. Павел, что Бог один и нет никого равного Ему; и, хотя есть много богов в мириадах и на земле, но евреи и все приставшие к ним, должны верить, что только один Бог всетворец и один Господь или управитель нашей мириады Иисус Христос и только сему Сыну Божию дана

всякая власть, сила, слава, премудрость и богатство на небе и на земле, ключи от ада и смерти, и титул выше титулов всех существ; и такое величие, прославление и поклонение от ангелов и человеков, как и самому Богу всетворцу, и эта власть Господу Иисусу Христу дана не на время, а на всю нескончаемую вечность. Аминь. 8. Следовательно, и поклонение язычников разным бессмертным существам и ангелам не есть заблуждение, а только одна бесполезность и Господь же наш Иисус Христос страшно запрещает это поклонение только рабам своим евреям и приставшим к их Богу из язычников, и он мстит до 8-го и 4-го поколения тому рабу своему, который поклоняется и прославляет кого-либо иного, кроме его. 9. Ясно теперь для вас должно быть и то, что все и всякие догматы и талмуды о равноличных троицах и двоицах сочиняет все тот же завистник и противник Христу, или вселенский талмудист – сатана и что 10. Всякая особенная премудрость, сила, называемая Духом Святым, ссылается от Отца к управителю мириады; а управитель посылает, или простирает оную, и свою на всех тех, на которых он соизволит простереть ее, или кого он хочет воскресить, преобразить, обессмертить и взять сперва в страну живых, а потом и к престолу Его, или на другую планету. Ей, истинно. Аминь».

Такой-то странной метафизикой, своей фантастичностью, превосходящей древне-греческую мифологию, с ее многочисленными богами, полубогами, героями, Ильин думал примирить и объединить все «666», по его счету, религий. Эго ли не «бред расстроенного воображения»? Но, чтобы объединить все существующие религии в одно целое, нужно, очевидно, исповедников каждой из 666 религий убедить в несостоятельности их верований. И этому-то неблагодарному труду Ильин посвятил всю свою жизнь. Ознакомлять наших читателей с его критикой всех религий затруднительно, ибо она состоит только из пустых фраз и грубых нецензурных ругательств.

Что же ставит Ильин на место отвергнутых им 666-ти религий? Б брошюре «Благовестие» он с решительностью

уверяет еврея и христианина, что «всякая вера бесполезна человеку». Тем не менее, в других брошюрах он предлагает несколько «символов» своей «новой веры, единственно истинной и спасительной». Вот его «Символ веры, начавшийся еще первым пророком и кончающийся двумя последними святыми пророками».

1. «Я верю подлинным словам единого (т. е., не девятиличного, ни триличного, ни двуличного, а одноличного, одноглавого, двуногого, с одним сердцем и с одной душою Бога еврейского), что Он есть еврей же, только предвечный (ибо он с Адамом и Евою говорил по-еврейски же) Егова Ашерейех, т. е. Председатель всего сонма человекобогов или Царь святых.

2. «Верю словам Его, что однажды был заклан на кресте и мертв так же, как бывают мертвы и все обыкновенные человеки, а теперь опять стал жив и бессмертен во веки веков и имеет в своей власти ключи от ада и смерти, т. е., Он такой знаток медицинских наук, что может не только исцелять всякие болезни, но даже и мертвых воскрешать, и передавать им такие же сокровенные Божественные науки, делает их знающими химические и динамические законы природы, как и Он (Егова) и пресвятейшая мать Его Элогоима (это я говорю только образованным, ученым людям, а не простецам и не архиереям, попам и муллам).

3. «Верю словам Его, что Он есть начало создания Все – Творца, Сын Его первородный, Аминь или единый, наивернейший, безошибочный, непогрешимый свидетель воли и слова Ашмосардного Человекобога – Отца Своего или, по-гречески – одним словом: Теолог, т. е. единый учитель о Своем Боге-Отце, о мироправительном плане Его и о всех науках, Агнец, Лев, от еврейского колена Иудина, коренной или престолонаследственный (цесаревич) потомок иудейского (не самаринского и не десятиколенного) царя Давида, Светозарная утренняя звезда; Господь Бог святых пророков.

4. «Верю словам Его, что со времени явления Его обыкновенным человеком или смертным евреем и страдания Его в Иудее, Он назвался и обыкновенным человеческим- же именем, а именно: Ешуа (Исус) и по-гречески: Христос. На

Армагедонское же сражение с сатанинскими христианами Он приедет со своим войском на белых конях под неизвестным именем; а в Ерусалиме на преображенной земле имя Ему будет опять новое. Так что можно предполагать, что при всякой новой благодати от него Рабам Его или при каждом новом преображении их в более усовершенствованные Божества, и при переходе их от силы в силу, в просвещении и блаженстве до бесконечности, будет каждый раз и Ему самому новое имя. А из сего следует, что то великое существо, о котором предсказывается, что в конце 6000 лет появится в мире (гейденском в Европе, хотя и от колена Данова) также под именем Иисуса Христа и Сыном Божиим, но только не распятым в Ерусалиме, не есть Бог святых пророков, не Бог еврейский, сделавшийся опять Царем Израильским, вечным потомком Давидовым, как Он был и до начала царских династий в Израиле; а хитрый посланник от сатаны, или сам даже воплощенный, или переобразовавшийся сатана. И разумеется, что его учение будет состоять, главное, в том, что Исус Христос есть особое существо, посланный от Бога еврейского, а не Сам Бог еврейский; и послан, чтоб отменить закон Синайский на новый Моазимский и сделать бессмертными всех верующих в Него человеков, а не одних только потомков Якова.

5. «Верю словам Его, что Ашмосардный Бог и Отец Его дал Ему из десницы Своей книгу с неба (Апокалипсис), хранимую до того в Отчем архиве тайно от всех за семью печатями.

6. «Верю словам Его, что Он ту самую Отчую книгу послал с неба на землю в 99 году от рождения через Ангела Своего к рабам Своим, находящимся в тех 7-ми обществах, из коих Он перетворяет, через просвещение науками, в такие подобия богов и богинь, как и Он Сам и предвечно-небесная мать Его: дабы показать им, как Он с ними будет биться против сатаны в продолжение 2000 лет, после разорения сатаною Ерусалимского царства их; и какими глубинами сатанинскими станут соблазнять и принуждать рабов Его к отступлению от вечно-неизменяемого синайского закона Его к иным Законам и Божествам, и даже в веру во всетворческое вещество или силу сил, в духа, вездесущего во всей бесконечной вселенной (успехи реального

знания); но рабам Его, составляющим смертное земное царство Его, доведется быть в это время в таком же терпении, в каком Он и Сам был во время своей смертной человечины».

7. «Верю словам Его, что Он, как держащий в деснице Своей каждый дух тех семи общин и ходящий в продолжении 2000 лет среди сих седми народностей Его, даст в награду кушать фрукты с дерев бессмертия, растущих в саду Ашмосардного Отца Его, тем рабам Своим из Его Ефесской народности или из I-го народа тайно-христианского царства Его на земле, кои были во время апостолов и жили в такой дружбе и братском единении, что, даже при многочисленности их, они составляли одну душу и одно сердце, как следует по новой заповеди им от Него; и не щадя жизни своей, они трудились распространять царство Его набиранием людей в рабы Ему из всех сатанинских царств и народов, и ненавидели учение николаитов».

8. «Верю словам Его, что Он как Альфа и Омега, или как первый и последний из человекобогов, бывший мертв и оживший, наградил венцом бессмертия и избавил от второй смерти тех рабов Своих из Его Смирнской народности или из 2-го народа тайно-христианского царства Его на земле (т. е. замученных за признание Богом еврейским распятого иудея Егову или Исуса Христа), кои жили после Апостолов и пребывали верными Ему, и не отступили от Его синайского закона во время страшных гонений на них от 10-ти римских императоров (по доносам и клеветам лжеиудеев) в продолжении 200-х лет.

9. «Верю словам Его, что Он, как имеющий обоюдоострый меч, наградил и награждает бессмертием и позволяет кушать манну сокровенную, и дает белый камень с написанным на оном новым именем, неизвестным никому, кроме получающего, тем рабам Своим из Его Пергамской народности, или из 3-го народа тайно-христианского царства Его на земле (т. е., ариан, как именует их Езавель; ныне сих людей до 300–600), кои появились в мире после смирнцев в столичной области сатанинской и были страшно поражаемы первою главою седмиглавого зверства (т. е., первым сонмищем, или собором

сатанинских христиан, или езавелинских попов), за то, что они не отступили от веры Его синайской, не приняли учения валаамского: есть свинину, налимов, раков и прочих нечистых животных, и учения николаитов, что, будто, Христос отменил весь закон Его синайский на такой разгульный, что все грехи наши снял с нас навсегда, как ветхозаветный жертвенный агнец снимал с евреев грехи временные, и не отреклись от сего Божественного имени Его, что Егова или Исус Христос есть одноличный, отдельный или особый Бог еврейский и как Сын, получивший от Отца в вечное наследие на сей планете только один народ еврейский, коих сатана отнять у него домогается: то посему Бог еврейский, называемый ныне по человечеству Исус Христос, есть не равен Отцу своему, а если равен, то – иаитрансцендентальнейшему мудрецу, обольстителю ангелов и истребителю смертью рода человеческого – сатане; но и сего исконного равносильного противника Ему он не одолеет раньше 6 – 7000 лет.

10. «Верю словам Его, что Он, как Сын Божий со светящимися очами и халколиванными ногами, тех рабов Своих из Его Фиатирской народности или 4-го народа тайно-христианского царства ныне известен под именем моравских братьев или гернгутеров; (в России их город – Сарепта на р. Волге, но главное их общество в Силезии), кои в точности исполнили новую заповедь Его о братском единении и любви, занимались до конца только делами Его, молились Ему единому, покланялись и доверялись (апокалипсическим) в Книге с неба повелениям Его им, и не обольщались никакими толкованиями от глубин сатанинских и претерпели разные страшные инквизиции от седмиглаво-христианской Езавели, но не поверили никаким ее троицам и двоицам, и поповским разрешениям блуда, разгула, капканных нарядов, мерзкой пищи и напитков, табакокурения и доскокаждения, и всяких деспотических рангов, и гильдейских чванств, плутней, злодейств и раздора с пушками, ружьями, мечами, кнутами, батожьем, дреколием и с кулаками. Сделает их такими же властителями (господами) над чадами христиано-языческого Вавилона; они (т. е., исполнители повелений Христовых) будут

усмирять и покорять их в подданство Богу и Царю еврейскому Егове или Исусу Христу железными дубинками точно так, как Ему повелено (в той книге, которую дал Ему Яшмосардный Отец Его из десницы Своей) сие от Отца Его, и что этот-то Фиатирский народ Христов с их верой и братскими уставами по новой заповеди не должен исчезнуть до самого пришествия Его; и тогда Он даст в сем народе утреннюю звезду, т. е., проявит у них начало устройства и явного тысячелетнего царства Его Ерусалимского.

11. «Верю словам Его, что Он, как имеющий семь духов Божиих и семь звезд, тех рабов Своих из Его Сардийской народности или из 5-го народа тайно-христианского царства Его на земле (т. е., из лютеран, кальвинистов и англикан), кои оставили то учение сатанинское, которое делает и христиан заживо-мертвыми (а именно; учение, выдуманное сатаною чрез Лютера, что будто только от одной истинной религии во Христа, без всякого исполнения апокалипсических К. С. повелений Его, человек делается бессмертным), а исполнили в точности тот закон для христиан из язычников, какой был узаконен Иерусалимским Братством в первые дни проповеди ап. Симона (Петра), т. е., кои ныне из лютеран пристанут к Симонитскому Братству (которые ныне находятся только во Франции, Англии и Португалии). Дает и даст им в награду за это белую одежду, а не выключит их из списка Его бессмертного сонма людей, а признает их за Его же рабов пред Отцем Своим и пред Отчими ангелами; и что из этого 5-го народа Его наберется весьма мало таких, кои достойны ходить в такой же белой одежде, в какую одет Он Сам.

12. «Верю словам Его, что Он, как святый и истинный, имеющий такой (магический) ключ Давидов, которым если затворит, то никто не отворит, – тех рабов Своих из Его любимой Филадельфийской народности или из 6-го народа тайно-христианского царства Его на земле (сих любимых Им рабов, соединившихся в один сонм искренних друзей, ныне Езавель прозывает квакерами, неснимайками шляп своих ни перед какими властями, даже и перед царями земными), кои в точности исполнили повеления Его и не переменили

человеческого имени Его Егова или Исус Христос ни на какое иное, и не отступили от того учения Его, что все верные рабы и рабыни Его должны страдать и быть ненавидимы и гонимы от сатанинских христиан до самой Армагеддонской битвы Его с сатаной на Иосафатовой долине или на горах Израильских, и кои не дали никому похитить их венец бессмертия никаким иным учением и толкованием. Сделает навсегда камергерами во дворце Бога Его и имя нового города Иерусалима, который уже спускается с неба на землю от Бога Его (с того солнца, где живет Сам Яшмосардный человек – Отец Его) и Свое имя новое. А кроме сего, Он спрячет сей народ Его от той эпохи страшных бедствий, кои придут на весь мир; и даже многим из лжеиудеев Он повелит тогда кланяться в ноги сим рабам Его и величать их любимцами Еговы или Исус–Христовыми и что после появления в мире сего 6-го Филадельфийского народа Его уже останется немного времени (около 315 лет К. С. 3, 7. 13 и последняя битва Еговы с сатаною будет после тысячелетнего царствия) и до предпоследней Армагеддонской битвы Его с сатаною и с сатанинскими христианами.

13. «Верю дивным н неизреченно благодатным для меня словам Его, что Он, как Аминь, т. с., как непогрешимый благовествик (или свидетель) мироправительного плана Бога – Отца Своего и начало порождения (создания) Его, сделает каждого раба Своего из Лаодикийской народности или из 7-го тайно-христианского народа Его на земле не только что бессмертным, но даже даст честь сесть с Ним на троне Его, точно так, как и Егова или Исус Христос после устояния в верности Богу–Отцу сел с Отцом Своим на троне Отчем, т. е., эта Божественная слава дастся только тому из нынешних сатанинских образованных христиан: академиков, магистров, докторов, учителей, философов, богословов, пап, кардиналов, нунциев, патриархов, митрополитов, епископов, попов, пасторов, муллов, князей и царей, кто пожелает сделаться из временного ското-человека премудрым и вечным существом и человекобогом, подобным предвечному Еврею Егове или Исусу Христу или небесной матери Его Элогаиме: и для того оставит всех таковых сатанинских христиан, доведенных сатаною уже

до крайней степени сумасшествия и одурения, и адского беснования, и до близкой погибели сперва в Армагеддоне, а потом и в огненной лаве на всю нескончаемую вечность; и отдает себя Председателю человеко-богов – распятому Егове или Исусу Христу в безусловное рабство, в покорность Ему до самоотвержения; и потому оставит все и всякие христианские и нехристианские Библии, алкораны, экзегетики, талмуды, богословия, поповские каббалистики и учреждения седмиглавно-десятигория и монашеские пневматологии (явления и видения духов, троеручиц, владычиц, католических и каколических (?) богородиц) и, исцелив себя апокалипсическим Коллурием (К. С. 3, 18) от сатанинского ослепления, начнет перетворять себя в бессмертное божество буквально так, как показано Исусом Христом в присланной от Него (в 99 году по Р. Х.) Книге с неба, искренно верить, что предвечный еврей Иисус Христос и ныне ходит по земле и ищет таких же верных Ему Авраамов, у которых Он мог бы приютиться, отдохнуть и поужинать: жарковья, пирога, молока, масла и фруктов; и что кого Он любит особенно, того Он учит премудрости (т. е., разным наукам) и обнаруживает: дабы сатана попробовал искушать сего любимца Христова, подобно тому, как был искушаем от сатаны Сам Исус Христос, все св. праотцы, Его пророки и апостолы; и, кроме сего, еще верит и тем словам Его, что из тех семи христианских вер останутся до пришествия Его только четыре, а именно: пергамская, филидельская (?), филадельфийская и Лаодикийская; и что правоверных католиков и православных католиков Он не признает за Своих христиан, а за сатанинских, или – короче сказать – за сонмищс сатанино, за роскошный блудный Вавилон, коих сатана наплодил и наплождает чрез жену его, коей имя по-гречески: «мистерия».

14. «Верю словам Его, что в сатанинском христианстве, в продолжения почти 2000 лет, должны явиться три прелютейшие зверства: 1-е седмиглаводесятирочастое из моря; 2-е волкоагнче двубодастое из земли с самой трансцендентальнейшею богословиею, будто основанною на учении Самого распятого Иисуса Христа, Его пророков и

апостолов, или – короче сказать – самое усовершенствованное в адских глубинах сатанинское христианство; и 3-е от седми-восьмое-десятирочастое самое бесчеловечное, соединяющее все христианские веры и секты в единство веры в триединого всетворца неба и земли, в богодуха, везде сущего во всех бесчисленных солнечных мириадах и животворящего. А так как сия вера будет казаться людям, что она согласна с разумом человеческим и природою, и сам сатана явится утверждать оную под именем небывалого еще Христа, с гораздо большими чудесами, нежели какие сделаны были распятым Еговою или Иисусом Христом, и не покаряющихся сей новой адской выдумке его он повелит страшно истреблять и мучить живых сожиганием, то я верю словам Еговы, что это будет такая небывалая година искушения для всех, что, если Егова или Иисус Христос не сократит сие время, то ни один самый вернейший раб Его не устоит, а отречется от Него и пристанет к новоявившемуся всесильному Христу, Который назовется также сыном Божиим, а потому велит поклоняться и Ему. И те из верных рабов Еговы или Иисус-Христовых, кои будут замучены сим третьим сатанинским зверством за исполнение апокалипсических повелений Исус-Христовых, изреченных чрез семь громов, – сделаются уже сынами и дщерями или родными братьями и сестрами первородному Сыну Божию Егове или Исусу Христу, и, может быть, они разместятся управителями по разным планетам, или даже и подругам солнечным мириадам, подобно тому, как Исус Христос есть Бог нашей земли и особо избранного Им на ней народа Еврейского.

15, «Верю словам Его, что все те из рабов Его, кои отступят от синайских и апокалипсических (К. С.) повелений Его или убоятся лютости сатанинско-христианского зверства, а также и все сквернящиеся мерзостью, запрещенною в синайском законе и в Апокалипсисе К. С., воеватели, убийцы (т. е., игроки в солдаты), блудники, обольстители или отводители от распятого Еговы или Исуса Христа или от Бога еврейского к иным небывалым христам или к иному божеству, или в доскопоклонство и здохломольство и, вообще, все любители и сочинители или проповедники между иудеями и христианами не

синайских и не апокалипсических повелений Господних, а иных, по их человеческим мнениям и мировоззрениям, будут ввергнуты в огненную лаву, где дым мучения их будет восходить во веки веков, непрестанно днем и ночью.

16. «Верю словам Его, что Он, вечно-неизменный Бог еврейский, набрал 144000 верных Ему евреев по 12,000 из каждого их колена и спрятал их от сатаны в неизвестной пустыне и что к сему-то новому, уже бессмертному народу Его еврейскому, или – яснее сказать – к христианскому Израилю присоединит и из всех гэйденов таких людей, кои пожелают себе бессмертия и для того, отвергшись от всего сатанинского мира, станут ревностно исполнять апокалипсические повеления Его и, не щадя жизни своей, станут биться против сатанинских христиан и подобных им варварских и суеверных народов.

17. «Верю словам Его, что сей-то тайный христиано-еврейский народ Его приедет с Ним к Сиону на белых конях на предпоследнюю битву с сатаною и сатанинскими христианами; поразит всех врагов Божьему еврейскому народу и трупы их отдадут на пожрание зверям и птицам; двух же зверских враждебных или самых православнейших предводителей ввергнут живых в огненный провал, а сатану закуют в цепи и ввергнут в пропасть (между горами в Азии), замкнут и запечатают его там на 1000 лет, и после сей ужаснейшей еврейской войны на горах Израильских евреи возобладают опять их обетованною страною и покорят под власть свою все гэйденские царства и народы, сущие тогда на земле, и станут царствовать с их Еговою или Исусом Христом, Который назовется тогда Царь царей и Владыка владык (по-латыни: император), вечно-царственный или бессмертный потомок Давидов, Царь святых или Бог богов на сей планете и установится повсюду мир, свобода и благоденствие на 1000 лет, точно так, как Он с клятвою обещал сие евреям, говоря с отцами их лицом к лицу из святейших уст Своих и потом в Его Книге с неба (Апокалипсисе). Аминь».

В другом вероисповедании Ильина, которое озаглавлено так: «Символ веры всех святых пророков или еговистов и скоробудущей общечеловеческой религии», речь идет о том, что

будет после тысячелетнего царства Христова или «*ерусалимской республики*». Оказывается, что после 1000 лет, Егова, наконец, совсем истребит сатану из бытия, со всеми принадлежащими ему людьми или с сатанистами, создаст новую землю, в миллион раз больше настоящей, без океанов и морей, и поселится на ней со своими бессмертными людьми уже на 280,000 лет. Потом Он опять создаст новую землю, гораздо лучшую для их жизни, чем созданная пред сим. Тем не менее, по временам, Он будет переделывать и эту землю, постоянно усовершая ее, пока не доведет ее до бесконечного и непостижимого для ума совершенства. На эту-то непостижимую в совершенстве землю будет спущен с неба город Ерусалим, сделанный небесными людьми – обитателями других планет, украшенный драгоценными каменьями; улицы в нем будут вымощены прозрачным золотом. В длину, ширину и вышину Ерусалим будет иметь по 2000 верст; окружен он будет огромною стеною из яшмы с 12-ю воротами из 12-ти жемчужин и с надписями на них имен 12-ти колен Израиля, только на место Дана будет поставлен Манасия; а на эндомезисах (флигелях) будут обозначены имена 12-ти апостолов. Посреди города будет устроен дворец Еговы, храма же и жертвоприношений уже не будет. Из-под дворца будет протекать река по всем улицам и на берегах ее будут расти дивные фруктовые деревья, приносящие каждый месяц новые плоды; вкушая эти фрукты, люди не будут ни стариться, ни умирать, а на всю нескончаемую вечность будут оставаться бессмертными: мужчины в возрасте 34 лет, а женщины – 16-ти. Вне Ерусалима будут 24 царства из десных (т. е. праведных) народов, спасенных от смерти; но, будучи бессмертными, они не гарантированы все-таки от болезней, для исцеления от которых им придется выпрашивать у жителей Ерусалима листьев от их животворящих деревьев.

Предстоящее иеговистам вечное блаженство в новом «Ерусалиме» изображено даже в особом гимне, который пользуется любовью иеговистов и чаще других поется на их молитвенных собраниях. Вот этот «торжественный гимн»:

Прелюдия.

С нами Бог – нам помог

Дал нам славу:
Смял врагов – тьмы рабов,
Их державу.
Деспотизм – атеизм
Сдернул с трона;
Поразил, в ад ввалил
Аполлиона!
Гимн.
Зверство, войны истребил,
Христиан – псов усмирил
Во весь мах – стальным жезлом,
Гладомязвами, огнем.
Рабства узы разорвал,–
Всем свободу даровал!
Православье-ж адских псов,
Чашу с мерзостью попов,
Мощи, лики с дурь ханжей,
С Езавелью дурь царей,
Всю торговлю гоном в рай
Ввепгнул в ад – бездонный край!
Мать всех блудниц Езавель
Иль царей земных мамзель
Обобрал и оголил;
В грязь с коня долой свалил!
А, чтоб конь по ней не ржал,
Пхнул его на вечность в жар!
С седмиглавого-ж врага
Сбил короны и рога,
В цепи крепко заковал,
Чтоб на 1000 лет пропал,
Запечатал и замкнул,
Чтоб никто к нему не льнул.
С полдня, с полночи, с восток,
С западных сторон, сдалёк,
Нас собрал опять к себе
На святой своей горе,
К тем священпым нам местам,

Где Он жил, родился сам.
Наш святой град вновь воздвиг
В 100 раз лучше и велик.
С мраморной стеной кругом,
На горе свой Божий дом:
Рощи, зелень и сады,
Фрукты сок – мед и плоды,
Злата, бронзы, серебра,
Драгоценностей, добра
Нам, как горы, навалил
И все в братство подарил,
Чтоб не знали мы нужды,
Эгоизма и вражды.
Сотворил от зноя тень,
Ночью светло так, как в день.
Градом – льдом ничто не бьет,
Облачным огнем не жжет
И дал дождь не заливной,
А кропящий, как росой.
Дал нам в рощах, на лугах
Скот в бесчисленных стадах.
Стали волки, тигры, львы.
Как овечки же, смирны:
Машут ласково хвостом
Пред людьми и пред скотом;
Дети начали играть,
Как игрушки, в ручки брать
Василисков, песьих мух;
Не вредит им яд и дух.
Чудеса наш Бог явил:
Все нам в благо превратил.
Всех родов пернатых птиц –
И калибров, и горлиц
К нам призвал в сады, леса,
Чтоб их трели – голоса
Превращали весь наш слух
В благодарный Ему дух.

Урожайные года
Сделал сряду навсегда.
Но из всех Его нам благ
Чудо-древо – артубах
Всем по вкусу, всем сластит
И питает, и живит
Нет уж створов при вратах.
Поперечин на столбах (шлахбаумов);
Нет ни стражей, ни солдат.
Сам наш Бог хранит наш град.
Нет полиций, нет судей,–
Всюду святость у людей.
Хороводы дам, девиц
Кротких, мудрых и певиц
Вьются Божьим вензелем
И поют Ему о Нем.
Всюду слышится игра:
Аллилуия и ура!
От Сиона, чрез Евфрат
Аж в Кантон – китайский град
Дал езду без лошадей (железную дорогу)
Путь удобный для людей,
Чтоб могли зреть чудеса
Бога нашего – Христа.
Во все ж страны по морям
Дал ход чудный кораблям:
Плыть в упор бурь и ветров
Без топлива для паров,
Ибо в судне есть отвод
От грозы и непогод!
Всем народам всех племен
Дал свободный вход в Сион,
Чтоб и все они могли
Брать себе закон любви,
Превращаться из зверей
Так же в Божиих детей.
И подарки, и поклон

Шлют со всех земель сторон
В Божий город на Сион
Пред святой Исусов трон!
Совершилось! Стал сей храм
Дом молитвы всем людям!
И дал новый нам закон:
Жить свободно, без препон,
В братском равенстве, любви
На израильской земли.
И всех праотцев святых
К нам привел опять живых,
Дал им с нами вместе жить
И в любви примером быть!
А в награду за любовь
Дал нам жить лета дубров.
Благодать явил женам –
Легкость, временность родам;
Удалил смертельный вред
Даже грешным на 100 лет.
Много таинств нам открыл
Из природы и из сил.
Дал систему всех наук
И для сердца, и для рук,
Чтоб мы разумом своим
Все сближались больше с Ним
Сатану-ж швырнул в провал..
И теперь весь мир узнал,
Что Бог выполнил завет
Чрез 4000 лет!
Так пдемте-ж ниц пред Ним,
Честь и славу воздадим,
Поклоняяся ему
В сем святом Его дому.
Здесь теперь Он Сам живет;
Здесь бессмертье раздает». «Аминь».

Кратко изложено вероучение иеговистов и в «Испытании или экзамене тому человеку, который уверует в Егову и

пожелает вступить в сообщество с Ним в Его брато-пророческом и клевретоангельском братстве» (т. е., в секте иеговистов).

На вопрос: как совершается спасение людей? Ильин отвечает в своей брошюрке «Семитысячелетняя битва Христа» (стр. 8): «Спаситель рода человеческого есть Богоеврей, но имени Егова, потому что Он спас 8 человек при истреблении рода человеческого потопом. Исуса Христа нужно будет (?) также считать спасителем многих людей, когда будет истребляться род человеческий жупелом. Кто ныне спасает вельмож и богачей от голодной и холодной смерти (иронизирует Ильин), я не осмеливаюсь сказать; но прочих людей спасает от вечной смерти богоеврей Еса Давидович Назаретский, если они, для своего спасения от погибели из бытия, призовут первоначальное имя Его и вместе пообещают Ему исполнять писанное только в той книге Его, которую Он прислал с неба на землю чрез ангела Своего уже после Апостолов (т. е., в Апокалипсисе)». На вопрос: да разве два богоеврея во вселенной? Ильин отвечает так: «Нет, Богоеврей или Егова от предвечности и до конца нескончаемой вечности есть все один и тот же, только Он принимает на Себя разные новые имена, соответственно новым событиям во вселенной». «Сам Егова, – учит Ильин (стр. 6), – воскресит всех евреев, соберет их отовсюду опять в их же страну и там даст им уже новое сердце и Его Божественный дух (т. е., нрав). Погибнут только те «братья во Христе Исусе», кои едет свинину, налимов, устриц, заячину и, вообще, кои преданы сатанинской лжи в его Евангелии и трансцендентальных талмудах его на оное».

Религиозный культ иеговистов

Иеговисты имеют свой чин вечерни, утрени и обедни. Богомоления их состоят из гимнов, которые они поют на мотивы народных и солдатских песен – русских, польских и немецких. Наиболее любимые напевы их – «Ну-же, рюмки наливайте» (гимн 3-й), «Пчелка златая, что ты жужжишь?» (гимн 1-й), «Гром победы, раздавайся» (гимн 16-й), «Я вечор в лугах гуляла» (гимн 15), «Всех цветочков боле розу я любил» (гимн 17-й), «Я в пустыню удаляюсь» (гимн 9-й), «Ой, за гаем гаем» (гимн 12-й) и т. д. Самый «чин» еговистических богомолений представляется в таком виде. Вечерня. Благовест к вечерне: все поют с музыкой на голос: «Ночною темнотою покрылись небеса». После сего – импровизированная молитва. После молитвы опять Благовест к вечерне: поется с музыкой. Затем следует самое вечернее богомоление, состоящее из пения гимнов, начинаемых первым братом и повторяемых сперва мужчинами, а потом – женщинами, как бы, на два хора с канонархом. Гимнов за вечерней поется 46. Обедня. Благовест к обедне все поют с музыкой на голос: «Заря утренняя взошла». Обедня состоит также из гимнов, какие поются и на вечерне. После 11-го гимна мужчины (они стоят на правой стороне, а женщины – на левой) поворачиваются налево, а женщины – направо. Первый брат обращается лицом ко второму (первый брат стоит впереди всех, второй – позади всех), а второй не трогается с места, и все поют с музыкой 4-й гимн «Земское царство Царя царей или откровение о той стране, где жизвь есть обновление» – на мотив: «Как на дубчиках голубчики сидят». Когда же запоют «Аллилуиа! Исусе Царь царей», тогда все становятся опять по-прежнему. 13-й гимн «Марш народа Божия с поклонной горы по выходе из всемирного Вавилона» – все поют, сидя, с музыкой на голос «Вальс мазурка». 17-й гимн – молитву пред обедом («Боже всемогущий! Сей хлеб благослови насущный и нас накорми! Аминь») все, став на колени вокруг стола с кушаньем, поют с музыкой на мотив: «Бурцев – буйный забияка, собутыльник дорогой». Затем, садятся все за стол и обедают.

После обеда поют молитву: «Боже всемогущий! Прими хвалебный глас за Твой хлеб насущный и накормленье нас. Аминь». Эгим богомоленье и заканчивается.

Всех богослужебных гимнов, называемых, обыкновенно, тропарями и кондаками, у иеговистов насчитывается до 50-ти. Они написаны стихами. Наиболее любимый – по счету третий – «благодарственный»:

«Аллилуия! Бог пророков!
Ура! Исусе Адоной!
Ты – творец чудес и роков,
Ашер-эйех и святой!
Ты премудрый и предвечный
Царь свободы, Царь святых!
Брат Ты наш и друг сердечный,
Бог не мертвых, а живых;
Прославляем, величаем,
Падаем к Твоим стопам.
Аллилуия возглашаем
За всю благость Твою нам!
Ибо свет Твой благодатный
Наши мысли просветил,
И твой глас, дотоль невнятный,
Нам понятно объяснил,
Что Ты – Бог и Царь в Сионе;
Свят есть в истине Своей –
И сидишь на чудном троне
От предвечности Твоей.
Твой обед у Авраама
Разъяснен теперь во век:
Ты – создатель и Адама –
И такой же человек!
Только можешь жить и в солнце,
На земле и на звездах.
В твердь войти, как луч в оконце,
В камне быть, в земле, в водах.
Можешь пламенем казаться,
Светом солнечным блистать,

Темнотою покрываться,
Голос громом издавать.
Можешь все в прах уничтожить
И опять все вновь создать;
Больше звезд еще размножить
И пути им новы дать.
Все науки и все званья
Разумеешь Ты вполне
Весь состав всего созданья
Видишь Ты внутри и вне.
На всех в мире диалектах
Ты умеешь говорить,
В предприятиях, проектах
Все премудро сотворить.
Был однажды Ты и мертвым
И убит, как человек,
Распят телом, тёрным тёртым,
А теперь уж жив во век.
И рожденный Ты любовью (?),
Ты и тем всем старший брат,
Кои зачаты не кровью,
А их дух от Бога взят
Царь-ерей пред Отцом Богом
Сделан каждый брат Тобой;
Кровь пролил в страданьи многом,
Смыл грехи с родных, родной,
И средь братских общин ходишь,
Наставляешь, учишь их;
Велиару страх наводишь
Чрез посланников Твоих!
Из могил и смертью взятых
Власть имеешь воскрешать, –
Седмиглавием пожратых
Оживлять и возвышать.
Иль сестер Твоих и братий
Восвояси Ты берешь;
Жизнь нетленья, благодати

Там им каждому даешь.
Два твоих явленья в мире
Ждать еще велел Ты нам;
Прежде с войском и в порфире,
А потом по облакам.
Иль израильтян устроить
И избавить их от бед,
Все народы успокоить,
Дав мир на тыщу лет.
Наконец, явить мир новый,
От добра зло отделить
В жизнь – добро, зло – в огнь багровый
С сатаною погрузить.
Иль направо и налево
Разлучишь Ты всех людей:
В жизнь – направо, в смерть – налево
И подданных, и царей.
Правым дашь благословенье, –
И пойдут на жизнь во град;
Левым выскажешь презренье
И с проклятьем ввергнешь в ад.
Ибо братьев Твоих гнали,
Проливали кровь святых;
Твой закон критиковали,
В баснях бавились пустых!»

Есть, впрочем, у иеговиетов «тропари», или гимны и такие, которые написаны прозою; из них чаще других употребляется на богомолениях следующий «братопророческий и клевретоангельский тропарь»: «Преобразился Ты, наш Егова Исусе, на острове Патмосе; открыл нам Твою человеко-божескую славу в мироправительный план Твой; показал нам ясно и понятно, что будет происходить в мире сем, какие появятся разные адские христианства иль деспотизмные шарлатанства под именем христианства, великие доскопоклонные христы и здохломольные владыки, чудотворны чищальщики сифилисом, досками и шестами, седьмиглавые и волкоагнчьи, иль православные, зверства, инквизиции,

кровопролития, войны и убийства; и за это твое откровение нам мы, павши к святым стопам Твоим, воздаем Тебе благодарение от всей нашей искренней любви к Тебе, возглашаем: Аллилуия! (Поклон земной)».

Часто на своих богомолениях иеговисты прямо пародируют православные ирмосы и тропари. Вот, напр., что поет 1-й хор (мужчины): «Расцвела есть пустыня, яко крин, Господи, языческая неплодящая церковь с пришествия Твоего, Господи, в ней же (т. е., в расцветшей языческой церкви) угвердися мое сердце. С чем вас, православные, и поздравляем!» – 2-й хор (женщины): «Обретохом веру истинную, нераздельной троице поклоняемся, вред досками бормочем и киваемся, попом от всякого греха разрешаемся и в огненный жупел приготовляемся!».

Краткие замечания

Если бы не было известно, что секта иеговистов существует в действительности, и что в последнее время она находит даже новых последователей (иеговисты, напр., появились недавно в Харьковской губернии), то трудно было бы поверить, чтобы лжеучение Ильина не было только пародией на человеческие религии и издевательством безумца над самой благороднейшей потребностью человеческого духа. Как уже сказано было, проф. Ивановский назвал его «бредом расстроенного воображения»; но можно было бы найти для него и наименование более точное: оно есть произведение человека умалишенного, психически больного, каким Ильин и был дважды признан медицинской комиссией. Крайний мистицизм в нем смешан с самым грубым материализмом, истины Божественного Откровения – с наивными детскими сказками, вражда и злость – с желанием примирить враждующих, действительность – с областью безумной фантазии, кощунство и глумление над религией – с молитвой... Нет никакой возможности объяснить, каким образом здравомыслящий человек мог бы путаться в течение всей своей довольно продолжительной жизни в этой тине бесчисленных самопротиворечий и положений, не поддающихся логическому контролю, – каким последовательным путем можно было прийти от христианского монотеизма к грубому языческому политеизму, от Голгофы к Олимпу, от Евангелия к алкорану и талмуду, от христианского Апокалипсиса – к раю Магомета – даже с девами и певицами!.. Библию или книги Св. Писания Ветхого и Нового Заветов Ильин, как мы видели, отверг, дерзко обозвав их «делом сатаны». Он еще ссылается на Книгу с неба (К. с.) или Апокалипсис. Но есть ли в Апокалипсисе что-либо похожее на то, что мы встречаем во лжеучении Ильина? – Совершенно ничего! Поэтому, вся задача миссионера Православной Церкви должна состоять в том, чтобы показать иеговистам, что в Апокалипсисе нет оснований для их неразумных и нехристианских верований, что Ильин выдал свои злые фантастические вымыслы за учение,

таинственно возвещенное св. Апостолу Иоанну Богослову. А это сделать нетрудно, сличив по «членам» вероучение Ильина с текстом книги Апокалипсиса, тем более, что в последнее время сами иеговисты сознают уже, что в слове Божием для их верований нет оснований, вследствие чего, они стали уже ссылаться больше на свое «внутреннее откровение», чем на Апокалипсис.

Самое понятие о Боге и богах у иеговистов – наивно-детское и грубое, для которого, конечно, нет и не могло быть никакого основания в Апокалипсисе и человеческой логике. У иеговистов, собственно говоря, нет Бога; их вероучение – атеистическое; они проповедуют безбожие. На место Бога они ставят бесчисленное множество человекобогов, т. е., проще: они отождествляют Бога с человеком. Даже того старшего Бога, Отца человекобогов, который живет в какой-то недоступной для человеческого ума «столице», – Ильин в своем «Символе веры» (член 12) называет только «яшмосардным человеком». О нем он говорит: «я верую в Бога, что он есть еврей-же, двуногий, одноголовый, даже обрезанный». «Обед у Авраама» научил Ильина и его последователей тому, что Егова «и ныне ходит по земле, и ищет таких же верных Ему Авраамов, у которых Он мог бы приютиться, отдохнуть и поужинать: жарковья, пирога, молока, масла и фруктов». Об остальных богах и полубогах, богинях и полубогинях, которые, по учению Ильина, управляют бесчисленными планетами и кометами, он говорит, что они – «те же люди, только бессмертные и просвещенные таинствами натуры, музыкою и разными языками, короли, бессмертные мудрецы или маги». Под Божеством иеговисты разумеют не личное всесовершеннейшее Существо, а только состояние святости и нравственного совершенства, которого достигают обыкновенные люди, вследствие чего, они уже становятся человекобогами и человекобогинями, еговами, и правителями различных планет. Так думают они даже и об Иисусе Христе. На вопрос: «почему Иисуса Христа вы называете не Богочеловеком, а человекобогом?» иеговисты отвечают так: «Исус Христос родился от девы Марии так же, как и мы

родились, а святости Он достиг и стал «Еговой», уже живя среди людей на земле».

Несостоятельность такого учения иеговистов о Боге и человекобогах раскрыть не трудно, как не трудно показать и ложь языческого политеизма. 1. Многобожие противно самому понятию о Боге, как Существе всесовершеннейшем и неограниченном; совместного бытия даже двух всесовершеннейших и неограниченных существ здравый человеческий разум допустить не может, не впадая в самопротиворечие. 2. Бог, по общечеловеческому понятию о Нем, обладает такими свойствами, которых человек иметь не может: всемогущество, вечность, неизменяемость, всеведение, вездеприсутствие, абсолютная святость и непогрешимость. Ясно, что человек никогда не может стать богом. Противное может утверждать только человек не здравомыслящий.

Множество самопротиворечий в учении иеговистов обнаруживается само собою. Так, напр., Ильин очень симпатизирует гернгутерам, квакерам, баптистам, лютеранам, кальвинистам, англиканам, – и, в то же время, проклинает Лютера за его учение об оправдании человека верой и уничижение добрых дел; но учение это разделяют и лютеране, и баптисты, и квакеры, и гернгутеры!… Он называет их народом тайно-христианского царства Божия на земле; утверждает, что о них именно речь идет в Апокалипсисе. Но, ведь немцы и англичане, как известно, едят свиные колбасы, ветчину, устрицы, налимов и заячину; а употребляющие эту «мерзость» в пищу, по Ильину, противны Богу и будут истреблены Еговой в день суда, вместе с сатаною!… Как же так?.. Впрочем, подобного рода самопротиворечий в учении Ильина и его последователей чрезвычайно много.

Но вот, суд, который сам Ильин произнес над своим лжеучением. По его словам, «в сатанинском христианстве, в продолжении почти 2000 лет, должно явиться три прелютейшие зверства». «Самым бесчеловечным», «от седми–восьмое десятирогастое» будет то, которое поставит своей целью – «соединить все христианские веры и секты в единство веры». Где же такое общечеловеческое вероучение? До Ильина его не

было. Ильин первый поставил себе целью – измыслить такую религию, которая примирила бы и объединила в себе, как в детском калейдоскопе, все религии и секты и потому он называет свое лжеучение не иначе, как «учением скоробудущей общечеловеческой религии», а своих последователей – «христианскими евреями». Таким образом, сам Ильин называет свое лжеучение «прелютейшим зверством» в христианской жизни.

Иеговисты отвергают Православную Церковь, как Божественное установление, обзывая ее Езавелью; отрицают священную иерархию, таинства и обряды, почитание св. икон и честного креста, мощей, угодников Божиих и т. д. Но оснований для этого не указывают никаких, ограничиваясь только грубым кощунством и площадными ругательствами. Вместо воскресного дня и христианских праздников, они чтут субботу и праздники еврейские. Секту иеговистов можно причислить к христианским вероисповеданиям только по недоразумению.

В заключение, нельзя не сказать, что изучение верования иеговистов и их богомолений производит на исследователя чрезвычайно тяжелое впечатление. Оно наглядно показывает, до какого крайнего безумия доходят несчастные люди, по легкомыслью оставившие руководительство св. Православной Церкви. Но еще тяжелее знать, что такое безумное лжеучение находит себе последователей и защитников даже и в наше время. «Как ни глупо, как ни отвратительно для истинного христианина учение ересиарха Ильина, – говорит один сотрудник «Миссионерского Обозрения» (1900 г. II. Стр. 701), – однако, оно очень легко привилось на Урале, в Пермской губернии, не только к некоторым православным, нетвердым в вере, но даже к раскольникам-беспоповцам. Так, в Нижнетагильском заводе, бывшие раскольники – купцы братья Д. и П. Б–вы и купцы С. и С. А–вы издавна уклонились в секту субботников (т. е. иеговистов) и всеми мерами стараются распространить учение Ильина не только между православными, но и между раскольниками».

11. Адвентисты[291]

История секты

Секта адвентистов имеет много пунктов соприкосновения с сектою иеговистов. Главный предмет ее лжеучения – второе пришествие (Aduentus) Господа нашего Иисуса Христа, – отчего она получила и свое название. Основателем ее был баптистический проповедник в Северной Америке Вильям Миллер (родившийся в 1781 году в Питефильде). Он интересовался разрешением вопроса о кончине мира и втором пришествии Христовом. С одной стороны, некоторые места в книгах Св. Писания Нового Завета (особенно: Мф. 8:11; 19:28; 26:29; Лк. 22:16; 2Фес. 2:1–3; Откр. 20:1–6), а с другой стороны – различные астрономические наблюдения дали ему повод думать, что кончина мира предстоит в скором будущем. В словах спасителя «о дне том и часе никто не знает» (Мф. 24:36), он находил указание лишь на то, что день и час пришествия Его никому не известны; но определить год, – думал Миллер, – возможно по данным признакам. Признаки же эти были налицо: антихриста Миллер признал в лице папы; в оскудении веры и любви среди людей недостатка не было; гонения на христиан не прекращались; 13-го ноября 1833 года над значительной частью земного шара происходило необычайное «падение звезд» (Мф. 24:29); в 1836 году было большое землетрясение, которое ощущалось во многих странах. Даже знаменитый метереолог и астроном Ольмштед высказал мнение, что эти явления были «не мирскими, а небесными». В своих проповедях, Миллер все чаще и чаще стал останавливать внимание своих единоверцев-баптистов на этих грозных признаках второго пришествия Христова. Красноречивые речи убежденного проповедника производили сильное впечатление на баптистов. Мысль о скорой кончине мира в 40-х годах прошлого столетия быстро распространилась по всей Америке, потом нашла для себя почву и в Европе. Мы видели, с каким напряжением ожидали в 1836 году второго пришествия Христова и многие из наших сектантов, в особенности, субботники, прыгуны, молокане. Наконец, Миллер возвестил,

что кончина мира наступит в 1843 году; не известен был в точности лишь самый день второго пришествия Спасителя. В конце декабря 1843 года, видя свое предсказание неисполнившимся, Миллер объявил слушателям категорически, что кончина мира будет 14 апреля 1844 года. Такое точное определение срока кончины мира произвело сильное волнение среди американского населения. Число последователей Миллера к этому времени простиралось, как говорят, до 200000 человек[292]. Неизвестно, по каким побуждениям, но уже в марте 1844 года, Миллер отсрочил день второго пришествия Христова до 22 октября того же года, но зато указал даже ту гору, на которой явится людям Спаситель. По мере приближения этого рокового дня, среди американцев происходило нечто невообразимое: все чувствовали себя, как присужденные к смертной казни: полевые работы были брошены; служебные обязанности оставлены; семейные узы прекращены; богачи раздавали свое имущество нищим; кирки (?) ежедневно были наполнены кающимися и молящимися; враждующие прекратили свои распри; многие за 40 дней до назначенного срока стали отказываться от принятия пищи... Когда наступил роковой день, «адвентисты» (как были названы уже тогда последователи Миллера) в громаднейшем количестве, в белых одеждах, торжественно отправились к «горе суда» и расположились на обширной равнине. Медленно тянулись часы томительного ожидания. Адвентисты пели свои гимны и с трепетом сердца, не опуская глаз, смотрели на облака, на которых им первым должен был показаться Сын Человеческий. Но прошел день, – и ожидания адвентистов оказались суетными. Авторитет Миллера был поколеблен. Ложного пророка оставили очень многие из его последователей. Кружок его друзей и единоверцев ограничился десятками. Миллер заболел и, скоро после этого, умер, но и перед смертью своей он просил своих последователей твердо верить в скорое пришествие Христово.

После смерти Миллера, адвентисты разбились на отдельные, и друг другу враждебные, толки: явились «однодневные адвентисты», «семидесятидневные адвентисты», «евангелические адвентисты», «общество жизни и второго

пришествия», «Церковь Божия», «Церковь Бога во Христе Иисусе», «церковь адвентистических христиан» и «адвентисты седьмого дня». Наибольшим фанатизмом и стремлением к пропаганде отличаются последние. В Европе они избрали для себя центром деятельности город Гамбург; в Базеле – основали свой орган: «Herold der Wahrheit und Prophetischer Erklärer». Всех адвентистов седьмого дня в настоящее время, по официальным сведениям, насчитывается до 48 тысяч человек. Главное управление их находится в Америке, в Бетль-Крике, где они имеют свою типографию и свою семинарию для подготовления своих пропагандистов. В настоящее время, они с напряженным усилием стараются о распространении своего лжеучения в России среди природного русского православного населения.

Когда именно появились адвентисты в России, с точностью сказать нельзя. В первый раз упоминается о них во всеподданнейшем отчете обер-прокурора Св. Синода за 1897 год. «Волынский губернатор, пишет обер-прокурор Св. Синода, препроводил к преосвященному волынскому 24 №№ (номера), издающейся в Базеле, газеты «Herold der Wahrheit und Prophetischer Erklärer» и семь брошюр на немецком языке, отобранных полицией в колонии Недбаевке, Новоградволынского уезда, у мещанина Готлиба Шульца, который, как установлено дознанием, празднует субботу вместо воскресенья и склоняет других колонистов к тому же. Означенная газета и брошюры, по отзыву епархиального волынского миссионера Мануила Немечека, издаются сектантами, которые сами себя называют «адвентистами 7-го дня» и свое религиозное общество считают «последней настоящей реформацией». Название «адвентисты 7-го дня» уже само показывает, в чем состоит главная особенность этой недавно (в 1863 году) возникшей секты. Рассматривая 13-ю главу Откровения и 24 главу Евангелия Матфея, они приходят к тому заключению, что все пророчества, относящиеся ко второму пришествию Спасителя, уже исполнились и что, поэтому, нужно ждать в скором времени конца этого мира и второго пришествия Спасителя, отчего они и назвали себя «адвентистами». Отрицая

необходимость празднования воскресного дня, они учат, что нужно святить седьмой день – субботу; поэтому они и назвались «адвентистами 7-го дня». Подобно всем пиэтистам, адвентисты, считают себя единственно истинными христианами, – обществом, похожим на общество Апостолов и первых христиан; напр., автор брошюры «Богом освященная ночь» «Die von Gott geweihte Nacht) разделяет всех христиан на две весьма неравные части: на истинно апостольское христианское общество, к которому принадлежит лишь сравнительно весьма ничтожное количество людей, именно – адвентисты 7-го дня, и на весь остальной (будто бы) ложный христианский мир, где – только мнимые христиане, погруженные в темноту… В той же статье говорится, что все «изображения Спасителя и святых суть идолы, запрещенные первою и второю заповедью, что все христианские праздники – не верны, так как пасха была осенью, а не весною, и рождество Христово случилось не 25-го декабря, а ночью, со 2 на 3 сентября», отвергают постановления вселенских соборов и толкуют Св. Писание совершенно произвольно. Так, они утверждают, что «все, что Библия говорит о Боге, нужно понимать буквально», а в других случаях говорят, что «таинство Св. Причащения не имеет никакого смысла», и, что «слова Спасителя: «приидите, ядите, сие есть тело Мое» нельзя понимать буквально, потому что они относятся только к учению Спасителя. Единственный способ, которым кто-либо из людей может причащаться тела Христова, состоит в том, что нужно всем сердцем верить всему, чему Спаситель учил. Таким образом, он может принимать тело Христово без содействия священника или епископа». До чего доходит мистицизм адвентветов, можно усмотреть из следующего заявления: «все те, которые освящены творческой силой Христа, в них дйствующей и совершенное освящение которых запечатлело печатью субботы Иисусовой, принадлежат к лику 144,000 или же к верующим евреям последнего времени, которые вновь заключат с Богом союз; но все те, которые празднуют воскресенье – носят знамение зверя. Что адвентисты 7-го дня имеют своих агентов и в России, о том свидетельствует факт, что среди волынских немцев-колонистов, находится в

настоящее время довольно много последователей адвентистов 7-го дня или, так называемых, «субботников»; так, вблизи села Иванович, Житомирского уезда, проживает несколько немецких семейств, которые празднуют субботу, а в воскресенье работают. При случайной встрече с чехами пос. Околка, они не только не отрицают своей принадлежности к упомянутому обществу, но и отстаивают свои убеждения».

С 1905 года пропаганда адвентизма охватила всю Россию; но особенно энергично действуют проповедники адвентизма с 6-го ноября 1906 года, когда министром П. А. Столыпиным им предоставлена полная свобода пропаганды[293]. На последней адвентистской конференции Германского союза, на которой были представители и России, генеральной конференцией предложено выделить последнюю в «Российский союз». Вследствие этого, в настоящее время вся Россия разделена на четыре части: 1. «Кавказский союз», 2. «Восточно-российское миссионерское поле», 3. «Южно-российское миссионерское поле», и 4. «Средне-российское миссионерское поле». Председателем «Российского Союза» в Петербурге состоит жид, неизвестно почему именующий себя профессором, Вильдгрубе. Он разъезжает по всей России с толпою сотрудников своих, совершает крещение над совращенными, устанавливает «десятинные» подати, и от каждого перекрещенного крестьянина, получает в свою пользу 1 р. 50 к. за совершение крещения. Так, в село Кищинцы Уманского уезда, вместе с проповедниками адвентизма Пилькевичем и Скоробрещуком, он приезжал (из Петербурга) на 4-й день пасхи 26 апреля 1908 г. и окрестил семейства Чижа и Лысогорова, совративши до 150 человек новых последователей; 20-го июня он приезжал вторично, и с 2-х до 4-х часов ночи совершал крещение, а потом омовение ног и преломление хлеба. Получив по 1 р. 50 к. от перекрещенных за труд и по 5 р. с каждого адвентистского семейства прогонных, он, прощаясь со своими «чадами», сказал: «если вас кто обидит, тотчас телеграфируйте мне прямо в Петербург: я немедленно пойду к Государю и министру». При этом, он не забыл напомнить им и о том, чтобы поаккуратнее присылали ему «десятину»…

В Москве адвентисты появились в 1905 году. Первым распространителем адвентизма здесь был К. Шамков, окончивший курс в гамбургской адвентистской семинарии и удостоенный там степени «библейского работника». Он устраивал в Полянке и Бабьем городке систематические собрания с пением «Любимых стихов» и «Гуслей», обильными проповедями, разъяснениями и распространением брошюр «Международного Трактатного Общества»[294], журнала «Маслины», издающегося в Гамбурге, и различных листков. Когда Шамков был переведен в Киев, на место его назначены более опытные проповедники – М. и Р. Юркины. Раньше они действовали на юге России в Черниговской, Екатеринославской, Таврической и Харьковской губерниях. Но главным руководителем пропаганды и в Москве, был тот же «*замечательный проповедник*», ни слова не знающий по-русски, Вильдгрубе. На его собраниях, кроме проповедей, пения по «Гуслям» под аккомпанирование фисгармоний, неопустительно произносится молитва о просвещении адвентизмом всего русского народа.

Учение адвентистов наиболее усвояется штундо-баптистами и теми православными, среди которых живут штундисты. Поэтому, адвентизм уже и успел распространиться по всем тем местностям, где раньше энергично была ведена пропаганда штундизма, так что с уверенностью можно сказать, что именно штундо-баптизм подготовил в России почву для адвентизма. После этого, понятно, отчего адвентизм нашел своих адептов, главным образом, на юге России.

Вероучение адвентистов

Виновником адвентизма, как мы видели, был баптистический проповедник Миллер. Учение свое он распространял почти исключительно среди баптистов; а потому, адвентизм, собственно говоря, есть только разновидность баптизма, один из его толков. Проповедуя о скором пришествии Спасителя на землю, Миллер, конечно, и не думал того, что этим он полагает основание новой секте. До самой смерти своей он оставался верным догматике баптизма. Его дальнейшие преемники по распространению его учения так же не касались основных догматов баптизма, но они только прибавили к ним своеобразное учение 1. о времени второго пришествия Спасителя и воскресении мертвых, 2 о существе человеческой души и 3. о праздновании субботы вместо воскресного дня. Этим объясняется то обстоятельство, что именно штундо-баптисты охотнее других сектантов становятся в ряды последователей адвентизма. Поэтому мы здесь не будем излагать общих догматических положений в учении адвентистов, равно, как и их отрицательного отношения к православной церкви, и ее учению о таинствах, обрядах, иконопочитании, почитании св. угодников, мощей, креста и т. д. Мы рассмотрим здесь лишь те пункты, которыми адвентизм отличается от баптизма.

1. Учение адвентистов о втором и третьем пришествии Господа нашего Иисуса Христа составляет характеристическую особенность этого сектантского толка. То обстоятельство, что пророчества Миллера о дне второго пришествия Спасителя 22 октября 1844 года не оправдались, не смущает представителей адвентизма нашего времени. Из своего неприятного положения они надеются выйти, сознаваясь, что Миллер допустил некоторую неточность в своих вычислениях. Он выпустил-де из виду, что, хотя признаки второго пришествия налицо, и пророчество Даниила исполинилось в точности, но Христос ведь, согласно Откровению Иоанна (15:5) и словам ап. Павла (Евр. 8:1–5; 9:11, 23–24), раньше пришествия на землю должен

был войти еще в небесную скинию, – что и случилось 22-го октября 1844 года. И вот, теперь Христос, по верованию баптистов, и пребывает в этой небесной скинии, в этом «нерукотворенном святилище», очищая от грехов Своих верных последователей – адвентистов. «Как хорошо, – пишет один адвентист[295], – что твои и мои грехи заранее рассматриваются в человеческо-небесном святилище, а не потом, перед всем миром, пока кровь нашего Спасителя, умершего на Галгофе, может изгладить их из книги Божией. Когда наш Первосвященник Сам лично вынесет грехи наши из святилища, то они возложатся на голову живого козла, соответствующего сатане, виновнику греха». На вопрос, в какой же срок будет произведено это очищение «святых» (адвентистов) от их грехов или, что то же, когда придет Спаситель судить «грешников» на землю, адвентисты отвечают теперь неодинаково: по мнению одних, Иисус Христос придет на землю в 1924 году (Елена Уайт), по мнению других (Шамкова), – в 1913 году, а по мнению третьих – в 1995 году. В это время оживут все адвентисты и будут царствовать со Христом тысячу лет, и это будет первое воскресение.

И блаженны, и счастливы адвентисты, ибо они будут участвовать в первом воскресении: над ними смерть вторая уже не будет иметь власти: они будут священниками Бога и Христа, и будут царствовать с ним тысячу лет (Откр. 20:5–6). Но и между адвентистами в это время будет установлена градация: одни поселятся на небе, а другие останутся на земле и по-прежнему будут заниматься житейскими делами: даже будут рождать и воспитывать детей. Но главное занятие их в течении тысячи лет будет состоять в производстве суда над миром и ангелами (1Кор. 6:2–3; сравн. Дан. 7:9–10). Занятие это адвентистами представляется слишком чувственно. Когда адвентисты говорят, о нем, то невольно вашим глазам представляется громаднейшая канцелярия: в ней сидят адвентисты с толстыми раскрытыми книгами, напоминающими формуляры чиновников, и в этих книгах они находят справки о грешниках и докладывают свое мнение председателю. Занятие их кончится тем, что закоренелые грешники будут истреблены огнем, земля примет

вид пустыни: на нее будет низвержен Люцифер (сатана), закованный в цепи и присужденный к тысячелетнему одиночному заключению. Но пройдет тысяча лет этой скучной судебной процедуры, Христос, все время занимавшийся на земле в Своей канцелярии подготовкой судебных приговоров, придет на землю в третий раз, окончательно истребит грешников, чтобы не терзать их муками ада, и тогда адвентисты увидят славу и величие Сына Человеческого и уже навеки будут царствовать с Ним. Таким образом, адвентисты обрекают Спасителя на скучную канцелярскую работу; около ста лет Он должен заниматься делами адвентистов в «нерукотворенном святилище» и тысячу лет на земле – справками о поведении грешников.

2. Сообразно своему грубо-чувственному представлению о втором пришествии Спасителя на землю и Его вечном царствии, адвентисты учат и о человеческой душе. По их словам, идея бессмертия души заимствована ортодоксальными христианами у язычников, так как в Библии нет (будто бы) для нее ни малейшего основания. Адвентисты с точностью высчитали все места в книгах Св. Писания, где упоминается слово «душа», и нигде она не названа бессмертною. «Укажите мне хотя один текст о бессмертии души, – сказал лжепрофессор Вильдгрубе собравшимся в Киеве (в 1908 г.) православным миссионерам, – и я сейчас оставлю мою веру». Поэтому, адвентисты учат, что, при кончине человека, умирает не только тело, но и душа.

3. Под сильным влиянием еврейского раввинизма, адвентисты отказались праздновать воскресный день, заменив его субботой, утверждая, что ветхозаветный закон, как данный от Бога, имеет свое вечное значение.

Религиозный культ адвентистов

Удержав баптистическую догматику, адвентисты остались верными и баптистическому культу. Богомоления их состоят, как и баптистов, из импровизированных молитв, сопровождающихся слезами и воздыханиями, одушевленной живой проповеди с театральными жестами, чтения книг Св. Писания и пения обыкновенных баптистических гимнов или псалмов. Крещение, преломление хлеба и умовение ног у адвентистов совершается так же, как и у баптистов. В пятницу с полудня адвентисты уже начинают готовиться к празднованию субботы: топят печи и варят пищу на вечер пятницы, и на весь день субботы; затем заделывают печи наглухо и убирают комнаты. Перед заходом солнца, одевшись по-праздничному, и взявши Евангелие и сборник своих псалмов, они отправляются в дом, в котором назначено моление. Богослужебное собрание адвентистский «пресвитер», как и у баптистов, открывает, обыкновенно, общей молитвой, потом произносит живую речь, состоящую, главным образом, из воспроизведения многочисленных выдержек из книг Св. Писания. После проповеди, он читает молитву, содержание которой составляет усиленная просьба о том, чтобы Христос поскорее пришел на землю и устроил Свое тысячелетнее царствование. Присутствующие слушают эту молитву непременно со слезами, воздыханиями и коленопреклонениями. Затем следует чтение Св Писания, пение гимнов, проповедь, опять – пение, опять – чтение, опять – проповедь и т. д. Моления адвентистов никогда не оканчиваются раньше 12-ти часов ночи. В субботу утром моление совершается точно так же, как и вечером в пятницу. Вечером в субботу оно бывает менее продолжительно, но зато в это время сектанты больше читают и толкуют книги Св. Писания, в особенности – Апокалипсис. Кроме того, они читают и обсуждают различные сектантские брошюрки, ведут беседы о житейских делах, разрешают касающиеся их секты вопросы и т. п., – вследствие чего, и вечерние субботние собрания часто затягиваются до утра, так что многие там и засыпают.

23-го июня 1908 года в с. Кищинцах, Уманского уезда, от 2 до 4 часов ночи Вильдгрубе совершал крещение 38 человек, совращенных в адвентизм, таким образом: одевшись в длинную белую одежду, похожую на стихарь, он, как это делают и баптисты, сначала прочитал на берегу реки евангельское повествование Луки о крещении Иисуса Христа от Иоанна во Иордане, и потом, по очереди, сводил крещаемых, одетых в такую же, как и он, одежду, в воду, сложивши им руки на груди одну на другую. Стоя в воде почти по плечи, он спрашивал крещаемого; «веруешь ли ты, дорогой брат, в Господа Иисуса Христа?» и, получив утвердительный ответ, произносил: «по вере твоей крещу тебя, дорогой брат, во имя Отца, и Сына и Св. Духа». После этого, взяв крещаемого за воротник одежды сзади, он погружал его через спину в воду; затем выводил его на берег и поздравлял с принятием крещения. Окрестив таким образом всех 38 человек, Вильдгрубе произнес им речь, в которой доказывал, что он совершил крещение именно так, как оно было совершаемо Апостолами. Окрещенные раньше сектанты, все время стояли на берегу и пели различные гимны.

Омовение ног и преломление хлеба Вильдгрубе совершил таким образом: сначала он прочитал Евангелие от Иоанна о том, как Христос умыл ноги Своим ученикам. После этого, женщины вышли в отдельную комнату. Мужчины-адвентисты сняли свою обувь и начали взаимно умывать друг другу ноги. То же делали и женщины. Потом Вильдгрубе прочитал евангельское повествование Луки об установлении таинства Евхаристии, взял обыкновенный белый хлеб, раздробил его на части, и со словами: «возьмите и кушайте, это есть тело мое», раздал присутствовавшим; затем взял чашу с красным вином и произнес: «возьмите, пейте, это – кровь моя». Каждый из присутствовавших брал ложкой из чаши вино и пил его. Вино это Вильдгрубе приготовлял предварительно так: в обыкновенный горшок он влил две бутылки красного вина, две бутылки простой воды и кипятил эту смесь на огне до тех пор, пока из нее не испарилась вода. Это испарение воды адвентисты признают «чудом», а на приготовление вина

указывают православным, как на преимущество своей веры перед православной.

Краткий разбор лжеучения адвентистов

1. Верование адвентистов о втором пришествии Христовом, которое они представляют себе столь же чувственным, как и иеговисты, сложилось несомненно под влиянием талмудического учения евреев, которые, как до рождения Спасителя, так и в настоящее время, в лице Мессии ожидали и ожидают появления могущественного земного царя, который покорит весь мир и предоставит евреям распоряжаться жизнью, смертью и имуществом всех народов в мире. Образную речь ап. Иоанна о тысячелетнем царствовании Христа, которая указывает, вообще, только на его продолжительность, адвентисты понимают буквально, несмотря на то, что в том же самом Апокалипсисе (11:15), это царствование Господа нашего Иисуса Христа представляется таким, которое будет продолжаться «во веки веков». Между тем, ни Спаситель, ни Апостолы не учили тому, что проповедуют эти сектанты. Спаситель всегда и определенно учил, что Его царство не от мира сего (Ин. 18:36), что оно – не земное, а небесное (Мф. 16:19; 13:11; 5:3; 7:21; 11:11; 13:24; 18:3–4; 19:24; 23:13 и паралл.), что Он придет на землю только однажды, при кончине мира, что воскреснут, как праведники, так и грешники, что одновременно будут судимы, как те, так и другие (Мф. 25:31–46) и что грешники будут преданы вечному мучению. Так же учили и Апостолы (Срав. 1Фес. 4:13–17; 5:1–3; 2Фес. 1:5–10; 2:1–14). Забывая слова Спасителя, что в царстве небесном праведники будут подобны ангелам и не будут ни жениться, ни посягать, адвентисты, как мы видели, учат, что в царстве Христовом праведники будут даже рождать детей.

2. Отвергая бессмертие души человеческой, адвентисты рассуждают так: «Еврейское и греческое слово, с которого (?) переведено слово «душа», встречается в Библии 858 раз; 753 раза в Ветхом Завете и 105 раз в Новом. Еврейские и греческие слова, с которых (?) переведено слово «дух», употреблены в ней 851 раз: 466 раз в Ветхом Завете и 385 раз в Новом. Так что всего эти слова встречаются в подлинном тексте Библии 1709

раз. И вот, несмотря на то, что эти слова употреблены так много раз, им ни единого раза не придается значения «бессмертия». Выражения «бессмертная душа» или «бессмертный дух» в Св. Писании нигде не встречается». В частности, для подтверждения своего лжеучения, адвентисты ссылаются на слова Соломона: «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем» (Еккл. 4:4–6). Кроме этого места, адвентисты думают истолковать в свою пользу еще следующие тексты Св. Писания: Пс. 6:6: «в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?» Пс. 30:18: «Нечестивые да посрамятся, да умолкнут в аде»; Пс. 113:25: «Не мертвые восхвалят Господа, ни все нисходящие в могилу»; Пс. 145:4: «Выходит дух его, и он возвращается в землю свою: в тот день исчезают все помышления его»; наконец, Ис. 38:18: «Не преисподняя славит Тебя, не смерть восхваляет Тебя, не нисшедшие в могилу уповают на истину Твою».

Из всех этих текстов ни один не должен быть понимаем в смысле отрицания бессмертия человеческой души. Если принимать буквально слова Соломона, тогда адвентисты должны отказаться от основных своих верований. «Уже нет им (умершим) воздаяния», – говорит Соломон. Что же? Значит, и страшного суда не будет, и праведники не получат царства небесного, а грешники не будут наказаны?.. Тот же самый Соломон, на слова которого ссылаются адвентисты, и в той же самой книге Экклезиаст, из которой взяты приведенные адвентистами слова, прямо говорит: «возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12:7). Не ясно ли отсюда, что Соломон полагал существенное различие между душой человека и его телом, и душу нашу, возвращающуюся к бессмертному Богу, признавал бессмертной? Адвентисты умалчивают, что, приводимые ими, слова Соломона не представляют положительного учения

Божественного Откровения, а лишь воспроизводят материалистическое воззрение современников Соломона. Так должно понимать их, даже вырвав их из связи речи, как поступают, обыкновенно, адвентисты, ибо Соломон, как бы, намеренно прибавляет, что он говорит не о существе души человеческой, а о том, «что делается под солнцем». С той точки зрения, с которой смотрят на жизнь человеческую считающие ее только «суетой сует и всяческой суетой», нельзя говорить другим языком, чем каким говорит Соломон.

Нет никаких оснований для отрицания бессмертия души человеческой и в остальных местах Св. Писания, на которые ссылаются адвентисты и которые приведены выше. В них речь идет лишь о том, что мертвые не могут славить Господа, что нечестивые посрамятся и умолкнут, что со смертью человека прекращаются все его житейские заботы и помышления. Где же здесь отрицание бессмертия души? Разве кто не славит Господа, тот уже имеет смертную душу? Или признаком смертности души служит прекращение житейских забот о богатстве и почестях?

Вера в бессмертие души человеческой необходимо предполагается каждой, даже грубой анимистической религией язычника, а тем более нужно сказать это о религии Богооткровенной. Сотворив человека по образу Своему (Быт. 1:26–27), Бог вдунул в него дыхание жизни (2:7); а разве это «дыхание» Божие, которое мы называем душой, может быть смертным? О Рахили говорит бытописатель Моисей: «выходила из нее душа, ибо она умирала» (Быт. 35:18). Ясно, что здесь речь идет о смерти, только как о разлучении души с телом; но эта речь была бы непонятна без предположения бессмертия души человеческой. Под угрозой смертной казни, Господь запретил ветхозаветным евреям вызывать мертвецов (Лев. 19:31; 20:6, 27; Втор. 18:10–12). Какой смысл имело бы это запрещение, если бы, по ветхозаветному учению, душа умирала вместе с телом человека? Первосвященник Ония видел Иеремию-пророка, молящимся долгое время спустя после его смерти (2Мак. 15:12–14). Моисей и Илия являлись на Фаворе во время преображения Господня (Мф. 17:3; Мк. 9:4; Лк. 9:30).

Давид, помышляя о своей смерти говорит Богу: «В Твою руку предаю дух мой» (Пс. 30:6). Не в таком ли точно смысле сказал и Спаситель в торжественный момент Своей крестной смерти: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой?» Но неужели адвентисты могут сказать, что и у Христа душа была смертна? Тогда, как исполнились слова пророка, отнесенные ко Христу ап. Петром: «Ты не оставишь души Моей в аде» (Пс. 15:10; Деян. 2:31)? А, если Христос, истинный Бог, будучи истинным человеком, кроме греха, имел душу бессмертную; то как же можно отрицать бессмертие души человеческой вообще? Первомученик Стефан, подобно Спасителю, возгласил пред своей мученической кончиной: «Господи Иисусе! Приими дух мой!» (Деян. 7:59). Иисус Христос ясно учил, что душа бессмертна, и, что поэтому ее нельзя убить так, как умерщвляют тело человека (Мф. 10:28; Лк. 12:4): «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». Наглядно, тому же учит нас и притча о богатом и Лазаре. Апостол Павел пишет Филиппийцам (1:21–24), что смерть тела для него только «приобретение» и потому, он имеет желание разрешиться от тела и быть со Христом. Но, как бы он мог высказывать такое желание, если бы не имел веры в бессмертии своей души? Смерть свою Апостолы называли только «отшествием» (2Пет. 1:15; 2Тим. 4:6). В Апокалипсисе, к которому адвентисты относятся с особенным уважением, тайнозритель говорит, что он «видел под жертвенником души убиенных за слово Божие» (6:9–11) «и души обезглавленных за свидетельство Иисуса». Приведенными нами местами из книг Св. Писания Ветхого и Нового Заветов уже само собою опровергается и то утверждение адвентистов, будто в книгах Св. Писания человеческая душа представляется материальной и ничем не отличается от души животных, так как она может алкать, насыщаться, изнывать и т. п. (Чис. 11:6; 21:5; Притч. 6:30; 27:7; Ис. 55:2). Не надо забывать только, что слово «душа» (по-еврейски: «нефеш», «нешама», «руах»), кроме обозначения духовного существа человека, употребляется с весьма различными значениями (человек, воля, ум, сердце, жизнь, тело, дыхание, отвага, гнев, ветер, смелость, буря), поэтому,

только из связи речи можно видеть, что в данном месте обозначается этим словом.

12) Слово «суббота», по исчислению адвентистов, встречается в Св. Писании в единственном и во множественном числе 166 раз: 106 раз в ветхом завете и 60 раз в новом завете. В доказательство своего учения, что и христиане должны праздновать не воскресный день, а субботу, адвентисты приводят следующие соображения: 1. Господь Бог установил день субботний при сотворении мира (Быт. 2:3; Исх. 20:11); 2. Господь благословил седьмой день, потому что в этот день Он почил от дел творения. Он был днем покоя Божия, стало быть, субботой Господней (Исх. 20:8–10); 3. День этот соблюдался еще до вручения закона на горе Синае (Исх. 16:23–30); 4. Заповедь святить его связана с прочими заповедями, предназначенными для всех людей и на все времена. Суббота находится в середине неизменного закона (Исх. 20:1–17; Мф. 5:17–19); 5. Суббота есть знамение между Господом и народом Его, дабы знал народ сей, что Он есть Бог, Творец (Исх. 31:17; Иез. 20:20); 6. Господь обещает тем, которые свято хранят Его субботу, великую благодать (Ис. 58:13–14); 7. гнев Божий постиг Израиля за то, что он осквернял субботу (Неем. 13:15–18); 8. Соблюдали бы субботу, и Иерусалим не был бы разрушен (Иер. 17:24–25); 9. Иисус Христос блюл субботу (Мк. 1:21; Ин. 15:10); 9. Он именовал Себя «Господином субботы» (Мк. 2:28); 10. Обычаем Его было–ходить по субботам в синагогу и учить (Лк. 4:16, 31); 11. Ученики Его «субботу остались в покое по заповеди» – и именно после распятия Господа Иисуса Христа (Лк. 23:56); 12. Св. Апостолы Матфей, Марк и Лука, писавшие после распятия Господа и Его воскресения, упоминают о субботе, как о хорошо им ведомом законе, бывшем тогда еще в силе (Мф. 24:20; 28:1; Мк. 16:1; Лк. 23:56); 13. Апостол Павел имел «обыкновение» проповедовать в субботу (Деян. 17:2; 16:13); 14. Он учил в Коринфе во всякую субботу, убеждая иудеев и еллинов (Деян. 18:4); 15. Суббота будет святиться даже на новой земле (Ис. 66:22–23).

Все эти соображения адвентистов, как и субботников вообще, в действительности, оказываются неосновательными.

1. Заповеди о почитании субботы Адаму не было дано. В Библии сказано только следующее: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его; ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт. 2:2–3). Где же здесь повеление Адаму праздновать субботу?

2. Что ветхозаветные патриархи праздновали субботу еще до Моисея, в течение 2,500 лет, – относительно этого в Библии нет даже и намека. Один только раз в книге Бытия (29:27) упоминается слово неделя (не суббота), но им обозначается целый семилетний период времени! Адвентисты ссылаются на Исх. 16:23–30; но там ни слова нет для подтверждения предположения, будто суббота была празднуема до времен Моисея, а, напротив, говорится о первоначальном повелении святить субботний день.

3. Через Моисея Бог дал заповедь «помнить день субботний». Но эта заповедь имела свое полное значение только для ветхозаветных евреев, как знамение их особого союза с Богом, что видно из следующих слов Божиих: «скажи сынам Израилевым так: субботы Мои соблюдайте, ибо это – знамение между Мною и вами» (Исх. 31:13); «помни, что [ты] был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, *потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний*» (Втор. 5:15). Так же изъясняют установление субботы пророк Иезекииль (20:10–12, 20) и Неемия (9:13–14). У христиан, как нового Израиля, есть другое знамение союза их с Богом – воскресение Спасителя из мертвых, без чего была бы тщетною и вера их (1Кор. 15:14). Впрочем, хотя в церкви христианской суббота и не празднуется уже как совершенный праздник, однако, отличается от прочих дней облегчением от поста и более торжественным богослужением (Прав. Катех).

4. В виду многих мест Св. Писания (Еф. 2:14–15; Кол. 2:14; Евр. 7:12, 28; Гал. 5:6; 6:15) адвентисты учат, что ветхозаветный обрядовой закон потерял свою силу со дня смерти Христа. Но, чтобы спасти субботу, они утверждают, что в книгах Моисея

нужно различать два закона: закон Божий (десятисловие), и закон Моисея; последний, по их словам, может быть отменен, а первый, вместе с заповедью о праздновании субботы, имеет вечное значение. «Бог, говорят адвентисты, сделал ясное различие между обрядовым законом и заповедями, Сам написав эти последние, и приказав их положить в отдельном ящике, одесную ковчега завета. Втор. 31:24–26; 1Кор. 7:19; Ис. 1:10–17; Рим. 2:23–27». Но отделять в Пятикнижии закон Божий от закона Моисеева нет никакого основания; а против такого отделения можно указать многое. Так, уже после первого повеления праздновать субботу, Сам Господь называет Своими и заповедь, и закон (срав. Исх. 16:28): «Доколе вы не будете слушаться заповедей Моих и закона Моего»… Таких мест в книгах Св. Писания Ветхого Завета очень много. В Новом Завете ни Христос, ни Апостолы, также, не отделяли закона Божия от закона Моисеева: (срав. Иак. 2:10–11; Гал. 3:10; Мф. гл. 5–7 и др.). В местах, на которые ссылаются адвентисты, говорится об обрезании и заповедях; но в них не указывается на то, что обрезание установлено Моисеем, а заповеди даны Богом. Заповедь о почитании субботы помещена среди десятисловия; но первоначально она дана раньше остальных заповедей и вне связи с ними (срав. Исх. 16:28–30; 20:1–17).

5. Христос и Апостолы, как «подзаконные», соблюдали субботу, ибо Новый Завет утвержден только кровью Христа (Мф. 26:28). Но, по воскресении Спасителя из мертвых, Апостолы собирались вместе с верующими для совершения Евхаристии уже не в субботу, а «в первый день недели», т. е., в воскресенье (Деян. 20:7), чего, без повеления Иисуса Христа, они не делали бы (срав. 1Кор. 16:2); а Иисус Христос есть Господин и субботы (Мк. 2:28).

6. В синагогах Христос и Апостолы бывали по субботам, ради проповеди Евангелия, т. е., скорее, для отмены субботы, чем для утверждения празднования ее в церкви Христовой.

7. Пусть адвентисты отвергают Св. Предание и святоотеческое учение; но свидетельства истории они отвергать не должны. О всеобщем же, среди первенствующих христиан, праздновании воскресного дня вместо субботы,

свидетельствуют уже: Игнатий Богоносец (Посл. к магнез. гл. 6.1, Иустин мученик (1-я апол. гл. 67), св. Ириней (Contr. haeres. IV. 16) и Тертуллиан. Поэтому адвентисты утверждают ложно, будто бы, празднование воскресного дня вместо субботы установлено только Константином Великим: Константин Великий лишь объявил его неприсутственным днем в своей империи.

12. Толстовство

Происхождение секты

Религиозно-философские воззрения графа Л. Н. Толстого, изложенные в его многочисленных популярных брошюрах и распространяемые интеллигентными приверженцами его, проникли в среду простого народа, оторвали многих от союза с Православной Церковью и выделили их в общины сектантского характера. Толстовцы встречаются по всей России во множестве, но, как секта, толстовство было насаждено, по-преимуществу, в губерниях: Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Екатеринославской, Киевской, Донской и на Кавказе.

Выдающимся распространителем толстовства среди простого народа был «известный революционер», сумской землевладелец князь Д. А. Хилков, отставной подполковник гвардии. Получив образование в пажеском корпусе, князь начал службу в гвардии. Суета светской столичной жизни привела молодого гвардейца к заключению, что «Петербург весь изолгался». Князь перешел на службу на Кавказ в Терский полк и участвовал в турецкой войне 1877 – 1878 годов. Есть основание думать, что первые семена сомнения в истинах православной веры запали в его душу под влиянием кавказских духоборцев и молокан, с которыми он сталкивался и беседовал о их вере. В 1885 году, оставив военную службу, князь Хилков поселился в имении своей матери в с. Павловках Сумского уезда. Скучая от бездействия, он принялся за чтение популярных брошюр Толстого. Философско-социалистические взгляды Толстого его заинтересовали: он начал сближаться с простым народом и, по наставлениям Толстого, налаживать свой образ жизни «на мужицкий склад», а затем отправился в Ясную Поляну, к графу в научение, где прожил более месяца и настолько подчинился влиянию Толстого, что, по возвращении на родину, стал истым толстовцем, как по образу своей внешней жизни, так и по своим верованиям. Пропаганда лжеучения Толстого среди крестьян с этого времени стала главною целью его жизни. Вместе с Хилковым в Павловках жил

его двоюродный дядя, дворянин Н. Ф. Джунковский. Кроме того, пропаганде идей Толстого в Павловках и окрестных селениях живое содействие оказывали: И. М. Клобский, некий Киселевич и многие другие интеллигентные толстовцы, часто наезжавшие в Павловки, привозившие туда брошюры и листки враждебного церкви содержания и усердно распространявшие их среди простого народа. Наконец, пропаганда учения Толстого в Сумском уезде весьма многим обязана энергичному участию жены Джунковского и ее родной сестры, Цецилии, сожительницы князя Хилкова, и многих других женщин, то появлявшихся в этой колонии толстовцев, то снова исчезавших. Живя в Павловках, князь Хилков поддерживал постоянные сношения с Толстым, – и Толстой посещал Павловки, интересуясь жизнью и деятельностью своих новых и ревностных последователей.

Сначала у Хилкова была мысль пропагандировать идеи Толстого только примером собственной жизни. Он и его друзья, жившие вместе с ним, надели на себя простые крестьянские костюмы, начали сами пахать землю, возить навоз, косить сено и т. д. Но из этого, конечно, ничего не выходило. Тогда князь решил вести дело другим путем. Он открыл школу для детей, и завел систематические беседы со взрослыми по воскресным и праздничным дням. На этих беседах Хилков пропагандировал известное всем лжеучение графа Л. Н. Толстого во всей его наготе. Бог, говорил он, есть только премирный разум, существо безличное. Мир, как получивший от Него свое бытие, есть истинный сын Божий. Христос – простой, хотя и умный человек. Служение Богу должно быть только духовным; а потому, никаких внешних молитв и богослужений не нужно. Не надо человеку ни таинств, ни обрядов, ни постов, ни праздников, ни мощей, ни икон. Таким образом, в отрицательных воззрениях на церковь, иерархию, таинства и обряды Хилков сошелся со всеми рационалистическими сектантами. Но не особенно разошелся он с ними и в учении о нравственной жизни. Следуя Толстому, Хилков учил, что в жизни своей человек должен руководствоваться пятью заповедями: не клянись, не воюй, не судись, не противься злу и люби ближнего твоего. Отсюда, у него, как практические выводы, – отрицание присяги, военной

службы, властей, законов, суда. Все люди должны быть равны между собою во всем: не должно быть ни начальников, не подчиненных, ни богатых, ни бедных. Уравнение бедных и богатых должно произойти через отобрание у богатых их имущества, у землевладельцев – земель, и через раздел всего поровну между всеми, способными к физическому труду. Корень всякого зла – ассоциация. Православная Церковь не есть христианское учреждение: она развращает людей, служа лишь целям наивысшей ассоциации – государству. К православному духовенству Хилков относился особенно враждебно. По примеру Толстого, он старался подкреплять свое учение ложно истолкованными местами Евангелия. Но не все книги Нового Завета Хилков признавал подлинными; он брал из них лишь то, что, по его мнению, оправдывало его учение; все же остальное в книгах Св. Писания он называл самовольным добавлением и измышлением корыстолюбивого духовенства, послания ап. Павла отвергал, уверяя, что ап. Павел, к которому толстовцы вообще относятся с большим нерасположением, не понял христианского учения и исказил его.

Как ни старались толстовцы, во главе с князем Хилковым, о пропаганде своего учения, но туманная пантеистическая метафизика его с понятием о Боге, как разумении жизни, навсегда осталась чуждою простому народу. Крестьяне усвоили ее лишь в форме грубого безбожия. Но анархически-социалистическое учение толстовства для неразвитого ума крестьян казалось привлекательным: податей и налогов не платить, детей в военную службу не отдавать, землю у землевладельцев отнять, разбогатеть без труда, с полицией и судами никакого дела не иметь, никому не кланяться, никому не повиноваться, никаких законов и правительственных распоряжений не исполнять, быть всегда и везде полным и самовластным хозяином, не испытывая нужды и не неся ответственности… Да не рай ли это земной для крестьянина?!

Князь Хилков приобретал доверие к себе со стороны крестьян, главным образом, благодаря своей щедрой материальной помощи своим последователям: одним давал деньги, другим – скот, третьим – лес. Но, безусловно, он

покорил себе умы и сердца павловцев, когда, под видом дешевой продажи, он подарил своим последователям 400 десятин земли в местности, где, по причине развития сахаро-бурачного производства, земля ценится чрезвычайно дорого. Сначала объявили себя последователями нового лжеучения, по-преимуществу, бывшие крепостные и дворовые Хилковых; а при их содействии, были совращены и многие из односельчан, так, что к 1897 году в одной слободе Павловках число толстовцев простиралось до 327 человек (165 мужчин и 162 женщины). Из Павловок толстовство быстро распространилось и по другим селам Сумского уезда (Речки, Ободы, Ястребенное, Виры) и даже перешло за пределы Сумского уезда. В 1901 году, как мы видели, павловские толстовцы подпали под влияние малеванца Тодосиенка и произвели разгром церкви.

Кроме Сумского уезда, толстовство, как секта, было распространено в Волчанском, Купянском, Змиевском, Валковском, Богодуховском и Харьковском уездах. Здесь выдающимися пропагандистами толстовства были: ученик Хилкова, крестьянин Иван Муха, братья Дудченковы, Петр Ольховик, дворянин А. М. Бодянский, некто А. Е. Алехин, Воронов, Десятов. В Воронежской губернии деятельным распространителем толстовства был богатый землевладелец, бывший последователь Пашкова, Влад. Гр. Чертков; в Полтавской – врач Волькинштейн (еврей); и др.

Вероучение толстовских сектантов

Вероучение толстовцев первоначально не представляло строгого единства. Оно было полно неопределенностей и кривотолков. Так, одни из толстовцев утверждали, что они веруют в Бога, но только не триединого, а одноличного; другие в резкой форме отрицали самое бытие Божие. Одни признавали Иисуса Христа Богочеловеком, другие, хотя и называли Его Сыном Божиим, но не признавали за Ним божеского достоинства, низводя Его на степень обыкновенного человека, так как и всякий человек есть сын Божий. За крестною смертью Спасителя толстовцы не признавали никакого искупительного значения для рода человеческого, говоря, что Он пострадал не за грехи людей, а за то, что говорил людям правду, как и теперь часто случается, что за правду людей и судят, и в тюрьму сажают, и в ссылку ссылают. О лице Богоматери все толстовцы говорили, вообще, в выражениях крайне оскорбительных для чувства верующего христианина. Бытия ангелов они не признавали, как не признавали, вообще, всякого сверхчувственного бытия и даже бессмертия человеческой души. Поэтому, они кощунственно издевались над христианским учением о всеобщем воскресении мертвых, загробной жизни, втором пришествии Спасителя на землю и страшном суде. Таинства толстовцы вообще отвергали. «Зачем нам лезть через забор, когда ворота есть», говорили они. Под забором, препятствующим человеку войти в царствие Божие, они разумели таинства и обряды Православной Церкви, измышленные, будто бы, самим духовенством, ради своих личных выгод, а под воротами – непосредственное общение человека с Богом без всяких таинств и спасение одной верой в Него. Впрочем, некоторые из толстовцев рассуждали о таинстве причащения таким образом: причащение Тела и Крови Христовой следует понимать только в духовном смысле; всякий, внимающий учению Христа, и исполняющий его, тем самым уже причащается Христа, причем, в подтверждение своего верования, подобно духоборцам и молоканам,

обыкновенно, ссылались на слова Иисуса Христа: «дух животворит; плоть не пользует ни мало». Другие толстовцы утверждали, что тела и крови Христовой все мы причащаемся вещественно и ежедневно, когда едим пищу и пьем воду, так как наша пища и есть тело Христово, а вода – кровь Христова.

Известный пропагандист толстовства, крестьянин Иван Муха, выражался о таинстве св. причащения самым грубым и кощунственным образом: «Что тебе за охота идти в церковь, где поп даст тебе из ложечки каплю вина и за это ты должен платить деньги! Не лучше ли тебе в кабаке купить целую бутылку вина, – и пей, сколько хочешь»!

О таинстве крещения одни толстовцы рассуждали так: крещение, заменяющее собою ветхозаветное обрезание, вовсе не нужно для нашего спасения, так как, по учению ап. Павла (которого в других случаях толстовцы и знать не хотят); «обрезание – ничто и необрезание – ничто, но все – в соблюдении заповедей Божиих». Другие, напротив, признавали, что крещение есть, Богом установленное, священнодействие, необходимое для нашего спасения, но при этом, подобно штундо-баптистам, утверждали, что креститься всякий должен по своему сознанию и желанию, а не по принуждению, и, что детей, как еще не имеющих ясного сознания и свободной воли, крестить вообще не следует. Что касается брака, то толстовцы учили так: мужа и жену сочетает сам Бог; но сочетание это происходит не через церковное венчание, совершаемое священником, после которого супруги часто и ссорятся, и бывают неверными друг другу, а, единственно, только через взаимную любовь мужчины и женщины: «кто кого любит, тех, значит, Бог и сочетал», говорили толстовцы. «Спаситель требовал, чтобы мы жили так, как живут птицы небесные. Как птицы, пока маленькие, живут в одном гнезде и знают только мать и отца; а когда вырастают, разлетаются в разные стороны, и для своего супружества не разбирают, кто у них отец, кто – мать. Так должны жить и люди». Подобными рассуждениями павловский толстовец Иван Любич оправдывал свое прелюбодеяние с женою сына. Икон толстовцы не почитали: вынесли их из своих домов и, большей частью, демонстративно

пожгли. На их место они повесили портреты Толстого или даже – конскую сбрую. «Иконы – идолы», говорили толстовцы; «храмы – хлевы, поставь крест на конюшне, – вот тебе и храм поповский!» Крест они называли виселицей; мощи – набальзимированными телами ханжей и архиереев, чучелами, набитыми соломой и т. д.

Чтобы сохранить единство верования и миропонимания среди толстовцев, главари их составили даже особый катехизис (из 156 вопросов-ответов), в котором лжеучение Толстого перемешано с верованиями духобор и молокан. Метафизическую часть его, к которой простой народ отнесся совершенно безучастно, не понимая ее, мы опустим, а познакомим читателей только с нравственно-практической частью его, начинающуюся 22-м вопросом.

22. Есть ди у вас царь?

– Наш царь – Бог Отец, а управитель – Христос Спаситель.

23. Признаете ли вы власть человеческую?

– Признаем мы власть человеческую, которая от Бога дана.

24. Кому власть от Бога дана?

– Тому власть от Бога дана, кто слуга всем.

25. А кто слуга всем?

– Труждающийся и обремененный.

26. А всякий начальник, правитель общества, разве не есть слуга всем?

– Слуга тот, кто служит, а не тот, кому служат, да от кого тужат.

27. А кому власть от Бога не дана?

– Кому дана от сатаны.

28. А кому дана от сатаны?

– Делающему беззаконие.

29. Вы признаете законы?

– Мы признаем одни законы правды Божьей, законы разума, любви и свободы.

30. А в чем состоят эти законы?

– Законы эти состоят в том, что не для того мы живем, чтобы жиреть и веселиться, богатеть и плодиться, чинами-

титулами гордиться, но для того, чтобы чистыми пред Богом явиться, сотворяя дело Его на земле.

31. Какое Его дело?

– Водворение царства Разума, Любви и Свободы: Отца и Сына и Святого Духа.

32. Каким путем, думаете вы, может быть водворено царство Божие на земле?

– Путем Христовым: чтобы каждый отдавал жизнь свою на служение правде и научал тому же других.

33. Откуда вы правду вашу берете?

– С головы Иисусовой.

34. Как вы правду познаете?

– Божьим даром разумения и различения истины от лжи мы правду познаем, а в руководство берем писания Библейские.

35. Повинуетесь ли вы властям человеческим?

– Повинуемся мы властям человеческим, воздавая кесарево – кесарю, а Божие – Богу.

36. Что кесарево? Что Божие?

– Все кесарево, что считает кесарь своим, кроме того, что есть у нас Божьего.

37. А что есть у вас Божьего?

– Жизнь наша, воля наша принадлежат нераздельно одному Богу: не можем мы преступить заповедей Божьих ни по чьему веленью.

38. А можете ли вы быть облечены во власть и носить звания начальнические?

– Так Христос сказал: между вами да не будет этого, но, кто хочет между вами быть большим, тот пусть будет всем слугою.

39. А можете ли вы иметь власть правителей общества или пастырей церкви, будучи избираемы на то от общества и церкви?

– Справедливое избрание не во власть облекает, а сугубые обязанности налагает. Помоги нам, Боже, несугубые исполнить!

40. А почему же Христос избрал Апостолов и дал им власть решать и вязать?

– Не избрание дало власть Апостолам, но их праведность: Иуда Искариот был тоже избранный апостол, а власти от Бога

не получил. Только праведностью приобретает человек великую власть от Бога.

41. Для чего же избирал Христос Апостолов?

– Для того избирал, чтобы не сеять наставлений в разумении истины, как пшеницу, рассыпая по всему полю человеческому, но, чтобы наставить в истине, хотя не многих, но вполне.

42. Есть ли у вас храм Божий?

– Есть. Тела наши суть храмы Божьи. Что вопрошаете? Разве не знаете, что вы – храм Божий и Дух Божий живет в вас? Храм Божий свят, а этот храм – вы (1Кор. 13:16–17). А в рукотворенных храмах Господь не живет (Деян. 7:48).

43. Есть ли у вас церковь?

– Есть. Только церковь наша состроена не на горах и долинах, не в селах и городах, не в бревнах и каменных стенах – наша церковь состроена в душах, в сердцах человеческих.

44. Где ваша церковь находится?

– Наша церковь на том месте находится, где стройно люди меж собою, по любви и свободе живут, а живя, Бога прославляют, а прославляя Бога, правду на земле водворяют. Там наша церковь находится.

45. Собираетесь ли вы в церковь, становите ли вы свечи?

– Собираемся мы в истинную церковь и становим мы свечи: неугасимые свечи горят в храминах наших, те свечи – молитвы в мыслях. Наш, предстоящий пред Богом светильник, есть горячая вера, светлая совесть.

46. Кому вы молитесь?

– Богу истины, Духу истины, образу истины – Иисусу Христу.

47. Как вы молитесь?

– Верой и правдою.

48. А молитесь ли вы молитвами словесными?

– Молимся, когда душа того требует.

49. Молитесь ли вы установленными молитвами?

– Молимся, по молитве Господней устрояя жизнь нашу.

50. Разве не для того дана молитва Господня, чтобы, произнесением ее, возносить истинные хваления и прошения к Богу?

– Молитва Господня для того нам дана, чтобы имел человек план жизни единой с бытием Отца; и имеем мы сей план не для пустого говорения, но для жизни построения.

51. А словесными молитвами, по душевной потребности, как вы молитесь?

– Тайно.

52. Почему – тайно?

– Чтобы не изменить праведного общения с Богом на греховное пустословие обряда.

53. Когда вы молитесь?

– Когда имеем любовь к ближним.

54. Почему только тогда?

– Потому только тогда, что без любви молитва не будет чиста, и не дойдет до слуха Отца Небесного.

55. Что есть любовь к ближним?

– Наименьшая любовь есть та, чтобы состоять в чистых отношениях со всеми людьми, чего себе не хотеть, того и другим не желать. А наибольшая любовь есть та, чтобы жизнью своей послужить ближним. Так Христос сказал: больше той любви никто иметь не может, как, если жизнь Свою положит за других.

56. Обращаетесь ли вы к Богу через чье-либо посредство?

– Обращаемся – через посредство Иисуса Христа. Един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус (1Тим. 2:5). Иного посредника не знаем.

57. Совершаете ли вы богослужения?

– Совершаем: милостыню сотворяя, заповеди Божьи исполняя.

58. Есть ли у вас обряды?

– Есть. Первый наш обряд – чтобы не носить наряд, а в простую одежу одеваться, а второй наш обряд – чтобы работать всем в ряд, трудами своих рук питаться.

59. А для чего же вы вместе собираетесь, поете псалмы, с преклонением колен молитвы читаете и по чину друг друга лобзаете?

– Обычаи не обряды. Обычаи разные по немощи нашей установляются, по чувству недостатка у нас дел праведности,

для довольного прославления Господа Бога. Но обычаями своими мы не хотим прикрывать наши немощи, а обряды только для того и установлены, чтобы прикрывать беззаконность жизни; мы имеем обычаи, а обрядов у нас нет.

60. А почему вы не ходите в каменные и деревянные храмы греко-российской церкви и не молитесь деревянным иконам?

– А потому, что Господь запрещает молиться и кланяться делам рук человеческих, чтобы самим от такого безумия не одеревенеть, ниже окаменеть. Какому Богу служишь, на такого и походить будешь. Наш Бог есть дух вездесущий, духом подобает Ему нам молиться и поклоняться Отцу и Сыну и Св. Духу. А потому, мы не входим в сойму суетную, возненавидели церковь лукавую, обходим сети диавольские; лучше явно видеть одним оком, нежели от дел поповских совсем ослепнуть.

61. Есть ли у вас духовные пастыри?

– Есть. Так Христос сказал: Я есмь пастырь добрый; пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, а наемник – не пастырь, потому что – наемник. Кроме Христа иного пастыря не знаем.

62. Есть ли у вас праздники?

– Есть. Когда голодного насыщаем, нагого одеваем, больного и заточенного посещаем, когда врагам прощаем, тогда у нас праздник.

63. Есть ли у вас светлый Христов день?

– Есть. Каждый день есть светлый Христов день.

64. Празднуете ли вы какой-либо день?

– Празднуем, когда праздно время проводим, от трудов отдыхая. Так Христос сказал: не человек для субботы, а суббота для человека.

65. Причащаетесь ли вы или нет?

– Причащаемся, когда без страха, но с дерзновением исповедаем слово Христово перед людьми; тогда становимся мы причастными церкви Христовой, семье Божьей.

66. Творите ли вы воспоминание о Иисусе Христе?

– Творим: когда с предателями вкушаем и ноги им умываем, или иным служением угождаем врагам своим, как друзьям своим.

67. Есть ли у вас пост?

– Есть. Постом считаем то, что отделяет человека от уз неправды. Отъять от уст роптание, от рук биение, от злых дел воздержи себя, то и есть пост. Тот постник (постит?), кто дела Божии мстит: заповеди сотворит, правду охранит.

68. Различаете ли вы пост по пище?

– Различаем: когда сами не доедаем, а другим оставляем; иного различия не знаем. Так Христос сказал: не то грех, что в уста, а то, что из уст.

69. Всякую ли пищу считаете вы для себя дозволенной?

– Всякую, кроме плоти и крови животной.

70. Почему не употребляете вы в пищу плоти и крови животной?

– Не приходятся по совести и зубам человеческим, а по волчьим приходятся.

71. А почему же Моисей, велением Божиим, разрешил употреблять в пищу плоть животных, кроме некоторых нечистых?

– По жестокосердию вашему разрешено Моисеем употреблять в пищу плоть животную, а в начале не было так. Разве не читали вы в писании, что вначале, Сотворивший человека, заповедал: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; вам сие будет в пищу (Быт. 1:29–30).

72. Есть ли у вас крещение?

– Есть. Воочию изменение жизни человека, когда он устраняет себя от дел мирских, лукавства и похотей, ради грядущего царства Божьего, есть крещение в покаяние, а страдание за правду есть крещение Духом Святым.

73. Есть ли у вас крест?

– Есть. Наш крест есть добровольная нищета и убожество: первый конец его – вера, второй – надежда, третий – труд, четвертый – питание. Верую и надеюсь, тружусь и питаюсь.

74. Почему вы на себя рукой креста не кладете?

– Господь запрещает, ибо ручное моление не есть спасение. Стыдно думать, что, руками махая, можно Богу угодить.

75. Признаете ли вы крест символом страданий Сына Человеческого?

– Признаем: крест при Пилате, а ныне – виселицу и столп расстрела.

76. Признаете ли вы таинство покаяния?

– Таинством признаем.

77. Как же вы совершаете таинство?

– Отдавая тайно дела свои на суд своей совести.

78. Что же вы называете таинством покаяния?

– Тайное осуждение себя, явное оправдание других.

79. Признаете ли вы таинство брака?

– Самым тайнейшим, наименее нужнейшим, для души тяжелейшим.

80. Почему тяжелейшим?

– Потому что брачный, не душу спасает, но похоть разжигает и душу расслабляет. Нет ничего доброго в совокуплении, и не может оно быть делом благословенным.

81. Значит, вы осуждаете брачных?

– Всяк сам себя знай и другого не осуждай! А говорим мы и верим только тому, что говорим: что не по силе душевной, а по немощи брачен бывает человек.

82. Признаете ли вы Евангелие святою книгой?

– Един Бог свят и душа праведника.

83. Признаете ли вы писания Евангельские боговдохновенными?

– Признаем мы истинный смысл писаний Евангельских проявлением (?) слова Божьего, откровением Его (?).

84. В чем состоит истинный смысл писаний Евангельских?

– В указании законов жизни и законов смерти. В возвещении радостной вести, что возможно для нас, находящихся в смерти, стать бессмертными чадами Божьими, которые не от крови и плоти, не от хотения мужа, но от Бога родились.

85. В чем состоит закон жизни?

– В том состоит закон жизни, что надлежит человеку освободить себя от греха, чтобы стать свободным сыном Отца Небесного. Так Христос сказал: делавший грех, есть раб греха,

но раб не пребывает в доме Отца вечно, Сын пребывает вечно. Итак, кто освободит себя от всякого греха, тот и будет истинно свободным.

86. Как может освободиться человек от всякого греха?

– Познанием истины.

87. Как познается истина?

– Истина познается не ума ухищрением, но слова Божьего исполнением. Так, Христос сказал: и, если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными.

88. В чем состоит исполнение слова Божьего?

– В делах веры и любви. В соблюдении двух наибольших заповедей. И первая есть та заповедь, чтобы всем сердцем, всею душою и всем помышлением возлюбить Господа Бога; а вторая, подобная первой, заповедь есть та, чтобы ближнего любить, как самого себя. На этих двух заповедях утверждены все законы правды и словеса пророческие; так Христос сказал.

89. А что есть закон смерти?

– Рабство греха ведет к смерти; миру внешнему служение, заповедей человеческих исполнение ведет к смерти. Похоть рождает грех, а грех рождает смерть, – в этом закон смерти состоит.

90. В чем состоит миру внешнему служение?

– В поклонении мамоне и прелестям его.

91. Кто поклоняется мамоне и прелестям его?

– Мирских кумиров почитавший, плотским похотям угождавший, правды Божией не понимающий.

92. В чем правда Божия?

– В том правда Божия, что нельзя служить Богу и мамоне. Так Христос сказал: не зависит жизнь человека от изобилия его имения; и какая польза человеку весь мир приобрести, а душе своей повредить! И еще сказал: где сокровища ваши, там и сердце ваше. И еще сказал: легче верблюду пройти через игольное ухо, нежели богатому войти в царствие Божие. Уничтожением жизни служат богатство и прелести мирские, людьми суетными установляемые, и первой стеной, отделяющей человека от царства Божьего.

93. А сколько стен, отделяющих человека от царства Божьего?

– Три: первая стена – плоти угождение, богатству служение; вторая стена – власти искушение, а третья стена – к славе, гордыне стремление.

94. Кто же воздвиг эти стены?

– Грех прародительский.

95. Что есть грех прародительский?

– Наследственная сила искушений, живущая в человеке, которую Иисус победил в Себе в сороковой день поста.

96. Как выражается в человеке наследственная сила искушений?

– Тремя немощами. И первая немощь есть та, что служит человек своим прихотям, а оправдывается, что исполняет необходимые потребности; а вторая немощь есть та, что становится человек ближних теснителем, а выставляет себя их благодетелем; и третья немощь есть та, что для суетного прославления своего житейского имени направлена вся жизнедеятельность человека.

97. А на что же должна быть направлена вся жизнедеятельность человека?

– А на водворение Царства и правды Его.

98. Где же должно быть водворено Царство Божие и правда Его?

– Внутри человека.

99. Что же есть Царство Божие?

– От немощей освобождение, удовлетворение совести, соединение с Богом и людьми душой и сердцем, и приобщенье к жизни вечной есть Царство Божье. Так Христос сказал: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.

100. А на земле может ли быть водворено Царство Божие?

– Будет внутри человека, будет и на земле, а не будет внутри человека, не будет и на земле. Через водворение в себе наступает Царство Божие на земле. Кто в себе Царство Божие водворит, для того и наступает Царство Божие на земле; и на

суд тот не приходит, но перешел от смерти к жизни; так Христос сказал.

101. А кто не водворит в себе Царства Божия, тому что будет?

– Тот уже осужден; так Христос сказал (Ин. 3:18).

102. Как осужден?

– Своим беззаконием: кто не идет к жизни, тот идет к смерти.

103. А в чем же состоит суд Божий?

– А в том и состоит суд Божий, что каждый судится самим собою, по законам жизни и смерти. Так Христос сказал: Отец не судит никого, но всякий суд отдал Сыну. И Я не сужу никого, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня (жизнь, и истину, и путь) имеет судию себе: слово, которое Я говорил (законы жизни, которые Я установил), оно будет судить его в последний день. Делами настоящего каждый уготовляет себе будущую судьбу.

104. Как человеку водворить в себе Царствие Божие?

– Усилием от искушений устраняясь, усилием от немощей освобождаясь, усильем сильным приближаясь ко Христу, – водворяет человек в себе Царствие Божие.

105. Как приблизиться ко Христу?

– Нельзя приблизиться ко Христу, не будучи искренним. Так Христос сказал: берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие. Искренность есть путь ко Христу, как любовь есть путь со Христом к Богу.

106. Что есть искренность?

– Искренность есть то, что дает знать человеку о его немощах, а изменить заповеди Господни ради оправдания своих немощей – не дает.

107. Что значит приблизиться ко Христу?

– Значит, очистить свою душу от лукавства, для воспринятия духа истины.

108. Как путем любви прийти со Христом к Богу?

– Христу Иисусу подражая, врагам прощая, за правду страдая и всякое иное служение, кроме, как правде Божией, отвергая. Так Христос сказал: кто любит отца, или матерь, или

жену, или детей, больше Меня, тот недостоин Меня. А кто оставит отца или мать, или жену, или детей, или дома, или земли ради Меня, тот получит во сто крат и последует жизнь вечную.

109. Значит, надлежит человеку уйти от дома своего?

– Значит, не надлежит человеку отметать правды Божией ради угождения домашним своим: ибо враги человека домашние его; так Христос сказал.

110. А что происходит с людьми, которые не установляют в себе Царства Божьего?

– Пребывают они во тьме внешней, во власти мамоны и прелестей его, где нет света – радости, разумения, а есть тьма похотей, хотений, заповедей человеческих исполнение, и плач, и скрежет зубами.

111. В чем состоит заповедей человеческих исполнение?

– В делах насилия состоит заповедей человеческих исполнение; насилием насилию сопротивление, насилием житейского порядка устроение, насилием правды и свободы водворение.

112. А чем же должны быть водворены правда и свобода, установлен житейский порядок и ограждено общественное спокойствие и безопасность, если не насилием?

– Огня огнем не тушат, воды водой не сушат и тьмою тьмы не осветишь. Так в мире ни порядка, ни покоя, ни свободы, ни любви, ни правды насилием не утвердишь. Так Христос сказал: не сопротивляйтесь злому: мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так, как мир дает (насилием), Я даю вам (свободой). Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.

113. Что есть свобода?

– Жизнь по разуму и любви.

114. Как должно человеку жить, время проводить по разуму и любви?

– В труде и смирении.

115. Что есть труд?

– Похоти укрощение, тела прокормление, ближнему служение – есть истинный труд.

116. Всякого ли занятия труд считаете вы для себя дозволенным?

– Про то ведает совесть каждого, а только тот, кто правду Божию знает, тот так же себе занятие избирает, коим правде Божьей на земле водвориться помогает.

117. Какое же занятие помогает водворению на земле правде Божией?

– Труждающихся и обремененных, их же призывает к Себе Господь.

118. А от каких дел вы уклоняетесь?

– От гнева и насилия мы уклоняемся, от суда и присяги мы уклоняемся, от служения мамоне и прелестям его, от распутства и пьянства, и курения табачного мы уклоняемся, от плясок и всяких бесовских упряжек, – с оными дружелюбия не имеем.

119. А какое считаете вы самым невозможным делом для христианина?

– Войну и убийство, и всякое человеконенавистничество считаем мы самым невозможным делом для христианина.

120. А кто же такие военные, убийцы и всякие человеконенавистники?

– Слуги они духа человекоубийства, сыны они диавола.

121. Что есть диавол?

– Дух человекоубийства, живущий в рабах своих, пребывающих в геенне огненной.

122. Что есть геенна огненная?

– Похоти страстей, терзающих душу и сжигающих жизнь человека; в безумии и злобе житейской суеты пребывание и на идолов мирских упование, низводящих человека до ада.

123. Что есть ад?

– Смерть вечная.

124. А что есть рай?

– Жизнь в жизни вечной.

125. Что есть жизнь вечная?

– С Богом бытие всеблагое и вездесущное.

126. Что есть Бог?

– Бог есть разум, Бог есть дух, Бог есть человек.

127. Что есть разум?

– Сущность всего сущего есть Разум (Ин. 1:3). Сила самознающая и самотворяющая, безначальная и самопричинная (Ин. 1:1–2), имеющая бытие в самой себе (Ин. 5:26), всеобемлющая, всезнащая и всетворящая. Ибо разум все разумеет, все в себе имеет, а разумеется только собою (Ин. 1:4). Все в разуме и разум во всем, ибо нет иного разума, кроме одного (Ин. 1:10). Видимость разума есть жизнь по законам любви и свободы: ибо любовь и свобода есть образ разума, им для себя создаваемый. И никто в иной видимости Бога не видел, как только в образе Жизни, по законам любви и свободы (Ин. 1:18). Разум есть свет без тени, скрытый от человека, потому что закрыта душа человеческая нечистотой греховной; и мы знаем только, что, когда очистимся, то будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть (1Ин. 3:9).

128. Что есть дух?

– Естество Бога-Разума есть дух: плоть Его вездесущая, все из себя творящая, олицетворяющаяся во всякой форме жизни, есть Дух Божий.

129. Что есть человек?

– Иисус Назорей есть человек. В полноте проявление разума в образе жизни земной есть человек. У кого разумение, слово Христово, над плотью владеет, тот есть сын Божий, тот и есть человек.

130. Всякий ли человек – человек?

– Не всякий человек – человек, а только тот человек, кто есть сын Божий. Ибо так сказал Христос иным людям: вы – сыны диавола.

131. Кто – сын Божий; кто – сын диавола?

– Про то знает Господь, а нам судить о том не дано: для себя же нам ведомо, что, знающий Бога, и Его заповеди исполняющий, есть сын Божий, а, не знающий Бога, и отвергающий Его заповеди, есть сын диавола.

132. Для чего же живет человек, для себя ли, или для того, чтобы состоять рабом Божиим, исполнителем Его воли?

– Рабы суть похоти плоти служители, а сыны Отца свободны, – так Христос сказал. И не для рабства живет

человек, и не к рабству ведет воли Божьей исполненье, но к освобожденью от рабства плотского рожденья; для того, чтоб, воплотив в себе дух Божий, стал человек подобен Отцу своему Небесному. Так Христос сказал: будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный. Рожденный от плоти есть плоть, рожденный от духа есть дух; кто не родится от воды и духа, не войдет в Царствие Божие.

133. Что значит родиться от воды и духа?

– Значит очистить свою совесть и уразуметь смысл своей жизни: быть чистым сердцем и мудрым в делах.

134. Как может человек очистить свою совесть?

– От греха отреченьем, души омовеньем может очистить человек свою совесть. От лжи отучившись, правду каждому говорить научившись, так думать, чтоб дум не стыдиться, так делать, чтоб дел не таиться – так может человек очистить свою совесть.

135. А как может человек уразуметь смысл своей жизни?

– Делами любви к Богу и ближним.

136. Чего достигает человек делами любви к Богу и ближним?

– Совершенного бытия: жизни вечной и всеблагой, безгранично-свободной, всетворящей и всеобемлющей, единой с бытием Отца. Так Христос сказал: и, если Отец прославится в Сыне, то и Его прославит в Себе, и вскоре прославит.

137. В чем состоять должны дела любви к Богу и ближним?

– В соблюдении всех заповедей Христовых: не воевать, не сопротивляться злому, не гневаться, не судить, не клясться, не прелюбодействовать, мамоне не служить, но врагов любить, платить добром за зло и соблюдать всякую правду до малейшей; и не таиться в возвещении правды Божьей, и не страшиться убивающих тело, но, вводящих в соблазн, опасаться, от губителей душ отстраняться.

138. В какой мере может человек исполнить заповеди Христовы?

– В мере исполнения сих заповедей Иисусом Христом.

139. Разве может всякий человек исполнить эти заповеди в такой мере?

– Про то ведает Отец Небесный: кому дал Он много, с того много и взыщет; кому дано мало, с того мало и потребует. Для себя же нам ведомо, что все возможно исполнить человеку, уповающему на помощь Божию.

140. Отчего же немощи на добрые дела у человека, уповающего на помощь Божию, случаются?

– От лукавого упования не на помощь, а на милость Божью, без труда и работы о чистоте душевной. От этого часто теряет человек путь к Отцу Небесному.

141. Тяжел ли путь к Отцу Небесному?

– Тяжел, для человека плотского, бессильного, и радостно легок, для сильного духом. Так Христос сказал: иго Мое благо и бремя Мое легко!

142. А что ожидает человека на пути к Отцу Небесному?

– Ожидают радости духа и гонения от людей.

143. Всегда ли будут гонения?

– Будут до конца мира сего и водворения Царства Божьего по всей земле. Так сказал Христос: если Меня гнали, будут гнать и вас.

144. Когда будет водворено Царство Божие по всей земле?

– После великих скорбей, от которых восплачут все народы. Ибо, только путем тягчайших, беспримерных скорбей поймут люди свои заблуждения и пагубу человеческих учений; и тогда обратится остаток людей, который и спасется к жизни праведной, к учению истинному, к исполнению заповедей Божиих. Тогда настанет Царство Божие по всей земле.

145. Отчего произойдут великие скорби?

– От оскудения любви.

146. А отчего оскудеет любовь?

– От оскудения веры и замены заповедей Божьих любви и несопротивления, заповедями человеческими насилия и внешнего устроения.

147. Когда и кем будут заменены заповеди Божьи заповедями человеческими?

– Заменены будут и заменяются сынами погибели и их соделателями.

148. Кто сыны погибели и их соделатели?

– От насилия пользу полагающие, гнетом в мире мир водворяющие, великие скорби людям уготовляющие, себя благодетелями почитающие.

149. Почему же они называются сынами погибели?

– Потому что они погибель для других уготовляют, а их ожидает осуждение и гнев Божий. Так Христос сказал: князь мира сего осужден!

150. Что есть осуждение и гнев Божий?

– Мука вечная.

151. Что есть мука вечная?

– Смерть невозвратная. Так Христос сказал: что не от Бога, – искоренится.

152. Зная злобу будущей судьбы человечества и причину ее, чего должен остерегаться и от чего должен устраняться христианин?

– Остерегаться должен – быть соделателем сынов погибели и устраняться от участия в устроении насилием порядков житейских и водворения суетной мудрости человеческой, ибо через нее соблазн приходит в мир. Так Христос сказал: горе миру от соблазнов, но более, тому, через кого соблазн приходит в мир.

153. Что такое соблазн?

– Зло под личиной добра, ложь под личиной правды, грех смертный под личиной праведности, приводящие людей в заблуждение.

154. А что такое искушение?

– Немощь греха, живущая в человеке, про которую ведает человек, что это немощь не добрая, жизнегубительная.

155. Что служит свидетельством злобы будущей судьбы человечества?

– Так Христос сказал: небо и земля пройдут, а слова Мои не пройдут. А кто хочет иметь свидетельство воочию, тот пусть оглядится кругом. Обращайте внимание на знамение времени (Мф. 24:32; Ин. 4:35). Ей, гряду скоро (Откр. 22:20)! Так Христос сказал.

156. Ей, гряди, Господи Иисусе!

– Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя во веки веков! Да будет!

Распространение этого катехизиса среди толстовцев имело своим следствием то, что толстовцы стали склонны к усвоению молоканского лжеучения и увлеклись даже малеванщиной, когда среди них появился изувер Тодосиенко. Произведенный ими страшный разгром православного храма в с. Павловсках Сумского уезда, заставил многих из них задуматься над тем, куда привело их отпадение от Православной веры. Некоторые возвратились в лоно Церкви Христовой; прочие предпочли остаться без всякого религиозного упования. В настоящее время, среди них с успехом действуют штундо-баптистические агитаторы.

Так как сущность толстовца состоит не в религиозных верованиях, а в анархических и социалистических чаяниях, то у толстовских сектантов никогда не было никакого религиозного культа: не было у них ни религиозных собраний, ни религиозных песнопений, ни каких-либо богослужебных действий. Обнаруживавшаяся по временам у них религиозная потребность, заставила их вожаков устраивать нечто, вроде молоканских молений; но из этой попытки ничего не вышло: богомоления превращались в собрания социально-политического характера и, если иногда на них были изъясняемы некоторые отрывки из канонических Евангелий, то – лишь в духе лжеучения Толстого, или даже исключительно для мнимого подтверждения его. Толстовцы никогда не были религиозными мечтателями; а в настоящее время их не следовало бы даже и называть сектантами. Это – атеисты и грубые неверы.

В. Секты недоразвившиеся

1. Мормоны

Под именем мормонов известна секта, появившаяся в Америке около 1830 года. Основателем ее был некто Джозеф Смит. В 1848 году ее значительно реформировал Брайан Янг. Сами сектанты называют себя «святыми последних дней». Лжеучение их носит не столько христианский, сколько языческий характер. Христиан, поклоняющихся Богу-Духу, они называют безбожниками, атеистами, потому что, по их учению, никакого духовного бытия нет и быть не может: существует только один материальный мир. Сам Бог, как верховное существо (андрогин) состоит из атомов. Он породил множество богов и богинь, которые размещены им по бесчисленным солнцам и планетам, для управления ими, в зависимости, однако же, от него. В Боге американские мормоны признают два лица – Отца и Сына. Духа Святого они считают простой силой, безличной энергией. Образные выражения о Боге, встречающиеся в книгах Св. Писания, мормоны принимают в буквальном смысле и потому, признают Бога только великаном, и необычайно могущественным человеком. После сотворения мира (учат мормоны), у Бога родился еще один сын, от Венеры, которого он назвал Люцифером. Этот сын оказался, однако же, своенравным и непокорным Богу; поэтому он превратился в злого духа и увлек за собою людей. Тогда Бог повелел старшему сыну своему, Иисусу Христу, спасти людей. Родоначальником людей был бог Михаил, названный Адамом только после воплощения. Ангелы – это души умерших холостяков. Кроме них, существуют еще особые духи, которые суть не что иное, как предсуществующие, не воплощенные еще люди. Кроме сказанного, все содержание книг Св. Писания, как ветхого, так и нового заветов, американские мормоны принимают почти без всякого изменения.

В 40-х годах прошлого столетия, в Самарской губернии, в г. Новоузенске, а затем, в Бузулукском и Николаевском уздах, в Колывани и других местах появились сектанты, которых так же обозвали мормонами, но которые, по-видимому, с

американским мормонством мало имеют общего. Хотя эту секту чаще всего (и не без основания) относят к хлыстовству, молоканству или прыгунству; но, в действительности, она еще и до сих пор не отлилась ни в какую определенную систему, и представляет собою довольно странную смесь различных сектантских верований. Хлысты, впрочем, охотно вступают в число членов ее, – и этим объясняется быстрое распространение мормонства в заволжском крае. Основателем этой секты был беглый крестьянин, скрывавшийся от солдатчины на Кавказе, житель с. Александрова Гая Иван Григорьев сын Каныгин, выдававший себя за американского подданного.

Самарские мормоны руководствуются в своих верованиях не книгами Св. Писания или Преданием, а непосредственными (мнимыми, конечно) откровениями Св. Духа. Они отвергают возможность сверхъественного в мире, а потому, и всю евангельскую историю понимают иносказательно. Иисуса Христа они не признают истинным Сыном Божиим, отрицают искупительное значение Его крестной смерти, не верят во второе пришествие Его на землю и издеваются над христианским учением о страшном суде. Они утверждают, что люди существовали еще раньше Адама, и, что Адам был только первым грешником, почему, самое имя Адама они считают бранным и оскорбительным. Адамом они называют всякого злого человека, даже злую лошадь и собаку. По их верованию, после смерти человека, тело его истлевает, а душа возносится к Богу и получает от Него уже плоть нетленную. Только души грешников остаются на земле и вселяются в тела животных.

Так как самарские мормоны, подобно хлыстам, веруют в предсуществование и переселение душ, то у них есть и «христы», и «богородицы», и «пророки», и «апостолы». Они, также, отрицают брак и допускают многоженство. Богомоления их состоят из чтения молитв («Отче наш» и др.) и пения гимнов. Молитвы они слушают, стоя на коленях. Подобно хлыстам, мормоны на своих богомолениях нередко устраивают и радения, но без свального греха. Бывают у них радения даже одиночные, напр., в поле, во время послеобеденного отдыха.

«Самарские мормоны Бузулукского уезда, – говорит проф. Н. И. Ивановский, – на собраниях поют и пляшут, потому что весело, а один из их «богов» летом радел в поле, после обеда, когда работники отдыхали: скинув исподнее белье, в одной коротенькой рубашке, отойдя несколько в сторону, он кружился на одном месте. Когда же, смотревший на это, один из работников, по окончании, спросил его, что он делал, мормон отвечал: «матренку тешил».

Таинств, как благодатных средств, данных Богом для освящения человека, самарские мормоны не признают. Под крещением они разумеют только скорби, болезни, страдания, гонения, преследования, одним словом – испытания в жизни, ниспосылаемые человеку. Причащение они, так же, понимают в «духовном» смысле, как исполнение воли Божией. Муж и жена называются братом и сестрою. Священство мормоны признают только в лице своих лжепресвитеров, которых они сами избирают и рукополагают. Такие пресвитеры есть в каждой мормонской общине, и они пользуются особым почетом и уважением. Последователи этой секты веруют, что на их пресвитерах пребывает Дух Божий, а потому, считается хулой на Духа Святого осуждение действий и поведения пресвитеров. Кроме пресвитеров, у мормонов есть еще и другие должностые лица, принимающие участие в управлении общинами и в богомолении. Так, помощник пресвитера, называемый «Рукою», обязан выводить «грешников» из собрания «во тьму кромешнюю»; он же расстилает в собрании большое белое полотно, на середине которого нашит красный платок с кругами, для того, чтобы во время чтения молитвы, на присуществующих мог сойти Св. Дух. Сторож, стоящий у дверей молельни, называется «Ногою». Его обязанность – вводить в собрание приходящих и усаживать их на места. Эти должности заимствованы, по-видимому, от сектантов Общего упования. Исповедь у мормонов есть, и совершается перед пресвитером; но исповедуются не все, а только достойные, т. е., те, которые объявляют свое твердое решение – не грешить уже более после исповеди. На основании слов в книге Деяний Апостольских (Деян. 19:19): «*сложили цены их*»,

исповедующийся мормон, по оценке пресвитером грехов его, платит пресвитеру за них цену от 100 до 300 рублей сер. и более, каковые деньги идут в пользу пресвитера, называемого в этом случае «Оком». Исповедовавшиеся считаются после того, «избранными», «святыми».

2. Новоявленные богомилы

Так называются сектанты, появившиеся в конце прошлого столетия в с. Ямном Богодуховского уезда Харьковской губернии. Организатором этой секты был солдат-кузнец, проживавший некоторое время на Кавказе, близ Персидской границы. Лжеучение его еще не сложилось в определенную систему. В основании его лежит, без сомнения, восточно-персидский дуализм борьбы двух начал – доброго и злого. По учению новоявленных богомилов, в каждом человеке находится бес, действующий и говорящий вопреки воле самого человека. Впрочем, обитание бесов в людях служит только ко благу и спасению последних, как этому учит нас история гадаринского бесноватого, который, будто бы, не был бы спасен, если бы в нем не было легиона бесов.

Бог оказывает особую милость тем, в которых находятся бесы, в более или менее, значительном количестве. Помучившись от бесов здесь, на земле, они уже не будут преданы мучениям в загробной жизни. Особенно в большом количестве, бесы вселяются в женщин, отчего они и причиняют много зла в мире. Задача жизни человеческой состоит, поэтому, в том, чтобы одержать победу над бесами. Победы этой можно достигнуть только молитвою и постом. Но церковные молитвы и таинства бесполезны, ибо все знают, как они совершаются. Бесы боятся лишь той таинственной молитвы, которую знает один основатель секты и которую он передаст перед своей смертью своему преемнику. Как ни сильна эта молитва сама по себе, но она утратит все свое значение, если ее одновременно будут знать два человека. Эта же молитва есть единственное средство для испрошения у Бога прощения грехов умершим людям, и для превращения мертворожденных детей в ангелов. Затем, желающий победить в себе бесов, должен морить их голодом и потому, никогда не должен есть скоромной пищи. Секта эта, по числу своих членов, не значительна.

3. Сютаевцы

Секта эта стала известна с 1887 года. Она появилась, первоначально, в Тверской губернии. Основателем ее был крестьянин Василий Сютаев, от фамилии которого она и получила свое название. Лжеучение ее не представляет никакой самостоятельной или оригинальной системы. Оно есть смесь пашковщины с толстовством. В Петербурге Сютаев посещал «беседы» Пашкова, а оттуда вынес свое учение о духовном поклонении Богу, которое и распространял среди своих односельчан. У Толстого он позаимствовал идею непротивления злу, со всеми ее практическими выводами: отрицанием власти, законов, суда, военной службы, присяги и т. п. Сютаев отрицает церковь, иерархию, таинства и обряды, икопопочитание, почитание Божией Матери, святых угодников Божиих, креста и мощей, поста и монашества. Все внешнее, по его учению, связывает дух человека и не дает ему возможности вступить в непосредственное общение с Богом. Иисуса Христа он считал только одним из еврейских пророков. С Пашковым Сютаев разошелся лишь в том, что признавал важное значение для угождения Богу за добродетельной жизнью человека. В добродетели он полагал и самую сущность христианской религии.

4. Воздыханцы

Секта эта явилась в последней четверти прошлого века (около 1875 года). Местом ее первоначального распространения, была Калужская губерния. Основателем ее считается башмачник – калужский мещанин Иван Тихонов Ахлебинин, на верованиях которого заметно сказалось влияние одного из молоканских толков. Всю жизнь человечества он разделил на три больших периода: ветхозаветный, новозаветный и нынешний. Ветхозаветный период составлял царство Бога Отца; он начался сотворением мира и окончился рождением Иисуса Христа. Тогда люди и веровали в Бога Отца, или Иегову, исполняя требования Его закона, изложенного в книгах Св. Писания ветхого завета; для нас – как вера в Иегову, так и ветхозаветный закон не имеют уже никакого значения. Второй период – новозаветный: он начался рождением Иисуса Христа и окончился седьмою тысячью лет от сотворения мира, т. е. в 1850 г. (год рождения самого Ахлебинина). Это – царство Второго Лица Пресв. Троицы; для людей того периода было обязательно веровать в Иисуса Христа и исполнять Его заповеди. С 1850 года начался третий период жизни человечества, который в книгах Св. Писания называется, обыкновенно, «будущим веком». Это – царство Духа Святого. Мы обязаны чтить как своего Бога, только Духа Святого и, по Его внушению или откровению, через «воздыхания», мы должны жить. Теперь, в веке Св. Духа, имеет значение только духовное поклонение Богу. Все внешнее и обрядовое не должно иметь места: не надо ни церкви, ни иерархии, ни таинств, ни обрядов, ни икон, ни креста, ни посредничества святых. Духу нужно служить только духом. Книги Св. Писания ветхого и нового заветов читать можно, но – лишь ради назидания, а не ради усвоения истин веры. Они так же написаны по внушению Духа Святого, а потому, и их нужно понимать только духовно, а не по букве. В первенствующей церкви не было внешних богослужений: Апостолы лишь читали слово Божие и воздыхали. Поэтому и Ахлебинин на своих молитвенных

собраниях установил, чтобы его последователи громко не молились и не крестились, а только воздыхали, поднимая при этом глаза к небу и проводя по своему лицу рукою или платком. Сектанты эти называют себя, впрочем, не «воздыханцами», а «духовными христианами». Лжеучение их, не успевшее еще сложиться в определенную систему, особенного распространения не имеет.

5. Дунькино упование

Дунькино упование, нашедшее себе последователей на Кавказе, еще нельзя назвать определенным сектантским толком. Оно выделилось из уклеинского молоканства и носит характер молоканского раскола, или молоканского протестантства. В нем еще происходит только брожение, не отлившееся в определенную форму, и не получавшее никакого положительного строя. «Коренные» или «постоянные» молокане ненавидят его и презирают. И это совершенно понятно. Еще в конце прошлого столетия, в молоканстве возникли споры о соблазне «святого лобзания», «исповеди к человеку» и деспотизме молоканских стариков, не позволявших другим понимать Св. Писание так, как подсказывала их совесть. Во главе *запрестовавших*, стала жена тифлисского легкового извозчика Евдокия (Дунька) Парфенова. Так как молоканские старики не сделали никакой уступки противной стороне, то в 1902 году, Дунька вместе со своими приверженцами оставила уклеинцев и начала устраивать отдельные молитвенные собрания в своем собственном доме. Своим пресвитером она избрала единомышленника своего, П. Лезина, а свои молитвенные собрания объявила «свободными», предоставив право каждому желающему являться на них и проповедовать, что ему угодно, и в пользу какого угодно вероисповедания. Вследствие этого, на Дунькины собрания стали являться представители всех христианских исповеданий и национальностей, для пропаганды. Но особенно усердно посещают их, и ведут пропаганду, штундо-баптисты, вследствие чего, их влияние на молокан Дунькиного упования становится весьма заметным.

6. Белоризцы

Секта белоризцев появилась во Владимирской губернии около 1880 года. Во всеподданнейшем отчете обер-прокурора Св. Синода о ней говорится следующее: «Название белоризцев дано сектантам, по причине ношения ими белых рубах и белых льняных поясов. Учение белоризцев представляет собою смешение различных сектантских воззрений. Подобно перекрещенцам, они называют брак блудом; не молятся о здравии царя. Подобно петовцам, говорят, что ни в чем нет благодати; об иерархии выражаются, что всяк сам себе архиерей и священник; на основании, будто, Св. Писания, церквей видимых не признают, таинств – тоже; о властях отзываются, что всяк сам себе царь и все люди равны перед Богом; один глава над всеми – Иисус Христос; денег в руки не берут и паспортов не принимают; все ереси и толки раскольничьи осуждают, считая себя одних истинными и духовными христианами».

7. Еноховцы

Секта еноховцев имеет много общего с сектой авторитетов. Еноховцы, как и адвентисты, искажают учение Божественного Откровения о втором пришествии Иисуса Христа, кончине мира и страшном суде. Основателем этой секты считается мещанин Артемий Несветаев. О происхождении этой секты известно следующее. В 1896 году в селе Верхне-Ахтубинском, Астраханской губернии, стали распространяться слухи о близкой кончине мира и воцарения антихриста. Слухи эти распространяли отставной унтер-офицер Василий Бочаров, мещане Артемий Несветаев, Василий Несмачнев, Тимофей Пустовалов и крестьянин Федор Ганчев. По их словам, Несветаеву было откровение свыше о близкой кончине мира, доказательством которой служило пришествие на землю пророков Илии, Еноха и Иоанна Богослова, в лице протоиерея о. Иоанна Кронштадтского, священника единоверческой церкви в посаде Дубовке Николая Благовещенского и крестьянина села Верхне-Ахтубинского Андрея Лукьяновича Черкасова, и воцарение антихриста. Не было никакого сомнения, что эти невежественные проповедники, читая Апокалипсис, запутались в таинственном изложении богооткровенных истин и стали отождествлять признаки кончины мира с текущими событиями. Тем не менее, разубедить их нельзя было никакими доводами. Напротив, они открыто заявили, что обязаны предупредить народ о близкой кончине мира и, что за свои убеждения отдадут на отсечение головы, и молчать не будут, – при этом, они всячески поносили и правительство, и Православную Церковь, порвав с последней всякие связи. Проповедь их производила сильное впечатление на простой народ и приобретала им много последователей.

Отделившись от Церкви, еноховцы стали устраивать свои молитвенные собрания с чтением кииг Св. Писания (главным образом, Апокалипсиса), произнесением молитв и пением псалмов. Так прошло четыре года. В 1900 году, весною, исступленные еноховцы опять стали бегать по домам

односельчан, убеждая их верить в пришествие вестников кончины мира – Илии, Еноха и Иоанна Богослова, и отречься от антихриста и его церкви, причем, о Государе распространяли безумные слухи. Фанатическая проповедь изуверов так наэлектризовала многих, что они с полным убеждением, даже врываясь в приходские церкви во время богослужений, кричали о царствующем антихристе, причем, ссылались на свою безнаказанность, как на доказательство истинности своей проповеди, и всех убеждали, что на страстной седмице всем необходимо собраться в новый Сион, чтобы принять причащение от Илии и Еноха, и вознестись в сретение Господа. Между тем, в новом Сионе (на Киляковых Хуторах) лихорадочно готовились к великому дню: накупили лампад, приобрели большую чашу, напрестольный крест и Евангелие, шалями убрали столы. В четверг, еноховцы в большом количестве направились с пожитками в Сион, намереваясь провести там и Пасху. Через две недели, распродав все свое имущество, оставив раскрытыми свои сундуки и дома, бросив на произвол судьбы даже грудных детей, одевшись в белые одежды, еноховцы отправились в Царицын с целью дожить там до кончины мира. К 1-му мая их набралось в Царицыне до 100 человек. Но кончины мира они не дождались, Илию и Еноха не видели, на облака в сретение Христу не вознеслись; а только подверглись гнусному обману со стороны своих вожаков. Вскоре после этого, по распоряжению министра внутренних дел, вожаки еноховцев были высланы в Привислянский край. Тем не менее, пропаганды своей они не прекратили. Их письма, не менее речей, возбуждали фанатизм и стремление к пропаганде. Исступленные фанатики, своими речами о появлении антихриста, в простых, доверчивых людях производят панику, через которую здравый разум и здравая вера перестает управлять.

Еноховцы еще не выработали никакой системы сектантского лжеучения, хотя и отделились от церкви. Единственным пунктом, составляющим содержание их проповедей, служит указание на скорое наступление кончины мира и второе пришествие Спасителя на землю. Признаками скорого

наступления кончины мира они считают, главным образом, научные изобретения нового времени, как-то: железные дороги, телеграф, телефон, а в каждом граммофоне видят по несколько бесенят со старшим бесом во главе. Бесы воплощенные, по их учению, всегда носят на руках перчатки, под которыми они и скрывают свои когти. Конец мира так близок, что уже начинают падать звезды с неба, происходят страшные землетрясения и пагубы. По всему земному шару рассыпаны агенты антихриста, а многие из еноховцев лично видели даже и самого антихриста, разъезжающего в необычайной колеснице без лошадей (моторы) и одетого в звериную кожу.

В последнее время многие из еноховцев слились с адвентистами; но их достаточно встречается еще в Царевском и Царицынском уездах (особенно, в с. Погромном, Ягорной и Таловке).

Примечания

[1] - Известного протоиерея о. Ксенофонта Крючкова.

[2] - Напр., иеромонаха Арсения и протоиерея Крючкова.

[3] - Литература по этому отделу: Грацианский Д. Что такое «секта» вообще и «рационалистическая» и «мистическая» в частности? (Мисс. обозр. 1904. № 8). Айвазов И. Что такое секта. (Мисс. обозр. 1901. № 19). Базарянинов Н. Основная причина и сущность нашего сектантства. Опыт философско-психологического освещения сектантства. СПб., 1904 (в Мисс. обозр. 1904. № 3). Он же. Основы и сущность нашего сектантства. Опыт философскопсихологического освещения сектантства (Мисс. обозр. 1904. № 1). Губин П., свящ., и Скворцов В. Психологическая точка зрения на причины распространения сектантства и на способы и условия борьбы с ним (Мисс. обозр. 1900. Апрель). В. С. Существенные признаки и степень вредности русских сект (Мисс. обозр. 1896. Январь. Кн. 1-я). Фудель И., свящ. Основа борьбы с сектантством (Мисс. обозр. 1896. Январь. Кн. 1-я). Завитневич В., доцент Киев. духовн. акад. К вопросу об изучении нашего сектантства (Мисс. обозр. 1896. Январь. Кн. 1-я). Титов Ф.И., доцент Киев. духовн. акад. О сущности русского сектантства и причинах происхождения его (Мисс. обозр. 1896. Январь. Кн. 1-я). Малышевский И.И., проф. О зарождении религиозных сект в России с рационалистическим направлением (Тр. К. Д. А. 1883. № 12). Пругавин А. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства (Изв. Имп. рус. географ. общ. 1880. III. VIII). Он же. Значение сектантства в русской народной жизни. (Рус. мысль. 1881. № 1 и 5). Никанор, архиеп. Православие и штунда. Одесса. 1886. Гурий, епископ самарский. Психологические причины упорства сектантов в своих заблуждениях (Мисс. обозр. 1896. Ноябрь. Кн. 1-я). Чельцов М. О делении русских сект на рационалистические и мистические (Мисс. обозр. 1902. III). Дородницын А. Основные формы сектантских заблуждений. Очерк философии сект (Мисс. обозр. 1902. I).

[4] - Мисс. Обозр, 1896, Январь. Стр. 32.

[5] - Ibid. Стр. 26–27.

[6] - Мисс. Обозр. 1905. № 9. Июнь. Стр. 1294.

[7] - Мисс. Обозр. 1896, Январь. Стр. 25–27.

[8] - Подробнее об этом сказано в статье „О сектантстве и сектантах“ В. и Р. 1908. № XX.

[9] - Кальнев М. Новохлысты Кубанской области (новая секта). Издание 2 е. Одесса. 1902. Стр. 4.

[10] - Литература по исследованию хлыстовской секты; 1). Добротворский И. „Люди Божии“. Казань. 1869; 2). Его же. К вопросу о „людях Божиих“ (Прав. собесед. 1870. Январь. Стр. 16–30); 3). Протопопов Опыт исторического обозрения мистических сект в России (Тр. Киев. Д. Акад. 1867. № 10. Стр. 89–119); 4). Максимов. Народные преступления и несчастия (Отеч. Зап. 1869. № 4); 5). Его же. За Кавказом (ibid. 1867. № 61); 6). Реутский И. В. Люди божьи и скопцы. М. 1872; 7). Мельников: Тайные секты (Рус. Вест. 1868. № 5. Стр. 5–70); 8). Его же: „Белые голуби“ (ibid. 1869. № 3. Стр. 312–388); 9). Преображенцев: Исповедь обратившегося раскольника из секты „людей божиих“ (Тульск. Епарх. Вед. 1867, 1869); 10). Кельсиев: Святорусские двоеверы. (Заря, 1869, №№ 10 и 11); 11). Барсов И. Русский простонародный мистицизм. (Хр. Чт. 1869. Сентябрь. Стр. 418–481); 12). Основатели секты «Людей Божиих» – лжехристы Суслов и Прокопий Лункин (Прав. Обозр. 1862. № 8. Стр. 324–328); 13). Хлысты в Тамбовской губернии, называющиеся богомолами или постниками (Тамб. Епарх. Вед. 1862. № 5. Стр. 203–214); 14). Данные сороковых годов XVIII ст. для истории тайной беседы святых отец (Прав. Обозр. 1862. № 8); 15). Р-ский. Заметки о хлыстовской и скопческой секте (День. 1864, № 21); 16). К истории верований и правок наших сектантов (Самар. Епарх. Вед. 1867. № 10); 17). Хлысты. (Воронеж. Епарх. Вед. 1871 и 1872 гг). 18). Балашевские хлысты (Перм. Епарх. Вед. 1869); 19). Новейшие исследователи русского раскола Е. Барсова (Прав. Обозр. 1873. Январь. Стр. 126–162); 20). „Ваиька-Каин“ (Древ. и Нов. Росс. 1876. III, № 11); 21). Соколов И. Влияние протестантства на образование

хлыстовской, духоборческой и молоканской сект (Стран. 1880. Январь. Стр. 96–112); 22). Словохотов свящ. Люди Божии в оренбургской епархии (Оренб. Ерарх. Вед. 1880. №№ 18–24); 23). Барсов Н, Духовные стихи „Людей Божиих“. СПб. 1870; 24). Рождественский А. свящ. Хлыстовщина и скопчество в России М. 1882; 25). Кутепов А. свящ. Секты хлыстов и скопцов. Изд. 2-е. Ставрополь-губернский, 1900 (первое изд. 1832 г.); 26). Маргаритов С. Секта хлыстов. Кишинев. 1889; 27). Барбарин В. свящ. Хлыстовщина или секта духовных христиан. Разбор 12-ти заповедей основателя этой секты. Говорит ли Дух Святый чрез пророков хлыстов? М. 1890; 28). Буткевич Т. И. проф. прот. Секта хлыстов. По отзывам, главным образом, иностранных ученых. СПб. 1901; 29). В. О. Секта хлыстов (Мисс. Обозр. 1896. Январь. Кн. I. Стр. 9–14); 30). Ивановский Н. И. заслуж. орд. проф. Казан. дух. акад. Секта хлыстов в ее истории и современном состоянии (Мисс. Обозр. 1898 г. Январь. Стр. 20–38. Февраль. Стр. 213–224. Март. Стр. 387–403); 31). Его же: Чиноприем в секту у современных хлыстов и некоторые бытовые их черты (Мисс. Обозр. 1896. Ноябрь. Кн. 1-я. Стр. 316–318); 32). Его же: Тамбовские хлысты (Мисс. Обозр. 1900. Январь. Стр. 41–64); 33). Его же: Оренбургские хлысты. Из зала судебного заседания (Мисс. Обозр, 1897. Июль. Кн. 1-я. Стр. 578–538); 34). Его же: Судебная экспертиза по делу об оренбургских хлыстах (Мисс. Обозр. 1898. Сентябрь. Стр. 1124–1141); 35). Его же. К вопросу о мерах церковно-миссионерского воздействия на опознанных и заведомых хлыстов (Мисс. Обозр. 1897. Февраль. Кн. 1-я. Стр. 109–118); 36). Хлыстовство, шалопутство и пригунство. Из постановлений 3-го всероссийского миссионерского съезда (Мисс. Обозр. 1897 г. Декабрь. Кн. 1-я. Сгр. 831–843); 37). Высоцкий Н. К вопросу о самобытном происхождении хлыстовщины (Мисс, Обозр. 1905. Июнь, 1905. Июнь № 9. Стр. 1293–1300); 38). Иванов свящ. О том, с какого времени и от кого пошла зловредная ересь хлыстовская (Мисс. Обозр. 1897. Ноябрь. Кн. 2-я. стр. 693–696); 39). Его же. Общая характеристика хлыстовских заблуждений (Мис. Обозр, 1897. Сентябрь. Кн. 2-я. Стр. 559–562); 40). Булгаков Н. К вопросу о причинах обоготворения женщин и

хлыстов (Мисс. Обозр. 1901. I. Стр. 52–57); 41). Слюсарев Д. свящ. До каких пагубных и нелепых верований доходят сектанты, оставив веру Церкви (Мисс. Обозр. 1901. II. Стр. 185–199); 42). Попов Б. Похождения Алеши Щетинина, хлыстовского лжехриста. (Мисс. Обозр. 1898 г. Февраль. Стр. 308–321; Апрель. Стр. 639–654; Июнь. Стр. 920 –987); 43). Смолин И. диак. Из чистосердечного признании раскаявшегося хлыста (Мисс. Обозр. 1899. Июль–Август, Стр. 111–113); 44). Его же. Современная поволжская хлыстовщина. С портретом хлыстовских живых богов (Мисс. Обозр. 1899. Май. Стр. 535–553); 45). Кальнев М. Православный миссионер на радении у хлыстов (Мисс. Обозр. 1899. Октябрь. Стр. 327–336; Ноябрь. Стр. 482–493; отдельное издание под заглавием „На радении у хлыстов. Обличение самообольщения хлыстовских лжепророков. Одесса. 1902“); 46). Его же. Как опознавать хлыстов, отрицающих свою принадлежность к секте. Рязань, 1908. 47). Его же. История сектантских молитвенных песнопений, и разбор их содержания. СПб, 1905; 48). Его же: Хлыстовство в херсонской губернии (Хроника Мисс. Обозр. 1902. VI, Стр. 1109–1113); 49). Его же: Сектантство Херсонской губернии (Хроника Мисс. Обозр. 1901. I. Стр. 854–857); 50). Его же: Миссионерская борьба с сектантством в Херсонской епархии за 1896 г. и характеристика религиозно-нравственного его состояния (Мисс. Обозр. 1897. Июль. кн. 1-я. Стр. 631–649); 51). Его же: О состоянии местного сектантства в ближайших задачах херсонской миссии (Мисс. Обозр. Ноябрь. Стр. 1389); 52). Его же: Новохлысты Кубанской области. Новая секта (Мисс. Обозр. 1896. Февраль кн. 1-я. Стр. 23–31; Апрель. Кн. 1-я. Стр. 24–34. Брошюра выдержала два отдельных издания); 53). Головкин М. Очерки оренбургской хлыстовщины (Оренбург. епарх. Вед. 1897); 54). На хлыстовско-шалопутском собрании (Мисс. Обозр. 1899. Апрель. Стр. 468–472); 55). Тифлов М. свящ. К характеристике современной хлыстовщины (Мисс. Обозр. 1902. I. Стр. 123–128; II. Стр. 309–313; 647–656); 56). Никольский П. Как поются хлыстовские распевцы (Мисс. Обозр. 1901. I. Стр. 836); 57). Никольский В. Беседа в обличение сектантских мудрований о хлыстовских лжехристах и

лжебогородицах (Мисс. Обозр. 1896. Ноябрь. Кн. 2-я. Стр. 312–319); 58). Его же: Беседа в обличение еретического мудрования хлыстовства о сектантских лжепророках и лжебогородицах (Мисс. Обозр. 1896. Декабрь. Кн. 2-я. Стр. 402–412); 59). Артемьев И. свящ. Картины из жизни руководителей хлыстовщины. (Мисс. Обозр. 1908. №1. Стр. 131–133); 60). Александр еп. Калужский. Беседа о богослужебных собраниях последователей секты хлыстов (Мисс. Обозр. 1896. Апрель. Кн. 2-я. Стр. 61–64); 61). Хлыстовство (к отчету обер-прокур. Св. Синода за 1900. Мисс. Обозр. 1904. № 3. Стр. 266–268); 62). О хлыстовстве (ibid. стр. 400–403); 63). А. О. Хлыстовство в 1900 году (Хроника Мисс. Обозр. 1901. № I. Стр. 545–547); 64). Раскол и сектантство по всеподданнейшему отчету обер-прокурора Св. Синода (Мисс. Обозр. 1901. 1. Стр. 603–607); 65). Ремеров В. Свящ. Веро-нравоучение и характер радений хлыстов центральной России (Мисс. Обозр. 1900. Апрель. Стр. 542– 549; Июнь. Стр. 827–832; Июль-Август, Стр. 72–78); 66). Айвазов И. Тамбовское сектантство и борьба с ним. Хлыстовство (Мисс. Обозр. 1904. Май. кн. 2, № 9. Стр. 1174–1181); 67). Его же; Тамбовские постники (Мисс. Обозр. 1901. I, Стр. 190–203); 68). Его же; Хлысты или шалопуты в Екатеринославской губернии (Мисс. Обозр. 1914. Август. № 12. Стр. 249–250); 69). Урбанский Алексей, Религиозный быт, предания и песни хлыстов Казанской губернии (Мисс. Обозр. 1907. Апрель. Стр. 567–583); 70). Вишневский Н.М. Летопись печати по вопросам миссии. Хлыстовщина, как религиозное брожение; очерки Оренбургской хлыстовщины (Оренб. Епарх. Вед.). Типы распространителей хлыстовства, как Михей юродивый и Балабанов (ныне архим. Паисий). Обряд духовного венчания в хлыстовстве (Ставроп. Епарх. Вед.) (Мисс. Обозр. 1898 г. Май. Стр. 710–777); 71). Георгиевский Александр: Хлыстовство в Орловской губернии (Мисс. Обозр. 1902. III. Стр. 564–569); 72). Его же: Хлыстовщина в Елецком уезде Орловской губернии (Мисс. Обозр. 1904. Декабрь. Кн. 1-я, № 19. Стр. 1366–1376); 73). Грацианский Д. Хлысты на Дону и миссионерские беседы с ними (Мисс. Обозр. 1905. Январь. I. Стр. 101–110); 74). Овсянников Евграф: Донские сектанты: современное состояние

хлыстовщины (Мисс. Обозр. 1900. Июль–Август. Стр. 145–146); 75). Православный: Киевский лжехристос (Мисс. Обозр. 1904. Июнь, 10. стр. 1290–1291); 76). Лисицын М. Хроника Миссионерского Обозрения 1904 г. Январь. Стр. 232–239; 77). Э. О. Современная хлыстовщина, ее вожаки, отношение к Православной Церкви и таинствам; искусство хлыстовской пропаганды (Мисс. Обозр. 1899. Март. Стр. 388–392); 78). Хлыстовский валедюк (Мисс. Обозр. Март. Кн. 2-я. № 6. Стр. 741); 79). О мерах к пресечению развития хлыстовства (Мисс. Обозр. 1897. Январь. Кн. 1-я. Стр. 13–20); 80). Кутепов П. прот. Разбор хлыстовского учении о пророках и пророчицах (Мисс. Обозр. 1904. Февраль. Кн. 2-я. № 4. Стр. 431–442; Март, кн. 2-я. № 6. Стр. 644–658); 81). Его же: разбор хлыстовского учения о воплотившемся Сыне Божием, Иисусе Христе (Мисс. Обозр. 1902. II. Стр. 321–341; III. Стр. 532–541); 92). Его же: Общие замечания о собеседованиях православного миссионера с хлыстами (Мисс. Обозр. 1901. I. Стр. 747–759); 93). Его же: Краткая история и вероучение русских рационалистических и мистических ересей. Новочеркасск. 1907; 84). Матюшинский М. Церковные беседы в обличение лжемудрования хлыстовства и ограждение от него православных чад Церкви. СПб. 1899; 85). Базарянинов В. О пище и постничестве (Библейские канонические основания для полемики против хлыстов. Мисс. Обозр. 1904. Ноябрь. Кн. 2-я. № 18, Стр. 1145–1157); 86). В. О. На каком основании хлысты не едят мяса и какие в свящ. писании имеются свидетельства в пользу употребления людьми мясной пищи? (Мисс. Обозр. 1897. Март-Апрель. Кн. 1-я. Стр. 290–294); 87). Кохомсхий С. Где в свящ. писании Нового Завета разрешается есть свиное мясо? (Мисс. Обозр. 1898. Январь. Стр. 149); 88). Порицмайер: Gottesmeuschen und die Skopzen in Russland, Wien. 1883; 89). Его же. Die Gefuhlsdichtungen der Chlysten, Wien, 1883; 90). Его же: Die neuere Lehre der russischen Gottesmeuschen, Wien, 1886; 91). Геринг проф. Die Secten in russischen Kirche (1893–1897), Leipzig. 1898.

[11] - Добротворский. С. 106; Кутепов. С. 259; Мисс. обозр. 1898. I. С. 26.

[12] - Кутепов, стр. 41; Мисс. Обозр. 1898. I. Стр. 27.

[13] - Прав. Обозр. 1862 г. № 3. Стр. 326; у Кутепова – стр. 46.

[14] - Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода за 1900 г.

[15] - Мисс. Обозр. 1902, 1. Стр. 1109.

[16] - Ср. Отчет обер-прок. Св. Синода за 1898 г. Мисс. Обозр. 1901. Стр. 604; Мисс. Обозр. 1902. 1. Стр. 1109.

[17] - В последнее время многие хлысты (например, херсонские) стали учить о происхождении человека таким образом: еще раньше Адама и Евы Бог сотворил червяков, которые превратились в людей и жили 120 веков (12 000 лет); а когда они вымерли, тогда уже Бог создал Адама и Еву. Ср.: Отчет обер-прок. Св. синода за 1900. Мисс. обозр. 1901. I. С. 854.

[18] - Самар. Еп. Вед. 1867 г. № 10, стр. 276–278; Кутепов, стр. 286–287.

[19] - Мисс. Обозр. 1902. I. Стр. 1110.

[20] - Отчет обер-прокур. Св. Синода за 1898 г. Мисс. Обозр. 1897 г. 1. стр. 637; 1901 р. стр. 604; 1902 г., I, Стр. 1110.

[21] - Реутский, стр. 50–51. Тул. Еп. Вед. 1869. № 20, стр. 247: Кутепов, стр. 322–323.

[22] - Мисс. Обозр. 1898 г. I, стр. 649, 923, 924; 1899 г. Май стр. 546–547.

[23] - Мисс. Обозр. 1905 г. I, стр. 102.

[24] - Сарат. Еп. Вед. 1899, № 2.

[25] - Мисс. Обозр. 1900 г. Июль-Август. Стр. 73.

[26] - Мисс. Обозр. 1898 г. I. Стр. 652; ibid. 1899 г. май. стр. 543.

[27] - Мисс. Обозр. 1899 г. Июль-Август. Стр. 111.

[28] - Мисс. Обозр. 1899 г. Апрель, стр. 469.

[29] - Ср. Отчет Обер-прок. Св. Синода за 1900 г., Мисс. Обозр. 1904. № 3, стр. 267.

[30] - Мисс. Обозр. за 1898 г. II. Стр. 1134, 1900 г. Январь. Стр. 51; 1901 г. I. Стр 193.

[31] - Заря 1869 г. № 10. Стр. 28–29.

[32] - Исслед. внутр. отнош. нар. жизни русского народа. М. т. I, стр. 227.

[33] - Рус. Вести. 1869. № 3. стр. 382.

[34] - Кутепов, стр. 518–527.

[35] - Судеб. медиц. исслед., стр. 120.

[36] - Оренб. Епарх. Вед. 1899. № 2; Мисс. Обозр. 1899. Март, стр. 391.

[37] - Кутепов, стр. 508.

[38] - Тул. Еп. Вед. 1867. № 20, стр. 21; Кутепова, стр. 471.

[39] - Пеликан Судебно-медиц. исслед. след. стр. 118; Кутепов, стр. 469.

[40] - Мисс. Обозр. 1898. I. Стр. 321, 652.

[41] - Мисс. Обозр. 1898, I, Стр. 643.

[42] - Срав. Мисс. Обозр. 1899 г. Март. Стр. 389.

[43] - Мисс. Обозр. 1896 г. Ноябрь, кн. 1-я. Стр. 318–319; ibid. 1898 г. Февраль. Стр. 223–224.

[44] - Сравн. «Похождения Алеши Щетинина, хлыстовского лжехриста» в Мисс. Обозр. за 1898 г. Февраль, Апрель, Июнь.

[45] - Сравн. Перм. Епарх. Вед. 1876 г. № 8, стр. 103; Кутепов, стр. 440.

[46] - Кальнев М. А. Как опознавать хлыстов? Рязань. 1908. Стр. 8.

[47] - Мисс. Обозр. 1900. Июнь. Стр. 829–830.

[48] - Отчет Обер-прокурора Св. Синода за 1900 г.; сравн. Мисс. Обозр. 1904. № 3, стр. 267.

[49] - Сравн. Мисс. Обозр. 1897. I . Стр. 111; ibid. 1898. I. Стр. 34.

[50] - Мисс. Обозр. 1900. Январь. Стр. 49. Кальнев М. А. Как опознавать хлыстов? Рязань. 1904. Стр. 21.

[51] - Мисс. Обозр. 1899. март. стр. 390.

[52] - Die Secten der russ. Kirche. 1898, стр. 135.

[53] - Подробнее у Кальнева: „Как опознать хлыстов“. Рязань, 1908.

[54] - Мисс. Обозр. 1905. № 1, стр. 102.

[55] - Этот вопрос составляет предмет рассмотрения в нашей книге „Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Опыт изложения евангельской истории с опровержением возражений отрицательной критики новейшего времени». СПб. 1887. К ней мы и отсылаем желающих убедиться в историческом характере евангельской истории. Здесь же мы лишены возможности с надлежащей обстоятельностью представить разрешение этого вопроса по причине его чрезвычайной сложности.

[56] - Сравн. Мисс. Обозр. 1904. № 18. Стр. 1145.

[57] - Литература: Алексий, еп. «Секта шалопутов» и «Шалопутская община». Казань, 1906. Капралов Е., свящ. Очерки вероучения северокавказских шалопутов (Мисс. обозр. 1896. Ноябрь, декабрь; Там же. 1898. II. Волочугин Н. Открытое письмо шалопутам г. С.-Петербурга от близкого им Известного Николая Волочугина (Мисс. обозр. 1902. I). Абрамов Я. Секта шалопутов (Отеч. зап. 1882. № 8 и 9). Левицкий. Шалопуты на границе Полтавской и Екатеринославской губернии (Киевский телеграф. 1875. № 41–43).

[58] - Срав. Мисс. Обозр. 1896. I. Стр. 429.

[59] - Срав. Мисс. Обозр. 1902. 1. Стр. 914–929.

[60] - У преосв. Алексия он назван Парфением.

[61] - Некоторые, впрочем, думают, что Перфиша научился своей «вере» от «матушки Евдокии, первой шалопутской «богородицы»; но кто эта «матушка Евдокия» – неизвестно.

[62] - Срав. Мисс. Обозр. 1898 г. I. Стр. 650, 920.

[63] - Мисс. Обозр. 1898. II. Стр. 1280.

[64] - Мисс. Обозр. 1903. I. Стр. 923.

[65] - Мисс. Обозр. 1898 Похождения Алеши Щетинина – лжехриста. Июнь. стр. 920–937.

[66] - О них можно читать у преосв. Алексия «Шалопутская община» стр. 31–37.

[67] - Мисс. Обозр. 1902. I. Стр. 921.

[68] - Мисс. Обозр. 1902, I. Стр. 924.

[69] - Ibid. стр. 915.

[70] - Мисс. Обозр. 1902. I. Стр. 922.

[71] - Ibid. стр. 927.

[72] - Мисс. Обозр. 1893, II. Стр. 1287.

[73] - Срав. Мисс. Обозр. 1902. I. стр. 920.

[74] - Сведения об этой секте в первый раз опубликованы херсонским миссионером М. А. Кальневым в его брошюре: „Новохлысты Кубанской области (новая секта). Киев. 1896 г. (второй раз брошюра издана в Одессе в 1902 году). Этой брошюре и мы следуем в своем изложении новохлыстовского лжеучения.

[75] - Литература: Никольский Симеон, прот. Краткий катехизис основных начал веры Новоизраильской общины и опровержение содержащихся в ней лжеучений» (Мисс. обозр. 1907. № 9. Стр. 1227 –1259). Корнилин И. Особенности новой фракции хлыстовства, именующей себя Новым Израилем (Мисс. обозр. 1905. № 13. Стр. 533–556). Хроника мисс. обозрения. 1905. № 1. Стр. 176–177.

[76] - Мисс. Обозр. 1905. № 13. Стр. 556.

[77] - Мисс. Обозр. 1905. № 13. Стр. 554. Так кощунствуют, впрочем, все, вообще, хлысты. Срав. Мисс. Обозр. 1898 г. I стр. 647.

[78] - Литература: Урбанский Алексей, свящ. Мое первое знакомство с беседниками (Мисс. обозр. 1900. Сентябрь, стр. 356–362). Он же. Беседа со лжехристом беседником (Мисс. обозр. 1904. II. Стр. 1563–1569). Он же. К истории секты беседников (Мисс. обозр. 1907 г. № 9. Стр. 371–382; № 5. Стр. 718–729; № 9. Стр. 1211–1226). Кесарев Е., свящ. Беседничество как секта. Самара, 1905.

[79] - Срав. Мисс. Обозр. 1907. № 5. Стр. 727.

[80] - Срав. Мисс. Обозр. 1900. Сентябрь. Стр. 256.

[81] - Срав. Мисс. Обозр. 1907 г. № 3. Стр. 371.

[82] - Срав. Мисс. Обозр. 1907. № 3. Стр. 380–381.

[83] - Мисс. Обозр. 1900. Сентябрь. Стр. 261.

[84] - Литература: Калатузов В. Монтаны (Эпоха. 1864. Август. Стр. 1–48); Вратский Александр, свящ. О монтанской секте в пригороде Ерыклинске, Ставропольского уезда (Самар. епарх.

вед. 1875. № 15. Ч. не офиц. Стр. 329–395.); О секте монтанской в селе Дубовом Умете, Самарского уезда (Самар. епарх. вед. 1870. № 16, 18, 19, 21 и 23); Кесарев Е., свящ. Беседничество, как секта. 1. Беседчики Самарской епархии. Самара, 1906.

[85] - Эпоха. 1864. Август. Стр. 1.

[86] - Кутепов К. свящ. Секты хлыстов и скопцов, 1900. Стр. 33.

[87] - Эпоха. 1864. Август. Стр. 3.

[88] - Эпоха. 1864. Август. Стр. 6.

[89] - Эпоха. 1864. Август. Стр. 6.

[90] - Кесарев. Беседничество, стр. 10–11.

[91] - Эпоха. 1864. Август. Стр. 8.

[92] - Калатузов, в «Эпохе» 1864. Август. Стр. 10.

[93] - Самар. Епарх. Вед. 1875. Ч. неофиц. № 15. Стр. 329–335.

[94] - Кесарев, стр. 114.

[95] - Калатузов, в «Эпохе» 1864. Август. Стр. 12.

[96] - Кесарев, стр. 38.

[97] - Фролов В. Чистосердечное признание родной сестры родоначальницы Марьяновского толка хлыстовской секты (Мисс. Обозр. 1900. Октябрь. Стр. 404–413).

[98] - Сравн. Всеподдан. отч. Обер-Прокур. Св. Синода за 1871 год.

[99] - Сравн. Всеподдан. отч. Обер-Прокур. Св. Синода за 1879 год.

[100] - Сравн. Всеподдан. отч. Обер-Прокур. Св. Синода за 1871 год.

[101] - Подробнее о нем – в „Новороссийском Крае“ № 201.

[102] - Кроме этой книги иоаннитами распространяются следующие брошюры: 1. Как нужно жить, чтобы богатому быть и чисто ходить? 2. К свободе призвал нас Господь (ч. 1); 3. Еще днем закатится солнце; 4. Сборник стихов в честь о. Иоанна Ильича Сергиева; 5. Ключ разумения; 6. Дела недавно минувших дней и др.

[103] - Биржев. Вед. 1908. № 10859.

[104] - Дело Самарской Дух. Консист. о распространении лжеучения крестьянином Ал. Гавришовым, 25 ноября 1893 г. и 4-го марта 1895 г.; Кесарев Е. свящ. Беседничество, как секта, 1905 г. Стр. 58–75; Мисс. Обозр. 1897. I. Стр. 424–431.

[105] - Кесарев, стр. 61.

[106] - Срав. Всеподдан. Отч. Обер-Прок. Св. Синода за 1898 г. Церков. Вед. 1901 г., № 27; Мисс. Обозр. 1901. I. Стр. 605.

[107] - Мисс. обозр. 1901. I. Стр. 606.

[108] - Литература: 1. Реутский Н. В. Люди Божии и скопцы. М. 1872 г.; 2. Р-ский. Заметки о хлыстовской и скопческой секте (День 1864, № 24); 3. Пеликан Е. Судебно-медицинские исследования. СПб, 4. Мельников, Белые голуби (Рус. Вед. И869, №№ 3 и 5); 5. Протопопов. Опыт исторического обозрения мистических сект в России (Тр. Киев. Д. А. 1876, Апрель); 6. Сахаров И. Т. Последнее движение в современном скопчестве (Хр. Чт., 1877 г., Сентябрь); 7. Гурий Ев. О скопческом движении по последним о нем известиям. 1877; 8. Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. 1900; 9. Забелин А. Движение вперед в секте скопцов. Древ. и Нов. рог. 1878. 1. № 21; 10. Скворцов В. М. Староскопчество, как секта (М. О. 1899. Июнь, стр. 661–679; отдельное издание. СПб, 1899); 11. Баженов Н. В. Историческая записка о скопческой секте в России с 1848 – 1870 г. (Мисс. Обоз. 1905 г. № I, стр. 78–92; № 2; стр. 266–369; № 6, стр. 883–891; № 11, стр. 185–194); 12. Прозоров Василий, священник. Почему Селиванов, мнимый император Петр III-й, называется вторым Сыном Божиим? (Мисс. Обоз. 1901, 1, стр. 351–355); 13. Поразительное изуверство скопцов. (Мисс. Обозр. 1901 г. 1, стр. 149). 14. Скопчество в Орловской губернии в 1900 г. (Мисс. Обоз. 1901 г. I, стр. 547–548). 15. Орлов А. – Н. А. Гурьев в роли защитника скопцов. Скопцы в С.-Петербургской и Рязанской епархиях (Мисс. Обоз. 1901. II. стр. 510–520); 16. Скопцы в Херсонской губернии с 1902 г. (Мис. Обозр. 1901. 1. стр. 855–856); 17. Георгиевский А. Скопчество в Орловской губернии (Мисс. Обозр. 1902. 1. стр. 506–660.); 18. Из бытовой жизни скопцов (Мис. Обозр. 1902. 1. стр. 608). 19. Скопческий дом в г.

Томске. (Мис. обозр. 1899. Декабрь, стр. 658–660); 20. Скопческий процесс в Рязани. (Мис. Обозр. 1904, № 5 стр. 605, № 17 стр. 1067–1069); 21. Полянский Стахий прот. Духовное скопчество в Скопинском уезде. (Мисс. Обозр. 1900 г. Июль-Авг. стр. 146–152). 22. Исповедание скопца Лихачева (Мис. Обозр. 1900 г. март. Стр. 398–399). 23. Кальнев М. Изуверства скопцов в г. Николаеве. (Мис. Обозр. 1903. № 4 стр. 608–612).

[109] - Чтен. в общ. ист. 1864, № 4, стр. 82; у Кутепова „Секты хлыстов и скопцов“. 1900, стр. 152.

[110] - Приводим его в передаче о. В. Прозорова. Мисс. Обозр. 1901. 1, стр. 351–352.

[111] - Мисс. Обозр. 1899. Июнь, стр. 665.

[112] - В доме Колесникова найдена была даже особенная печь, для сожжения трупов, умерших от неудачной оскопительной операции.

[113] - Сравн. Верноподд. Отчет Обер-Прокур. Св. Синода за 1896–97 гг. Мисс. Обозр. 1900. Март. Стр. 398–399.

[114] - Кутепов К. свящ. Секты хлыстов и скопцов. 1900 г. стр. 362.

[115] - Императрица Екатерина II, как известно, первая стала преследовать скопцов; по ее же повелению, и Селиванов был сослан в Сибирь на поселение, а потому, скопцы питают к этой великой императрице русской крайнюю враждебность, чем, с другой стороны, объясняются их симпатии к несчастному императору Петру III, которого они всячески идеализируют, в явное издевательство над историей.

[116] - Сравн. Еп. Гурия Таврического. О скопческом, учении по последним о нем известиям. Симферополь. 1877 г; стр. 15–17; Кутепова «Секты хлыстов и скопцов» 1900 стр. 340–343.

[117] - Срав. Мисс. Обоз. 1899, июнь, стр. 668.

[118] - Судебно-медицинские исследования скопчестна. СПб. 1875.

[119] - Мисс. Обозр. 1908. № 4, стр. 608–610.

[120] - Срав. прав. Апостол. 22–24; 8-е прав. Двукр. Константиноп. соб.

[121] - Литература по вопросу о духоборческой секте: 1. Ореста Новицкого. „Духоборцы, их история и вероучение. Изд. 2-е. Киев. 1882; – 2. Исповедание учения духоборцев Екатеринославских. (Чтения в Общ. ист. и древн. росс. 1871. Апрель–июнь. Кн. 2. стр. 26–79); 3. Сумарокова Павла. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. Спб. 1803. ч. 1.; 4. Статистический журнал, изд. Карлом Германом. Спб. 1606. т. 1. ч. 1.; 5. Записка о разговоре в 1802 году архимандрита и префекта Александро-Невской Академии, а потом киевского митрополита Евгения с двумя тамбовскими духоборцами, присланными в Александро-Невскую Лавру для увещания. (Чтения в Имп. Общ. и древн. росс. 1874. Октябрь–ноябрь, V. стр. 173–175); 6. Ливанова Ф. В. Раскольники и острожники, т. 11. Спб. 1870, стр. 71–73; 7. Духоборческий катехизис (у Ливанова, Раскольники и острожники, т. II. стр. 163–175); 8. Тихонравова Н. Летописи русской литературы и древностей, т. IV. Москва. 1861 г, стр. 3–16: „Некоторые черты учения о обществе духоборцев“; 9. Донесение сенатора Лопухина о харьковских духоборцах (Чт. в Имп. Общ. ист. и древн. росс. 1864. кн. 4. Смесь. Стр. 46–48); 10. А. Ф-ва О раскольниках, поселенных Таврической губернии в Мелитопольском уезде (Отеч. Записки Свиньина. 1823. № 93. Стр. 44–58); 11. Раскольники за Кавказом: Духоборцы (Правосл. Собесед. 1859. ч. 1. стр. 298–328); 12. Варадинова История министерства внутренних дел. Кн. 8. Спб. 1868; 13. Арсения, митрополита Киевского Записка о духоборцах и молоканах в тамбовской епархии (Труд. Киев. Д. Акад. 1875. № 2. Стр. 149–166); 14. Кожинские духоборцы (Иркут. Епарх. Вед. 1874. № 28); 15. Записки квакера о пребывании в России (Русс. Стар. 1874. т. 9. № 1. Стр. 1–36); 16. Андреева В. Раскол и его значение в народной русской истории. Исторический очерк. Спб. 1879; 17. Раскол в Таврической губернии (Правосл. обозр. 1867. № 3. Стр. 323–341); 18. Записка о духоборцах, обитающих в Мелитопольском уезде Таврической губернии (Труд. Киев. Д. Акад. 1876. № 8. Стр. 390–420); 19. Русские рационалисты (Вест. Европы 1881. № 2. Стр. 650–690); 20. Максимова за Кавказом (Отеч. Зап. 1867. т. 172. № 10. Стр. 482–521; № 11 стр.

78–115; т. 173; № 13–14. Стр. 473–504); 21. Лебедева А. Духоборцы в слободской Украине. Харьков. 1890.; 22. Ливанова Ф. Молокане и духоборцы в Новороссии и Украине (Вес. Евр. 1868. №. 10. Стр. 678–781; № 12. стр. 869–876); 23. Тебенькова М. Духоборцы, их учение, организация и настоящее положение (Русс. Стар. 1896. кн. 8. Стр. 257–293; кн. 9. стр. 493–526); 24. Нильского И. К истории духоборчеста и молоканства (Христ. Чт. 1886. т. 2. стр. 449–491); 25. Кутепова И. прот. Краткая история и вероучение русских рационалистических и мистических ересей. Изд. 3-е. Новочеркасск. 1907; 26. Маргаритова С. История русских рационалистических и мистических сект. Изд. 2-е. Кишинев. 1902; 27. Оболенского П. Критический разбор вероисповедания русских сектантов-рационалистов. Изд. 3-е. Казань. 1903; 28. Скворцова В. М. Духоборы в Америке и граф Л. Н. Толстой. Спб. 1900; 29. Тана Духоборы в Канаде. М. 1906; 30. Тверского П. Л. Духоборческая эпопея. СПб. 1900; 31. Его же Новые главы духоборческой эпопеи. СПб. 1901; 32. Духоборы и толстовцы, Полтава. 1903; 33. Максимова Е. Овцы среди волков (Очерк из жизни духобор). Спб. 1904; 34. Каменева М. Духоборческая секта. Мисс. Обозр. 1904. №№ 12–14, 20); отд. изд. Спб. 1903; 35. Его же: Празднество поминок на духоборском кладбище (Мисс. Обозр. 1905. № 9. стр. 1333–1356); 36. Его же: Беседы духоборов в собрании по окончании молитвы (Мисс. Обозр. 1905. № 10. стр. 61–78); 37. Духоборческая эмиграция и молоканское брожение. Последние известия о духоборах в Америке (Мисс. Обозр. 1900. Январь. Стр. 124, 174) и т. д.

[122] - Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб. 1803. ч. 1. Стр. 43–44.

[123] - Архив. Дело М-ва вн. дел 1825 г. № 18; у Ливанова Раскольники и острожники, т. IV, стр. 367.

[124] - Варадинова История М-ва внутр. дел. СПб. 1863. Кн. VIII. Стр. 63 и 81.

[125] - Отечеств. Записки, 1867 г. Июль. Кн. I. Стр. 87.

[126] - Духоборцы, их история и вероучение. Изд. 3-е, Киев. 1882 стр. 4.

[127] - Отечеств. Записки, 1867 г. Июль. Кн. I. Стр. 96.

[128] - Варадинова История М-ва внутр. дел. СПб. 1863. Кн. VIII. Стр. 130.

[129] - Мисс. Обозр. 1904. № 12, стр. 192.

[130] - Новицкий. Духоборы, их история и вероучение. 1882, стр. 84.

[131] - Труды Киев. Д. Акад. 1876 Август. Стр. 406; Новицкий. Духоборы, стр. 85.

[132] - Там же.

[133] - Первое Полн. Собр. Зак. т. XXXII, № 25, 610. Срав. Варадинова Ист. М-ва вн. дел, кн. VIII, 1863 г. Стр. 79.

[134] - Отечеств. Записки Свиньина, 1828 г., № 93. Стр. 58.

[135] - Труды Киев. Д. Акад. 1876 Август. Стр. 394.

[136] - Труды Киев. Д. Акад. 1876 Август. Стр. 396.

[137] - Духоборцы, их история и вероучение. Изд. 2-е. Киев. 1882. Стр. 144.

[138] - Ibid.

[139] - Духоборы в Канаде. Москва. 1906. Стр. 7. Мисс. Обозр. 1904. № 12. Стр. 198.

[140] - Мисс. Обозр. 1904. № 12. Стр. 198.

[141] - Мисс. Обозр. 1904. № 12. Стр. 201.

[142] - Русская Старина, 1896. VIII, Стр. 290.

[143] - Труды Киев. Дух. Ак. 1876. VIII. Стр. 397.

[144] - Эта записка с незначительными изменениями была сообщена Св. Синодом в Министерство внутренних дел и в таком виде напечатана в Чтениях Имп. Общ. ист. и древн. росс. 1874 г. Октябрь–Ноябрь. V. Стр. 137–145, а раньше она, так же, с изменением, была напечатана Ливановым в Вестнике Европы за 1868 г. № 10. Стр. 697–700.

[145] - Духоборцы, их история и вероучение. Изд. 2-е. Киев. 1882. Стр. 216.

[146] - Отечеств. Записки Свиньина. 1828 г. № 93. Стр. 46.

[147] - Труды Киев. Дух. Акад. 1876 г. VIII. Стр. 399.

[148] - Ibid. стр. 401, 405.

[149] - Мисс. Обозр. 1904. № 13. Стр. 370.

[150] - Правосл. Собеседн. 1859. ч. 1. Стр. 304; Новицкого Духоборцы, их история и вероучение. Изд. 2-е, Киев. 1882. Стр. 243; Мисс. Обозр. 1897 г. 1. стр. 505–506.

[151] - Сравн. Мисс. Обозр. I904. № 13. Стр. 370.

[152] - У Новицкого Духоборцы. Стр. 223.

[153] - Правосл. Обозр. 1859. ч. 1. Стр. 298–325; Новицкого Духоборцы. 1882. Стр. 223; Мисс. Обозр. 1897. I. Стр. 498.

[154] - Ibid.

[155] - Отечеств. Записки Свиньина, 1828 г. № 93. Стр. 51; Новицкого Духоборцы, стр. 230.

[156] - Haxthausen, Studien, Thl. 1. S. 412– 413; у Новицкого Духоборцы, стр. 107.

[157] - Правосл. Собеседн. 1869. ч. 1. стр. 298–325; Новицкого Духоборцы, стр. 231; Мисс. Обозр. 1897 г. I. Стр. 500.

[158] - Правосл. Собеседн. 1853. ч. 1; Новицкого. Духоборцы, стр. 231.

[159] - Духоборцы, Стр. 234.

[160] - Мисс. Обозр. 1904. № 18. Стр. 371.

[161] - Правосл. Собеседн. 1869. ч. 1. «Раскольники за Кавказом. Духоборцы. Сообщено из Тифлиса».

[162] - Семьдесят пунктов, вопр.-отв. 31.

[163] - Правосл. Собеседн. 1859. ч. 1, стр. 298–325; Новицкого. Духоборцы, стр. 227.

[164] - Этот псалом впервые напечатан в 1-ой ч. Правосл. Собес. за 1859 г.

[165] - В Правосл. Собеседн. – «Святого Духа».

[166] - В Правосл. Собеседн. – «покланяемся».

[167] - В Правосл. Собеседн. слова «себе» нет.

[168] - Сравн. Правосл. Собеседн. 1859. ч. I. Стр. 298–325; Новицкого Духоборы, стр. 257.

[169] - Правосл. Собеседн. 1859. ч. I. Стр. 298–325.

[170] - Семьдесят пунктов, вопр.-отв. 12.

[171] - Начатки вопр.-отв. 119.

[172] - № 93. Стр. 53.

[173] - У Новицкого: Духоборы, их история и вероучение. 1882. Стр. 263.

[174] - Срав. Мисс. Обозр. 1904, № 12. Август. Стр. 199.

[175] - Мисс. Обозр. 1904. № 14, Сентябрь, Стр. 499.

[176] - Тебеньков М. Правда о духоборцах. Русс. Старина 1896. VIII. стр. 221.

[177] - Правосл. Собесед. 1859. ч. 1, Стр. 289–325; Новицкого Духоборцы, стр. 261.

[178] - Отечеств. Записки Свиньина, 1828, № 93.

[179] - Новицкого Духоборы, стр. 106.

[180] - Полн. Собр. Зак., т. XXXII, № 25, 610; у Новицкого Духоборы, стр. 289.

[181] - Литература к изучению молоканской секты: 1. Ливанова Раскольники и острожники, т. I– IV; 2 Остромысленского Е. А. прот. Молоканская секта Вып. 1, 1882; 3. Орлова Дм. прот. Пред судом слова Божия. В трех выпусках 1872, 1874 и 1878 г.; 4. Высотского А. Записки по обличению молоканства. Симферополь, 1892; Русанова Н: свящ. Православному простолюдину о православной христианской вере по учению слова Божия, против молокан, баптистов и штундистов. Казань, 1886; 6. Арсения иером. Беседы православного христианина с молоканами. М. 1886; 7. Краткие беседы архим. Павла с именующимися духовными христианами, более известными под именем молокан М. 1884; 8, Кутепова Н. прот. Краткая история и вероучение русских рационалистических и мистических ересей, Новочеркасск. 1907; 9. Маргаритова С. История русских рационалистических и мистических сект. Изд. 2-е. 1902. 10. Оболенского П. Критический разбор вероисповедания русских сектантов, рационалистов. Казань. 1903; 11. Боброва П. прот. Беседы священника с наставниками молоканскими, и опровержение мнений по главным пунктам вероучения молокан и штундистов. Спб. 1896; 12. Быстрова И. свящ. Беседы о разных истинах православной веры против молокан и сродных им сектантов-штундистов, баптистов и др. Пенза. 1889; 13. Кесарева Е. свящ. Обличение лжеучения молокан по их

вероучительным руководствам, Самара; 1905; 14. Платонова А. К вопросу о предстоящей церковной реформе. Молоканство, баптизм и наша великая церковная нужда (Мисс. Обозр. 1906. № 13; СПб. 1905); 15. Грацианского Д. Беседа с молоканами о духовном и плотском (Мисс. Обозр. 1905. № 7–8; стр. 1140–1150); 16. Блошенко Н. свящ. Об ограждении от совращения в молоканство православных работников у хозяев-сектантов (Мисс. Обозр. 1900. Март. Стр. 415–417) 17. Хроника Мисс. Обозр. 1899. Март. Стр. 386–387; 18. Хроника Мисс. Обозр. 1905, № 13. Стр. 581–592; 19. Высотского Какой юбилей праздновали молокане? (Мисс. Обозр. 1905. № 14–15. стр. 658–675; срав. стр. 715 и 750); 20. Его же; Донские толки в молоканстве и штундизме (Мисс. Обозр. 1897. Ноябрь. №. 1. стр. 991–1007); 21. В. А. К характеристике молоканского христианства (Мисс. Обозр. 1908. № 4. Стр. 629–631); 22. «Всероссийский съезд молокан» и «Эмиграции молокан» (Мисс. Обозр. 1905. Стр. 1416–1420); 23. Хроника Мисс. Обозр. «Молоканское брожение». 1900. Стр. 181; 24. Хроника Мисс. Обозр. 1901, № 8. Стр. 730; «Расположенность молокан к принятию Православия»; 25. Молоканская секта (Мисс. Обозр. 1896. 1. Стр. 10–12); 26. Тифлова М. свящ. О некоторых вопросах веры, пререкаемых молоканами и другими сектантами М. 1894; 27. Боголюбова Д. Тамбовское молоканство (Мисс. Об. 1898: Стр. 479–489); 28. Его же: Богослужебный культ тамбовских молокан (Мисс. Обозр. стр. 659–667); 29. Милованова Мих. Молоканские прения о духовной воде (Мисс. Обозр. 1898. 11. стр. 1290–1305); 80. Дамского Я. К истории духоборчества и молоканства (Хр. Чт. 1886. II. стр. 449–491); 81. Исторические сведения о молоканской секте (Прав. Собесед. 1858, ч. III); 32. Иакова еп. Увещание молоканам. М. 1843; 33. Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно, называемых молоканами. Женева. 1865; 34. Русские рационалисты: молокане (Вест. Евр. 1881. № 7); 35. Зайцева И. Из личных наблюдений над жизнью закавказских сектантов (Мисс. Обозр. 1899. Июнь); 36, Корсакова Б. Молокане (Рус. Вест. 1886. №№ 2 и 10); 37. Румянцева П. Новый Иерусалим молоканства (Странник, 1878, т. I. стр. 93–105); 38. Тихвинского

П. свящ. Штундизм среди молокан (Церк. Вед. 1896 г. № 9), 39. Юницкого А. прот. Сектантские гнезда на Кавказе (Хр. Чт. 1895, ч, I, стр. 142–164); 40. Наставление священнику, относительно отпадших от церкви в секту молоканскую. СПб, 1895; 41. Скворцова В. М. Деяния 3-го всеросс. Мисс. съезда в Казани. Стр. 138–154.

[182] - Духоборы, 1882. Стр. 11 и 27.

[183] - Правосл. Собесед. 1858. Июнь, Стр. 50.

[184] - Там же, стр. 62.

[185] - Там же, стр. 63.

[186] - Там же, стр. 70.

[187] - Отеч. Записки Свиньина, 1828. № 93, Стр. 44–58: ст. А. Ф-ва «О раскольниках, поселенных в Таврической губернии и Мелитопольском уезде».

[188] - Еще в 1826 году, у одного молоканина была найдена рукописная тетрадь под заглавием „Обряд о духовных христианах, содержащий в себе исповедание я догматы веры“ (молоканской). Эта тетрадь напечатана полностью в 8-й книге Варадинова „Истории министерства внутренних дел», СПб. 1863. (Стр. 234–240). Она состоит из 15 глав: 1. О вере, 2. О священстве Христа, 3. О знамении, 4. О крещении, 5. Об исповедании, 6. О причастии, 7 О церкви, 8. О молениях, 9. Об иконах, 10. О рождении младенцев, 11. О браке, 12. О царе, 13. О постах, 14. О погребении умерших, 15. О воскресении мертвых. Эту тетрадь, как и женевское издание молоканского исповедания, мы постоянно будем иметь ввиду при изложении вероучения молокан.

[189] - Литература по вопросу о субботниках и караимитах: 1. Астырезв Субботники в России и Сибири (Северный Вестник 1891 г. (№ 6, Июнь. Стр. 34–70); 2. Русские рационалисты. Суботники (Вестник Европы 1881 г. № 2, Стр. 650–661); 3. Попова R. На молитвенных собраниях у субботников (Странник 1877, т. 2. стр. 183–211); 4. Варадинова И., История министерства внутренних дел. Кн. VII. СПб 1863; 5. Секта иудействующих (Церковн. Вести. 1888. № 10); 6. Секта жидовствующих (Домашняя Беседа 1875 г. вып. 18. Стр. 541–

550); 7. Секта субботников (Чтения в Общ. Любит. дух. просвещ. 1889 г., отд. 2. стр. 5–11); 8. Состояние раскола в Таврической губернии (Правосл. Обозр. 1867 г., т. 1. стр. 323–341); 9. Юницкого А. прот. Сектантские гнезда на Кавказе (Христ. Чт. 1895 г. Ч. I. Стр. 142–164); 10. Раскольники за Кавказом (Правосл. Собеседн. 1859. Ч. 1. Стр. 432–444); 11. Тифлова Мих. сювящ. О переселении сектантов жидовствующнх в Палестину (Мисс. Обозр. 1904. № 5, Стр. 530–537); 12, Боголюбова Д. Тамбовские жидовствующие (Мисс. Обозр. 1898. Май. Стр. 797–801).

[190] - Вестн. Европы. 1881. № 2. 655.

[191] - Сравн. Ливанова: Раскольники и Острожники, т. I. Стр. 362.

[192] - Полн. Собр. Зак. 1738 г. т. X. № 7612: резолюция императрицы Анны Иоановны о сожжении Возницына и Боруха.

[193] - Варадинова, Ист. мин. внутр. дел. Т. VIII. 1863. СПб. Стр. 87.

[194] - Борис Яковлев показал правдивее, говоря, что всех их обрезали евреи.

[195] - Варадинова, Ист. мин. внутр. дел. Т. VIII. 1863. СПб. Стр. 90–92.

[196] - Варадинова, Ист. мин. внутр. дел. Т. VIII. 1863. СПб. Стр. 97.

[197] - Вестник Европы, 1881, № 2, стр. 657.

[198] - Варадинова, Ист. мин. внутр. дел. Т. VIII. 1863. СПб. Стр. 99.

[199] - Варадинова, Ист. мин. внутр. дел. Т. VIII. 1863. СПб. Стр. 98.

[200] - Варадинова, Ист. мин. внутр. дел. Т. VIII. 1863. СПб. Стр. 279.

[201] - Варадинова, Ист. мин. внутр. дел. Т. VIII. 1863. СПб. Стр. 273.

[202] - Варадинова, Ист. мин. внутр. дел. Т. VIII. 1863. СПб. Стр. 624.

[203] - Срав. Христ. Чтение 1895. Ч. 1. Стр. 153.

[204] - Северн. Вестник, 1891. Отд. 2. Стр. 52.

[205] - Северн. Вестник, 1891. № 6. Стр. 53.

[206] - Там же, стр. 52.

[207] - Отечеств. Записки, 1867, Июль, кн. 1, стр. 112.

[208] - Тамбовские Ведомости, 1867, № 7. Приложение.

[209] - Северный Вестинк 1891 г. № 6, стр. 59.

[210] - Домаш. бесед. 1875, вып. 18, стр. 545; Северный Вестник 1891 г. № 6, стр. 57.

[211] - Домаш. бесед. 1875, вып. 18, стр. 545.

[212] - Северный Вестник 1891 г. № 6, стр. 57.

[213] - Ibid. Стр. 53. Подробнее – в статье В. Майнова: „Странная секта“ в Сборнике ,,Недели“ за 1812 г.

[214] - Ibid. Стр. 57.

[215] - Ibid. Стр. 53.

[216] - Домаш. бесед. 1875, вып. 18, стр. 545; Северный Вестник 1891 г. № 6, стр. 53–54.

[217] - Вестник Европы, 1881, № 2, стр. 662.

[218] - Мисс. Обозр. 1904, № 5. Стр. 533.

[219] - „Свет“ 1903 г. № 309; Мисс. Обозр. 1904. Стр. 530.

[220] - Тамбовские Епарх. Вед. 1878. № 7. Приложение; Север. Вестиик 1891. № 6. Стр. 57.

[221] - Северный Вестник 1891 г. № 6, стр. 57.

[222] - Странник, 1877, II. Стр. 184–188.

[223] - Христ. Чт. 1895. Ч. 1. Стр. 153.

[224] - Вестник Европы, 1881. № 2. Стр. 662.

[225] - Северный Вестник, 1891. № 6. Стр. 53.

[226] - Там же.

[227] - Вестник Европы, 1881. № 2. Стр. 662.

[228] - Та же.

[229] - Христианское Чтение, 1895, ч. 1, стр. 153.

[230] - Вестник Европы, 1881. № 2. Стр. 662.

[231] - Северный Вестник 1891 г. № 6. Стр. 50. Враждебно относятся они, также, и ко всем другим иноверцам. «Прыгуны

призывают гнев Божий на иудействующих за их жадность, бессердечность, за безбожную жатву». Ibid. стр. 58.

[232] - «Странная секта», в Сборнике «Недели»: «Русские общественные вопросы»; Северный Вестник 1891 г. № 6, стр. 53.

[233] - Мисс. Обозр. 1904. № 5. Стр. 533–534.

[234] - Литература: 1. Варадинова. История министерства внутренних дел. Кн. VIII СПб, 1863; 2. Ливанова Ф. В. Раскольники и острожники. Т. 1. СПб. 1868; 3. Юницкого А. прот. Сектантские гнезда на Кавказе. (Христ. Чт. 1895. Ч. I. Стр. 142–164); 4. Раскольники за Кавказом (Правосл. Собесед. 1859 г. ч. I. Стр. 432–444 и след.); 5. Отечественные Записки 1867 г., Июль. № 1; 6. Миссионерское Обозрение 1897 г. Декабрь кн. I и 1898 г. Кн. 1, Стр. 794–796; 7. Прыгуны (Церк. Вед. 1897. №№ 51, 52); 8. Секта прыгунов (Церк. Вест. 1888 . № 4); 9. Юдницкого А. свящ. Чинарские прыгуны или Чинарская церковь. (Церк. Вест. 1889. № 30).

[235] - Отечеств. Записки 1867. Июль. Кн. 1 Стр. 108.

[236] - Мисс. Обозр. 1897 г. Декабрь. Кн 1, стр. 1170–1173.

[237] - Правосл. Собеседник 1858 г. Стр. 306.

[238] - Правосл. Собеседник, 1853 г. Июнь. Стр. 306.

[239] - Там же, стр. 326.

[240] - Православ. Собесед., 1858 г. Июнь. Стр. 325.

[241] - Отечеств. Записки 1867 г. июль. Кн. 1. Стр. 108.

[242] - Срав. Варадинова. История мин. вн. дел, т. VIII, стр. 152 и след. Ливанова, «Раскольники и острожники», т. 1. СПб. 1863, стр. 111–122.

[243] - 4 Ливанова, стр. 113.

[244] - Ibid. Стр. 114.

[245] - Ibid. Стр. 115.

[246] - Ibid. Стр. 116.

[247] - Варадинова и Ливанова, стр. 116–117.

[248] - Срав. Мисс. Обозр. 1898. I. Стр. 796.

[249] - Раскольники и острожники, т. I, стр. 118–120.

[250] - Раскольники и острожники, т. I, стр. 120.

[251] - Срав. Мисс. Обозр. 1901 г. I. Стр. 660–667.

[252] - Секта «общих» (Церков. Вестн. 1888. № 34); 2. Раскольники за Кавказом. Общие (Прав. Собесед. 1859 г, ч. 1. Стр. 332–444); 3. Юницкого А., прот. Сектантские гнезда на Кавказе (Хр. Чт. 1895. ч. 1, стр. 142–164); 4. Общие (Чтения в Имп. Общ. ист. и древн. Росс. 1864. Кн. 4, Октябрь – Декабрь).

[253] - Срав. Христ. Чт. 1895 г. Ч. 1. Стр. 155; Маргаритов, стр. 55; Кутепов, стр. 39 и др.

[254] - Отец его, Акинфий Попов, выходец из Тамбовской губернии, в качестве молоканского наставника, вместе с Фроловым, распространял молоканское лжеучение еще в 1799 году по всей нынешней Саратовской губернии. Срав. Правосл. Собеседник 1858, Июнь. Стр. 72.

[255] - Ср. Отечеств. Записки 1867. Июль, п. 1. Стр. 106.

[256] - Срав. Отечеств. Записки, 1867, июль. Стр. 102–103; Максимова «За Кавказом»; Кутепов, стр. 31–32; Маргаритов, стр. 50–51.

[257] - Мисс. Обозр. 1898, 1. Стр. 666.

[258] - Литература предмета: 1. Рождественский Л. свящ. Южнорусский штундизм. СПб. 1889; 2. Ушинский А. Вероучение малорусских штундистов, разобранное на основании Св. Писания. Киев. 1886; 3. Его же. О причинах появления рационалистических учений штунды и некоторых других подобных сект и мерах против распространения учения этих сект. Киев. 1884; 4. Дородницына Алексия Южнорусский необаптизм, известный под именем штунды. (По официальным документам). 1903; 5. Троицкого Ивана. Обличение заблуждении штундизма. Киев. 1891; 6. Недзельницкого И. свящ. Штундизм, причины появления и разбор учения его. 1893; 7. Алексия еп. Опыт православного противоштундистского катехизиса. 1905; 8. Кальнева М. Немцы и штундо-баптизм. М. 1897; 9. Его же, Штундистская конференция (Мисс. Сборник 1901. № 1. Стр. 68–91); 10. Его же, Распространение атеистических и социальных, воззрений среди сектантов (Мисс. обозр., 1900. Апрель. Стр. 592–596); 11. Его же, Попытки штундистов к упорядочению своего богослужения (Штундовая литургия) Мисс. Обозр. 1899.

октябрь, стр. 553–566); 12. Его же: Состояние сектантства в Херсонской епархии и борьба с ним в 1901 году (Мисс. Обозр. 1902. VI. Стр. 1102–1119); 13. Его же: Сектантство Херсонской губернии (Мисс. Обозр. 1901. I. Стр. 849–857); 14. Буткевич Т. свящ. Штундизм и пашковщина. 1884; 15. С. П. О штунде и протестантстве в их вероучении. Одесса. 1801; 16. Стрельбицкого И. свящ., Краткий очерк штундизма и свод текстов, направленных к его обличению. Одесса. 1899; 17. Штундизм, его прошлое и настоящее, и меры для борьбы с ним (Церк. Вести. 1892. 35–36); 18. Велицына А. Немецкое завоевание на Юге России (Русс. Вест. 1890. № 1. Стр. 142–174); 19. Б-ва А. Баптизм. (Тр. К. Д. А. 1890 т. 3. Стр. 192–205; 329–343); 20. Русские рационалисты: штундисты (Вест. Евр. 1881. № 7. Стр. 295–328); 21. Воронова А. Штундизм. Очерк религиозно-бытовой жизни в Малороссии (Рус. Вест. 1884. № 3); 22. Маврицкого В. Штундисты (Прав. Обозр. 1881. т. 1. стр. 354–386; 587–600); 23. Скворцова В. М. Штундистские притязания и одесские постановления миссионерского съезда по поводу одного кассационного решения Правит. Сената (Мисс. Обозр. 1898. Ноябрь); 24. Его же. Организация штундистской миссии и протоколы одного сектантского съезда – конференции (Мисс. Обозр. 1900. Сентябрь); 25. Его же: Деяния 3-го всеросс. миссионер. съезда в Казани. 1897; 26. Кальнева М. Религиозный маскарад штундистов, по поводу министерских циркуляров о штундистах и кассационных решений Сената по их делам (Мисс. обозр. 1900, № 4); 27 Маргаритова С. История русских рационалистических и мистических сект, Кишинев. 1902; 28.. Кутепова И. прот. Краткая история и вероучение русских рационалистических и мистических ересей. Новочеркасск. 1907; 29. Велтистова К. свящ. Баптизм, как секта. (Мисс. Обозр. 1901. Январь); 30. Его же. Немецкий баптизм в России (Мисс. Обозр. 1902. Январь); 31. Его же. Лютеранский служебник у штундистов (Мисс. Обозр. 1899. Октябрь); 32. Оболенского Д. Критический разбор вероисповеданий русских сектантов-рационалистов. Казань. 1908; 33. Южного А. На днепровских порогах и два дня у штундистов (Вест. Евр. 1881. № 7); 34. Петрушевского П. О штундизме. Условия его происхождения и развития, и меры

потребные Православной Церкви для борьбы с ним (Тр. К. Д. А. 1884. ч. 1); 35. Старынкевича К. Религиозное движение на Юге России (Слово, 1880. № 6 и 8); 36. Николаевского О. Ф. прот. К истории русского сектантства. Конференция баптистов южной России и Кавказа (Стран. 1892, т. III); 37. Липранди А. П. Из юго-западного края. Немцы и штунда (Рус. Обозр. 1895. № 9); 38. Дородницына А. Я. Немецкие миссионеры необаптизма, известного под именем штунда на юге России (Чт. в Общ. любит. дух. просвещ. 1893. 1 полуг. 1 отд.); 39 Петрова Н. И. Новые сведения о штундизме (Тр. К. Д. А. 1887 т. I.); 40. Заметки о происхождении и развитии штундизма (Руков. для с. паст. 1876 т. 1); 41. Сведения о движении южнорусского сектантства в последние годы. (Тр. К. Д. А. 1886. т. 3.); 42. К характеристике современного штундизма (Церк. Вест, 1903. № 11); 43. Ремезова М. О штундизме (Церк. Вест. 1891. №26); 44. Брояковского С. свящ. Несколько слов о штундизме и о мерах против него (Церк. вест. 1889. № 37); 45. Три документа и несколько слов по вопросу об общественных богомолениях штундовой секты (Мисс. Обозр. 1890. Май); 46. К вопросу о происхождении штундизма в России и мерах для борьбы с ним (Цер. Вести. 1891. № 25); 47. Кутепова Н. Современная бапитистическая, штундистская и молоканская пропаганда на юге России (Церк. Вед. 1888. №№ 7, 13); 48. Характеристика религиозно-нравственного состояния штундо-баптизма в Херсонской епархии (Мисс. Обозр. 1897. Июль); 49. Немецкий пастор о русском штундизме (Мисс. Обозр. 1897. Июль); 50. Макаровского и Добромыслова; 3-й всерос. Миссион. Съезд в Казани. 1898; 51. Андреева. Д. Штунда в Рязанской губернии (С переложением на ноты сектантских богослужебных песен: Мисс. Обозр. 1899. Март); 52. Козицкого П.А. Можно ли штундизм отождествлять с баптизмом? (Мисс. Обозр. 1990. II. Стр. 196–219); 53. Его же: Южнорусский штундизм (Прав. Обозр. 1891. № 3); 54. Лебединцева П. Г. прот. Штунда или баптизм в Киевской губернии (Киев. Стар. 1885 г. № 3); 55. Корчинского Хр. В. Киевская секта – штундизм или баптизм? Киев. 1899. 56. Грацианского. Д. Из миссионерской переписки (Мисс. Обозр. 1907. № 10); 57. Богдановича Саввы, свящ. Миссионерское

посещение штундистов (Мисс. Обозр. 1907. № 10); 58. Савченка Ивана. Штундистская закваска (Мисс. Обозр. 1907. № 10); 59. Троицкого С. В каком отношении учение русского штундизма находится к немецкому протестантизму? (Мисс. Обозр. 1905. № 1); 60. Белгарского Н. Почему южнорусский штундизм нельзя признать одною сектою с баптизмом? (Мисс. Обозр. 1900. Ноябрь); 61. Изуверство штундистов (Мисс. Обозр. 1900. Стр. 654–655); 62. Слюсарева Д. свящ. Ученый французский невера и русский отщепенец– штундист (Мисс. Обозр. 1900. 1. стр. 560–571); 63. Миссионер на штундо-баптистическом собрании (Мисс. Обозр. 1904. № 14); 64. Бывший штундистский епископ; 65. Дородницына А. Л. Записка Высокопреосвященного Никанора о штундизме и о мерах борьбы с сектою (Мисс. Обозр. 1899. Январь); 66. Его же: Несколько слов о вреде штунды в церковном и общественно-государственном отношениях (Мисс. Обозр, 1898. 1. стр. 404–407); 67. Смолова Ивана Киевские собеседования со штундистами (Мисс. Обозр. 1899. Апрель); 68. Скарятина Н. Об отцах и детях южнорусского штундизма (Мисс. Обозр. 1902. 1, стр. 113–118); 69. Потехина О. свящ. Ревнитель Православия и штундисты (Мисс. Обозр. 1902. III. Стр. 517–531); 70. Грацианского Д. На штундо-баптистическом собрании (Мисс. Обозр. 1902. VI); 71. Итого суждений о штундизме на Орловском епарх. мисс. съезде (Мисс. Обозр. 1902. IX); 72. Н. Б. Страничка из истории возникновения штунды в Сквирском уезде Киев. губ. (Мисс. Обозр. 1902 XII); 73. Орлова А. Общий взгляд на состояние рационалистического сектантства (Мисс. Обозр. 1901. I. Стр. 412–421); 74. Склабовского Д. прот. Подробный разбор и опровержение учения штундистов. II, 1806; 75. Боголюбова Л. На моленьи у штундо-баптистов (Мисс. Обозр. 1897. I. стр. 151–152); 76. Порфирий архим. Почему штунда признается особо вредною сектою? (Мисс. Обозр. 1897. 1. стр. 455–474); 77. Чистосердечная повесть крестьянина-штундиста о своих заграничных похождениях и душевных мучениях (Мисс. Обозр. 1898, I стр. 98–147); 78. Киевская администрация о борьбе с штундистами за 8 лет (Мисс. Обозр. 1893. 1 стр. 154–168); 79. В потаенных местах на штундовом сонмище… (Мисс. Обозр.

1898, 1. Стр. 291–296); 80. Из письма ссыльных штундистов (Мисс. Обозр. 1898. 1. стр. 326–327); 81. Савченко С. Чистосердечная исповедь раскаявшегося штундиста (Мисс. Обозр. 1898. I. стр. 453–403; и др.

[259] - Срав. Церков. Вест. 1880. № 47.

[260] - Kvang. Strömungen in der Russ. Kirche der Gogenwant, Heilbronn. 1881.

[261] - Срав. Церк. Вест. 1882. № 43.

[262] - Срав Мисс. Обозр. 1904, № 19. Стр. 1317–1322.

[263] - «Вероучение русских евангелических христиан-баптистов». Издание русских баптистов. Ростов-на-Дону. 1906. Кроме этого, свое вероучение штундо-баптисты изложили в своем катехизисе, в «Кратком вероучении христиан евангалического исповедания, приемлющих водное крещение по вере» (так называемых, баптистов), в «Правилах вероисповедания новообращенного русского братства» и др.

[264] - Напев этой песни см. в Мисс. Обозр. 1899. Март. Стр. 346–347.

[265] - Моск. Церк. Вед. 1885; у Троицкого «Обличение заблуждений штундизма»... стр. 64–66; Срав. Рождественского «Южно-русский штундизм», стр. 254–261.

[266] - В Ростове на Дону, 1906 г.

[267] - Подробно об этом сказано нами в брошюре «О крещении младенцев». Харьков, 1009.

[268] - Литература: 1. Терлечкого Г. И. Секта пашковцев СПб. 1891; 2. Скворцова Д. Пашковцы в Тверской губернии. Тверь. 1893; 3. Сущность учения Пашкова, изложенное им самим (Церк. Вест. 1880. № 19); 4. Янышева И., прот., Религиозные мнения Пашкова (Церк. Вест. 1880. №№ 11 и 13); 5. Случайная встреча моя и беседа с Пашковым (Мисс. обозр. 1896. Январь. Кн. 1. стр. 76–78); 6. Глебова Полковник Пашков (Мисс. Обозр. 1904. № 1); 7. Его же. К 30-летию пашковщины (Мисс. Обозр. 1898. № 4); 8. Варжанского, Пашковство (Мисс. Обозр. 1907. № 11); 9. П. В. Г-ва Две беседы православного мирянина-простеца с пашковцем (Мисс. Обозр. 1900. Октябрь); 10. Кальнева М. Пашковцы в г. Николаеве (Мисс. Обозр. 1900. Апрель); 11.

Сахарова В. прот. Пашковцы, их лжеучение и опровержение его. Орел. 1897 г.; 12. Секта пашковцев и разговор православного с пашковцем. Спб. 1895; 13. Пашковщина и штундизм (Мисс. Обозр. 1897. стр. 797–806); 14. Буткевича Т. И. Штундизм и пашковщина. Харьков 1884; 15. Деинской Агнии Беседа двух пашковцев о том, могут ли иметь грехи избранные дети Божии – духовные христиане? (Мисс. Обозр. 1839. Декабрь); 16. Ее же: На призывном экстренном собрании у столичных пашковцев (Мисс. Обозр. 1899. Февраль); 17. Ее-же. На новом призывном собрании у столичных пашковцев (Мисс. Обозр. 1899. Апрель); 18. Ее же: На богомоленном собрании у столичных пашковцев (Мисс. обозр. 1900. Январь); 19. Ее же: Крещение у столичных пашковцев (Мисс. Обозр. 1902. 1. стр. 294–302; 909–913); 20. Ее же. Из моей келейной полемики со столичными пашковцами (Мисс. Обозр. 1907. 11 стр. 491–499); 21. Ее же: На пробном экзамене у патронессы-пашковистки (Мисс. Обозр. 1901. I стр. 220–295); 22. Алфеева П. прот. Новый способ распространения лжеучения пашковцев (Мисс. Обозр. 1897. № 53); 23. Сахарова П. Пашковец (Богосл. Вест. 1892. № 4); 24. Рассказ нововера (Богосл. Вест. 1893. № 3); 25. Новый завет у пашковцев (Церк. Вед. 1897. № 51–52); 26. Скворцов В. М. Деяния 3-го всеросс. мисс. съезда в Казани. 1897; 27. Макаревского и Добромыслова: 3-й всеросс. мисс. съезд в г. Казани. Рязань 1898.

[269] - Церковно-Общестн. Вестник, 1874 г. № 38: Терлецкий «Секта пашковцев. СПб. 1891. Стр. 12–13.

[270] - Церковно-Обществ. Вести. 1874. № 30.

[271] - Мисс. Обозр. 1904. 1, стр. 81.

[272] - Срав. Мисс. Обоз. 1902. I. Стр. 605.

[273] - Мисс. Обоз. 1904. № 2. Стр. 204.

[274] - Мисс. Обоз. 1908. № 4. Стр. 615.

[275] - Факты в «открытых письмах» Богдановича и у Терлецкого, стр. 65.

[276] - Церков. Вести. 1880, № 19, стр. 4–5.

[277] - Литература: 1.Потехина С. Мистическая штунда: Малеванный и малеванные (Мисс. Обозр. 1900. II. стр. 234–249;

502–514); 2. Усиление малеванщины и психопатизма в штунде (Мисс. Обозр. 1900. II. Стр. 288–290); 3. Белогорского Н. Кто такой Моисей Тодосиенко, вдохновитель павловских сектантов на буйство и разгром церкви? (Мисс. Обозр. 1901. II. Стр. 870–874); 4. Православного: Современные малеванцы (Мисс. Обозр. 1905. №№ 14, 15; 5. Его же: Новая штундо-малеванная община (Мисс. Обозр. 1907. № 5); 6. И. С. Малеванская «огненная» пропаганда (Мисс. Обозр. 1904. № 11); 7. Топачевского Д. свящ. Подвиги малеванцев (Мисс. Обозр. 1902. II. Стр. 542–543; 8. Белогорского Н. Секта малеванцев (Мисс. Обозр. 1908. №№ 1 и 2); 9. Глядновского С. свящ. Новый очаг малеванщины (Мисс. обозр. 1904. № 13, Стр. 418–419).

[278] - Мисс. Обозр. 1908 № 1. стр. 73.

[279] - Мисс. обозр. 1903. № 1. Стр. 77.

[280] - Подробное об этом, в Мисс. Обозр. 1900 г. II, Стр. 270–290.

[281] - Срав. Мисс. Обозр. 1901. II. Стр. 871.

[282] - Ibid. Стр. 487.

[283] - Мисс. Обозр. 1900. II. Стр. 508.

[284] - Мисс. Обозр. 1904. № 13. Стр. 419.

[285] - Мисс. Обозр. 1908. № 1. Стр. 75–76.

[286] - Мисс. Обозр. 1904. II. Стр. 95.

[287] - Эта бессмысленная молитва полностью помещена в Мисс. Обозр. 1905. № 14–15, стр. 686.

[288] - Литература: 1. Ивановского Н. проф., До чего дошли уральские сектанты Иеговисты? (Мисс. Обозр. 1900. II стр. 262–264); 2. Добротина Г. Сионская весть и секта иеговистов (Мисс. Обозр. 1905. № 10, 14–15); 3. Е. Брожение среди уральских иеговистов. (Мисс. Обозр. 1905. № 14–15); 4. Н. Г. К истории иеговистской секты (Мисс. Обозр. 1905. № 7–8); 5. Ивановского Н. О секте «Общество десных» или Сионской вести (Мисс. Обозр. 1899. Январь и апрель); 6. Секта иеговистов или Сионская весть (Мисс. Обозр. 1898. I. Стр. 257–260); 7. Ивановского Н. проф. Уральские иеговисты (Мисс. Обозр. 1901, II. Стр. 14–28; 200–216); 8. Максимова А. свящ. Капитан Ильин и его последователи (Перм. Епарх. Вед. 1867. № 24); 9.

Вишнякова Н. Секта Десного Братства или «Сионская весть» (Прав. Обозр. 1867, июнь); 10. Ивановского М. проф. Материалы для характеристики секты известной под именем «Сионская весть» Прав. Собесед. 1876. 7. 2. Стр. 96 – 112); 11. Красовского свящ. Секта Сионская весть или секта Десного Братства (Странник 1897 т. 1. Стр. 69–78; 273–280); 12. Ивановского Н. Поездка к уральским иеговистам (Мисс. Обозр. 1900. вып. 1); 13. Сушкова свящ. Секта иеговистов или иудействующих субботников (Мисс. Обозр. 1900. Декабрь); 14. Секта Сионская весть (Церк. вест. 1888, № 22).

289 - Срав. Странник 1897. I, Стр. 71.

290 - Мисс. Обозр. 1899. Январь. Стр. 26.

291 - Литература: 1. Адвентисты на Кавказе (Мисс. Обозр. 1901. II. Стр. 648); 2. Дородницина А. Секта Адвентистов (Мисс. Обозр. 1897. 1. Стр. 648–657); 3. Петрушевского П. Вопрос о субботе и воскресном дне на западе и значение Св. Предания и авторитета церкви в решении сего вопроса (Мисс. Обозр. 1898. I. стр. 549–560; 986–1008); 4. Айвазова И. Беседы с адвентистами седьмого – субботнего дня о субботе и воскресном дне (Мисс. Обозр. 1904. №№ 6, 12, 13 и 14); 5. Его же: Состояние сектантства и раскола, и деятельность православной церкви в Екатеринославской епархии за 1909 г. (Мисс. Обозр. № 12); 6. Белогорского Н. Субботство сектантов – адвентистов (Мисс. Обозр. 1907. №№ 11 и 12); 7. Варжанского Н. Адвентизм седьмого дня (Мисс. Обозр. 1908. №№ 2 и 3); 8. Айвазова И. О субботе и воскресном дне (Мисс. Обозр. 1909. № 1); 9. Секта адвентистов седьмого дня и малеванское движение в штунде (Мисс. Обозр. 1896. Январь); 10. Секта адвентистов седьмого дня (Церков. Вед. 1828. № 41).

292 - Срав. Мисс. Обозр. 1898. № 1. Стр. 212.

293 - Срав. Мисс. Обозр. 1898. № 2, Стр. 210.

294 - Наиболее распространенными брошюрами адвентистов, изданными «Международным Трактатным Обществом» (в Гамбурге) являются следующие: 1. «Библейский Указатель ложнейших учений о вере» (1905 г.); 2. «Блаженное упование христианина» (1904); 3. Закон и Евангелие или Закон

во Христе» (1908); 4. «Полная вера» (1905); 5. «Второе прошествие Христа» (1907); 6. «Суббота Нового Завета» (1907); 7. «Состояние мертвых» (1907); 8. «Путь во Святой Град, указанный Даниилом» (1908); 9. «Какой день празднуешь ты и почему?».

[295] - Маслина, 1905 г., апрель, стр. 24; Мисс. Обозр. 1908 г. № 2. Стр. 214.